

РИНА ШАБАНОВА
НАПЕРЕГОНКИ
С ТЕМНОТОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рина Шабанова

Наперегонки с темнотой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68440594

SelfPub; 2022

Аннотация

Джону Уилсону не везет с самого детства – сначала сложные отношения с родителями, потом беспокойная юность и проблемы с законом, во взрослом возрасте утрата жены и алкогольная зависимость, но найдя в себе силы справиться с перенесенными потрясениями, он пробует все выстроить заново. Ведя довольно скучное существование, он живет в маленьком провинциальном городке, работает в авторемонтной мастерской, в одиночку воспитывает десятилетнюю дочь. Казалось бы, его жизнь только наладилась, как судьба делает очередной головокружительный поворот. Все меняет ночь, когда ему повстречались «они»...

Рина Шабанова

Наперегонки с темнотой

Часть 1

Глава 1

Ночь выдалась теплой и светлой. Полная луна светила откуда-то сверху, и я пялился на нее, не замечая, что сигарета в моих пальцах истлела почти до фильтра. В этот поздний час она так низко нависала над землей, что ее размеры казались невероятно огромными, а ярко-оранжевый цвет настолько насыщенным, будто это и не луна была вовсе, а полуденное солнце по ошибке вскарабкавшееся на темный небосклон. Никогда еще я не видел такой луны.

Время от времени мой взгляд ненадолго соскальзывал вниз, но уже через пару мгновений сам собой вновь обращался кверху, буквально примагниченный ее мягким сиянием. Одним словом, это была одна из тех редких ночей, когда светящийся над головой шар вызывает живой интерес, заставляя рассматривать кратеры на его поверхности и размышлять об устройстве вселенной.

Будучи подростком я часто воображал, что где-то там, на невидимой с Земли стороне, в темных провалах пещер или среди пыльных камней вулканических плато скрывается нечто неизведанное. Нечто, что человечеству еще предстоит открыть и изучить. Тогда я увлекался просмотром на-

учно-популярных передач о космосе, полетах и высадках на Луну, марсоходах, запусках спутников к Венере и другим, более далеким планетам. Я предвкушал, что совсем скоро на одной из них отыщется иная форма жизни и пытался представить, какой она будет.

Теперь я об этом не думаю. Меня больше не интересует космос и все, что с ним связано. Честно говоря, в последнее время меня вообще мало что интересует – приходится заботиться о более прозаичных вещах. Странно, что сейчас я об этом вспомнил.

– О, кажется, еще одна! – послышался сбоку довольный возглас Роба Холдера. – Ну точно, клюет...

Он отвлек меня от мыслей о космических далях, я наконец опустил голову и только теперь почувствовал, как затекла шея. Роб тем временем весь подался вперед. Сосредоточив внимание на слегка подрагивающем поплавке, он потирал от нетерпения руки и готовился уже схватиться за удочку, как поплавок вдруг замер. Словно поддразнивая, напоследок он еще раз еле заметно дернулся, после чего продолжил плавно покачиваться над водой.

– Вот же хитрая сволочь! – сплюнув под ноги, с досадой выругался он.

С обиженным сопением он принялся наматывать леску на катушку, а я, усмехнувшись с его насупленного вида, затушил ботинком окурок и повертел затекшей шеей, стряхивая гипнотическое оцепенение, навеянное мыслями от долгого

созерцания луны. Учитывая, что в садке у Роба уже плескалась пара довольно крупных судаков, в то время как мой все еще пустовал, недовольство его выглядело забавным. Но рыба в реке сегодня действительно была подозрительна, будто знала зачем мы приехали.

Последние лет восемь мы часто сюда приезжаем. Всего тридцать километров от города и в нашем полном распоряжении река, крепко стиснутая с обеих сторон широкой полосой песчаного берега. Сразу за ним глухой стеной поднимается лиственный лес, стерегущий от посторонних глаз удобную заводь, где обычно мы ставим палатки. Места тут рыбные, безлюдные, а потому давно мы считаем их своими.

Здесь хорошо. Тихо, спокойно, я бы даже сказал безмятежно. Да, пожалуй, это слово подходит больше всего. Не то чтобы моя жизнь требовала покоя или безмятежности, напротив – она до зубодробительности скучна, но в этих местах на меня всегда накатывает какая-то особенная расслабленность и умиротворение. Вот и сейчас я испытывал именно их.

Сонно наблюдая за крадущимся на запад потоком, я подавил зевок и закурил новую сигарету. Большой ленивой змеей река неспешно ползла вдаль, извивалась, петляла до самого горизонта. Гладкое русло подсвечивал лишь призрачный свет зависшего в небе спутника, в воздухе тянуло сладковатым запахом тины и сорной травы. Вокруг стояла практически полная тишина.

Нам с Робом не требуется вести долгих разговоров – мы знакомы столько лет, что достаточно взгляда или короткой фразы, чтобы понять друг друга, а потому безмолвие наше нарушала лишь трескотня ночных насекомых, невнятный шелест листвы, да плеск воды о берег. Пока я в ленивой задумчивости дымил сигаретой, он вернул крючок в реку и с прежней пристальностью уставился на поплавок. Терри была в палатке. Терри – это моя дочь, ей десять.

Погруженные каждый в свои мысли еще долго мы просидели в безмолвии, как вдруг его нарушил внезапный шум. Он заставил меня резко поднять голову и прислушаться. Раздался шум метрах в пятиста от места нашей стоянки и таил в себе нечто неясное, вызывающее любопытство и вместе с тем настороженность. Слух отчетливо различал громкие всплески воды, какую-то возню и еще что-то, что мне никак не удавалось определить.

– Это что за?.. Ты тоже слышишь? – спросил я.

Вопрос прозвучал глупо – Роб явно слышал то же самое.

– Еноты, скорее всего, – после недолгого молчания предположил он. Еще подумав, прибавил: – Или лисы. Для рыбы слишком громко.

– Вряд ли. Судя по звукам, это что-то крупное.

– Олень? – сделал он следующее предположение, но видно и сам не очень-то в него верил. В голосе у него определенно проступало сомнение.

– Откуда бы он взялся? Оленей тут нет уже лет пятна-

дцать.

– Ну, может, вернулись. Пошли глянем...

Не мешкая, он поднялся на ноги и направился к убегающей в лес узкой тропе. Мне ничего не оставалось, кроме как взять свое ружье и последовать за ним, однако далеко уйти я не успел.

– Пап, вы куда? – окликнул меня сонный голос.

Обернувшись, я едва не зашелся от смеха. Из прорези палатки на меня таранилась растрепанная светловолосая голова. Бледное в лунном свете лицо расплывалось неясным пятном, на котором выделялся только узкий рот и большие глаза. От падающей на них тени те казались огромными, что придавало голове сходства с выглядывающей из гнезда взъерошенной птицей.

– Ты почему не спишь? – подавив смешок, спросил я.

– Вы куда?

Прозвучавший вопрос голова демонстративно проигнорировала, но я все же ответил:

– Дальше по берегу какой-то шум. Идем проверить. Роб думает, что это олень.

– Я с вами! – в спешке выпалила Терри (а это, конечно, была она) и засуетилась, явно намереваясь выбраться из уютных стен своего гнездовья.

– Нет! Оставайся в палатке и не высывайся, пока мы не вернемся. Поняла, Терри? В палатке!

Нарочно сделав упор на последней фразе, я поспешил

вслед за Робом. Звуки не прекращались. Напротив, по мере нашего приближения они становились все отчетливей. Теперь к плеску воды добавились повизгивания и хрипы, непохожие ни на одного известного мне зверя. У меня не осталось сомнений, что издает их живое существо, но я терялся в догадках о том, кто бы это мог быть.

– Что-то это мало похоже на оленя, Роб, – прошептал я.

– Заткнись, а то спугнем, – шикнул он, но тут же сам возбужденно зашептал: – Надо же, как назло не взял с собой ружья.

В Робе проснулся инстинкт охотника. Ступая по тропе мягкой, бесшумной поступью, он шел, не задевая сухих веток у себя под ногами, огибал островки скрипучего гравия, ловко лавировал между кое-где растущими пучками высушенной за лето пахучей травы. Я шел так же. Мы оба знаем толк в охоте, как и любой мужчина, живущий в наших краях, вот только очевидно, что долетающие к нам хрипы и визги не принадлежат койоту, лисице или зайцу, на которых мы привыкли охотиться.

Все прояснилось в тот момент, когда тропа круто свернула вправо. Резко оборвавшись, она привела нас к занавешенному увесистыми кронами обширному лоскуту пляжа, где мы оба остановились как вкопанные.

– Какого черта? – вырвалось у меня.

Перед глазами разворачивалось любопытное зрелище. Эти самые звуки, природу которых я пытался и не мог раз-

гадать, издавали два человека. Приглядевшись, я рассмотрел, что оба они мужского пола, однако оторопь вызывало не столько их присутствие, хотя совсем недавно мы были уверены, что, кроме нас, здесь нет ни души. Их поведение не поддавалось никакому логическому объяснению.

Один из мужчин стоял по пояс в реке и задрал лицо к небу, бесцельно бил ладонями об воду, тогда как второй, озираясь по сторонам, топтался у самого берега. Из их горла вырывалось взвизгивание, переходящее в хрип и странное бульканье. Оно напоминало чавканье засорившейся водосточной трубы и никак не вязалось с тем, что мы видели перед собой.

Затаившись в тени деревьев, с минуту мы молча наблюдали за их действиями. Я пытался понять, кто они и как сюда попали, а Роб, склонив голову набок, с интересом разглядывал их ужимки и о чем-то размышлял.

– Похоже, эти ребята здорово обдолбались, – наконец тихо проронил он.

– Если так, то их неплохо зацепило, – усмехнулся я и прежде, чем успел добавить что-либо еще, услышал, как он крикнул:

– Эй, парни! У вас все в порядке? Какого черта вы здесь делаете?

Выйдя из тени, он неспеша направился к ним. Мне вдруг захотелось его остановить, но почему-то я этого не сделал. Все реакции мозга словно замедлились, и лишь глаза продолжали отмечать чудаковатое поведение непонятно откуда

взявшейся парочки. Эти двое сюда как с неба свалились.

Увидев Роба, на секунду они замерли, но потом развернулись и в гробовом молчании устремились к нам. Еще не понимая в чем дело, я инстинктивно почувствовал – с ними явно что-то не так. В блеклом свете луны выражения их лиц были неразличимы и все же то, что я видел, мне совсем не нравилось.

Они шли вихлястой походкой, переставляя ноги так, точно преодолевали невидимое сопротивление, при этом не то улыбались, не то скалились, а во всех их движениях сквозила необъяснимая агрессия. И чем ближе они подходили, тем больше меня это настораживало.

– Парни, что вы тут делаете? – повторно крикнул им Роб.

Остановившись в пяти шагах от меня, он ждал их приближения. Ответом ему послужили все те же необычные хрипы и взвизги.

– Роб, иди сюда, – тихо, но настойчиво позвал я, однако он будто не слышал.

Меня все сильнее охватывало ощущение неясной опасности. Повинуясь ему, я поднял ружье к плечу, а Роб сделал еще два шага вперед, но затем резко остановился, включил фонарь и тусклым лучом осветил их лица. В то же мгновение он заорал:

– Стреляй!

Этот неожиданный крик привел меня в замешательство. Всегда я был убежден, что в случае угрозы выстрелю без раз-

думий, а сейчас вдруг осознал, что мне страшно. Страшно выстрелить в живого человека. Оружия у них не было, но их лица я тоже видел.

– Еще шаг и я буду стрелять! – убеждая в сказанном прежде всего себя, громко сказал я.

Слова не произвели никакого эффекта. Казалось, те двое даже не услышали моего предупреждения. Тот, что ранее плескался в реке, немного отставал, другой же, хромя и подергиваясь всем телом, неумолимо двигался прямо на нас.

С виду он был не очень высок, но телосложение имел крепкое, даже несколько тучное. Короткие мускулистые ноги облачали обычные темные штаны, а мешковатая спортивная куртка, надетая на голое тело, не скрывала внушительных объемов его грудной клетки. Когда он подошел еще ближе, я с ошеломлением разглядел безумную ухмылку на его искаженном лице и горящие ненавистью глаза. Сомнений не осталось – он шел не поздороваться.

– Стоять, суки! Чего вам нужно? – вновь крикнул я.

И опять никакого ответа. Я выстрелил в воздух, но и это не дало результата. Выстрел прозвучал оглушающе, однако парень по-прежнему шел к нам, а я целился в него и выкрикивал предупреждения в надежде остановить. Тщетно. Похоже, он намеренно игнорировал мои выкрики.

– Стреляй, дьявол тебя возьми! – завопил Роб.

Вооружившись подобранной с песка толстой корягой, он медленно отступал назад.

– У меня остался всего один заряд, – нервно сглотнув, просипел я.

– Ты чертов придурок, Джон! Какого хрена ты палил в воздух?

Я не ответил. Да и каков мог быть ответ? Вместо того я дернул затвор и выстрелил вновь.

Вызвав легкую боль, ружье огрызнулось отдачей в плечо. Ноздри заполнил запах раскаленной картечи, в горле запершило, а уже в следующий миг до меня дошло, какой я идиот. Я промахнулся. Заряд пролетел между левым боком и рукой парня, но тот даже не дернулся.

Хаотично соображая, что предпринять, я попятился назад, как вдруг зацепился взглядом за чье-то крадущееся движение. Оно просквозило всего в нескольких метрах от меня – слева, за деревьями. Затылок обдало холодом, но в ту же секунду в висок ударилась смутная догадка: «Терри? Кажется, она... Да, точно она!»

В сером сумраке леса я распознал ее ярко-желтую ветровку, но размышлять, что она здесь делает, было некогда. Озверевший ублюдок с неумолимостью одержимого психопата продолжал идти на меня, так что теперь все зависело только от быстроты моих реакций и силы ударов.

– Терри, патроны! – закричал я. – Они в палатке! Бегом!

Убедившись, что она со всех ног бросилась к стоянке, я поискал глазами Роба. Сцепившись у самого берега, он боролся со вторым нападавшим. Оттуда слышался его лающий

смех, прерываемый все тем же взвизгиванием и мерзким бульканьем. Разглядывать подробности их схватки я не стал, но успел подумать, что даже не заметил, каким образом Роб очутился так далеко.

Происходящее казалось безумием. Разыгрывающиеся передо мной события походили на фантасмагорический сон или скорее на постановку дурно написанной пьесы. Я точно угодил на подмостки дешевого ярмарочного театра, где мне была уготована некая важная роль, вот только и слова ее, и смысл оставались за гранью моего понимания. В то же время до сознания наконец дошло, что эти двое не обдолбавшиеся наркоманы или перебравшие с алкоголем рыбаки – дело, по всей вероятности, обстоит гораздо хуже. Теперь мне стало по-настоящему жутко.

Между тем атакующий был уже совсем близко. Обуздав сковавшую движения панику, я перестал пятиться, перехватил ружье дулом вниз и сам шагнул к нему. Со всего маху я стукнул его прикладом в висок. Послышался гулкий удар, он пошатнулся, но к моему ужасу тотчас же выпрямился, вытянул вперед обе руки и как ни в чем не бывало вновь пошел на меня.

От такого удара любой живой человек свалился бы с ног, но на него он не подействовал. То ли от изумления, то ли от злости я бросился к нему и нанес целую серию новых ударов. Вкладывая в них всю имеющуюся в руках силу, я молотил по его черепу до тех пор, пока не сшиб с ног. Страх прошел.

«Только бы Терри принесла патроны!» – вот все, о чем я думал в этот момент.

Как только он рухнул на землю, я рванул к Робу. Ему тоже удалось повалить своего противника и теперь тот сидел в неестественно скрюченной позе у самой воды, не переставая при этом скалиться и смеяться. Подбегая, я видел его перекошенное дикой ухмылкой лицо, наполненные злобой глаза, болезненную худобу и взлохмаченные рыжие волосы. Почему-то я был полон уверенности, что они именно рыжего цвета.

Не теряя времени, я сходу ударил его прикладом в лицо. Затем еще и еще, но после каждого удара его запрокидывающаяся голова поднималась вверх. Кривящийся рот оглашал ночь истерически визгливым хохотом, я же, вопя от напряжения и ужаса, с остервенением бил по этому лицу, глядел на эту безумную ухмылку, жуткие глаза и не мог взять в толк, как заткнуть сидящую передо мной тварь.

В какой-то момент я окончательно потерял над собой контроль и очнулся только после того, как Роб дернул меня за руку. Орудя прикладом, я не заметил возвращения Терри и лишь его окрик заставил меня прийти в себя. Тяжело дыша, он протягивал мне горсть патронов.

Велев дочери возвращаться к палатке и теперь уж точно не высовываться до нашего возвращения, я схватил их и торопливо перезарядил ружье. Терри любит спорить, но, вероятно, сейчас мой вид не располагал к дискуссиям, потому

как без единого возражения она подчинилась. Проводив ее взглядом, я развернулся к пытающемуся подняться рыжему ублюдку и, не говоря ни слова, нажал на курок. Схлопотав выстрел в упор, он навзничь повалился в песок.

Облегченно выдохнув, я навел ствол на второго. Тот уже отошел от моих ударов и был совсем рядом. Он не бежал и, более того, казалось, никуда не торопился – просто шел медленной хромающей походкой, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник большого метронома.

Мы с Робом переглянулись. Ни он, ни я не понимали, что происходит и кто эти твари, но в этот раз я выстрелил в него без раздумий. Как в замедленной съемке я увидел, что заряд угодил ему прямо в живот. Видел, как он дернулся. И видел, как продолжил идти.

Не веря в происходящее и ни черта не понимая, я смотрел на него во все глаза, как за моей спиной возобновился тот омерзительный лающий смех. В этот момент я понял, что значит выражение: «От ужаса волосы встают дыбом», – потому что испытал именно его. По всему телу заструился липкий пот, а в ноги вместо мышц будто вставили мягкий поролон. Мозг пронзила дикая догадка: *ИХ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ!*

Вконец обезумев, я бросил ружье Робу, достал из кармана складной охотничий нож, повалил в песок скалящуюся у моих ног тварь и принялся наносить ей удары в спину. Лезвие входило в ее тощее тело, как в арахисовое масло, чувствовался отвратительный запах, но крови не было...

Глава 2

Я все еще с остервенением орудовал ножом, когда темноту распорол пронзительный визг. Услышав его, я мгновенно замер. Сердце ухнуло где-то в глубине грудной полости, несколько раз будто споткнулось, а затем заколотилось неровными толчками. Это был визг Терри – я узнал бы его из тысячи других.

Бросив нежелающую подышать тварь, я вырвал ружье из рук Роба, оббежал тянущегося ко мне второго ублюдка и ринулся к палатке. Перед глазами мельтешила только узкая полоска тропы, и я мчался по ней, с шумом выплевывая воздух из легких. Меня подгонял страх, что могу не успеть, а вместе с ним ослепляющая все ярость. Роб бежал следом.

Зовя меня, Терри кричала еще трижды – потом ее голос затих. Боясь предположить самое страшное, я ускорял бег до невысказанных пределов, окликал ее по имени, убеждал себя, что успею, но ужас происходящего все крепче сжимал мне горло. Думать о том, кем являются напавшие на нас, больше было некогда. Да и вряд ли я думал хоть о чем-нибудь в эти полторы минуты.

Мысли сократились до импульсов, до сгустка пульсирующих в мозгу нервных окончаний, посылающих телу лишь один сигнал – бежать. Бежать, что есть сил. И я бежал, пока не вылетел к месту стоянки, где в первое мгновение остановился с разинутым от представшей передо мной сцены ртом.

Лесная поляна в скудном освещении луны почти не про-

смастривалась, но взгляд сразу же нашел Терри – всем телом она вжималась в дерево у палатки. Внимание ее было приковано к огромному, под два метра ростом верзиле. Он издавал те же вызывающие недоумение звуки и находился уже совсем близко, а она стояла, боясь шелохнуться.

– Терри, беги! – заорал я, но она не пошевелилась.

Ее словно парализовало. Больше она не кричала и, казалось, даже перестала дышать. На худом лице жили только глаза, а в них замер всепоглощающий ужас.

Подонки, неспешным шагом надвигающийся на мою дочь, оказался негром с массивной, как каменная глыба спиной. Над ней возвышалась несоразмерная с его ростом и весом маленькая, будто сплюснутая с двух сторон голова. На теле этого гиганта она выглядела как чужеродный нарост и издали напоминала ссохшийся, прогнивший от плесени плод.

Мне хватило мимолетного взгляда, чтобы оценить его мощь и понять, что не справлюсь с ним в ближнем бою. Вес гиганта явно превышал центнер, а тело бугрилось от необычайно развитых, точно из стали выплавленных мышц. Как и те двое, он был безоружен, однако сила его могучих рук, ощущавшаяся даже с разделяющего нас расстояния, не оставляла сомнений, что при случае они заменят ему любое боевое оружие.

Мои шансы против него равнялись нулю. Назвать себя слабаком я не мог, но уложить такого бугая мне однозначно будет не по зубам. На осмысление и принятие этого факта у

меня ушла пара долгих секунд, вслед за чем я очнулся и во все глотку завопил:

– Отойди от нее, мразь!

Отреагировав на мой окрик лишь слабым поворотом головы, негр сделал следующий шаг, а я с содроганием осознал, что мне нипочем не опередить его. Он находился слишком далеко и что бы я не предпринял, доберется к Терри раньше, чем я подспею на помощь. Все же наперекор неизбежному я побежал, стреляя на ходу в воздух.

Боясь зацепить дочь, в него стрелять я не рискнул, но, к счастью, одиночного залпа хватило, чтобы привлечь его внимание. Всей своей неповоротливой тушей бугай развернулся на сто восемьдесят градусов, его безобразное лицо перерезала кривая ухмылка, он залился жутким булькающим смехом и, забыв про Терри, направился ко мне. Резко затормозив, я протяжно выдохнул.

– Отлично! Иди сюда, урод. Иди ближе...

Сзади подлетел Роб. Встав рядом, он согнулся пополам и, хватаясь рукой то за один, то за другой бок, с громким свистом втягивал носом воздух. От сумасшедшего бега дыхание его сбилось, стало тяжелым, хриплым. Судя по виду, он готов был вот-вот обессиленно рухнуть на землю, но вместо того, как и я сам, ошеломленно разглядывал огромного негра. Как праздный зевака на легкой вечерней прогулке, тот неспеша ковылял к нам через заросшую травой лесную поляну.

– Нам его не одолеть, Джон, – сдавленно прохрипел Роб. –
Что будем делать?

– Не знаю! Черт возьми, не знаю! Ты видел, их не берут пули! – вне себя заорал я, но тотчас спокойнее добавил: –
Пока что нужно отвлечь его от Терри.

Я прилагал невероятные усилия, чтобы сохранить ясность ума, но мой рассудок находился буквально на грани безумия. Нервы скрутились в тугую петлю, эмоциональное напряжение дошло до какой-то точки невозврата. Казалось, сейчас любая мелочь может спровоцировать во мне вспышку, многократно превышающую по силе ядерный удар. Где-то в сознании мелькнуло, что именно так наступает состояние аффекта.

– Он же огромный, – потрясенно шептал Роб. – Нам не справиться с ним даже вдвоем. Нужно убираться отсюда.

– Я вижу, – загоняя в ружейный магазин недостающие патроны, бросил я.

Тяжелое помповое ружье, что в данную минуту судорожно сжимали мои руки, было рассчитано всего на четыре патрона, но обладало нехитрой системой перезарядки, таким же ударно-спусковым механизмом и оттого являлось предельно простым в обращении. Мне повезло, что по какой-то счастливой случайности в сегодняшнюю поездку я взял именно его. Обычно я беру двуствольный обрез, вмещающий лишь два заряда и если бы сейчас мне пришлось стрелять из него – это сильно усложнило стоящую передо

мною задачу.

– Уведи Терри, Роб, и подгони машину. Я попробую его отвлечь.

– Уверен?

– Да, уверен, – подтвердил я, хотя уверенности не чувствовал. В последний раз передернув цевье, я посмотрел ему прямо в глаза и повторил: – Главное уведи Терри, ты понял, Роб? Уведи ее отсюда.

Ответив мне долгим испытывающим взглядом, он наконец молча кивнул, затем осторожно, чтобы не привлечь внимания двухметрового бугая, стал пробираться к дереву. Терри все еще стояла подле него. Казалось, ее маленькое тело намертво вросло в его толстый кряжистый ствол, слилось с ним, спаялось – не отдерешь.

– Ну, давай! Иди сюда, чучело! – подзывал я тем временем негра. – Шевелись... Вот так... Ближе, еще ближе...

Медленно переставляя ноги, он послушно брел ко мне. Из его глотки вырывалось бульканье и хрипы, толстые губы кривились в улыбочивой гримасе, а тело сотрясалось от мелких конвульсий. Издали могло показаться, что он улыбается мне, точно родной мамочке, но в то же время я чувствовал исходящую от него нешуточную угрозу.

Я по-прежнему не понимал, с чем мы столкнулись, как не понимал и того, каким образом сумею прикончить его. Тем двоим ружейные заряды были как горошины, а этого мне не забить прикладом – слишком он высок и огромен. Однако

паники я, к своему удивлению, не испытывал. Бугай напоминал настоящую гору мышц с повадками голодного бурого медведя, но наряду с тем был неповоротлив и крайне медлителен.

Наблюдая за его приближением, я одновременно следил и за Робом. Тому удалось незамеченным подобраться к Терри, едва ли не насилу оторвать ее от дерева и увести во мрак леса. Я знал, что они идут к стоящей у дороги машине, а потому тянул время.

Подпуская негра ближе, я отступал назад и так почти добрался до границы с пляжем, где споткнулся о ящик с рыболовными снастями, после чего громко выругался и наконец встал на месте. Мой план заключался в бегстве, а уносить ноги по рыхлому песку было бы гораздо сложнее.

Выстрелил я, когда между нами осталось около четырех метров. Выстрелил дважды – первый заряд угодил ему в грудь и не остановил, второй попал прямым в лоб. Следом, как мне в тот миг показалось, произошло невообразимое – заляпав меня чем-то зловонным, уродливая башка негра разлетелась, как переспевший арбуз. С тяжелым грохотом бугай рухнул в траву.

От его лица ничего не осталось, только месиво из костей и дурно пахнущей жижи. Конечности его еще судорожно дергались, но определенно, с ним было покончено. Ко мне он не дошел всего пару шагов.

«Я убил человека... – мелькнула было мысль, но тут же ее

перебила другая: – Он не был человеком. Кем угодно, только не человеком».

От тошнотворного, приторно-тягучего запаха, с силой ударившего в ноздри, желудок стянуло в болезненный ком. В глазах помутнело, к горлу подкатила дурнота. Сплевывая скопившуюся во рту прогорклую слюну, я еще какое-то время стоял, оступело уставившись на распластанное в траве тело. В мыслях как на повторе вертелось: – «Это невозможно. Это невозможно. Невозможно...»

Я стоял так до тех пор, пока где-то рядом не послышался уже знакомый булькающий звук. Возможно, то приближались двое с берега или здесь был кто-то еще, а может, мне это просто чудилось – я уже не знал. Собственно говоря, я и не желал этого знать, а потому испытал облегчение, когда услышал, как Роб завел свой пикап.

Преодолевая рвотные позывы, я размазал по лицу отлетевшие от негра ошметки и побежал на свет фар. Пикап уже ехал в мою сторону, так что в него я запрыгнул практически на ходу.

– Где Терри, Роб? Где она? – заорал я, едва приземлившись на сиденье.

От волнения голос у меня сорвался до тонкого щенячьего писка, вдобавок все тело мелко тряслось, а желудок исходил жестокими волнообразными спазмами. На лице по-прежнему сохранялись остатки вызывающей дурноту склизкой массы. Она источала страшную вонь и, как бы я не оттирал ее

с кожи – была повсюду.

– Я здесь, – отозвалась с заднего сиденья Терри. У нее зуб на зуб не попадал и, как и меня самого, всю била нервная дрожь. – Папа, ты убил его?

– Ты в порядке? Он не тронул тебя?

Обернувшись, я наскоро ощупал ее лицо, руки, ноги, живот... Все было целым.

– Кто они такие? Чего им нужно от нас? Папа, кто они такие?

Фразы она не произносила – выкрикивала. Сообразив, что в состоянии близком к истерике мы оба сыпем вопросами, но никак не можем выяснить интересующие нас ответы, я выдохнул и придал голосу твердости:

– Успокойся, детка. Успокойся! Ты цела? – Выстукивая зубами барабанную дробь, она кое-как кивнула. – Хорошо. Я не знаю, кто они. Не знаю. Мы потом в этом разберемся, а пока нужно как можно скорее добраться домой.

Говоря это, я хотел успокоить ее, но сам никак не мог справиться со своими мелко трясущимися руками. Внутри все переворачивалось от одной мысли, что я мог не успеть. Стоило прибежать всего минутой позже и кто знает, что та тварь сделала бы с ней. Стараясь отбросить мысль, что было бы, если бы мне пришлось потерять еще и ее, я как заведенный повторял про себя: «Не думай об этом. Все обошлось. Все в порядке. Не думай...»

– Роб, давай поживее выбираться отсюда, – в изнеможе-

нии откинувшись на сиденье, проронил я.

– Уймись оба. Сейчас выберемся, но, думаю, лучше сразу ехать в участок. Нужно предупредить всех, что здесь творится какое-то дерьмо.

Освещая путь фарами, он гнал пикап по накатанной грунтовой дороге. Ответить ему я не успел. Как раз в тот момент, когда Роб закончил фразу, посреди дороги выросла фигура недоноска, которому совсем недавно я прострелил живот. Он стоял и скалился, ничуть не боясь несущейся на него груды металла.

От неожиданности Роб снизил скорость и запетлял из стороны в сторону, а я, перекрикивая истошный вопль Терри, заорал:

– Дави его, Роб! Дави, не останавливайся!

Но он уже и сам справился с замешательством. Дернув рычаг передач, Роб вдавил педаль газа в пол, а всего через пару мгновений пикап на скорости влетел в преградившего нам дорогу ублюдка. Последовал гулкий удар, но каким-то чудом тот вцепился в капот, по-видимому, не желая так просто расставаться с нами. Его уродливая физиономия оказалась в нескольких сантиметрах, нас отделяло лишь лобовое стекло и то, что я рассмотрел при свете фар, повергло меня в шок.

Кожа на его лице была опутана сетью почерневших капилляров и вся покрыта темными пятнами. Она имела серый, местами почти синий оттенок. Я заметил это, еще когда Роб зажег свой фонарь, но тогда в его тусклом свете мне приме-

решилось, будто лица их перепачканы грязью. Теперь же я убедился – это была не грязь.

Разинутый рот обнажал ряд крупных, криво растущих зубов, из-за которых то и дело вываливался до черноты распухший язык. Жидкие замасленные волосы прилипли ко лбу и вискам, на шее проступали лиловые отметины, но самыми страшными были его глаза. Налитые багровым, они светились дикой, безжалостной ненавистью и жадой убить во что бы то ни стало. Было ясно, что он ни перед чем не остановится, лишь бы дотянуться до нас.

– Я ничего не вижу! Мать твою, Джон, я ничего не вижу! Сними эту дрянь с капота, – не своим голосом ревел Роб.

Он съехал с дороги и петлял между деревьев в попытке сбросить ублюдка с машины, но тот впился в металл поистине мертвой хваткой. Пока мы кружили по лесу, в мозгах у меня проносился целый вихрь мыслей. Роб орал матом, Терри все так же отчаянно визжала, а я как замороженный смотрел на его гнусную рожу и не мог отвести взгляд.

В конце концов я зажмурился, с силой потрянул головой, затем все еще трясущимися руками открыл боковое окно и выстрелил ему прямо в лоб. Пальцы разжались. Ублюдок скатился под колеса пикапа, оставив на стекле густой буро-черный след.

– Прибавь газу, Роб, – прошептал я. – Вывози нас на хрен отсюда.

Глава 3

Мы втроем сидели в полицейском участке. Добраться к нему удалось без новых происшествий, хотя каждый из нас ждал, что в любую минуту под колеса выскочит очередная злобная тварь. Напрягая зрение до рези в глазах, мы сосредоточенно вглядывались в петляющую сквозь лес ухабистую дорогу, в стоящие у обочин деревья, в малейшее движение, производимое ветром или ночной птицей, даже в самую вибрацию воздуха и только на подъезде к городу смогли более-менее свободно вздохнуть.

По пути Роб и я искали всему объяснение, много и бурно спорили, но сколько-нибудь приемлемой версии о том, кем были те трое, так и не нашли. Нами выдвигались различные, порой самые нелепые предположения, но так же, как и мотив их нападения, это оставалось неразрешимой загадкой.

В итоге мы оба пришли к выводу, что при даче показаний стоит быть осмотрительнее – поверить в нападение на нас банды психов, которых практически невозможно убить, полиции будет непросто. Если бы мне рассказали подобное, я бы точно не поверил. Однако я видел их собственными глазами и даже прикончил двоих.

Прислонившись затылком к холодной, выкрашенной ядовито-синей краской стене, я смотрел на окно дежурного. Впрочем, вряд ли я отдавал себе отчет, куда направлен мой взгляд – я просто смотрел прямо перед собой. Одежда на мне провоняла потом, во всем теле чувствовалась смертельная усталость, а обоняние до сих пор преследовал отврати-

тельный трупный запах. Несмотря на то, что я вымыл лицо и руки, казалось, он плотно прилепился ко мне, впитался в вещи, в кожу, в волосы. Хотелось одного – смыть его с себя, а затем лечь в постель и забыться глубоким сном. Хотелось оставить эту чудовищную ночь позади.

К сожалению, пока о подобном можно было только мечтать – мы дожидались, когда в участке появится шеф местной полиции. С момента нашего приезда прошло уже минут сорок, а он все никак не объявлялся. Обычно меня раздражает долгое ожидание, но сейчас на злость не находилось сил.

Мысли текли вяло, клонило в сон, а временами накатывало ощущение нереальности. Иную минуту мне мерещилось, будто все, что случилось у реки, являлось лишь порождением кошмарных галлюцинаций, но всклокоченный вид Роба, а также Терри, уснувшая в кресле, были живым подтверждением того, что я не сошел с ума.

Терри... Взглянув на ее измученное лицо с разводами высохших слез и на то, как свернувшись в неудобной позе, она спит беспокойным сном, я испытал острый приступ горечи. За минувшие два года слишком многое свалилось на нее. Много же даже для взрослого человека – в восемь лет ей пришлось пережить смерть матери, а вместе с ней и пьяное безразличие отца.

Закрыв глаза, я невольно унесся к тем событиям.

Анна умерла позапрошлой осенью и это стало неожиданностью, сбившей меня с ног. Я не сумел справиться с потерей

– все, к чему я привык и что любил, ушло вместе с ней. Мир вокруг меня перевернулся и покатился к чертям.

Я пил. Сначала для того, чтобы заглушить боль и не ощущать образовавшейся пустоты, но очень скоро такой способ сбежать от реальности перерос в зависимость. Оглушенный и сломленный ее преждевременной смертью, в первый раз я напился еще в день похорон.

Всего через час после того, как ее закопали в землю, я в пьяном беспамятстве валялся на диване навсегда покинутого ею дома и не желал возвращаться к действительности. Если бы мог, я бы отгородился от нее стеной и, в общем-то, именно так я тогда и поступил. Несколько последующих недель я пил стакан за стаканом, ходил по дому в грязной одежде, практически не ел, много курил и спал. Просыпался, пил и снова проваливался в сон.

Прикладываться к бутылке я начинал с самого утра, а к вечеру доходил до состояния полного ко всему безразличия. Это помогало справиться с насквозь пропитавшим меня ощущением безысходности. Как черная дыра, мощным гравитационным притяжением всасывающая в себя оказавшийся поблизости объект, эта безысходность затягивала меня в бездонную глубину, где не было ни света, ни привычного течения времени.

Мимо меня проходили какие-то события, на пороге появлялись какие-то люди – я ни на что не обращал внимания. Первые два месяца напрочь выпали из моей памяти и сколь-

ко бы я потом не пытался восстановить хронологию тех дней, у меня не выходило. Все, что осталось – это воспоминание о непрекращающейся боли и беспросветной тоске.

Позже я неоднократно предпринимал попытки вернуться к нормальному существованию, но все они терпели провал. Стоило взгляду наткнуться на какую-нибудь напоминающую о ней вещь, как боль накатывала с утроенной силой и я вновь хватался за стакан. Так, обнаруживая ее блокнот для записей, в котором она делала пометки, расческу, в которой еще оставались ее волосы, чашку, из которой по утрам она пила кофе или любую другую принадлежавшую ей мелочь, я надолго замирал с ней в руках и не мог поверить, что ее больше нет. Первые месяцы все вокруг выглядело так, будто она ненадолго уехала, но уже завтра возвратится назад и жизнь станет прежней.

В дальнейшем моя сонная апатия начала перемежаться с приступами гнева. Я злился на окружающих, но прежде всего на себя. Себя я винил в ее смерти, а каждого, кто взывал к моему разуму, укорял или тем более жалел – слал к черту. Жалость была невыносимее всего.

По отношению к себе я испытывал ее постоянно, поэтому когда кто-то еще принимался меня оплакивать, буквально взрывался от бешенства. Люди лезли ко мне с советами, помощью, ненужным сочувствием, чего-то требовали, вмешивались в мою жизнь, я же хотел, чтобы меня просто оставили в покое. В какой-то момент дошло до того, что я со всеми

прервал общение.

Спустя полгода боль все же немного утихла, я сделал очередную попытку взять себя в руки... и не смог. Пробовал держаться, вернуться к работе, наладить свою исковерканную жизнь, но всякий раз выдерживал максимум пару дней, прежде чем сорваться к бутылке со спасительным зельем. Алкоголь стал моим лекарством, моим другом и собеседником, поддержкой и защитой от свалившегося на меня отчаяния. Когда понял, что не могу прожить без него и дня, прошел год.

За тот год приключилось много разного дерьма, но апогеем стал случай, после которого я кардинально изменил свои взгляды на жизнь. Он произошел прошлой осенью и если бы не то злосчастное стечение обстоятельств, скорее всего, к сегодняшнему дню я стал бы законченным алкоголиком. Мне хорошо запомнилось то сентябрьское утро.

Я находился в привычном, пьяном еще с вечера состоянии, поэтому когда тишину расколол громкий звонок мобильного, не сразу пришел в себя. Звонили настойчиво – резкий трезвон рингтона вызывал раздражение, хлестал по натянутым нервам, противно сверлил в висок, будто некто назойливый решил проделать в моей голове дыру. Желая остановить эту пытку, я нащупал рукой жужжащую трубку и с трудом разлепил глаза.

Высвечивающийся на экране номер не был мне знаком. Я хотел сбросить, но вместо того почему-то прочистил стя-

нудное от сухости горло и наконец ответил. Строгий голос на том конце провода сообщил, что Терри подралась в школе.

В комнате на то время было уже светло. Солнечные лучи пробирались сквозь мутное, давно немытое окно моей спальни, косо рассекали ее на причудливые орнаменты и линии, искрились витающей в воздухе пылью. Я молча лежал с телефоном у уха, обводил затуманенным взглядом потолок, стены, некогда тщательно подобранную Анной мебель и разбросанные по полу вещи, пока не наткнулся им на свои босые ступни.

«Значит, я все-таки добрался до кровати», – шевельнулась в голове вялая мысль.

Голос в трубке между тем становился настойчивей. В категоричной, не принимающей отказа форме он приглашал меня на разговор к директору школы. Догадавшись, что от меня ждут ответа, я промышчал что-то нечленораздельное, нажал отбой, а затем, преодолевая головную боль и матерясь на чем стоит свет, кое-как сполз с кровати.

Ехать в школу совсем не хотелось. Череп раскалывался так, что казалось того и гляди взорвется, а на то, чтобы привести себя в порядок, попросту не было сил. Да и выслушивать в который раз от надменной миссис Новак как плохо учится моя дочь, я не желал. Мне и без того хватало ее правонарушений, теперь еще и эта драка.

В те месяцы меня слишком часто приглашали на встречи в директорский кабинет. После смерти Анны у Терри нача-

лись проблемы с учебой – низкая успеваемость, конфликты с одноклассниками и учителями, случались даже прогулы. Я ничего не пытался с этим сделать, лишь изредка проводил с ней короткие беседы, пьяно рассуждая о важности образования, но по большому счету мне было плевать. Тогда мне на все было плевать.

До встречи оставалось немногим больше часа и, чтобы унять головную боль, я решил пропустить стаканчик виски. Затем еще один. И еще. Я не заметил, как прикончил всю бутылку.

Чем больше я пил, тем злее становился. На всех вокруг. На школу, на учителей, на Терри, на себя и даже на Анну. Я злился на нее за то, что она ушла, оставив в одиночку расхлебывать все свалившееся на меня дерьмо. Будь я трезв, подобное не пришло бы мне на ум, но в хмельном угаре казалось, что она сделала это намеренно. Казалось, ей теперь все легко и просто, и если есть рай, о котором так любят разглагольствовать святоши, то она должна быть именно там.

Одурманенное воображение тут же услужливо нарисовало ее веселой и очень довольной оттого, что смогла оставить всех в дураках. Она смеялась надо мной. Смеялась, тыкала в меня пальцем и все повторяла: «Я так и знала, что ты не справишься, Джон. Знала. Всегда ты был таким – безответственным и самовлюбленным эгоистом».

Однажды эти слова Анна произнесла во время очередной глупой ссоры и надо же, чтобы именно в том состоянии они

всплыли в моей памяти. «А не пошла бы ты! – уперев мрачный взгляд в ее улыбающееся фото, шипел я. – Ты обещала, что больше никогда не уедешь. Выходит, лгала? Лгала! Почему я должен один за все отдуваться?»

В минуты бессилия, жалости к себе или злости я нередко вел с ней пространные беседы. Иногда это были диалоги о наших отношениях и воспоминания о прошлом, иногда слова покаяния и слезные мольбы о прощении, реже нападки друг на друга и взаимные обвинения. Но в тот день меня переполняла злоба. Она копилась внутри, раскаляясь и бурля, точно лава в кратере готового вот-вот извергнуться вулкана и в то же время заглушала привычную и уже осточертевшую жалость к себе.

В таком настроении я и заявился в школу. О том, что там произошло, у меня остались лишь смутные воспоминания, но одно несомненно – я был безобразно пьян. Отрывками помню, как громко кричал, матерился, требовал чего-то от миссис Новак, а в итоге врезал отцу девчонки, которую Терри перед тем отгаскала за волосы. Его жене тоже досталось – ее я назвал шлюхой.

Очнулся в этом же полицейском участке. Я сидел в грязной, провонявшей перегаром камере, когда мне объявили, что Терри больше не будет жить со мной. Органы опеки собирались поместить ее во временный приют и уже начали подыскивать приемную семью, а на меня завели дело за драку, оскорбления и порчу школьного имущества. Это и стало

поворотным моментом.

Осознав, что могу больше никогда не увидеть дочь, я словно полетел на дно пропасти. А еще с поразительной ясностью вдруг осознал, что если ее заберут, мне уже не выкарабкаться. Это было так странно, ведь после смерти Анны я ее почти не замечал – она просто была рядом.

Остатки разума и родительских чувств порой подсказывали, что я должен заботиться о ней, должен заниматься ее воспитанием, нести за нее ответственность, но без особого труда мне удавалось отмахиваться и от подобных мыслей, и от своих долгов. В тот год мы с ней будто поменялись ролями – не я заботился о ней, а она обо мне.

Множество раз Терри снимала с меня спящего в алкогольном бреду обувь и переворачивала на бок, чтобы я не захлебнулся собственной рвотой, доводила до кровати, если я вырубался посреди комнаты и собирала разбросанные по дому пустые бутылки, тушила забытые в пепельнице окурки и готовила для меня еду, как могла поддерживала порядок и делала массу других недетских вещей. Если бы не проблемы в школе, она совсем не доставляла мне хлопот. Пока я предавался апатии и саможалению, моя дочь, несмотря на собственную боль, молча и терпеливо переносила все трудности.

Я ничего не замечал. Не заметил как всего за год из жизнерадостного, беззаботного ребенка она превратилась во взрослого с серьезными и умными глазами. Из нас двоих ре-

бенком тогда был именно я, она же стала полностью самостоятельной и очень напоминала мне Анну. Те же светлые волосы, огромные синие глаза и тонкий, слегка вздернутый нос с веснушками.

Так или иначе, но с того дня я больше не пил. Совсем. Осознав, что потеряв жену, я чуть было не потерял и дочь, во мне наконец что-то проснулось. Я вдруг вспомнил, что прежде всегда считал себя сильным, а тогда будто впервые посмотрелся в зеркало.

Я ужаснулся увиденному. Оттуда на меня взирал жалкий, обрюзгший, полуопустившийся трус и слабак, но сильнее меня ужаснуло другое. Этот образ так отчетливо напомнил мне собственного отца, что тут же я решил навсегда завязать с алкоголем. Сравнение с ним подействовало на меня как звонкая оплеуха – до скрежета в зубах я стал отвратителен самому себе.

Позже пришел запоздалый стыд. Ежедневно память воскрешала то воспоминание о том, как упившись вдрызг я ползал на четвереньках по дому (при каждой попытке подняться, пол уходил из под ног, я падал, матерился и опять силился встать), пока Терри не устала от моих бесполезных попыток и не дотащила к дивану, на который я и выблевал содержимое своего изрядно проспиртованного желудка; то, как изливал ей душу, зачем-то рассказывая о вещах, которые ребенку знать вовсе не следует; а то вспоминалось, как чуть не ударил ее. Ни разу я не поднимал руку на дочь, а тем вече-

ром разъярился из-за какого-то незначительного пустяка.

А однажды я обмочился. Проснулся наутро в мокрых штанах и долго соображал, почему лег спать в таком виде. Напрягал мозговые извилины в стремлении докопаться, где промочил их, убеждал себя, что меня кто-то нарочно облил водой, выдумывал, будто сам полез в душ прямо в одежде, а может, угодил под дождь или так сильно вспотел... Я перебирал различные варианты, отказываясь принимать единственно верный ответ.

Когда в комнату вошла Терри, я растерянно хлопал глазами, рассматривая растекшееся подо мной желтое пятно. Это бледно-желтое пятно на белом полотне простыни преследует меня особенно часто, а мысль о том, что Терри тоже помнит о нем, порой сводит с ума. Оно стало для меня отметиной позора, символом унижения и стыда, клеймом, что я собственноручно выжег на наших с ней отношениях.

Наверное, этот стыд перед ней я буду испытывать до конца своих дней. В трудную минуту я подвел ее, оставил одну, а сам спрятался от проблем в алкогольном забытье и безразличии. Оправданий собственной слабости я не ищу. Знаю, что бесполезно.

Впоследствии потребовалось немало сил и терпения, чтобы все исправить – семь долгих месяцев я доказывал органам опеки, что способен встать на путь исправления. Терри я в итоге вернул и при этом получил важный урок. Он дал мне возможность понять, что в жизни у меня не осталось ничего

и никого важнее ее.

Год назад я пообещал себе, что впредь не подведу дочь. И еще пообещал, что никогда ей не придется вновь краснеть за своего отца.

Глава 4

От невеселых воспоминаний меня отвлек зычный голос шефа полиции.

– Так, что тут у вас? – раскатисто пробасил он. – Если вы напрасно подняли меня с постели в такую рань, богом клянусь, что закрою вас в камере минимум на сутки!

С шумом ввалившись во входную дверь участка, Билл Томпсон принес с собой всеобщий переполох и суету. Казалось, с его появлением в и без того небольшом помещении холла сделалось еще теснее. Впрочем, он был из тех людей, кто любое, даже самое обширное пространство способен сузить до размеров своей монументальной личности.

Едва завидев его, молодой дежурный, минутой ранее клевавший носом, подскочил, вытянувшись по стойке смирно и козырнул. В полиции он работал совсем недавно, поэтому каждый раз при виде начальника испытывал панику, начинал краснеть, бледнеть и нервически заикаться. Услышав его голос, Роб и я тоже непроизвольно поднялись на ноги, одна только Терри почти не отреагировала. Она лишь ненадолго приоткрыла глаза, сонно моргнула и, свернувшись поудобнее в кресле, продолжила спать.

Билл является шефом полиции последние лет тридцать и

знает каждого жителя в нашем городе. Сейчас ему, должно быть, уже за шестьдесят, но несмотря на возраст, грузную фигуру и внушительных размеров живот, он все еще сохраняет бычью силу и энергичную резкость движений. В придачу к такой устрашающей внешности он обладает довольно взрывным характером, за что его многие опасаются и не рискуют лишней раз нарушать закон.

За его спиной тенью маячил Том Броуди. Этому худому, высокому парню на вид можно дать около сорока. Своими густыми рыжеватыми бакенбардами он смахивает на горную альпаку и взгляд его карих, задумчивых глаз вместе с заметно выступающей вперед верхней губой значительно усиливает это сходство. Последние десять лет он занимает должность помощника Билла и практически всюду следует за ним по пятам.

– Привет, Билл. – Сделав к нему шаг, я протянул для приветствия руку. – На нас напали у реки. Их было трое.

– Да что ты говоришь? Напали, значит... – проревел он, но тут же огляделся по сторонам, принюхался и заорал: – Дьявол! Откуда такая вонь?

– Это от меня.

– От тебя? Ты что, в скотомогильник свалился, черт тебя подери?

– Нет, хуже, – подошел к нам Роб. Обмениваясь рукопожатием с ним и Броуди, он предложил: – Мы можем поговорить в твоём кабинете? Дело серьезное.

В нашем захолустном городишке серьезные происшествия случаются крайне редко. Он совсем маленький, почти все друг друга знают, поэтому основным занятием местной полиции, состоящей всего из шести человек, являются выписывание штрафов за пьяную езду, разнимание потасовок и расследование пустячных краж. Еще иногда подростки чудят, обдолбавшись наркотой или Терренс, местный алкоголик, напившись, подерется с женой, но в целом у нас все спокойно.

– Надеюсь, что серьезное, иначе... – Увидев спящую Терри, Билл прогудел: – А что здесь делает твоя девчонка, Уилсон? Ты что это, таскаешь ее с собой по ночам?

– Мы были на рыбалке, Билл. С палатками. Может, все-таки обсудим все в более спокойной обстановке?

– Покомандуй мне еще тут! Так! Пол, мелкий говнюк, ты так и будешь стоять с разинутым ртом?

Когда-то мелким говнюком Билл называл и меня. Он делал это так долго, чуть ли не с моего рождения, по крайней мере, с тех пор, как я себя помню, а потом вдруг перестал. Что послужило тому причиной – мне неизвестно, просто в определенный момент он неожиданно стал звать меня по имени. Когда именно это произошло, сейчас и не вспомнить, но, возможно, после того, как заболела Анна, а может, уже и после ее смерти.

Переключившись на дежурного, о нас с Робом он как будто забыл, но спустя минут пять мы наконец сидели в его тес-

ном прокурорском кабинете. За единственным, выходящим на городскую площадь окном медленно занимался рассвет. До восхода солнца оставалось не больше часа.

Кабинет освещал желтоватый свет маленькой настольной лампы. Ее тусклое сияние четко обозначало наши лица, но было не в силах разогнать тени по углам комнаты. Там скрывался высокий шкаф с документами, массивный металлический сейф, большая, в полстены географическая карта и остальное, менее значительное барахло.

В общем-то, видеть, что прячется в полумраке мне было не обязательно – я отлично помнил этот кабинет при свете дня. Успел изучить еще в юности, когда попадал сюда за мелкие правонарушения, а в прошлом году и вовсе имел возможность ознакомиться с самыми мельчайшими его подробностями.

– Так вы утверждаете, что какие-то парни ни с того ни с сего напали на вас. Оружия они при себе не имели, чего хотели, вы не знаете и раньше их не встречали. Все верно? – спросил Билл.

– Верно. Таких, как они, я никогда не встречал, – ответил Роб за нас двоих. – Они очень странно себя вели.

Ворот его синей футболки был разодран, на шее проступали крупные царапины, а темно-русые с проседью волосы торчали в разные стороны. Выглядел он так, будто участвовал в схватке со зверем, что по сути и являлось правдой.

– Что значит странно? – задал вопрос Броди.

– Не знаю, как лучше объяснить, – осторожно начал Роб. – Поначалу мне показалось, будто они обычные наркоманы...

Собираясь с мыслями, он сделал паузу, на что Броуди тут же нетерпеливо спросил:

– Выходит, они были под наркотиками?

Не успел Роб опровергнуть его предположение, как Билл взревел:

– И вы, придурки, не придумали ничего лучше, как поднять меня с постели в половине пятого утра из-за потасовки с обдолбанными торчками?

Всем своим мощным корпусом он подался вперед и опустил обе ладони на крышку заваленного бумагами стола. Его буравящий взгляд вперся в Роба, но менее чем через секунду переместился ко мне. В прежние времена этим взглядом Билл мог вогнать меня ступор – ребенком я боялся его до полусмерти. С тех пор утекло много воды, но я и сейчас еще испытывал перед ним некую смесь из опаски и робости.

– Какие, к черту, наркотики? – наплевав на предосторожности, вскипел я. – Я видел, как ведут себя под наркотой! Да что говорить, и сам несколько раз баловался, пока учился в школе. Они были будто мертвые, Билл! Как зомби, понимаешь?

От такого заявления глаза его подозрительно сузились, а я тотчас понял, что не стоило этого произносить. Необходимость пересказывать подробности прошедшей ночи приводила меня в раздражение, кроме того, в голове раздавался

непрерывный монотонный гул, от которого никак не получалось отделаться, а веки казались до того тяжелыми, что лишь усилием воли удавалось держать их в открытом положении. В данную минуту я мог думать только о том, чтобы поскорее покончить со всеми расспросами, отправиться домой, рухнуть на свою кровать и уснуть.

– Эй, полегче, Джон! – остановил меня Роб, присовокупив к сказанному незаметный пинок по ноге. – Билл, он хочет сказать, что те трое вели себя не совсем нормально. Как бы поточнее описать... Они двигались необычно, звуки издавали странные... У них из глоток все время раздавалось какое-то чавканье. Такое гнусное чавканье, будто идешь в дождь в резиновых сапогах, а их то и дело засасывает в жидкую грязь. Я и сам знаю, как дерьмово все звучит, но это правда.

– Еще они без конца смеялись и скалились, – добавил я. – Но это и смехом не назовешь, больше на хохот гиены смахивало.

– Да, и смех этот жуткий, – подхватил Роб. – Мы пытались выяснить, чего они хотят, но ни слова от них не добились. Они просто шли на нас безо всяких объяснений. Прямо-таки напролом перли. Тот, с кем я сцепился, был точно обезумевший. Все хохотал и пытался дотянуться до моей шеи. С виду доходяга, тощий, как собака бездомная, но сильный, словно...

Ища подходящее слово, Роб остановился, но так и не

отыскав, окончательно замолчал.

На минуту в кабинете воцарилась тишина. Билл тер гладко выбритую бульдожью челюсть и по-прежнему сверлил меня пронзительным взглядом, Броуди в углу дымил сигаретой. Ее огонек мелькал в полутьме, проделывая траекторию от его тонкогубого рта к переполненной пепельнице и обратно. Было ясно, что они оба не очень-то нам верят.

Курить мне хотелось не меньше, чем спать, однако зная, что просьба о сигарете приведет Билла в еще большую ярость, я терпел. Не стоило лишний раз его нервировать. Я до сих пор не сказал ему главного и, откровенно говоря, предпочел бы молчать как можно дольше.

– Что-то вы темните, ребятки, – проговорил он вкрадчиво. – Или недоговариваете чего. Давайте начистоту – вы пили?

Его вопрос прозвучал скорее утвердительно, отчего я мгновенно взорвался:

– Нет, черт возьми! Я не пью, Билл, ты же знаешь!

– Откуда мне это знать? – обрушив на стол увесистый кулак, рывкнул он. – Ты несешь какой-то бред про нападение мертвецов! Холдер, мать твою! Ну, ладно этот полудурок, я еще могу предположить, что он чем-то обдолбался и ему привиделись зомби, но ты-то куда?

– Мы не говорим о том, что на нас напали зомби, – твердо произнес Роб. – Конечно, это полная херня, Билл, но те парни действительно вели себя так, будто страдают от бешен-

ства. И настроены они были чертовски агрессивно, не реагировали ни на предупреждения, ни на выстрелы в воздух... – Тут Роб посмотрел на меня и так же твердо сказал: – Нужно им все рассказать, Джон.

– Да... – Опустив взгляд под ноги, я несколько мгновений набирался решимости, точно готовился сигануть в прорубь со льдом, но потом взглянул Биллу в лицо и четко выговорил: – Мне пришлось стрелять. Кажется, двоих из них я прикончил.

– У нас не было другого выхода, – быстро сказал Роб. – Это я крикнул, чтобы Джон стрелял в них. Посветил фонарем в их рожи и сразу понял, что это единственный способ остановить уродов. Позже я тоже пальнул в одного пару раз. Продырявил ему брюшину, но он и не заметил.

– Как это, не заметил? – спросил Броуди. – Что за чушь вы несете? Как можно не заметить выстрела в живот?

– Мы бы тоже хотели это знать.

В воздухе снова повисло молчание и на этот раз оно показалось мне зловещим. Билл не верил ни единому нашему слову, но к своей досаде, теперь и я засомневался – а не прикинулся ли мне лишнего? Ведь невозможно поверить, чтобы тот ублюдок после выстрела в живот смог как ни в чем не бывало вылезти под колеса пикапа.

Может, мне все почудилось и заряд пролетел рядом с ним, а я не увидел? Или я попал ему не в живот, а, скажем, в плечо? Но как тогда объяснить его мерзкую рожу? Ее-то я ви-

дел! И как быть с тем рыжим? Я в упор пальнул ему в бок, а он после этого принялся истерически хохотать и даже когда я по самую рукоять вгонял в него нож, ни на секунду не затыкался.

С громадным негром вообще не сходится. У меня не возникало сомнений в том, что на темной лесной поляне предстало перед моими глазами. Я отчетливо видел, как картечь прошибла его грудную клетку, но он словно не обратил на это внимания и если бы я не снес его безобразную, сплюсненную головешку, сейчас не сидел бы здесь.

Пока я это обдумывал, Билл переложил стопку бумаг с одного края стола на другой, достал из пачки сигарету, не торопясь прикурил и процедил сквозь зубы сразу три вопроса:

– Прикончил двоих, значит? И ты заявляешь об этом только сейчас? Ты в своем уме, парень?

– Они напали на нас! – с вызовом ответил я. Признавать вину за то, что пристрелил тех ублюдков, я не собирался. – Более того, один из них напал на Терри.

– Это правда, Билл, – вставил Роб. – Пока мы отбивались от двоих из них, на Терри у палатки напал третий, о котором мы даже не подозревали. Мы еле подоспели на помощь. И он был огромным! Дерьмо собачье, я еще никогда не видел такого огромного парня!

Размышляя об услышанном, Билл барабанил пальцами по столу и одновременно хмурил седые кустистые брови. От этих кривляний на его морщинистом лице образовывались

дополнительные складки, крупный мясистый нос с шумным свистом втягивал воздух, губы же превратились в сплошную, резко перерезающую подбородок черту.

Он не произносил ни звука, но было видно, насколько он зол. Эта злость буквально витала в спертom воздухе кабинета. Оно и понятно, возня с трупами не лучшая перспектива для воскресного утра – наверняка у него имелись другие планы на сегодняшний день.

– Звони Сандре, – наконец бросил он Броуди. – Пусть побудет в участке, а нам всем придется прокатиться.

– Черт, Билл, – запротестовал я. – Мы не спали всю ночь, я с ног валюсь и Терри...

– Ты всерьез или валяешь дурака, Уилсон? – Он глянул на меня так, что я тут же обреченно стих. – Минуту назад ты признался, что застрелил двух парней. Предлагаешь отпустить тебя домой? Может, еще сопроводить до двери, накрыть одеялком, а заодно спеть колыбельную, мать твою? А? Что на это скажешь? – Повернувшись к Броуди, он с желчным ехидством поинтересовался: – Том, как ты насчет того, чтобы проводить малютку Джона до дома, а потом спеть ему песенку?

Я хотел было ответить какой-нибудь колкостью, но вовремя решил, что мне стоит заткнуться. С Биллом действительно лучше не связываться. Вопрос ответа не требовал, поэтому Броуди тоже смолчал.

– Я позвоню Айлин, – похлопал меня по плечу Роб. – Она

заберет Терри и позаботится о ней.

Айлин была его женой. Представив, что Робу придется не только договариваться насчет Терри, но и подробно объяснять произошедшее, а затем убеждать ее, что никто из нас не пострадал, я мрачно усмехнулся. Возможно, в моем положении и имелись свои плюсы – никогда я не умел успокаивать женских истерик.

– Мне сообщить в округ? – наклонившись к Биллу, тихо спросил Броуди.

– Пока нет. Для начала сами поглядим что к чему, а там видно будет. Если что-то серьезное и трупы действительно есть, то уже не отвертимся от их приезда. Проклятье!

Тяжело поднявшись из-за стола, Билл смял в пепельнице окурок и грузным шагом направился к выходу. После того, как хлопнув дверью, он ушел, мы втроем переглянулись.

– Ты прямо-таки жить не можешь без приключений на свою задницу, Уилсон, – раздраженно проронил Броуди. – Молись, чтобы все, о чем вы тут наплели, оказалось правдой, иначе наш Минотавр тебя в порошок сотрет.

– Иди к черту, Броуди, – огрызнулся я. – И без твоих поучений тошно.

Через время я тоже вышел за дверь, чтобы поговорить с дочерью, выкурить сигарету, а если повезет, то и разжиться кофе. Билл что-то громко выговаривал дежурному, Броуди звонил Сандре, а Роб жене. Из полицейского участка мы вышли только спустя тридцать минут.

Глава 5

На часах было шесть утра, солнце уже взошло. Притихший в сонном бездействии город молчал, лишь неугомонные воробьи вовсю носились по пустующим улицам. Оглашая все вокруг звонким чириканьем, они перепрыгивали с куста на куст, ругались между собой, порхали над крышами спящих домов. Присовокупляя к их многоголосому гомону тихое урчание двигателя, мы ехали в машине Билла и Броуди.

Глаза у меня по-прежнему слипались и только второй стакан крепкого кофе поддерживал затуманенное сознание в активном режиме. Роб держался лучше меня. Выглядел он также паршиво, но, по крайней мере, находил в себе силы разговаривать. Сидя рядом на заднем сиденье, он показывал дорогу к реке и в сотый раз пересказывал Биллу и Броуди подробности наших ночных приключений.

Роб является для меня самым надежным и, пожалуй, единственным другом. Хотя связывающие нас отношения не назовешь уже обычной дружбой – давно они переросли в нечто большее. Мы знакомы больше двадцати лет и за этот немаленький срок я многому у него научился, многое вместе с ним прошел, а кроме того, испытывал абсолютную уверенность, что всегда и во всем смогу на него положиться. На него и на Айлин тоже.

Все эти двадцать лет они оба поддерживали меня в сложных ситуациях, находились рядом в трудные минуты, оказывали неоценимую помощь, если она требовалась. Так было и

после смерти Анны. Порой против моей воли, порой наперекор моим гневным выпадам в адрес всех и вся, часто вразрез с моим желанием остаться в одиночестве – эти двое упорно и методично вытаскивали меня из трясины, в которую я тогда угодил.

Одним словом, Роб и Айлин сделали для меня очень многое и именно они год назад приютили у себя Терри на время моих разбирательств с органами опеки. И раньше мы относились друг к другу больше по-родственному, но после того, как они оформили над ней временное попечительство, стали практически семьей. Пусть не по крови, но по связывающим нас узам уж точно. Тем более, что настоящих родственников у меня не осталось.

Моих родителей не стало давно, братьев и сестер я не имел. Матери Анны уже тоже нет в живых, но оставалась еще Джесс – правда, за родню я ее никогда не считал. Джесс приходится старшей сестрой Анне и родной теткой для Терри, вот только живет она за восемьсот километров от нас.

Возможно, это и к лучшему – мы не особенно ладим. После устроенной мной в школе пьяной потасовки, она была готова забрать Терри к себе, но, к счастью, до этого не дошло.

– Вроде бы это где-то здесь...

Из полудремы меня вырвал голос Роба. Я не заметил, как мы проделали весь путь до реки и теперь находились примерно в том месте, где я выстрелил во вторую тварь.

– Ну и где же труп? – спросил Билл.

– А черт его знает. Может, дальше? – На этот раз голос Роба прозвучал еще неуверенней. – Давайте проедем немного вперед.

Медленно продвигаясь сквозь неподвижно стоящий лес, мы проехали еще пару километров, но труп не обнаружили. Все здесь выглядело тихим и безмятежным. Погода держалась безветренная, от реки веяло свежестью, солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, стлались по земле веселым пятнистым узором, а из звуков присутствовало разве что тихое пение птиц, да шуршание шин по грунтовке.

– Нет, все-таки я уверен, что он слетел с капота позже. – Напряженно вглядываясь в растущую у обочин траву, Роб потер вспотевший лоб. – Нам нужно вернуться.

После его слов Броуди развернул машину и, приглушенно матерясь, поехал в обратном направлении. Теперь я проснулся окончательно. Устремив за окно пристальный взгляд, вместе со всеми я высматривал что-либо похожее на следы пребывания здесь того ублюдка. Мне хотелось их обнаружить и в то же время именно этого я опасался.

Любопытство и страх были основными эмоциями, что я сейчас испытывал. Я хотел найти тело и убедиться, что случившееся ночью мне не привиделось, хотел знать, что не спятил вконец, увидеть при свете дня, что они такое, но одновременно с тем мне было страшно. Только боялся я не их, а того, что последует за обнаружением мертвых тел.

Я все еще не осознавал, насколько сильно вляпался, но

уже начал догадываться, что домой попаду не скоро. Если вообще попаду.

– Вот! – указав пальцем вперед, внезапно воскликнул Роб. – Я хорошо помню это бревно под теми деревьями. Чуть не налетел на него, когда объезжал. Где-то тут Джон выстрелил в него.

– Притормози, Броуди. Пройдемся, – глядя по сторонам, устало бросил Билл.

Броуди послушно остановил машину, все четверо мы выбрались наружу, прошлись вдоль дороги, заглянули под каждый куст, но так ничего и не нашли. Ублюдок как сквозь землю провалился. Я уже опять начал думать, что произошедшее ночью мне просто привиделось, как вдруг Броуди, ушедший немного вперед, крикнул:

–Эй, Билл, взгляни-ка!

Внимательно разглядывая что-то у своих ног, он сидел под кроной высокого ясеня. Втроем мы поспешно направились к нему и как только приблизились на достаточное расстояние, увидели на примятой траве следы чего-то черного. На вид оно было вязким, как густая овсяная каша и при этом тошнотворно воняло.

След слабой нитью уходил дальше в лес, но насколько хватало глаз, не наблюдалось ничего походящего на тело. Деревья росли тут неплотными рядами, ничто не загораживало обзор, однако впереди маячили лишь ясеневые стволы, да ровная поверхность земли с опавшими листьями и сухой,

порыжевшей от зноя травой.

– Такие же следы были на их машине, – обратился Броуди к Биллу.

Тот как раз склонился над необычной находкой и взглядом ищейки осматривал территорию вокруг. От длительной ходьбы дыхание его сбилось, лицо с шеей покраснелись и покрылись обильной испариной. Мельком взглянув на него, я с удивлением поймал себя на мысли о том, как сильно он сдал. Это внезапное открытие меня поразило.

Когда видишь кого-то день за днем, не обращаешь внимания на изменения во внешности – они постепенны и оттого незаметны глазу, пока однажды, точно как я сейчас, не обнаружишь перед собой жалкое подобие человека, которого знал прежде. Передо мной сидел почти старик, а ведь я хорошо помню Билла молодым, полным сил и здоровья мужчиной.

Я знаю его с раннего детства – он был приятелем моего отца и в нашем доме бывал частым гостем. В те времена я испытывал неподдельный ужас от его внушительной фигуры, громогласного голоса и устрашающей манеры общения и тот образ из далекого прошлого сделался для меня настолько привычен, будто отпечатался на внутренней стороне черепа. Возможно, потому все эти годы я видел только его, не замечая, что он давно превратился в поседевшую, страдающую гипертонией, одышкой и лишним весом развалину.

А ведь он теперь на целую голову ниже меня и руки его

не кажутся такими огромными – ими не отвесишь одну из тех злых, крепких затрещин, какие некогда обрушивались на мой детский затылок. Сейчас уже я нахожусь в том возрасте, в котором он гонял меня за малейшую провинность и грозился чуть что надрать зад. Удивительно, как я не видел этого раньше?

– Так ты говоришь, Джон, что выстрелил ему прямо в лоб? – прерывая мои размышления, спросил он.

– Да. И видел, как после этого он слетел с капота.

– И куда он, по-твоему, делся? Не мог же он уйти с простреленной башкой?

– Без понятия, – пожал я плечами.

Пока Билл смотрел на меня немигающим взглядом, я растерянно крутил головой. И в самом деле, неужели та тварь умудрилась уйти даже с разнесенным в щепки черепом? Тогда, выходит, они все еще бродят здесь и в любой момент могут снова напасть. Ощувив, как вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок, я еще раз огляделся вокруг.

Всюду сохранялись тишина и покой. По-прежнему беспечно щебетали птицы, листья от слабого колебания ветра производили еле слышимый шелест, а солнце согревало остывшую за ночь землю. Картина была в самый раз для безмятежного воскресного утра – если бы не знать, что в этом лесу бродят одичавшие твари, так и подмывало сгонять домой за корзинкой для пикника.

– Может, его утащил тот рыжий? – предположил Роб.

Я посмотрел на него с сомнением. Они не походили на тех, кто станет утаскивать раненого товарища с места перестрелки. Впрочем, кто их разберет – они вообще ни на кого не походили.

Пока я об этом раздумывал, Билл надел перчатку и потрогал засыхающую на солнце зловонную кашу. Он потер ее между пальцев, но едва поднеся к носу, отшатнулся.

– Ну и вонь! – Скривившись, он быстро глянул на Броуди, а затем перевел взгляд на меня. – Так вот чем от тебя несло. Кого вы подстрелили, мать вашу? На кровь это не похоже.

– Это не похоже не только на человеческую кровь, но и вообще ни на что. Раньше я такого не видел, – пробормотал Броуди. Он тоже надел перчатку и обмакнул палец в черную жижу. – Действительно гадко смердит.

– Именно про это я и говорю. Они не походили на обычных людей, – угрюмо проронил я, наблюдая за тем, с каким отвращением Броуди растирает в пальцах вязкую массу.

Я хотел было тоже попробовать ее на ощупь и даже почти поднес к ней палец, но вовремя одумался. Мне с лихвой хватило того, что пару часов назад с таким трудом я оттер от своих лица, рук и одежды.

– Ну-ну, ты нам еще про инопланетян расскажи, – с грубой ухмылкой прогудел Билл.

– Может, стоит пройти по следу? – предложил Броуди.

– Нет, давай сначала ко второму. С этим разберемся позже. – С натужным кряхтением он поднялся на ноги и выра-

зительно оглядев на нас с Робом, спросил: – Далеко до палатки? Если и там не окажется трупа, я посажу вас в клетку, как и обещал. Будете друг другу рассказывать байки про зомби, пришельцев из космоса и прочую хрень. Еще и Терренса к вам подсажу. Вот уж кто с радостью послушает ваши нелепые бредни, да еще и своих подсыпет.

Мы промолчали, но стоило ему вместе с Броуди направиться к машине, как Роб ухватил меня за руку.

– Что за черт? – зашептал он. – Я своими глазами видел, как ему снесло полбашки! Он что, смог уйти после выстрела в голову?

– Не знаю. Я уже ничего не знаю, Роб. Я тоже это видел. И тот негр у палатки... Я был уверен, что прикончил его, но если тела там не окажется, вывод напрашивается один – убить их невозможно.

– Или другой – ты, я и Терри разом сошли с ума.

– Именно об этом я и думаю все утро, – рассеянно усмехнулся я.

– Хватит шептаться! – прервал нас Броуди. – Живо идите к машине!

Замолчав, мы покорно пошли следом, спустя пару минут уселись на заднее сиденье, а еще через время выехали к тому пляжу, где ночью встретили тощего рыжего ублюдка и второго, что разгуливает теперь с отстреленной башкой. Повсюду на песке виднелись следы борьбы, валялись пустые гильзы и мой охотничий нож, но несмотря на внешний беспорядок,

пляж при дневном свете выглядел вполне мирно. С трудом верилось, что несколькими часами ранее тут происходили такие странные события.

Наклонившись, я машинально хотел поднять нож с песка и уже почти взял его в руку, как Билл с громким окриком меня одернул:

– Ничего не трогай, мать твою! Где палатка?

На его лице проступала озабоченность. Похоже, он начал сознавать, что ночью здесь действительно что-то произошло и мы с Робом не выдумали эту историю.

– Там, – указав на извивающуюся вдоль реки тропинку, я повел за собой остальных.

Вскоре мы вышли к укромной тенистой поляне, на которой накануне вечером разбили лагерь и первым, что увидели – был огромный негр. Свободно раскинув руки, он лежал на спине ровно на том же месте, где я его подстрелил. С разделяющего нас расстояния казалось, будто он прилег отдохнуть и наслаждается ласковым утренним солнцем, вот только вместо его лица красовалась внушительная дыра. Все вокруг было заляпано той же черной кашеобразной массой.

От увиденного меня пробрала дрожь, а к гортани снова подступила тошнота. Как и ночью, она наполнила рот горькой слюной, свела судорогой скулы, скрутила нутро резким спазмом. Пока я корчился от омерзения, Билл за моей спиной громко выругался, надел чистую перчатку и пошел к телу.

– Ничего здесь не трогать, – скомандовал он по пути. –
Стойте в стороне.

Склонившись над мертвым негром, он осмотрел рану в груди, а также то, что когда-то являлось его лицом. Мы с Робом, как нам и было велено, стояли поодаль, но даже находясь в отдалении, я отлично все видел. Не хотел смотреть и вместе с тем не мог отвести от мертвеца жадного взгляда. Вопреки отвращению, он вызывал у меня интерес.

Из одежды на нем были свободные шорты со множеством объемных карманов и растерзанная в клочья оранжевая футболка. При взгляде на нее возникала мысль, что он долго с кем-то боролся в пыли, настолько та выглядела изодранной и грязной. Но одежда меньше всего привлекала мое внимание – я глазел на открытые участки его тела.

Их сплошь покрывали темные трупные пятна и бугры вздувшихся вен. Живот распух и напоминал набитый старыми тряпками тюк. Кроме того, негр оказался бос. Голые ступни смотрели в разные стороны, ногти на пальцах кое-где отходили от мяса и были до того длинны, будто при жизни он не стриг их по меньшей мере год. От его туловища исходила безобразная вонь, в парах которой уже кружились зеленые трупные мухи.

– Ничего не понимаю, – прикрывая нос платком, сказал Билл. – Такое ощущение, будто умер он несколько дней назад. Во сколько вы здесь были?

– Около половины четвертого, – ответил Роб.

– Прошло чуть больше трех часов, – взглянув на часы, с недоверием заметил Броуди.

Он стоял рядом с Биллом и озадаченно разглядывал распластанное по земле чудовище. Им обоим редко приходилось сталкиваться с трупами, но все же за годы работы они успели кое-чего повидать, однако в данную минуту их лица выражали явное замешательство.

– Звони Сандре, Броуди. Пусть сообщает в округ, – хмуря и без того морщинистый лоб, бросил Билл.

Он терпеть не мог, когда полиция округа совалась в его владения, а потому тон, с каким была произнесена эта фраза, красноречиво выражал всю степень его недовольства. В то время как Броуди набирал номер Сандры, он прошелся по поляне, заглянул в каждый угол, осмотрел каждый сантиметр травы, обнюхал каждый след на песке и до нитки изучил содержимое брошенных нами в панике палаток.

Снова замерев над мертвецом, он обратился ко мне:

– Похоже, ты по уши в дерьме, пареньь.

Я сидел на траве, привалившись к дереву, в которое ночью от ужаса вжималась Терри и с трудом удерживал себя от сползания в глубокую отключку. От бьющего в нос смрада мутило все сильнее, а гул в голове перерос уже в несмолкаемый грохот. Распознав в его голосе сочувствие, я сплюнул на землю и с вызовом ответил:

– Я защищал дочь.

В его или чьей-либо еще жалости я сейчас нуждался мень-

ше всего.

Глава 6

Сандра перезвонила через двадцать минут с сообщением, что в ближайшее время к нам не смогут никого прислать. По ее словам, в округе творится что-то невообразимое, вся местная полиция стоит на ушах. Как оказалось, за последние четыре дня пропало одиннадцать человек, но в прессу эта информация просочилась только сегодня утром. Несмотря на воскресный день, журналисты оккупировали главный отдел полиции с требованием разъяснить ситуацию.

Я был дома. Билл не стал меня задерживать, однако ясно дал понять, что я должен оставаться на связи и никуда не выходить. Вместе со мной он отправил одного из своих помощников по фамилии Дирксон и Пола – того молодого полицейского, что дежурил ночью. Именно он позвонил Биллу, когда в пятом часу утра мы ввалились в участок.

Сам он вместе с Броуди оставался возле трупа, занимаясь поиском улик и дожидаясь приезда ребят из морга. Выходной день был для него окончательно испорчен, впрочем, когда я уезжал, огорченным он не выглядел. Напротив, произошедшее явно привело его в бодрое расположение духа и он даже как будто помолодел лет на десять. Ни разу еще за годы службы в полиции ему не доводилось участвовать в по-настоящему серьезных расследованиях.

Перед отъездом я подошел к нему, чтобы предупредить об опасности, исходящей от разгуливающих по лесу тварей.

– Будьте начеку, Билл, – сказал я. – Возможно, они все еще бродят здесь и я не уверен, что их всего двое. И еще кое-что... – Посмотрев в его суровые, глубоко спрятанные под нависшими бровными дугами глаза, я с напором произнес: – Если встретите этих ублюдков, стреляйте в голову. По другому их не остановить.

Я ждал, что он тут же пошлет меня к черту, но на удивление Билл не стал возражать. Он лишь кивнул и еще раз напомнил о запрете покидать дом. В ответ я заверил, что пускаться в бега не входит в мои намерения.

Да и куда мне было бежать? В любом случае, даже если бы я строил подобные планы, осуществить их было непросто – Пол с Дирксоном сторожевыми псами сидели под моей дверью, наделенные четкой инструкцией никого не впускать и не выпускать. Но Айлин они все же позволили уйти.

Когда я вернулся домой, она вместе с Терри дожидалась меня в гостиной. Обе были ужасно напуганы, однако к моему облегчению Айлин так торопилась к мужу, что почти сразу уехала, избавив меня тем самым от пересказывания жутких подробностей.

После ее ухода я хотел было подняться в спальню, как с кухни донесся запах поджаренного бекона. Это заставило меня изменить маршрут – только теперь я почувствовал, насколько голоден. Со вчерашнего вечера в желудке у меня не было ничего, кроме двух кружек кофе, поэтому, едва уловив аппетитный аромат, он требовательно заурчал.

Как выяснилось, Терри была так любезна, что приготовила для меня омлет. Наскоро опустошив содержимое тарелки, я собирался отправиться в душ, а дошел лишь до дивана в гостиной. Там планировал прилечь всего на минуту, но стоило щеке коснуться подушки, как мой измотанный мозгом погрузился в сон. Кошмаров мне не снилось – ночью их хватило с лихвой.

Когда шесть часов спустя я открыл глаза, поначалу долго не мог сообразить, где нахожусь. Мысли чудовищно путались. Силясь продраться сквозь застилающую разум мутную пелену, они вяло ворочались на дне подсознания, но им никак не удавалось вынырнуть на поверхность. Не узнавая собственного дома, я недоумевающе обводил взглядом пространство.

Где-то совсем рядом раздавалась навязчивая мелодия, которая хоть и была мне смутно знакома, в данную минуту ужасно действовала на нервы. Я пробовал от нее отмахнуться, но мелодия не прекращалась. Когда до меня дошло, что это ни что иное, как звонок мобильного телефона, я резко сел и наконец пришел в себя. Звонил Билл.

– Джон, ты меня слышишь? – прогреготал в трубке его запыхавшийся голос. – Через час здесь будут криминалисты и инспектор из округа. Они из особого отдела, так что дело, похоже, дрянь.

Пытаясь собрать расползающиеся мысли, я молча слушал. Когда эти попытки увенчались успехом, в мозгу яркой

вспышкой полыхнуло: «Черт возьми, я пристрелил двоих, кем бы они не были!» Следом родился вопрос: «Что будет с Терри, если меня арестуют?» Теперь до меня в полной мере дошли слова Билла о том, что я по уши в дерьме.

– Уилсон, мать твою! – не выдержав моего молчания, взревел он.

– Да, Билл, я слушаю. Прости, я только открыл глаза.

– Ты должен быть здесь! – проорал он. – Немедленно! Роб уже едет. Повтори!

– Да, я понял. Уже еду, – покорно повторил я и нажал отбой.

Отшвырнув мобильник в сторону, я с силой потер лицо. Вставать не хотелось – чувствовал я себя по-прежнему скверно. Головная боль немного ослабла, но внутри черепа точно напихали куски мокрой ваты.

Вперив перед собой невидящий взгляд, я раздумывал, что будет дальше. На ум ничего не приходило – там все еще царил страшная сумятица. Всплывали лишь разрозненные вопросы в духе: «Почему именно сейчас?» и «Как я умудрился так вляпаться?» Казалось, все только начало налаживаться, как жизнь подкинула мне очередную порцию дерьма.

Давно оставленная позади жалость к себе нахлынула с прежней настойчивостью, но больше меня беспокоила Терри. Что будет с ней и, главное – ей-то за что столько испытаний? Прошло всего пять месяцев с тех пор, как она вернулась домой и мы оба изо всех сил старались забыть о про-

шлом, а теперь все опять неслось к черту.

Пока я об этом размышлял, взгляд сфокусировался на мелкой, до миллиметра знакомой трещине в потолке. В голове вдруг возникла глупая идея, что не мешало бы ее заделать, но тотчас она привела меня в бешенство. Как всполохи залпового огня в мозгу застучало:

«Отлично! Валяй, Уилсон! Прямо сейчас бери в руки чертов малярный валик и приступай к работе! Тебе ведь нечем заняться и проблем никаких нет! Сука! Сука! Сука!»

Хотелось заорать во все горло. Вся моя гребаная жизнь напоминает сплошное непролазное болото – я барахтаюсь в нем, стремлюсь выбраться на устойчивую поверхность, цепляюсь, рвусь, стиснув зубы гребу, но чем больше прилагаю усилий, тем глубже оно засасывает меня в свои зыбучие недра. Похоже, мне так и суждено бултыхаться в них, пока не подохну.

Повернувшись влево, с отчаянной злостью я уставился на стену, где в деревянной рамке висела большая цветная фотография. На ней были запечатлены трое счастливых людей, от которых теперь остались лишь жалкие тени. Взглянув в смеющиеся глаза женщины, бывшей когда-то мне женой, я свистящим от гнева шепотом произнес:

– Ты была права, Анна. Я полный неудачник.

Звук собственного голоса прозвучал как хлесткая пощечина, но он же вернул меня к действительности. Вспышка бессильного гнева погасла так же стремительно, как и воз-

никла. Сказав себе, что должен перестать распускать соплю от жалости к своей персоне, я опустил ноги на пол и сел.

День был в самом разгаре – стрелки на часах показывали три пятнадцать. Несмотря на то, что сентябрь перевалил уже за вторую половину, на улице стояла жара. Солнце ярко светило в окна, по ощущениям раскалив воздух не меньше, чем до двадцати семи градусов.

Уловив исходящий от тела неприятный запах и вспомнив, что вырубился, так и не приняв душ, я в конце концов встал и поплелся наверх. В доме было тихо – Терри, должно быть, спала в своей комнате.

Стоя под напором прохладной воды, я торопливо соскребал с себя грязь, попутно думая о том, что мне предстоит. Билл сказал о каком-то инспекторе из округа, значит, я должен буду давать показания. Нужно ли мне подумать об адвокате? Могут ли меня сразу арестовать? Что стоит говорить, а о чем лучше помалкивать? Как себя вести? И, наконец, что делать с Терри, если меня все-таки упекут за решетку?

Задавая себе все эти вопросы, я не находил ни одного верного ответа. Так ни к чему и не придя, в конечном итоге решил, что не мешало бы еще раз обсудить все с Робом, затем вышел из душа, напялил чистые джинсы и бегом спустился в кухню. Пусть все катятся к дьяволу – для начала я сварю себе кофе!

С той поры, как завязал с алкоголем, кофе и еще, пожалуй, сигареты, оставались единственными слабостями, что я мог

себе позволить. Они же придавали мне сил бороться с ежедневной рутинной, помогали сосредоточиться на решении повседневных задач, да и просто отвлекали от тягостных дум.

Пока кофейная машина готовила для меня бодрящий напиток, я дважды набрал Роба, но на звонки тот не ответил. Вернувшись с дымящейся чашкой в гостиную, я застал сидящую на диване Терри. Поджав под себя ноги, она смотрела на включенный экран телевизора с выражением тревоги на застывшем лице.

– Как дела, детка? Тебе удалось поспать? – спросил я.

– Да, – не отрывая глаз от телевизора, отозвалась она.

– Что там говорят?

Вместо ответа Терри сделала громче звук и кивком головы указала на экран.

– Сам послушай.

Отхлебнув из чашки, я последовал ее совету. На экране как раз показалась молодая журналистка с темными выющимися волосами. Продолжая пить быстрыми глотками, я начал вслушиваться, о чем она говорит в микрофон.

– Как стало известно сегодня утром, за последние четверо суток пропало более десяти человек. Случаи исчезновения произошли в окружном центре, а также в двух близлежащих поселках. Полиция пока заявляет об одиннадцати инцидентах, но наш источник подтверждает, что пару часов назад к ним обратилась женщина, у которой тоже пропал муж. То есть, можно с уверенностью говорить, что количество про-

павших продолжает расти, однако власти не спешат делать заявлений. Каких-либо объяснений о сложившейся ситуации от них к этому часу так и не поступило. Четыре дня они скрывали от всех эту информацию и пока никто не может объяснить для чего...

Сзади нее камера фиксировала толпу журналистов и зевак у здания полиции округа. Людей там собралось уже довольно много. На лицах всех присутствующих читалось недовольство происходящими событиями и загадочное молчание властей его лишь подогревало.

Картинка чуть сместилась, взяв лицо журналистки крупным планом, после чего она продолжила быстро говорить:

– К другим новостям. Ранее уже появлялась информация, что на территории военной базы, находящейся по соседству с исследовательской лабораторией NLVID-4, происходит нечто чрезвычайное. К ней уже несколько недель стягиваются подразделения вооруженных сил, а вчера вечером местные жители стали свидетелями небывало масштабной операции по переброске войск. Нам удалось получить кадры, сделанные одним из них на мобильный телефон.

Журналистка пропала с экрана, а вместо нее появилась съемка плохого качества. На ней тем не менее разборчиво виднелась внушительная вереница военных автомобилей до отказа забитых людьми в форме. Слегка хриплый, будто немного простуженный, но в то же время приятный и мелодичный голос за кадром продолжал:

– На съемке хорошо видно, что в сторону военной базы направляются вертолеты и целые колонны боевой техники. Сегодня утром наш специальный корреспондент в очередной раз попытался туда проехать, но его остановили сотрудники особого отдела полиции. Молчание официальных лиц вызывает немалое беспокойство и все мы надеемся, что вскоре с комментариями по обеим ситуациям выступит хоть кто-то из представителей военного ведомства или полиции. На этом пока все. С вами была Марта Дилл. Следите за дальнейшими новостями.

Выпуск новостей переключился на студию. Ведущий в темно-сером деловом костюме рассказывал что-то еще, но забрав пульт из рук Терри, я выключил телевизор.

– Одевайся, детка. Нужно ехать в участок.

– Опять? – смешно наморщив нос, протянула она. – Зачем в этот раз?

– Билл звонил. Сказал, едет какой-то инспектор из округа. Нужно будет дать ему показания. – Я уже допил кофе и натягивал на себя футболку. – Поторопись, хорошо? Я подожду на улице.

Терри промолчала, но когда я почти подошел ко входной двери, вдруг окликнула:

– Папа?

Интонация, с какой она произнесла это слово, заставила меня резко остановиться. В ней звучала затаенная тревога и настороженность. Не поворачиваясь, я ждал ее дальнейших

слов, но еще до того, как она задала вопрос, уже знал, о чем он будет.

– Тебя же не арестуют за то, что ты их убил?

Я не привык лгать дочери. Когда-то давно мы условились, что будем говорить друг другу правду, какой бы неприглядной она не была, но, видимо, теперь я угодил в собственную ловушку. Предстояло сделать нелегкий выбор – либо сказать ей как есть, что еще больше растревожит ее и без того нервное состояние, либо солгать, но хотя бы ненадолго оградить от неприятных размышлений.

– Не думаю, Терри, – решил я. – Если бы меня собирались арестовать, то не отпустили бы домой.

Вернувшись, я крепко прижал ее к себе и потрепал по взъерошенным белокурым волосам. Ответив на этот жест слабой, больше похожей на вымученную гримасу улыбкой, она задрала голову и, словно ища подтверждения сказанным словам, заглянула мне в лицо. Приняв решение, что ни к чему раньше времени заставляя ее нервничать, я как мог сохранял невозмутимый вид.

– Мы просто расскажем, что видели, вот и все, – со спокойной уверенностью повторил я и подтолкнул ее к лестнице. – Одевайся, Терри. Хотим мы или нет, но мы должны ехать.

Едва она умчалась наверх, в дверь раздался осторожный стук. Это оказался Пол. Дирксона ни рядом с ним, ни в машине уже не было.

– Вы готовы, мистер Уилсон? – смущенно переминаясь с ноги на ногу спросил он. – Мне было приказано не задерживаться и как можно скорее доставить вас в участок.

– Я готов, Пол. Осталось подождать Терри.

Выйдя к нему, я закурил сигарету. Из головы не шло услышанное в новостях – двенадцать пропавших и толпа военных у какой-то чертовой лаборатории. Сам собой у меня сформировался вопрос: «Это как-то связано с тварями, на которых мы напоролись ночью или мне только так кажется?»

Рассудив, что необходимо побыстрее отыскать Роба, я докурил сигарету и направился к машине. Терри вышла спустя несколько минут, запрыгнула рядом со мной на сиденье и с напускной веселостью пошутила:

– Мы похожи на опасных преступников, но я всегда мечтала прокатиться в полицейской машине. Пол, а мы можем включить сирену? Вот было бы здорово!

Полу впервые доверили столь важное дело, как охрана и конвоирование подозреваемого в убийстве, но видно, пока я спал, Терри, хитрюга, уже успела к нему подластиться. На ее предложение лицо его озарилось улыбкой, а пальцы потянулись к кнопке включения сирены.

– Не надо, Пол, – остановил я. – Наверняка наши соседи и так изнывают от любопытства, не хватает лишь сирен с мигалками, чтобы был повод лишний раз почесать языками.

От моих слов его рука разочарованно опустилась вниз. Он явно испытывал желание, чтобы все вокруг видели его при

исполнении такой важной миссии, мной же двигало совершенно обратное. Я хотел, чтобы этот безумно странный день поскорее закончился, после чего я смог бы вернуться к своей привычной, предсказуемо-серой повседневности. Пожалуй, сейчас я впервые сполна оценил всю ее убогую прелесть.

Глава 7

Когда мы подъехали к полицейскому участку, светло-серый пикап Роба уже стоял на парковке. При ярком свете дня он сиял, точно свежееотчеканенная серебряная монета, а капот и лобовое стекло выглядели настолько чистыми, что, казалось, стоит провести по ним пальцем и можно будет услышать безупречный металлический скрип. Представив, как Роб матерился, отдраивая засохшие следы, оставленные той мразью, я невольно скривился от отвращения.

– Ты видел новости? – едва мы вошли, спросил он.

Роб сидел в кресле возле кабинета Билла, но увидев нас, резво подскочил на ноги. Выглядел он гораздо лучше, чем утром. На нем была чистая рубашка, подбородок гладко выбрит, а волосы в привычной небрежности зачесаны на правый бок. Лишь багровые царапины, став еще более заметными, напоминали о случившемся.

Пол – мой сторожевой пес – чуть только вошел в участок, сразу же умчался по каким-то мелким поручениям, чем доставил мне невыразимую радость. Я уже думал, он не отойдет от меня ни на шаг, но, к счастью, его отвлекли. Он оставил нас с Робом наедине и теперь мы имели возможность

спокойно все обсудить.

– Ты про пропажу людей или про военную базу с лабораторией? – машинально снизив голос до тихого шепота, уточнил я.

– И то, и другое выглядит паршиво, – так же тихо ответил он. – Ты что-нибудь знаешь об этой лаборатории? Я впервые о ней слышу.

– Я тоже и знаю лишь то, что смог нарыть в интернете, пока ехал сюда. Насколько я понял, она имеет повышенный уровень секретной безопасности и полностью контролируется военными. Вроде бы медики под их руководством занимаются там разработкой вакцин, проводят исследования, опыты и всякую прочую бесовщину. Короче говоря, не особо много я вычитал, так как информации о ней мало, но понятно, что у них что-то произошло, раз туда стягивают целую армию.

– Думаешь, это как-то связано? Все это чертовски странно. Ублюдки, которых мы встретили в лесу, пропавшие люди и лаборатория с их исследованиями и опытами. Похоже на какой-то идиотский фильм.

Высказать свои соображения я не успел. Наш разговор прервала внезапно появившаяся в коридоре Сандра.

– Привет, парни! Ну и заварили вы кашу, скажу я вам. – Здороваясь, она поочередно протянула нам руку и подмигнула Терри.

Сандра была красивой негритянкой с короткой стрижкой

и словно вылепленным из гладкого темного материала лицом. На нем выделялись по-кошачьи раскосые глаза и характерные для ее расы пухлые губы. Возрастом она была лет на пять моложе меня, так что сейчас ей, должно быть, около тридцати. В школе я дружил с ее старшим братом, а потому мы знали друг друга с детства, но тогда я и предположить не мог, что когда-нибудь она станет работать в полиции.

Характер она имела бойкий, приветливый, но ровно до того момента, пока собеседник оставался ей приятен, в минуты же гнева превращалась в настоящую разъяренную гарпию. Однажды мне посчастливилось наблюдать, как лихо она скрутила буйно ведущего себя парня. Тот был вдвое больше ее и размахивал при этом ножом, но Сандра в два счета обезоружила его, а затем уложила лицом в землю. С тех пор я четко уяснил, что под горячую руку ей лучше не попадаться.

– Второй труп не нашли? – поинтересовался у нее Роб.

– Нет. У нас не хватает людей, поэтому ждем криминалистов из округа. Но инспектор Джонсон уже здесь, так что никуда не уходите.

Ободряюще нам улыбнувшись, она скрылась за дверью кабинета Билла, а мы с Робом вернулись к прерванному разговору. Однако не прошло и двух секунд, как Сандра вновь вынырнула в коридор. Сделав приглашающий жест рукой, она позвала:

– Заходи, Роб. Начнем с тебя.

Многозначительно переглянувшись со мной, он нехотя

поднялся и проследовал за ней в кабинет. Обсудить предстоящий нам обоим допрос мы не успели, но перед уходом он торопливо шепнул:

– Это была самооборона, ты понял, Джон? Больше ни слова, что они напоминали чертовых зомби. Пусть сами делают выводы.

Пока я размышлял о его словах, Терри смотрела в свой телефон, но вдруг сняла наушники и со словами: «Пап, посмотри на это», – привлекла мое внимание. Взяв телефон из ее рук, я включил видеозапись, на которой показалась пустынная улица, слабо подсвеченная огнями электрических фонарей. Прямо по проезжей части шел мужчина в одежде охранника известного супермаркета, где по субботам закупается большинство местных семей. Двигался он так же, как и те твари у реки.

После увиденного ночью, я бы ни с чем не спутал эту шаркающую медлительную походку, сопровождаемую хаотичными подергиваниями шеи и плеч. Выглядела она так, будто у идущего случился приступ нервного тика или же он отмахивается от роя откуда-то налетевших назойливых насекомых.

Голос за кадром тихо проговорил: «Какой-то странный мужик разгуливает по нашей улице. Может, стоит позвонить в скорую? Кажется, ему плохо». И второй: «Нет, пошли отсюда! Ты видел его лицо?» На этом видео оборвалось.

– Когда это снято?

– Выложили вчера ночью, но в комментариях пишут, что видели похожего в другом районе. Он вел себя точно так же.

– Выходит, их не трое, – задумчиво произнес я.

Пока мы тихо переговаривались и еще раз пересматривали видео, вокруг нас безостановочно сновали люди в строгих деловых костюмах. Обычно в участке у Билла бывает безлюдно, но, видимо, сегодня сюда согнали весь особый отдел.

Поглядывая на них, Терри с тоской в голосе протянула:

– Мне здесь совсем не нравится, пап. Долго нам еще тут сидеть? Я домой хочу.

– Не знаю, детка. Мне бы тоже хотелось поскорее со всем разделаться и убраться как можно дальше, – подбадривающе улыбнулся я. – А знаешь, после мы отправимся съесть по мороженому. Мы заслужили, как считаешь?

Я нервничал все сильнее, но старался не показывать дочери своего беспокойства, а в придачу зачем-то притворялся беззаботным добряком-папашей, хотя и сам не мог объяснить, для чего играл эту роль. Меня страшила неизвестность и, возможно, таким способом я рассчитывал скрыть от нее данный факт, но ведь она совсем не идиотка. По тому, как Терри улыбнулась и, не сказав ни слова, опять уткнулась в телефон, стало ясно, что она догадалась о причинах моего поведения.

Искоса взглянув на ее склоненную голову, я в который раз подумал о том, как сильно она похожа на Анну. Те же волосы, глаза, нос. Даже манерой двигаться и говорить она с каж-

дым днем все больше напоминает ее. От меня ей достались разве что упрямо сомкнутые губы.

У Анны был по-женски красивый, плавно очерченный рот с мягкими полными губами, которые когда-то я обожал целовать. Я безумно любил Анну и до сих пор не мог смириться, что эта чертова болезнь так внезапно отобрала ее. Если бы можно было отмотать время назад, я бы ни за что не позволил ей умереть.

Поток моих горьких воспоминаний оборвался, когда дверь кабинета с шумом открылась, а уже через мгновение оттуда вихрем вылетел Роб. По его судорожно сжатым кулакам и перекошенному от злости лицу напрашивался вывод, что настроение у него отнюдь не радужное. Вслед за ним в дверь высунулась Сандра.

– Теперь ты, Джон, — натужно улыбаясь, пригласила она.

Черт возьми, да она сегодня просто в ударе! Я надеялся, мы успеем перекинуться парой фраз, прежде чем придет моя очередь.

Уловив мелькнувшую в моем лице досаду, Роб приблизился и с предостережением проронил:

– Держи себя в руках, Джон, и будь осторожен. Там настоящая сука в юбке. – Положив ладонь мне на плечо, он слегка его сдавил и добавил: – Все, как мы договаривались. За Терри не волнуйся, я побуду с ней.

Пристально вглядываясь ему в глаза, я стремился уловить хоть какой-то намек на то, о чем его спрашивали, но Сандра

снова, уже более настойчиво пригласила меня войти. Сделав глубокий вдох, я второй раз за сегодняшний день переступил порог кабинета Билла.

Внутри было душно. В дальнем углу со слабым жужжанием работал вентилятор, однако скорость вращения его лопастей не справлялась с послеполуденным зноем. Глубоко сунув руки в карманы брюк, Билл стоял у раскрытого окна, Броуди где-то пропал, а Сандра, пропустив меня, тотчас же вышла.

Инспектор Джонсон оказалась женщиной примерно моего возраста. Одета она была в светло-серый брючный костюм и голубую блузку, а ее белые, цвета холодного мрамора волосы коротко стрижены и уложены в аккуратную прическу. Строгие черты худого, вытянутого лица, одежда и манеры этой женщины мгновенно выдавали человека с принципиальным и жестким характером.

«Вот дерьмо! Похоже, влип я по полной», – полыхнула в голове мысль. Она с первого взгляда производила впечатление стопроцентной стервы – такой ничего не стоит запереть меня в камере до выяснения всех обстоятельств. Роб точно подметил, назвав ее сукой в юбке, хотя на ней и были прямые классические брюки.

Только я вошел, она протянула мне руку.

– Джон Уилсон, верно? – Рукопожатие для ее телосложения вышло довольно крепким, что намекало на скрытую в ней немалую физическую силу. – Я инспектор Абигаэль

Джонсон. Особый отдел. Присаживайтесь.

Последовав указанию, я сел в свободное кресло напротив нее. Сразу после приветствия ко мне она как будто потеряла всякий интерес – с отстраненным видом просматривая документы в синей кожаной папке, время от времени Джонсон перелистывала страницы и делала пометки в лежащий рядом блокнот. Пользуясь предоставленной отсрочкой, я украдкой разглядывал ее и настраивался на предстоящий разговор, но догадавшись, что в папке дело о моей прошлогодней стычке, с беспокойством заерзал на стуле.

Тогда мне удалось все замять, примирившись и с миссис Новак, и с отцом той девчонки. В какой-то степени мне повезло, что я был вдребезги пьян и не сильно врезал ему, так что сути отделался лишь штрафом и принесенными извинениями. Успокоив себя мыслью, что дело давно закрыто, я попытался расслабиться, но уже через минуту готов был лопнуть от напряжения.

«Какого черта она там копается? – пронеслось в голове. – Уже начала бы поскорее или так и будет изводить меня молчанием?»

Разобрать выводимые Джонсон буквы не выходило, а она, судя по всему, нарочно тянула время, чтобы как следует помучить меня ожиданием. Минуты текли с той же медлительностью, с какой по стволу больного дерева стекает тягучая древесная смола, но наконец она подняла голову, посмотрела мне прямо в глаза и холодно произнесла:

– Расскажите как все было, мистер Уилсон. С самого начала, пожалуйста.

«Да неужели? Соизволила все-таки!»

Я принялся повторять то, что уже рассказывал утром, но сейчас думал над каждой произносимой фразой. Начав с момента приезда к реке и завершив тем, как мы оказались в городе, без лишних подробностей я описал произошедшее. Джонсон слушала не перебивая, лишь изредка уточняла кое-какие детали.

– Это была самооборона, – завершая рассказ, сказал я.

Придирчиво осмотрев меня с головы до ног, она сухо заметила:

– Ни на вас, ни на вашей дочери нет следов насилия, Джон. Могу я вас так называть? – Я кивнул и она тотчас спросила: – С чего вы сделали вывод, что вам хотели навредить?

От такого замечания я опешил, но удивления показывать не стал.

– Представьте, что на вашего ребенка безо всяких объяснений надвигается здоровенный ублюдок и в его намерения явно не входит угостить конфетой. Что бы вы сделали, инспектор? Разве не поступили бы так же?

– К счастью, у меня нет детей, – пренебрежительным тоном заявила она. – И позвольте, вопросы буду задавать я. Насколько я понимаю, оружия у них не было?

Глядя в ее лицо с уже едва скрываемой неприязнью, я ответил:

– Нет, но их намерения были вполне ясны.

– И каковы же, по-вашему, были их намерения?

– Убить нас. Они целенаправленно шли к нам, чтобы убить. Это не было ограблением или простым дурачеством. Они не слушали предупреждений, не реагировали на выстрелы в воздух и вообще ничего не говорили. Просто шли напролом.

– Может, у них была веская причина? – Джонсон слегка прищурилась.

– Причина? – усмехнулся я. – Мне показалось, они были не в себе. Возможно, под действием каких-то наркотических препаратов, но я не могу быть уверен. Может, причина в этом? Или в том, что они были обычными психами?

– Вы сказали, что раньше их не встречали. Как вы считаете, кто они такие?

– Без понятия. Именно поэтому мы и обратились к полиции. Я полагал, вы разберетесь в этом и выясните, что те уроды делали ночью в лесу, а также для чего им понадобилось нападать на нас.

Следующие минут десять Джонсон ходила по кругу, задавая одни и те же вопросы. Она меняла построение фраз, петляла, провоцировала, пыталась запутать и подловить меня на лжи, но я упрямо твердил сказанное ранее. Казалось, за прошедший промежуток времени я наизусть заучил все возможные вариации ее хитроумных уловок.

– Вам не показалось странным их поведение или внешний

вид? – прозвучало в третий раз.

Очевидно, она добивалась от меня подробных описаний именно их внешности и поведения. На миг я задумался, не рассказать ли ей обо всем, что успел увидеть и понять, но тут же обостренное чутье подсказало мне притормозить. Она явно заманивала меня в расставленную ловушку и только ждала момента, когда я оступлюсь.

– Я уже отвечал вам на это, инспектор, – жестко отчеканил я. – Там было темно. Все происходило ночью, как я уже тоже говорил. Луна светила, но что-либо разобрать было невозможно. Единственное, что мне удалось заметить, когда один из них прыгнул к нам на капот, так это его грязную рожу. Он весь был перепачкан в грязи. Об их поведении я уже тоже упоминал. Те трое вели себя как психи или как упоротые наркоманы.

После этих слов Джонсон долго прожигала меня изучающим взглядом. Им она словно хотела проделать в моем черепе сквозное отверстие, чтобы заглянуть затем внутрь и убедиться, что я ничего не утаиваю. Я уже готовился к следующему витку ее расспросов, как она вдруг сменила пластинку.

– Я правильно понимаю, Джон, что два года назад у вас умерла жена?

Теперь я опешил вконец. Эта высокомерная, заносчивая женщина-инспектор из особого отдела уже основательно действовала мне на нервы и лишь усилием воли я сохранял остатки самообладания. Испытывая настойчивое жела-

ние послать ее куда подальше, подчеркнуто спокойным тоном я спросил:

– Какое это имеет отношение к случившемуся?

– Сейчас вы один воспитываете дочь? – не реагируя, заинтересовалась она.

– При чем здесь моя жена и дочь? – срываясь на крик, взревел я.

Не стоило этого делать. «Спокойнее. Просто отвечай на ее тупые вопросы и все», – мысленно настраивал я себя, но чувствовал, как от сдерживаемой ярости в теле каменеет каждый мускул. Когда Билл положил ладонь мне на плечо, я вздрогнул от неожиданности.

– Успокойся, Джон. Это всего лишь вопросы, – с напором проговорил он.

По его застывшей позе, а также сурово сдвинутым к переносице бровям я уловил желание помочь. Всем своим видом Билл открыто предостерегал меня от опрометчивых слов. Глубоко вобрав в себя воздух и затем шумно выдохнув, я посмотрел Джонсон в глаза и ледяным тоном произнес:

– Да, моя жена умерла от острого лейкоза два года назад. И да, я один воспитываю дочь. Родственников у нас нет.

– Понимаю, Джон, – несколько не изменив выражения на холеном лице, так же холодно проронила она. – В вашем досье указано, что год назад вы попали сюда за драку и оскорбления в учебном заведении вашей дочери. Тогда вы напали на Олби Миллера и его жену. Все верно, Джон? И насколько

я могу судить из отчета, вы были пьяны. Это ведь не первая ваша драка в состоянии алкогольного опьянения?

Я молчал, поэтому Джонсон как ни в чем не бывало продолжила:

– Кроме прочего, из того же досье следует, что в двадцать лет вы привлекались к ответственности за вождение в нетрезвом виде, в девятнадцать за драку, а в семнадцать за мелкое хулиганство и нарушение общественного порядка. Еще раньше у вас случались и другие, более мелкие правонарушения. А в двадцать два года вы и вовсе были замешаны в краже со взломом. Впрочем, вина не была доказана, но тем не менее... Я все правильно перечислила?

Рефлекторно мои руки сжались в кулаки, а правая нога начала дергаться вверх-вниз, производя при этом повторяющийся шаркающий звук. Опомившись, я заставил себя остановиться.

– К чему вы клоните, инспектор?

Сдерживать все нарастающий гнев мне удавалось с огромным трудом, но теперь я опять говорил спокойно.

– Отвечайте на заданные вопросы.

– Да, мы с Миллером повздорили и я ударил его. Он оскорбил мою дочь, поэтому я взорвался. И да, я признаю, что был пьян. После смерти жены у меня был непростой период, но сейчас я с ним справился. Вот только мне не понятно, каким образом это относится к делу и тем более не понятно, зачем вы напоминаете о том, что случилось пятна-

дцать лет назад?

Все перечисленное ей являлось правдой, за исключением чуши про кражу. С ней дурацкая история вышла. Мой школьный приятель повздорил с подружкой и спьяну решил влезть к той в квартиру. Ее не оказалось дома, тогда он не придумал ничего лучше, как вынести кое-что из принадлежащего ей барахла, а после притащить его ко мне.

Когда все вскрылось, меня, невзирая на существование надежного алиби, привлекли как подельника. Шло долгое разбирательство, но в итоге за неимением улик меня оставили в покое, а ему впаяли срок. С подружкой он так и не помирился, а впоследствии отправился за решетку во второй и даже в третий раз.

– И часто у вас бывают вспышки неконтролируемой агрессии, мистер Уилсон? – с ехидством любопытствовала Джонсон.

С холодным интересом я рассматривал ее лицо и размышлял, что такие как она специально идут работать в органы власти. Они упиваются чувством собственного превосходства, наслаждаются возложенными на них полномочиями, испытывают извращенную радость от применения жестокости и силы. Будучи облечены законом, эти люди видят в своих согражданах лишь вереницу покорных баранов, которых при любом удобном случае можно подвергнуть запугиванию, шантажу или принятию нужных им решений и действий.

Сейчас я прямо кожей ощущал, какое удовольствие ей доставляет мой допрос. Давить на людей, заставлять их испытывать страх, наблюдать, как они ломаются под градом дебильных, ничего не значащих вопросов – вот что ей двигало. Придя к такому выводу, я окончательно взял себя в руки и невозмутимо сказал:

– Никогда. Тот раз был единственным.

– То есть, сегодня ночью вы полностью контролировали свои действия? – впившись в меня своими холодными, как лед глазами, вкрадчиво спросила она.

В этот миг меня словно укололи сразу сотни тонких иголок, а в голове пронеслось: «Осторожно!»

– Я думаю, инспектор, мне следует подумать об адвокате. Извините, но больше добавить мне нечего.

Она еще раз с хищным блеском в глазах взглянула в мое лицо и после недолгого молчания произнесла:

– Удивлена, что вы не сделали этого до сих пор.

От ее слов внутри меня будто лопнула струна, отвечающая за способность сопротивляться. Я не собирался сдаваться, но так устал, что мне стало плевать, о чем она скажет дальше. Окончательно расслабившись, я опустил на колени разжавшиеся кулаки и заранее зная ответ, спросил:

– Я задержан?

Еще некоторое время Джонсон разглядывала меня ничего не выражающим взглядом, а потом вновь принялась за бумаги. Она молчала около минуты, мне же казалось, будто про-

шел по меньшей мере час. Наконец, вволю наигравшись моей перед ней беспомощностью, она встала, закрыла папку с досье и с подчеркнутым безразличием изрекла:

– У меня есть все основания на ваш арест, мистер Уилсон. До предъявления официальных обвинений вы будете содержаться под стражей в здании окружной тюрьмы.

Пожалуй, это был единственный вопрос, на который она ответила за все время допроса. Будничным тоном Джонсон зачитывала мои права, а я сидел оглушенный мыслью о том, как воспримет все Терри. До того, как она объявила об аресте, у меня еще оставалась призрачная вера в благополучный исход, но теперь та растаяла без следа.

– Вам понятны ваши права, мистер Уилсон? – как сквозь плотный туман донесся до моего слуха ее равнодушный голос.

Не скрывая ненависти не только к ней, но и ко всей правоохранительной системе в целом, я молчаливо кивнул.

Глава 8

Стены моей одиночной камеры были окрашены в унылый серо-бежевый цвет. Окна, либо другие источники дневного света отсутствовали. Из мебели имелась металлическая лежанка с жестким матрасом, стол, табурет, а также умывальник и унитаз. Все оказалось намертво приварено к бетонному полу.

Я ходил по этой тесной клетушке из угла в угол или лежал, уставив глаза в потолок и много думал. Собственно, в про-

странстве, ограниченном тремя глухими стенами и стальной решеткой вместо двери, заняться больше было нечем. Мыслей в голове вертелось множество и они были разными, но одна донимала меня особенно сильно – мог ли я поступить иначе? А главное, должен ли был?

Всегда я считал бегство проявлением слабости и малодушия. Еще со школьной скамьи четко усвоил, что мужчина обязан уметь постоять за себя и близких, так что в ту ночь действовал сообразно своим убеждениям, только кто теперь от этого выиграл? Я заперт в клетке за убийство двоих ублюдков, а Терри осталась без обоих родителей.

Может, и стоило тогда смалодушничать? Схватить ее в охапку и бежать не оглядываясь? Не вступать в драку, не давать отпор, не отвечать на угрозу убийства убийством? Как там у религиозных фанатиков: «Ударили по правой щеке, подставь левую»? Возможно, кому-то подобная философия и видится правильной, однако мне она никогда не была близка.

Я нахожу ее абсурдной, противоречащей здравому смыслу и естественной потребности человека на желание жить, поэтому сколько бы не задавал себе этих вопросов, всегда приходил к одному – я поступил верно. Раскаиваться мне было не в чем и если вернуть ту ночь назад, я поступил бы так же.

Помимо этих мрачных размышлений, я предавался не менее мрачным воспоминаниям. Как будто мало мне было бед

в настоящем и я решил прибавить к ним еще все прошлые невзгоды. Удивительно, как человек, оставаясь один на один с собой, начинает копаться в себе.

Я вспоминал родителей, детство и Анну. Больше всего ее. Мысленно переносился в тот период, когда она вернулась в наш захудалый городишко. И подумать я тогда не мог, что после крупного мегаполиса она вновь захочет жизни в этой волчьей дыре, а потому когда она внезапно приехала и сказала об окончательном решении остаться, поначалу не поверил.

Наши с Анной отношения начались еще в старших классах школы. Нам было по шестнадцать, мы тусовались в одной компании, гоняли по окрестностям на моем мотоцикле, иногда баловались алкоголем и травкой, как и большинство подростков в нашем возрасте. Те беззаботные моменты навсегда сохранились в моей памяти как лучшее, что случилось со мной за все прожитые тридцать пять лет.

Анна была невероятно веселой и жизнерадостной, легкой, доброй, открытой для всего нового и казалась единственным человеком, способным полностью понять меня. Еще она была очень красивой. Я не встречал женщины красивей ее.

Мы провели вместе год, я стал для нее первым мужчиной и тогда нам обоим грезилось, что это навсегда. Воображалось, будто никто и никогда до нас не испытывал подобных чувств и эмоций. Мы были по-настоящему влюблены друг в друга, но как это часто случается, отношения двух подрост-

ков разбились о суровую реальность взрослой жизни.

После школы она поступила в хороший колледж и уехала к старшей сестре, я же остался здесь. Моим родителям колледж был не под силу – отец тогда болел уже несколько лет, поэтому денег, заработанных матерью, вечно не хватало. Еще в пятнадцать я нашел подработку в авторемонтной мастерской, с деньгами стало полегче, но все же недостаточно, чтобы продолжать обучение в другом городе.

Перед ее отъездом мы поругались. Я спровоцировал ту ссору, понимая, что впереди ее ждет интересная учеба, большой город с массой возможностей, студенческие тусовки, новые друзья и, скорее всего, новые парни. Тогда я решил, что для нас обоих лучше порвать со всем сразу. Анна была против, но упрямства мне не занимать.

Она уехала, а я чуть было не сошел с ума. Как обезумевший носился на мотоцикле по городу и окрестным дорогам, дрался, лез на рожон, все чаще прикладывался к бутылке и волочился за другими девчонками. Какое-то время даже подумывал записаться в армию, но из-за отца и эту идею пришлось оставить. Словом, я много дров тогда наломал.

Хотелось выдернуть ее из воспоминаний, как колючий сорняк, или как загнанную под кожу занозу, причиняющую всему организму тупую, саднящую боль и спустя пару лет мне это почти удалось. Я жил обычной жизнью, работал, по вечерам просиживал в местном баре, заводил отношения с женщинами, разрывал их и заводил снова. Так, ничего се-

рьезного. Тогда мы оба считали, что все в прошлом.

Она тем временем окончила колледж, нашла неплохую работу и лишь изредка навещала в родные края. Мы почти не общались. Каждый из нас шел своей дорогой, но сталкиваясь в те редкие ее приезды, я всякий раз испытывал чувство голодной тоски.

После таких случайных встреч меня словно насаживали на огромный металлический вертел и поджаривали над медленно тлеющим костром. Вроде и терпимо, не так чтобы очень больно, но неприятно и выматывающе. Со временем я научился жить и с этим ощущением. Она уезжала, тоска затихала, я успокаивался и все шло по накатанной, но потом она приезжала и этот жертвенный обряд повторялся вновь.

Так продолжалось до тех пор, пока спустя семь лет после расставания мы случайно не очутились в одной постели. Дальше все произошло очень быстро. События развивались так легко и так стремительно, что когда Анна возвратилась совсем, нам обоим казалось, будто она никуда не уезжала. В два счета мы поженились, а всего через год родилась Терри. Следующие восемь лет мы оба были до чертиков счастливы.

Все закончилось ровно два года назад. Болезнь пришла внезапно и развивалась со скоростью выпущенной из револьвера пули – не помогла ни химиотерапия, ни пересадка костного мозга. Она сгорела всего за четыре месяца. Как спичка – вспыхнула и тотчас погасла.

Я винил себя. За то, что не настоял на походе к врачу,

как только она впервые пожаловалась на недомогание и слабость. За то, что два месяца отмахивался от ее слов о головной боли и участвовавших случаях простуды. За то, что не обращал внимания на ее неестественно болезненный вид. Тогда все это выглядело такой мелочью, но она и сама тянула с обследованием.

Раз за разом Анна откладывала визиты к докторам, уверяя меня и себя, что недомогание вызвано количеством свалившейся на нее в то время работы. Шутила, что ей просто необходим небольшой отпуск, который придаст ей свежих сил и все станет как прежде. И мы ждали этот отпуск. Если бы я тогда только знал, что он никогда не наступит.

По-настоящему я всполошился лишь после того, как она начала резко терять в весе. Мы наконец прошли обследование, но обнаружилось, что уже слишком поздно. За считанные недели болезнь приняла агрессивную форму и перешла в смертельное наступление. На тот момент ей исполнилось всего тридцать три.

В отличие от меня, Анна была набожной. Иногда мы спорили на эту тему и в такие минуты она повторяла, что Господь не оставит без внимания мои богохульные высказывания и другие грехи. Что ж, видимо, ее кровожадный Бог решил покарать меня таким странным способом и часто я думал – лучше бы он забрал меня вместо нее. Уж я бы не упустил случая предъявить ему всех своих претензий. Их у меня скопилось немало.

Пока я размышлял о своем никчемном существовании и заново переживал смерть Анны, ко мне навевалась Джонсон. Она заявила с предложением гарантированного снижения срока в обмен на признание вины. Великодушно пообещала всего восемь лет.

Я послал ее к черту. Твердо решил настаивать на самообороне, хотя уже почти смирился, что в заключении мне придется провести несколько долгих лет. Прежде чем мне предъявили официальные обвинения, я просидел за решеткой четверо изнурительных суток и только в четверг после полудня меня вызвали к судье, назначили государственного защитника и зачитали обвинительную речь. Вину я не признал.

Адвокат мне попался совсем молодой, всего год как окончивший юридическую школу, но, несмотря на это, парнем он оказался толковым и въедливым. Перед судебным заседанием мы успели переговорить лишь тридцать минут, но их хватило, чтобы я понял – выиграть этот процесс для него будет делом принципа. Он настоял на суде присяжных и я был с ним полностью согласен.

Помимо того, он ходатайствовал об освобождении меня под залог, но на принятие судом решения, а также согласование и улаживание всех формальностей потребовалось еще трое суток. В итоге количество проведенного мной в камере времени растянулось в семь дней. Выпустили меня только в понедельник.

Первое слушание по делу назначили через три недели и теперь в запасе я имел всего двадцать один день на подготовку к будущим испытаниям. Возможно, это будут мои последние дни на свободе.

На выходе из зала заседаний меня поджидала Джонсон. Объявив о наличии важного разговора, она в свойственной себе повелительной манере пригласила меня проследовать в ее кабинет. Я хотел было снова послать ее к черту, но в случае отказа та пригрозила вызвать меня уже официальным уведомлением. Представив, что в таком случае мне опять придется тащиться в округ, я нехотя согласился.

Департамент особого отдела полиции находился в соседнем с окружным судом здании. Их соединял длинный, крытый стеклом переход, так что далеко идти нам не пришлось. Весь путь мы проделали молча и только когда вошли в кабинет, Джонсон, указав на стул для посетителей, предложила:

– Присаживайтесь, Джон. У меня осталась к вам пара вопросов.

В кабинете царил идеальный порядок. На темной, до блеска отполированной мебели не наблюдалось ни пятнышка. Казалось, даже если заглянуть в самый дальний угол этого светлого, просторного помещения, не обнаружится ничего похожего на пыль или тем более мусор. Здесь вообще не было ничего лишнего.

Взгляд входящего сразу упирался в огромное, во всю стену окно и громоздкий рабочий стол. Остальная обстанов-

ка имела совсем уж минималистичный характер. Пара шкафов с документами, несколько полок и большой телевизор с плоским экраном на стене – вот и весь интерьер. Кабинет Джонсон оказался под стать ей самой – такой же холодный и бездушный, как и эта женщина в сером деловом костюме.

– Не представляю, о чем вы хотите поговорить, инспектор, но учтите, я не настроен на долгие задушевные разговоры, – сказал я, садясь на предложенный стул. – Я провел в камере семь суток и чертовски хочу домой. К тому же я вам уже все сказал.

– Уверены, что все, Джон? – Она уселась напротив, положила на стол сцепленные в замок кисти рук и вперила в меня взгляд своих ледяных светло-серых глаз. – Мне думается, нам обоим известно, что вы и ваш друг мистер Холдер чего-то недоговариваете. Не хотите сказать, чего именно?

– Не понимаю, о чем вы, инспектор.

– Понимаете, Джон, просто не хотите говорить. А знаете, вы ведь совсем не похожи на дурака. Напротив, вы производите впечатление человека неглупого и здравомыслящего.

– Приберегите свои комплименты для кого-нибудь другого, – презрительно усмехнулся я. – Зря тратите время. Ни за что не поверю, будто вы притащили меня сюда лишь для того, чтобы расхваливать мои умственные способности. Так чего вам надо, инспектор?

– Что ж, хорошо. Вижу, вы настроены на деловой разговор. – Джонсон выдержала многозначительную паузу, во

время которой не переставала пронизывать меня своими ледяшками. – Думаю, вы понимаете, что прокурор на судебном заседании запросит для вас не меньше двадцати лет за убийство второй степени. Двадцать лет, Джон. Вряд ли вы в полной мере отдаете себе отчет, что это значит. Вам сейчас тридцать пять, а когда выберетесь, будет почти шестьдесят. К тому времени вы будете никому не нужным, жалким, скорее всего, больным стариком. Ни семьи, ни друзей, ни работы, только тюремные связи. А ваша дочь? Чудесная девочка, кстати сказать. Насколько я помню, ей десять, а через двадцать лет будет тридцать. Как думаете, захочет она знать отца-уголовника?

«Сука! Какая же она сука!» – думал я про себя, впрочем, даже не пытаюсь утаить этих соображений на ее счет. Чувствуя, как белки глаз наливаются кровью, а челюсти сжимаются в крепкие тиски, я всем корпусом подался вперед.

– Не смейте вмешивать сюда мою дочь!

– Почему же? Вы ведь не думаете, что ее не коснутся разного рода трудности в случае вашего многолетнего заключения? Вас лишат родительских прав, она попадет в приемную семью, столкнется с травлей в школе, когда ровесники узнают, что ее отец убил двоих человек, ну и многое-многое другое. Вероятнее всего, винить во всем она будет именно вас.

– Мой адвокат будет настаивать на самообороне! Я...

– Прекрасно, – перебила Джонсон. – Только вот те, кого вы убили, были безоружны, а на вас ни царапины. Зато есть

орудие убийства, есть показания свидетеля и есть мотив.

– Мотив? – Мой голос сел до свистящего шепота, но тут же взмыл вверх: – О каком гребаном мотиве вы говорите, черт возьми?

– Я бы не рекомендовала вам использовать грубых выражений, Джон, – спокойно проговорила она. – Учтите, ваш выход под залог вполне можно обжаловать.

«Она ведь намеренно меня провоцирует, – проскользнула в голове мысль. – Эта сука добивается от меня какой-то ей одной известной цели, а я, как ослик с привязанной спереди морковкой, поддаюсь на все ее провокации».

Пытаясь овладеть собой, я расслабленно откинулся на спинку стула и разжал кулаки. Джонсон вдруг тоже сменила тактику. Как и я, она приняла непринужденную позу, прислонила спину к высокой спинке кожаного кресла и примирительным тоном произнесла:

– Вообще-то я пригласила вас не для того, чтобы пересказывать хорошо известные вам самому подробности той ночи. Я лишь хотела напомнить, что мое предложение все еще в силе. Признаете вину и я могу гарантировать всего восемь лет заключения. В противном случае, если вас объявят виновным по всем пунктам обвинения, вы получите куда больший срок. Я хочу, чтобы вы вдумались в эту цифру и хорошенько все взвесили.

– Я уже сказал свой ответ: идите к черту. Это все?

– Дело ваше. – Она равнодушно пожала плечами, затем

достала из ящика стола документ и протянула мне со словами: – Нет, не все. Это согласие о неразглашении. Вы должны его подписать.

Я не изменил положения тела и даже не взглянул на протягиваемый ею белый, исписанный мелким машинописным текстом лист.

– Без своего адвоката я не стану ничего подписывать.

– Можете позвонить адвокату, мистер Уилсон. Дождемся его. Это займет еще какое-то время, но мы ведь никуда не торопимся, верно? – черство заметила она, как вдруг устало вздохнула и смягчила тон: – Здесь сказано лишь о том, что вы не должны обсуждать подробности своего дела с журналистами.

– С журналистами? – удивленно воскликнул я. – Я не собираюсь общаться с чертовыми журналистами!

– Вот и отлично. Нам бы не хотелось раздувать шумиху в прессе. Думаю, вам тоже. Но как я могу предположить, с вами попытаются связаться, и тогда наверх всплывут самые нелицеприятные подробности вашей личной жизни. Я имею в виду ваши проблемы с алкоголем, смерть жены и другие интимные подробности. Вы ведь не хотите этого, я правильно понимаю? Поэтому просто подпишите и можете быть свободны. Пока можете.

Она все еще протягивала мне документ. Перегнувшись через стол, я взял его в руки, пробежался глазами по тексту и не найдя ничего, что противоречило бы ее словам, спросил:

– И что, если я не стану подписывать?

– Я бы не советовала вам играть с огнем, мистер Уилсон.

Поверьте, мы найдем способ заставить вас молчать. Насколько я знаю, совсем недавно вы с большим трудом вернули себе опеку над дочерью. В свете последних событий могу гарантировать вам крупные неприятности в этом вопросе, но есть и другие, более действенные методы.

«О каких методах говорит эта дрянь? И что значит – мы? Кто они такие, черт возьми?» – мельтешило в голове.

То, каким вкрадчивым голосом Джонсон произнесла последнюю фразу, а также промелькнувшее в ее бездушных глазах хищное выражение заставили меня думать, что это не просто угроза. Я помнил о толпе военных вокруг лаборатории, но понятия не имел с кем и с чем столкнулся. В любом случае, кем бы они не были, она ясно давала понять, что я всего лишь винтик, угодивший в гигантский безжизненный механизм и меня сотрут в пыль, стоит только начать сопротивляться.

Похоже, эти люди во что бы то ни стало хотят замять информацию о произошедшем и пойдут на все, чтобы заткнуть меня. Не возникало сомнений, что убрать меня с дороги и на долгое время засадить за решетку они готовы любой ценой.

«Может, не стоит идти на конфликт? Что толку биться головой в стену, выказывая никому ненужное геройство? Никто этого не оценит», – размышлял я. Да и в сущности, я действительно не собирался встречаться с журналистами.

– Хорошо, я подпишу вашу бумагу, – сдаваясь, холодно сказал я, – но не смейте угрожать мне дочерью. Я пойду на что угодно ради ее защиты.

– Договорились, – сухо бросила Джонсон.

Повертев документ в руках, я еще раз внимательно вчитался в текст и наконец решился поставить внизу подпись. Затем положил бумагу на стол, поднялся на ноги и коротко попрощался. Я уже подошел к двери, но в последний момент зачем-то обернулся. Вопрос, который мучил меня все эти дни, сам собой слетел с языка:

– Может, скажете, кем они были? Вам ведь это известно.

Джонсон как раз убирала в знакомую мне синюю папку подписанный только что документ. Услышав вопрос, она подняла глаза и взгляделась в мое лицо долгим пронизывающим взглядом.

– Пока вы можете быть свободны, мистер Уилсон, – провозгласила она спустя полминуты. – До свидания.

«Сука!» – в очередной раз подумал я, но решив не навлекать на себя новых неприятностей, молча вышел за дверь.

Глава 9

Покинув кабинет Джонсон, я быстро прошел через приемную с сидящей на телефоне секретаршей и очутился в прямоугольном, вытянутом в длину офисном помещении. Оно освещалось множеством ярких потолочных светильников, имело специфический канцелярский запах и было разделено на секции низкими деревянными перегородками. Каждую из

таких секций наполняли обычные для любой бюрократической конторы атрибуты. Я насчитал их не меньше пятнадцати.

Вокруг меня стоял настоящий гвалт. Со всех сторон неслись бессвязные обрывки разговоров, трели телефонных звонков, громкий перестук компьютерных клавиш. «Вот он – филиал ада во всем своем обличье», – успел мрачно подумать я, прежде чем натолкнуться взглядом на ближе всех стоящую ко мне пару.

Это был высокий лысеющий мужчина в черном деловом костюме, а рядом с ним темноволосая девушка в обычной бордовой футболке и синих джинсах. В данной обстановке она смотрелась до крайности нелепо, будто совершенно случайно забрела в этот вертеп и теперь спрашивает дорогу в надежде поскорее выбраться наружу. В следующую секунду я осознал, что выгляжу так же.

Пока я оглядывался в поисках выхода, до меня долетел небольшой обрывок их разговора. Они тихо спорили:

– Ты должна убраться отсюда, Марта. Я уже устал повторять, что мне нечего сказать. И Джонсон уродит нас обоих, если увидит тебя здесь.

– Тогда пусти меня к ней! – запальчиво воскликнула девушка. – Я лишь хочу получить ответы. Черт бы тебя побрал, Алан! Люди пропадают и вам всем тут что-то известно, но...

Они стояли ко мне вполоборота и я видел, с каким напряженным упорством девушка вглядывается в глаза собесед-

ника. Похоже, отступить, пока не добьется своего, она не собиралась. Ее лицо показалось мне смутно знакомым – определенно, раньше я его уже где-то встречал.

В тот момент, как я поравнялся с ними, она резко повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза. Взгляд ее оказался изучающим и цепким, точно оценивающим возможности потенциального противника. Мне подумалось, что такой бывает у политиков, полицейских и еще, пожалуй, журналистов. Зато теперь я ясно вспомнил, где видел ее.

Когда я уже прошел мимо, за моей спиной раздался звенящий металлом голос Джонсон:

– Что она здесь делает и кто ее впустил?

Обернувшись, я еще раз обвел взглядом покидаемое помещение и рассмотрел, с какой решительностью девушка направилась к ней. На секунду мне стало любопытно узнать, чем все закончится, но в следующее мгновение я передумал. Роб уже давно дожидался меня внизу.

Я позвонил ему, как только вышел из зала заседаний и получил отобранные при аресте вещи. Он сказал, что тотчас садится в машину и выезжает, однако с тех пор прошло не меньше полутора часов. Перед тем, как пойти на разговор с Джонсон, я звонил ему снова, чтобы предупредить об этой вынужденной задержке и теперь легко мог вообразить, насколько он раздражен.

Прежде чем выбраться в полукруглый, отделанный мрамором вестибюль, еще долго я петлял по запутанным слу-

жебным коридорам, но и там меня встретило препятствие в виде пожилого и чересчур бдительного охранника. Пришлось потратить несколько томительных минут на объяснения с ним и только после того, как я предъявил документы, а затем расписался в журнале посещений, он выпустил меня на улицу.

Снаружи по-прежнему стояла жара. На календаре значилось уже двадцать третье сентября, но лето, как видно, и не думало отступать. В раскаленном до белизны небе ослепительно сияло солнце, воздух переполняли самые разнообразные звуки и запахи, а краски казались мне до того яркими, словно после многолетней слепоты я внезапно прозрел.

Зажмурившись от неожиданности, я ненадолго замер у входа. Отовсюду звучал непрекращающийся шум. Он то смешивался в сплошной монотонный гул, то дробился на отдельные, четко угадываемые отголоски большого города.

Я слышал рев проезжающих мимо автомобилей и неспешную речь прохожих, приглушенную, ритмичную музыку из окна многоэтажного дома напротив и бьющий вдалеке церковный колокол, тревожный вой сирены и крики играющих на баскетбольной площадке детей, нетерпеливый сигнал велосипедного гудка и надрывный собачий лай ему вслед... А запахи! Они были привычны и давно знакомы, но в эту минуту я ощущал их с такой поразительной ясностью, что улавливал даже ароматы уличной еды из торговой палатки на другом конце площади.

Всего за семь проведенных в изоляции дней органы моих чувств обострились до невообразимых пределов. Интересно, что станет с ними, когда я выберусь из заключения после пары десятков лет? Вероятно, обезумею от свалившихся на меня ощущений.

Закурив, я с наслаждением потянул в себя крепкий сигаретный дым, одновременно с тем высматривая пикап Роба. Не обнаружив его на парковке, я начал спускаться по лестнице и был уже в самом низу, когда меня окликнул женский голос. Он принадлежал той девушке, что требовала встречи с Джонсон.

– Извините! – крикнула она, торопливо покидая здание. – Можете уделить мне минутку? Я бы хотела задать вам пару вопросов.

Ее просьба вызвала у меня раздраженную усмешку – за сегодняшний день я слышал ее по меньшей мере трижды, но, похоже, все это время она бежала следом за мной. Выглядела она запыхавшейся, а ее объемная, переброшенная через плечо сумка перекрутилась и зияла открытым нутром. Вероятно, в спешке она забыла застегнуть на ней молнию.

Я с интересом наблюдал за ее торопливым спуском, но когда журналистка почти сбежала вниз, опомнился и ответил категоричным отказом. Затем развернулся и зашагал ко входу в окружной суд – только теперь до меня дошло, что Роб припарковался именно там. Она неотвязно следовала за мной.

– Пойдите! Вы ведь были сейчас у Джонсон! Я видела, как вы выходили от нее. Да пойдите же! Всего пара вопросов...

Не обращая внимания на ее призывы, я быстро шагнул вперед. Она не отставала. Когда она все-таки нагнала меня, я резко остановился и довольно грубо оборвал:

– Я ведь сказал, что у меня нет ни времени, ни желания на разговоры. Неужели не ясно? И не нужно меня преследовать.

Неожиданно на лице у нее проскользнула гримаса обиженного ребенка, однако в тот же миг ее сменило выражение пуленепробиваемого упрямства. Ее узкая нижняя челюсть своевольно выдвинулась вперед, в глазах же зажглась настырная настойчивость. Наступая, скороговоркой она выпалила:

– Вам известно что-нибудь о пропавших людях? Вы поэтому были у Джонсон? Она говорила что-нибудь о причинах исчезновений? Или о том, что произошло в лаборатории? Почему вы не хотите сказать?

Ошалев от такого количества вопросов, а также от напора, с каким они были заданы, я чуть не покрутил пальцем у виска, но вместо того мимикой дал понять, что принимаю ее за кого-то вроде городской сумасшедшей. Не дожидаясь порции новых вопросов, я вновь развернулся и зашагал в поисках Роба. Журналистка от меня наконец отстала.

Как я и предполагал, Роб ждал меня на парковке перед судом. Терри была с ним. Едва увидев меня, она выскочила

из машины и с разбега воткнулась лицом в мой живот.

– Привет, детка! – посмеялся я с такого теплого приема. – Сейчас всего лишь сентябрь, а ты сверкаешь как рождественская ель!

– Привет, пап! Я так рада, что тебя отпустили! – сжимая меня в объятиях, рассмеялась она в ответ.

– Я тоже, но забирайся-ка обратно в машину. Хочу как можно скорее убраться отсюда.

Дважды просить не пришлось. Терри мигом уселась на заднее сиденье, обхватила сзади мою шею и не разжимала рук практически до самого дома. Нашей встрече я тоже был несказанно рад, но не мог не отметить, чего ей стоили переживания последних дней – лицо у нее осунулось, в глазах, несмотря на довольную улыбку, притаилось выражение растерянной тоски и даже веснушки на вздернутом носу приобрели более бледный оттенок.

Минувшую неделю она провела в доме Роба и Айлин и я знал, что там она находилась в полной безопасности, а кроме того, была окружена вниманием и заботой, но в дальнейшем мне придется поговорить обо всем с Джесс. Она осталась единственной из родственников, кто сможет взять на себя опеку в случае вынесения мне обвинительного приговора. Представляя себе этот диалог, я заранее приходил в дурное расположение духа.

Джесс никак не могла простить мне того, что Анна бросила карьеру финансиста в крупной международной компа-

нии и предпочла ей скучную жизнь в провинции. По ее мнению, и возвращение Анны в родной город, и болезнь, и даже смерть произошли по моей вине. Собственно говоря, я и сам так считал.

На пути к дому мы с Робом обменивались новостями. Их оказалось в избытке. Так, выяснилось, что пока Джонсон в кабинете Билла зачитывала мне права, Роб сумел кое-что узнать от Сандры. Очень осторожно она поделилась с ним полученной к тому времени информацией.

В числе прочего она рассказала, что местному патологоанатому до приезда криминалистов и судмедэкспертов из округа удалось провести осмотр найденного в лесу тела и сделанное им заключение выглядело невыносимым. По его словам, негр умер от сильнейшего отравления за несколько дней до того, как я оставил его без лица. Чем оно было вызвано, патологоанатом не знал – ранее сталкиваться с чем-либо подобным ему не приходилось.

К сожалению, полное вскрытие сделать он не успел, потому как в операционную заявились люди из особого отдела. На вертолете они вывезли и тело, и все имеющиеся улики. Причем, сделали они это в страшной спешке и не менее страшной секретности.

Следующая новость состояла в том, что пока Джонсон меня допрашивала, был обнаружен второй труп. Его нашли в километре от места, где я в него выстрелил и, судя по следам, все это расстояние он проделал самостоятельно. Периметр

обнаружения тела оцепили, прибыло много криминалистов и еще один вертолет, но Броуди, который показывал им местность, успел увидеть достаточно, прежде чем ему приказали уехать.

Также выяснилось, что вездесущая Джонсон навевдалась и к Робу. Вменяя соучастие в убийстве, его арестовали в один день со мной, но спустя двое суток отпустили. Он подписал ту же бумагу, которую сегодня она подсунула мне, однако в ярость меня привело другое. Эта хладнокровная дрянь умудрилась обработать и Терри.

Услышав об этом, я чуть не заставил Роба развернуть машину и только разобравшись в сути состоявшейся между ними беседы, немного остыл. Терри Джонсон не стала мучить вопросами об Анне, лишь расспросила о том, как все случилось и что она видела. Моя дочь умная девочка, даже чересчур для своих десяти лет – она ни слова не проронила о необычном поведении тех тварей, пропаже людей или видео, что показывала мне в день ареста.

Домой мы добрались в пятом часу вечера. Роб быстро уехал, а нашу с Терри семейную идиллию почти сразу нарушил громкий спор. По правде, между нами нередко вспыхивают жаркие споры. Терри отличается поистине ослиным упрямством и этой чертой иногда основательно выводит меня из себя, но по-настоящему я на нее не злюсь. Мне известно, от кого эта черта ей досталась.

На этот раз причина спора была банальна. Сидя заужи-

ном, она объявила о намерении прогуляться к подруге, я же настаивал, что не следует выходить одной. Пока я отсиживался в камере, количество исчезновений перевалило за тридцать, так что момент для вечерних прогулок был явно не самый подходящий. Поняв, что я не уступлю, она обиженно надула губы, молча доела ужин и поднялась к себе в комнату.

Долго еще из-за закрытой двери до меня доносилась громкая музыка, смех и обрывки разговоров по видеосвязи. Все-таки современным детям здорово повезло – они имеют возможность общаться даже на расстоянии. Когда меня в детстве запирали дома, приходилось коротать вечера в одиночестве. А впрочем, я всегда умудрялся сбежать через окно, за что потом получал от отца. В детстве мне крепко от него доставалось.

После ухода дочери меня начала грызть запоздалая злость на Джонсон. Я жалел, что подписал то соглашение. Жалел не потому, что мне не терпелось пообщаться с прессой, а всего лишь из-за желания поставить ее на место. До бесконечности я прокручивал в голове наш дневной разговор, придумывал остроумные ответы на ее тупые вопросы, мысленно смеялся в лицо на все выдвинутые ею угрозы.

В собственном воображении я мнил себя таким отважным героем, разящим врага одним только метким словом, на деле же был не умнее пресловутого рыцаря, сражающегося с привидевшимися ему великанами. Болван! Конечно, я сознавал насколько мое занятие смешно и абсурдно и в то

же время ничего не мог с собой поделаться – Джонсон вызвала во мне настолько сильное чувство неприязни, что хотелось буквально уничтожить ее. Пусть лишь словесно и лишь у себя в голове.

Где-то я слышал, что подобное состояние называют «остроумием на лестнице» – спор давно окончен, а человек никак не может успокоиться, изобретая все новые убийственные аргументы с целью одержать верх над противником. Судя по всему, со мной происходило именно это.

В попытке отвлечься, я щелкнул кнопкой на пульте и включил телевизор. Там как раз начинался выпуск новостей. Намеренно или случайно, но я включил телеканал Ти-Эн-Си и как по заказу на экране появилась та ненормальная журналистка, что преследовала меня днем.

Она обеспокоенно говорила о том, что ни представители администрации округа, ни полиция по-прежнему не дают объяснений по поводу пропажи уже тридцати двух человек, а также ситуации со скоплением военных вокруг лаборатории. Чтобы хоть как-то успокоить людей, полиция заявляла о масштабных поисках пропавших, но насчет лаборатории помалкивала, уверяя, будто не располагает никакой информацией. При этом любая связь между двумя этими событиями ими начисто отвергалась, однако зачем-то они призывали жителей не выходить из домов.

Все это выглядело до смешного нелепо. И дураку уже было ясно, что происходит нечто странное, а власти нарочно

скрывают какие-то неудобные для них факты. В городах постепенно назревала паника. У людей вызывало подозрение это глухое замалчивание, а в дополнение к тому, всех пугала неизвестность и противоречивые слухи.

Ежедневно то тут, то там всплывала информация о разгуливающих по ночным улицам агрессивно настроенных личностях, но все факты таинственным образом подчищались, а свидетели, ранее заявлявшие о столкновениях с ними, очень быстро шли на попятную или вовсе пропадали из поля зрения. Обсуждалось происходящее также и в различных телевизионных шоу, но зачастую преподносилось под соусом напрасно раздуваемой паники. В студии приглашались никому ранее неизвестные эксперты, разбирающиеся в теориях заговоров, медики, авторитетно заявляющие о появлении нового вида сильнодействующего наркотического вещества, уфологи, твердящие о похищениях, организованных инопланетными цивилизациями, религиозные фанатики, адепты нейролингвистического программирования, разномастные эзотерики, парапсихологи и прочие оккультисты. Одним словом, в информационном пространстве творилась полная вакханалия, а в глазах неискушенного зрителя все связанное с последними событиями всячески обесценивалось, критиковалось, либо тщательнейшим образом высмеивалось.

В противовес телевизионным шоу, масла в огонь подливали гуляющие по интернету видеоролики. Помимо того, что мы видели с Терри, за неделю в сети появилось еще пару

видео с такими же загадочными существами. Пока никто не мог в точности объяснить, кто они, но подсознательно люди чувствовали – за их появлением скрывается нечто страшное. Нечто, чего стоит опасаться.

Я тоже это чувствовал и от таких размышлений у меня буквально взрывалась голова. Мысли хаотично кружились по кругу, путались, перескакивали с одного на другое, но сосредоточиться на чем-либо конкретном мне не удавалось. За вечер я докурил начатую днем пачку сигарет и взялся за вторую, а также пил четвертую по счету кружку кофе.

Когда на часах пробило одиннадцать, я решил, что пора прекращать заниматься бессмысленным перебиранием мыслей. С прошлого воскресенья я практически не спал и теперь каждой клеткой организма ощущал, что отдых мне жизненно необходим. В конце концов я затушил сигарету, допил остатки кофе и поднялся наверх.

– Детка, я иду спать, – проходя мимо комнаты Терри, громко сказал я. – Спокойной ночи.

Ответом мне послужило молчание и чуть слышные звуки музыки.

– Терри, ты спишь? – спросил я настойчивей.

– Да. Спокойной ночи, папа, – подчеркнуто вежливым тоном отозвалась она.

Терри все еще злилась. Я улыбнулся этой детской обиде, зная, что к утру от нее не останется и следа. Временами моя дочь была вспыльчивым, но, к счастью, быстро отходчивым

ребенком.

Еще минут пятнадцать я потратил на то, чтобы принять душ и уже почти засыпал на ходу, но когда наконец улегся в постель, проворочался не меньше двух часов, прежде чем ненадолго уснуть.

Глава 10

Когда я открыл глаза, на часах было семь утра. Дом хранил сонное молчание, за окном же всюду светило солнце. Просачиваясь сквозь тонкие занавески, утренние лучи отбрасывали по комнате рассеянный свет, мягко освещали кровать, легким теплом ложились мне на лицо. Ощущать это тепло на коже было приятно.

Поспать мне удалось всего часа четыре и все это время снилась какая-то бессмысленная муть. Сны были из разряда не связанных между собой сюжетов, где я бежал и не мог сдвинуться с места, боролся с кем-то, но для удара не получалось поднять руки, пробовал говорить, однако язык тяжелым бесформенным сгустком лишь неповоротливо шлепал об небо. Когда же я наконец проснулся – увиденное улетучилось из памяти с той же стремительностью, с какой улетучивается пар от нагретой до температуры кипения воды. Только что ясно все помнилось, как вдруг бесследно стерлось из памяти.

Главным лейтмотивом моих ночных кошмаров являлась грозящая Терри опасность. В них я точно знал, что должен защитить ее от некой надвигающейся угрозы, но увен-

чалось ли это успехом – вспомнить не выходило. В сознании всплывали только разрозненные фрагменты, из которых невозможно было составить картину целиком, а между тем собрать этот пазл отчего-то очень хотелось.

Так бывает, когда собираешься произнести какое-то слово, но внезапно обнаруживаешь, что оно напрочь затерялось в пыльных разветвлениях разума. Пытаясь отделаться от этого надоедливое ощущение, я снова прикрыл глаза и еще некоторое время лежал без движения. «Вот бы также отделаться от проблем, что окружают меня в реальности», – скользнула в голове утопическая мысль.

Вылезать из-под одеяла было ужасно лень. Хотелось послать все к черту и подольше поваляться в постели, но вспомнив, что сегодня вторник, я спустил ноги на пол и просидел так еще пару минут. От недосыпания, непривычно жесткой лежанки в камере окружной тюрьмы, да и от напряжения, пережитого в ночь на прошлое воскресенье, все тело ужасно ломило. Чувствовал я себя так, словно накануне бежал многочасовой марафон.

Перебарывая усталость, которая по ощущениям стала уже хронической, я все-таки поднялся, напялил джинсы и наскоро умывшись, отправился будить Терри. Через двадцать минут она сидела за столом, зачерпывала ложкой хлопья с молоком и рассуждала на свою излюбленную тему. Как я и предполагал, вчерашние обиды были начисто позабыты.

– Как же не хочется в школу, – скорбно тянула она. – Ну

почему непременно нужно ходить на эти дурацкие занятия, пап? Разве человек не может делать только то, что ему нравится?

Я украдкой улыбнулся, так как слышал подобные рассуждения почти каждое утро.

– Ты же знаешь, что не может. Если все будут делать только то, что им нравится, в мире быстро наступит анархия и хаос.

– Это еще почему? Наоборот, мне кажется, будет очень даже здорово!

– Поначалу, возможно, но очень скоро это закончится. Представь, что никто не захочет выполнять своих обязанностей. Из магазинов исчезнут продукты и вещи первой необходимости, перестанут летать самолеты, остановятся заводы и поезда, пропадет электричество и связь. Ты будешь первая, кто начнет жаловаться, ведь и интернета не станет. Помимо прочего, некому будет лечить и спасать людей, некому охранять порядок, убирать скопившийся мусор и так далее. Короче говоря, довольно быстро мы скатимся к уровню пещерного человека, начнем охотиться на диких зверей, добывать огонь и ходить вместо одежды в медвежьих шкурах. Миру настанет конец.

– Звучит не так уж плохо, – посмеялась Терри с моих философских измышлений. – Может, тогда люди перестанут наконец загрязнять природу! А что такое анархия?

– Вот чтобы это узнать, ты и отправишься в школу, – в

притворном злорадстве ухмыльнулся я, но затем все же решил немного ее подбодрить. – Ты ведь говорила, что тебе нравятся уроки литературы. И потом, в школе ты вроде бы отлично проводишь время с друзьями.

– Ну, во-первых, литературы сегодня не будет, а во-вторых, с друзьями можно отлично проводить время и без школы.

Новых доводов у меня не нашлось. Я молча доедал свой сэндвич и пил кофе, а Терри меланхолично разглядывала содержимое почти пустой тарелки. Мы оба задумались каждый о своем, но спустя минуту она вдруг с твердостью в голосе произнесла:

– Я хочу быть врачом, когда вырасту. Хочу лечить людей, делать им операции и спасать их от смерти.

– Врач отличная профессия, детка, – после непродолжительной паузы заметил я. – Сложная, но почетная и востребованная. Если ты действительно решишь стать врачом, это будет хороший выбор.

Мне не стоило объяснять, как Терри пришла к такому выбору – это было ясно без слов. Между собой мы никогда не говорили о смерти Анны, но каждый из нас знал, как другому ее не хватает. Рана хоть и затягивалась, но слишком медленно, а временами боль от потери становилась почти непереносимой.

– А ты чем будешь заниматься весь день? – меняя тему, полюбопытствовала она.

– У меня дел по горло. Для начала нужно съездить в мастерскую. Хочу закончить работу с той машиной, про которую я тебе рассказывал, потом думаю повидаться с Робом, заехать в магазин и оплатить счета. Позже еще нужно созвониться с адвокатом и, наверное, заскочить к Биллу. Как видишь, у меня масса скучных взрослых обязанностей, которые я тоже совсем не хочу выполнять.

Подражая ее любимой гримасе, я брезгливо сморщил нос, чем заслужил иронично-презрительную, но все же веселую улыбку. Еще через пять минут мы вышли на улицу, уселись в машину и отъехали от ворот гаража.

На пути к школе я включил местную радиостанцию и сразу же попал на выпуск новостей. Вероятнее всего, новости сейчас выходили непрерывным потоком, потому как в окружном центре творилось что-то неслыханное. Голос радиоведущего быстро говорил о том, что наряды полиции блокируют кварталы, над городом кружат вертолеты, а жителей настоятельно призывают не выходить из домов.

К правительственным зданиям уже начали подходить толпы митингующих. Они требовали разъяснить ситуацию с исчезновениями людей, но пока к ним стягивалась лишь цепь военных с призывами разойтись. Кое-где намечались стычки.

– Дерьмо! – выругался я. – Прости, детка. Что там в интернете?

– Пишут, что в округе везде пробки, а на улицах беспо-

рядки.

– Понятно.

Круто развернув машину, я поехал в сторону дома Роба и Айлин.

– Мы не едем в школу? – воскликнула Терри и было неясно, чего в ее голосе больше – удивления или восторга.

Я не ответил. Вместо того сосредоточенно вел машину, отмечая про себя, как непривычно много людей скопилось на улицах. Для небольшого городка с тихими районами это было в диковинку. Обычно по утрам нам попадаются лишь редкие прохожие, либо торопящиеся на занятия школьники, но сегодня на лицах всех встречающихся читалось волнение и растерянность. Похоже, мы были единственными, кто с утра не смотрел новостей.

– Думаю, школу мы сегодня прогуляем, – наконец сказал я. – Боюсь, эта волна может быстро докатиться до нас и тогда начнется паника. Не хочу искать тебя в толпе обезумевших родителей и ревуших детей.

– Согласна, – с плутоватой улыбкой проронила Терри, после чего уткнулась в телефон и принялась что-то быстро печатать.

Когда мы подъехали к дому Роба, он как раз отходил от входной двери. Айлин стояла на пороге, с тревогой наблюдая за тем, как стремительно он шагает к выходу из сада. Судя по его виду, этой ночью он тоже плохо спал.

Выбравшись из машины, я помахал ей рукой и стал под-

ждать, когда Роб выйдет к дороге. На приветственный вопрос о том, как у него дела, он резко бросил:

– Хреново! Новости смотрел?

– Только что услышал по радио. Вез Терри в школу, но послушав, передумал. Куда направляешься?

– Хочу съездить к Биллу, – шурясь от солнца, угрюмо проворчал он. – Может, он скажет что-то новое. Я уже звонил несколько раз, но трубку берет дежурный. Ты со мной?

Пока я раздумывал, сзади к нам подошла Айлин.

– Привет, Джон. Ты поедешь с Робби?

Она вышла к дороге следом за мужем и, как всегда, мило улыбалась, но было заметно, что на ней лица нет. В ее золотисто-карих глазах плескалось едва скрываемое смятение, а между тонких бровей залегла глубокая беспокойная складка. Несмотря на теплую погоду, она куталась в длинную вязаную кофту и, очевидно, мерзла.

– Да. Возможно, и правда удастся что-нибудь выяснить, – ответил я.

Айлин тотчас предложила Терри остаться с ней и та, недолго думая, согласилась. Дом Холдеров она обожала. Им обоим было уже слегка за пятьдесят и практически всю свою жизнь они прожили вместе, вот только с детьми у них не заладилось. Может, именно потому в свое время они с таким рвением взялись опекать меня, а затем перенесли эту опеку и на мою дочь. Пожалуй, она была для них кем-то вроде любимой внучки и Терри на их привязанность отвечала не ме-

нее пылкими чувствами.

Оставив их вдвоем, мы с Робом сели в машину и поехали к полицейскому участку. Вот только чем ближе мы к нему подъезжали, тем больше я снижал скорость. Людей и машин встречалось небывало много. Казалось, в это утро все жители нашего городка покинули свои дома, чтобы направиться к центру. Они двигались туда же, куда и мы – в сторону главной площади.

Подъехав к ней, мы с трудом отыскивали парковочное место, а затем стали протискиваться сквозь непрерывно прибывающую толпу. Очень скоро я с удивлением отметил, что многие оборачиваются нам вслед, украдкой указывают на нас другим присутствующим и тихо переговариваются между собой. Все встало на свои места, когда к нам подошел один из давних друзей Роба.

От него мы узнали, что историю о наших воскресных похождениях полчаса назад напечатали на первой полосе утренней газеты. Новость мгновенно разлетелась по городу, вызвала переполох и совместно с известиями из округа побудила людей отправиться за ответами к городской администрации. К нам то и дело подходили знакомые, но всем мы говорили одно – к написанному в газете добавить нам нечего.

Разузнать что-либо у Билла не вышло. Перед входом в отдел полиции стояло уже человек сорок и, так же как мы, они хотели услышать от него объяснения о происходящих событиях. Внутрь никого не впускали. Осознав бессмысленность

своей затее, пробиваться к нему мы не стали, да и едва ли это имело смысл.

Подозреваю, Билл знал не больше нашего, а если бы и знал что-нибудь, вряд ли рассказал в условиях нарастающей паники. К тому же факты о случившемся как-то просочились в прессу, хотя ни я, ни Роб ни с кем не разговаривали. Как журналисты обо всем пронюхали, оставалось загадкой.

Особому отделу на несколько дней удалось замять все подробности – они забрали улики, настрого запретили местной полиции распространяться о ходе дела, с нас взяли подписки о неразглашении и все же спустя полторы недели информация обо всем вылилась наружу. В это утро она произвела настоящий фурор. К девяти утра на площадь стеклось столько народа, что стало не протолкнуться.

До сегодняшнего дня жители в таком количестве собирались здесь только по праздникам и, если бы не отсутствие торговых палаток и музыкального шоу на сцене местного клуба, столпившуюся ораву можно было принять за веселящихся на каком-нибудь фестивале. Однако эти люди пришли сюда не веселиться. Они жаждали ответов и, судя по всему, пока не получают их, расходиться не собирались.

– Давай выбираться отсюда, – буркнул Роб. – Все равно никакого толку.

Я хотел остаться еще, но решил не спорить. Резона в топтании на переполненной площади действительно было мало. Но едва мы надумали уходить, как по толпе прошлось волне-

ние. На пороге администрации появился помощник городского главы. Он призвал всех к спокойствию и пообещал, что через несколько минут сам Томас Картер выступит с заявлением.

– Послушаем, что он скажет? – предложил я.

– Давай, – нехотя согласился Роб.

Выражение его лица отчетливо говорило о все возрастающем раздражении. Я его тоже испытывал – стоять в галдящем море людских голов было не лучшим из развлечений, но кто сегодня вообще мог думать о развлечениях?

Минут через пятнадцать к собравшимся и в самом деле вышел Томас Картер. В своей речи он подтвердил, что десять дней назад на двоих мужчин и ребенка было совершено нападение. Он сказал, что произвели его трое неизвестных, двое из которых в итоге оказались застрелены, а еще одному посчастливилось скрыться.

Также он добавил, что делом занимается особый отдел полиции, ведется тщательное расследование, сбежавшего ищут, поисковые отряды прочесывают лес. Про беспорядки в округе и исчезновения людей ему рассказать было нечего. Он лишь повторил, что расследование ведут лучшие сотрудники особого отдела, а под конец рекомендовал всем сохранять бдительность и по возможности не выезжать за пределы города.

Со стороны было забавно наблюдать, как он пересказывает то, что уже говорилось в утренних новостях и по недоволь-

ному гулу толпы становилось очевидно – забавно не только нам.

– Все ясно, – недовольно проронил Роб. – Ему, как и остальным, ничего не известно. Зря только потратили время.

Стараясь утихомирить собравшуюся публику, Томас Картер говорил что-то еще, но от выслушивания его дальнейшей пустой болтовни мы решили воздержаться.

– Что будешь делать? Есть планы? – спросил я, когда мы наконец прорвались к машине.

– Подумываю заготовиться продуктами на неделю. Сейчас все ломанутся в магазины.

– Да, пожалуй, – приняв его слова за шутку, усмехнулся я.

По Робу никогда нельзя было понять, в какой момент он говорит всерьез, а в какой шутит, но так как я в любом случае планировал ехать за покупками, то отправился вместе с ним. Однако увидев, что он и впрямь нагружает магазинную тележку запасами провизии, уже со смехом спросил:

– Ты, случаем, не в подвале собрался отсиживаться? Если что, побереги для нас местечко.

В ответ он отмахнулся, посоветовав мне заткнуться и не умничать, но потом добавил:

– Ты бы тоже купил самое необходимое на несколько дней. Увидишь, к вечеру полки опустеют.

– Да брось, Роб! Не все же такие паникеры, как ты, – поддел я. – А даже если сегодня опустеют, завтра привезут еще. Поверь, магазины не упустят случая извлечь выгоду с обезу-

мевшей толпы.

Я не видел оснований поддаваться панике и все же под его настойчивым давлением прибавил к основным покупкам большую упаковку консервов, батарейки, кофе и сигареты. После мы зашли еще в оружейный магазин, где оба пополнили запас патронов. То помповое ружье, из которого я застрелил двоих ублюдков, у меня изъяли в качестве улики, но дома хранился охотничий обрез. Вечером я планировал достать его из сейфа и положить под сиденье в машине – лучше, если он будет у меня под рукой.

Покончив с закупками, я отвез Роба домой, забрал Терри и вдвоем с ней отправился в свою мастерскую. Еще перед той злосчастной поездкой на рыбалку я взялся за работу над одной интересной машиной и теперь намеревался завершить начатое, чтобы потом приняться за остальное. До судебного процесса мне хотелось во всем навести в порядок. Возможно, из зала суда я уже не выйду, так что не лишним будет оставить дела в надлежащем виде.

В мастерской этой я работал уже двадцать лет и мог с закрытыми глазами собрать и разобрать практически любую деталь. К технике меня тянуло с детства, а потому попав сюда в пятнадцать, я сразу понял – заниматься ремонтом машин мое призвание. Ничего другого я, собственно, не умел.

Дон Кларк, когда-то взявший меня учеником и долгое время бывший моим боссом, давно уже состарился и отошел от дел. После рождения Терри я исхитрился на скопленные

деньги выкупить у него это скромное помещение вместе со всем оборудованием. С тех пор здесь многое изменилось. Я слегка расширил площадь, поставил еще один автоподъемник, докупил кое-какой инструмент и даже открыл небольшой кузовной и малярный цеха. В общем, к своей мастерской я прирос намертво и ни за какие деньги не променял бы ее на что-то более прибыльное.

К слову, именно здесь я познакомился с Робом. Я пришел сюда ничего не умеющим пятнадцатилетним юнцом, а он всего за несколько лет сделал из меня первоклассного автомеханика. Всему, что умею, я по большому счету обязан ему. Правда, спустя шесть лет он отсюда уволился, но дружба наша с тех пор не прерывалась.

Теперь со мной тут работают Ларри и Томми. Они оба отличные ребята и вместе мы составляем слаженную команду. Те месяцы, что я проводил в пьяном угаре, эти двое прикрывали мою задницу и, если бы не их помощь, вряд ли бы я удержался на плаву. В целом дела у нас сейчас идут довольно неплохо – почти весь город обращается к нам, когда требуется ремонт или техническое обслуживание.

В данный момент оба отсутствовали. Скорее всего, они тоже торчали на площади, что мне было даже на руку – я предпочитаю работать в тишине и одиночестве. Пока я увлеченно ковырялся под кузовом старого Понтиака, Терри нашла себе занятие за компьютером в моем небольшом кабинете, так что и она мне не мешала.

Понтиак был достаточно редкой модели, именно потому я взялся за него с таким энтузиазмом. Спустя пару часов я по-прежнему стоял у него под кузовом, полностью погруженный в процесс разгадывания очередной головоломки, когда до моего слуха донесся шум двигателя. Определив по звуку, что это не кто-то из моих парней, я вышел взглянуть, кто приехал.

У ворот стоял черный минивэн. Как только я переступил порог, его боковая дверь со слабым скрипом открылась. Первым на землю выпрыгнул высокий, тучный парень, а следом за ним девушка в темных очках. Заметив в руках здоровяка увесистую видеокамеру, я с досадой сплюнул на землю.

– Вот дерьмо! Только чертовых папарацци мне сейчас не хватало!

Глава 11

Едва выйдя из машины, девушка сняла очки и энергично пошла мне навстречу. И по ее пружинистой походке, и по решительному виду с первого взгляда становилось ясно – на этот раз она намерена выудить из меня всю нужную ей информацию.

Подойдя вплотную, она протянула для приветствия руку и с широкой улыбкой спросила:

– Джон Уилсон? – Несколько оторопев от нахрапа, с каким она, по-видимому, привыкла обращаться ко всем вокруг, я пожал ее узкую ладонь и молча кивнул. – Здравствуй-те, я Марта Дилл. Телеканал Ти-Эн-Си.

«Вижу, Марта, черт бы вас побрал, Дилл!» – мысленно выругался я, а вслух сказал:

– Я вчера вроде ясно дал понять, что не настроен на разговоры, но сегодня вы, как погляжу, притащили с собой подмогу. Чем могу быть полезен?

Конечно, это была та самая ненормальная журналистка, что гонялась за мной вчера по парковке особого отдела, и репортажи которой я уже дважды видел по телевизору. Я узнал ее еще до того, как та сняла очки. В руках она сжимала устройство, похожее на диктофон и в придачу к нему зачем-то еще блокнот с ручкой.

Ростом она оказалась ниже, чем мне запомнилось с нашей вчерашней встречи – ее макушка едва доставала мне до плеча. На ее улыбку я отреагировал непроницаемым выражением лица, но словно не замечая, она продолжала сверкать зубами, а после моих слов и вовсе непринужденно рассмеялась.

– Вчера я понятия не имела, кто вы, мистер Уилсон, а уже сегодня ваше фото на первой полосе утренней газеты. Можете представить мое удивление, когда я вас там обнаружила? – Она вновь лучезарно улыбнулась, но тотчас деловым тоном произнесла: – Я бы хотела задать вам пару вопросов о том, что произошло той ночью.

В то время, как она отвлекала меня своими оболъстительно-фальшивыми улыбками, оператор приблизился к нам. Я не придавал этому значения, пока не заметил, что он вклю-

чил камеру. Это вмиг вывело меня из себя.

– Эй, ты, прекрати снимать! – сделав к нему шаг, с угрозой выкрикнул я.

– О, простите! Пит, выключи, пожалуйста, камеру. – Журналистка бросила на него выразительный взгляд и вновь повернулась ко мне. – Это Пит Райли, мой оператор. Еще раз извините, мистер Уилсон.

Здоровяк с камерой безропотно отошел в сторону и занял позу покорного ожидания, а я, глядя сверху на ее улыбающееся лицо, грубо спросил:

– Как вы меня здесь нашли?

– Я пообщалась с вашей соседкой и та подсказала, где вас искать. Роуз оказалась милой старушкой... – Тут она улыбнулась еще шире, помахала рукой куда-то мне за спину и с весельем в голосе воскликнула: – Привет! Как дела?

Обернувшись, я увидел, что Терри стоит в дверях мастерской с любопытством наблюдая за нашим разговором. На приветствие Марты Дилл она тоже улыбнулась и махнула рукой.

– Терри, живо зайди внутрь! – предупреждая ее возможные пререкания, строго велел я.

К моей радости, спорить она не стала, лишь состроила кислую гримасу, после чего молча скрылась из виду. Вернув взгляд к журналистке, я уже собирался сказать, что им лучше уехать, но она опередила меня:

– Это ваша дочь, мистер Уилсон?

– Послушайте, мисс... э-э-э, простите?

Зачем-то я сделал вид, будто забыл ее имя. Не знаю, зачем

– я прекрасно помнил как ее зовут.

– Дилл. Можно просто Марта, – подсказала она.

– Да, мисс Дилл. Не понимаю, для чего вы приехали. Мне совсем нечего вам рассказать и я не горю желанием стать звездой выпуска новостей. Вы меня понимаете?

Я многозначительно глянул ей в глаза, вполне прозрачно намекая, что интервью не будет и вместе с тем отчего-то мне не хотелось перегибать палку. Что-то в ее открытом, подвижном лице останавливало от настоящей грубости. Меня разозлил их приезд и особенно разозлил оператор, но улыбка ее вызывала необъяснимую симпатию и в некоторой степени даже сочувствие.

В конце концов, она всего лишь выполняет свою работу, да и слишком хорошо мне запомнилось, как отважно она вчера двинулась на Джонсон. Уже за одно это я поневоле испытывал к ней чувство солидарности и уважения.

Тем временем улыбка наконец сошла с ее губ, а узкий подбородок выдвинулся в уже известном мне упрямом жесте. Глядя на меня в упор, она секунд десять молчала, прежде чем с заносчивостью сообщить:

– Джон, возле вашего дома толпа репортеров. Возможно, вы не в курсе, но сегодня утром уже стали звездой всех выпусков новостей. Пока я была там, видела троих своих коллег с других телеканалов и еще как минимум двоих незна-

комых мне журналистов. Уверена, совсем скоро они найдут ваше убежище и приедут сюда.

– Какого... – С языка у меня едва не сорвался отборный мат и лишь нежелание выразаться при ней его удержало.

Так и не закончив фразы, я достал из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и закурил. Марта Дилл неожиданно назвала меня по имени, но я даже не заострил на этом внимания – все оно сосредоточилось на ее словах. Они привели меня в еще больший гнев – убегать от толпы репортеров не входило в мои ближайшие планы.

Пока я обдумывал услышанное, она, пользуясь возникшей паузой, быстро затараторила:

– Послушайте, можете не рассказывать мне кровавых подробностей, но в последние дни происходит что-то, о чем власти умалчивают. И они не просто умалчивают, а скрывают что-то очень важное! Я понимаю, что им не нужна паника, но количество пропавших сегодня увеличилось до пятидесяти человек. Поймите, я всего-навсего хочу в этом разобраться, и если людям угрожает опасность, а она угрожает, я убеждена... – Внезапно она остановилась, сделала глубокий вдох и с чувством выпалила: – Мне кажется, кто-то должен их предупредить!

– Уже пятьдесят? Серьезно?! – с недоверием переспросил я. В последний раз я слушал радио, когда вез Терри в школу, но о таком количестве исчезновений там не было ни слова. – Тогда почему об этом нигде не говорилось? Я не слы-

шал этой цифры в новостях.

– А вы думаете, в новостях говорят обо всем, что происходит на самом деле? – снисходительно усмехнулась она. – Полиция неохотно выдает любую информацию и журналистам каждую мелочь приходится из них чуть ли не зубами выгрызать, поэтому я бы не стала на сто процентов полагаться на то, что говорят и пишут в СМИ. А что касается количества пропавших, об этой цифре объявили всего полчаса назад. Разве вы еще не смотрели последних сводок?

Так как я промолчал, она доверительным тоном продолжила:

– Все эти дни пропадало по несколько человек, а сегодня за одну только ночь сразу восемнадцать. Восемнадцать! – повторила она со значением. – И это лишь те, о ком заявили родственники или друзья. А сколько их на самом деле, не знает никто.

– Ясно, – только и смог выговорить я. – Что ж, мне в любом случае нечего вам рассказать, так что...

– Мистер Уилсон, мы могли бы заранее обсудить темы, на которые вы захотите...

– Простите, ничем не могу вам помочь, – резко прервал я ее дальнейшие уговоры, но поймав полный разочарования взгляд, более мягко прибавил: – Ничего личного, мисс Дилл. До свидания.

Не дожидаясь ответного прощания, я пошел к дверям мастерской, однако она и не думала так просто сдаваться.

– Пойдите! – Порывисто преодолев разделяющие нас шаги, неожиданно умоляющим голосом она попросила: – Ответьте только на один вопрос. Пожалуйста! Это не на камеру и не для интервью. Даю слово.

– Что за вопрос? – с неохотой спросил я.

– Те люди, что напали на вас... Они были похожи поведением или внешностью на мужчину с этого видео?

Быстрым движением она выудила из заднего кармана джинсов мобильный телефон, несколько раз ткнула пальцем в экран и передала его мне. Я ожидал увидеть ту же запись, что в прошлое воскресенье показывала Терри или одну из тех, что видел в сети, но включив ее, убедился в обратном.

На экране показалась гадкая рожа, вся изъеденная черными гноящимися пятнами, местами отходящей кожей и красными от полопавшихся сосудов глазами. Ублюдок смотрел в камеру с ужасающей ненавистью, скалился, скрипел и клал зубами. Выглядел он даже хуже, чем твари, которых я пристрелил.

Человек, ведущий съемку, заикался от испуга, пытался его остановить и отступал назад. Поняв, что это бесполезно, он побежал. Еще с полминуты камера записывала размытое изображение дороги, движения его быстро бегущих ног и звуки сбивчивого дыхания. Перед тем как запись прервалась, послышалась нецензурная брань и возглас: «Что это, черт возьми, было?»

Досмотрев до конца, я быстро взглянул на оператора и

убедившись, что он опять не ведет съемку, тихо произнес только одно слово:

– Да.

В ту же секунду зрочки журналистки изумленно расширились, а с губ готов был сорваться целый поток новых вопросов. Пресекая их, я напомнил:

– Вы просили всего об одном вопросе, мисс Дилл...

– Послушайте, Джон, – отмахиваясь от моей попытки остановить ее, зашептала она. – Вы сейчас единственный, кто так близко столкнулся с ними. Только вы можете рассказать, что они такое!

– Я столкнулся с ними не ближе, чем человек с этого видео...

– Да, но он видел его меньше минуты, а потом убежал! А вы напрямую вступили с ними в контакт, стреляли и, как я понимаю, убили! – все еще шептала она. – Вы и только вы можете пролить свет на то, кто они и как действовать при столкновении с ними...

– Я же сказал нет! – во весь голос рявкнул я.

Это прозвучало настолько громко и грубо, что она вздрогнула, после чего резко отшатнулась и несколько раз растерянно моргнула. Судя по всему, мой окрик ее напугал. Проклятье! Вот этого я совсем не хотел.

Она хоть и казалась мне чокнутой, но в данную секунду, стоя передо мной с этой детской растерянностью в глазах, выглядела как несчастная, загнанная в западню дичь.

Мне вдруг захотелось извиниться, окончательно с ней распрощаться и наконец уйти, но внезапно она грустно улыбнулась и упавшим голосом проговорила:

– Что ж, и на том спасибо, Джон. Я оставлю вам визитку, вдруг вы все же решите о чем-нибудь рассказать. – Она достала из своей необъятной сумки прямоугольник белого картона с номером телефона и адресом электронной почты. – Вы можете звонить в любое время. И еще... Если не хотите давать интервью, но надумаете что-нибудь рассказать без камер, я буду рада. Это действительно очень важно.

«Сколько же в ней этой непробиваемости? – задался я вопросом. – Уже столько раз ответил отказом, а она все равно гнет свое». Взяв из ее рук клочок бумаги, я не глядя сунул его в карман, молча кивнул и пошел к мастерской. Уходя, я чувствовал на затылке ее пристальный взгляд и сам отчего-то испытывал непреодолимое желание обернуться, чтобы еще раз взглянуть на ее лицо, однако сумел устоять.

Когда я вошел внутрь, Терри была в кабинете. Возбравшись с ногами на стул, сквозь пыльное окно она наблюдала за отъезжающим от ворот минивэном. Этим процессом она была так увлечена, что от любопытства даже приоткрыла рот, но как только машина скрылась за поворотом дороги, повернулась и воскликнула:

– Они же с Ти-Эн-Си! Ты дал им интервью?

– Нет, конечно! Терри, мы не должны разговаривать с журналистами. Ты ведь слышала вчера, что и я, и Роб подпи-

сали согласие о неразглашении и нам будут грозить серьезные неприятности, если мы его нарушим.

– Да? – с напускным сожалением переспросила она, но тут же хитро прищурилась и ликующе вскрикнула: – Но я же ничего не подписывала! Ладно, ладно, пап, я ведь шучу!

Последнюю реплику она произнесла поспешно, потому как я уже хмурил лоб, собираясь пуститься в разъяснения, что она всего лишь десятилетний ребенок. Мой суровый вид ее развеселил. Она залилась озорным смехом, на что я все еще хмуро проронил:

– Очень смешно, Терри. Прямо обхохочешься.

Пожав плечами, она легко спрыгнула со стула и опять уселась перед монитором. Казалось, все ее внимание приковано к игре, но после недолгого молчания она вдруг задумчиво проговорила:

– Она красивая...

– Кто? – в недоумении спросил я.

В этот момент я как раз собирал разбросанные по полу инструменты, чтобы убрать их в шкаф, а затем намеревался опустить Понтиак с подъемника, но от изумления оставил свое занятие и уставился на дочь.

– Та журналистка, конечно! – Терри снова пожала плечами, причем сделала это с таким видом, будто говорила о совершенно заурядных вещах.

– Вот как? Я не заметил.

– Да! – Вздохнув, она мечтательно протянула: – Вот бы и у

меня были такие же темные и волнистые волосы. Вот скажи, почему мне достались эти ужасные, прямые, желтые лохмы? Почему они не могли быть хотя бы такого же цвета, как твои?

Как-то незаметно для меня Терри доросла до того возраста, когда ей постоянно что-нибудь в себе не нравилось. То она вздыхала из-за своих мелких веснушек, то из-за носа, который, по ее мнению, был слишком вздернут, то глаза оказывались не того размера или формы, а теперь вот дошла очередь и до цвета волос. Подобные стенания в последнее время я слышал все чаще и каждый раз не умел найти для нее подходящих слов.

Красноречие никогда не являлось моей сильной чертой, а потому единственное, что в таких случаях приходило мне в голову – это с полной искренностью говорить:

– Потому что ты похожа на маму, Терри. А у нее были очень красивые волосы. Самые красивые, что я когда-либо видел.

Отвернувшись, я вновь принялся за уборку инструментов. Моя реакция на слова дочери о Марте Дилл прозвучала равнодушно, а лицо осталось невозмутимым, однако сказанное было ложью. Впервые за несколько лет я обратил внимание на внешность женщины, хотя не признался бы в этом даже себе.

При ближайшем рассмотрении она действительно оказалась привлекательной. Впрочем, если уж быть до конца откровенным, заметил я это еще вчера. Судя по виду, ей было

не больше двадцати пяти, она обладала стройной фигурой, а также потрясающей улыбкой, но сильнее всего в ней привлекали глаза.

Они сразу приковывали к себе интерес, побуждая собеседника разглядывать их с чуть ли не благоговейным восторгом. Удивительно светлого, серо-голубого оттенка, будто подсвеченного изнутри неким чудесным мерцанием, странным образом они создавали контраст на фоне ее темных волос. Их цвет напоминал кристально-чистую озерную воду, сквозь которую в ясное утро проникают первые солнечные лучи.

«Такими глазами и такой улыбкой можно завлечь в свои сети не один десяток мужчин, – подумал я, но тут же осадил свою разыгравшуюся фантазию. – Вот болван! Нашел время думать о глазах какой-то журналистки». Отогнав воспоминание о том, как расширились ее зрачки, когда она получила подтверждение нужной ей информации, я закончил с уборкой инструментов, опустил Понтиак, после чего отыскал старую бейсболку и натянул ее на голову.

– Нужно ехать, Терри. Та журналистка сказала, что у нас под домом целая свора репортеров, так что придется отбиваться, чтобы попасть внутрь.

От моего заявления лицо ее просияло бурной радостью.

– Нас покажут по телеку?

– А ты так хочешь прославиться? Дай тебе волю, ты бы с радостью раздавала интервью направо и налево, чтобы уте-

реть нос подружкам в школе. – Ее восторг вызвал у меня смех и мне даже стало немного жаль ее разочаровывать. – Нет, детка, мы не будем с ними говорить. Постараемся пройти как можно незаметней, но для начала заглянем к Роуз.

Моя соседка и вправду была милой старушкой, вот только имела один существенный недостаток. Им была чрезмерная болтливость. Впрочем, проявлялась она не от любви к сплетням или злословию, а скорее от гипертрофированного дружелюбия и по-ребячески наивного взгляда на мир. Любой, кто хорошо ее знал, с легкостью прощал ей эту слабость, ведь обычно Роуз не доставляла никому хлопот, однако сейчас она являлась бесценной находкой для любого журналиста.

Я отлично понимал, что стоит им добраться до нее, как она выложит обо мне всю подноготную и именно по этой причине хотел как можно быстрее переговорить с ней. Оставалось надеяться, что никто, кроме Марты Дилл, еще не додумался постучать к ней в дверь.

Глава 12

Закрыв мастерскую, мы с Терри сели в машину и быстро домчались до своей улицы, где еще издали разглядели толпу репортеров у порога дома. Похоже, Марта Дилл не преувеличивала, когда сказала, что я стал героем всех сегодняшних выпусков новостей. Так или иначе, но о том, чтобы беспрепятственно пройти к собственной двери не стоило и помышлять.

Натянув бейсболку к самому носу, я припарковался на соседнем переулке, после чего мы пешком прошли к дому Роуз. У нее имелась ведущая в сад боковая калитка, которую она почти никогда не запирала. Через нее-то нам и удалось пробраться никем незамеченными.

Оба наших дома располагаются в тупике, на самой удаленной от основной дороги окраине и соприкасаются друг с другом задними дворами, так что формально мы являемся соседями, но живем на разных улицах. Когда журналистка с Ти-Эн-Си заявила, что пообщалась с Роуз, я удивился, как ей взбрела в голову идея заглянуть именно к ней. Хотя вполне возможно, что другие мои соседи послали ее к черту. Впрочем, сейчас это было уже не важно.

– Роуз! – подходя к задней двери, позвал я. – Вы дома?

Ответа не последовало. Дверь, как всегда, оказалась не заперта, поэтому мы вошли внутрь и очутились в щедро заставленной старомодной мебелью кухне. Она представляла собой смесь из розовых кружевных занавесок, кремовой, с фиолетовым цветочным узором кафельной плитки, множества фарфоровых фигурок на деревянных, с вычурной резьбой шкафах, целого ряда иллюстраций и рисунков на религиозную тематику, ярких половиков на полу и, наконец, круглым обеденным столом, занимающим половину и без того стесненного пространства.

«Не кухня, а кукольный дом какой-то», – в который раз пришла мне в голову мысль.

– Роуз, где вы? – снова позвал я.

Она была глуховата. Услышав, как из гостиной надрываешься орет телевизор, я догадался, что та смотрит очередное реалити-шоу. Так и оказалось.

Пройдя в комнату, мы обнаружили ее сидящей в кресле перед телевизором. Из него на разные лады звучали громогласные крики участников шоу и, кроме них, наша соседка не слышала абсолютно ничего вокруг. Она заметила нас, только когда я склонился почти к самому ее уху и в третий раз позвал по имени.

– Джон! Терри! – с удивлением вскрикнула она. – Я и не слышала, как вы вошли! Скажите на милость, и где вы пропадали все это время, когда вокруг происходят такие ужасные вещи? Моя подруга миссис Уайт... ты ведь помнишь миссис Уайт, Джон? Да? Так вот, вчера она мне позвонила и сообщила, что исчезают люди, а полиция, как всегда, бездействует! Ты только представь себе! А я ведь всегда повторяю, что они бездельники и разгильдяи! Вот когда покойный мистер Паркер однажды...

– Роуз, пожалуйста...

Перекрикивая орущий телевизор, я предпринял попытку усмирить ее пространные словоизлияния, поскольку хорошо знал – если вовремя этого не сделать, можно надолго увязнуть в пустой болтовне. Но она меня уже не слушала.

– Ой, надо же! Чуть не забыла! Я испекла сегодня чудесное бисквитное печенье! Сейчас принесу. Терри, деточка,

помоги-ка мне.

Не мешкая, она поднялась с кресла и, увлекая Терри вместе с собой, направилась в кухню. Я даже не стал возражать, потому как давно уяснил – это бесполезно. Если Роуз имела намерение вас накормить, отвертеться не представлялось возможным. Она часто угощала нас пирогами и печеньем собственной выпечки и надо отдать ей должное – они в самом деле выходили у нее недурно.

Возраст ее приближался к семидесяти пяти, но по запасу энергичности и жизнелюбия наша соседка могла переплюнуть любого подростка. Жила она одна. Сын ее был уже взрослым и мать навещал крайне редко, а мужа не стало так давно, что кроме самой Роуз, никто в округе о нем уже и не помнил. Может, именно по этой причине в пору нашего сюда переезда она встретила нас как самую дорогую и близкую родню.

С Анной она сдружилась мгновенно, а в Терри не чаяла души, однако зачастую вела себя как чрезмерно назойливая, сердобольная тетушка. Поначалу это жутко раздражало, но со временем мы привыкли. По-своему каждый из нас был к ней привязан, поэтому со стоическим терпением мы относились и к ее порой излишней опеке, и к нескончаемой легкомысленной болтовне.

Еще одной ее странностью было полное неприятие имени миссис Паркер. С самого начала нашего знакомства она настаивала, что мы должны звать ее только Роуз и поправляла

любого, кто обращался к ней иначе. При этом она неустанно повторяла: «Я еще не так стара! Зовите меня просто Роуз».

Вернувшись из кухни с тарелкой печенья, она принялась усаживать меня в одно из своих бережно укутанных пестрыми пледами кресел, но в этот момент, видимо, о чем-то вспомнила. Всплеснув руками, тонким, запальчиво-капризным голосом она спросила:

– Джон Уилсон! Что ты опять натворил? Ты видел, что возле вашего дома собралась целая толпа репортеров?

Ее глаза были полны неподдельного изумления. Неужели она ничего не слышала, ведь об этом трубят по всем каналам? Хотя Роуз терпеть не может смотреть новостей, так что не удивительно, если она и впрямь не в курсе событий.

Однако у ее неосведомленности могла быть и другая причина – помимо тугоухости, она уже года три как страдала от медленно прогрессирующей болезни Альцгеймера. Порой Роуз забывала слова и даты, путалась в событиях или проявляла полное невнимание к рядовым вещам. Причем проявлялось это всегда внезапно – только что она вполне связно вела диалог, как вдруг замолкала, а уже через считанные секунды начисто забывала обо всем сказанном ранее.

– Они даже приходили ко мне! – тем временем взбудоражено продолжала она. – Сперва пришла очень милая девушка. Все спрашивала о тебе, о Терри, да где вас найти. Я сказала ей адрес твоей мастерской, а потом думаю, может, не нужно было говорить? Как считаешь? Но она была такая ми-

лая, такая милая... Приветливая, улыбочивая...

– Я уже знаю, Роуз. Спасибо. Именно поэтому мы к вам и пришли. Кроме нее появлялся еще кто-нибудь?

– Конечно! После нее пришел мужчина. Такой представительный, в очках. Очень вежливый и тоже журналист. Мне он показался...

– Вы сказали ему, где меня искать? – осторожно прервала ее.

– Да, я сказала ему, где ты работаешь. Но, Джон, он все выспрашивал...

– Замечательно. А после него? – поспешил я задать следующий вопрос.

– И после него приходили, но я всем говорила, что понятия не имею, где ты. Я же не знаю, что ты натворил и почему они тебя ищут!

– И что они спрашивали обо мне?

В мыслях я уже представлял, как вся моя жизнь вместе со смертью Анны, алкогольной зависимостью и остальным будет вывернута наизнанку. Я был очень зол, но старался сдерживать ненужные эмоции. На Роуз невозможно злиться всерьез, да это и не имеет смысла – до того она была простодушной в своей детской непосредственности и наивности.

– Ой, я уже всего и не помню! – воскликнула она. – Они задавали так много вопросов, что от волнения у меня разболелась голова. Представь себе, пришлось даже принимать таблетки! Постой! Я ведь выходила к ним! Да-да, точно вы-

ходила к твоему дому, но никак не могу вспомнить... – Потирая виски, она надолго задумалась и, казалось, вот-вот выдаст подробный рассказ о своем общении с журналистами, но спустя минуту лишь растерянно покрутила головой и возмущенно выпалила: – Джон, ну что ты стоишь? Садись в кресло, я принесу печенье. Ох, как же голова разболелась...

– Не нужно, Роуз, вы уже принесли.

– Да? И то правда. Надо же, как это я не заметила? – Она еще раз беспомощно огляделась по сторонам, а затем торжественным тоном провозгласила: – Джон Уилсон! Что ты опять натворил? Ты видел, что у вас перед домом собралась целая толпа репортеров?

– Ясно, – падая в кресло, проронил я. Терри уже давно сидела в другом и со смеющимся видом жевала печенье.

От рассказа о моих злключениях было не отвертеться, поэтому в общих чертах я поведал ей о произошедшем за последние дни. Новость о моем аресте и предстоящем суде так сильно ее растревожила, что впоследствии потребовалось немало времени, чтобы ее успокоить. Мы просидели у нее больше часа, заверяя и в благополучном исходе судебного процесса, и в успешном завершении поиска всех пропавших.

Сам я в подобную чушь уже не верил, но это было единственным, что я мог сделать, чтобы поскорее попасть домой. На прощание я попросил Роуз больше не разговаривать с журналистами и она клятвенно обещала никому из них не

открывать дверь. Отпустила нас она только после того, как мы съели все принесенное из кухни печенье.

К своему дому пробираться нам пришлось через калитку, что соединяет ее сад с нашим задним двором. Мы сделали ее много лет назад и постоянно пользовались, чтобы сократить путь. Сегодня она пригодилась как нельзя кстати.

Войдя в дом через кухню, мы долго не зажигали свет. Это выглядело полным безумием – чувствовать себя загнанной в угол крысой мне было совсем не по душе, но лучшего способа избежать общения с журналистами я не придумал. За остаток вечера в нашу дверь они стучали несколько раз, а мобильный телефон из-за их настойчивых звонков пришлось перевести на беззвучный режим.

У дома Роба происходило почти то же самое. Когда мы созвонились, он, взрываясь от бешенства, рассказал, как один из журналистов оказался настолько назойлив, что буквально заглядывал к нему в окна. Робу ничего не оставалось, как спустить его с лестницы, а потому не выдавать своего присутствия мне представлялось наименьшим из зол, нежели подобно ему, отбивать атаки пронырливых репортеров.

К счастью, с наступлением темноты толпа вокруг дома рассеялась, а жужжание мобильника наконец смолкло. Терри поднялась в свою комнату, а я влип в монитор ноутбука. Я читал последние новости. Обо мне там тоже было.

Как я и предполагал, папарацци быстро состряпали детальный портрет по всем ключевым пунктам моей биогра-

фии. В новостных колонках писали, что после смерти жены я один воспитываю дочь, держу небольшую авторемонтную мастерскую, являюсь среднестатистическим, ничем непримечательным жителем маленького замызганного городка, не имею должного образования, дорогостоящего имущества и круглого счета в банке. Некоторые СМИ пошли дальше, упоминая мои проблемы с алкоголем, из-за которых я чуть было не лишился опеки над дочерью.

Они же раскопали информацию обо всех моих мелких прегрешениях в прошлом, после которых я неоднократно оказывался в отделе местной полиции, а также историю о той безобразной выходке в школе. Были среди них и те, кто называл меня плохим отцом, безответственным и слабым человеком, умудрившимся после всех бед вновь вляпаться в историю. Я был в ярости, но все, что мог – это бессильно скрипеть зубами и до боли в суставах сжимать кулаки.

Марта Дилл тоже отметилась коротким репортажем. Он был отснят возле ворот моего дома, но содержал лишь пересказ подробностей о самом происшествии, а также заявление об отказе обоих фигурантов дела что-либо комментировать. Видео, что успел снять ее оператор перед мастерской, она не публиковала и то, что я подтвердил лично ей, как и обещала, в своей речи не затронула.

Отвлекла меня от этого бесполезного занятия Терри, когда спустилась вниз и объявила, что голодна. Наскоро приготовив ужин, мы уселись в гостиной, включили ее любимый

сериал и так просидели до самой ночи. Подобное случается с нами нечасто. Обычно каждый занимается своими делами, но сегодня я даже рад был влипнуть в дурацкий фильм для подростков. Это помогало не думать.

На какое-то время циркулирующий круговорот мыслей мне действительно удалось сдержать, но как бы я не пытался отвлечься, они настигли, стоило вновь остаться в одиночестве. Сминая простыни и то и дело взбивая кулаком ставшую вдруг неудобной подушку, я долго ворочался в постели, все думая об этих пропавших людях, а также о том, что скрывают власти по поводу лаборатории.

Что могло там произойти? Кем были твари, которых я пристрелил воскресной ночью и которые попали на видео? Чем объяснить все увеличивающееся число исчезновений? Несомненно – пропавшие становились жертвами обезумевших ублюдков, сходных тем, с которыми столкнулись Роб, Терри и я, но какова была их цель?

Мое внимание привлекла одна деталь – оба видеоролика были сняты в темное время суток. На нас они тоже напали ночью. Выходит, днем твари где-то скрываются, иначе сложно представить, чтобы они не попали под объективы многочисленных уличных видеокамер, когда жизнь в городе бьет ключом. Снова в моей голове были сплошь вопросы и ни одного внятного ответа.

И кое-что еще не давало мне уснуть. Я как мог отгонял эти непрошеные помыслы, что подобно искусному карманному

воришке проникали в мой мозг, но они настойчиво возвращались, стоило только перестать себя контролировать. Я думал о Марте Дилл.

Пока была жива Анна, меня не особо интересовали другие женщины, а после ее смерти непереносимая боль выжгла все эмоции. Потребность в женщинах в том числе. В первый год я совсем не вспоминал о сексе – тогда все будто перестало существовать – а позже, когда завязал с алкоголем, был занят только тем, что старался все исправить и выстроить заново. Думаю, если бы я встретил Марту Дилл в один из тех дней, то попросту не обратил на нее внимания. Но сейчас что-то изменилось.

Мне уже приходилось задумываться об этом раньше. Изредка снимая напряжение в душевой кабинке ванной комнаты или распластавшись по ставшей слишком широкой для меня кровати, я всегда представлял, что Анна рядом. Представлял, что все как прежде, но прекрасно отдавал себе отчет – вечно так продолжаться не может. Рано или поздно на горизонте появится женщина, с которой я захочу провести время. Женщина, которая вызовет во мне хоть какое-то влечение, пробудит давно позабытые инстинкты, всколыхнет зов, казалось бы, навечно уснувшей плоти.

Натыкаясь взглядом на женские лица где-нибудь на улице, между магазинных полок в супермаркетах, на заправках или перед школой Терри, я ощущал порой слабые импульсы, которые можно было охарактеризовать как любопытство, сме-

шанное напололам с надеждой. Я знал, что ищу в каждом из этих лиц. В их облике я пытался отыскать черты любимой женщины, но не найдя, всякий раз испытывал разочарование, после чего тотчас терял к ним любой интерес.

Сейчас же, беспокойно ворочаясь на смятых простынях, я переживал глубокое удивление от того, что так внезапно появившаяся у меня на пути настырная журналисточка с ясными глазами, белозубой улыбкой и гривой темных волос, сумела настолько пробраться в мою голову, что мысли о ней мешали уснуть.

Марта Дилл была полной противоположностью Анны и все же поразительным образом меня к ней влекло. Это был необъяснимый химический процесс и где-то в глубине подсознания я догадывался – обусловлен он не просто плотским желанием. Это было чем-то, что сильнее меня, чем-то, что я не в состоянии истолковать и осмыслить, чем-то, чему почти невозможно сопротивляться.

Поганое чувство. Оно хорошо мне знакомо и я знал, что чувство это способно взметнуть тебя к самой стратосфере, а потом со всего маху шмякнуть об землю, где ты будешь лежать сломленный, растерянный и больной, а все попытки объяснить себе, как умудрился угодить в такой переплет, не дадут результата.

– Чертов кретин! – разозлившись на себя за эти глупые мысли, прошипел я в темноту, а затем сполз с кровати, чтобы выкурить сигарету.

Вниз спускаться не хотелось. Открыв пошире окно, я выпускал в прохладу ночи струи сизоватого дыма и смотрел на горящий на углу улицы фонарь. Он отбрасывал на асфальт тонкую, изломанную в нескольких местах тень, а у самого источника света в легкомысленной, истерически-сбивчивой пляске кружились мотыльки.

Кроме их замысловатого танца, ничто не нарушало мирного покоя полутемной улицы. Везде было тихо, город спал. Цифры на электронных часах высвечивали половину второго ночи.

Взглянув на них, я пообещал себе, что докурю сигарету, а после выброшу все лишнее из головы, лягу в кровать и усну. Как ни странно, у меня получилось. В эту ночь я крепко проспал до самого утра.

Глава 13

Без четверти восемь наш с Терри завтрак был потревожен звонком в дверь. Так мы узнали, что охота журналистов на нас продолжается. К девяти часам утра под домом дежурило уже несколько машин, а в дверь еще пару раз звонили. Решив, что в мастерскую ехать не имеет смысла, я предложил дочери провести весь день дома.

Возможность второй день не ходить в школу ее необычайно обрадовала, но мне пришлось объясняться с миссис Новак. К моему облегчению, та оказалась в курсе всей ситуации, так что это не составило проблем. Напротив, она даже рекомендовала оставить Терри дома, пока шумиха вокруг

нас не уляжется.

Все утро я провалялся на диване, лениво переключая телевизионные каналы и периодически просматривая, что пишут в сети. Везде было одно и то же. За прошедшую ночь ситуация в округе ухудшилась, снова пропало несколько человек, а количество народа перед правительственными зданиями увеличилось в десятки раз.

В ответ на это полиция оцепляла районы, не выпускала жителей за пределы блокированных территорий, разгоняла митингующих, но это мало помогало. Люди настойчиво требовали от властей объяснений. Паника наступала полным ходом и почти все города округа гудели, как потревоженный пчелиный улей.

Между тем видеоролик, что я вчера видел в телефоне Марты Дилл, всюду гулял по интернету. Его показали и в новостях, но никто из представителей полиции так и не дал никаких разъяснений. Это затянувшееся молчание провоцировало самые разные, порой совершенно безумные версии о том, кем мог быть запечатленный на камеру выродок с обезображенным лицом. Автора видеоролика прессе разыскать не удавалось, что, в свою очередь, тоже нагнетало обстановку.

После обеда мне позвонил адвокат. Особый отдел наконец установил, кем были те двое, кому в позапрошлом воскресенье я отстрелил голову. Теперь у убитых мной появились имена.

Оба работали на скотобойне в городке еще меньшем, чем наш. Он был расположен в двадцати километрах к западу от места происшествия. Третий предположительно являлся их приятелем и работал вместе с ними. Его, несмотря на прочесывание леса вдоль и поперек, так и не нашли.

Вся троица пропала больше двух недель назад, но так как вели те парни довольно беспорядочный образ жизни, никто сразу не озаботился их исчезновением. Ни один из них не имел семьи, все приехали в округ из разных мест, арендовали общую квартиру на троих и плотно сидели на метамфетамины. Когда они не появились на работе, их работодатель решил, что либо они ушли в затяжной наркотический трип, что случалось с ними и раньше, либо снялись с места и уехали куда-то еще.

Адвокат выстраивал линию моей защиты, мне же оставалось покорно ждать, полностью положившись на его опыт в подобных делах. По мере нашего общения я все больше убеждался, что он оказался неплохим малым, а кроме того, мы сразу нашли общий язык, так что я удовлетворился его назначением и не стал подыскивать другого. К тому же после внесения залога мои финансовые возможности приближались к критической отметке, а нанять частного защитника дорогого стоит.

После разговора с ним я еще долго лежал, пяля глаза в потолок, пока не натолкнулся взглядом на зигзагообразную тонкую трещину, что так разозлила меня в день ареста. Пре-

исполненный решимости расправиться с ней, я вскочил с дивана и направился в гараж, где, как мне помнилось, имелось все для этой затеи необходимое. Провозился я с ней до самого вечера.

Я дико устал, шея от неудобного положения с задранной сверху головой противно ныла, лицо, волосы и руки были перепачканы побелкой, однако результат полностью оправдал мои ожидания. Я как раз закончил работу и собирался идти в душ, когда в дом вошла Терри. По ее виду сразу стало ясно, что та чем-то встревожена.

Первую половину дня она провела в своей комнате, а после полудня скрывалась на заднем дворе. Там ее не мог увидеть никто посторонний, поэтому она уселась в тени навеса на небольшой террасе перед домом и читала какую-то книжку.

– Что случилось, детка? – спросил я, оттирая старым кухонным полотенцем побелку с ладоней.

– Пап, давай сходим к Роуз, – выпалила она и в ответ на мой недоумевающий взгляд вдруг затараторила: – Ночью мне показалось, будто я слышала из ее дома крик, а утром совсем об этом забыла. Я тогда только уснула, поэтому подумала, будто мне все приснилось, а сейчас вот вспомнила...

Лицо Терри выражало растерянность и испуг, что привело меня в замешательство. Окно ее спальни выходит в аккурат на дом Роуз, но даже если она слышала посторонний звук, отчего выглядит такой бледной? Нахмурившись, я строго

сказал:

– Я долго не спал ночью, но не слышал никаких криков.

Во сколько это было?

– Около трех, – нервно сглотнув, пробормотала она.

– Ты не спала так поздно? – Отшвырнув полотенце, я вытаращил на нее глаза в попытке придать себе еще более строгий вид, но вышло плохо. – Ладно... Вот что, давай-ка позвоним и спросим, какого черта ей вздумалось вопить посреди ночи и пугать соседей. Ты ведь уверена, что правда слышала крик?

– Да, пап, уверена.

Она стояла передо мной в смешных розовых шлепанцах, коротких джинсовых шортах того же цвета и желтой майке, а ее растрепанные длинные волосы, которые она, по всей видимости, не причесывала с самого утра, торчали в разные стороны вокруг худенького лица и узких, по-детски угловатых плеч. Вид у нее все еще был напуганный, поэтому я взял в руки телефон и набрал Роуз. В трубке бесконечно долго раздавались гудки, но на звонок она так и не ответила.

– Ну конечно, – нажав на кнопку повторного вызова, ухмыльнулся я. – Опять смотрит телек на полную громкость и ничего не слышит.

– Папочка, только не ругайся. Не будешь? – вдруг жалобно пропищала Терри.

Ого! Папочка? Давно меня так не называли и это неожиданное обращение заставляло уже по-настоящему встрево-

житься. Отменив исходящий вызов, я спросил:

– Что случилось, Терри? Выкладывай.

– Я вспомнила об этом прямо сейчас, пока была во дворе, а потому решила сходить к ней. Ты же не станешь ругаться, правда? Я не входила внутрь, клянусь! Только быстро-быстро сбегала туда и сразу обратно... И там увидела... Я увидела там, что Роуз стоит у окна в кухне. Она стоит спиной и не отзывается. Я несколько раз позвала ее, а потом даже постучала в окно, но она не обернулась. Пап, она так странно раскачивается из стороны в сторону...

С каждой фразой Терри говорила все быстрее, а в конце своей речи и вовсе перешла на скороговорку. На какой-то момент у меня возникло ощущение, будто она сейчас расплачется. И в самом деле, оборвав рассказ на полуслове, она пару раз всхлипнула, но сдержавшись, продолжила:

– Я так испугалась, что убежала! Давай сходим к ней, пожалуйста!

Теперь ее волнение в полной мере передалось и мне. Роуз, конечно, туга на ухо, но стук в окно и крики услышать в состоянии. Это было действительно странно, однако больше меня заботило другое. Несмотря на мой запрет, Терри одна выходила из дома.

Я уже хотел отругать ее, но потом подумал, насколько же сильно последние дни перевернули нашу жизнь. Никогда прежде я бы не стал злиться на нее за то, что она вышла на улицу, а уж тем более за прогулку к Роуз. Все еще хмурясь,

я стяхнул побелку с волос, а затем спокойно сказал:

– Успокойся, Терри. Ты не должна была никуда выходить, как мы и договаривались, но на этот раз я не стану тебя ругать. А ты взамен дашь обещание, что пока все не утрясется, будешь беспрекословно слушать, что я тебе говорю. Ты ведь прекрасно видишь, что происходит вокруг? Видишь? Или мне нужно объяснять тебе, как маленькому ребенку?

По-прежнему жалобно всхлипывая, она яростно замотала головой.

– Пока все это не закончится, мы должны быть очень осторожны. – Теперь она согласно закивала и такая несвойственная ей покорность смягчила мой тон. – Ладно, успокойся. Я уверен, ничего страшного не произошло. Наверняка Роуз о чем-то задумалась и просто не слышала тебя. Оставайся дома, я схожу к ней.

– Я с тобой! – тут же воскликнула она.

– Нет, ты останешься дома, – направляясь к задней двери, твердо произнес я.

Выйдя на улицу, я закурил сигарету и обреченно вздохнул. Тащиться к Роуз совсем не хотелось. Во-первых, я был почти уверен, что испуг Терри преувеличен, во-вторых, дело стопроцентно окажется пустячным, а странному поведению нашей соседки найдется разумное объяснение и, наконец, в-третьих, я знал, что на бесполезную болтовню с ней придется потратить по меньшей мере десять минут. Я хорошо относился к Роуз и был не против время от времени поболтать

с ней, иногда мне это даже нравилось, но сейчас мое настроение никак не подходило для праздных бесед.

Дымя сигаретой, быстрым шагом я пересек задний двор и вошел в ее сад. Все здесь выглядело, как обычно. Деревья мерно покачивались в струях легкой вечерней прохлады, под ногами мягко пружинилась недавно скошенная трава, откуда-то слышался далекий стрекот сверчков. Было еще светло, но раскрасневшееся солнце уже прижималось к горизонту.

Затопляя все вокруг золотисто-пурпурным сиянием, его прощальные лучи пробивались сквозь слой лохматых, будто гребнем взъерошенных облаков. Издали они походили на гряды заснеженных гор. Небо над ними раскрашивали все оттенки красно-желтой палитры, а если задрать лицо вверх, взгляд с легкостью уносился в бледно-голубую прозрачную вышину. Закат сегодня выдался на редкость красивым.

Небольшой коттедж Роуз хранил умиротворенное спокойствие и в его отблесках напоминал идеально отретушированную картинку из какого-нибудь рекламного буклета, расхваливающего перед читателями прелести тихой загородной жизни. Заднюю стену его густо увивали заросли плюща и кораллово-красных роз, на земле под окнами рассыпался целый калейдоскоп из осенних цветов. Воздух был наполнен их тонким ароматом и тишиной.

Идя к дому, я раздумывал, что могло так напугать мою дочь. Пока шел, мне почему-то вспомнилось, как почти месяц назад мы с ней помогали Роуз собирать с деревьев спе-

лые яблоки, а потом она учила ее готовить пирог. Казалось, с того дня прошло не меньше года.

Приблизившись к раскрытому окну, я заглянул внутрь и убедился, что моя соседка действительно стоит в глубине кухни, потихоньку раскачиваясь из стороны в сторону. Я окликнул ее, но не получил никакой ответной реакции. Создавалось впечатление, что она ничего не слышит.

Ища причины такому необычному поведению, я с минуту молча наблюдал за ней. За это время она совсем не изменила положения тела, лишь продолжала так же тихо покачиваться, точно находилась под действием глубокого гипноза. Выглядело это довольно странно и одновременно пугающе.

«Может, она окончательно оглохла или потеряла разум?», – подумалось мне. Такое предположение было единственным объяснением, что приходило на ум, но неожиданно я поймал себя на мысли, что хотел бы развернуться и уйти. В следующую секунду пришло осознание, насколько это глупо.

Я знал Роуз много лет, вот только отчего-то испытывал неприятное, причиняющее дискомфорт сдавливание в глубине живота, а также легкое покалывание, идущее от головы до самых конечностей. Это был страх. Мозг не понимал, что происходит и оттого страх сковывал движения, заставлял сознание выдумывать отговорки, искал причины уйти.

Мысленно обругав себя трусом, я подумал, что Роуз, возможно, нуждается в помощи, в то время пока я как осел, бес-

смысленно топчусь под ее окном. Отогнав всякие сомнения, я решительно направился к двери, рванул ее на себя и переступил порог.

– Роуз! Вы меня слышите? С вами все в порядке?

Она снова не ответила. Я сделал к ней пару шагов и остановился.

Она стояла лицом к ведущему в гостиную дверному проему, а ее фигуру скрывала отбрасываемая высоким кухонным шкафом тень. Мне была видна лишь ее по-старушечьи хрупкая, обтянутая длинным пушистым халатом спина и седые, спрятанные в сетчатую шапочку волосы. Роуз всегда надевала ее перед сном, чтобы не испортить прическу.

Застывшая поза и монотонное покачивание старушки настораживали. Она походила на достигшего nirваны буддийского монаха, который отрешился от всего земного и отправился в странствие по глубинам подсознания, или на пребывающего в состоянии транса шамана, ведущего беседы с духами природы, или же скорее на шизофреника, впавшего в кататонический ступор. Мне вновь захотелось уйти, но вместо того я отмахнулся от всех опасений и раздраженно воскликнул:

– Да какого хрена? Роуз!

Затем быстрым шагом пересек кухню, подошел к ней вплотную и положил ладонь на ее плечо. Она тотчас замерла, но уже в следующее мгновение начала медленно разворачиваться, а я уловил едкий запах, который больше ни с чем не

мог спутать. От Роуз невозможно воняло и вонь эта была той же, что от тварей в лесу.

Резко отшатнувшись, я попятился назад, а она наконец повернулась. Не удержавшись, я дико заорал.

Моим глазам предстало обезображенное старческое лицо. Все оно еще больше обвисло и сползло вниз, чем напоминало кусок перебродившего дрожжевого теста. Вены кое-где вздулись и почернели, на морщинистых щеках проступили характерные трупные пятна, на шее красовалась огромная, оставленная чьими-то руками отметина.

Роуз больше не было. Она была мертва, а вместо нее на меня надвигалась взбесившаяся тварь. Ее глаза горели ненавистью, рот кривился и брызгал слюной, из горла раздавались повизгивания и хрипы. Подняв руки с потемневшими до синевы ногтями, тварь пошла прямо на меня. Всеми ее действиями управляло одно побуждение – УБИТЬ.

Отступая назад, я то и дело натыкался на углы многочисленной мебели, шарил руками по поверхности шкафов, старался нащупать хоть что-нибудь, чем можно было сбить ее с ног, но безуспешно. Попадались какие-то вазы, чашка с печеньем, тарелки в цветочек... Внутренний голос буквально взрывался криком: «Ее убьет только ружейный заряд в голову! Беги!», – но будучи не в силах развернуться к ней спиной, я лишь оторопело пятился к двери.

Натолкнувшись задом на круглый обеденный стол, за которым раньше мы не раз пили чай, на миг я замешкался и

тут же ее дряблые руки очутились всего в нескольких сантиметрах от моей шеи. Тварь метила именно туда. Лишь в последнюю секунду мне удалось их перехватить и отклониться назад.

Сжимая ее запястья, я ощущал силу, какой в живой Роуз не было и в помине. Она напирала, а я чувствовал гадкий запах тухлятины и видел ее жуткое лицо так близко, что мог разглядеть каждый лопнувший капилляр в голубых прежде глазах. Видел мутные, подернутые кровяной пленкой зрачки, крупные поры на посеревшей, точно пылью покрытой коже и иссохшие, иссиня-фиолетовые губы.

Вглядываясь в это искаженное лицо, я будто остолбенел и перестал замечать, как все сильнее поддаюсь давлению наваливающегося на меня зловонного тела. Сознание словно бы сковало крепким цементным раствором, да и весь я как-то странно обмяк. Казалось, наша борьба продолжается уже целую вечность, когда до моего слуха добрался звук шаркающих шагов.

В этот момент меня осенило, что в доме есть кто-то еще. Да, теперь я отчетливо слышал тяжелые, медлительные шаги и уже такое хорошо знакомое горловое бульканье. Доносились они из гостиной.

Наконец я очнулся от парализовавшего меня ступора. Разом вернулась способность анализировать окружающее, а вместе с ней и отвечающие за выживание инстинкты. Они вызвали во мне прилив злости и отвращения, и они же по-

могли отшвырнуть от себя хрипящую от нетерпения тварь. Та резко отлетела к шкафу с посудой, а я без промедления бросился к выходу.

Пока удирал, слышал за спиной оглушительный звон стекла и пробивающийся сквозь него жуткий хохот. Пару раз обернувшись, я выскочил на улицу. Последнее, что я увидел, прежде чем захлопнуть дверь – то, как неуклюже тварь встала и, яростно скаля рот, вновь направилась ко мне.

Оказавшись снаружи, я лихорадочно огляделся в поисках подходящего предмета, который мог бы стодиться для подпорки двери. На глаза попался складной деревянный стул. Защиту от озверевшей мертвой старухи он представлял не самую надежную, но поблизости больше ничего не нашлось.

Упираясь в дверь правой рукой, левой я тянулся к стулу, а тварь тем временем неистовствовала внутри. Она визжала и рвалась ко мне с такой нечеловеческой силой, что я с трудом мог ее удержать. В ту секунду, когда мне удалось наконец дотянуться до цели, к ней присоединилась другая. Я еле успел подставить стул под дверную ручку, как от сокрушительных двойных ударов дверь заходила ходуном.

Еще с полминуты я наваливался на нее всем телом, но как только отскочил в сторону, стул зашатался и грохнулся на землю. Шансы, что справлюсь с натиском сразу двух осата-невших тварей, близились к нулю, поэтому дожидаться, когда они набросятся на меня, я не стал. Круто развернувшись, со скоростью ураганного ветра я помчал к своему дому.

Бежал я настолько быстро, что легкие горели огнем, а сердце стучало такими тяжелыми толчками, что казалось, грудная клетка не выдержит и разломится пополам. За спиной слышался топот ног, а может, это было биение моего собственного пульса, подскочившего не меньше, чем до двухсот ударов в минуту. В голове колотилась единственная мысль: «Добежать к обрезу, пристрелить преследующих меня тварей, а потом убраться отсюда как можно дальше».

Домчавшись к калитке, я обернулся назад. Никто за мной не гнался. Переминаясь с ноги на ногу и отпихивая друг друга, обе твари стояли в дверном проеме. Похоже, каждой из них не терпелось первой добраться ко мне и они почти боролись за эту привилегию, но их останавливало догорающее солнце. Его жалящих лучей они явно боялись.

Застыв на месте, я наблюдал, как то одна, то другая устремлялись вперед, однако стоило им сделать шаг, как тотчас, будто ошпаренные крутым кипятком, с визгом они отступали обратно. Выходит, моя догадка была верна – разгуливать они способны только по ночам, а значит, время убраться у нас пока есть. Не желая искушать судьбу, я прикрыл калитку и с прежней прытью побежал к своему дому.

Глава 14

Терри стояла у окна кухни, безумными глазами наблюдая за тем, как на всех парах я мчусь к двери. Метнувшись, она поспешно распахнула ее мне навстречу, после чего опрометью отпрянула в сторону. Не теряя ни секунды, я ввалился

внутри, повернул ключ в замке и обессиленно прислонился к ближайшей стене.

– Папа, что случилось? – сквозь шум в ушах добрался ко мне ее испуганный голос.

Пытаясь восстановить дыхание, я судорожно глотал ртом воздух. Думаю, Терри уже знала ответ на свой вопрос, но тем не менее, захлебываясь одышкой, я выговорил:

– Роуз больше нет, детка. Она стала такой же, как те твари в лесу.

– Что-о-о? – протяжно прошептала она, но шепот ее сразу же перерос в пронзительный, полный щемящей боли крик. – Нет! Этого не может быть! Ты ведь шутишь, правда? Скажи, что ты шутишь!

Она стояла напротив, глядя в мое лицо остановившимся, недоверчивым взглядом, а потом вдруг как-то сдавленно всхлипнула. В тот же миг по щекам ее побежали крупные слезы.

– Нет! Этого не может быть! Нет... Не может быть... – вновь и вновь повторяла она. – Как это произошло? Они что, могут вот так запросто войти в дом и превратить человека в... в... Да кто они такие?

Согнувшись пополам, я уперся ладонями в колени. Дыхание все еще было тяжелым, а бешеное сердцебиение никак не желало возвращаться к нормальному ритму. «Чертовы сигареты! Давно пора завязать с ними», – как и всегда во время сильных нагрузок пронеслось в голове.

– Не знаю, детка. На это у нас нет времени.

Я протянул руку, чтобы провести по мокрым разводам на щеке дочери, но та ее оттолкнула. Судя по всему, у нее началась истерика, в глазах же по-прежнему отражалось недоверие и ужас. Быстро выглянув в окно, я убедился, что на улице пусто, а потом спокойно, насколько это вообще было возможно, заговорил:

– Послушай, Терри, послушай. Постарайся взять себя в руки. Слышишь меня? У нас очень мало времени, скоро стемнеет. Мы должны уезжать.

– Куда? – истошно прокричала она, при этом еще сильнее вытаращив расширенные от паники глаза.

– Понятия не имею, но главное выбраться из дома. Лучше помоги мне. У нас от силы минут пять, а через пятнадцать станет совсем темно.

Дыхание наконец пришло в норму. Отделившись от стены, я бегом направился к кладовке, достал спрятанный там обрез, наскоро вогнал заряды в патронник, а затем перешел в гостиную. Если эти твари доберутся к нам раньше, чем мы успеем смыться из дома, я встречу их с по-настоящему радужным гостеприимством.

Терри следовала за мной по пятам. Остановившись посреди комнаты, она подняла ладони к лицу, яростным движением растерла по нему слезы и дрожащим, но преисполненным отважной решимости голосом спросила:

– Что нужно делать?

– Молодец, детка! – кое-как выдавил улыбку я. – Вдвоем мы справимся быстрее. Плакать и задавать вопросы будем потом, а сейчас тащи в гостиную рюкзаки, ноутбук, телефоны и зарядки. Возьми запас теплой одежды нам обоим. Только бегом! Я соберу остальное.

Терри умчалась наверх. Снизу я слышал стремительный топот ее перебегающих из комнаты в комнату ног, стук падающих на пол предметов, звук с грохотом выдвигаемых и задвигаемых обратно шкафов. Все-таки она молодчина – не каждая девчонка смогла бы так резко совладать с паникой.

Пока она управлялась наверху, я сгреб в спортивную сумку документы, банковские карты и все имевшиеся в доме наличные. Потом напялил легкую, с объемными карманами куртку, куда высыпал оставшиеся патроны, нашел фонарь и накидал в сумку еще кое-какие мелочи, которые могли бы пригодиться в дороге. Я действовал на автомате, но собраться получилось быстро. Терри тоже справилась без заминок.

Уже через десять минут мы со всеми предосторожностями спустились в гараж и сели в машину. Как назло, автоматические ворота открывались с такой мучительной медлительностью, что от нетерпения я готов был разразиться проклятиями, но сдержался и вместо того стукнул кулаком по рулю. Хотелось надавить на газ, чтобы снести их к чертям собачьим и только усилием воли я заставил себя дожидаться, когда подъемный механизм освободит наконец нам путь.

Не раз я уже замечал, что в самые напряженные жизнен-

ные моменты ход времени замедляется, словно в насмешку над человеческой спешкой и суетой, а те редкие мгновения, которые желаешь продлить подольше, пролетают мимо со сверхзвуковой скоростью. Так, на сто процентов я был уверен, что на полное открытие ворот требуется не больше минуты, однако сейчас мне казалось, будто этот процесс занял все пять. Перед тем, как выехать из гаража, я мысленно прокрутил в голове, о чем еще мог забыть, но убедившись, что взял самое необходимое, нажал на педаль газа и тронулся с места.

Я понятия не имел, куда ехать. Мысли внутри черепа вертелись, как обезумевшие, но решения не находилось. В его поисках я беспорядочно кружил по проулкам и улицам, что-то лихорадочно искал в телефоне, собирался даже закурить сигарету, не замечая, что мой рот уже занят другой. За окнами машины стремительно темнело. Солнце скрылось окончательно.

Первым делом я подумал о Билле, но потом представил, через что мне снова придется пройти. Представил, как со своими допросами сюда опять приедет эта сука Джонсон и тогда мне уже не отвертеться от дачи правдивых показаний. Представил, как придется сидеть напротив ее холодного, будто каменная маска лица и рассказывать обо всем, что произошло в ту ночь на самом деле. На этот раз она расколлет меня, как пить дать.

Эта картина так отчетливо предстала перед моими глаза-

ми, что тут же я твердо решил не связываться больше с полицией. Нет, все что угодно, только не полиция. Поняв, что должен делать, я набрал номер Роба, и когда он снял трубку, безо всяких предисловий сказал:

– Роб, ты дома? Мы едем к тебе.

– Хорошо, жду, – раздался из динамика его напряженный голос.

– Запри дверь и до нашего приезда никому не открывай, – вместо прощания бросил я и нажал отбой.

По моей взвинченной интонации он сразу сообразил, что стряслось нечто чрезвычайное, поэтому не стал задавать лишних вопросов. Стараясь не сильно превышать скорость, сквозь сгущающийся сумрак я поехал к нему. По пути я написал Марте Дилл.

Спустя пятнадцать минут мы с Терри сидели у Холдеров в кухне. Я рассказывал Робу и Айлин, что милой, болтливой старушки Роуз больше нет. Рассказывал, что вместо нее в доме обитает жажущая крови тварь, которая обзавелась новым приятелем и, скорее всего, вместе с ним уже выбралась на улицу в поисках следующих жертв.

– Я видел его только издалека, но насколько можно судить по внешнему виду, парень был молод. Похоже, он пробрался к ней около трех ночи, как раз когда Терри услышала крик, а потом задушил. У нее на шее были громадные синяки от его пальцев, вот только я никак не соображу, каким образом она превратилась в это.

– Как же ему удалось проникнуть внутрь? – звенящим от нервной дрожи голосом спросила Айлин.

С побелевшим от услышанного рассказа лицом она сидела за столом, судорожно сжимая в руках чайную чашку, а Терри рядом с ней уставилась в одну точку и со времени нашего приезда не произнесла ни звука. Она не могла поверить, что ее Роуз больше нет. Роуз, которая с детства присматривала за ней, учила печь печенье, без умолку болтала и развлекала забавными историями про покойного мистера Паркера.

Мне и самому непросто было переварить, что простодушная, бесхитростная Роуз, та Роуз, которая и мухи не обидит, находится теперь под личиной злобной твари, готовой без разбору убивать все живое.

– Она почти никогда не запирала дверь, Айлин. Я ей тысячу раз повторял, что она находка для любого грабителя, но все без толку. Роуз вечно забывала об этом или ей просто лень было тащиться до двери, да и кто мог подумать, что кому-то взбредет в голову позариться на ее барахло. Ее же все вокруг знали.

– Это я во всем виновата, – вдруг жестко сказала Терри.

– Не болтай ерунды, детка... – начал я, но она перебила.

– Если бы я ночью встала, как только слышала крик, Роуз была бы жива! Я должна была разбудить тебя! Ее можно было спасти!

– Нам это неизвестно, Терри. Нам вообще неизвестно, чем объяснить все происходящее.

– Терри, милая, во всем, что случилось с Роуз нет твоей вины, – подключилась Айлин, ласковым жестом проведя по ее спине и прижав затем к себе. – Даже если бы ты разбудила папу, вряд ли он подоспел к ней на помощь. И потом, если бы он отправился туда среди ночи, не зная, что именно там происходит, неизвестно, чем это могло обернуться.

– Мы должны обо всем сообщить Биллу, – вклинился в разговор Роб.

– Нет! Я же сказал, что не стану больше связываться с полицией.

С тех пор как мы приехали, он произнес эту фразу уже с дюжину раз, но я наотрез отказывался даже слышать о подобной затее. Правда, чем больше я пересказывал ему подробности, тем настойчивее он твердил о необходимости разговора с Биллом.

– Мы не можем молчать! – громко хлопнув ладонью по столу, вспылил он. – Если все так, как ты говоришь, она сейчас бродит по городу и совсем скоро к ней присоединится кто-то еще. Вернее, она уже не одна и кто знает, сколько их будет к утру! Ты что, хочешь, чтобы они половину города передушили или что они там делают?

– Возможно, ты прав, Роб, но я не стану больше общаться с чертовой полицией. Я лучше возьму в руки обрез и сам пристрелю и ее саму, и ее дружка.

– Отличная идея! Валяй! – скептически покривив лицом, бросил он.

– Роб, я не думаю, что они доберутся до кого-то еще. Люди слишком напуганы, все сидят по домам и поверь, каждая дверь в городе заперта наглухо. Таких простаков, как Роуз, больше нет. Будет лучше, если мы забаррикадируемся и останемся здесь до утра. Будем дежурить по очереди и, если какая тварь полезет, дадим отпор, а утром решим, что делать в дальнейшем. Но я собираюсь свалить отсюда как можно дальше.

– Куда ты, к херам, свалишь? У нас заседание суда через три недели! – гневно вскричал он. – Черт бы тебя побрал, не хочешь звонить, я сам это сделаю!

Он уже собирался встать со стула, но я остановил его вопросом:

– И что ты ему скажешь? Что она напала на меня? Или что она сначала умерла, а потом каким-то волшебным образом ожила, но по случайности превратилась в безумную тварь, жаждущую истребить любого, кто встретится на пути? Ты сам видел, местная полиция ничего не знает и ничего не контролирует. Все улики забрали люди из особого отдела и стоит позвонить Биллу, как сюда прикатит Джонсон со своими ребятами в деловых костюмах. Что будет дальше, нужно объяснять? Спасибо, я уже провел семь замечательных дней за решеткой и еще лет двадцать светит! Нет уж, если хочешь опять встретиться с ними, то не впутывай меня!

Теперь я тоже был на взводе, а под конец своего длинного монолога так распалился, что перешел на крик. Вскочив на

ноги, я возбужденно отмерял шагами расстояние от плотно зашторенного окна до противоположной стены и обратно. С Робом у нас и раньше случались споры, но, пожалуй, в данный момент мы впервые так серьезно сцепились из-за расхождения во мнениях.

Наблюдая за моими метаниями по небольшому периметру кухни, он молчал. Видимо, он раздумывал над услышанным и над тем, как лучше всего поступить. Воспользовавшись возникшей паузой, я уже спокойнее проговорил:

– Я обещаю, что утром позвоню Биллу. Скажу ему, что Роуз пропала, но не стану рассказывать, что она превратилась в чудовище и напала на меня. Идет? Если нет, мы с Терри сейчас же уедем, а дальше поступай, как знаешь.

– Робби, милый, Джон прав, – мягко вмешалась Айлин. – Если позвонить Биллу, вас обоих вызовут в участок. Скорее всего, вы проведете там всю ночь, а может, и не одну. Тогда мы с Терри останемся тут только вдвоем...

Айлин не договорила, но всем нам стало ясно, что она имеет в виду. Выслушав ее, Роб беззвучно выругался. Словно признавая поражение, он накрыл ладонью лежащую на столе руку жены и повернулся ко мне со словами:

– Ладно. Договорились, Джон. Сейчас сделаем, как ты хочешь, но утром ты позвонишь ему и все расскажешь.

Внезапно мобильный телефон в моем кармане с шумом завибрировал, что заставило меня передернуться от неожиданности. Взглянув на экран, я увидел цифры незнакомого

номера и только спустя секунд пять сообразил, что звонок исходит от Марты Дилл.

Дерьмо! Я был не в себе, когда ехал к Робу, а потому написал ей: «Я готов рассказать все, что знаю. Д. Уилсон». Теперь придется взять трубку.

– Я должен ответить, – пробормотал я на вопросительный взгляд Роба, после чего поспешно вышел в другую комнату.

Едва поднеся телефон к уху, я услышал ее немного искаженный динамиками, но легко узнаваемый по характерным хриплым ноткам голос.

– Джон? Это Марта Дилл. Я только что увидела ваше сообщение. – После того, как резко пересохшим ртом я выговорил приветствие, она поинтересовалась: – У вас что-то случилось?

Странно, что она задала именно этот вопрос, хотя мой взбудораженный тон, должно быть, говорил сам за себя.

– Да. Как бы это помягче сказать. Вы помните мою соседку Роуз? – Сделав многозначительную паузу, я добавил: – И то видео, что показали мне вчера?

– Конечно. К чему вы клоните? Что-то случилось с ней?

– Вроде того. Теперь их стало на одного больше. Час назад я обнаружил Роуз в кухне ее дома и подумал, что должен все рассказать.

– С вами все в порядке? Где вы сейчас? – тут же обеспокоено спросила она.

– Да, все в порядке. Мы с Терри у Роба Холдера.

Несколько мгновений она молчала, а затем задала осторожный вопрос:

– Вы уже обратились в полицию, Джон?

– Пока нет. Я бы не хотел снова попасть на допрос к сотрудникам особого отдела.

Я услышал как на том конце провода Марта Дилл облегченно выдохнула и тотчас торопливо продолжила:

– Пожалуйста, послушайте, что я вам скажу. Человек, который прислал мне то видео, пропал. Он послал его также полиции, но после допроса в особом отделе его никто не может найти. Вы меня понимаете?

– Думаю, да.

– Мне тоже удалось кое-что разузнать, но это не телефонный разговор. Я могу к вам приехать?

– Сейчас? – ошарашенно спросил я.

– Да. Большинство районов в городе уже перекрыты, везде стоят военные оцепления. Боюсь, совсем скоро нам могут ограничить свободу передвижения, а еще у меня есть информация, что власти намереваются ввести чрезвычайное положение. В таком случае нам вообще проблематично будет покинуть город.

Все время, пока длился наш диалог, я суетливо ходил по комнате из одного угла в другой, садился на диван, вставал, пробовал устроиться в кресле, снова вставал, шел к окну и так по кругу. Мои руки и лоб жутко вспотели, но объяснить причину своего волнения я не смог бы даже себе. Наконец,

остановившись в центре комнаты, я ответил:

– Уже почти ночь, мисс Дилл. Думаю, будет лучше, если мы встретимся утром. Я предполагаю, что именно по ночам они активны, так что вам не следует выходить из дома и по возможности закройте все окна и двери.

– Я знаю, – нетерпеливо бросила она. Повисло короткое молчание, после которого она серьезно произнесла: – Ладно, тогда я приеду рано утром. Буду надеяться, что мне удастся проскочить.

– Договорились. Мисс Дилл? – позвал я и не дожидаясь ответа, настойчиво повторил: – Не открывайте никому дверь.

– Не волнуйтесь, Джон, я в курсе. До завтра.

Она отключилась, а я остался стоять в задумчивости с телефоном в руке. Из этого состояния меня вывел Роб.

– Чего это ты так разнервничался, парень?

Если бы он не заговорил, я бы его и не заметил. Застыв в выжидательной позе, он стоял, прислонившись спиной к стене, словно боялся, что та вот-вот рухнет и потому подпирал ее своим коренастым телом. Его руки были сложены на груди, а лицо выражало явно напускное недоумение.

С ответом я нашелся не сразу, и будто давая мне подсказку, он спросил:

– Ты что, разговаривал с журналистами?

– С журналисткой. Я говорил тебе про нее и про видео, что она мне показывала.

– И я так понимаю, ты не придумал ничего лучше, как пригласить ее сюда? – Роб говорил подчеркнуто сдержанно, но по его напряженно сжатой челюсти и прыгающим желвакам, было видно, насколько он взбешен. – Какого дьявола, Джон? Мы ведь обсуждали это. Никаких журналистов, черт бы их побрал.

– Роб, на нее можно положиться, – устало проведя ладонью по волосам, произнес я. – Она придет одна и без камер. Этот разговор не для интервью.

– С чего ты это взял? Ты ей веришь?

– Да, верю. К тому же она тоже что-то знает. Слушай, если ты против, чтобы она приезжала сюда, я могу встретиться с ней где-то еще.

– Да разве только в этом дело? – выпуская наружу и так слишком долго сдерживаемый гнев, повысил он голос. – Если она проболтается о вашем разговоре и выложит все в новостях... Проклятье! Ты забыл, что подписал эту чертову бумагу? Стоит придуркам из особого отдела узнать о твоих заигрываниях с прессой и они не отстанут от нас, а твой выход под залог моментально превратится в заключение под стражу!

– Тут ты, возможно, прав, – согласился я.

Сдавив руками голову, я рухнул в кресло и пересказал ему то, что Марта Дилл сообщила о человеке, снявшем видео. Роб слушал молча, но когда я закончил, сквозь плотно сжатые губы процедил:

– Если тебе так хочется рискнуть, валяй. Пусть приезжает. Но принимать участия в вашем разговоре я не стану и проконтролирую, чтобы и ты не вздумал болтать лишнего.

Договорив, он резко развернулся и вновь ушел в кухню. Оставшись наедине с собой, я подумал, что как бы не был высок риск, Марта Дилл права – люди имеют право быть в курсе происходящего. Встреча с Роуз в ее новом обличье сильно меня потрясла и если власти предпочитают молчать, что ж —тогда я сам расскажу все, что знаю.

Глава 15

Ночь в доме Роба прошла спокойно. В дверь к нам никто не ломился, вокруг было тихо, лишь пару раз где-то вдалеке раздавался надсадный собачий лай, но и он довольно быстро смолкал, после чего город вновь погружался в тишину.

Когда Айлин, не принимая наших с Терри возражений, накормила нас ужином, а после вместе с ней ушла в спальню, Роб и я остались в гостиной. Потушив везде свет и раскрыв шторы так, чтобы подходы к дому просматривались со всех сторон, мы просидели в ней до самого утра. Больше мы почти не говорили.

Каждый из нас прислушивался к звукам снаружи, сжимал в руках заряженное ружье и был готов выпустить заряд по любой твари, если она надумает приблизиться к дому хотя бы на метр. За проведенные в таком тревожном ожидании часы я практически не сомкнул глаз, все думая о Роуз и о том, где она теперь. Временами сознание мое уплывало в по-

лудрему, но как только я чувствовал, что голова начинает клониться вниз, тут же просыпался и вновь вслушивался в тишину. Роб тоже не спал.

Марта Дилл приехала к половине седьмого утра. Услышав звук заглушаемого двигателя, а затем увидев в окно ее торопливо приближающуюся к дому фигуру, я открыл дверь еще до того, как она нажала на кнопку звонка.

– Доброе утро, мисс Дилл, – мрачно поздоровался я. – Вы рано. Мы ведь говорили вчера, что небезопасно разгуливать в потемках.

На улице еще не до конца рассвело и так опрометчиво проявленная ею беспечность вызвала у меня раздражение. От окружного центра до нас не меньше получаса езды, а значит выезжать ей пришлось в полной темноте.

– Доброе утро, Джон, – гася мое возмущение приветливой улыбкой, ответила она. – Я хотела успеть до того, как здесь поднимется шумиха. Если выяснится, что ваша соседка пропала, вас наверняка пригласят на допрос. И прошу, называйте меня Марта, а то мне как-то неловко, что я зову вас просто по имени.

Я молча кивнул. Она все еще стояла на улице, в то время как я безмозглым истуканом застыл на пороге. Наконец по ее выжидающему виду до меня дошло, что я так и пригласил ее войти. Спohватившись, я посторонился и пропустил ее внутрь.

Войдя, она с интересом осмотрелась вокруг. Стену сле-

ва от входа украшали многочисленные рельефные панно, узорчатые мозаики, фрески и другие вырезанные из дерева декоративные штукотины. Заинтересовавшись искусно сделанной деревянной маской, изображающей злобное лицо некоего уродливого божка, она надолго остановилась на ней взглядом.

Я стоял с ней рядом и, как и два дня назад, испытывал странное смутение. То, что в ее присутствии я волнуюсь, как сопливый юнец, меня немного озадачивало – подобного со мной не случалось, пожалуй, уже лет двадцать. То ли для того, чтобы привлечь ее внимание, то ли в попытке вернуть осипшему голосу твердость, я тихо прокашлялся и, указав на маску, сказал:

– Их делает Роб. Он увлекается резьбой по дереву.

– Правда? Все это сделал он сам?

В полумраке прихожей ее серо-голубые глаза казались совсем темными, а выражение в них было почти неразличимым, но я уловил, как в глубине их зажегся недоверчивый восторг.

– Ну почти... Кое-что он покупает у других таких же любителей повозиться с ножом и стамеской.

– Вау! Здорово! Нет, правда здорово! Мне очень нравятся такого рода вещи, а мистер Холдер, как видно, настоящий мастер своего дела.

Сняв с себя куртку, она осталась в свободной футболке, узких черных джинсах и невысоких кожаных ботинках. Так

как я угрюмо молчал, в ее лице промелькнуло легкое недоумение, означавшее, должно быть, что она ждет от меня какой-то реакции, но я вдруг совсем сбился с толку. «Черт возьми, похоже, я напрочь разучился общаться с женщинами», – промелькнула в голове досадная мысль.

Чтобы хоть как-то поддержать разговор, я промямлил:

– Как вы выбрались из города? Не возникло проблем?

– Пару раз останавливали, расспрашивали, куда и зачем еду, но в итоге пропустили без серьезных задержек, – пожал плечами, ответила она. – Журналистское удостоверение пока имеет свою силу.

– Что ж, хорошо... Пойдемте в кухню, я познакомлю вас с Робом. Только должен предупредить, настроен он не очень дружелюбно.

– Ничего, я уже привыкла, – усмехнулась Марта. – Люди почему-то не любят журналистов.

Помедлив с ответом, но так ни слова и не сказав, я жестом пригласил ее следовать за собой. Когда мы вошли в кухню, Роб с медной туркой стоял у плиты, а вокруг него витал густой аромат молотых кофейных зерен. При нашем появлении он повернулся и исподлобья глянул на Марту, на что она без промедления отозвалась любезной улыбкой.

– Доброе утро, мистер Холдер. Рада с вами познакомиться и спасибо, что пригласили в дом.

– Я вас не приглашал, можете благодарить Джона, – пробурчал Роб в ответ. – Он вбил себе в голову, что должен вам

все рассказать. – Сняв с плиты турку, он достал из стенного шкафа три чашки и более миролюбивым тоном добавил: – Но раз уж приехали, добро пожаловать. Кофе будете?

– Спасибо, не откажусь.

Удивительно, как это у нее вышло? Роб был настроен крайне негативно по поводу ее приезда, но стоило Марте заговорить с ним, как он вдруг вспомнил о вежливости. Я предполагал, что разъяренным цепным псом он будет огрызаться на каждое ее слово, а вместо того тот налил ей кофе и усадил к столу.

Интересно, эта ее улыбка, которой так просто она обезоружила его враждебный настрой – всего лишь профессиональная уловка или неподдельная искренность? Я пригляделся к ней. Внешне она совсем не походила на человека, способного на притворство. В ее глазах читалась открытость и прямота, улыбка выглядела настоящей, а движения свободными, да и в целом она вела себя так естественно, словно уже бывала в этом доме раньше. Одним словом, глядя на нее, создавалось впечатление, будто ничто не может заставить ее ощутить себя не в своей тарелке.

Уловив мой изучающий взгляд, она с благодарностью приняла чашку из рук Роба и спросила:

– Мы будем говорить здесь?

Испытав неловкость от того, что так пристально ее разглядывал, я забрал у Роба свою порцию кофе и поспешил придать себе непринужденный вид. Однако по мелькнувшему в

ее глазах любопытству догадался, что она заметила, как торопливо я отвел взгляд.

– Думаю, да. Роб? – Дождавшись его согласия, я продолжил: – То, что я расскажу... Марта, вы должны дать слово, что наши имена не будут упомянуты в ваших репортажах. Джонсон вынудила нас обоих подписать обязательство о неразглашении, так что даже сама встреча с вами сулит нам неприятности.

– Конечно, Джон, я понимаю. Гарантирую вам полную конфиденциальность и даю слово, что весь разговор останется строго между нами, – с полной серьезностью заверила она.

Сев к столу, я рассказал ей обо всем, что произошло в ту ночь у реки, а также о том, что случилось у Роуз. Стараясь не упускать важных деталей, я подробно описал поведение, внешность и особенную живучесть тварей, которых нам удалось остановить лишь выстрелами в голову. После того, как я произнес последнюю фразу, Марта некоторое время молчала. Она не торопясь пила кофе и о чем-то думала, но наконец сделала последний глоток, поставила пустую чашку на стол и объявила:

– Мне удалось пообщаться с одним человеком. Он сам вышел на меня. Работает этот человек в лаборатории NLVID-4...

– Продолжайте, – выпалил я, предчувствуя, что, возможно, сейчас она сообщит что-то важное. Что-то, что прольет свет на происходящее.

– Он позвонил мне в тот вечер, когда мы с вами встретились в особом отделе, Джон. Когда вы так любезно меня отшили, помните? – Видимо, не удержавшись от напоминания о моей грубости, она иронично выгнула бровь, но потом опять заговорила серьезно: – Этот человек был очень напуган и все повторял, что за ним следят, поэтому наш разговор занял всего несколько секунд. Он настаивал на личной встрече, где обещал передать мне какие-то файлы со сведениями о происходящем в лаборатории и мы должны были увидеться вчера, но в назначенное время он так и не пришел. Я прождала его больше двух часов и уже думала, что либо с ним действительно что-то случилось, либо кто-то надо мной подшутил, но придя домой, обнаружила в почтовом ящике письмо. К сожалению, всего лишь письмо и никаких обещанных файлов. Не знаю, что произошло и почему он не смог встретиться, а также как ему удалось выяснить мой адрес, но после прочтения письма я попыталась с ним связаться. Его телефон отключен. – Еще раз выразительно взглянув мне в лицо, она спросила: – Теперь вы понимаете, почему я просила о личной встрече?

– Пока не вполне, но продолжайте.

– В этом письме говорилось, что последние месяцы сотрудники лаборатории работали над вакциной от вируса Эбола. Им удалось обнаружить некий элемент, который давал хорошие шансы продвинуться в этой области и улучшить существующий препарат. Все испытания прошли успешно и,

по идее, вакцина должна была стать прорывом в медицинском сообществе, но чуть больше четырех недель назад один из их лаборантов допустил ошибку, о которой никому не сказал. Вернее, они думают, что он допустил ошибку, но точно теперь никто не знает.

– Так и думал, что дело в этой чертовой лаборатории! – хлопнув себя ладонью по колену, вскричал Роб.

До этой минуты он слушал молча, не принимая участия в нашем разговоре.

– Что за ошибку он допустил? Эти твари их рук дело? – нетерпеливо спросил я.

Марта перевела взгляд с Роба на меня и возвратилась к рассказу:

– Насколько я поняла, они не могут в точности установить, что произошло. Испытания проводились на приматах и либо тот дефектный препарат был введен одному из них, а затем уже он заразил лаборанта, либо каким-то другим способом он попал к нему в кровь. Ясно лишь, что через несколько дней лаборант заболел. Симптомы проявлялись сильной головной болью, высокой температурой и светобоязнью. Также он жаловался на бессонницу. В таком состоянии пару дней он ходил на работу, а чуть больше месяца назад ушел домой с высокой температурой и больше живым его не видели. Поначалу считали, будто он болеет, но потом выяснилось, что он вообще пропал.

Она сделала паузу и, извинившись, попросила у Роба еще

чашку кофе. Пока он готовил нам новые порции, Марта заканчивала свою историю.

– Примерно в это же время у всех подопытных обезьян началась странная болезнь. Она проявлялась агрессией, внешними и внутренними мутациями. Какими именно он не описал, но обезьяны принялись нападать на ученых и друг на друга. Заражение быстро распространилось по самой лаборатории, а потом так же стремительно вырвалось за ее пределы. Никто до сих пор не знает, что это за болезнь. Сотрудники лаборатории сами не понимают, с чем столкнулись. Очевидно только, что это не Эбола.

– Так, выходит, это какой-то новый вирус? – разливая по чашкам готовый кофе, спросил Роб.

– Похоже на то. И, судя по всему, очень опасный вирус, вызывающий мутацию во всем организме, но в особенности он поражает мозг.

Переваривая полученную информацию, все мы замолчали. В установившейся тишине было слышно лишь тиканье часов на стене и еле различимый, равномерный гул старенького холодильника. Спустя пару минут Марта отпила глоток из своей чашки и по очереди посмотрев на нас, произнесла:

– Это не все. Когда лаборант пропал, в поселке под лабораторией стали исчезать люди. Те одиннадцать, о которых всем объявили вначале, далеко не все пропавшие. Сейчас установлено, что заражение пошло из лаборатории в этот поселок, а оттуда в разных направлениях по округу и са-

мое неприятное, что никто не знает, как далеко оно уже распространилось. Известно лишь, что большие города пока не сильно затронуло, тогда как малолюдные поселки пострадали значительно. Так что вертолеты, куча военных и особый отдел там как раз по этой причине.

– Это письмо у вас с собой? – спросил я.

– Нет. Тот человек просил его уничтожить и никому не показывать. С его слов я поняла, что он опасается за свою свободу и даже за свою жизнь. Я хотела вчера его сжечь, но потом передумала. Письмо я спрятала в надежном месте, так что простите, показать не смогу. Да и не стала бы.

– Он объяснил, как происходит заражение? – задал я вопрос в надежде, что она разъяснит нам и эту загадку. – Мы с Робом контактировали с ними и, как видите, здоровы. Роуз же заразилась всего за одну ночь. А тот патологоанатом, который осматривал тело негра, сказал, что он умер за несколько дней до того, как я прострелил ему голову. Как такое вообще возможно?

– Этого я не знаю. В письме о способе передачи вируса не говорилось ни слова. Либо он умолчал, либо тоже не знает. Все, что там было – инфекция проникает в кровь, а после достигает мозга. Вы говорите, что Роуз пыталась дотянуться до вашей шеи и у нее были следы, будто ее задушили?

– Да. И такие же были на том уроде, что неделю назад прыгнул к нам на капот.

– Что вовсе не объясняет, каким образом они передают

эту заразу, – как-то отрешенно проговорила она. – По всей вероятности, они для чего-то душат жертву, но что они делают с ней потом?

– Возможно, кусают? – предположил я, но сразу же опроверг сам себя: – Хотя я не видел на Роуз никаких следов укусов, только эти кровоподтеки на шее.

– Кто знает? Все это похоже на сюжет какого-то фантастического фильма. – На лице Марты отразилось бессильное негодование, но тотчас с запальчивостью она продолжила: – Сейчас ясно только одно – заражение распространяется молниеносно, а власти молчат о том, что происходит! И пока они отмалчиваются, в городах ежедневно пропадают все новые люди! Боюсь, всем нам стоит опасаться, что скоро зараженных станет так много, что с ними не справится никакая армия!

После ее слов в комнате вновь воцарилась тишина. Каждый из нас обдумывал услышанное. Марта своим рассказом ответила на многие наши вопросы, но от этого количество их не уменьшилось, а лишь породило новые.

На улице тем временем совсем рассвело. Всю ночь я обходился без сигарет и давно уже меня мучил никотиновый голод, которому в немалой степени способствовала рассказанная Мартой история, а потому я встал из-за стола и вышел на террасу перед домом. Наполняя легкие табачным дымом, я размышлял о том, что теперь делать. Одно несомненно – нужно куда-то уезжать. Остаться здесь дальше небезопас-

но.

Самое отвратительное, что этим скотам из особого отдела обо всем известно, но, похоже, чтобы не допустить скандала, который неминуемо разразится, стоит широкой ответственности узнать о совершенной ими ошибке, ублюдки не погнушаются ничем. Очевидно, они готовы убрать с дороги любого, кто рискнет проникнуть в их тайну, а меня и, как теперь выяснилось, не только меня – упрятать за убийство созданных ими же монстров.

Мои размышления прервала Марта. Спустя минуту она вышла следом за мной и осторожно прикрыв дверь, встала рядом.

– В этом письме не упоминалось, сколько всего их может быть? – поинтересовался я.

– Нет. Он намекнул, что я должна предупредить людей в необходимости уезжать. Оставаться здесь небезопасно. – Услышав, как она точь-в-точь повторила мои мысли, я слабо улыбнулся. – Но я ума не приложу, как это сделать. Стоит мне заговорить и меня заставят молчать. Если власти хотят что-то скрыть, они найдут способ меня заткнуть.

Она горько усмехнулась и застыла в задумчивости. Искоса взглянув на нее, я догадался, что она и сама не рада той ситуации, в какой оказалась. По-видимому, пока она не признавала, что происходит, стремилась всеми силами докопаться до истины, но когда эту истину наконец обнаружила, просто не знала, что с ней делать.

Я не представлял, чем могу ей помочь. Единственным разумным решением мне представлялось не лезть во все это, но взглянув на нее еще раз, я тут же понял, что она не выберет бездействие.

– Что вы планируете делать, Джон? – очнувшись от своих раздумий, спросила она. – Вам есть куда уехать?

– Я как раз размышлял об этом. По идее, мне нельзя покидать округ. Я нахожусь под подпиской о невыезде и суд через три недели. – Затушив сигарету, я посмотрел ей в глаза и задал встречный вопрос: – А вы?

Поежившись от прохладного утреннего воздуха, она почему-то отвела взгляд в сторону.

– Пока точно не знаю. У меня осталось масса вопросов после прочтения письма, но тот человек больше не отвечает на мои звонки. Я звонила ему вчера весь вечер, но его телефон недоступен, а сам он словно в воздухе растворился. Сегодня хочу попробовать пробраться к тому поселку. Хочу посмотреть, что там происходит, а если повезет, поговорить с ним напрямую или найти кого-то, кто сможет рассказать больше.

– Вы рехнулись? – изумленно воскликнул я. – Извините, Марта, но безумнее этой идеи нельзя и придумать. Во-первых, там все оцеплено. Вы не проедете и десяти километров, как вас остановят и отправят обратно. И хорошо, если так. А во-вторых, вы ведь и сами понимаете, что там очаг заражения, а значит этих тварей гораздо больше. Черт возьми, в

конце концов это просто опасно!

Она смотрела на меня с грустной полуулыбкой и не переставая ждала окончания моей наставительной тирады, но как только я замолчал, мягко проговорила:

– Джон, опасно сейчас везде. Вы и сами убедились в этом вчера. Даже находясь дома, нельзя чувствовать себя в безопасности.

Признавая, что она чертовски права, я не сразу нашелся с ответом.

– Самое верное решение – уехать. Оставьте эту затею. Если вы начнете рассказывать по телевизору про заражение и оживших мертвецов, сами говорите, вам быстро заткнут рот.

– Возможно, так и есть, но я хочу выяснить, каким образом распространяется инфекция, а также сколько всего их может быть. Другого способа нет. Слишком много в этой истории темных углов и неясностей, и нам никто ничего не расскажет, если мы сами не попытаемся узнать.

– Но не ехать же в логово этих тварей? – резко возразил я. – Нужно как-то убедить людей уезжать отсюда. Почему власти не начинают эвакуацию?

– Хороший вопрос, – усмехнулась Марта. – Вместо того они оцепляют города и заставляют всех сидеть по домам.

– Если не будет людей, не будет и заражений. Послушайте, я не хочу лезть не в свое дело, да и не могу, но оставьте это. Лучше подумайте, как добиться от властей эвакуации жителей.

– Вы представляете себе, сколько нужно потратить денег, чтобы организовать масштабную эвакуацию? – с сарказмом полюбопытствовала она. – Всех этих людей нужно будет как-то вывезти, обеспечить всем необходимым, где-то разместить, но пугают их даже не финансовые потери и риски. Как при эвакуации сдержать неминуемые протесты и панику? Им ведь придется отвечать на вопросы, придется объяснять, что произошло, придется признавать свои ошибки, а также то, что они повинны в гибели сотен людей. Нет сомнений, что ситуация давно вышла у них из-под контроля, но они не готовы нести за это ответственность.

Я молчал, понимая, что в чем-то она снова права. Я никогда особо не интересовался политикой, не лез в многочисленные общественные движения за то или это, не верил в теории заговоров, конспирологию и остальное дерьмо, которое так любят обсуждать различные диванные критики, а потому и возразить мне было нечего.

Заметив, что я не оспариваю ее слов, Марта с напором продолжила:

– Разве вы не знаете, что наше правительство очень не любит говорить людям правду? Им куда проще запереть всех по домам, все засекретить и по-тихому разгрести то, что натворили, только на этот раз они крупно облажались.

Мне по-прежнему нечего было возразить, да и спорить с ней, как видно, не имело смысла. Какой бы следующий довод я не привел, она с легкостью найдет на него контраргумент.

Марта оказалась не только настойчива – похоже, она отлично ориентировалась в подковерных играх власть имущих, чем я похвалиться совершенно не мог.

Так и не отыскав новых способов ее переубедить, я закурил еще одну сигарету. Стоя бок о бок, мы оба надолго умолкли. Устремив взгляд вдаль, она опять о чем-то задумалась, а я курил и перебирал в голове варианты своих дальнейших действий.

Глава 16

Спустя время Марта повернулась ко мне с явным намерением нарушить возникшее между нами безмолвие, но ее прервало внезапное появление Терри.

– Папа, когда мы поедem домой?

Сонно моргая глазами, она стояла за нашими спинами. Я не заметил, как она вышла из дома, а потому услышав ее голос, удивился, но больше меня озадачил прозвучавший вопрос. Списав его на то, что она не до конца проснулась, я раздумывал, как лучше ответить. У меня самого до сих пор не выходило полностью принять, что мы должны куда-то уезжать, и пока что я слабо представлял, как мы все здесь бросим, а самое главное, куда мы поедem.

Марта нашлась первой. Сообразив, что вопрос дочери поставил меня в тупик, она с улыбкой произнесла:

– Привет, Терри. Помнишь меня? Мы виделись пару дней назад.

– Да, я вас знаю. Видела по телевизору. Папа дал вам ин-

тервью?

По-прежнему сонно шурясь, она зябко поеживалась в своей легкой пижаме. Несмотря на то, что солнце уже наполовину высунулось из-за крыш соседних домов, грело оно еще слабо, а воздух был пропитан ночной свежестью.

– Нет, мы просто обсудили кое-какие вопросы. – Бросив на меня быстрый взгляд, Марта прибавила: – Думаю, твоему папе не стоит сейчас раздавать интервью.

– Это точно, – усмехнулся я. – Терри, мы не поедем домой. Давай-ка зайдем внутрь и обо всем поговорим. Тут холодно.

Как только мы втроем вернулись в дом, Марта принялась прощаться. Подойдя к Робу, она протянула ему ладонь и с теплотой в голосе произнесла:

– Что ж, я должна ехать, мистер Холдер. Спасибо за кофе и за гостеприимство. Была рада с вами познакомиться и можете не переживать насчет того, что рассказали. Даю слово не упоминать ваших имен в своих репортажах.

– Уже уезжаете? – удивился Роб. – Оставайтесь на завтрак! Айлин пока в душе, но она скоро выйдет.

Вот это резкий поворот от Роба! Не веря ушам, я в недоумении уставился на него, но он, похоже, говорил искренне. Во всяком случае, в его лице отчетливо прослеживалось непритворное радушие.

Для меня внезапный отъезд Марты тоже стал сюрпризом. Мы обсудили уже все, что могли, но тем не менее я оказался к нему не готов. Пытаясь придумать предлог, как ее задер-

жать, я предложил:

– Оставайтесь, Марта. Вы ехали сюда в такую рань и не мешало бы подкрепиться, прежде чем снова приниматься за ваши детективные расследования. К тому же, мне кажется, мы еще не все обсудили.

Не желая выдавать разочарования от ее столь внезапно-го отъезда, я говорил небрежным, даже несколько насмешливым тоном, однако по ироничному выражению ее глаз понял, что справился плохо.

– Простите, но правда не могу, – покачала она головой. – Не думала, что настолько задержусь, а мне уже давно пора быть на работе. Но спасибо за приглашение, в другой раз обязательно останусь.

Она весело подмигнула Терри, а затем протянула руку и мне.

– Пойдемте, я провожу вас до машины, – пожав по инерции ее ладонь, сказал я.

По крайней мере, так выглядело со стороны, потому что я точно знал, что сделал это намеренно. Почему-то мне нестерпимо захотелось дотронуться до нее, и в подвернувшейся возможности я решил себе не отказывать. Еще через пару минут мы вышли из дома и направились к дороге.

По пути Марта что-то разглядывала в своем телефоне, а я, сунув руки в передние карманы джинсов, молча шагал рядом и размышлял, как убедить ее не ввязываться в задуманную авантюру. Время близилось к восьми утра.

– А что говорит руководство вашего телеканала по поводу письма и вообще всего происходящего? – поинтересовался я, когда мы подошли к машине.

– По поводу письма я еще ни с кем, кроме вас, не говорила и пока не уверена, стоит ли это делать. А насчет того, что происходит... Никто ведь толком ни о чем не знает. Мы чуть ли не единственные, помимо военных, медиков и особого отдела, кому известно хоть что-то.

– Почему же вы рассказали о письме нам?

– Мне показалось, вы не станете болтать лишнего, поэтому я могу вам довериться. Ну и, вы раскрыли мне свои карты, я вам свои. Так что считайте это ответным ходом.

– Марта, не нужно туда ездить, – предпринял я очередную попытку. – Вы не найдете никого, кто даст вам ответы. Там везде военные и люди из особого отдела. Я уверен, они всех контролируют, так что поездка эта не сулит вам ничего, кроме неприятностей.

Вероятно, о чем-то задумавшись, она не ответила. Разглядывая ее сосредоточенное лицо, на котором лежали тени от растущего над нами раскидистого, уже в некоторых местах пожелтевшего клена, я пробовал понять, что меня в ней привлекло. Помимо внешности, было в ней что-то неуловимо притягательное, но я никак не мог определить, что именно.

Безусловно, улыбка и глаза Марты примагничивали взгляд, но куда больший интерес вызывал ее характер. То, что в начале я принял за излишнюю настырность и неумест-

ное любопытство, теперь воспринималось как неравнодушие и стремление помочь людям. Помочь даже ценой собственной безопасности. Я не брался судить – безрассудство это или альтруизм, но видно, что в достижении своих целей она уперта до фанатичности.

– Чтобы убедить людей уезжать, мне необходимо неопровержимое доказательство, которое укажет на наличие реальной опасности, – наконец заговорила она. – Просто предъявить письмо никому неизвестного лаборанта будет явно недостаточно. В телефонном разговоре он пообещал передать мне какие-то важные свидетельства о причастности ко всему военных и особого отдела. Если сумею до них добраться, это будет грандиозной сенсацией, Джон. И я не могу упустить такой шанс. Просто не могу. Я хочу распутать эту историю. – Переведя дыхание, она сощурила глаза и с недоверчивым видом проговорила: – А еще, я все хотела у вас спросить... Когда вы давали показания, рассказали Джонсон то же самое, что и мне о той ночи? Я имею в виду, об их поведении и о том, что сразу поняли – те нападавшие не совсем люди?

– Нет, конечно, – не понимая к чему она ведет, проронил я. – Мы решили не упоминать, что они походили на оживших мертвецов. Настаивали на том, что приняли их за психов или наркоманов. Проще говоря, косили под дураков. А почему вы спрашиваете?

– Теперь понятно. Думаю, поэтому вас и отпустили. Каж-

дый, кто что-то рассказывает в открытую, потом пропадает.

– По-вашему, они физически устраняют свидетелей? – не удержался я от скептической усмешки.

– Вы считаете, я страдаю от излишней подозрительности? – Марта вернула мне такую же точно усмешку и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Этих людей либо запугивают настолько, что они перестают выходить на связь, либо находят предлог, чтобы упрятать за решетку, но я не удивлюсь и более жестким методам. А вот то, что вам они поверили и то, что вы до сих пор на свободе, меня, честно сказать, удивляет.

– После всего услышанного от вас, меня тоже. Хотя Джонсон угрожала мне какими-то особыми мерами, если я вздумая трепать языком. Она чуть из кожи не вылезла, так торопилась подсунуть мне то соглашение.

Обдумывая услышанное, Марта помолчала, а затем с твердой уверенностью в голосе произнесла:

– Я попробую проехать к тому поселку. Также скошу под дурочку и если ничего не выйдет, вернусь обратно. Что ж, мне действительно пора ехать. Рада, что вы позвонили и все рассказали.

Кивнув на прощание, она улыбнулась и открыла дверцу машины.

– Постойте, вы хотите ехать одна? – ошарашенно спросил я.

– Да. – Ее «да» прозвучало так, словно речь шла об элементарных вещах, но едва заметив, что я опять намерева-

уюсь ее отговаривать, она сделала успокаивающий жест рукой. – Мой оператор очень не вовремя заболел, но, возможно, я возьму с собой кого-то еще. А вообще, мне пока не хочется привлекать внимания, да и посвящать своих коллег во все это. Это ведь мой материал, Джон.

При этих словах губы ее изогнула высокомерная усмешка.

– О, так все дело в том, что вы не хотите ни с кем делиться? – с грубым смехом воскликнул я. – Знаете, Марта, желание единоличной славы не доведет вас ни до чего хорошего. Бросьте! – Своей фразой я рассчитывал сбить с нее лишнюю спесь, но она произвела ровно обратный эффект. Увидев, как ее нижняя челюсть выдвигается вперед, я обреченно закатил глаза и поднял обе ладони вверх. – Понятно. У вас есть хотя бы оружие? Вы умеете стрелять?

– Послушайте, я еду не с чудовищами сражаться, а поговорить с людьми. И я вернусь до темноты. Не стоит за меня волноваться, Джон.

Она вновь насмешливо улыбнулась и почти села в машину, как внезапно даже для самого себя я выпалил:

– Тогда я поеду с вами!

Ее лицо изумленно вытянулось, но тут же она отрицательно покачала головой.

– Вам нужно подумать о том, куда увезти дочь. Здесь опасно оставаться.

– Здесь не опасней, чем там, куда вас несет! К тому же вы планируете вернуться до темноты, – резко возразил я.

– А если нет? Вы не можете рисковать.

Черт возьми, а ведь это правда. Я не могу оставить Терри, а сам мчаться на поиски приключений только потому, что Марте Дилл непременно нужно докопаться до истины. Что, если что-нибудь пойдет не так? Мы можем не успеть вернуться засветло, нас могут арестовать, да все что угодно может произойти.

Раздумывая об этом, я лихорадочно искал причины отказаться от своей безумной, высказанной второпях идеи, но с одной стороны, Терри будет в безопасности с Робом и Айлин, а с другой – я понятия не имел в каком направлении уезжать. Была еще одна сторона, которую я прекрасно осознавал, но хотел бы скрыть даже от самого себя.

Я видел эту девушку третий раз в жизни, но отчего-то мне было невероятно сложно вот так просто отпустить ее, зная, что там, куда она направляется – небезопасно. Даже если бы она заявила, что при ней будет внушительная охрана и целый прицеп с оружием, я не мог спокойно наблюдать за тем, как она уезжает.

А еще меня разбирала злость. На Джонсон, на особый отдел, на военных и на замалчивающее проблему правительство. Мне грозит огромный срок в заключении и разлука с дочерью, а эти уроды не хотят признавать ни своих ошибок, ни нависшую над всеми нами опасность.

С силой потеряв лоб, будто таким образом мог улучшить работу мыслей, я наконец с решимостью произнес:

– Я поеду с вами и мы вернемся до темноты. Если нет, у Роба в доме есть подвал, где при случае они укроются до утра. Там они будут в полной безопасности.

– Теперь моя очередь спросить – вы рехнулись? Вам-то это зачем?

– Ваш план опасен, Марта, более того, он глуп, но я тоже хочу докопаться до истины. Я хочу знать, за что ублюдки из особого отдела собираются упечь меня на двадцать лет и прежде, чем это произойдет, планирую выяснить как можно больше подробностей. Кроме того, я понятия не имею, в каком направлении уезжать. Вы ведь сами сказали, что неизвестно, как далеко эта дрянь распространилась.

Здрав голову вверх, Марта смотрела на меня долгим оценивающим взглядом и, казалось, решала какую-то сложную задачу. Наконец, издав тягостный вздох, она проронила:

– Тут вы правы. Ладно, тогда встретимся через пару часов. Мне необходимо еще кое-куда заглянуть, а потом я заеду за вами. – Несмотря на то, что меня распирало от любопытства, я не стал спрашивать, куда еще ее несет. Она села в машину, включила зажигание и, вновь взглянув на меня, добавила: – Я позвоню, когда закончу с делами. До скорого, Джон.

Закурив, я еще некоторое время стоял у дороги и пока провожал глазами ее отъезжающую машину, меня не покидало двоякое чувство. Я был рад, что проведу в ее обществе несколько часов, но одновременно с тем отлично понимал, что мое желание ехать с ней не больше, чем бессмысленная

блажь и дурость.

Когда я рассказал о своем намерении Робу, тот опять пришел в бешенство. Сначала он категорично отказывался отпустить меня в эту поездку, затем убеждал одуматься, а напоследок матерился и даже угрожал, что сообщит обо всем Биллу. Однако что бы он не говорил, я твердо стоял на своем. Ожесточенно споря, мы вдвоем топтались в саду, обсуждали услышанное от Марты и безуспешно пытались прийти к единому мнению.

– Нужно выяснить, как эта дрянь передается, – доказывал я. – Они ведь сталкивались с ними и должны быть в курсе. Странно, что тот лаборант ничего не упомянул об этом в письме.

– Да может и письма никакого не было! – вздыбился Роб. – Взяла, да и выдумала все, чтобы вытянуть из нас нужные сведения. А теперь ты еще и ехать с ней собрался, рискуя собственной задницей!

– Ну это уже перебор, Роб, – рассмеялся я.

– Хорошо, пусть так. Может, и перебор. Но ты правда считаешь, что вы приедете туда и вам все выложат? Прямо встретят с распростертыми объятиями, ответят на все ваши вопросы, а потом еще и до дома сопровождают? – не унимался он.

– Честно говоря, я тоже считаю эту затею глупой. – Отведя взгляд, я провел им вдоль полосы горизонта, за которым виднелось чистое, без единого облака небо и снова вернул к

его лицу. – Но она хоть что-то пытается выяснить, пока особый отдел занят тем, что замечает следы и убирает свидетелей.

После этой фразы Роб взгляделся мне в глаза и с мрачным видом изрек:

– Давай начистоту, Джон. Ты ведь неспроста хочешь туда прокатиться. Все дело в этой смазливой журналисточке, так? Не пытайся отвертеться, я отлично видел, какие взгляды ты на нее бросал.

Помимо воли я вдруг ощутил себя как застуканный за чем-то постыдным мальчишка. К лицу резко прихлынула кровь, уши и скулы ожгло огнем, но не мигая я смотрел на Роба и старательно придавал себе удивленно-безразличный вид. Я догадывался, что мимика и жесты выдают меня с головой, а все попытки скрыть очевидное выглядят фальшиво и все же спокойным тоном возразил:

– Это полная чушь, Роб. Дело в другом. Я лишь хочу разузнать, что делать дальше и к чему готовиться, но не стану отрицать, мне действительно не по себе от того, что она собирается туда в одиночестве.

– Мне-то можешь не лгать, парень, – язвительно ухмыльнулся он. – Твои красные уши и невнятные отговорки говорят сами за себя. Я тебя не осуждаю, но считаю это откровенно тупой, а кроме того, бестолковой и опасной затеей.

Тут я не стал спорить. Опустив глаза вниз, я достал из пачки сигарету, но как только собрался щелкнуть зажигал-

кой, Роб сварливо предупредил:

– Не кури в саду. Айлин тебя убьет. – С минуту он просто-
ял в задумчивом молчании, но потом, словно сдаваясь перед
неизбежным, устало проговорил: – Надеюсь, ты знаешь, что
делаешь. Если тебе так надо, езжай. Мы присмотрим за Тер-
ри.

Облегченно вздохнув, я сунул сигареты обратно в карман.

– Спасибо, Роб. Я знал, что смогу на тебя рассчитывать.

Через два с лишним часа я стоял, склонившись над раковиной, и умывался холодной водой в надежде, что это меня взбодрит. Бессонные ночи и постоянное чувство тревоги сделали свое дело – я выглядел уставшим, под глазами появились темные круги, а лоб перерезала глубокая, непонятно откуда взявшаяся морщина. Еще мне не мешало бы побриться. Темная щетина местами доходила уже до скул, но она мне шла. По крайней мере, мне хотелось так думать.

Несколько минут назад звонила Марта. Она сообщила, что закончила все дела и в скором времени заедет за мной. После разговора с Робом я почти не переставая думал о ней. Его колкое замечание о моих на нее многозначительных взглядах и то, как я покраснел, не давали покоя. Неужели настолько очевидно, что меня к ней влечет? Интересно, она тоже это заметила? И что она вообще думает обо мне?

Отгоняя эти дурацкие мысли, я исступленно помотал головой и плеснул в лицо пригоршню ледяной воды. Что она может обо мне думать? Я для нее не более, чем посторон-

ний, зачем-то навязавшийся в попутчики человек. Теперь мне стало не по себе от того, что я напросился ехать с ней.

Что я о себе возомнил? Что смогу защитить ее от какой-то угрозы? Или что могу каким-то образом ей понравиться? Или может, мне хотелось произвести на нее впечатление? Мысленно я обозвал себя идиотом. Куда я, черт возьми, лезу? Она моложе меня лет на десять и стоит ей понять, что я испытываю к ней симпатию, скорее всего, рассмеется мне прямо в лицо. И откровенно говоря, я не стану ее за это осуждать.

Марта молода и чертовски привлекательна, а я всего лишь тридцатипятилетний бывший алкоголик, занимающийся ремонтом старых машин, ничего из себя не представляющий и ничего за целую жизнь не добившийся. К тому же вдовец, один воспитывающий дочь. К этому послужному списку также можно прибавить и улыбающийся мне двадцатилетний тюремный срок.

У меня вдруг возникло острое желание ударить самого себя. Стукнуть со всей силы прямо в лоб, чтобы выбить из башки всю неожиданно свалившуюся туда дурь. Сейчас я уже жалел, что затеял эту поездку.

– Пап?

Негромкий стук в дверь прервал мой сеанс самобичевания. Посмотрев в глаза своему отражению, я мрачно усмехнулся. Нужно взять себя в руки. Не время раскисать из-за понравившейся женщины – есть дела поважнее.

– Да, детка, – отозвался я.

Открыв дверь, я вышел в коридор.

– Даешь слово, что приедешь до темноты?

Терри была вовсе не рада моему решению куда-то ехать.

На ее осунувшемся лице отпечаталось удрученное выражение, а в глазах притаился едва сдерживаемый страх. Было видно, как нелегко ей от мысли, что мне, возможно, будет грозить опасность.

Присев, я взял ее за плечи и со всей убедительностью сказал:

– Обещаю, Терри. Но даже если я задержусь, ты не должна волноваться. Со мной все будет в порядке, а Роб с Айлин позаботятся о тебе. Вечером вы на всякий случай спуститесь в подвал. – Она молчала, поэтому с натянутой улыбкой я пошутил: – Ты же знаешь, что туда не проберется ни один монстр?

В этот момент раздался звонок в дверь. Мы услышали, как Айлин ее открыла, а немного погодя до нас донесся и голос Марты. Пока они обменивались приветствиями, я еще раз взглянул на Терри и в попытке вызвать ее смех, соорудил смешную физиономию.

Вышло паршиво. В ответ она лишь слабо улыбнулась, после чего закатила глаза под самый лоб и снисходительно заявила:

– Ты же знаешь, что на меня давно не действуют эти глупости.

– Знаю, – серьезно сказал я. – Мы будем на связи, хорошо? Если что-то случится, сразу звони мне, договорились? Все. Нужно идти.

Не обращая внимания на презрительно-надменную гримасу дочери, я поцеловал ее в лоб, а затем поднялся и направился к выходу. Дожидаясь на улице, Марта, о чем-то тихо беседовала с Робом и Айлин. Накинув куртку, я взял собранный в дорогу рюкзак и вышел к ним.

– Я готов. Едем?

– Отлично! Да, едем, – откликнулась она.

Попрощавшись с обоими Холдерами, она пошла к машине, а я задержался, чтобы в очередной раз заверить их в своем скором возвращении. На мои слова Роб раздраженно покривил лицом, зато Айлин ласково потрепала меня по плечу и, тепло улыбнувшись, пожелала удачи. Окончательно распрощавшись с ними, я вслед за Мартой вышел из сада.

Глава 17

У Марты Дилл был компактный, с виду ничем непримечательный внедорожник темно-серого цвета. Когда я приблизился, она уже сидела за рулем, от нетерпения постукивая по нему пальцами, а едва я приземлился на сиденье, нацепила на нос темные очки, включила зажигание и вырулила на дорогу. Путь предстоял неблизкий. Если нам все же удастся проскочить все блокпосты, по моим подсчетам он должен занять не менее трех часов.

– Как вы насчет музыки, Джон? – спросила она, как только

мы отъехали от дома.

– Равнодушно. Терри постоянно что-то слушает, но я даже не замечаю. Но ваша машина, ваша музыка, – перефразировав известный слоган, сострил я, однако тотчас подумал, насколько тупо это прозвучало.

– Тут я полностью на стороне Терри, – с язвительным смехом заявила она. – Не представляю своей жизни без хорошей музыки.

– И что вы слушаете?

– В основном старый добрый рок, реже джаз или что-нибудь из классического направления. Иногда даже хип-хоп! В общем-то, я люблю почти любую музыку...

Протянув руку к автомагнитоле, она нажала на кнопку включения и тут же из динамиков полилась отдаленно знакомая мелодия. Я вспомнил ее, когда после длинного вступления прозвучали первые слова песни. Качая в такт головой, Марта вслед за исполнителем пропела пару фраз, после чего искоса взглянула на меня и вновь весело рассмеялась.

– Вы так веселитесь, будто нам предстоит поездка в парк развлечений, а не чертовски опасная авантюра, – не удержался я от насмешливого замечания.

Убавив звук, Марта с упреком воскликнула:

– Да бросьте, Джон! Если будем сидеть с мрачными лицами, сойдем с ума от скуки! – Слегка наморщив нос, она прибавила: – Ненавижу скуку.

– Тогда вам не повезло с попутчиком, – усмехнулся я. – Из

меня так себе весельчак. Может, лучше поделитесь со мной, как вы планируете добираться к тому поселку, минуя посты?

– Конечно, но чуть позже.

Лицо Марты приобрело серьезное выражение, а я пожалел, что своими угрюмыми замечаниями испортил ее беззаботный настрой. Следующие несколько минут мы ехали молча. Она сосредоточенно смотрела прямо перед собой, я же напрягал воображение, силясь придумать, как исправить ситуацию. Как назло, на ум ничего не приходило.

Пока мы проезжали по городским улицам, всюду натыкались на случайных прохожих. Небольшими группами, а кое-где и целыми толпами они стояли на тротуарах или продвигались к центральной площади. Город не утихал со вторника, но сегодня народу стало вдвое больше.

Это было связано с тем, что час назад по радио сообщили о пропаже семидесятидвухлетней Кэрол Уайт. Ее сын, живущий на другом конце города, с утра не дозвонился ей на телефон, поэтому отправился проверить, все ли в порядке. Мать в доме он не нашел, зато обнаружил бардак, пятна крови и следы борьбы.

Пропавшая была подругой Роуз. Услышав за завтраком о случившемся, все мы сразу поняли, что это ее рук дело. Теперь по городу разгуливали по меньшей мере три зараженные твари и оставалось загадкой, где они притаились, чтобы дожидаться темноты. Хмурый взгляд Роба недвусмысленно говорил о моей в том вине, но от прямых обвинений он

воздержался.

– Что у вас в рюкзаке? – нарушила затянувшееся молчание Марта.

– Обрез, патроны, вода, фонарь и другая мелочь, – перечислил я.

– Вы хорошо подготовились, – с легким смешком проронила она. – Разрешение на обрез есть?

– Да, с ним все в порядке.

– Думаю, лучше все же убрать рюкзак под сиденье. Повсюду посты, нас могут проверять, но вдруг они не додумаются обыскивать машину. Нам не нужно лишнее внимание.

На выезде из города действительно стояла патрульная машина, в которой оказались Сандра и Пол. Они останавливали почти всех, кто двигался в сторону ведущей к окружному центру автомагистрали. Увидев меня вместе с Мартой, Сандра не сдержалась от двусмысленной ухмылки.

– Куда это ты направляешься, Джон? – подойдя к машине, ехидно полюбопытствовала она.

Не моргнув глазом я солгал, что еду забрать заказ с забронированными две недели назад автозапчастями, а Марта вызвалась меня подбросить. Изобразив возмущение, я наплел историю о том, как почтовая служба потеряла мою посылку и теперь предлагает ждать еще несколько дней, прежде чем мне ее наконец доставят.

– Я послал их к черту и решил съездить сам. Эти запчасти мне позарез нужны, – с убедительным видом изрек я, а сле-

дом поспешил перевести разговор на другую тему. – Слышно что-нибудь о пропавшей Уайт? Ее еще не нашли?

– Пока нет. Старушка точно в воду канула. – Сандра старалась не показывать, что не верит ни единому моему слову, но по тому, как подозрительно щурились ее раскосые глаза, было ясно – актер из меня вышел никчемный. Хлопнув рукой по крыше машины, она великодушно провозгласила: – Ладно, проезжай, Джон. Но, надеюсь, ты не задумал натворить очередных глупостей и помнишь, что тебе запрещено покидать округ.

Вместо ответа я приложил ладонь к виску и, не обращая внимания на ее все еще двусмысленную ухмылку, отдал честь.

– Не нарывайся, Уилсон, – погрозив пальцем, бросила она напоследок.

Чуть только мы снова тронулись в путь, Марта кивком головы указала на заднее сиденье.

– На следующих блокпостах будем говорить, что вы мой оператор. В случае чего, сможете вести съемку?

Взглянув назад, я увидел обычную портативную видеокамеру. Лет пять назад у меня была подобная, так что разобраться с этой не составит труда. Получив утвердительный ответ, Марта слегка наклонилась вперед и выудила из бардачка удостоверение, на котором красовалось мое имя и фотография.

– Оно, естественно, поддельное, но от настоящего не от-

личить.

– Где вы это взяли? – озадаченно спросил я.

– Пришлось сделать пару звонков и кое с кем встретиться.

– Даже не стану спрашивать, где вы откопали мою фотографию. – Повертев в руках заламинированный прямоугольник с надписью "Пресса", я продел голову сквозь длинный шнурок, а затем едко проговорил: – Значит, теперь я оператор... Что ж, это даже забавно. Вы только за этим ездили?

Мельком взглянув на меня, она спустя время нехотя ответила:

– Еще к дому вашей соседки. Внутрь, конечно, не входила, но немного поснимала вокруг. Рассчитывала найти что-нибудь интересное, но не нашла. Там тоже полно людей и, кажется, пока никто из них не догадался, что она пропала.

– Понятно.

– Потом прокатилась к моргу. Надеялась поговорить с тем патологоанатомом, но, как и следовало ожидать, он наотрез отказался со мной разговаривать.

– Вряд ли он что-то расскажет. Думаю, особый отдел уже провел с ним воспитательную беседу.

– Да, но попытаться стоило. Ну и под конец заглянула в полицейский участок. С местным шефом полиции переговорить мне все же удалось.

– С Биллом? – округлив глаза, недоверчиво воскликнул я. – Он не из тех, кто раздает интервью. Как вам это удалось, черт возьми? И когда вы все успели? Вас не было всего два

с половиной часа.

– У меня свои методы.

Придав лицу загадочно-комичное выражение, Марта посмотрела на меня поверх очков и снова переключила внимание на дорогу.

– И что он сказал?

– На самом деле я тоже удивилась, когда он согласился на беседу. Как мне показалось, ваш шеф вовсе не дурак и догадывается, что это не простые исчезновения. Думаю, он уже связал дважды два и понял, что те, кто напал на вас, пропавшие люди, особый отдел и лаборатория связаны.

– Как вы это поняли? Обычно Билл либо неразговорчив, либо орет, как сумасшедший, – проронил я со смехом.

– Прямо об этом он не сказал, но я догадалась по его виду и задаваемым вопросам. Кстати, он посоветовал мне обратиться к вам и мистеру Холдеру. Дал понять, что вы знаете и можете рассказать больше.

– Ого! – От изумления я даже присвистнул. – Может, стоило сообщить ему о Роуз?

– Может быть, но кто знает, как бы он поступил в данном случае? Он связан полномочиями и, по идее, должен извещать обо всем особый отдел, а вот сделал бы он это или нет, вам видней. Вы ведь давно его знаете.

На протяжении следующих полутора часов мы продвигались на северо-запад, неуклонно приближаясь к намеченной цели. По пути между нами происходил малосодержательный

разговор обо всех известных к сегодняшнему дню исчезновениях, а также безостановочно циркулирующих в сети слухах. Разговор этот, подобно костру – то разгорался, то затухал, то вспыхивал вновь, а временами мы просто ехали молча.

Между тем, чем ближе мы подбирались к лаборатории, тем больше военных встречалось нам на дорогах. Нашу машину останавливали почти на каждом блокпосту, но Марта показывала свое журналистское удостоверение и беззастенчиво врала, что мы едем снимать репортаж о семье какого-то фермера. Чтобы не вызывать подозрений, она называла населенный пункт в противоположной стороне от места, куда мы действительно направлялись.

Патрульные смотрели на нее с сомнением и чуть не крутили пальцем у виска – все они ругались, что на следующем блокпосту нас, скорее всего, не пропустят, однако нас пропускали все дальше и пока все шло хорошо. Крупные города мы объезжали, а те маленькие поселки, что попадались на нашем пути, выглядели обезлюдевшими. Создавалось впечатление, что многие дома брошены, а редкие прохожие чем-то не на шутку напуганы.

– Думаете, жителей эвакуировали или они по домам сидят? – спросил я, когда мы проехали очередной поселок, в котором не встретили ни души.

– Или все заразились и ушли в поисках новых жертв, – рассеянно ответила Марта. Помолчав немного, она вдруг

объявила: – Примерно через сорок минут будет блокпост, на котором в прошлый раз меня развернули.

– Так вы уже пытались проехать? – опешил я.

– Дважды. И оба безуспешно.

Я с интересом посмотрел на ее выразительный профиль, наполовину скрытый затемненными стеклами очков и уверенно сжимающие руль тонкие руки. Глядя вперед с какой-то хищной настойчивостью, она выглядела полностью сосредоточенной на дороге. В данную минуту Марта напоминала выслеживающую добычу рысь, настолько упругими и подобранными стали ее движения, а высокие точечные скулы, плавной линией устремляющиеся книзу – к узкому, несколько заостренному подбородку и требовательно-му, дразняще-чувственному рту – напротив, застыли в уже хорошо известном мне упрямом выражении.

Мысленно я издал протяжный стон. И чем я думал, отправляясь с ней в эту поездку? Всю дорогу я только и делал, что уговаривал себя не уноситься в фантазиях слишком далеко, не разглядывать ее слишком пристально, не выдавать своих отнюдь небезгрешных помыслов.

– Оба прошлых раза я ехала напрямую к лаборатории, не скрывая, что хочу все выяснить, – заметив, что я разглядываю ее, сказала она. – Сегодня попробуем объездной маршрут. Он длиннее, но главное проскочить этот блокпост.

– А если снова не выйдет?

– Тогда используем запасной вариант. – Внезапно она за-

разительно рассмеялась. – Готовы к приключениям, Джон?

С того момента, как еще в начале пути я прервал ее веселье, она смеялась впервые.

– А разве они еще не начались? – посмеялся я в ответ. – Я думал они начались ровно в ту минуту, когда я решил отправиться вместе с вами напрямик в пасть к дьяволу. Кстати, вам наверняка не раз об этом говорили, но я тоже скажу – вы чертовски упрямы, Марта. Вас не пропустили дважды, но вы все равно туда едете и, похоже, не успокоитесь, пока не добьетесь своего.

– Вы неправильно произносите слово настырная, Джон, но, к сожалению, без приличной доли наглости в моей профессии ничего не добиться. Признайтесь, при нашем знакомстве вы подумали обо мне именно так. Подумали, что я слишком нахальна и бесцеремонна, верно?

Вместо ответа я неопределенно качнул головой, что нельзя было расценить ни как согласие, ни как отрицание. Слова Марты прозвучали с приличной долей самоиронии, чем вызвали во мне любопытство. Судя по всему, она прекрасно осознает, какое впечатление производит на людей, вот только по выражению ее лица я никак не мог определить, задевает ли ее это знание или она относится к нему равнодушно.

Словно не замечая моих заинтересованных взглядов, которые я по-прежнему украдкой бросал на ее профиль, она продолжала смотреть строго вперед.

– Можно задать вам не совсем уместный вопрос? – ре-

шился я.

– Вы быстро учитесь, Джон. Задавать неуместные вопросы моя работа, – с преувеличенной надменностью заявила Марта. – Спрашивайте.

– Сколько вам лет?

– Это имеет какое-то важное значение?

Я все еще не мог разглядеть выражение ее лица, но, похоже, она удивилась.

– Не то чтобы... Просто интересно, – сказал я как можно более безразличным тоном.

– Двадцать девять.

– Двадцать девять? Вы серьезно? Черт, простите, но я считал, что вы гораздо моложе.

– Я вас разочаровала?

Подняв очки на голову, она окатила меня своим цепким, изучающе-пристальным взглядом.

– Что? Нет! Конечно нет... – Я хотел было пуститься в разъяснения, но по тому, как шурились ее глаза, вовремя смекнул, что она всего-навсего потешается над моей реакцией. – Просто я думал, вам не больше двадцати пяти.

Неожиданно она залилась громким, безудержным смехом и смеялась так долго, что на глазах у нее даже выступили слезы. То и дело она поглядывала в мою сторону, затем снова отворачивалась к дороге и принималась смеяться с удвоенной силой.

– Что? Я что-то не так сказал?

От ее звонкого хохота я испытывал все большее замешательство. Казалось, она смеется надо мной.

– Ничего... – еле выговорила Марта. Она предпринимала попытки заглушить в себе эту безумную вспышку веселья, но каждый раз заходила от нового приступа смеха. Я терпеливо ждал. – Фу-у-ух! – наконец совладав с собой, протяжно выдохнула она. – Простите, Джон. У вас было такое смешное лицо, что я не смогла удержаться. Но теперь моя очередь задавать неуместные вопросы.

– Задавайте, – хмуро обронил я.

– Только не злитесь. Я смеялась не с вас, а с того, как вы всерьез все восприняли. Вы выглядели так, будто подумали, что ваш вопрос меня задел. Я решила, что еще немного и вы пуститесь в пространные извинения.

– Мне действительно так показалось, – все еще хмуро сказал я.

– По поводу моего вопроса... Предупреждаю, у меня получается гораздо лучше, чем у вас. И я в курсе, сколько вам лет, так что не надейтесь так просто отделаться. В самом деле готовы?

Я кивнул. Вероятно, подбирая слова, она выдержала небольшую паузу, а потом со значением произнесла:

– Вопрос и правда неуместный, так что я пойму, если вы не захотите отвечать. – Еще помолчав, она наконец спросила: – Что у вас произошло в тот день, когда вы ударили Олби Миллера? Я слышала, вы были не в себе и устроили в школе

настоящий погром.

Резко отвернувшись к окну, я уперся взглядом в проплывающий мимо пейзаж. Меня захлестнул гнев. Тесно переплетясь с чувством стыда, он соединился в ядреную смесь и смесью этой окатил меня с головы до ног. Значит, она читала все эти гадости обо мне. Конечно, читала. Хотя их наверняка выложила Роуз, поэтому ей и читать не было необходимости.

Первым моим побуждением было ответить ей грубостью. Жестко оборвать ее любопытство, заявить, что это не ее дело, сказать, что не стоит совать нос в вещи, которые ее не касаются. Я испытывал настолько острые угрызения совести из-за своего прошлого, что мне казалось унижительным оправдываться и пытаться что-либо объяснить. Тем более мне не хотелось обсуждать эту тему с ней. Меньше всего именно с ней.

– Джон, не отвечайте. Простите и давайте забудем, – поспешно предложила Марта.

Голос ее прозвучал растерянно и глухо. Странно, но его извиняющаяся интонация разом погасила всю мою злость. Осознав, что стиснул кулаки с такой силой, что костяшки над пальцами побелели, я разжал их и посмотрел на свои ладони.

Наблюдая за тем, как кровь медленно возвращается в передавленные артерии, с тихой, презрительной к самому себе усмешкой я ответил:

– Все в порядке, Марта. Это вы простите. Я всегда так реагирую на неуместные вопросы. – Повисло долгое молча-

ние, но затем я вдруг начал говорить: – Я был пьян в тот день. Впрочем, как и во многие дни до него. После смерти жены пьяная отключка была моим обычным состоянием. Я жил тогда, как в плотном тумане, ни на что не обращал внимания и постепенно скатывался куда-то... Не знаю куда, но, по ощущениям, к самому дну бездонной пропасти. Все это очень сильно отразилось на Терри. Помимо переживаний из-за смерти матери, ей пришлось наблюдать за тем, как я превращаюсь в оупевшее, опустившееся животное и каждый раз, как мне приходится об этом вспоминать, я испытываю стыд и отвращение к самому себе. Признавать свои ошибки не всегда приятно, оттого такая реакция.

Замолчав, я потянулся в карман за сигаретами, но тут вспомнил, что нахожусь не у себя в машине.

– Вы можете закурить, Джон. Я не буду против, – заметив мой жест, сказала Марта.

Я повернул к ней голову, однако уловив в ее глазах сочувственное выражение, сразу же отвернулся обратно. От стыда хотелось провалиться сквозь землю. Чтобы как-то отвлечься, я глубоко вдохнул воздух, достал из кармана пачку сигарет и все-таки закурил.

Выдыхая дым в открытое окно, некоторое время я рассматривал тлеющий сигаретный уголек, а потом заговорил снова:

– Я уже полгода обещаю себе завязать и никак не соберусь с духом. Завидую вам, что вы не страдаете от этой пагуб-

ной привычки. – Боковым зрением я уловил, как она улыбнулась, что придало мне смелости продолжить свои покаянные излияния. – В тот день Терри подралась с одноклассницей, дочкой Миллера. Как она позже мне рассказала, вернее, я кое-как выпытал из нее через несколько месяцев, та начала задирать ее из-за меня. На тот момент я пил уже год и это видели все вокруг. Городок у нас маленький, каждая собака знает друг друга, так что скрыть такое невозможно. Да, собственно говоря, я и не пытался, а если еще точнее – мне было плевать. В общем, та девчонка называла меня пьяницей и, может, как-то похуже, а Терри дразнила дочерью пьяницы. Вот она ей и врезала.

Я докурил сигарету, но облегчения не испытал. И в обычных ситуациях я курю много, а в напряженных так и вовсе способен смолить одну за другой.

– Марта, я закурю еще? – превозмогая неловкость, спросил я.

– Курите, сколько хотите, Джон. Не спрашивайте.

– Спасибо. – Щелкнув зажигалкой, я вернулся к своей исповеди: – Когда мне позвонили из школы, я был с похмелья. Голова жутко раскалывалась и я не придумал ничего лучше, как выпить стакан виски. Поначалу собирался лишь унять боль, но думаю, это было только предлогом. На самом деле я хотел надраться. Ну а когда прикончил всю бутылку, заявился в школу. Не стоит говорить, в каком состоянии я туда пришел – это и так понятно. Что там случилось, я помню пло-

хо, но если в общих чертах, то мое настроение вряд ли можно было назвать миролюбивым, а тут и Миллеру вздумалось меня зацепить. Пока он цеплялся ко мне, я еще держал себя в руках, но как только перешел на Терри, потерял контроль и бросился в драку. Я накинулся на него, при этом пару раз упал, затем снова полез драться, зачем-то принялся оскорблять его жену и крушить мебель. В общем, со стороны это выглядело довольно жалко. Дальше провал, потом полицейский участок и сотрудник отдела опеки, который объявляет, что меня лишают родительских прав. Тогда-то я наконец и сообразил, к чему пришел. После было много всего, но с алкоголем с того дня я завязал, однако принять все, что из-за меня пришлось вынести Терри, до сих пор не выходит. Вот, в принципе, и вся история. Черт, я еще никому так подробно этого не рассказывал...

Выбросив окурок в окно, я опять замолчал. Марта тоже молчала. Удивительно, но выложив ей все, я почувствовал вдруг облегчение. С меня словно сняли стальную петлю, которая в течении длительного времени сдавливала мою шею, а теперь я заново мог свободно дышать. Следом пришло осознание, что хотя эти два года со смерти Анны и были тяжелым периодом – он является неотъемлемой частью моей жизни. Как бы я не стремился убежать от боли, она навсегда останется со мной.

Все прошедшие месяцы я загонял эту боль глубоко внутрь себя, считая, что так будет легче, а оказывается, ее нужно

было просто принять. Принять, что уже ничего невозможно изменить и жить дальше. Сейчас я впервые ощутил, что могу это сделать.

– Джон, вам не в чем себя винить, – прервала мои размышления Марта. Она говорила тихим, размеренным голосом, в котором не было ни капли жалости или осуждения. – Смерть близкого человека всегда испытание и никто не может предугадать, как он его перенесет. Вы справились. Пусть не сразу, но справились. А ошибки все совершают. Главное, что вы смогли вовремя их осознать и теперь делаете все возможное для того, чтобы Терри была счастлива. Спасибо, что рассказали. – После короткой паузы она вдруг улыбнулась своей неотразимой, чуть лукавой улыбкой и спросила: – А знаете, что самое интересное?

– Нет. Что?

– Вы и Терри! Вы друг друга стоите и хоть внешне не очень похожи, сразу ясно, что вы ее отец, а она ваша дочь. – В ответ на мой непонимающий взгляд Марта пояснила: – Ну как же! Терри отдубасила девчонку за то, что та оскорбила вас, а вы резали ее отцу за то, что он оскорбил Терри.

– Вот уж точно, – усмехнулся я. – Это как-то совсем не приходило мне в голову.

Глава 18

Через несколько минут впереди показался блокпост, о котором ранее говорила Марта. Вокруг него столпилось не меньше десятка людей в камуфляжной форме, а дорогу пре-

граждали бетонные заграждения и тяжелая военная техника. Машин, двигавшихся в том направлении, было немного, но некоторые из них разворачивали обратно.

– Они впускают только жителей, – насупив брови, пробормотала Марта.

– Похоже на то, – согласился я. – Значит нас тоже не пропустят. И каков же запасной план?

Марта не ответила, потому что в этот момент мы как раз подъехали к пропускному пункту. Как только она затормозила, к нам направился высокий парень в полном военном обмундировании. Представившись сержантом Эндрю Ридом, он попросил документы.

– Добрый день, сержант! – Ослепительно улыбаясь, Марта протянула ему свое водительское, а заодно и журналистское удостоверение. – Что тут случилось? Мы едем на ферму Уинстон, что в пятидесяти километрах на северо-восток. Пропустите нас?

Парень был молод, довольно хорош собой, а идеально сидящая на нем армейская форма подчеркивала его атлетическое сложение и безупречную воинскую выправку.

– Цель вашей поездки? – изучая документы, задал он вопрос.

Покончив с ними, он перевел взгляд на Марту и тут же в его лице промелькнул живой интерес. Несмотря на выполнение воинского долга, было хорошо заметно, что ему польстила ее улыбка и распахнутые в искреннем восторге гла-

за. А смотрела она на него именно с восторгом.

– Там живет многодетная семья фермеров, – чарующим голосом произнесла Марта. – Они выращивают виноград, делают из него вино, занимаются разведением овец и готовят домашний сыр. Все это до жути скучно, но мой редактор вбил себе в голову запустить целый цикл передач об обычных людях, занятых каким-нибудь полезным трудом. – Тут она залилась своим беззаботным смехом и, улыбнувшись еще шире, воскликнула: – Только представьте, сержант, этот старый осел считает, будто кому-то может быть интересно смотреть про жизнь фермеров! Говорит, в последнее время слишком много плохих новостей, так что не мешало бы немного развлечь наших телезрителей чем-нибудь легким и необременительным. Чушь полная, но если я не сниму этот репортаж, мне крышка!

На лице Марты отразилось бурное негодование, но при этом она продолжала с восторгом разглядывать высокого сержанта, который по-прежнему стоял с ее документами в руках. Она несла откровенный вздор, но это выходило у нее настолько невинно и просто, что парень, не сводя с нее глаз, слушал и улыбался в ответ. Не давая ему опомниться, она слегка прикусила нижнюю губу, а потом вновь широко улынулась.

– Откровенно говоря, я бы предпочла сделать репортаж о чем-нибудь более увлекательном. Например, о прохождении воинской службы. Это, должно быть, очень интересно и в то

же время опасно, – произнесла она вкрадчиво.

– Любите опасность, мисс? – наконец нашелся сержант.

– Эй, Рид! Какого хера ты там застрял? – крикнул ему кто-то из сослуживцев. – Давай поторапливайся!

Быстро обернувшись на голос, он нетерпеливо махнул рукой и опять вернул взгляд к Марте, но, видимо, в эту секунду до него дошло, что в машине помимо нее, есть кто-то еще. Он вопросительно посмотрел в мою сторону, на что Марта обронила:

– О, это мой оператор, мистер Уилсон. – Понизив голос, она наморщила нос и заговорщицки прошептала: – Он не очень-то разговорчив.

Все это она проделала так небрежно, словно я был пустым местом, чем-то совершенно незначительным, чем-то, на что не стоит обращать внимания. Сжав челюсти, я приветственно кивнул и показал сержанту липовое удостоверение. Тот лишь мимолетно скользнул по нему взглядом и, даже не удосужившись взять в руки, вновь впился в лицо Марты.

Она открыто и абсолютно беззастенчиво с ним флиртвала. В первые секунды диалога, которому стал невольным свидетелем, я оказался настолько потрясен, что, как и этот сержант, поверил во все, что она говорит. Поверил в ее внезапно вспыхнувшую симпатию к случайно подвернувшемуся на дороге военному. Поверил в искренность ее улыбки и восторга в серо-голубых глазах, блеск которых отлично видел со своего места. А потом поразился ее изворотливости.

Притворяться она умела отлично. Глядя утром на ее тонкое лицо с выразительными лучистыми глазами, смотрящими на собеседника прямолинейно и ясно, на открытую улыбку, не сходящую с ее губ, на приветливую манеру общения, я не сомневался в ее искренности, наивно полагая, что Марта не способна на хитрость. Мне казалось невозможным заподозрить ее в том, что свое обаяние она расчетливо использует для достижения нужных ей целей. Сейчас же я убедился, что она с легкостью может манипулировать людьми, если ей что-то нужно. И похоже, такие штуки она проделывает со всеми, от кого хочет чего-то добиться – будь то информация или проезд на закрытую территорию.

Это открытие подействовало на меня еще более угнетающе, когда я понял, что и в разговоре со мной она прибегала к подобному методу. Наблюдая за ее лицемерными заигрываниями, я отчетливо вспомнил, как она появилась перед дверьми моей мастерской. В тот день она точно так же улыбалась, а в ее распахнутых глазах читалось нечто большее, чем простой профессиональный интерес. И я точно так же, как и этот простофиля сержант, клюнул тогда на ее уловки.

Второй раз за сегодняшнее утро я почувствовал себя идиотом. Всего несколько минут назад я как последний болван выворачивал перед ней свою жизнь, а она изображала, что внимательно меня слушает. Притворное, ничего не стоящее участие. Криво усмехнувшись, я уставился в противоположную сторону.

Военный тем временем снял свой армейский шлем и наклонился к окну машины. Расстояние между их лицами сократилось, а я едва удержался, чтобы не вставить какую-нибудь колкость. Придав лицу скучающее выражение, я молча наблюдал за происходящим, сержант же уставился на Марту красноречивым взглядом. Значение этого взгляда было понятно даже младенцу.

– Сожалею, мисс, но дорога перекрыта. Здесь не проехать.

– Неужели? – выдохнула она с таким убитым видом, словно он сообщил ей самую ужасную новость, какую только можно вообразить. – И что же мне теперь делать? Мой редактор просто озверевает, если я вернусь ни с чем! Ох, сержант Рид, вы себе не представляете, какой он зануда! Теперь мне не отвертеться от скучных новостных сводок, а я так надеялась сегодня вырваться из города.

Он продолжал двусмысленно пялиться на ее глаза и губы, но теперь в его взгляде появилось неподдельное участие. Военный немного отстранился от окна и задумался. Было похоже, что он ведет сам с собой какой-то сложный внутренний диалог.

Наконец до чего-то додумавшись, он снова придвинулся ближе и с энтузиазмом проговорил:

– Слушайте, тут есть объездная дорога, но она гораздо длиннее. Как вы говорите называется ферма?

– Ферма семьи Уинстон, – просияла Марта.

– Подождите тут, я посмотрю, что можно сделать. Воз-

можно, сумею оформить вам пропуск и спасти ваш репортаж. Только улыбнитесь снова, пожалуйста.

– Спасибо, Эндрю! Ой, извините, сержант Рид, – она смущенно опустила ресницы, но тотчас вновь распахнула восхищенный взгляд. – Я буду вам невероятно признательна!

Я не верил ушам. Только что она разыграла отличную комедию.

Рид отошел к сослуживцам и, указывая на нашу машину, с минуту о чем-то договаривался. Не спуская с него глаз, Марта нервно притопывала ногой. На ее лице сияла все та же сладкая улыбка, обращенная теперь уже ко всем стоящим у пропускного пункта.

Я молчал. Пару раз она быстро взглянула на меня, но тоже ничего не сказала. Рид вернулся спустя три минуты. В руках он нес пропуск.

– Я устранил все препятствия, мэ, так что ваш репортаж спасен, – торжественным тоном сообщил он. Отдавая пропуск, он опять наклонился к Марте и вдруг строго добавил: – Но вам необходимо вернуться до темноты. И кстати, вы тоже можете меня спасти, если дадите свой номер.

– С огромным удовольствием, – почти пропела она, придвинувшись к нему так близко, что дистанция между ними сократилась до миллиметров.

Многообещающе глядя ему в глаза, Марта протянула свою визитку. Рассмотрев ее со всех сторон, Рид с победной ухмылкой распрямился. Похоже, он был очень доволен со-

бой, мне же хотелось размазать его рожу об асфальт.

Спустя еще минуту и несколько таких же слащавых фраз с обеих сторон, он указал на узкую, уходящую вправо дорожку и махнул на прощанье рукой. Марта наконец тронулась с места. Пока мы отъезжали от блокпоста, она продолжала ему улыбаться, но как только сержант пропал с поля зрения, лицо ее стало серьезным. Это произошло так стремительно, что я поразился еще раз, хотя, казалось, удивить меня ей больше нечем.

– Все вышло даже проще, чем я предполагала. Следующий блокпост через пятьдесят километров, но мы свернем раньше.

С трудом сдерживая циничную усмешку, я молчаливо кивнул.

– Прекратите так хмуриться, Джон, – спокойно попросила она. – Видели бы вы свое лицо. Ощущение, что еще немного и вы взорветесь от злости. Нам нужно было как-то проехать и если бы не этот так удачно подвернувшийся сержант, пришлось бы потратить минимум два часа на объезд по бездорожью.

Я и в самом деле едва удерживался от взрыва. Желая его предотвратить, я смотрел прямо перед собой, с силой сжимал челюсти и почти не дышал. Несмотря на мои старания, реплика, которой я ей ответил, вышла полной едкой иронии:

– Сержант действительно удачно подвернулся, а вы отличная актриса, Марта. Вам бы в кино сниматься. Подумайте,

не сменить ли профессию.

Снизив скорость, она повернула ко мне голову. Марта настойчиво ждала, когда яотреагирую на ее взгляд, но словно не замечая, я упрямо смотрел на дорогу, однако затем все-таки повернулся и усмехнулся ей прямо в лицо. В нем читался вызов.

Проигнорировав мою усмешку, она еще несколько секунд изображала холодное высокомерие, после чего отвернулась и черствым голосом произнесла:

– Все женщины хорошие актрисы, Джон. Ими приходится быть, чтобы чего-то достичь в жизни и особенно в карьере. Вы понятия не имеете, чего стоит добиться признания своих заслуг, если всего лишь носишь юбку. – Эту фразу она сказала с презрительной интонацией, а потом прибавила: – Но это не значит, что я притворяюсь всегда и со всеми.

– И по-вашему, это правильная тактика? – не скрывая насмешки, спросил я.

– А кто должен судить, что правильно, а что нет? Вы? Не пытайтесь меня пристыдить, мистер Уилсон. Я не считаю подлым воспользоваться хитростью против силы. А если мужчина настолько глуп, что не может отличить дешевого флирта от искренней симпатии, что ж, это его проблемы!

Резко надавив на педаль газа – так, что двигатель издал устрашающий утробный рев – Марта устремилась вперед. Ого, да она в ярости! Я не понял, к кому была обращена ее последняя реплика – ко мне или к тому сержанту, но стало

очевидно, что продолжать спор дальше бессмысленно.

Устало откинув голову на мягкий кожаный подголовник, я закрыл глаза и попытался отрешиться от всего происходящего. Следующие четверть часа мы в полной тишине неслись по узкой безлюдной дороге. В машине висело враждебное молчание, воздух же будто пропитался парами едкой желчи. Казалось, любое случайно брошенное слово способно воспламенить его и сжечь все к чертям.

Пока мы ехали, с каждой новой минутой моя злость на Марту обращалась в досаду на самого себя. Действительно, кто я такой, чтобы учить ее морали и уж тем более стыдить? Разве она что-то мне обещала или хоть как-то дала понять, что между нами возможно нечто большее, чем совместная поездка за ответами на интересующие нас обоих вопросы? И разве я не сам напросился ехать с ней, в то время, как она меня отговаривала? Не она ли говорила, что я должен увезти дочь в безопасное место? И если уж быть до конца откровенным, поперся я в эту поездку не за ответами, а всего лишь из желания провести с ней несколько часов.

Выдумав себе несуществующие радужные перспективы, я поддался соблазну и поплелся за ней, как изголодавшийся по еде пес. По сути я и был таким псом, только изголодался я вовсе не по еде. Осознав наконец, что моя гневная вспышка была ничем иным, как приступом ревности, в который раз за сегодняшнее утро я назвал себя идиотом.

Мне не за что ее укорять – она ничего мне не должна.

Как она там сказала: «Не пытайтесь меня пристыдить, мистер Уилсон»? Стыдиться мне стоило бы лишь самого себя. Не имея на ревность ни прав, ни оснований, я позволил по отношению к ней грубость и резкое осуждение. Что ж, теперь ей известно об истинных мотивах, толкнувших меня в эту поездку и можно только догадываться, как она смеется надо мной.

Проехав очередной, с виду давно опустевший городок, Марта свернула на пыльную проселочную дорогу. Она уходила далеко на северо-запад и вела к лаборатории. Навигатор показывал, что до нее осталось чуть меньше тридцати пяти километров.

По одну сторону дороги высилась стена заповедного леса, по другую лежало перепаханное поле. С его открытых просторов наша машина просматривалась с той же легкостью, с какой в безоблачный день просматривается далекая линия горизонта, а потому Марта прибавила ходу и примерно через десять километров свернула под защиту деревьев. Выбрав тихую, укрытую пышными кронами поляну, она заглушила двигатель.

– Я видела вдалеке вертолет, так что дальше ехать опасно. Нас могут заметить.

Это была первая фраза, сказанная с тех пор, как мы отъехали от того блокпоста. По тому, каким тоном она была произнесена, я понял, что она до сих пор злится.

– Вы хотите идти пешком? – как можно сдержаннее спро-

сил я. – До поселка больше десяти километров.

– Да, Джон, – глядя мне прямо в лицо, сухо ответила она. – Я хочу попробовать обойти оцепление, которое там наверняка есть и разыскать хоть кого-нибудь, с кем можно поговорить.

От прежней веселой и улыбчивой Марты не осталось и следа. Сейчас на меня смотрела целеустремленная молодая женщина с твердым блеском в глазах. Ее темные брови решительно сходились на переносице, губы были упрямо сжаты, отчего скулы заострились и стали похожи на верхушки айсбергов, а взгляд буквально метал шаровые молнии.

Она была безумно красива в этот момент. Даже несмотря на всю свою злость, я не мог этого отрицать. Как не мог отрицать и того, о чем старался не думать всю дорогу, находясь так близко от нее. Я дико ее хотел.

– Значит, идем пешком, – так же спокойно проронил я.

Отведя взгляд от ее лица, я достал из под сиденья рюкзак, затем вытащил из кармана мобильник, написал Терри, что у меня все в порядке и только после этого вышел из машины. День был в самом разгаре. Стрелки на моих наручных часах показывали без десяти два.

Глава 19

Ступая настолько тихо, насколько требовало нежелание привлечь к себе чье бы то ни было внимание, мы с осторожностью шли по лесным тропам. Кто или что может скрываться среди бесчисленного количества растущих здесь дубов,

вязов и кленов мы не знали, а потому не сговариваясь, предпочли проявлять предусмотрительность. В какой-то степени нам обоим это было на руку – разговаривать друг с другом совсем не хотелось.

Местами лес обрывался и тогда нам приходилось спешно перебегать через вспаханные равнины, заросшие высокой травой участки земли или поля еще неубранных подсолнухов. Находясь на одном из таких полей, мы услышали гул приближающегося вертолета. Увлекая за собой Марту, я едва успел повалиться на землю, как уже через полминуты он пролетел буквально над нашими спинами.

– Заметили? – боясь поднять голову, прошептала она.

Гул лопастей удалялся. Я вслушивался в его равномерный рокочущий звук и выжидал, не надумает ли пилот вернуться обратно. На удачу, поле оказалось засеяно так плотно, что ярко-желтые головки исполинских цветов надежно укрыли нас от выискивающих глаз дозорного патруля.

Когда гул стих окончательно, я ответил:

– На этот раз вроде пронесло, но они могут вернуться, поэтому лучше бы поскорее убраться в лес.

Позади мы оставили уже больше пяти километров, а до поселка все еще предстояло шагать не меньше часа. Ввязываясь в эту поездку, я не предполагал, что Марта планирует пробираться к нему, как диверсант из шпионского кино. Чтобы соответствовать обстановке, мне оставалось только оголить торс, перевязать голову черной лентой и нанести на

лицо боевую раскраску. Оружие у меня уже было.

Я по-прежнему считал, что ее идея безнадежна, а кроме того, неоправданно рискованна, но предпочитал не спорить. По большей части мы шли молча, лишь в моменты крайней необходимости перебрасывались скупыми, короткими фразами.

В ответ на мое сообщение Терри написала, что у них тоже все в порядке, только приезжал Билл и о чем-то долго разговаривал с Робом. Полиция была уже в курсе пропажи Роуз. Со слов Терри, они пришли к ней узнать про Кэрол Уайт, но обнаружили в доме то же самое, что и у ее исчезнувшей подруги. Мне не терпелось выяснить, о чем состоялся разговор у Роба с Биллом, но я решил не рисковать и позвонить, когда выберемся в более безопасное место.

Марта тоже получила кое-какие известия. Соединение с интернетом здесь отсутствовало, поэтому она узнала их от своего коллеги. В сообщении он кратко изложил последние новости и выглядели они неутешительно.

Так, пропавших в нашем округе значилось уже больше ста человек, но исчезновения произошли и в двух соседних. Это означало, что проблема зараженных тварей перестала быть только нашей головной болью и выросла до масштабов федерального уровня. В связи с этим власти наконец признали невозможность дальнейшего молчания и анонсировали выступление президента на сегодняшний вечер. Мы надеялись, что он скажет что-то похожее на правду, а может быть, даже

начнет эвакуацию.

Идя быстрым шагом, я думал об этом готовящемся выступлении и о том, куда увезти Терри. Как мы и полагали, за месяц твари разбрелись на огромные расстояния, что сильно усложняло задачу по поиску безопасного убежища. Плюс ко всему, мне было запрещено покидать округ, но я твердо решил, что пошлю к черту и полицию, и весь особый отдел с их указаниями. Я обязан увезти дочь подальше от зараженных ублюдков и сделаю это, даже если придется переступить через закон.

В мыслях я перебирал различные варианты, но пока все, что приходило на ум – это отправиться к Джесс. Как бы мы не грызлись с ней в прошлом, теперь точно не до конфликтов и старых обид.

Между тем день сегодня выдался таким же солнечным, как и вся предыдущая неделя, но был уже не настолько теплым. Жара спала и легкий ветер, гуляющий между высоких древесных крон, стал ощутимо прохладней. В лесу наступление осени чувствовалось особенно ярко.

Напоминая о предстоящих холодных месяцах, опавшие листья вперемешку с жухлой травой мягко шуршали под подошвами. Деревья полыхали всеми оттенками багряного с золотым, от земли тянуло стылой сыростью. В воздухе веяло запахом прелой листвы, грибов и влажной древесной коры. С удовольствием вдыхая этот дурманящий аромат, я остановился, чтобы сделать глоток воды.

Марта все это время шла позади меня. Стараясь не отставать, она тоже о чем-то размышляла. Сейчас она стояла рядом и, задрвав лицо к небу, задумчиво разглядывала причудливое сплетение ветвей у себя над головой. Проследив за ее взглядом, я хотел спросить, не рассчитывает ли она там увидеть ответы на свои вопросы, как вдруг до моего слуха долетел посторонний звук.

В лесу не бывает абсолютной тишины. Треск сухих веток, шелест листвы, стрекотня птиц и насекомых его постоянные спутники, но этот звук был другим. Он шел из глубины леса и был похож на стук чего-то тяжелого по дереву.

– Что это? – с тревогой в глазах прошептала Марта.

Она прекратила разглядывать небесные дали и замерла, прислушиваясь к этому стуку.

– Не знаю. Будто кто-то колотит по дереву.

Звук оборвался так же внезапно, как начался и следующие пару минут мы ждали, не повторится ли он вновь.

– Вот, опять. Может, это птица? – предположила она. – Какой-нибудь дятел?

– Не похоже на дятла. Ну только если у него вместо клюва нет огромной кувалды. Подберемся чуть ближе?

На мгновение она заколебалась, но затем утвердительно кивнула головой. Аккуратно переступая по настилу из сухих веток и листьев, мы как двое крадущихся индейцев пошли вперед. Периодически стук прерывался, но через время повторялся опять и очень скоро меня осенило – кто-то здесь, в

самой чаще леса, колет дрова! Я поделился своей догадкой с Мартой.

– Значит, тут живут люди, – испытав явное облегчение, повеселела она.

– Надеюсь, что люди. Может, из того поселка? До него осталось не больше трех километров. – Немного поразмыслив, я тихо добавил: – Но лучше не торопиться. Нужно подобраться поближе, а там посмотрим.

Мы снова пошли вперед и были уже совсем рядом, когда стук опять стих. Больше он не повторился. Выждав время, я стал продвигаться дальше и вскоре разглядел большой пень с торчащим из него топором. Повсюду валялись свежесрубленные ветки и сваленные в кучу поленья, но вокруг не наблюдалось ни единой живой души. Все здесь замерло в тишине – даже птицы не издавали ни звука.

Бросив взгляд через плечо, я увидел настороженное лицо Марты. Она бездвижно стояла за моей спиной, вглядывалась в окружающие нас деревья и, так же как я, пыталась понять, куда делся хозяин топора. Еще через секунду раздался ружейный выстрел. Дробь с визгом вонзилась в растущий рядом с нами дуб.

Схватив Марту за руку, я шагнул за его мшистый ствол, снял обрез с предохранителя и застыл в неподвижности. Дуб был достаточно широк, чтобы скрыть нас обоих, а потому бежать назад не имело смысла – стреляющий легко нас достанет, стоит отойти хоть на шаг. Едва лишь звук его выстре-

ла стих, как вокруг восстановилась прежняя неестественная тишина.

Держа обрез наготове, я осторожно выглянул – перед глазами простирался небольшой, окруженный зарослями шиповника пятачок земли. Стремясь определить, откуда стреляли, я вглядывался в каждый его сантиметр, но видел лишь кусты и стволы деревьев. Тотчас же прогремел повторный выстрел и на этот раз дробь просвистела всего в нескольких миллиметрах от моего уха.

– Эй, вы двое! Выходите! – прокатился над поляной шепелявый, сильно надтреснутый мужской голос. Судя по тембру, принадлежал он старику.

– Не стреляйте! – крикнул я.

– Кто вы такие? – спросил тот же голос.

Пока я обдумывал ответ, Марта, опередив меня, громко сказала:

– Мы журналисты. Не стреляйте, пожалуйста!

– Какие еще журналисты? Журналисты в телевизоре. Они по лесам с ружьем не шастают и не подкрадываются как дикие звери.

Она достала из кармана куртки свое удостоверение, зажала его в кулаке и с опаской показала из-за дерева.

– Вот, посмотрите! Я журналистка, меня зовут Марта Дилл. Я с телеканала Ти-Эн-Си.

Голос помолчал, а потом надтреснуто проскрипел:

– Выходите! Только скажи тому, другому журналисту,

пусть уберет свое чертово ружье. Я видел у него в руках.

Я засомневался – послушать его или попробовать договориться, чтобы дал нам уйти. Но мы ведь искали встречи с местными жителями и нам никто не обещал, что они окажутся мирными.

– Джон? – вопросительно глядя на меня, прошептала Марта.

Ее лицо тоже выражало сомнение. Прячась от выстрелов, я не заметил, как крепко прижал ее к себе, а теперь обнаружил, что и она от страха вцепилась в меня обеими руками.

– Стойте за деревом и будьте готовы бежать, – тихо сказал я, затем выставил руку с обрезом вперед и предупреждающе крикнул: – Я выхожу! Опустите ружье!

Выждав пару секунд, я поднял обе ладони вверх и шагнул на открытое пространство. Поляна по-прежнему была пуста, однако теперь я разглядел, что стрелявший притаился за кустом метрах в трех от пня с топором. Он все еще целился, уверенно держа перед собой старый дробовик с длинным дуствольным дулом.

– Что вы здесь делаете? Вы живете рядом? – спросил я.

– Эй, приятель, ты у меня на мушке, так что и вопросы задаю я. Положи-ка свой обрез на землю и отвечай, какого хера вам понадобилось в моем лесу?

– Это ваш лес? Простите, мы не знали, – продолжая стоять с поднятыми руками, произнес я. Обрез отпустить мне ничуть не хотелось. – Мы идем к поселку, что возле лабора-

тории.

– На кой хер вам туда приспичило? Там никого нет, только те выродки, что на людей не похожи.

Он наконец-то вышел из своей засады. Моим глазам предстал невысокий, худой, но, несмотря на древний вид, еще достаточно юркий в движениях дед. У него была седая, грязно-желтого оттенка борода, доходящая до впалой, будто мощным ударом вдавленной груди и такого же цвета волосы. Они спутанными клочьями торчали в разные стороны, окружая его лицо и голову так, что издали тот походил на громадный гусеничный кокон.

Из одежды на нем были коротковатые, непомерно широкие коричневые штаны, а также рубашка, которой, по всей вероятности, сравнялось никак не меньше полувека, настолько та выцвела и поизносилась. Вся его фигура выглядела неряшливо, запущено и как-то нелепо. «Может, местный сумасшедший?» – подумал я.

– Мы хотим узнать, что там происходит. – Марта тоже вышла из-за дерева и встала рядом со мной. – В городах пропадают люди, но никто не говорит, в чем причина. А еще мы хотим выяснить, кто те, как вы их назвали, выродки, что нападают по ночам. Вам что-нибудь известно о них?

– Ты только глянь, какая пташка залетела ко мне в лес, – обнажив челюсть с желтыми, а местами и отсутствующими зубами, улыбнулся старик.

Опустив дробовик, он пошел к нам навстречу. Я тоже

опустил обрез и, с подозрением оглядывая его нескладную фигуру, ждал, когда тот приблизится. Симпатии или доверия этот дед у меня ничуть не вызывал. Остановившись в нескольких шагах от нас, он принялся с интересом разглядывать наши лица.

– О них я знаю много, красавица, – удовлетворившись увиденным, заявил он. – Бродили они тут целыми толпами недели так с три. Сейчас уже поменьше стали. Перестреляли их солдатики, да и я шестерых пристрелил!

Последнее он произнес с воинственностью, потрясая при этом рукой с дробовиком.

– Вы расскажите нам об этом? – вытаращив на него изумленные глаза, попросила Марта.

– А чего б не рассказать? – оскалив в улыбке щербатый рот, прошепелявил дед. – Расскажу, коли послушать хотите. Дровишки до дому помогите снести и расскажу.

Какими-то козьими тропами старик привел нас в свой дом. Вернее, он называл его домом, тогда как на самом деле это жалкое строение больше походило на лачугу из досок, пластиковых обломков и другой, самой разнообразной рухляди. Кругом валялся мусор, в завалах которого на длинной цепи бродила худая рыжая собака. Поначалу она сипло облаяла нас, но после того, как дед прикрикнул на нее, принялась отчаянно вилять хвостом, обнюхивать нашу одежду и заглядывать в лица.

Мы предлагали побеседовать снаружи, однако дед настой-

чиво зазвал нас в свое убогое жилище. Чтобы не обидеть его, нам пришлось уступить, но едва переступив порог, мы оба поняли, что сделали это зря.

Запах внутри был не из приятных. Воняло какой-то кислятиной, протухшей едой, затхлой сыростью и грязным белым. Ко всему этому великолепию примешивалось тяжелое амбре из дешевого табака и застарелых алкогольных паров.

– Интересно, где он все это откопал? – прошептал я на ухо Марте, пока хозяин искал что-то в недрах низкого, покосившегося на правый бок шкафа.

– Нашел! – доставая на свет бутылку с мутной жидкостью, ликующе вскричал он. – Вот она, родимая! Гости у меня редко случаются, но бутылочка всегда припасена.

Он ласковым движением поставил ее на засаленный стол, смахнул на пол остатки заплесневелой еды и извлек откуда-то три разных стакана. Все они были одинаково грязны.

– О, простите, я не пью! – поспешила вставить Марта.

– Как это? – в недоумении уставился на нее дед. Казалось, он не в состоянии представить, что можно вот так запросто отказаться. – Обижаешь, пташка. Это чистейшая водка, лучшая в здешних местах. У меня друг сам ее делает. Не верите?

Он принялся рассказывать про своего приятеля и делиться подробным рецептом перегонки и очистки спирта, но не выдержав его бестолковой болтовни, я перебил:

– К сожалению, мы на работе. Нельзя, сами понимаете. – В дополнение к сказанному, я развел руками и постарался

изобразить искреннее сожаление. – К тому же нам еще назад ехать, а сейчас везде патрули.

– Ну так оставайтесь! – в наивном простодушии воскликнул дед. – Переночуете, да поутру и назад махнете. У меня и пожрать найдется. Щас...

Он подмигнул и опять полез в шкаф. Не дожидаясь, пока он начнет извлекать оттуда свои припасы, Марта мягко его остановила:

– Пожалуйста, не нужно! Мы правда не можем. Нам необходимо вернуться в город до темноты. Вы выпейте сами, а мы компанию составим.

– Да? – Он вперил в нее испытующий взгляд серых, будто обложенных белесой пленкой глаз и, похоже, ждал, что она передумает, но потом отошел от шкафа и засуетился по комнате. Отыскав стул, он предложил его Марте. – Ну тогда садись, садись, пташка. Не стой посреди комнаты.

Мне он настойчиво сунул другой. С опаской его осмотрев, я сел, а дед наконец угомонился, подошел к столу и налил себе сразу полстакана той подозрительной мутной жидкости. Затем без промедления он сгреб стакан пальцами, выдохнул через левое плечо и с жадным наслаждением выпил.

– Эх, хороша-а-а, – вытирая рот рваным рукавом, протянул он. – Может все-таки и вам плеснуть?

Я отрицательно покачал головой и повторно развел руками, что и рад бы, да нельзя, а Марта спросила:

– Вы сказали в лесу, что эти... Я не знаю, кто они, но те,

что на людей не похожи...

– Выродки! Выродки и нежить! – заорал он вдруг с ненавистью. – Вы видели хоть одного? Глаза зверские, рожа вся в пятнах, в язвах, язык черный... Это все они со своими экспериментами!

Он угрожающе помахал кому-то кулаком.

– Вы про лабораторию? – уточнила Марта.

– Про нее, – подтвердил дед.

– А когда они появились, вы помните?

– Да с недели три-четыре назад и появились. Сижу однажды вот тут, перед дверью, – он указал на стоящий у порога синий пластиковый стул, – курю, значит, на звезды смотрю. Собака со мной рядом. Ох, и тявкал он в ту ночь. Думал уж с цепи сорвется... Ну так вот... Выходит из лесу, значит. Я ему говорю: «Ты кто такой?» – а он в ответ хрипит, да все скалится как-то странно и прет на меня. Ни слова не говорит, только все прет, и прет, а потом как начал хохотать. Я поначалу аж чуть штаны не обмочил, но вовремя опомнился. Ружье в руки, да и выстрелил. Со мной разговор короткий, так-то!

– И что потом?

– Что потом? Стрелять в него пришлось несколько раз. Я уж перепугался, что допился до этих... как его? До галлюцинаций, во! Стреляю, а он идет! Хоть бы что ему. А потом прямо в башку дробью ему зарядил, так он и рухнул тут же. Ох, и жутко же мне было...

– Он один пришел? – спросил я.

– Один! В первую ночь один, а потом как повалили! И по двое, и по трое заявлялись.

– А тело вы куда дели?

– Как куда? В лес отволок. Утром посмотрел на него и обомлел. Весь, значит, в пятнах черных, а крови-то нет. Черное только что-то течет из башки и смердит жутко. Я его землей присыпал, да и бросил. Струхнул, что не пойми кого подстрелил, да думаю, как бы потом проблем не вышло...

– Так вы говорите их много тут было? Как же вы в одиночку с ними справлялись?

– Да, очень много. Каждую ночь заявляются. Лезут со всех щелей, гниды ебучие. – Дед потянулся к бутылке, плеснул еще водки в стакан и одним махом выпил. После он громко прокашлялся, затем сморкнулся в руку, вытер ее о штанину и продолжил: – Я поперву не понимал, потом только докумекал, что по ночам они ходят. И главное, не попадаться им на глаза, а тихо сидеть. Если этих выродков не трогать, они вроде как не замечают, но стоит выдать себя, как сразу же прут на тебя и пока в башку не выстрелишь, не угомонятся.

– Так вы говорите, каждую ночь заявляются. Сейчас они тоже ходят?

– Да полно их тут! Меньше, чем раньше было, но есть еще.

– А где они днем? Прячутся куда-то? – вставила вопрос Марта.

– Прячутся, ясное дело. Тут здание есть в лесу заброшен-

ное, уж не упомню, чего там раньше-то было... – Взгляд деда остановился в одной точке, он о чем-то глубоко задумался, но спустя время тряхнул седой головой и заговорил вновь: – Здание, значит... Недалеко от поселка... Выслеживал одного из этих выроdkов как-то, так он перед рассветом зашел туда. Потом смотрю, еще один идет. Хотите покажу? – воодушевился он.

– Это далеко отсюда? – поинтересовалась Марта.

– Да с километра два.

Я не планировал встречаться с этими тварями даже днем, поэтому твердо произнес:

– Нет, Марта, туда мы не пойдем. – Затем, опережая ее протесты, обратился к старику: – Я видел уже пятерых, двоих из них прикончил, но так и не понял, чего они хотят. Вы не знаете?

– Как же не знаю? Знаю! Убить тебя и заразить. Чтоб ты, значит, такой, как они стал. Только я на такое не согласен! Так просто им меня не взять!

Кривя в злобной гримасе сморщенное лицо, старик опять начал заводиться.

– А вы знаете как они это делают? Как они заражают?

– Да бес их разберет. Солдатики, что тут были, рассказывали, что вроде как душат. – Он схватил себя за тощую шею и, симитировав процесс удушения, вывалил наружу коричневатого-желтого языка. – Но еще какой-то яд у них, что ли? Вроде ты как бы мертвый лежишь, а потом яд действует,

встаешь и уже как они. Кусают, может, потом? Меня солдатики предупредили, чтоб я, значит, не подпускал их близко к себе. Вроде лучше либо сразу в башку стрелять, либо бежать наутек. Бегают те выродки не больно хорошо, передвигаются-то еле-еле.

Задумавшись над словами старика, я разглядывал его ветхую конуру. Помимохлама и мусора, заполнявшего почти всю площадь тесной комнаты, здесь был стол, за которым мы сидели, слева от входа помещалась дровяная печь и раковина с горой немытой посуды, справа стояла кровать. За кроватью теснился еще один шкаф с отломанной дверцей, где хозяин, по видимому, хранил свои вещи. Все это освещалось тусклым светом из единственного окна с треснувшими в нескольких местах стеклами. Хилая входная дверь еле держалась на ржавых петлях.

Вспомнив нечеловеческую силу тварей, я удивился, как она выдерживает их ночные натиски. И где этот старик прячется? Не в этой же лачуге? По виду, ее можно снести даже легким дуновением ветра.

– Так вы говорите, в том поселке, где медики из лаборатории жили, никого не осталось? Вы уверены? – спросила Марта.

Только теперь я обратил внимание, что она поставила камеру на стол и записывает весь наш разговор.

– Так его ж сожгли! – с непонятым восторгом заявил дед.

– Как это сожгли? – изумилась Марта.

– Да как? Очень просто! Там этих выроdkов кишмя кишело, вот и выжгли его начисто дня три назад. Все, кто мог, разбежались давно, остальные заразились. Вот солдатики его и спалили к херам. И правильно сделали! Им там как медом намазано было!

– Понятно. А вы тут совсем один живете?

– Нет, как же? Вот, Собака со мной, – он указал костлявым пальцем на пса, сидящего на пороге лачуги. – Друг у меня еще есть, заходит иногда.

– Так а почему вы в лесу? Вам не страшно тут в одиночестве? – не отставала Марта.

– Да нравится мне тут, пташка. Меня как жена выгнала лет пятнадцать назад, так и жил я, поперву на улице, потом у друга. А тут, значит, местечко это нашел, вот и дом себе соорудил. Тихо тут, спокойно. Раньше было. Сейчас-то даже днем спишь с ружьем под боком, а по ночам так вообще не уснуть.

– За что же жена вас выгнала? – участливо спросила Марта, но тот ее уже не слушал.

Старик неожиданно наклонился ко мне и, обдавая едким запахом перегара, зашептал в самое ухо:

– Это баба твоя, а? Хороша, краля! – Он заговорщицки мне подмигнул и ехидно оскалился. – Оставайся, а? Выпьем, а потом я вам постелю на кровати. А сам в том углу лягу.

Он указал на закуток у правой стены со сваленным в кучу грязным тряпьем, который я раньше не заметил. Едва уло-

вив гадкий запах, исходящий от его давно немытого тела, я отшатнулся и отрицательно помотал головой. Марта, судя по всему, не слышала его слов, потому что тем же сочувственным тоном проговорила:

– Вам бы уехать отсюда, дедушка. Здесь опасно одному оставаться.

– Да куда ж я уеду? – выпалил тот так, будто она сказала страшную глупость. – Тут дом мой, Собака, да и привык я уже! Ишь, уехать! И солдатики тоже поначалу все: уехать тебе, дед, надо. Грозилась даже дом мой снести! Только я сказал, – внезапно он со всей дури стукнул кулаком по столу, отчего один из стаканов упал и покатился на пол, – никуда я отсюда не поеду! Можете меня на месте пристрелить, а дом свой не оставлю! Вот! Ишь ты, уехать! – повторил он еще раз и смолк, но уже через мгновение нагнулся ко мне и зашептал: – А ведь у меня-то давно бабы не было...

Он уставился на меня своими мутными, словно вода в грязной луже глазами. Разглядев что-то неясное в его узких суетливых зрачках, я испытал вдруг острое отвращение. Я сам не понял, что именно мне показалось отталкивающим, но решил не разбираться в этом.

– Нам пора, – поднявшись со стула, сказал я. – Спасибо за рассказ, вы нам очень помогли.

– Постойте, Джон! – Удивившись моему внезапному желанию уйти, Марта обратилась к старику: – А к лаборатории сейчас можно пройти? Там много военных?

– Ну попробуй, пташка, – мерзко захихикал он, после чего осерил наполовину беззубый рот и оглядел ее всю многозначительным взглядом. – Там целая армия, но тебе-то есть, чем их задобрить.

– Эй, полегче, дед. Следи за тем, что несешь, – со спокойным предостережением предупредил я.

Поняв, что он имеет в виду, лицо Марты напряглось. Взгляд ее резко похолодел, на что дед поспешно рассмеялся и примирительно вскричал:

– Да я ж пошутил! Вон, какие вы нежные, оказывается. И пошутить с вами нельзя!

– Вы точно не хотите отсюда уехать? – холодно спросила Марта. – Мы могли бы отвезти вас в город.

Чудной старик вновь наотрез отказался. Он в третий раз выпил водки, затем, будто что-то выискивая, суматошно пометался по комнате и, наконец, напоследок вызвался проводить нас до поляны, где мы его встретили.

Глава 20

Мы распрощались со странным стариком примерно в километре от его дома. От выпитой водки его развезло, отчего всю дорогу он нес какую-то ерунду о своей неудавшейся жизни, жаловался на скуку и одиночество, а также еще раз десять предложил нам заночевать в его грязной, полутемной лачуге. Как только мы выбрались к поляне, где полтора часа назад состоялось наше знакомство, я довольно грубо оборвал его болтовню и, потянув за собой Марту, поспешил уй-

ти. После рассказанного им о количестве в этих лесах мертвых тварей, мне хотелось как можно скорее убраться отсюда.

Была у нас и еще одна проблема. Мы так много времени потратили на проезд через бесчисленные блокпосты, затем на пешую прогулку к уже несуществующему поселку и, наконец, на беседы со старым отшельником, что добраться домой засветло представлялось непосильной задачей. Часы показывали уже почти половину пятого, а это означало, что до наступления темноты в запасе у нас осталось всего лишь чуть больше трех часов.

Стало очевидно, что как бы мы не торопились, все напрасно. Максимум, на что мы могли рассчитывать – это дойти к машине, а потом попытаться выехать к цивилизации. Если темнота застанет нас в этом лесу, ночка явно не покажется нам веселой.

Помимо прочего, бессонно проведенная предыдущая ночь и нервотрепка дня сегодняшнего сказывались на моем состоянии. На меня все сильнее наваливалась усталость, к тому же я был голоден и жутко хотел пить. Воду, что я и Марта брали с собой, мы уже давно прикончили.

Искоса взглянув на нее, я увидел, что она держится заметно лучше меня, но тоже идет в отрешенной задумчивости. Уловив мой взгляд, она спросила:

– Что вы думаете обо всем этом, Джон? Вроде его рассказ правдоподобно звучит. Интересно только, если военные сожгли тот поселок, то куда дели остававшихся там людей?

– А вы думаете там еще оставались люди? А хотя, если честно, мне плевать. Сейчас я думаю лишь о том, чтобы поскорей выбраться из этого леса и о том, что впереди нас ждет куча блокпостов. Надеюсь, мы проедем без проблем и вам не придется каждому остановившему нас давать свой номер.

– Вы все еще не забудете эту историю? – усмехнулась она. – А я думаю о том старике. Несмотря на все его странности, мне его жаль.

– Нашли кого жалеть. Этот сумасшедший дед нас чуть не пристрелил, так что постоять за себя он сумеет. И потом, как бы он не жаловался, он ясно дал понять, что ему нравится такая жизнь.

– Да, но разве это не жутко? Жить в одиночестве, в разваливающейся хижине, без электричества, элементарных удобств и, плюс ко всему, в постоянном страхе. Я как представляю, что ему приходится выносить каждую ночь, так мороз по коже. Неудивительно, что он так настойчиво просил нас остаться.

Резко остановившись, я раздраженно воскликнул:

– Марта, вы себя слышите? Да, жутковато жить так, как этот старик, но он сам это выбрал. Вы дважды предложили ему уехать и оба раза он отказался. И я рад, что отказался. Мне бы не хотелось выбираться отсюда в его компании. – Она смотрела на меня, как на эгоистичного недоумка и молчала, поэтому я с сарказмом в голосе предложил: – Может, вернемся? Он обещал уступить нам свою кровать, что ска-

жете? Или предпочтете ту кучу грязного тряпья, на которой этот старик собирался спать? Думаю, он обрадуется вашему обществу. Пока вы его там жалели и расспрашивали о жизни, он вполне недвусмысленно мне о том намекнул.

Я замолчал, а по ее лицу скользнуло выражение детской обиды, которое однажды мне уже доводилось видеть. Ну и зачем я на нее наорал? Разве обязательно было сейчас ей грубить?

Не успел я об этом подумать, как Марта прищурила глаза и с язвительной усмешкой спросила:

– Мне кажется, или вас это задевает, Джон?

– Вам кажется, – глядя ей в глаза, отчетливо произнес я, затем круто повернулся и зашагал дальше.

Идти до машины предстояло не меньше шести километров, а потому мы оба умолкли и остаток пути проделали в полной тишине.

Пока мы шли, солнце все больше смещалось на запад, а временами его закрывали набежавшие с севера тяжелые облака. Своим пасмурным видом они пророчили дождь. В лесу становилось все холодней. Он шумел от слабых порывов ветра, что побуждало меня беспокойно прислушиваться к любому издаваемому шороху. Знание, что мы здесь не одни, действовало угнетающе.

Спустя час с лишним я наконец разглядел впереди прогалину, на которой мы оставили машину и с облегчением представил, как сяду на пассажирское сиденье. Первым делом я

позвоною Робу, а потом закрою глаза и попробую вздремнуть хотя бы минут сорок. Этого должно хватить, чтобы добраться до блокпоста, где Марта сможет продолжить свои жеманные заигрывания с сержантом Ридом. Плевать. Главное, что там мы будем в относительной безопасности.

Глядя под ноги, я угрюмо размышлял об этом, но когда до машины осталось около двадцати шагов, вдруг понял – с ней что-то не так. Она неуклюже присела на левый бок, а шипение, которое поначалу я принял за шелест листвы, было ничем иным, как звуком спускающей воздух шины.

– Не-е-ет! – протяжно выдохнув, я ринулся к ней.

– Что такое? – крикнула мне вслед Марта.

Она догнала меня уже возле машины. Ощущая, как внутри все холодеет, а вдоль позвоночника ползут липкие мурашки, я стоял подле нее, точно пораженный мощным разрядом молнии. У машины были спущены все четыре колеса.

– Стой! Марта, стой! – озираясь по сторонам, выпалил я. – Назад!

Но она уже и сама увидела, что произошло, а потому открыв от ужаса рот, пятилась к деревьям. Ее глаза были полны паники. Это же чувство охватило и меня.

– Это военные с лаборатории? – зашептала она. – Думаешь, это они?

Вместо ответа я приложил палец к губам, призывая ее к молчанию. Она послушно затихла, мы добрались до ближайшего дерева и притаились за ним. Вокруг нас был только лес,

шум ветра и неясные шорохи.

Они раздавались со всех сторон, морочили голову, наполняли сознание навязчивым страхом. Я вслушивался в них и яростно крутил головой, не понимая, в каком направлении смотреть. Чувствуя, как немеют пальцы от того, с какой силой сжимаю обрез, я задавался вопросом: «Где тот ублюдок, что сделал это? А главное, зачем?»

Вдруг за деревьями напротив показался одинокий силуэт, а вслед за тем я расслышал и звуки шагов. Приближаясь к нам, они разборчиво шуршали в сухой траве. «Не может быть!» – пронеслось в голове. Я узнал того, кто неспеша двигался на нас.

Еще через полминуты из лесу вышел тот самый старик, с которым не так давно мы распрощались за семь километров отсюда. Нисколько не таясь, он шел к машине.

– О, боже, Джон! Что он здесь делает? – зашептала Марта рядом со мной.

Я неотрывно смотрел на старика, поэтому проигнорировал ее вопрос.

– Что у вас случилось? – остановившись возле переднего колеса, как ни в чем не бывало полюбопытствовал он. Смотрел старик прямо на меня, словно заранее знал о нашем укрытии. По всей видимости, он подждал нас в лесу и наблюдал за тем, как мы в панике прячемся. – Я уже домой шел, но тут подумал, дай-ка проверю, все ли у вас в порядке.

Он врет! Я видел как суетливо бегают его блекло-серые,

мутные, будто подернутые пленкой глаза.

– Вы шли за нами? – крикнул я.

– Нет, зачем-же? – хитро щурясь на меня исподлобья, произнес он куда-то в бороду. – Тут короткая дорога есть. – Старик присел рядом с колесом и потрогал шину. Она была уже полностью спущена. – Да-а, вот дела... Ну теперь-то вам точно придется заночевать у меня. Сегодня уже никто не придет, да вы и не сказали никому, что вы здесь.

Он встал, а я разглядел как неестественно блестят белки его глаз. Старик смотрел на нас с исступленным восторгом, по лицу же его блуждала глуповатая улыбка. Похоже, сложившаяся ситуация сильно его забавляла.

Теперь стало очевидно, что он не просто опустившийся, живущий в лесной глуши отшельник, а действительно сумасшедший. К тому же опасный сумасшедший.

– Зато теперь и выпить можно, а? – радостно потирая ладони, воскликнул он.

– Джон, этот дед совсем свихнулся, – в ужасе прошептала Марта. – И у него ружье.

– Тебе по-прежнему жаль его? – огрызнулся я. – Стой за деревом и не высовывайся. Я попробую его обезоружить, но если что, беги в тот город.

– Нет, не надо, Джон! Он выстрелит! Он же явно чокнутый! – От страха она вцепилась мне в руку.

– И что ты предлагаешь? Стоять тут и выслушивать его безумный бред?

Марта все еще цеплялась за мою руку, когда дед, подозрительно прищурясь, пошел напрямиком к нам.

– Чего вы там шепчетесь? – спросил он.

Ружье он держал в руках, а его вид не оставлял сомнений, что стоит мне допустить малейшую оплошность, как он без раздумий выстрелит. Все это время я удерживал его на прицеле, но сейчас резко передернул затвор и угрожающе крикнул:

– Стой, где стоишь, дед! – Он остановился и сделал то же самое. Теперь и я был у него на мушке, но у меня имелось преимущество в виде дерева, он же находился на открытом пространстве. – Зачем ты проколол нам шины? Совсем из ума выжил?

– Слушай, приятель, опусти-ка ружье. Я метко стреляю, – шепеляво напомнил он. – Думаешь, я не видел, как вы оба скривились, только переступили порог? А как штанишки боялись испачкать и пить отказались? И как баба твоя, сучка надутая, носом ворочала, ты думаешь, я не заметил? Я же со всей душой к вам, рад был гостям! Думали, я старый, значит ничего не услышу? А не-е-ет! Я все слышу! И все вижу!

Он шагнул вперед, а я закричал:

– Стой на месте, старый болван! Еще шаг и я вышибу тебе мозги!

В моей голове происходила нешуточная борьба. Я отлично осознавал, что он опасен, но одно дело стрелять в мертвую тварь и совсем другое в живого, пусть и свихнувшегося

человека. В ответ на мою угрозу он неожиданно подчинился и ставшим вдруг плаксивым голосом горячечно запричитал:

– Все вокруг разъехались или превратились в выродков... Поселок сожгли, в городе никого не осталось... Я тут совсем один теперь... Даже друг, и тот в нежить превратился! Пришлось и ему башку прострелить!

Его заросшая физиономия искривилась страдальческой гримасой, будто он готовился вот-вот заплакать.

– Послушай, дед, уйди с дороги. Нам не нужны неприятности, – успокаивающим тоном проговорил я, но он не слушал.

От моих слов взгляд его сделался жестким, наполнился мелочной злобой. С желчью в голосе он закричал:

– Я же по-хорошему к вам! Ну посидели бы, выпили, да и отпустил бы вас поутру с богом...

Я успел лишь увернуться, когда он резко дернул ствол и без промедления выстрелил. Спустя еще мгновение я ощутил жгучую боль, а затем как что-то густое и горячее стекает по левой руке. Он попал мне в плечо.

Так вот как это бывает. Мне всегда было любопытно узнать, какую боль испытывает человек, получив пулю. Теперь я почувствовал это на собственной шкуре.

Я тоже нажал на спусковой крючок, уже через секунду увидел, как старик упал в траву и тотчас не помня себя побежал вперед. Кряхтя от натуги, дед норовил сесть и снова выстрелить, но я опередил его, свалив окончательно ударом

приклада в висок. Он издал неясный кричающий звук, завалился на бок и затих. Схватив выпавший из его рук дробовик, я застыл над ним с остановившимся, немигающим взглядом.

Очевидно, на какое-то время я отключился, потому что не замечал, как Марта с силой трясет меня за руку и о чем-то кричит. Подняв голову, я увидел ее лицо с побелевшим, обескровленным ртом и расширенными от ужаса зрачками. Она что-то быстро говорила и продолжала куда-то меня тянуть.

– Джон, ты ранен! Нужно уезжать! Скорее! — донесся до моего сознания ее звенящий от паники голос.

Ее почти охватила истерика. Судя по виду, она готова была разразиться слезами, если я и дальше не сдвинусь с места.

– Я убил его? – тупо уставившись на нее, спросил я. Голос у меня так сильно охрип, что я и сам его еле узнал.

– Не знаю! Черт с ним! Пусть подышает, раз ему так хочется! Мы должны уезжать! Нас могли услышать...

Склонившись над неподвижным стариком, я обхватил его запястье и попытался нащупать пульс. Он был. Значит этот сукин сын всего лишь в отключке. Заряд угодил ему в область между плечом и ключицей, но, кажется, важного ничего не задел. По его вылинявшей рубашке уже растекалось пятно крови, но, скорее всего, выжить он сможет.

– Что с машиной? – все еще истерически срывающимся голосом кричала Марта. – У нас получится уехать?

Оставив деда, я прошел к ее внедорожнику и осмотрел шины. Осмотр дал неутешительный результат. Этот выживший из ума псих постарался на славу, сделав в каждой покрышке огромный разрез чем-то острым.

Вернувшись к нему, я обыскал карманы его широких штанов, где обнаружил нож. Там же оказался и запас дрови.

– Нет, ее придется бросить, – ответил я наконец. – Впереди лес и бездорожье, а шины пусты полностью. Мы не проедем даже до того города, так что придется идти пешком. А лучше бежать.

Марта стояла оглушенная моими словами, да и сам я пребывал в неменьшем шоке.

– До города около десяти километров, – сокрушенно произнесла она.

– Поэтому нужно поскорее уносить ноги, Марта. Давай поторапливаться, выстрелы и правда могли услышать.

– Постой, а твоя рука? Ее нужно перевязать!

– Позже. Давай-ка для начала уберемся подальше от этого места.

Бросив последний взгляд на распластанного по земле старика, я поднялся и передал ей в руки дробовик. Мы побежали. Обхватив залитое кровью плечо, я быстро переставлял ноги и старался не сбивать дыхание, но хватило меня ненадолго. Прежде чем я вконец выдохся, мы пробежали всего километра два.

Бессонная ночь, пустой желудок и дырка в плече давали

о себе знать. Рана горела и пульсировала, отдаваясь жгучей болью по всей левой руке. Предчувствуя, что еще немного и упаду на землю, я остановился и всем телом повис на первом попавшемся дереве. Перед глазами плыли темные круги. Мотая головой из стороны в сторону, я обнимал дерево и думал о том, что сейчас мне не помешал бы большой глоток холодной воды.

Согнувшись пополам, Марта стояла поблизости. Она тоже дышала с трудом и до сих пор была очень бледна.

– Ты теряешь кровь, – сказала она с беспокойством. – Надо бы перевязать рану...

– Да, уже всю руку залило, – отрывисто выговорил я.

– Подожди, только отдышусь немного. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, жить буду. Чертов полоумный дед!

Я попробовал снять с себя куртку, но получилось не слишком удачно. При каждом движении плечо пронзала острая боль и как бы я не сцеплял зубы в стремлении подавить рвущийся наружу крик, пару раз все же не удержал сдавленного стона.

– Давай помогу, – остановила меня Марта.

Тяжело дыша, она подошла и с осторожностью потянула за рукава. Практически вся левая сторона куртки уже была выпачкана в крови.

– Попробуй разорвать футболку и ей затянуть по сильнее, – посоветовал я.

Она тут же предприняла суматошную попытку порвать ее прямо на мне, но безрезультатно.

– Так не выйдет, ткань слишком плотная. Давай аккуратно снимем. – Кое-как справившись с футболкой, Марта бегло осмотрела рану. – Дробь прошла почти навывлет. Вроде бы она совсем неглубоко и можно будет без труда достать. Где нож?

– Ты хочешь делать это сейчас? – ошалело воскликнул я.

– Джон... – Она нашла в себе силы улыбнуться. – Я собираюсь разрезать футболку и забинтовать тебя. С дробью разберемся, когда выберемся из этого чертового леса. Так где нож?

– В кармане. – Я потянулся к заднему карману, чтобы достать отобранный у старика нож, но Марта уже держала его в руках. – Ловко! Как будто обычно ты только этим и занимаешься. Или на факультете журналистики учат шарить по карманам?

Усевшись на землю, я тоже хотел было выдавить улыбку, однако вместо нее у меня вышел лишь болезненный оскал.

– Очень смешно. Я до ужаса боюсь крови, но придется нам обоим потерпеть. – Сделав надрез, она разорвала футболку и подготовила несколько лоскутов ткани. – Готов?

Дождавшись, когда я отвечу согласием, Марта взялась за перевязку. Склонившись над раной, она промокнула лишнюю кровь, затем проворно наложила повязку, после чего принялась бинтовать руку. Дыхание ее выровнялось и стало

теперь почти неслышимым.

Наблюдая за работой ее тонких пальцев, я испытывал странное ощущение. Было в их движении что-то невероятно притягательное, почти колдовское, словно она совершала некий магический обряд, за которым я с упоением наблюдал. Несмотря на боль, по-прежнему отдающуюся во всей левой руке, я чувствовал, как по телу разливается приятно будоражащее тепло.

Она сидела передо мной на коленях, а ее лицо было так близко, что подняв глаза, я невольно остановился на нем взглядом. Я смотрел на ее изогнутые в чувственном изгибе губы и в очередной раз за этот долгий, безумный день ощущал, что меня тянет к ней с какой-то непреодолимой, почти сокрушительной силой. В нас дважды стрелял сумасшедший старик, мы были окружены кровожадными тварями, остались без машины и понятия не имели, как будем выбираться из приключившегося с нами дерьма, а я смотрел на ее губы и думал только о том, как сильно мне хочется их поцеловать.

– Мы перешли на ты, – зачем-то сказал я.

Оторвав взгляд от раны, она подняла голову. Наши глаза столкнулись и, остановившись друг на друге, на несколько секунд замерли. В этот ничтожно короткий миг я неожиданно понял – она испытывает нечто подобное. Нет, мне это не мерещилось – я знал это наверняка. Чувство притяжения между двумя людьми ощущаешь кожей и я не мог в этом ошибаться.

– Да, я заметила, – изменившимся голосом пробормотала Марта и, к моему сожалению, отвела взгляд. – Готово, Джон. Можно идти дальше.

Послушно встав, я дал ей надеть на себя куртку. В ушах гудело, жутко хотелось пить, но сознание было ясным как никогда. Открытие, которое я только что сделал, поразительным образом придало мне сил. Правда, уже в следующую секунду я взглянул на часы и с досады выругался:

– Проклятье! У нас в запасе всего минут сорок, потом начнет быстро темнеть. Сколько еще до города?

– Без понятия, но нужно спешить, – отозвалась Марта.

Мы снова побежали. Периодически мы переходили на быстрый шаг, но больше не останавливались. В один из таких интервалов, когда наш бег сменился торопливыми шагами, она задыхаясь спросила:

– Думаешь, этот полоумный старик бредил, когда сказал, что здесь никого не осталось? По его словам, из города все ушли.

– Я теперь вообще не знаю, что правда из того, что он наговорил, но когда мы проезжали, не видел ни одного человека. Там и города нет, домов пятьдесят всего. – Я помолчал, затем со злобой прибавил: – Чертов дед не идет у меня из головы! Я теперь понимаю, почему он все выпрашивал, где мы оставили машину, но как ему удалось оказаться там раньше нас, успеть порезать все шины, а потом спрятаться?

– Он что-то говорил о короткой дороге. – Марта нервно

передернула плечами и огляделась вокруг. – Думаю, он отлично знает этот лес и хорошо в нем ориентируется. И это меня беспокоит.

– Сомневаюсь, что он будет нас преследовать, – как можно уверенней произнес я. – Я серьезно его ранил, еще и оглушил. Под вопросом, выживет ли он вообще. Куда больше меня беспокоит, как мы будем выбираться из того поселка.

Ответа у Марты не нашлось, поэтому мы замолчали и, не стовариваясь, вновь перешли на бег. В лесу тем временем стало совсем холодно. Изредка выходящее из-за туч солнце неумолимо склонялось к невидимому горизонту. Когда нам в конце концов удалось добраться до города, от него остался лишь одинокий догорающий луч.

Остановившись перед самым въездом, мы в нерешительности застыли посередине дороги. Она покатым наклоном уходила вниз, отчего город лежал перед нами, точно раскрытая, а потом кем-то в спешке забытая книга. Он действительно выглядел забытым и абсолютно безжизненным. Не было слышно ни звука, только шум ветра.

– Есть идеи? – спросил я.

– Нет, но варианта два. Идти по домам и проситься на ночлег или искать машину и пытаться уехать.

– Ты видишь хоть одного человека или машину? – без намека на веселье усмехнулся я.

Мы неуверенно пошли вперед.

– Нет, – нервно сглотнув, пробормотала Марта.

– И я нет. Для начала неплохо бы найти воду. Я просто умираю от жажды. – Разглядев небольшой одноэтажный дом, стоящий в самом начале улицы, я указал на него. – Идем туда. Будем надеяться, что он пуст.

По внешнему виду дом выглядел крепким, а на его окнах имелись задвижные металлические ставни. Когда мы подобрались к нему ближе, выяснилось, что входная дверь не заперта. Замок был сломан.

Судя по всему, жильцы уезжали отсюда в спешке. Впрочем, вполне возможно, что зараженными тварями они рыщут сейчас по округе и нам оставалось лишь надеяться, что встретиться с ними не доведется.

Глава 21

Несмело переступив порог дома, мы прислушались. Внутри было тихо. Всюду валялись разбросанные вещи и детские игрушки, а с фотографий на стене смотрели улыбающиеся лица молодой пары с двумя детьми. Они напомнили мне о Терри. Решив, что следует осмотреться и сразу же позвонить Робу, я обернулся к Марте.

– Нужно осмотреть здесь все, только идем очень тихо. Не отставай.

Отойдя от порога, мы бесшумно пересекли гостиную и подобрались к кухонной двери. Осторожно заглянув внутрь, я удостоверился, что она пуста. Из живых в ней были только жирные мухи. Они густо облепили остатки лежащей на обеденном столе еды и были такими разожравшимися, что да-

же когда мы вошли, не обратили на нас ни малейшего внимания.

Запасной выход наружу отсутствовал, поэтому я встал лицом к двери и попросил Марту найти воду, что-нибудь из съестного и медикаментов. Она направилась к холодильнику, но едва отворив дверцу, чуть не закашлялась.

– Похоже, в этом доме давно никого не было, – прошептала она, зажав пальцами нос. – Здесь все протухло.

– Посмотри, что есть в шкафах, – подсказал я.

Передав ей рюкзак, я вернулся в гостиную. Напротив кухни располагались еще две комнаты. Их двери были настежь открыты и, на первый взгляд, обе они выглядели пустыми. Будучи готовым без размышлений выстрелить в любую притаившуюся там тварь, я крадучись прошел к ним и быстро их осмотрел.

Убедившись, что они действительно пусты, я негромко позвал:

– Марта? Все в порядке?

Она не отвечала несколько долгих секунд, но потом показалась в дверях кухни. Подмышкой она сжимала домашнюю аптечку, а в каждой руке держала по бутылке с водой.

– Да, порядок, но из еды я отыскала немного.

– Плевать, лишь бы хоть чем-то перекусить. С утра ничего не ел. Дай-ка воды...

Почти наполовину осушив одну из бутылок, я прошел в комнату, которая, очевидно, принадлежала паре с фотогра-

фий и еще раз осмотрелся вокруг. Я не поленился заглянуть даже в шкаф и под кровать – везде было пусто.

Комната эта отлично подходила для укрытия, потому как на двери ее имелся простой, но надежный замок. Наспех проверив его, я переместился к окну – жалюзи также оказались в исправном состоянии.

– Что будем делать, Джон? – спросила Марта.

Сосредоточенно наблюдая за моими передвижениями по комнате, она в неуверенной позе застыла на пороге.

– Этот дом пуст. Думаю, тут можно остаться, но мне не нравится сломанный замок на входной двери.

– Значит ночуем с мертвецами, жаждущими обратить нас в свою кровожадную веру?

Вероятно, этой шуткой она рассчитывала сгладить застывшую в глазах растерянность.

– У тебя отличное чувство юмора, – скривился я. – И главное, проявляется в самый подходящий момент. Слушай, уже почти стемнело, так что сейчас опасно разгуливать в поисках машины. Можем зря потратить время, к тому же до ближайшего обитаемого города не меньше ста километров и не забывай про блокпосты.

– Да, ты прав, – со вздохом согласилась она. – Но как-то жутковато здесь ночевать.

– Не спорю, но другого выхода нет. Побудь тут, я скоро вернусь.

Оставив Марту в комнате, я еще раз обошел весь дом и

обследовал замок на входной двери. Похоже, кто-то очень постарался, когда выбивал ее – и замок, и дверная ручка были безнадежно сломаны.

Я попытался придумать, как бы забаррикадироваться, но решения так и не нашел. Дверь открывалась наружу, поэтому могла бы стодиться веревка, однако на ее поиски времени не осталось. Солнце скрылось уже окончательно, начинали сгущаться мрачные сумерки, а значит, всего через несколько минут на этот заброшенный городишко опустится непроглядная тьма.

Смирившись, что ничего нельзя сделать, я кое-как прикрыл дверь и пошел назад, но по пути заглянул в ванную комнату. Там мне повезло больше – в шкафу над раковиной обнаружили таблетки от боли и пинцет. Воспользовавшись туалетом, я быстро ополоснул лицо и руки, после чего вернулся в спальню, которой на ближайшие часы суждено было стать нашим тайным прибежищем.

– Давай посмотрю, что у тебя с рукой, пока еще хоть что-то видно, – предложила Марта, как только я вошел.

– Я нашел пинцет! – с непонятным самому себе ликованием сообщил я и словно в подтверждение своих слов, помахал им в зажатом кулаке. – Нужно достать дробь.

– Ты хочешь, чтобы я ее достала? Джон, я не уверена, что смогу... Я... черт... Правда, у меня вряд ли получится... Может, я просто обработаю рану и перебинтую тебя, а с дробью подождем до...

– Тише! Я уверен, ты справишься. – Я подбадривающе улыбнулся и всунул пинцет ей в ладонь. – Лучше поспешить, Марта. Меньше, чем через пятнадцать минут совсем стемнеет. Ну же, давай!

Издав мученический вздох, она усадила меня на кровать и принялась разматывать повязку. Пока она обрабатывала дырку в моем плече, я набрал Роба. Кое-как сдерживая эмоции от обжигающего действия антисептического раствора, которым Марта щедро поливала на оголенную рану, я вкратце объяснил ему, в какой переплет мы угодили и попросил не рассказывать Терри подробностей. Ни к чему ей знать, что я ранен и вынужден провести ночь в безлюдном городе, вполне возможно переполненном зараженными тварями.

Роб был страшно зол и, конечно, не удержался от высказывания, что он меня предупреждал. Так же коротко он сообщил, что пропажа Роуз уже ни для кого не является секретом и пересказал суть своего разговора с Биллом. Оказалось, он выложил ему все, что было известно нам самим.

Опережая мои упреки, он заявил, что Билл и сам догадался – дело дрянь. Ночью они планировали организовать патрули, чтобы очистить город от всякого ублюдка, который посмеет сунуться к живым. Терри и Айлин проведут это время в подвале. Роб в очередной раз заверил меня, что там они будут в полной безопасности и на этом мы попрощались.

Я нажал отбой и взглянул на Марту. Набираясь решимости, она стояла с пинцетом в руке. Рану она уже промыла и

обработала, оставалось самое сложное.

– Давай, Марта. У тебя все получится.

Я снова ободряюще ей улыбнулся, да и самого себя таким образом настраивал на предстоящую мне болезненную процедуру. Хорошо, что когда старик выстрелил, я дернулся назад. Дробь лишь слегка оцарапала кожу и вошла неглубоко в мышцу, но когда Марта запустила металлические щипцы в горящую огнем рану, я, чтобы не взвыть от боли, сжал зубы и кулаки. Боль была адской.

– Готово! – Достав кусочек металла, она облегченно выдохнула и прижала к ране ватный тампон. – Вышло гораздо проще, чем я предполагала. Не сменить ли мне работу?

Глядя на меня, она победно улыбалась, мне же казалось, что еще мгновение и я вырублюсь. Сознание заволкло туманом, перед глазами все поплыло, а ее лицо начало вдруг куда-то отдаляться. Я силился сконцентрировать на нем внимание, но видел перед собой лишь расплывчатый, будто пропускающий сквозь плотную завесу дыма силуэт.

– Тихо, тихо... – Марта подхватила меня под здоровую руку и поднесла к губам бутылку с водой.

После двух больших глотков стало полегче. В глазах немного прояснилось, но видел я ее по-прежнему плохо. Наконец до меня дошло, что это темнота с улицы пробралась в комнату и постепенно поглощает все вокруг. Предметы теряли ясные очертания, а разглядеть детали обстановки становилось все сложнее.

– Как ты? Очень больно? – с сочувствием спросила она.

– Нет, – солгал я, и чтобы окончательно прийти в себя, мотнул головой. – Сейчас выпью таблетку и все пройдет.

Еще пару минут Марта потратила на то, чтобы вытереть кровь и забинтовать мою руку. Заканчивать ей пришлось практически в полной темноте. За окном теперь виднелись лишь темные контуры соседних зданий, слабо угадывалась полоса пустынной дороги, да силуэты растущих во дворе перед домом деревьев.

Когда она покончила с перевязкой, я тяжело поднялся на ноги, замкнул дверь и, стараясь не производить шума, опустил вниз металлические ставни. В комнате тут же наступила кромешная тьма.

– Джон? – жалобно позвала Марта.

– Да, в чем дело?

– Пожалуйста, не молчи. Я чувствую себя так, будто меня засунули в гроб и заживо похоронили. Мне до ужаса страшно.

Это прозвучало так по-детски, да и голос у нее был точь-в-точь как у испуганного ребенка. Желая ее успокоить, я вытянул вперед правую руку, но пальцы поймали лишь пустоту.

– Я тебя не вижу. Где ты?

– Здесь...

В поисках друг друга мы наугад ощупывали воздух, а когда наши руки наконец соприкоснулись, я притянул ее к себе и обнял. Это вышло так легко, будто само по себе. Она не

противилась. Напротив, едва я обхватил ее за плечи, как она доверчиво прильнула ко мне всем телом.

– Не представляю, как мы проведем здесь ночь, – тихо всхлипнув, пробормотала она.

– Все будет хорошо. Если дед не врал, то главное не привлекать их внимания. Всего одна ночь, а завтра мы выберемся отсюда, обещаю.

Успокаивающе проведя рукой по ее по волосам, я крепче сжал объятия, словно надеялся таким способом изгнать из нее все тревоги. Окружающая нас вязкая темнота мне тоже не нравилась, но я не позволял чувству страха взять над собой верх.

– Ты считаешь, он не врал? Он же сумасшедший и мог напридумывать что угодно!

– Думаю, насчет этого не врал. Я тебе рассказывал про Роуз, помнишь? Она никак не реагировала, пока я к ней не подошел. И те, что были у реки, тоже. Если бы Роб им не крикнул, они бы нас и не заметили.

Уткнувшись лбом мне в грудь, она замолчала. Было так хорошо стоять, ощущая исходящее от нее тепло, вдыхать аромат ее волос, слушать ее тихое дыхание, но у меня возникла сложность. Несмотря на смертельную усталость, тело моментально отозвалось на ее близость.

В голову пришло, что если мы простоим так еще какое-то время, очень скоро это станет заметно. Хорошо же я буду выглядеть в ее глазах – делаю вид, будто хочу успокоить, то-

гда как на самом деле предаюсь животным инстинктам. Испытав неловкость, я немного отстранился.

– Рискнем включить фонарь? Нужно поесть. Ты нашла что-нибудь?

– Думаешь, с улицы не будет видно свет?

– Думаю, нет. Подожди, у меня есть идея.

Мягко ее отодвинув, я шагнул к шкафу, сбросил на пол висящую на вешалках одежду и освободил нам место. Шкаф оказался вместительным – его хватило обоим.

Забравшись внутрь, мы зажгли фонарь. Из еды Марта добыла только коробку кукурузных хлопьев и пачку шоколадного печенья. Вместо них я бы с удовольствием проглотил тарелку горячего супа, а следом выпил чашку крепкого кофе, но приходилось довольствоваться тем, что есть.

– Да, кофе и мне не хватает, – пробормотала Марта, после того, как я с унылым видом поделился с ней своими мыслями. Подтянув колени к груди, она рассеянно жевала печенье. – А еще горячего душа.

– Возле входа есть ванная комната. Если рискнешь выбраться, я посторожу, – с легкой издевкой произнес я.

– Я сейчас лопну от смеха, Джон. Тогда, пока я буду плескаться в душе, ты приготовишь нам кофе.

Я беззвучно посмеялся, но потом выразительно посмотрел на нее и напомнил:

– Разве не ты утром говорила, что если будем сидеть с мрачными лицами, сойдем с ума от скуки?

– Сегодня с утра я была очень глупа.

– Вот как? – У меня вырвался едва слышимый смех. – А сейчас поумнела?

– Я чувствую себя полной дурой, – вдруг серьезно сказала она. – Прости, но это из-за меня ты очутился в таком дерьме. Мне взбрело в голову тащиться к этому поселку, но вышло все совсем иначе, чем я планировала.

– Брось, Марта...

– Нет, это правда. Я теперь все время думаю о том, что нужно было тебя послушать. – Она горько усмехнулась и прибавила: – И именно из-за меня ты теперь ранен, находишься черт знает где от дома и, наверно, с ума сходишь от переживаний за Терри.

– Ну хватит! Забыла, что я сам напросился ехать с тобой? Да, мы проехали впустую и по сути ничего не выяснили, но я изначально был скептически настроен по поводу твоей идеи поговорить с людьми из лаборатории. А насчет Терри я спокоен. Я знаю, что Роб о ней позаботится. Он и близко не подпустит к ней ни одного зараженного выродка. – Устремив взгляд в пол, она молчала, поэтому я с наигранно беспечным видом принялся перечислять: – Зато мы очень плодотворно провели день. Обманом пробрались через кучу блокпостов, прятались от вертолета в поле подсолнухов, потом встретили чокнутого деда, побывали у него в гостях, позанимались бегом, ты научилась перевязывать огнестрельные ранения... Что еще? Ах, да, ты познакомилась с тем сержантом. Ну а

теперь мы сидим в шкафу и едим печенье. Тебе раньше уже доводилось есть в шкафу? Мне ни разу и, честно говоря, не представляю, где еще я имел бы возможность получить сразу столько незабываемых впечатлений.

В начале моей импровизированной клоунады лицо Марты сохраняло мрачное выражение, но по мере того как я продолжал, губы ее все больше раздвигала грустная улыбка. Когда я умолк, она произнесла:

– Ладно, попытка выставить меня меньшей дурой, чем есть на самом деле, засчитана. Хотя, знаешь, ты, похоже, тоже не отличаешься блестящим умом, раз впутался сюда вместе со мной. Но я, по крайней мере, сожалею об этом, а тебе происходящее вроде бы даже нравится.

– Почему это звучит так обидно? – сдавленным шепотом воскликнул я.

Она наконец рассмеялась. Еще несколько мгновений мне удавалось сохранять остатки серьезности, но затем я не выдержал и присоединился к ней. Да уж, мы и правда очутились в полном дерьме и как бы я не приободрял Марту шутками, сам отлично это осознавал.

А еще я солгал насчет Терри, ведь в действительности сходил с ума от переживаний за нее. У меня не возникало сомнений, что Роб сможет защитить мою дочь и скорее сам бросится на любую грозящую ей опасность, но тем не менее я предпочел бы быть рядом.

– Я должна сказать тебе спасибо, Джон. Если бы ты не

настоял, что поедешь со мной...

Не договорив, Марта замолчала, а я догадался, что она думает обо всем, что могло произойти, не будь меня с ней. Спорить на этот раз я не стал. Вместо того зачерпнул в ладонь пригоршню хлопьев и закинул в рот.

Силы ко мне понемногу возвращались, но голова отяжелела, а держать глаза открытыми становилось все трудней. Спать хотелось до жути. Подумав, что продержаться очередную ночь без сна будет непросто, я не удержал протяжный зевок.

– Во сколько там речь президента? – вытирая выступившие слезы, спросил я.

– В десять. – Марта взглянула на экран телефона. – Сейчас без десяти восемь. Осталось два часа.

– Спать не хочешь?

– Нет, я не смогу уснуть. Но тебе, наверное, нужно поспать.

– Честно говоря, глаза у меня и впрямь слипаются. Я бы поспал часик. Ты справишься? Всего час, потом буди. Даже если не захочу просыпаться, все равно буди, идет?

– Я оболью тебя водой, если не захочешь, – со злорадной ухмылкой заявила она. – Мне сегодня точно не уснуть, а если просижу всю ночь в одиночестве, к утру непременно свихнусь.

Потушив фонарь, мы перебрались на кровать. Она была широкой и очень удобной, так что стоило мне вытянуться на

ней во весь рост, как веки у меня закрылись, а сознание провалилось в странный и вместе с тем чудный сон.

Мне снилось, будто мы с Мартой бежим по вспаханному полю, а за нами гонится сумасшедший старик с ружьем. Лицо его было перекошено от гнева, он что-то угрожающе кричал и уже почти нагонял нас, как Марта вдруг начала отставать. Ее бег замедлился, в глазах появилась беспомощность, а дыхание сделалось громким и судорожным. Казалось, она вот-вот упадет от изнеможения.

Ухватив ее за руку, я старался прибавить скорость, но топот ног старика раздавался все ближе. Обернувшись, я увидел его всего в нескольких шагах и в тот же миг наши с Мартой руки разъединились. Споткнувшись, она полетела в высокую траву. Не знаю, откуда на только что вспаханном поле взялась трава – она появилась точно по волшебству.

По инерции я пробежал еще пару метров, прежде чем развернуться и бежать к ней на помощь. Старик был уже не один. Рядом с ним возник мертвый ублюдок, у которого отсутствовала вся левая часть лица. Его единственный глаз горел мстительной злобой, а из кровавой, вывернутой под неестественным углом пасти раздавалось жуткое хрипение и одновременно с ним надсадный смех.

Каким-то образом я понял – это тот самый заразившийся друг старика. По видимому, они забыли о старых обидах и теперь объединились в команду, чтобы вместе преследовать нас. Страх от увиденного парализовал мое тело, мозг

же продолжал хаотично генерировать мысли. В следующую секунду я рывком поднял Марту на ноги и, увлекая за собой, побежал дальше.

Впереди показался крутой обрыв, а сразу за ним виднелась только бескрайняя синяя пустота. Рассудок озарило мыслью, что если мы хотим спастись, нам придется в нее прыгнуть. Затем, как это бывает лишь во сне, картинка переместилась в другую плоскость.

Не было больше ни старика, ни его мертвого приятеля. Перед глазами простиралась зеленая долина с по-весеннему сочной, высокой травой. Она вся была залита солнцем, вдали искрилась изумрудная лента реки, а над головой распахивалось бесконечно-лазурное небо. Сцена вырисовывалась прямо-таки идиллическая, отчего весь мой разум испытывал невероятный покой. Я догадался, что мы прыгнули и каким-то чудом остались живы.

Марта была рядом. Она с улыбкой шла мне навстречу, а когда приблизилась вплотную, прижала ладонь к моей груди. Я так отчетливо ощущал ее на своем теле и так ясно видел ее лицо, словно это происходило наяву. Склонив голову, я поцеловал ее и это тоже казалось таким реальным.

Я буквально осязал ее обжигающее дыхание на своей коже, ее дразнящие губы на своих губах, ее горячий язык у себя во рту. Целуя ее, я никак не мог насытиться этими ощущениями. Все тело словно выжигало огнем и я совсем не желал останавливаться, но тут в сознание стал доноситься ее тихий

шепот:

– Джон, проснись. Проснись...

Я протестуяще застонал и мотнул головой – просыпаться мне ничуть не хотелось. Там было так хорошо, но чудесное ощущение от ее поцелуя уже начало отдаляться. Я старался зацепиться за него, поймать снова, вернуть, досмотреть, однако до меня уже дошло, что все это было лишь сном.

– Джон, ты стонал во сне. Просыпайся, прошло почти два часа, – ее шепот настойчиво звал меня в реальность.

Ладонь Марты лежала у меня на груди, а сама она, склонившись над моим лицом, нависала сверху. «Так вот почему мне это приснилось», – сообразил я.

Она находилась так близко, но теперь это было явью. Чувствуя на себе ее теплое дыхание, слыша шепот, обволакивающий все еще затуманенный сном разум, я не удержался и потянулся рукой к ее лицу. Изучающе проведя большим пальцем по ее губам и поняв, что она не отстранилась, я поднял голову и впился в них ртом.

С жадностью целуя ее, я испытывал какую-то невероятную смесь чувств. Они переполняли меня настолько, что к ним примешивалось даже чувство боли. Я уже давно забыл, каково это – целовать женщину и никак не ожидал, что Марта ответит мне с такой же яростной жадностью. Услышав, как она тихо застонала, я принялся срывать с нас обоих одежду.

Спустя несколько минут я лежал на кровати и слушал ее

сбивчивое дыхание. Я и сам еще не до конца пришел в себя. То, что произошло между нами, было так естественно и вместе с тем до безумия странно. Всего несколько дней назад мы не были даже знакомы, а в данную минуту я отчетливо понимал, что больше не смогу без ее присутствия. Это не было просто сексом – мне нужна была ее улыбка, ее близость, поцелуи и теперь все ее тело.

Размышляя об этом, я вдруг осознал, что впервые не думал об Анне – сегодня я практически ни разу о ней не вспоминал. Испытав укол совести, я напомнил себе, что Анна ушла навсегда. Я всегда буду любить ее и всегда буду помнить, но пришло время жить дальше. И, наверное, она была бы рада тому, что я снова могу быть счастливым.

– Марта...

Перевернувшись на живот, я придвинулся к ней. Она уже затихла, но даже в непроницаемой темноте я интуитивно почувствовал, что она улыбается. Ее рука легко коснулась моих волос, а я потерся губами об ее грудь, вдохнул запах ее кожи и на секунду замер.

– Оказывается, чтобы дождаться поцелуя, тебе всего лишь нужно было дать поспать, – язвительно прошептала она.

По ее интонации было неясно – шутит она или говорит всерьез.

– А ты хотела этого? – скрывая неуверенность за ироничным тоном, спросил я.

– Да. Почти сразу, как увидела, а когда ты вышел из сво-

его гаража с хмурым лицом и перепачканными машинным маслом руками и вовсе потеряла голову.

– Черт возьми, ты ведь шутишь! – Не удержавшись от смеха, я поцеловал ее в губы и с той же иронией прибавил: – Это бессердечно с твоей стороны, ты знаешь? Я ведь могу и поверить.

– Давай посмотрим, что там наговорил наш президент, – меняя тему, предложила она.

– Нет, нет, постой... Я не хочу никуда уходить с этой кровати! Это такая отличная кровать и почти не скрипит! – сквозь сдержанный смех я прижимался лицом к ее груди, стискивал ее в своих ладонях, лизал и покусывал ее соски. – К черту президента с его речью! Я хочу тебя... Хочу тебя еще...

Сейчас мне было так хорошо, что хотелось забыть обо всем. Если бы мог, я бы послал к дьяволу весь этот чертов мир с его жестокостью, ложью и алчностью. Все его изъяны и несовершенства затмила лежащая рядом со мной обнаженная женщина и я желал хотя бы на время отгородиться от всего внешнего. От всего, что в данную минуту не касалось лишь нас двоих.

В эти мгновения впервые за долгое время я чувствовал себя глубоко и по-настоящему счастливым.

Глава 22

В кровати мы провели еще около часа, но как бы я не оттягивал время, нам все же пришлось вынырнуть в жестокую

действительность. Дольше оставаться в изоляции от внешнего мира все равно бы не вышло. Мы сознавали, что рано или поздно он нас настигнет, а потому оба чувствовали необходимость узнать, что происходит за хрупкими границами нашего уединения.

Одевшись, мы снова забрались в шкаф. Марта удобно устроилась между моих ног, убрала звук до минимума и включила видео с пресс-конференции президента. Мы посмотрели ее от начала до конца и у нас обоих она оставила неоднозначные впечатления.

Сидя перед камерами, президент наговорил много высокопарной чуши. Целых пять минут этот пожилой и, казалось, давно оторванный от реальности человек рассуждал о том, что наступили страшные времена, говорил, что нация оказалась в опасности и должна сплотиться, чтобы дать отпор врагу, не переходя к сути, тряс кулаком и вспоминал былые победы, давал обещания, что и с этой бедой наш народ справится. И только после такого неимоверно длинного вступления перешел к тому, что интересовало всех.

Так, он заявил, что в лаборатории NLVID-4 произошла утечка неизвестного вируса, однако ученым пока не удастся определить, как он распространяется и чем вызван. По поводу пропавших людей им было сделано предположение, что они могли от него пострадать и теперь представляют угрозу для здоровых, а потому, в целях предотвращения дальнейшего распространения инфекции, населенные пункты в

радиусе трехсот километров объявляются зоной повышенной опасности. По его особому распоряжению с завтрашнего утра правительственные войска начнут эвакуацию всех, кто не заражен. В зоне риска останутся только медики и военные, которые будут устранять последствия допущенной ошибки. Завершил он свою речь призывом к осторожности и заверением, что руководство страны будет держать ситуацию под контролем.

Его заявление вызвало небывалый резонанс и в прямом смысле слова произвело эффект разорвавшейся бомбы. С момента выступления прошло всего лишь чуть больше часа, а соседние страны уже требовали отчета о вирусе и степени его вирулентности. Некоторые из них грозились закрыть границы и ограничить транспортное сообщение, но самые страшные события развернулись в зоне объявленной эвакуации. Люди поддались неконтролируемой панике.

Одни уже сегодня бежали подальше от мест заражения, не дожидаясь пока их вывезут правительственные войска. Другие обвиняли во всем военных, внешних врагов, террористов и даже своих соседей. Они собирались группами и шли к административным зданиям, выкрикивая лозунги и круша все вокруг. Третьи наотрез отказывались воспринимать угрозу заражения всерьез, уверяя, что их попросту хотят запугать и согнать в одно место, чтобы проще было отслеживать и управлять.

– Началось, – прошептала Марта.

Привалившись спиной к моей груди, она листала бесконечный поток новостей, выхватывая тут и там разрозненную информацию. Мы открывали страницу за страницей, читали оперативные сводки и оба понимали, что в стране начался хаос. Людям наконец озвучили хоть что-то похожее на правду, но сделано это было слишком поздно и одновременно с тем слишком резко. Никто не был готов к такому развитию событий.

– Мы в самом эпицентре, Джон, – оторвавшись от экрана, простионала она.

Ее голос звучал с обреченностью гибнущего под шквалом массированной бомбардировки солдата.

– Эй, тише... – Я прижался щекой к ее лицу и крепко обнял. – Выключи телефон. Больше ничего нового мы сегодня все равно не узнаем, а завтра выберемся отсюда, вот увидишь. Наступит утро и мы обыщем весь этот чертов городишко, найдем машину и уедем. Хоть одна, но должна была тут остаться. На крайний случай угоним чей-нибудь велосипед и будем крутить педали до самого дома.

Я пытался отогнать от нее мрачные мысли, но сам находился в не менее подавленном состоянии. Все то время, что мы читали и смотрели о происходящем в городах, я лихорадочно думал о Терри. Понимая, что должен быть рядом с ней, чтобы защитить в случае любой потенциальной угрозы, я почти терял разум от осознания собственного бессилия. В данный момент я ничего не мог сделать – оставалось только

дождаться утра и надеяться, что она в безопасности.

И еще я не представлял, с чем мы столкнемся завтра. Паника уже началась, а это означало многокилометровые пробки, переполненные отели, магазины, заправки... Кроме того, можно лишь вообразить реакцию жителей тех городов, куда начнут прибывать люди из зоны заражения. Вряд ли они окажут нам радушный прием.

– Они ведь лгут обо всем, – отрешенно глядя перед собой, сказала Марта. – Ты видел, что нигде ни слова о реальном положении дел? Все замазано какими-то размытыми формулировками...

– Да, видел, – отозвался я. – Нужно позвонить Робу. Хочу убедиться, что у них все в порядке.

Набрав его номер, я долго слушал гудки, прежде чем тот наконец взял трубку.

– Джон? Что-то важное? – прокричал он в динамик.

Вокруг него раздавался невообразимый шум и множество разгоряченных голосов.

– Я только что посмотрел последние новости. Что у вас там творится?

Говоря максимально тихо, я надеялся, что он сможет меня услышать и вроде мне это удалось, потому что Роб ответил:

– У нас творится чертова паника! Все высыпали на улицы и призывы отправиться по домам не помогают. – Немного отойдя от толпы, он проговорил тише: – Билл с ребятами не справляются. Терренс и его дружки уже палили из ружья,

ища в толпе зараженных. Вот такие дерьмовые новости.

– Где Терри? – стараясь не перейти на крик, спросил я.

– За нее будь спокоен. Она с Айлин в подвале и обе не выйдут до утра ни при каких обстоятельствах. Они не выйдут оттуда, даже если начнется эвакуация.

– Хорошо, – выдохнул я. – Роб, будь осторожен. Какого черта ты торчишь на улице? Ты же знаешь, что это опасно!

– Кто-то должен делать это дерьмо, иначе они тут все друг друга перестреляют. Не волнуйся, со мной Билл, Броди и остальные. Ты лучше сам поскорей выберись из того гадюшника.

– Постараюсь, Роб. До связи.

После нашего разговора мы с Мартой еще минут тридцать просидели в шкафу, а затем опять перебрались на кровать. Каждый был погружен в свои невеселые мысли, поэтому переговаривались мы лишь изредка. Порой кто-то из нас предпринимал попытки говорить на отвлеченные темы, но выходило плохо. Все разговоры в итоге сводились к одному – паника, эвакуация, молчание властей. Они ведь действительно так и не сказали всего.

Президент упомянул в своей речи, что им неизвестно как распространяется вирус, хотя было очевидно – это откровенная ложь. Также не прозвучало ни слова о поведении зараженных, о том, как они нападают и чего от них ожидать. И он, и выступающие с трибун многочисленные военные министры молчали, что их можно обезвредить лишь выстрелом

в лоб. Они по-прежнему многое утаивали, уклончиво называя тех тварей зараженные или инфицированные.

Вполне возможно, это оправдывалось опасениями, что в панике люди начнут палить друг по другу – скажи они о выстрелах в голову, любой придурок мог взять в руки оружие и, действуя на свое усмотрение, отправиться отделять больных от здоровых. Терренс уже так и поступил. И все-таки они обязаны были разъяснить, как действовать в случае нападения, но вместо того, факты привычно замалчивались.

Крепко прижавшись ко мне, Марта положила голову на мое здоровое плечо, а я время от времени запрокидывал к себе ее лицо и целовал губы, глаза, скулы, лоб... Ощущать ее рядом было чертовски приятно. Наш привычный мир перевернулся, вокруг бушевал хаос, но у нас была эта ночь. В какой-то момент мне пришло в голову, что будь это моя последняя ночь, я бы предпочел провести ее именно так.

Немного погодя я услышал ее размеренное дыхание и понял, что она уснула. Еще долго я прислушивался к нему, думая о ней, о себе и о Терри. За окном была тишина и это успокаивало. Постепенно глаза у меня закрылись и я не заметил, как тоже погрузился в крепкий сон.

Разбудил меня еле слышимый шепот Марты. Склонившись к самому моему уху, она возбужденно шептала:

– Джон, проснись! В доме кто-то есть. Проснись!

Я открыл глаза, но увидел лишь темноту. Ее рука предостерегающе закрывала мне рот. Аккуратно отстранив ее, я

прислушался.

На улице шел дождь. Он несильно стучал по крыше и металлическим ставням, но кроме этого звука, я ничего не слышал.

– Это дождь, – так же тихо ответил я.

– Нет же, здесь кто-то есть! Послушай!

Я снова напряг слух и наконец за шумом дождя разобрал, как кто-то передвигается по гостиной чуть слышными, шаркающими шагами. Периодически он натыкался на мебель, терся о стены и издавал приглушенные звуки. Я узнал их. Они были едва различимы, однако уже слишком хорошо мне было знакомо это бульканье, повизгивание и хрипы.

С каждой секундой они слышались все яснее – зараженный явно шел прямо к двери нашей комнаты. Даже в темноте я ощутил, как Марту захлестнул ужас. Она вся сжалась в тугую комок и почти не дышала. Теперь уже я закрыл ей рот рукой и зашептал:

– Что бы не произошло, не издавай ни звука. Он не войдет, дверь заперта.

Страх охватил и меня, да так, что сердце подпрыгнуло к самому горлу. Нашупав на тумбочке у кровати обрез, я стиснул его в руках и приготовился к худшему. Я не был уверен, чувствуют ли эти ублюдки присутствие живых, но если ему вздумается ломиться внутрь, мне придется стрелять.

Слушая, как он приближается все ближе, а звуки, издаваемые его глоткой, становятся все отчетливей, мы замерли в

леденящем оцепенении. Когда он натолкнулся на дверь, раздался громкий удар. Марта резко вздрогнула и судорожно задышала, а я схватил ее за руку, давая знак успокоиться.

К нашему облегчению, ублюдок недолго потоптался под дверью, затем, обтирая стену, двинулся дальше. Шаги удалялись. По-прежнему не двигаясь с места, мы вслушивались в происходящее снаружи, а спустя время я догадался, что он ходит кругами.

Минут через пять зараженный вновь подошел к двери, стукнулся об нее и пошел на второй заход. Похоже, он намеревался прогуливаться по дому до восхода солнца, но самое печальное заключалось в том, что мне нужно было в туалет. За вечер я выпил литр воды и теперь организм настойчиво требовал избавиться от лишней жидкости.

В других обстоятельствах я бы не раздумывая воспользовался освободившейся бутылкой, однако теперь оставалось лишь ждать. Я очень надеялся, что смогу продержаться до наступления рассвета, потому как производить лишнего шума точно не стоило. Да и Марту шокировать мне не хотелось.

– Он ходит по кругу, – прошептал я ей на ухо. – Сколько сейчас времени?

Она осторожно достала из кармана телефон, прикрыла экран подушкой и посмотрела на часы.

– Пять двадцать утра.

– Дерьмо! Рассветет только через пару часов. Надеюсь, ему надоест тереться о стены и он куда-нибудь свалит.

– А если нет? – панически зашептала она.

– Если нет, я прострелю ему башку. Днем они не так опасны. – В попытке приободрить, я притянул ее к себе. – Не волнуйся, мы выберемся.

«Мы выберемся», – эти слова уже превратились в мантру, которую я без устали повторял ей снова и снова. За прошедшие часы я сказал их по меньшей мере раз десять и старался, чтобы мой голос звучал уверенно, хотя сам эту уверенность ощущал все слабее.

Куда мы выберемся? Даже если все сложится удачно и я пристрелю эту тварь, а затем мы найдем машину и беспрепятственно доедем до дома, то что потом? Там нас ждет хаос и эвакуация, и я понятия не имел, сколько она продлится, а также какой теперь будет наша жизнь. Прошедшая ночь сблизила нас, но связь эта была еще настолько хрупка, что вызывало сомнения, выдержит ли она предстоящие испытания.

Для себя я четко знал, что хочу быть с ней, но одновременно с тем прекрасно понимал, какая пропасть лежит между нами. И потом, только сейчас мне пришло в голову, что я совсем ничего не знаю о ней. Вполне может быть, что у нее кто-то есть.

– Расскажи мне что-нибудь. Расскажи о себе, – попросил я тихо.

– Сейчас? – удивилась она.

– Почему нет? Нам нужно чем-то занять два часа. Мы

свихнемся, если будем сидеть в тишине и слушать, что происходит за дверью. К тому же я ничего не знаю о твоей жизни. У тебя есть кто-нибудь?

У нее никого не было. Марта рассказала, что когда-то была замужем, но из этого ничего не вышло. В двадцать три года она выскочила за своего приятеля по колледжу, а уже через пару лет им обоим сделалось ясно, что они совершили ошибку. Для брака они оказались слишком молоды, кроме того, оба были больше увлечены построением каждой своей карьеры, нежели друг другом.

В дальнейшем у нее случалось несколько коротких романов, но, по ее признанию, ничего серьезного они из себя не представляли. Каждый из них завершался по одной причине – Марта была чересчур влюблена в свою работу.

– Журналистика все, что у меня есть, – с категоричностью заявила она, чем тут же привела меня в скверное настроение. – Вы, мужчины, хотите слишком многого и никто не готов мириться, что в моей жизни есть вещи, которые являются для меня важными. Все мои бывшие парни рано или поздно начинали требовать больше, чем я могла дать или ставили перед выбором – либо они, либо работа. Я всегда выбирала работу. Ну а ты? Теперь твоя очередь.

– Разве тебе недостаточно того, что писали обо мне в газетах? – усмехнулся я. – Вдовец, имеющий десятилетнюю дочь и проблемы с законом, бывший алкоголик, владелец зачуханной автомастерской, житель такого же зачуханного горо-

дишки и, возможно, будущий заключенный на долгий двадцатилетний срок. Как тебе? Такой характеристики хватит?

– Нет. Эту чушь писали в газетах, а я хочу послушать твою историю. – Мне показалось, что Марта улыбается над тем, какими словами я себя описал. Устроив поудобней голову на моем плече, она мягко попросила: – Расскажи мне о своем детстве. Каким оно было? И какой была твоя семья?

И я рассказал. Рассказал, что отец всю жизнь пил, пока в тридцать девять лет не свалился от болезни печени, а в сорок шесть от нее же не умер. Рассказал, что во время своих пьяных загулов он нередко поднимал руку на мать, а она, несмотря ни на что, от него не уходила. Она терпела все – его хронический алкоголизм, паршивый характер, побои, отсутствие денег и даже измены, а когда он заболел, в придачу ко всему вышеперечисленному, взвалила на себя непосильную ношу по уходу за ним.

– В детстве у меня бывали периоды, когда я люто его ненавидел и никак не мог понять, почему она от него не уйдет, – тихо шептал я. – Не понимал, почему она терпит, ведь он вел себя с ней совершенно по-скотски. Даже когда он уже болел, то и дело орал на нее, постоянно чего-то для себя требовал, вел себя как эгоистичный, самовлюбленный мудака, которому все вокруг должны, хотя, кроме своего мизерного пособия, не приносил в семью никакого дохода. Чтобы продержаться на плаву, мать много работала, но почти все уходило на его лечение. – Унесясь воспоминаниями в прошлое, я на-

долго замолчал, но потом усмехнулся и продолжил: – Из-за него я не поступил в колледж, а когда мне исполнилось пятнадцать, тоже начал работать. Если бы по-настоящему хотел, я мог бы, наверное, уехать, но не представлял, как оставить ее с ним одну. Как только я стал постарше, при мне он опасался корчить из себя крутого парня, а сама она бы не справилась. Да и денег вечно не хватало, так что... Не стану лицемерить – когда он умер, я испытал облегчение. Мне было девятнадцать тогда. Мать после его смерти прожила всего шесть лет. За то время, что он болел, она сильно подорвала здоровье из-за нервотрепки с ним, плюс я был не подарок, да и работа тоже, но хотя бы последние свои годы она прожила спокойно. Вот тебе история о моем детстве. Понравилось?

– Мне жаль, Джон. Очень жаль, – уткнувшись лицом мне в шею, глухо прошептала Марта. – Знаешь, моему детству тоже особо не позавидуешь, но твое куда паршивее.

– И что было в твоём?

– Я не очень-то хочу копаться в воспоминаниях, но раз уж у нас ночь откровений... Я жила с матерью и ее сменяющимися друг друга приятелями. Она вела довольно веселый и бурный образ жизни, так что скучать мне не приходилось. Вместо алкоголя она баловалась наркотиками и, думаю, этой подробности достаточно, чтобы понять, что представляло из себя мое детство.

– Да уж, тебе, похоже, тоже пришлось не сладко, – проведя ладонью по ее волосам, с сочувствием сказал я.

– До определенного момента так и было, но потом все более-менее наладилось. Когда мне было одиннадцать, мать вышла замуж за своего очередного приятеля и завязала с наркотиками. Приличным или порядочным человеком его не назовешь, но вместе они хотя бы начали вести приемлемый образ жизни и, в общем-то, до поступления в колледж мое существование с ними было вполне сносным. Сейчас мы почти не общаемся. Семь лет назад они перебрались в другой округ и я не особо лезу в их жизнь. К счастью, они в мою тоже.

– Так у тебя здесь совсем никого нет?

– У меня есть моя работа, – с твердостью в голосе произнесла она.

Я хотел подробнее расспросить ее об этом, а также о друзьях и, в целом, о ее увлечениях, но к тому моменту два часа уже истекли. К половине восьмого утра темнота в комнате стала понемногу рассеиваться. Серый свет узкой полоской пробивался из-под двери, появились смутные очертания предметов, так что я даже смог различить лицо Марты.

Все это время зараженная тварь ходила кругами, периодически натыкаясь на запертую дверь нашего убежища. Всякий раз Марта нервно вздрагивала и надолго прерывала наш разговор, а я сильнее стискивал ее в объятиях. Когда мы смолкли окончательно, я понял, что на протяжении нескольких минут из гостиной не доносится никаких звуков. Перестав бродить по дому, тварь затихла. Шум дождя тоже стих.

– Кажется, рассвело, – прошептал я. – Ты его слышишь?

– Нет. А ты?

– И я нет. Попробуем выйти?

– Нет, Джон, не надо! Он там! – схватившись за мою руку, запротестовала она.

– В любом случае нам придется выбираться. Мы же не можем торчать тут вечно?

Я стремился ее успокоить, но кто бы успокоил меня самого. Пульс подскочил, а сердце в груди вновь заколотилось глухими, прерывистыми толчками. Они отдавались шумом в ушах, внутри же все сжималось в тяжелый свинцовый ком.

Собравшись с духом, я высвободился из рук Марты и, прислушиваясь после каждого движения, поднялся с кровати. Вокруг стояла плотная, еле просвечиваемая мгла.

– Приподниму немного ставни, ни черта не видно.

– Нет, нет! Он услышит!

Призывая меня не делать этого, Марта отчаянно замотала головой.

– Я тихо. Не бойся.

Беззвучно ступая по полу, я подобрался к окну, нащупал на стене ленточный привод и обеими руками потянул вниз. Я пытался не производить шума, но звук, с которым ставни поползли кверху, показался мне оглушающим. К счастью, пары сантиметров хватило, чтобы в комнату пробился бледный утренний свет.

Застыв в неподвижности, всю следующую минуту я вслу-

шивался, не возобновятся ли в гостиной шаги. Везде было тихо – тварь либо впала в дневную спячку, либо притаилась в ожидании нашего появления. Вернувшись к Марте, я знаками показал, что нужно вставать, на что получил категоричный отказ, однако после пары таких же молчаливых протестов, она все-таки покинула кровать.

Пока она обувалась, я поднял с пола рюкзак, положил в него фонарь и направился к шкафу. Моя футболка была разодрана на бинты, а куртка продырявлена и пропитана кровью, поэтому я намеревался позаимствовать что-нибудь подходящее у хозяев приютившего нас дома. Под руку мне попался бесформенный, крупной вязки коричневый свитер. Не особенно разбираясь, подходит ли он по размеру, я натянул его на себя.

Свитер пришелся впору. Марта тем временем стояла в центре комнаты и выглядела, точно пассажир тонущего корабля. Ее лицо было бледным, а в глазах плескался все тот же пресловутый страх вперемешку с растерянностью.

– Готова? – закидывая за спину рюкзак, спросил я.

– Нет! А что, если он не один? Что, если их много?

– Марта, не выдумывай. Он один. Мы бы услышали, если бы они закатали там шумную вечеринку. Я проверну замок, а ты резко потянешь дверь на себя, идет? – Я взял в руки обрез, а дробовик старика отдал ей. – Выстрелить сможешь? – Она неуверенно кивнула. – Да? Послушай, я уверен, что это не потребуется, но на всякий случай... Не бойся. Действуем

быстро. Я выгляну и, если он там, сразу стреляю в голову. После этого мигом на улицу. Ну, готова?

– Ох, Джон, как же страшно, черт возьми! – зажмурившись, зашептала она. Собираясь с духом, Марта сделала три глубоких вдоха, после чего взглянула мне в глаза и решительно выпалила: – Пошло все к чертям! Я готова!

Ее своеобразная попытка набраться храбрости выглядела так трогательно, что вызвала во мне прилив пронзительной нежности. С теплотой посмотрев на нее, я рассеянно улыбнулся. Несмотря на ужас, пережитый за последние сутки, она была сейчас необычайно красива.

Темные, цвета обжаренного кофейного зерна волосы закручивались в легкие локоны, обрамляли лицо и спускались по плечам до самой груди. За ночь они растрепались, отчего вид у нее был взъерошенный и несколько диковатый, а стиснутый в тонких руках дробовик, вкупе с горящим в глазах решительным серо-голубым огнем, только усиливал это впечатление.

Не удержавшись, я шагнул к ней, обхватил ладонями ее лицо и поцеловал. Затем кивнул в знак того, что все будет хорошо, направился к двери и провернул замок. В следующую секунду Марта рванула ее на себя.

Глава 23

Перекатываясь с ноги на ногу, тварь стояла посередине комнаты. Это была женщина. Вернее, когда-то это была женщина, теперь же просто омерзительное мертвое существо. Ее

желтые волосы слипшимися от грязи прядями свисали на то, что сложно было назвать лицом, жуткие глаза оказались открыты и смотрели прямо на меня.

Я выстрелил в тот момент, когда растянув в оскале пасть, она шагнула вперед. Попадание вышло точным. Заряд прошиб ей лоб, после чего тварь мгновенно свалилась на пол и задергалась от жестоких конвульсий. Странно, но глядя на нее, я больше не испытывал страха – во мне поднималась лишь волна отвращения.

Сделав два шага вперед, я выстрелил в нее еще раз, затем повернулся к Марте и тихо позвал:

– Идем на улицу.

Она стояла в дверном проеме с ужасом глядя на расprostертое по полу тело и брызги вязкой черной слизи, вытекающей из остатков черепа. Те видеоролики плохого качества, что она видела в интернете, не могли передать, насколько зараженные отвратительны в реальности. Сейчас на одного из них она смотрела своими глазами.

– Марта, пошли на воздух, – настойчиво повторил я.

По ее виду было ясно, что ей с огромным трудом удастся сдерживать тошноту. Меня она как будто не слышала, поэтому я подошел и, взяв за руку, потянул ее к выходу. Косясь и оглядываясь на все еще подергивающуюся тварь, она покорно пошла следом, но когда мы уже почти покинули комнату, вдруг резко остановилась и воскликнула:

– Джон, подожди! Это нужно снять!

Не успел я опомниться, как она стянула с моей спины рюкзак, быстро его открыла и достала спрятанную там камеру.

– С ума сошла? Оставь это! – крикнул я.

Но она уже включила запись и с опаской двинулась к телу. Стоя поодаль, я молча наблюдал за ее действиями, а заодно бросал по углам настороженные взгляды. Во всем доме господствовала мертвая тишина. Больше к нам никто не подбирался – тварь действительно оказалась одна.

Закончив со съемкой, Марта стремительно пронеслась мимо меня к выходу, перешагнула порог и тут же согнулась в приступе рвоты. Не в силах и дальше терпеть давление в переполненном мочевом пузыре, я тоже вышел на улицу и устроился у ближайшего дерева. Последние минуты пребывания в запертой спальне меня не покидало ощущение, что еще немного и я взорвусь.

– Чокнутая! – вернувшись к Марте, выпалил я, но немного спустя провел ладонью по ее согнутой спине, забрал у нее камеру и с сочувствием добавил: – Тебе легче?

– Да. Прости, это выглядело просто ужасно.

Выпрямившись, она закрыла глаза и обессиленно прислонилась лбом к кирпичной стене.

– Да уж, зрелище не из приятных, – согласился я. – Пойдем в ванную. Тебе нужно умыться.

Ожидая, пока Марта приведет себя в порядок, краем глаза я наблюдал за мертвой тварью. Та без движения лежала в самом центре комнаты. Конвульсии уже прекратились.

Одета она была во что-то напоминающее ночную пижаму, а на ее почерневшем безымянном пальце я разглядел обручальное кольцо. Судя по внешности, до заражения она была достаточно молода и, возможно, этот дом даже когда-то принадлежал ей. Переведя взгляд на фотографии, которыми была увешана вся стена у входной двери, я всмотрелся в симпатичную женщину лет тридцати.

На них она улыбалась и выглядела счастливой. По чертам ее лица, фигуре и волосам я определил, что, скорее всего, лежащая передо мной тварь и в самом деле когда-то являлась хозяйкой этого дома. «Так вот в чьей спальне мы провели сегодняшнюю ночь, – пронеслось в голове. – Значит, ее муж и дети тоже могут быть где-то поблизости и лучше бы нам поскорее унести отсюда ноги».

Словно прочитав мои мысли, на пороге ванной появилась Марта. Молча указав на фотографии, я поделился с ней своей догадкой. Она поняла меня без слов. Так и не произнеся ни звука, мы покинули дом, послуживший нам прибежищем на эти несколько страшных и в то же время удивительных часов.

Утро встретило нас холодом. Небо заволокло плотными дождевыми облаками, но было уже совсем светло. Брошенный жителями город хранил молчание. Сырой туман окутывал его пустынные улицы, напоминая о том, что мир вокруг нас изменился. Теперь таких заброшенных городов будут сотни.

С машиной нам неожиданно улыбнулась удача. Пройдя всего лишь метров шестьсот, на подъездной дорожке у неприметного деревянного строения мы набрали на старый пикап с ключом в замке зажигания. Топливный бак его оказался почти полон, так что, несмотря на довольно потрепанный вид и изрядно проржавевший кузов, двигатель мне удалось завести без проблем.

Оставалось надеяться, что найденная нами развалина сможет дотянуть до дома. Если удастся проехать без задержек, занять это должно около трех часов.

– Как думаешь, что с тем стариком? – спросила Марта, как только мы сели в машину.

– Даже думать об этом не хочу.

– Мы должны туда съездить, – провозгласила она, но уловив мой недобрый взгляд, поспешно прибавила: – Послушай, он ведь ранен и, возможно, его нужно отвезти в больницу. Каким бы сумасшедшим он не был, все-таки он человек. И кроме того, мне нужно забрать из машины вещи. Там осталась моя сумка и кое-какие документы. Я не могу их бросить.

– Марта, ты точно чокнутая! – раздраженно взвыл я. – Почему ты не забрала их вчера?

– Ну извини, – резко парировала она, – вчера мне было не до того.

Теперь это снова была прежняя Марта. От напуганной, в ужасе цепляющейся за мою руку женщины, которая вызывала инстинктивное желание ее защитить, не осталось и тени

намека. Разглядывая уже наизусть выученное упрямое выражение на ее бледном лице, я начал закипать, но потом все же решил не спорить.

– Хорошо. Ладно. Если тебе недостаточно приключений, мы прокатимся в этот чертов лес, но того свихнувшегося деда подбирать я не стану. А если тебе так его жаль, можешь остаться с ним и залечивать его раны сколько вздумается.

Дав понять, что больше не желаю ничего обсуждать, я надавил на педаль газа и поехал к ведущей в лес проселочной дороге. До цели мы добрались быстро. То, что вчера представлялось долгим и трудным путешествием, сегодня заняло всего несколько минут.

Припарковавшись рядом с машиной Марты, я прихватил обрез и вышел наружу. Все вокруг сохраняло обманчивый покой. Лес негромко шумел от прохладного дыхания ветра, с пестрой листвы на землю скатывались крупные дождевые капли, где-то рядом издавала щелкающий звук одинокая птица, вот только старика на том месте, где вчера мы его оставили, не обнаружилось.

Мокрая трава была примята, но кроме нее не наблюдалось никаких других следов. По всей видимости, их смыл ночной дождь.

Марта тоже выбралась из машины и, словно к чему-то принюхиваясь, стояла рядом. Поежившись от холода или скорее от навязчиво-гнетущего ощущения, что производил таящийся за деревьями сумрак, я сказал:

– Видишь? Нет тут твоего старика. Марта, пожалуйста, забери, что нужно и давай наконец уедем. Я хочу убраться отсюда как можно быстрее и как можно дальше.

Возражать она не стала. Похоже, находиться здесь ей тоже было не по душе. Пройдя к машине, она открыла дверь, но едва заглянула внутрь, как тотчас вскрикнула и резко отпрянула назад. Преодолев разделяющие нас пару метров меньше, чем за долю секунды, я нацелил ствол обреза в салон и заглянул туда сам.

Старик, сторбившись, сидел на заднем сиденье и, казалось, спал. Его лицо выглядело как серая восковая маска, глаза были закрыты, а тощие руки безвольно висели вдоль туловища. Вся его рубашка пропиталась кровью. Ее засохшие бурые пятна виднелись также на руках, лице и даже всклоченной седой бороде. Уже зная, что это не имеет смысла, я осторожно тронул его за плечо и ожидаемо не добился никакой ответной реакции. Старик был мертв.

На той поляне мы провели еще пятнадцать минут. Марта забрала документы и вещи, а я как мог устранил следы нашего там пребывания. Уезжая, мы вложили в руки сумасшедшего отшельника дробовик и подожгли машину. Разумеется, это было глупо, ведь если полиция станет проводить расследование, нас легко вычислят, но ничего более здравого придумать на тот момент мы не смогли.

Полчаса спустя мы на максимальной скорости неслись в сторону ближайшего блокпоста. До него оставалось не боль-

ше пяти километров. С той минуты, как покинули лес, никто из нас не проронил не слова. Я сосредоточенно вел машину, Марта с отрешенным видом глядела прямо перед собой.

– Это мы убили его, Джон, – нарушив в конце концов тягостное молчание, бесцветным голосом произнесла она.

– Нет, Марта, он сам себя убил, – спокойно возразил я. – И сделал это очень давно. Еще когда поселился в этом лесу, потом когда отказался из него уезжать и, наконец, вчера, когда попытался нас пристрелить.

Марта промолчала, но по лицу ее было видно, что она со мной не согласна. Желая ее убедить, я задал вопрос:

– Неужели ты правда считаешь, что он выжил бы там один, если бы я его не ранил? На километры вокруг не осталось никого, кроме зараженных тварей, так что рано или поздно он бы присоединился к ним. И я не знаю, что лучше – умереть, как он, от потери крови или сдохнуть от рук какого-нибудь восставшего из мертвых ублюдка. Я бы выбрал первое.

Она снова ничего не ответила. Мы как раз подъезжали к пересечению с главной дорогой, где находился тот блокпост, на котором еще вчера флиртом и ложью она добывала нам пропуск. С трудом верилось, что с того времени прошло меньше суток. Сейчас мне казалось, будто это происходило вечность назад.

Едва подобравшись ближе, мы поняли – наше путешествие к дому затянется надолго. Людей в форме вокруг по-прежнему было много, но теперь к ним добавилась огромная

вереница машин с обезумевшими от паники людьми. Отовсюду раздавались нетерпеливые сигнальные гудки, рев моторов и отборная брань, однако автомобильная колонна почти не двигалась.

Ей препятствовали бетонные заграждения и стоящие за ними военные. Там же появились медики в оранжевых защитных костюмах. Вклинившись в хвост очереди, мы нагло встали на одном месте и простояли так несколько долгих минут, прежде чем хоть немного продвинулись вперед.

– Почему так медленно? – в очередной раз возмущенно обронил я. – Что они там делают?

Я то и дело высовывал голову в окно, пытаюсь выяснить, что происходит, но за крышами впереди стоящих машин ничего не мог разглядеть. Никак не отреагировав на мое гневное замечание, Марта достала из рюкзака камеру, включила ее и начала вести съемку. Ей удалось приблизить изображение и рассмотреть в объектив, чем вызвана столь длительная задержка.

– Они всех досматривают, – прокомментировала она увиденное. – Военные проверяют документы, а медики осматривают людей. Они у всех берут кровь.

– Зачем? – ошалело вскричал я, как будто она могла знать ответ на этот вопрос. – Что за тупость? Им ведь как никому известно, что днем эти твари прячутся!

– Мне бы тоже хотелось знать зачем.

Когда после сорокаминутного ожидания подошла наша

очередь проходить проверку, нас попросили выйти из машины, показать документы и сдать анализ крови.

– Для чего вы берете кровь? – спросила Марта.

Игнорируя вопрос, медик в оранжевом комбинезоне осветил ей в глаза фонарем и потребовал вытянуть руку.

– Для чего вы берете кровь? – повторила она.

– Вы находитесь в карантинной зоне, – устало ответил он. – Мы должны выявить всех инфицированных.

Судя по всему, на подобный вопрос ему приходилось отвечать уже десятки раз.

– Разве по нам не видно, что мы здоровы? – вызывающим тоном спросила Марта.

– Дайте, пожалуйста, руку, – настаивал человек в комбинезоне.

Обращение его прозвучало подчеркнуто вежливо, однако интонация говорила о едва сдерживаемой агрессии.

– Марта, наплюй. Дай ему руку, – вмешался я. – Так мы быстрее закончим и поедем дальше.

– Откуда вы едете? – поинтересовался у меня крепкий темнокожий парень в военной форме.

Телосложения он хоть и был крепкого, но ростом определенно не вышел. Стоя передо мной в задиристой позе коротышки, он придавал своей физиономии суровое выражение, но оттого, что ему приходилось высоко задирать голову, чтобы заглянуть мне в лицо, выглядело это до смешного нелепо. Сержанта Рида нигде не было видно.

– Мы ездили навестить родственников, – ляпнул я первое, что пришло на ум, а вспомнив вчерашнюю ложь про отдаленную сельскую ферму, прибавил: – На ферму Уинстон.

– Это ваша машина?

– Нет, нам дал ее родственник. На нашей пробило колесо, пришлось оставить ее у них.

– Как его имя? – заносчиво осведомился коротышка.

– Почему вы меня допрашиваете?

Его напористое любопытство приводило меня во все большее раздражение.

– Отвечайте на вопрос! – гаркнул он.

– Я не стану ничего отвечать! Если мы за что-то задержаны, мне придется звонить своему адвокату!

– Его зовут Барри Уинстон, – вклинившись в наш бурный диалог, безучастно произнесла Марта.

Вперив в меня тяжелый взгляд, коротышка принялся раздувать свои широкие негритянские ноздри и явно размышлял, стоит ли меня задержать, но тут подошел медик. Он уже взял кровь у Марты, после чего сразу провел анализ, смешав ее в стеклянной пробирке с какой-то бледно-желтой жидкостью.

– Она чиста, – сказал он. Посветив фонарем в глаза, медик обратился ко мне: – Вы контактировали с кем-либо из зараженных?

– А как я должен понять, что кто-то заражен? – Я заводился все сильнее, поэтому говорил с ним грубым, неприяз-

ненным тоном. – Мы смотрели вчера новости, но ни слова не услышали о том, как их определить. Может, вы скажете, какие у них симптомы?

Как я и предполагал, он не ответил. Уколов мне палец, оранжевый комбинезон взял у меня порцию крови и резво провел точно такой же анализ. Покончив со всеми манипуляциями, он повернулся к прожигающему меня враждебным взглядом военному.

– Здесь чисто. Давай к следующим, Тернер.

Когда от нас наконец отстали, мы вновь сели в машину и со скоростью еле ползущей улитки поехали дальше. Пробки на дорогах достигали просто чудовищных масштабов, всюду происходили аварии и стычки. В дополнение ко всему, нашу машину останавливали на каждом блокпосту, задавая одни и те же тупые вопросы, но не отвечая, если о чем-то спрашивали мы. А самое скверное заключалось в том, что наши телефоны полностью разрядились, поэтому мы не могли ни звонить, ни пользоваться интернетом.

Выезжая из леса, я успел сделать короткий звонок Робу, но с тех пор прошел уже не один час. Радио в развалюхе отсутствовало, так что и новостей мы не знали. От нетерпения, от переживаний за Терри, от поведения военных и медиков я был на пределе и буквально чувствовал, что вот-вот лопну от злости. Марта чувствовала себя примерно так же.

Я силился не орать матом всякий раз, как мы застревали где-нибудь посреди трассы или на очередном блокпосту,

но сдерживать эмоциональное напряжение удавалось не всегда. Она молчала и, казалось, не обращала на мои яростные вопли никакого внимания, однако по тому, каким вымученным становился ее взгляд, я догадывался – в восторг они ее не приводят. После каждой подобной вспышки я перед ней извинялся, но в ответ она лишь безмолвно кивала. Мы почти не разговаривали.

Единственным плюсом во всем происходящем было то, что еще на первом блокпосту нам выдали медицинскую справку о прохождении унижительной процедуры с забором крови. С ней мы беспрепятственно проезжали все следующие кордоны, не проходя повторного анализа. На дорогу вместо трех часов мы потратили все семь. Уставшие, злые и дико голодные к дому Роба мы добрались лишь к четырем часам вечера.

Глава 24

В пять часов мы с Робом стояли на террасе перед его домом. Я рассказывал ему об обитавшем в лесу свихнувшемся старике и обо всем, что успел увидеть на дорогах, пока продирался сюда. Слушая, он в задумчивости молчал, лишь изредка почесывал затылок и с рассеянным видом сморкался в платок.

За время моего отсутствия город наполовину опустел – в нем остались исключительно те, кто не желал покидать свои дома. Ночью здесь произошли ожесточенные уличные столкновения, полиция не справлялась, подкрепления ждать бы-

ло неоткуда, а потому Роб попал домой только к пяти утра. По словам Айлин, рубашка на нем была разодрана, из разбитой губы сочилась кровь. Аналогичная ситуация происходила повсюду в нашем округе и не только в нем.

– Что думаешь, Роб? – спросил я, затушив уже вторую выкуренную за десять минут сигарету.

За прошедший час мы решили, что если и будем уезжать, то все вместе. В сущности, это решение подразумевалось как бы само собой, так что подробно мы его даже не обсуждали. И он, и я понимали, что держаться сообща будет проще и безопаснее, но сейчас я хотел в точности знать, что он планирует делать – куда-то уезжать или оставаться тут, охраняя дом каждую ночь.

И если уезжать, то куда? С момента первого случая прошло больше месяца и сложно определить, как далеко эти твари разбрелись. Можно двинуть подальше на юг или на север страны в надежде, что военные их всех перестреляют и это быстро закончится, но с другой стороны, представить, как брошу здесь все и уеду, у меня по-прежнему не вполне получалось.

– Да хер его знает, – глядя вдаль прищуренным взглядом, выругался Роб. – Ясно, что нужно уезжать. В городе почти никого не осталось и глупо рассчитывать, что мы сможем переждать в подвале, пока все не закончится.

– Военные отправляют всех на север. По пути я слышал, что там строят лагерь для беженцев. Может, стоит поехать

туда?

– У нас и выбора-то нет, – сплюнув на землю, зло прошипел он. – Пока они не трогают тех, кто не желает уезжать, потому что разбираются с хаосом на дорогах, но как только всех согласных перевезут, начнут силой увозить остальных.

– Вчера я подумал о Джесс. Она живет за карантинной зоной и можно было бы пересидеть у нее.

– Вот она обрадуется, когда мы заявимся к ней всей компанией, – усмехнулся он.

– Да, об этом я тоже думал, – с кислым видом откликнулся я.

Помимо вздорного характера, сестра Анны была той еще паникершей и можно только вообразить, в какое потрясение ее приведет наш внезапный приезд. Наверняка она уже забаррикадировалась в своей квартире и не высовывает носа на улицу, а уж мысль о том, чтобы она захотела принять у себя такую ораву и вовсе выглядела фантастической.

– А что планируешь ты? – поинтересовался Роб. – Я про твою журналистку.

Он развернулся ко мне всем корпусом и уставился в лицо неподвижным внимательным взглядом.

– Я хочу, чтобы она поехала с нами, – без раздумий ответил я.

– Ты уже обсуждал это с ней?

– Нет. Пока нет.

Роб кивнул, но как-то загадочно увел взгляд в сторону.

Он сделала это так, будто хотел сообщить мне о чем-то значительном, но вместо того лишь проговорил:

– Думаю, сегодняшнюю ночь придется провести здесь. Уже поздно выдвигаться, да и вы только вернулись, а завтра с рассветом двинем на юг. Я не поеду в лагерь для беженцев.

– И что на юге?

– У меня там родственник, поживем пока у него. Все-таки это не лагерь и там будет потише, а мы сможем подыскать работу, чтобы продержаться на плаву, пока все не утрясется. Я звонил ему сегодня, он не против принять всех нас на какое-то время. В любом случае, я рассчитываю, что долго это не продлится.

– Да, пожалуй, это лучше, чем толпиться в палаточном лагере, – согласился я. – Хорошо. Я поговорю с Терри. И с Мартой тоже.

– Ты действительно считаешь, что она захочет ехать с нами? – вдруг спросил он, но не дожидаясь моей реакции, продолжил: – Позволь сказать тебе кое-что, парень. Ты можешь послать меня к черту, но я все же скажу. Твоя Марта отличная девушка. Она красивая, более того, неглупая и я отлично понимаю, отчего у тебя взыграла кровь. Что говорить, будь я на твоем месте, тоже потерял бы голову. И я рад, что ты вернулся к жизни, правда рад, но она тебе не по зубам, Джон.

– Роб...

– Подожди, я не закончил. Я скажу, а ты сам думай, что и как. – Он выразительно взглянул на меня из-под хмуро на-

супленных бровей и возвратился к своей поучительной речи: – Я говорю это не к тому, что она слишком хороша для тебя, ты понял? Я совсем о другом. Она будет сейчас носиться по всей стране с камерой наперевес и не утомится, пока не раскопает подробности для своих репортажей. Ты и сам это знаешь, ведь так?

Я промолчал. Роб отчитывал меня, точно пятилетнего мальчишку, но внутри себя я знал, что он говорит правду. Все время на пути к дому мне и самому приходили в голову эти мысли.

– Она не поедет с нами, Джон, вот увидишь. Я лишь хочу, чтобы ты понимал это заранее и не вздумал все бросить, чтобы снова рвануть за ней. В одну авантюру из-за нее ты уже ввязался и кое-как вернулся назад, а тебе в первую очередь нужно подумать о Терри. Ты должен позаботиться о ней, – произнес он с напором. Помолчав, уже мягче, но с той же настойчивостью он прибавил: – Нам всем нужно уехать как можно дальше и переждать, пока все не кончится, а твоя Марта просто не сможет этого сделать. И чем раньше ты это поймешь, тем лучше будет для вас троих.

Я по-прежнему молчал. Мне абсолютно нечего было ему возразить, да и к чему возражения, если все упомянутое им было и в моей голове. Только я боялся это признать, а Роб сказал как есть.

Я закурил третью сигарету и с отчаянием подумал о том, почему же все так чертовски сложно. Не дождавшись моих

протестов, Роб похлопал меня по плечу.

– Я пойду в дом. Поговори с ней, вдруг я ошибаюсь.

Мне действительно хотелось, чтобы Марта каким-то чудесным образом согласилась уехать вместе со мной, но с того момента, как в восемь утра мы повздорили, между нами установилось странное напряжение. В дороге мы почти не говорили, а оно тем временем все росло, так что когда мы наконец добрались к дому Роба, казалось, пропасть в нашем общении стала непреодолимой. Помимо того, как только мы переступили порог, к отчуждению добавилась еще и непонятная мне самому неловкость.

Для Роба и Айлин не осталось незамеченным, что прошедшая ночь нас связала, но сами мы не решались открыто это продемонстрировать. Мы и между собой не могли до конца уяснить, кто мы друг для друга теперь. Возможно, Марта и ждала от меня каких-то слов, но мне пока так и не хватило духу заговорить с ней о главном.

В пути я непрерывно вел с ней мысленный диалог, в реальности же отважился лишь на один осторожный вопрос. Я спросил ее, что она планирует делать, но Марта так и не дала мне внятного ответа. Сейчас она вместе с Айлин и Терри была в гостиной, а я курил и пытался выстроить в голове цепочку предстоящего разговора.

Я боялся его начинать, боялся выглядеть в ее глазах дураком, но больше всего боялся услышать не те ответы, которые хотел бы получить. То, что она нужна мне, как и то, что хочу

быть с ней рядом, я знал безоговорочно, но подсознательно понимал, насколько наши миры далеки друг от друга. После беседы с Робом это понимание только усилилось.

Затушив недокуренную сигарету, я вошел в дом вслед за ним и обнаружил всех сидящими перед телевизором. Они смотрели новости.

Из ящика вещали о том, что в нашем и соседних округах происходит настоящее стихийное бедствие, но паника охватила уже всю страну. Границы многих округов были перекрыты, на блокпостах стояла военная техника и военнослужащие с автоматами. Медики осматривали каждого человека, включая детей. Всех, кому некуда было уехать, отправляли на север.

Также выяснилось, что прошедшая ночь обернулась страшной катастрофой. После выступления президента жители городов вышли на улицы и у инфицированных тварей отпала необходимость выискивать жертв. Они сами шли к ним в руки. Количество зараженных по разным оценкам выросло до трех сотен, но все мы осознавали, что эти цифры занижены минимум вдвое.

Люди не понимали, с чем столкнулись, а правительство до сих пор не говорило всей правды. Никто так и не объяснил, как нужно действовать и чего опасаться, поэтому многие пытались отстреливаться, прежде чем твари успевали добраться до них. Тем, кто додумывался стрелять в лоб везло, остальные либо убегали, либо через время пополняли их ря-

ды.

Сеть тем временем наводнили видео с самой противоречивой информацией. Находились придурки, уверявшие, будто зараженных можно обезоружить светом фонаря в глаза, перцовым баллончиком, ножом в сердце и другими, самыми нелепыми способами. На фоне этого информационного потока из домыслов правда терялась. Лишь единицы заявляли о выстрелах в лоб, но их почти не слышали.

– Пап, куда мы поедем? – спросила Терри, заметив, что я стою у нее за спиной.

Когда мы с Мартой появились на пороге, она повисла у меня на шее и разрыдалась. Я не ожидал от нее такой бурной реакции, ведь после смерти Анны моя дочь отлично научилась владеть собой, но в тот миг осознал, что она, несмотря на всю кажущуюся взрослость и самостоятельность, по-прежнему лишь маленький испуганный ребенок. Сейчас она смотрела на меня с беспомощностью раненого зверька и как будто ждала, что я одним махом устраню все возникшие на нашем пути проблемы.

– Мы с Робом как раз это обсуждали, – сказал я, обратив внимание, что Марта тоже ждет моего ответа. – Решили, что сегодня стоит остаться здесь, а завтра придется уезжать. Не уедем сами, нас вывезут силой, так что выбора нет. А вот насчет куда, думаю, стоит еще обсудить.

Тотчас же я поймал взгляд Роба, который ясно говорил, что он для себя все решил. Он вместе с Айлин поедет на

юг, а я должен сделать выбор. Поглядев на Марту, я слабо ей улыбнулся и, набравшись наконец решимости, предложил выйти на улицу.

– О чем вы договорились с Робом? – спросила она, как только мы оказались в саду.

– Он предлагает ехать на юг. У него там живет какой-то дальний родственник, который приютит нас на первое время, а потом будет видно. В лагерь для беженцев он не поедет и я тоже считаю это плохой затеей. Ты же понимаешь, что там будет твориться?

В ожидании ответа я пристально вглядывался ей в глаза. Хотелось так много сказать, но изо всех сил я старался сохранять хладнокровие. Марта же, застыв в молчании, долго тянула время, словно обдумывала что-то важное, но потом отвернулась и задала вопрос:

– Так ты поедешь на юг?

Именно такая ее реакция и страшила меня больше всего. Она не позволяла высказать ей все, что я чувствовал. Произнеся это «ты» она давала понять, что в ее мыслях нет нас – есть только я и есть она – и прозвучавший вопрос как нельзя лучше это отображал. Им она будто проводила разделяющую нас черту.

– Марта... – Качнув головой, я криво усмехнулся, но затем подошел к ней вплотную, снова вгляделся в глаза и напрямую спросил: – А ты? Ты поедешь со мной?

Казалось, в этот момент для меня все остановилось. Весь

мир вокруг и я сам замер в ожидании ее ответа. Я не хотел отпускать ее от себя, не хотел ее терять. Ночью мне грезилось, будто в ней я нашел нечто важное, нечто необходимое в моей гребаной безрадостной жизни и вот теперь это нечто стояло на кону, полностью завися от ее решения.

Марта опять отвела взгляд в сторону, а я почувствовал, как во мне что-то с грохотом рухнуло. Не знаю, что это было. Возможно, моя вера в то, что я могу быть снова счастлив или может быть, окончательное принятие, что я себе все придумал. Нас связывала единственная ночь и это для меня она была чем-то значимым, для нее же, как видно, обозначала не больше, чем приятное, но мимолетное приключение.

– Я очень этого хочу, Джон. Правда хочу, – в конце концов произнесла она.

В ее глазах читалась затаенная тоска и, наверное, даже отчаяние, но глядя на меня в упор, она молчала и как будто чего-то ждала. Впоследствии я часто вспоминал этот ее взгляд и неисчислимое количество раз корил себя за все, что наговорил ей потом. Истинный смысл всего, что в тот вечер мы могли бы сказать друг другу, но так и не набрались отваги произнести вслух, дошел до меня, лишь когда менять что-либо стало слишком поздно.

– Но? Ты же скажешь сейчас, что есть какое-то «но», верно? – догадался я.

– Да. – В ее голосе появилось сожаление и что-то еще, чему я не сумел найти определения. – Я должна опубликовать

все, что нам удалось выяснить. Ты же сам видишь, что происходит. Никто не знает, с чем имеет дело, а в сети между тем распространяются самые нелепые слухи. Если бы ты мог немного задержаться...

– Зачем? – прервал я ее. – Ты ведь не успокоишься. После того, как опубликуешь этот материал, найдется другой, который потребует твоего внимания.

Я вновь усмехнулся и уставился в землю.

– Я журналист, Джон, и это моя работа, – жестко отчеканила она.

Подняв голову, я увидел, что и выражение ее лица стало жестким.

– Значит, ты остаешься здесь?

– Я должна съездить в студию. Мой материал ждут. Мы планируем выпустить его в эфир сегодня вечером, в крайнем случае завтра утром. Если эфир закроют из-за цензуры, я солью все, что мне известно в сеть. И я без понятия, что дальше.

Она устало вздохнула, а я смотрел на ее красивое лицо, от которого в данную минуту веяло арктическим холодом и понимал, что она злится. Я тоже злился на нее.

– Я не могу остаться, Марта. Я должен увезти Терри.

– Да, я понимаю. Видишь, у нас обоих есть обязательства, – теперь она тоже усмехнулась.

– Черт тебя подери! – взорвался я от этого никому не нужного упрямства. – Ты же собственными глазами видела

ту тварь! Неужели тебе этого недостаточно? Ответь! И разве никто, кроме тебя, не опубликует этот чертов материал? Скинь его своим коллегам и давай уедем!

Увидев, что мои слова не производят желаемого эффекта, я сделал над собой усилие и предпринял последнюю попытку. С осторожностью, так, словно она была хрупкой и очень дорогой вазой, я взял в свои ладони ее лицо, заглянул ей в глаза и тихо попросил:

– Пожалуйста, Марта, поехали со мной. Я понимаю, каким глупым и странным тебе это кажется. Понимаю... Все слишком быстро... Черт, мы знакомы меньше недели и провели вместе всего одну ночь, но я действительно хочу быть с тобой... Я не могу остаться и ты не можешь...

– Джон... – простонала она.

Марта произнесла мое имя так, словно хотела донести до меня что-то, чего я никак не желаю понять. И я уже знал, что это было. Пожалуй, я знал это с самого начала.

Кто-то из нас двоих должен был уступить, но в эту минуту я ясно понял – она ни за что не откажется от своих намерений. Все бесполезно. Что бы я не делал, и что бы не говорил – она не поедет со мной. И дело даже не в том, что она не может оставить свою работу. Дело в другом – я для нее не настолько важен, чтобы все бросить ради меня.

– Дай мне время до завтра, хорошо? – вдруг мягко попросила она. Холод в ее глазах сменился той необъяснимой безнадежной тоской, взгляд потеплел. – Я должна съездить в

студию. Утром я вернусь и мы еще раз все обсудим.

Убрав ладони от ее лица, я опустил взгляд себе под ноги и покачал головой. Какая-то темная волна бессильной злобы заполнила меня до краев, мозгом овладело слепое упрямство. Не желая больше ничего слушать, я взглянул на нее и с циничной усмешкой произнес:

– Тут нечего обсуждать. Если ты не можешь принять решение сейчас, не стоит и в дальнейшем говорить об этом. Забудь все, что я наплел. Сам не понимаю, что на меня нашло.

Резко отвернувшись, я отошел от нее и застыл в напускном безразличии. Чувствуя на себе ее молчаливый взгляд, где-то в глубине души я еще надеялся, что она сдастся. Подойдет ко мне, согласится, переступит через свое упрямство, но издав тяжелый вздох, Марта лишь спросила:

– Я возьму пикап, ты не против?

– Не против, – равнодушным тоном бросил я.

– Джон? – позвала она спустя минуту, которая по моим ощущениям растянулась в долгую бесконечность, но я не повернулся. Выждав еще немного, Марта тихо проговорила: – Попрошайся за меня с остальными.

Даже после этих слов я не взглянул на нее. Только когда она пошла к выходу из сада, я повернул голову. Наблюдая за тем, как она садится в угнанный утром старый пикап, на секунду у меня мелькнула мысль пойти следом за ней, остановиться, попытаться еще раз договориться и что-то решить, но я быстро ее отогнал.

Если бы в тот вечер я мог предвидеть, как все сложится в будущем, то ни за что не позволил бы ей так уйти.

Глава 25

Чертов идиот! На что я рассчитывал? Что она бросит все и поедет со мной после одной проведенной вместе ночи? Что я позову ее в неизвестном направлении и, как овца на веревочке, она поплетется следом? Я и сам не знал, куда и зачем еду, чего уж говорить о том, чтобы звать с собой ее.

Примерно в таком духе я размышлял, готовя очередную порцию гадкого на вкус растворимого кофе. Подспудно я чувствовал, что в разговоре с ней допустил ошибку – не следовало ей грубить, так же как не следовало унижаться и упрашивать, чтобы она поехала со мной. Я должен был вести себя более сдержанно.

После ее отъезда на меня навалилась неодолимая усталость – во мне словно щелкнули тумблером и отключили подачу энергии, а вместе с ней и всякую способность двигаться, говорить и даже просто думать. Пребывая в прострации, я долго стоял на террасе перед домом Роба. Я стоял там до тех пор, пока он не вышел, чтобы позвать меня внутрь.

Уловив его сочувственный взгляд, я запретил себе думать о ней, но какое-то надоедливое, гнетущее чувство не давало покоя. Оно не отпускало меня. Спустя два часа я написал: «Я буду ждать тебя до утра». Марта ничего не ответила.

Сейчас было почти десять вечера, на улице давно уже стемнело. Как только солнце уползло за горизонт, мы вчетве-

ром спустились в подвал и заперли за собой дверь. Очутившись в тесном, замкнутом помещении, освещенном лишь слабым светом свисающей с потолка маломощной лампочки, я почувствовал себя загнанным в ловушку зверем. Внутри него невозможно было ускользнуть от обращенных на меня трех пар пронизательных, сочувствующих глаз и эта вынужденная совместная изоляция в прямом смысле слова сводила с ума. Мне хотелось укрыться от этих взглядов. Хотелось остаться наедине с собой.

Подвал этот Роб оборудовал давно. Он был хорошо укреплен, здесь имелось электричество, вентиляция, отопление и даже санузел, а также диван, пара раскладушек и большой запас провизии. Роб стащил ее сюда, когда началась вся эта заваруха. При торнадо, которые периодически случаются в наших краях, он использовал его как убежище, все остальное время как свою мастерскую.

Он любил тут уединяться и работать на столярном станке, вырезая из дерева мебель и разные декоративные штучки. Что-то он потом продавал, но по большей части мастерил для своего удовольствия. Этот процесс он называл терапией. Роб часто повторял, что когда работаешь руками, то и мысли приходят в порядок.

«Моим мыслям порядок бы сейчас не помешал», – злобно подумал я, отпив глоток мерзкого, с маслянисто-кислым привкусом кофе. Все они были о Марте, о том, где она сейчас и как бы я не старался их заглушить, буквально пронизыва-

ли меня насквозь. С настойчивостью ревущей аварийной сирены они проникали прямиком в мозг, то увеличивая мощность децибелов до максимума, то сбавляя их к минимуму.

Я пытался избавиться от них, пытался забыться, ходил из угла в угол, пил кофе, чтобы отвлечься даже схватил в руки столярный рубанок, но и это не помогло. Все, что я делал – тупо водил им по небольшому бруску дерева, чем неимоверно бесил всех вокруг. Остановился я только после того, как Роб прикрикнул на меня, велел уgomониться и лечь спать.

В ответ я лишь зло усмехнулся. Впереди была долгая ночь и я знал, что как бы не старался – уснуть не смогу. Она так и не откликнулась на мое сообщение.

Прикончив кофе, я уселся на одну из раскладушек и принялся просматривать многочисленные страницы со сводками неутешительных новостей. Я дожидался вечернего включения телеканала Ти-Эн-Си. В каком-то приступе злобного мазохистского отчаяния я надеялся увидеть ее и когда наконец пробило ровно десять, включил трансляцию.

Интернет в подвале работал с перебоями, поэтому изображение часто зависало и мне приходилось подолгу ждать, когда загрузится страница, но все же я увидел знакомые эпизоды съемки. На них был сумасшедший старик со своим рассказом и мой голос за кадром. На другом видео была тварь, которой я выстрелил в лицо. Марта в кадре тоже появилась.

Рассказывая о заброшенных городах, поведении зараженных и о том, как их можно уничтожить, она стремилась до-

нести до слушателей, что ситуация очень серьезна. Также она приводила текст письма, переданного ей сотрудником лаборатории и призывала правительство придать огласке подробности, о которых те до сих пор умалчивают. Я почти не слушал. Вместо того с жадностью всматривался в ее лицо и невольно подмечал детали, которых почему-то не замечал раньше.

Так, только теперь я обратил внимание, что пряди ее темных волос у лба и висков закручиваются в тонкие завитки, а когда она хмурит свои темные, растущие в стремительном разлете брови, у ее губ появляется еле заметная горькая складка. Ее глаза были полны тревоги. Интересно, думала ли она хоть немного обо мне в этот момент?

Слушая ее мелодичный, слегка хриловатый голос, я боролся с сумасшедшим желанием набрать ее номер и сказать обо всем, на что не решился за весь сегодняшний день. Я хотел бы сказать, что не представляю больше своей жизни без нее, что она нужна мне и я на многое готов, чтобы она оказалась рядом, но в то же время понимал, что сделав это, буду выглядеть последним глупцом. Вряд ли подобными речами я смогу вызвать в ней хоть что-то, кроме унижительной жалости.

Пока я рассматривал ее лицо, репортаж закончился. На экране уже появился другой корреспондент, а я по инерции все пялился в светящийся в моих руках прямоугольник. Сняв в конце концов наушники, я сунул его в карман и вы-

тянулся на раскладушке во весь рост. От охватившей меня безысходности хотелось лезть на стену.

– Пап, все нормально? – спросила Терри.

Она подошла и выжидательно встала рядом. Смысл ее вопроса дошел до меня не сразу. Кое-как выдавив улыбку, я в очередной раз повторил себе – дочь самое важное, что у меня есть. Я должен позаботиться о ней, все остальное второстепенно.

– Да, детка. Думаю о том, что нам предстоит завтра. – Я протянул к ней руку и, не особо рассчитывая на согласие, позвал: – Иди сюда, посиди со мной.

К моему удивлению, она тут же забралась ко мне на раскладушку и удобно устроилась рядом.

– Как твое плечо? Тебе очень больно?

– Ерунда, – отмахнулся я. – Айлин отлично меня подлатала, так что скоро я о нем и не вспомню.

После короткого молчания она задумчиво протянула:

– Значит теперь мы будем жить на юге... Интересно, как долго? Если честно, я совсем не хочу уезжать. Мы ведь вернемся сюда к зиме, да?

В ее голосе сквозила безысходная тоска. Терри уже сейчас думала о друзьях, с которыми придется расстаться, о школе, о нашем доме, однако я догадался, что она думает также и об Анне. Ее могила находится за городом и мы часто ее навещаем, но если уедем, делать этого станет некому.

– Я тоже совсем не хочу, Терри, но, думаю, когда мы

уедем, военные быстро ликвидируют всех зараженных. Может, месяц-два, а потом мы вернемся.

Я пытался говорить с уверенностью и в конце даже натянуто улыбнулся, хотя прекрасно понимал, насколько неподобно моя улыбка выглядит.

– Тогда мне придется идти в новую школу? – с досадой произнесла она.

– Скорее всего. Нужно будет немного потерпеть без твоих друзей, но ты справишься, я знаю.

Слегка дернув ее за прядь волос, выбившуюся из заплетенного на затылке хвоста, я вновь улыбнулся.

– Ай! Папа! – тотчас недовольно вскрикнула Терри. Убрав прядь за ухо, она надолго задумалась, но затем серьезно спросила: – Мы заедем завтра к маме? Я хочу попрощаться.

– Конечно, детка. Непременно заедем.

Она затихла. Минут через десять я услышал, что дыхание ее замедлилось, стало размеренным, ровным. Терри крепко спала, я же продолжал смотреть в потолок и думать обо всем, что еще предстоит сделать.

Я думал о том, насколько может хватить моих сбережений, о том, удастся ли найти работу, о новой школе, о вещах, что перед отъездом необходимо забрать из нашего дома и о тысяче других мелочей, лишь бы выгнать мысли о Марте из головы. Еще несколько раз я вставал, тихо ходил по подвалу, затем снова ложился рядом с дочерью. Рана ныла от тупой саднящей боли, кроме того, ужасно хотелось курить, но

о том, чтобы подняться наверх, не могло быть и речи.

Забыться мне удалось далеко за полночь, но даже во сне мозг не переставал перебирать все проблемы, что так неожиданно свалились на мои плечи. От этих беспорядочных, обрывочных, больше походящих на бред больного шизофренией сновидений я часто просыпался и, стараясь не разбудить Терри, менял положение затекшего тела. Вдвоем спать на узкой раскладушке было не очень удобно, но почему-то в эту ночь мне не хотелось от нее уходить.

Тихое сопение дочери успокаивало и словно бы примиряло меня со всем произошедшим. Оно как будто вселяло в меня слабую веру, что пока она рядом, все будет хорошо.

В шесть утра меня разбудил Роб. В подвале было душно, горел слабый свет ночника. До рассвета оставалось немногим больше часа. Еще не до конца очнувшись ото сна, я взглянул на экран телефона и обнаружил, что от Марты пришло два сообщения. Она писала:

«Джон, я не приеду. Все с TNC срочно уезжают на север, мы будем продолжать работу там. Я должна быть с ними. Прости».

И второе:

«Напиши, как устроитесь на новом месте. Ничего не обещаю, но, может быть, у меня выйдет ненадолго вырваться к вам. И еще кое-что. То, что произошло между нами, для меня тоже имеет значение».

Первым моим побуждением было заорать во всю глотку

и разбить мобильник о стену. Несколько долгих минут я сидел на раскладушке, запустив пальцы обеих рук в волосы, и прилагал огромные усилия, чтобы сдержаться. Меня переполняла злость.

«... Имеет значение... может быть, выйдет вырваться... может быть, но ненадолго... ничего не обещаю... я должна быть с ними...».

Эти строчки все крутились и крутились в моей голове, пока я не сказал себе, что все случившееся между нами было абсурдом. У нас в любом случае ничего бы не вышло и, пожалуй, даже к лучшему, что все завершилось именно так. Завершилось, едва успев начаться. В конечном итоге я убедил себя, что Марта осталась в прошлом.

Ближе к полудню пришла хорошая новость. Пока я метался между школой Терри, домом и мастерской, мне позвонил адвокат. Он сообщил, что с меня сняты предъявленные обвинения, а в ближайшие дни на мой счет вернут внесенный ранее залог. Теперь я был свободен, но, откровенно говоря, не испытал тех чувств, какие должен испытывать человек, которому светило двадцать лет тюрьмы. Я воспринял эту весть так спокойно, словно меня всего лишь оповестили об испортившемся прогнозе погоды или другой малозначащей ерунде.

Покончив со всеми приготовлениями, в двенадцать дня мы отъехали от дома Холдеров и только к шести вечера выбрались за карантинную зону. К девяти позади осталось око-

ло пятисот километров пути, многокилометровые пробки, стычки с полицией и изрядно потрепанные нервы. Я был полностью измотан, но и Терри, и Роб с Айлин также нуждались в отдыхе, вот только поиски ночлега превратились для нас в бесконечный изнурительный марафон.

Колеса по дорогам, мы объезжали один отель за другим и в каждом встречали одинаковую картину – все они были переполнены такими же беглецами от зараженных тварей, какими являлись мы сами. К тому моменту за окнами машины давно опустилась глубокая ночь. Она принесла с собой холодный, сырой туман и абсолютно непроглядное, без единой звезды небо, ночевать под которым ни у кого из нас не возникало желания. Но все-таки нам повезло.

Когда мы вконец отчаялись найти хоть что-нибудь годящееся для ночлега, на пути повстречался очередной придорожный отель. Не особенно рассчитывая на удачу, мы вошли внутрь, где обнаружили два свободных номера. Правда, едва услышав стоимость за ночь, Роб разразился гневными криками.

– Сколько? – взревел он. – Да вы что тут, совсем охренели? Ты откуда выискал такие цены, приятель?

В обычное время этот отель являлся самым заурядным дешевым клоповником с грязными комнатами и отвратительной едой, однако сейчас стоил так, точно имел все пять звезд. За регистрационной стойкой стоял молодой тщедушный портье с невероятно широкими, сросшимися на переносице

сице бровями. Прямо по центру его лица, над крупным, пористым носом красовался гнойный прыщ. Скривив жирные губы в наглой ухмылке, он обвел нас четверых неприязненным взглядом и издевательски заявил:

– Я же не заставляю вас платить! Хотите, можете ночевать на улице. Клиенты у нас найдутся.

Выложив перед ним документы и деньги, я устало сказал:

– Все в порядке. Мы снимем два номера.

Впереди предстояло проехать еще больше тысячи километров и если так пойдет, к концу поездки мы окажемся на мели. От этой мысли я был зол не меньше Роба, но усталость и голод валили меня с ног. Девять долгих часов мы продирались сквозь пробки и блокпосты, на каждом из которых приходилось терпеть целый ряд проверок, объяснять, что не поедем в лагерь для беженцев, сдавать анализы, открывать багажники и отвечать на бессмысленные вопросы, так что в данную минуту я готов был заткнуться и заплатить любую цену. Возможность хоть немного передохнуть перебивала во мне всякий намек на скупердяйство.

Кроме того, прошедшая ночь, как и две предыдущие, прошла практически без сна, рана в плече воспалилась и болела, поэтому сил на то, чтобы устраивать споры у меня уже попросту не осталось. Мне давно пора было сменить повязку, затем съесть хоть что-то напоминающее горячую пищу, принять душ и, наконец, рухнуть в кровать.

– Ты рехнулся? Нам ехать еще минимум два дня, – кипя-

тился Роб.

Я видел как сильно ему хочется съездить по морде парню за стойкой и полностью разделял его желание, но мы просто не могли себе этого позволить. Пытаясь его урезонить, я с напором сказал:

– Роб, у нас нет выбора. Мы не можем спать на улице. Давайте все успокоимся, отдохнем и чего-нибудь съедим, а потом придумаем, что делать дальше. Идет?

Сверкнув на меня глазами, он шумно выдохнул и издал в сторону прыщавого портье что-то вроде свистящего шипения. Должно быть, оно означало крайнюю степень презрения, но Роб и сам знал, что ему ничего не остается, кроме как согласиться. Молчаливо кивнув, он демонстративно выложил перед служащим отеля деньги и документы.

Поняв, что вопрос решен, тот довольно быстро нас оформил и по-прежнему нагло ухмыляясь, протянул мне ключи от обоих номеров. Взять я их не успел. Роб выдернул ключи из его рук прямо у меня перед носом, затем наклонился к его лицу и с угрозой процедил:

– Убери эту ухмылку со своей рожи, не то я сам ее сотру.

Остро выпирающий кадык парня пару раз резко подпрыгнул, толстые губы сжались в тонкую линию. Он прилагал усилия, чтобы сохранить непринужденный вид, однако глаза выдавали с трудом подавляемый страх. Весь облик Роба говорил о том, что шутить он не настроен.

– Робби, пойдём, – деликатно вмешалась Айлин. – Оставь

молодого человека в покое. Он всего лишь выполняет свою работу, а нам всем и правда пора отдохнуть. Терри совсем уже без сил. Того и гляди уснет на ходу.

Призывая успокоиться, она мягко тянула его за руку. Прожигая испуганного портье тяжелым взглядом, Роб помедлил, но затем покорно пошел вслед за женой. Он всегда ей уступал и, пожалуй, Айлин была единственным человеком, кто мог так на него повлиять.

За годы нашего знакомства ни разу я не видел, чтобы они ругались или всерьез спорили о чем-то. Обычно несколько угрюмый, неразговорчивый и вспыльчивый Роб, в присутствии жены становился покладистым и кротким. Каким-то образом Айлин удавалось совладать с его сложным характером и только она своим тихим, спокойным голосом, своей мягкой манерой общения, ласковой улыбкой и понимающим взглядом была способна утихомирить любой его взрыв.

А еще только ей могло прийти в голову звать этого крепкого, с широкими плечами и огромными кулаками мужчину – Робби. Никому другому он бы этого не позволил. Сейчас мне вдруг вспомнилось, как много лет назад у меня хватило дурости в шутку назвать его так, но в тот же миг я уяснил, что сделал это напрасно. За малым он тогда не съездил мне в челюсть. Больше я так не шутил.

Бросив на затравленно притихшего портье предупреждающий взгляд, я следом за Холдерами поднялся на второй этаж. Наш с Терри номер оказался маленькой темной комна-

тушкой с аляповатыми шторами, двумя узкими кроватями и облезлым, во многих местах прожженным окурками столом. На стене висел небольшой телевизор, справа от входа при- тулился узкий платяной шкаф. Это была самая настоящая крысиная дыра и я бы не удивился, если в самом деле обнаружил здесь крыс, клопов или других паразитов.

Пока Терри плескалась в душе, я осмотрелся, после чего щелкнул пультом на первый попавшийся новостной канал. К моей радости, мне подвернулся не Ти-Эн-Си. В то время как телеведущий с экрана импульсивно рассказывал об обстановке в стране, я рассеянно вслушивался в его громкие витиеватые фразы и разматывал пропитавшуюся кровью повязку.

Он говорил о том, что паника стремительно набирает обороты, люди из зоны заражения спасаются бегством, а дороги по всем направлениям охвачены транспортным коллапсом. Все развивалось настолько молниеносно, что правительства некоторых стран уже организовали чартерные рейсы для эвакуации своих граждан и для многих это стало дурным знаком – если из страны вывозят иностранцев, значит дело действительно худо.

Те, у кого имелась возможность уехать за границу, массово повалили в аэропорты, но рейсы вдруг начали отменять. Когда стало ясно, что авиасообщение постепенно перекрывают, всеобщая истерия только усилилась. В аэропортах и на вокзалах творилась немыслимая давка, повсеместно проис-

ходили конфликты и ожесточенные стычки. Имелись многочисленные пострадавшие.

Помимо того, видео с зараженными в сети распространилось так много, что скрывать что-либо уже не имело смысла. Военные и министры еще пытались призывать людей к сохранению спокойствия и порядка, но было видно, насколько они сами растеряны. Между тем почти во всех крупных городах произошли массовые столкновения, а также появились первые жертвы, пострадавшие от рук народных мстителей.

Как я и опасался, обезумев от паники, люди схватились за оружие и принялись стрелять в тех, кто казался им похожим на зараженных. Теперь к опасности быть убитым мертвой тварью примешивалась угроза получить пулю в лоб от поехавшего крышей придурка с ружьем. Единственное, что вселяло в меня надежду не попасть под эту лавину тотального помешательства – там, куда мы направлялись, было потише. Паническая волна вместе с массовыми случаями заражения катилась от центра страны к северу и западу, но пока не сильно задевала южное и восточное направления.

После Терри я тоже принял душ, а затем вместе с ней спустился в гостиничный бар. Роб и Айлин уже ждали нас за одним из столов.

– По моим расчетам ехать еще два дня, но мы бы справились за один, будь на одной машине, – проворчал Роб.

Перед отъездом он настаивал, чтобы мы вчетвером ехали

в его пикапе, но я уперся и ни в какую не захотел бросать свою машину. К тому же с собой у нас была куча вещей, которые я забрал из дома и мастерской.

– Доедем за сутки, – возразил я. – Дальше не будет столько блокпостов, да и движения должно стать поменьше. Вы с Айлин будете меняться, а я продержусь. Только сегодня нужно как следует выспаться.

– Ты не сможешь ехать за рулем сутки! – прошипел Роб.

– Посмотрим. Возможно, придется делать небольшие остановки, если совсем выбьюсь из сил, но платить за отели действительно бредовая затея. Эти уроды пользуются наплывом людей и стараются побыстрее набить карманы. Если так пойдет, к концу пути мы все останемся без штанов.

На этом спор утих. Мы заказали ужин, но когда его наконец принесли, я кое-как проглотил свою порцию. Голоден я был невероятно, однако то, что нам подали, оказалось еле теплым, а плюс ко всему ужасным на вкус.

Терри тоже была не в восторге. Она со скучающим видом накалывала на вилку черствый картофель и, прежде чем отправить его в рот, подолгу разглядывала со всех сторон, а говяжью отбивную, по вкусу больше напоминающую кусок жесткой резины, едва попробовав, отложила на край тарелки. Зато салат показался ей более-менее съедобным и с ним она расправилась в первую очередь.

– Поешь, детка, – рассеянно проронил я. – Неизвестно, когда нам удастся что-то найти в следующий раз.

В ответ Терри скорчила свою излюбленную гримасу, поэтому настаивать я не стал. Покончив с ужином, мы снова поднялись в номер, где я, не раздеваясь, рухнул в кровать. Мысли о Марте сунулись было в мою голову, но я с яростью их отогнал.

Весь сегодняшний день злость на нее помогала мне держаться и двигаться вперед.

Часть 2

Глава 26

Сидя на стертых от времени дощатых ступеньках, я рассеянно наблюдал за пожелтевшей листвой. Издавая сухой протестующий шепот, походящий на гомон встревоженных охотником птиц, она трепетала на верхушке могучего клена. Осень добралась уже и на юг. Воздух был пропитан холодом, но я его почти не замечал.

Механически поднося сигарету ко рту, я просто сидел, уставившись в одну точку, пока взгляд не сконцентрировался на оторвавшемся от ветвей увядшем листе. Он одинокого заскользил вниз и долго кружился в неистовой пляске, вертясь и переворачиваясь на ветру, пока не свалился наконец на землю. Присоединившись к сотне своих собратьев, на пару мгновений лист замер, но тотчас подхваченный резким порывом ветра вновь поднялся ввысь, исполнил лихой предсмертный танец, а затем окончательно приземлился между выпирающих на поверхность корней старого дерева.

Полгода назад оно дало ему жизнь, теперь же сбрасывало

с себя, словно ненужную рухлядь. Вскоре он сгниет и послужит удобрением для следующего поколения молодых побегов. На ум пришло, что точно так же, как и этот кленовый лист, я трепыхаюсь и переворачиваюсь от малейшего дуновения ветра, а когда-нибудь кончу тем, что пойду на корм трупным червям.

Отогнав идиотские мысли о взаимосвязи всего живого, я выбросил окурок и задумался о поисках жилья. Родственник Роба разрешил нам пожить у него, однако его дом был холодным и старым. Сэмюэль Дэвис построил его лет сорок назад и с тех пор нечасто ремонтировал. Крыша местами протекала, в холода дуло из каждой щели, но самым ужасным являлось отсутствие горячей воды.

Сэм Дэвис был уже семидесятивосьмилетним стариком. Он плохо видел, еле-еле передвигался по комнатам, большую часть дня проводил сидя в кресле и лишь изредка появлялся на шатком крыльце своей обшарпанной резиденции. Замотанный по самые уши в толстый шерстяной плед, маленькими подслеповатыми глазками он оглядывал принадлежащие ему владения и в такие минуты становился похож на что-то вынюхивающую тощую капибару.

В прошлом он работал на каменноугольных шахтах и урановых месторождениях, но потом женился, обзавелся двумя сыновьями, построил этот дом и занялся фермерством. Жена его давно отправилась на тот свет, старший сын погиб, участвуя в военном конфликте в одной из стран Централь-

ной Азии, а младший все еще жил с ним. Не в пример отцу, он был здоровенным, но недалеким умом детиной.

Возраст Тодда Дэвиса приближался к тридцати, однако по мышлению больше соответствовал семнадцатилетнему. Его интересовали только ток-шоу на автомобильную тематику, подробности женской анатомии, пиво и то, как спариваются различные виды животных. Все его мысли вертелись по кругу и рассуждениями на эти четыре предмета он мог достать кого угодно.

Я относился к нему с равнодушием, но вместе с тем испытывал настороженность. Увлечения его не внушали мне доверия, кроме того, пару раз я подмечал, как он бросает в сторону Терри липкие взгляды, а потому по приезду попросил ее держаться от него подальше. Его я тоже предупредил, чтобы и близко не совался к ней.

Сегодня был пасмурный субботний день двадцать шестого октября. С утра я переделал все рутинные дела и даже помог Тодду в загоне для овец, но теперь бесцельно слонялся по двору, не зная, куда себя деть. Жизнь в этих краях настолько скучна и однообразна, что порой хочется взвыть от тоски.

Ферма Дэвисов находится в отдаленной сельской глуши, по соседству располагаются всего пять таких же ферм, совсем нет магазинов, практически отсутствует телефонная связь, а интернет ловит лишь на холме в километре от дома. Даже телевизор показывает всего два канала, да и то с пере-

боями. В семи километрах имеется небольшой живописный городок, но и там делать совершенно нечего.

Мы прожили тут уже почти месяц и все это время я понимал, что в качестве жилья должен подыскать что-то более сносное, вот только сперва занимался оформлением Терри в местную школу, а потом поисками работы для себя. Еще одна причина, по которой я не торопился с переездом – было неясно, куда приведет ситуация с распространяющейся эпидемией. Зараженных встречали все дальше от лаборатории, а неделю назад ее волна достигла радиуса в тысячу километров. Мне не хотелось налаживать жизнь на новом месте, а затем снова срываться в неизвестном направлении.

– Пап, когда мы уже найдем квартиру в городе? Ты ведь устроился на работу, – как будто прочитав мои мысли, спросила Терри.

Закутавшись в мешковатую осеннюю куртку, она вышла из дома и опустилась на ступеньки рядом со мной. Она смотрела на меня с такой надеждой, что в очередной раз я испытал приступ жалости и чувства вины. Больше у нас не было своего дома, но если я как-то с этим мирился, то Терри его потеря далась нелегко.

Кроме переезда в город, она ничего от меня не требовала и в целом держалась с героической стойкостью, однако по ее удрученному виду я мог судить, насколько непросто ей приходится. Со мной своими мыслями она не делилась, но пару раз я слышал ее разговоры с Айлин о том, как сильно

она хочет вернуться домой, а иногда по ночам до моего слуха доносились и приглушенные всхлипы в подушку.

Мне оставалось лишь наблюдать, как от тоски она медленно сходит с ума и обещать, что вскоре все наладится, но, кажется, мы оба знали – мои обещания невыполнимы. Мы не произносили этого вслух, боясь разрушить призрачную веру в лучший исход и словно играли в некую молчаливую игру, правила которой установил новый порядок вещей.

Я и сам почти свихнулся от того, что произошло всего за какой-то месяц – слишком многое и слишком неожиданно обрушилось на меня. Мы оказались оторваны от привычного мира, были вынуждены жить у чужих людей, терпеть суровые лишения и неудобства, а я ничего не мог с этим сделать. Единственное, что помогало мне окончательно не слететь с катушек – это физический труд и решение насущных проблем. Уйдя с головой в этот процесс, я старался ни о чем не думать и заботился лишь о том, чтобы адаптироваться к окружающим нас жестоким реалиям.

– Детка, я начал поиски, но пока ничего нет, – как можно мягче сказал я. – Послезавтра заберу тебя из школы и пока буду работать, ты просмотришь объявления. Обещаю, как только попадется подходящий вариант, мы сразу же переедем.

Городок по соседству был крохотным – в нем проживало всего около пятнадцати тысяч человек, поэтому работу я отыскал с трудом. Обойдя все имеющиеся в нем авторемонт-

ные мастерские и обнаружив, что ни одна из них не нуждается в сотrudниках, я почти отчаялся подыскать место механика. Уже практически сдавшись, я собирался устроиться хоть кем-нибудь, но в минувший понедельник мне повезло. По чистой случайности я наткнулся на небольшой гараж на окраине города.

Трое работавших там парней занимались в основном покраской, шиномонтажом и мелким ремонтом, так что когда я появился у них на пороге и заявил, что смогу устранить едва ли не любую автомобильную поломку, они переглянулись и решили дать мне шанс себя показать.

Гараж принадлежал Нику Харрису. Копной прямых, смоляного цвета волос, вкyпе с горбатым, несколько загнутым книзу носом он походил на коренного жителя высокогорных районов. С виду он был моим ровесником, но имел плотное телосложение, невысокий рост и зачем-то носил густые жесткие усы. Несмотря на такую довольно сумрачную внешность, по характеру Харрис оказался простым и общительным малым. Он запросто срывался на смех, часто шутил, легко относился к жизни, как и я, много курил и был не прочь погонять на высокой скорости. Льюис и Райт были его друзьями.

Первые дни мы присматривались друг к другу, но уже к концу недели они поняли, что я гожусь для их компании. Я не лез куда не следует, молча и качественно выполнял свою работу, мог дать дельный совет относительно ремонта, но больше всего всех троих покорила Терри. После обеда я за-

бирал ее из школы, а затем привозил в гараж, где она с удовольствием болтала и подавала парням инструменты.

Терри с детства крутилась в моей мастерской, поэтому не только знала название каждой детали, но и понимала ее назначение. Случалось, она приносила нужный инструмент еще до того, как ее просили об этом. Школьные задания она выполняла там же и парни нередко помогали ей с такой ненавистной для нее математикой. Одним словом, это было выгодным для всех сторон сотрудничеством, для меня же было важным, что она рядом и я могу не переживать за ее безопасность.

Роб тоже нашел работу. Ему повезло чуть больше – почти сразу он подрядился помощником на соседнюю ферму. Владелец ее как раз занялся ремонтом дворовых построек и человек с навыками в столярном ремесле ему был необходим. Денег нам обоим обещали не много, но мы пока не бедствовали.

Заметив, что Терри о чем-то задумалась, я ласково потрепал ее по волосам.

– Расскажи, как дела в новой школе.

– Нормально.

По тому, как нахмурились ее светлые брови, я догадался, что она не договаривает.

– Точно? Ты же помнишь, что мы всегда говорим друг другу правду?

Внимательно разглядывая ее худенькое, в последнее вре-

мя еще больше осунувшееся лицо, я ждал ответа. Поняв, что от него не отвертеться, она тяжело вздохнула и, глядя себе под ноги, с неохотой проронила:

– Учителя нормальные, только в моей школе эту программу мы уже проходили, поэтому мне там до жути скучно.

– А твои одноклассники? Есть среди них кто-то, с кем ты уже подружилась?

– Они придурки! – вырвалось у нее. Я видел, что Терри не хочет об этом говорить, но, видимо, сообразив, что я не отстану, добавила: – Со мной особо никто не общается. Все сторонятся. – Едва договорив эту фразу, она гордо вскинула белокурую голову и выпалила: – Да мне они и не нужны, ведь мы здесь ненадолго!

– Тебя никто не обижает? – мрачно поинтересовался я.

Я знал, что в случае необходимости моя дочь сумеет постоять за себя, но все же мне не хотелось, чтобы у нее возникли серьезные сложности. Было бы куда лучше, если бы ей удалось завести здесь друзей, вот только откуда им взяться, если мы живем как отшельники? В очередной раз я подумал, что мне действительно стоит поторопиться с поисками приличного жилья.

– Нет, – покачала она головой. – Один идиот сказал всем, что я приехала из зоны заражения и теперь они зовут меня инфицированная или бацилла Спинни. Но я не обращаю на них внимания.

– Помощь нужна? – спросил я серьезно.

– Нет. Я справлюсь.

Мне понравилось с какой уверенностью в своих силах она произнесла эти слова. Я уже не раз подмечал в характере дочери подобное проявление воли и твердости, и чем старше она становилась, тем ярче они выражались. Это не могло не вызывать во мне определенной доли гордости – хотя бы характер она унаследовала от меня.

Улыбнувшись этой мысли, я подбадривающе сказал:

– Так держать! Но если понадобится помощь, сразу дай знать. Договорились?

Терри презрительно наморщила нос, но потом все же молча кивнула. Сидя бок о бок, мы вновь погрузились каждый в свои размышления. Я вернулся к разглядыванию листьев на макушке старого клена, а она подобрала с земли тонкую палку и с безучастным видом ковыряла ей у своих ног.

На улице тем временем стало совсем холодно, поднялся порывистый ветер. Гоня в нашу сторону хмурые дождевые облака, он взметал вверх столбы дорожной пыли, а та в свою очередь забивалась нам в глаза и ноздри, скрипела на зубах, тонким слоем оседала на лицах. Не обращая внимания, еще минут десять мы просидели в молчании, но услышав как Терри пару раз тихо чихнула, я предложил зайти внутрь.

Дождавшись ее молчаливого согласия, я направился к двери и, не успев еще переступить порог, услышал грубый бас Тодда. Он о чем-то громко переговаривался с Робом. Пока я снимал ботинки и куртку, вник в суть их разговора – на

этот раз Тодд выбрал тему о «сиськах».

Речь шла о фильме, в котором показали интимную сцену с одной известной актрисой, где она сыграла с обнаженной грудью. Тодд посмотрел его вчера вечером и теперь считал своим долгом обсудить со всеми, кто встретится ему на пути. Я уже попал под беспощадный каток его разглагольствований о ее формах, теперь, по-видимому, была очередь Роба.

– Тодд, отстань от меня! – раздраженно взвыл он, проходя мимо нас с Терри в кухню.

По пути он бросил на меня полный показного страдания взгляд, на что я усмехнулся и понимающе ему кивнул.

– О, Джон! Привет! А я как раз рассказываю Робу о том фильме. Ну тот, что с сисястой актрисулькой, помнишь? – Тодд заговорщицки мне подмигнул, будто я являлся посвященным в хранители некой нашей общей тайны и после того, как я поспешил заверить, что помню, проследовал за Робом. – Роб, но ты бы видел ее сиськи! Так бы и зарылся в них лицом...

– Тодд, мне это не интересно, – уставший голос Роба раздавался уже из кухни.

– Я, конечно, люблю буфера побольше, – будто не слыша, продолжал разглагольствовать Тодд. – Так, чтобы можно было схватиться за них обеими руками, да помять как следует! На мой вкус они должны быть как мягкое теплое тесто, чтоб так и липли к ладоням, но знаешь, у этой малышки из фильма титьки тоже ничего. Не высший класс, конечно, но

сгодятся. А хочешь я скажу, у кого самые отменные буфера?

Не обращая внимания на бурные возражения Роба, Тодд делился рассуждениями на излюбленную тему. Заткнуть его сейчас не представлялось возможным, потому как за день он успел прикончить несколько бутылок пива и был уже слегка навеселе. За прошедшие дни я успел уяснить, что если трезвого Дэвиса еще можно заставить молчать, то под градусом он превращался в неутомимо болтающего, всех достающего мудака.

«Интересно, сколько Роб продержится, прежде чем сбегит от него в свою комнату?» – промелькнула в голове вялая мысль. Айлин, судя по всему, уже так и поступила – когда я вошел в гостиную, ее там не оказалось. В кресле перед телевизором сидел лишь старик Дэвис, укутанный по самую шею в свой неизменный шерстяной плед. Он не расставался с этим пледом ни днем, ни ночью и, казалось, тот давно намертво прирос к его изнуренному болезнью телу.

Гостиная Дэвисов, как, собственно, и весь остальной дом, имела изрядно потрепанный вид. Она представляла собой небольшую комнату с двумя узкими окнами, желтым от табачного дыма потолком и деревянным скрипучим полом. Стены в ней когда-то давно были оклеены обоями, но сейчас их покрывали сплошные разводы и жирные пятна. Кое-где под многолетним слоем грязи на них еще угадывался первоначальный цветочный узор, но исходный цвет был уже неразличим. Дополняла жалкую картину убогая, перекошен-

ная мебель, своим засаленным обликом мало отличимая как от прочей обстановки, так и от самих хозяев.

Как только мы приехали, Айлин сделала попытку привести дом в порядок – она смела паутину, вымыла окна, отдраила кухню и перестирала все, что только возможно, но даже это не спасло положения. На всем здесь лежал отпечаток запустения и обреченной безнадежности, которые нельзя было стереть при помощи лишь порошка и тряпки. Чтобы привести этот дом в надлежащий вид, требовались более радикальные меры – например, разрушить его до основания, а затем выстроить заново.

Усевшись на неопределенного цвета продавленный диван, я уставился в экран телевизора. Там шел старый фильм пятидесятых годов и какое-то время я честно пытался вдуматься в его сюжет, но очень скоро потерял суть происходящего. В последние недели мне все сложнее давалось сосредоточиться на чем-то отвлеченном – мысли занимали неразрешимые вопросы и поиски ответов на них.

За время, что мы провели в изоляции, мир сильно изменился. Я старался отгородиться от ежечасно поступающих сообщений о количестве зараженных, о целых городах, где не осталось ни одного жителя, о массовых протестах, вспыхнувших по всей стране, но сметающая все на своем пути информационная лавина так или иначе настигала меня. Невозможно было остаться от нее в стороне, даже спрятавшись в глуши без интернета и телевидения.

Информация просачивалась отовсюду и, совсем не желая того, я узнавал все новые подробности, а потом обнаруживал себя оглушенным, растерянным, беспомощным. Так, сегодня я узнал, что на месте моего дома простирается теперь лишь выжженная земля.

С момента нашего отъезда военным не удавалось полностью истребить зараженных, вследствие чего они решили смести все на своем пути. Они уничтожали целые города и поселки, оставляя после себя разоренную, покинутую всеми пустошь, мертвые руины, полыхающие огнем безжизненные обломки. Это были обломки моей прежней жизни.

До сегодняшнего дня где-то в глубине души у меня оставалась надежда, что мы сможем вернуться, когда все закончится, теперь же она была разодрана в клочья. Моего дома – дома, с которым связано так много воспоминаний – больше не существовало и осознать, что отныне мы навсегда оторваны от родных мест, было непросто. Еще сложнее было осознать, что если в ближайшие месяцы не удастся переломить ситуацию с новыми случаями заражения, инфекция опустошит всю страну. А за ней, возможно, и всю землю.

Сидя перед телевизором, я пялил в экран невидящий взгляд. Слух улавливал чьи-то отдаленные голоса, но на самом деле я ничего слышал. В эти минуты мне впервые стало четко ясно, что мое скучное, упорядоченное, но в целом беззаботное и комфортное прошлое утрачено навсегда.

Глава 27

Спустя неделю я заканчивал работу в гараже и собирался ехать домой. Была суббота, дел нам с парнями подвернулось не много, а потому освободились мы рано. Пока я складывал на место инструменты, они бурно переговаривались о планах пропустить в баре по стакану чего-нибудь согревающего.

Предыдущие дни я пробовал найти хоть какую-нибудь квартиру в городе, но все мои попытки завершились провалом. Это привело Терри в еще более угнетенное состояние духа, да и меня тоже не радовало, однако я по-прежнему старался не опускать рук.

– Ну что, Уилсон, ты с нами? – спросил меня Харрис. – Пошли, выпьем по стаканчику. Сегодня суббота, можно расслабиться.

– Не, парни, я пас. Нужно домой, – сказал я, в последний раз заглядывая под капот Форда, с которым провозился весь сегодняшний день.

За минувшие две недели они звали меня с собой уже дважды и оба раза мне удавалось отвертеться.

– Брось, ты чего? – подключился к нему Льюис. – Работаем уже две недели, а до сих пор вместе не посидели. Как вообще можно доверять человеку, если ни разу с ним не напился?

– Верно говоришь, Льюис, – поддержал Харрис, всем видом давая понять, что на этот раз от меня не отстанет. Будто готовясь вступить со мной в схватку, он положил руки на пояс и широко расставил свои короткие кривоватые ноги. –

Решено, идем! Отговорки не принимаются. Давай, заканчивай копошиться с этим гребаным Фордом! Никуда он не денется до понедельника.

Захлопнув крышку капота, я наконец повернулся к ним. Болтать с посторонними о своих взаимоотношениях с алкоголем мне очень-то не нравилось, потому что это неизменно вызывало любопытство и удивленные расспросы, но, похоже, сегодня простыми отговорками и враньем от них не отделаться.

– Слушайте, парни, я не пью. Посидеть не против, но выпить не уговаривайте. Собутыльник из меня никакой.

– Не пьешь? – уставился на меня Харрис. Кажется, он наконец догадался, в чем причина. – Совсем?

– Совсем.

– Ну ты даешь. И давно?

– Больше года, – пожал я плечами.

Все трое озадаченно переглянулись и заметно скисли, а я приготовился к отражению их назойливых атак. Я уже видел, как Райт открыл рот, чтобы задать вопрос или произнести одну из тех фраз, что обычно говорят люди, когда слышат мое заявление, но Харрис его перебил. Тонем, означающим, что не примет отказа, он проговорил:

– Ну что ж, тогда просто составишь нам компанию.

Пришлось согласиться и отправится вместе с ними в ближайший пивной бар. Усевшись за свободный столик у окна, Льюис, Райт и Харрис заказали бутылку виски, я же тянул

безалкогольное пиво. Его суррогатный вкус никогда мне особо не нравился, но я посчитал, что так будет лучше, нежели сидеть с чашкой кофе, пока все вокруг пьют алкоголь. Чисто на подсознательном уровне бутылка в моей руке будет порождать меньше стремления меня напоить, хотя и это не спасло от нескольких попыток Льюиса уговорить меня присоединиться к ним.

Бар оказался небольшим, полутемным и в этот послеобеденный час практически пустым. Из посетителей были только мы, одинокий седой старик, расположившийся с кружкой пива в дальнем углу и белобрысый нескладный парень средних лет, сидящий с рюмкой текилы за барной стойкой. Сутулый, с невзрачным лицом бармен натирал полотенцем стаканы и от скуки перебрасывался с ним редкими фразами.

По телевизору транслировалась запись футбольного матча, но голос спортивного комментатора перебивали звуки печальной песни о чьей-то утраченной любви. Они с занудной протяжностью лились из динамиков, погружая и без того унылую обстановку бара в еще более тоскливую атмосферу.

– Эй, дружище, включи-ка чего-нибудь повеселее, – не выдержав, крикнул Льюис бармену. – Мочи нет слушать это дерьмо! И так тоска вокруг, а тут еще этот урод ноет из-за какой-то телки...

Бармен равнодушно щелкнул кнопкой, сменив мелодию на более ритмичную, чем заслужил одобрительные возгласы от нашего столика. Мы вели бестолковый, не слишком ожив-

ленный разговор о работе и курьезных случаях с клиентами, но постепенно он свелся к расспросам о моей жизни до эвакуации. На удивление справился я легко.

Раньше у меня не выходило спокойно рассказывать об Анне или о случившемся со мной после ее смерти, но сейчас я как будто говорил не о себе, а о другом человеке. Невыносимый стыд, острая боль от потери и злость куда-то исчезли, оставив после себя лишь чувство сожаления и легкой печали. Вспомнив поездку к лаборатории, я подумал, что именно тогда все изменилось.

В тот день я впервые испытал облегчение после сказанного и понял, что в состоянии принять собственное прошлое. Память помимо воли стала подсовывать события того сумасшедшего дня и в своем воображении я вдруг отчетливо увидел лицо Марты в тот момент, когда она склонилась ко мне, чтобы перевязать рану. Увидел ее сосредоточенный взгляд, упрямо сомкнутые губы, вспомнил тонкий, слегка пряный запах ее волос.

Я ничего не знал о ней. Спустя неделю после приезда я не выдержал и в остром приступе тоски написал ей название города, где мы остановились. Позднее об этом мне пришлось пожалеть – то сообщение так и осталось непрочитанным.

Напрасно прождав два дня, но так и не получив ответа, я запереживал, все ли с ней хорошо, а потому полез на холм в поисках интернета. Забравшись на самую вершину, с трудом я поймал сигнал связи и отыскал ее свежий репортаж из

лагеря для беженцев.

Марта выглядела такой же красивой, только серо-голубые глаза еще тревожнее горели на похудевшем лице, а темные волосы больше не струились по плечам. Они были заплетены в тугую, лежащую поверх зеленой военной куртки косу. Убедившись, что с ней все в полном порядке, я понял, что она решила не отвечать мне.

Сидя на том холме, я слушал, как она рассказывает о жизни людей в лагере и до хруста в челюсти сжимал зубы. Глаза предательски щипало, но я не позволил себе проявить слабость. Еще раз повторив, что она была лишь случайным, навсегда оставшимся в прошлом эпизодом, я удалил ее номер и стер всю переписку. Больше я не разрешал мыслям о ней возвращаться в свою голову, но со снами ничего не мог поделать. Снилось она мне часто.

Усилием воли отогнав болезненные воспоминания, я прислушался к общему разговору. Мы сидели в этом баре уже пару часов, продолжая трепаться на разные темы. В основном они вертелись вокруг работы и ухудшающейся обстановки в стране, но по мере выпитого все больше переходили к шуткам и историям о женщинах.

Дейв Льюис к этой минуте успел уже изрядно набраться, поэтому данная тема его особенно волновала. У него имелась жена и двое ребятшек, но иной раз он был не прочь провести время в обществе какой-нибудь сговорчивой девицы, а потом с чувством смаковать подробности.

– И я, значит, ей говорю: «А давай, крошка, попробуем сзади!» И тут, вы бы видели, она так смешно вытаращила на меня глаза и словно мышь пропищала: «Нет, Дейви! Твой дружок такой огромный! Ты же мне что-нибудь повредишь и я потом долго не смогу ходить!» – Он в красках изобразил этот диалог, после чего за столом раздался взрыв хохота.

Льюис был симпатичным двадцативосьмилетним парнем и несомненно нравился женщинам. Он без конца шутил и рассказывал забавные истории о своих похождениях, а с его молодого открытого лица практически не сходила озорная, жизнерадостная улыбка. Взрывы его заразительного смеха часто отрывали нас от дел, невольно заставляя прислушиваться, о чем он говорит на этот раз.

В подобные моменты работа в гараже надолго останавливалась и возобновлялась, только когда Харрис призывал всех к порядку. Обычно я не вникал в суть этих разговоров и участвовал в них лишь пассивно, но успел заметить, что Льюис большой охотник до горячих тем. Правда, порой он увлекался настолько, что становилось очевидным – половина из рассказанного им преувеличена минимум вдвое.

– Брось заливать, – по-прежнему давясь смехом, пророчил Харрис. – Тебя послушать, так у тебя в штанах не член, а шланг от бензонасоса!

– Ты что, мне не веришь? – вскричал Льюис. – Она именно так и заявила, Богом клянусь!

– Ну конечно, – выдавив издевательскую ухмылку, сказал

вдруг Райт. – Видел я твоего недомерка. Не больше крепежного болта. Таким разве что карлицу удовлетворить.

– Эй, ты чего, заглядывал ко мне в штаны, придурок? Ну и ну, этого я от тебя не ожидал, – многозначительно присвистнул Льюис.

– Тупица! Забыл, как пару лет назад нахлестался в стельку и в чем мать родила бегал вокруг озера? Орал, что ты чертова секс-машина. Тех двух цыпочек, что были с нами, напугал до полусмерти и мне в тот вечер из-за тебя, кретина, ничего не перепало.

Коди Райт был полной противоположностью Льюиса. Скорее в чем-то он походил на меня – такой же неулыбчивый и малословный. Большею частью он молчал, вставляя слова лишь по необходимости и порой казалось, будто даже сама потребность пользоваться собственным тягучим, чуть сипловатым голосом приводила его в досадное раздражение.

Посмеявшись с их перепалки, я посмотрел на часы, поставил пустую бутылку на стол и принялся прощаться:

– Все, парни, мне пора. Обещал Терри, что сегодня вернусь пораньше.

Несмотря на яростные протесты, я решительно поднялся из-за стола и настояв, что выпивка была за мой счет, расплатился с барменом. Попрощавшись со всеми до понедельника, я покинул бар, а уже через пятнадцать минут подъехал к ферме Дэвисов. Время близилось к половине пятого вечера.

К моему изумлению, Терри не вышла меня встречать.

Обычно она выбегала из дома, стоило моей машине появиться на горизонте, но сегодня, как видно, пропустила нужный момент. Решив, что она не услышала звука двигателя, я отправился в кухню.

В это время они с Айлин чаще всего готовили ужин, так что я был в полной уверенности, что найду ее там. Однако в кухне я застал только Айлин. Помешивая ложкой в большой чугунной кастрюле, она выглядела полностью погруженной в процедуру приготовления ужина.

– Айлин, привет! Не видела Терри? – просунув голову в дверной проем, поинтересовался я. – Я думал она с тобой.

– Привет, Джон. Она была здесь, помогала чистить овощи, но потом куда-то убежала. Может, она у вас в комнате или во дворе?

Пожав плечами, Айлин снова повернулась к печи. Последний месяц ей приходилось готовить на всю нашу большую компанию, но она не жаловалась. Терри ей помогала, я тоже время от времени подключался к процессу, понимая, что несмотря на ее стойкое молчание, состряпать на шестерых человек непростая задача.

Как и меня, новость о том, что наши дома выжгли дотла, привела ее в шок. В первый день все мы отмалчивались, а потом решили создавать видимость, будто ничего не произошло. Наверное, каждый из нас чувствовал, что это только начало в череде следующих испытаний, а потому не хотел омрачать и без того несладкое существование бессмыслен-

ными жалобами и слезливым нытьем.

– Помощь нужна? – спросил я.

– Нет, уже почти готово, – с улыбкой отозвалась она.

Подойдя к плите, я с любопытством заглянул в кастрюлю. В ней готовилось рагу. Мясо и овощи томились в собственном соку, распространяя по кухне аппетитный, вызывающий непроизвольное слюноотделение аромат. Оказывается, все это время я был жутко голоден.

– Черт, как вкусно пахнет! Дай кусочек!

В шутку я потянулся к кастрюле, на что Айлин наигранно грозным тоном воскликнула:

– Руки прочь, Джон! – Она придала лицу строгости и для убедительности даже шлепнула меня полотенцем, но затем добродушно рассмеялась. – Поищи лучше Терри и сообщи остальным, что ужин скоро будет готов.

– Слушаюсь, миссис Холдер, – с разочарованным видом отойдя к раковине, подыграл я.

Пару недель назад Айлин исполнилось пятьдесят три года. Она находилась в том возрасте, когда женская красота начинает окончательно увядать, но на нее это правило как будто не распространялось. Она была так же красива, как и в день нашего знакомства, которое состоялось уже более двадцати лет назад.

В молодости она выучилась на психоаналитика и даже некоторое время вела врачебную практику, но затем оставила свое занятие и вместе с Робом перебралась к нам в горо-

док. Встретились они еще будучи студентами и буквально с первых же дней поняли, что встреча эта является для них судьбоносной. Всего через несколько месяцев после нее они поженились.

Родом она была из окружного центра и поначалу они жили именно там, но когда родители Роба умерли, приняли решение переехать в их дом. Роб сразу же устроился в мастерскую к Дону Кларку, а Айлин пару лет подрабатывала в местной клинике. К сожалению, ее специализация для нашего захолустья оказалась не слишком востребована, так что очень скоро ей пришлось попрощаться с профессией. Впрочем, она не сильно об этом жалела. Роб зарабатывал достаточно, чтобы им обоим хватало на жизнь, поэтому необходимость искать другую работу остро перед ней никогда не стояла.

Единственное, что омрачало их счастливую супружескую жизнь – это отсутствие детей. Здоровье Айлин являлось не очень-то крепким, а невозможность зачать ребенка порой сказывалась на ее душевном состоянии, но и эта проблема давно уже отошла в прошлое. Сколько я ее знал, всегда она излучала неподвластный любим невздам оптимизм, а кроме того, обладала поистине терпеливым и кротким нравом. Пожалуй, именно его мягкая сила уравновешивала непреклонный и в достаточной степени вспыльчивый характер мужа.

Вымыв в раковине руки, я поднялся наверх, где обнару-

жил, что наша с Терри комната пуста. На ее кровати валялась скомканная одежда и старый альбом с фотографиями, который она прихватила с собой, когда мы уезжали из дома, но самой ее нигде не было видно.

– Айлин, она давно была здесь? – спросил я, повторно войдя в кухню. – В комнате пусто.

– Примерно час назад. Может быть, она с Робби? Он в гараже, возится с машиной.

– Пойду посмотрю, – обеспокоено пробормотал я и вышел на улицу через заднюю дверь.

Я знал, что Терри не могла никуда уйти, но какое-то неясное чувство заставляло меня испытывать тревогу. Торопливо завернув за угол дома, я оказался на заднем дворе. Он был завален хламом. На вытопанной, ничем не покрытой земле всюду валялись гнилые доски, сломанные сельскохозяйственные инструменты, старые покрывки, мешки с кормами и удобрениями. Сэм Дэвис давно был не в состоянии следить за порядком, а Тогда он мало интересовался.

Когда-то ферма старика Дэвиса процветала и приносила своему хозяину неплохой доход, однако после смерти его жены и старшего сына стремительно пришла в запустение. Акр за акром он распродал земли соседям, пока от прошлого обширного поместья не остался лишь дом с задним двором, скромное пастбище и маленький участок поля под посев пшеницы. Из домашней скотины у них сохранилось только небольшое стадо овец, с десятков свиней, да несколько кур,

возглавляемых старым горластым петухом.

Перешагнув через завалы сваленного в кучу битого кирпича, я обогнул пустующий сеновал и в открытые настежь двери гаража разглядел Роба. Он что-то сосредоточенно рассматривал под капотом пикапа. Терри рядом с ним не было.

Уже не на шутку тревожась, я направился к нему, но тут услышал ее звонкий смех. Он шел с противоположного, самого дальнего угла двора. По всей вероятности, Терри была возле загона для овец, но ее саму я не видел.

Загон скрывал покосившийся деревянный сарай, в котором Дэвисы держали свиней. Подойдя к нему ближе, я отчетливо расслышал рядом с ней голос Тодда. Предмет их разговора разобрать мне не удалось – до слуха доносился только его гудящий бас и ее ответный смех, но судя по интонациям, они обсуждали что-то увлекательное.

«Я ведь предупреждал этого придурка, чтобы не совался к ней», – в раздражении подумал я и с намерением доходчиво повторить сказанное ускорил шаг. Обогнув сарай, я увидел их обоих в самой удаленной от дома части овчарни.

Глава 28

Терри стояла на ограждавшей загон деревянной перекладине, в то время как Тодд придерживал ее одной рукой выше колен, а второй еле заметно поглаживал внизу спины. Он был так близко, что буквально терся об нее лицом. Это могло бы показаться невинным, если бы я не видел, что взгляд и движения его рук далеко не безобидны. Младший Дэвис

смотрел на мою дочь вовсе не так, как смотрят на десятилетнего ребенка.

– Ах, ты чертов ублюдок!

В один миг я почувствовал, что зверею. Голову обдало жаром, шаг стал пружинистым, да и сам я сделался точно сжатая в тугую спираль пружина, готовая в любую секунду распрямиться, чтобы затем поразить противника.

– Папа, привет! – Заметив меня, Терри весело помахала рукой. – Тодд рассказывал мне, как спариваются овцы и показал ягненка...

Она осеклась, когда увидела выражение моего лица. Тодд меня тоже увидел. Он резко опустил ее на землю и сделал шаг в сторону.

– Терри, быстро в дом! – стремительно приближаясь к ним, крикнул я.

– Папа? Что случилось?

– Живо!

От моего окрика на ее лице отразился изумленный испуг. Еще через пару мгновений Терри побежала к сараю, а я, ожидая, когда она скроется из виду, остановился перед Тоддом.

– Приятель, чего ты взбесился? – ухмыляясь, спросил он. – Твоей девчонке было скучно и я всего лишь чуток ее развлек.

На его круглом хомячьем лице читалось искреннее непонимание и одновременно с тем отчетливо прослеживалось виновато-затравленное выражение. Узкие глаза суетливо бе-

гали, кончик искривленного носа шмыгал и едва заметно подрагивал, а припухлые, слюнявые губы топорщились в соляной ухмылке. Он походил на подростка, которого за онанизмом застукали неожиданно ворвавшиеся в комнату родители.

Ростом младший Дэвис был ненамного выше меня, однако гораздо шире в плечах и весь как будто больше. Я прикинул, что сил у него немало, но в данную минуту на это мне было плевать. Ярость бурлила в каждой клетке тела, искала выхода наружу, посылала в мозг бесконтрольные, но вполне прямые сигналы.

– Сукин сын! – сквозь зубы прошипел я. – Я тебя прикончу!

Сделав к нему три размашистых шага, я со всей дури зарядил ему челюсть. Тодд пошатнулся, отступил назад и едва не упал, но на ногах все же устоял. До последнего не ожидая, что я наброшусь на него с кулаками, на пару секунд он словно бы ошалел. Удивленно вытаращив глаза, Дэвис потрогал рукой челюсть, а затем скривился в озлобленной гримасе, занял боевую стойку и пошел на меня.

– Ах, ты мразь...

Целясь мне в лицо, он нанес удар, но я успел увернуться. Пролетев в нескольких миллиметрах от моего носа, его кулак со свистом рассек воздух. Не дожидаясь, когда он перегруппируется и вновь ринется в бой, я поставил ему подножку, однако падая, тот уцепился за ворот моей куртки и потянул

за собой. Мы оба рухнули на землю.

Дэвис очутился снизу. Обхватив за шею, он с силой прижимал мою голову к себе, а я, задыхаясь, что есть мочи молотил кулаком ему в бок. Не знаю, сколько мы провалялись в пыли, но в какой-то момент ему все-таки удалось съездить локтем мне в нос.

Почувствовав, как по лицу побежала кровь, я разъярился еще сильнее. Вероятно, это придало мне сил, потому что каким-то образом я смог извернуться, вырваться наконец из его рук и оседлать сверху, но как только приготовился еще раз съездить по его гнусной роже, меня оттащил Роб.

– Пусти, Роб! Пусти! Я прикончу этого ублюдка! – вырываясь, орал я, но Роб обхватил меня так, что невозможно было освободиться, не врезав и ему.

Дэвис уже тоже подскочил на ноги и снова пошел ко мне, так что Робу пришлось отпустить меня и встать между нами. Расталкивая в разные стороны, он призывал нас обоих угомониться и разойтись.

– Убирайся к черту из моего дома! Свинья! Сучий выродок! – ревел Дэвис. Теперь и он был в бешенстве. Лицо его побагровело, большие мясистые уши свирепо прыгали вверх-вниз, а виноватое выражение глаз сменилось неуправляемым гневом. – Когда тебе вместе с девчонкой негде было спать, ты, поджав хвост, приехал к нам, а теперь бросаешься на того, кто протянул тебе руку?

– Заткнись, Тодд! Лучше закрой свой поганый рот, иначе

я опять тебе врежу!

Кипя от злости, я по-прежнему сжимал кулаки. Мне хотелось стереть его в порошок, хотелось размазать его глуповатую физиономию об землю и лишь остатки благоразумия удерживали меня от новой схватки. Он, кажется, тоже передумал нападать.

– Роб, пусть твой дружок выметается отсюда, ты понял? – проорал он.

– Пошли, Джон, – ухватив за локоть, Роб тянул меня к дому.

Еще несколько секунд я прожигал Дэвиса свирепым взглядом, а потом плюнул ему под ноги и процедил:

– Грязный ублюдок!

После этих слов я развернулся и размашистым шагом зашагал в сторону дома.

– Катись! – крикнул он вслед. – Чтобы я тебя больше не видел!

– Что произошло? Он что-то сказал Терри? – шагая рядом со мной, спросил Роб.

– Черт, Роб! – Я снова зло сплюнул на землю и вытер рукавом нос. Он весь был в крови. – Когда я зашел за сарай, увидел, как этот урод трется об нее и наглаживает своими грязными лапами. Ты бы видел его похотливый взгляд!

– Вот чертов недоумок! – На секунду Роб в замешательстве остановился, но тут же нагнал меня. – Он что, приставал к ней? Терри прибежала ко мне и была очень напугана, но

ничего не могла толком сказать, лишь то, что ты вроде как собираешься с ним драться.

– Терри, кажется, ничего не успела понять. Ее напугал мой вид и то, как я крикнул, чтобы она шла в дом. Дерьмо!

Все еще вытирая бегущую из носа кровь, я ускорил шаг. Терри мы нашли в доме – она была вместе с Айлин. Успокаивая, та прижимала ее к себе и о чем-то тихо говорила, но как только мы вошли, взглядом спросила у меня, что случилось.

В ответ я бросил только два слова: «Дэвис младший!» Затем подошел к дочери, утешающе провел ладонью по ее спине и тихо проговорил:

– Детка, все хорошо. Я напугал тебя?

Посмотрев на меня с каменным выражением лица, она спокойно сказала:

– У тебя кровь. Вы подрались?

– Немного. – Я присел рядом с ней на корточки. – Я ведь просил тебя держаться от него подальше, Терри.

– Ну почему? Он не сделал ничего плохого! Мы просто наблюдали за овцами, вот и все!

Звения от гневного возмущения, ее голос набирал высоту.

– Терри...

– Я ждала тебя во дворе и не собиралась никуда уходить! Тут пришел Тодд и стал рассказывать об овцах. Вчера у одной из них родился ягненок и я всего-навсего хотела на него посмотреть, поэтому Тодд отвел меня к нему. Он не сделал

ничего плохого! – вновь громко повторила она.

Я слушал этот невинный внешне рассказ и не знал, как объяснить девочке ее возраста, что не всегда взрослый мужчина имеет добрые намерения. Не все такие как Роб или парни с моей работы. Не знал, как сказать, что есть убудки, которые прикрываясь благими намерениями, могут затевать что-то плохое. Однажды мы говорили на эту тему и тогда мне казалось, что она все поняла, но теперь стало ясно – нам предстоит более подробный разговор.

– Терри, мы ведь обсуждали с тобой, что не следует никуда ходить с малознакомыми мужчинами. Вообще с малознакомыми людьми. Ты помнишь? – Она нетерпеливо кивнула. – Не все они обязательно хотят тебе зла, но это правило, понимаешь?

– Тодд не малознакомый, мы живем в одном доме!.. Ладно! Хорошо! Как скажешь папа, я поняла и больше не стану так делать.

Последнюю фразу она произнесла подчеркнуто сдержанным тоном, а весь ее высокомерно-чопорный вид говорил о том, что она до сих пор злится.

– Хорошо, – устало вздохнул я. – Мы вернемся к этому позже, а теперь нам придется уехать.

– Джон, что ты такое говоришь! Куда вы поедете? – бросая на мужа беспокойные взгляды, воскликнула Айлин. – Робби?

– Джон, послушай, – вмешался тот. – Ты не обязан никуда

уезжать. Я поговорю с Сэмом. Уверен, он встанет на твою сторону.

– Не нужно, Роб, я не останусь здесь. Мы переночуем в отеле. Терри, собирайся, – проронил я, но заметив, что и она задумала возражать, строго добавил: – И давай на этот раз без споров. Бегом!

Поднявшись на ноги, я направился к выходу из кухни с намерением сходить за вещами.

– А дальше? – крикнул мне в спину Роб. В попытке меня вразумить, он привел вполне логичный аргумент: – Ты ведь еще не нашел квартиру!

– Тогда это отличный повод поскорее ее найти, – обернувшись, произнес я. – Роб, я прикончу этого ублюдка, если останусь здесь еще хоть на час.

Взглянув мне в глаза, он, по-видимому, понял, что я не шучу, а потому лишь с досадой махнул рукой. Айлин еще пробовала меня переубедить, но несмотря на ее доводы, в решении своем я остался непреклонен. Собрав необходимые вещи, мы с Терри погрузились в машину и в тот же вечер покинули ферму Дэвисов.

Номер мы сняли в недорогом мотеле на выезде из города. Он мало отличался от того, за который мне довелось отвалить кучу денег по пути сюда, разве что был почище и стоил приемлемую цену. Я не имел представления, сколько нам придется провести в нем времени, но так или иначе другие варианты в запасе у меня отсутствовали.

Терри не сразу отошла от произошедшего. Поначалу она отмалчивалась, сердясь на то, что, по ее мнению, я понапрасну врезал Тодду, но душ с горячей водой, где она пробыла не меньше сорока минут, сгладил ее недовольство. А гамбургер с картофелем фри и мороженое на ужин и вовсе привели ее в восторг. Она наконец улыбалась и была почти счастлива.

За прошедший месяц мне нечасто случалось видеть улыбку на ее лице, так что я тоже пребывал в приподнятом настроении. Нос и шея слегка побаливали, но это были сущие пустяки. Я даже был рад, что все закончилось именно так, поскольку при ином раскладе в грязном, продуваемом ветрами доме Дэвисов нам пришлось бы провести еще неизвестное количество времени.

Покончив с ужином, мы снова поднялись в номер. Терри включила какой-то приключенческий фильм, а я тем временем просматривал сайты с объявлениями об аренде. Как и прежде, ничего подходящего не находилось.

В маленьком городке было не так уж много вариантов жилья, а все, что попадалось, имело либо убогое состояние, либо стоило неоправданно дорого, либо мы не отвечали параметрам поиска. Зачастую арендодатели присматривались к семейным парам или подыскивали одного человека и ни в какую не соглашались сдать квартиру мужчине с ребенком. Я не понимал, отчего некоторых это настораживает и отчего вызывает опасения, но с этой проблемой мы столкнулись уже неоднократно. Также не исключено, что нам отказывали

и из-за места прибытия – к гостям из зоны заражения люди относились с опасливым и даже почти суеверным страхом.

К десяти вечера я оставил свое бесполезное занятие, решив в понедельник навестить в риелторскую контору, а пока тоже уставился в телевизор. Когда Терри уснула, я переключил на выпуск новостей. Ситуация в стране за последний месяц приобрела поистине катастрофические масштабы.

Так, от действий военных пострадал не только наш город – как и мы, десятки тысяч людей оказались без крова над головой. Помимо того, счет пропавших без вести приближался к шестизначной цифре, а вокруг манипуляций особого отдела по замалчиванию фактов и запугиванию свидетелей разгорелся полномасштабный скандал. В связи с этим суды были завалены исками, но все, чего удалось добиться – это смещения с должностей пары-тройки человек из руководящего состава.

Правительство посулило пострадавшим от их действий мизерные компенсации, однако выполнять обещанное никто не торопился. Всем было не до того. Единственное, что принесло мне хоть какую-то радость – Джонсон также угодила в число отстраненных от должности чинуш.

Разумеется, информация, что ночами по населенным пунктам бродят зараженные твари, нападающие на любого, кто окажется в поле их зрения, давно ни для кого не являлась секретом. О них теперь знал весь мир. В дневное время нападения были редки, но тоже случались, если не имеющий

при себе оружия человек ненароком входил в их логово или по дурацки сам нарывался на конфликт.

В народе тварей по-прежнему называли инфицированные, либо зараженные, а недавно к этим прозвищам прибавилось новое слово – вирус Спинни. Так звали лаборанта, первым подхватившим эту заразу. Ученые присвоили вирусу другое, более научное и официальное наименование, но придуманный ими сложный набор букв и цифр у людей не прижился.

Спинни сейчас называли любого, кого хотели оскорбить или просто поддеть, но самое смешное, что во всей этой неразберихе особо предприимчивые дельцы умудрялись нагреть руку на истерии, связанной со ставшим вдруг популярным словечком. Мелкие частные лавочки и даже крупные предприятия принялись изготавливать игрушки Спинни, футболки с принтами Спинни, кондитерские изделия в виде Спинни и так до бесконечности. Все это походило на тотальное помешательство или массовый психоз.

Между тем количество зараженных росло с немислимой скоростью. Их число достигло гигантских размеров и оценивалось уже в полтора миллиона. Специалисты в области медицины со всего света искали вакцину или другой способ остановить эпидемию, охватившую всю центральную часть страны, однако до сих пор безуспешно. Безопасно было пока у границ на юге и севере, а также на восточном и западном побережье.

На юг пока не докатилась большая волна беженцев, тогда как крупные города и четыре огромных лагеря на северных рубежах были переполнены. Там людям не хватало продовольствия, питьевой воды и медикаментов. Больницы были забиты до отказа, школы, магазины и аптеки закрыты. Повсюду происходили случаи мародерства, грабежей и убийств.

Я старался не думать о Марте, но зная, что она находится в самой гуще этого хаоса, с каждым днем все больше переживал за нее. Моя злость давно прошла, осталось только чувство тоски, сожаления и досады на себя. Уже не раз я задавался вопросом, поступил ли я верно в тот день, когда дал ей уйти.

Возможно, стоило попробовать ее переубедить... Возможно, следовало поехать на север за ней... Возможно, необходимо сейчас бросить все и попытаться ее отыскать... Ответов не находилось, а эти мысли выводили меня из себя – испытывать гнев было куда проще.

Также я понимал, что вероятнее всего развитие инфекции остановят не скоро и в лучшем случае к зиме зараженные доберутся сюда. Я пока не знал, что делать – вариантов беспрепятственно выбраться из страны не осталось. Границы перекрыли еще три недели назад и по сути теперь мы были заперты в ней, как чумные крысы в зоне отчуждения.

Почти весь мир оказывал нам гуманитарную помощь, однако предпочитал оставаться в стороне, предоставляя самим

разбираться с возникшей проблемой. Никто не желал спасти наших граждан, подвергая опасности собственных. Для всех мы являлись источником угрозы, распространителями заразы, изгоями, что одним своим появлением приводят в ужас население свободных от эпидемии городов.

В связи с этим я больше нигде не чувствовал себя в безопасности и, помимо других трудностей, это постоянное напряженное ожидание и неуверенность в завтрашнем дне выбивали почву из под ног. Уже не раз мы обсуждали с Робом, что предпримем, если инфицированные твари доберутся на юг. Мы все еще говорили «если», надеясь, что этого не случится, но прекрасно сознавали – бежать нам особо некуда. Одно мы решили точно – что бы не случилось, держаться будем вместе.

Пораскинув мозгами, мы оба пришли к выводу, что искать убежище и запастись провизию не имеет смысла. Если они дойдут сюда, все вокруг опустеет. Люди побегут под защиту военных, а мы не сможем выжить вчетвером, ведя отшельнический образ жизни. Словом, мы ждали и готовились, стараясь не показывать Терри и Айлин своих опасений.

По мере возможности я запасался патронами, но полки в оружейных магазинах стремительно пустели. Сейчас каждый стремился сделать то же самое, отчего данная задача превращалась в практически невыполнимую миссию. Кроме того, я довел до идеального состояния свою машину, так что в любой момент она была готова увезти нас куда угодно.

В багажнике лежало все необходимое для дальней дороги, но ежедневно мне вспоминалась какая-нибудь мелочь, после чего я добавлял ее к содержимому. Совсем скоро там не останется места.

Выключив телевизор, я еще раз перебрал в уме все, что должен подготовить на случай внезапного отступления, а потом закрыл глаза и долго лежал, вслушиваясь в тишину. В номере было тепло. После промозглого дома Дэвисов это казалось почти блаженством, но, как и каждую ночь, ко мне подбиралось острое ощущение одиночества и внутренней пустоты. Я всеми силами старался отогнать их, заранее зная, что не достигну результата.

Весь прошедший месяц эти чувства были моими постоянными спутниками. Это не шло ни в какое сравнение с тем, что я испытывал после смерти Анны, но как только я позволял им проникнуть в голову, они раздирали меня на части. Мне не хватало ее. Как бы я не хотел себя обмануть, я ощущал это каждую свободную минуту.

Это было необъяснимо. Несколько раз я пробовал, но так и не смог найти объяснения, как всего за пару встреч и одну ночь я влип настолько, что теперь она занимала почти все мои мысли. Порой мне казалось, будто она пробралась даже под самую мою кожу.

Испутив тяжелый вздох, я перевернулся на бок и потушил свет. Очередная ночь прошла в кошмарных снах, но хотя бы в них она была рядом со мной.

Глава 29

С квартирой нам неожиданно повезло. Ранним утром во вторник мы с Харрисом дымили сигаретами, стоя в дверях мастерской. Работы у нас не было и мы ждали, не появится ли кто-нибудь из клиентов. Все еще пребывая в бешенстве за субботний инцидент с Тоддом, я рассказывал ему о своих передрыгах, а также о том, что в этом чертовом городе невозможно найти нормальное жилье.

Накануне днем я побывал в риелторской конторе, но все, что мне там предложили, никуда не годилось, а то, что могло бы сгодиться, не складывалось по самым разным обстоятельствам. Услышав о моей проблеме, Харрис вдруг воскликнул:

– Слушай, кажется я могу тебе помочь! – Оценивающе осмотрев меня с головы до ног, он задумчиво почесал затылок и пригладил свои щетинистые усы. – Ты вроде нормальный парень, думаю, подойдешь ей.

– Кому? – оживился я.

– Сестрица моей жены живет одна. У нее большая квартира недалеко от центра. В прошлом году она сдавала дальнюю комнату девчонке из пригорода, но сейчас та пустует. Или ты ищешь что-то отдельное?

– Харрис, я ишу уже хоть что-нибудь, – затушив окурок, усмехнулся я. – Мы с Терри с субботы торчим в отеле. Отдельная квартира была бы идеальным вариантом, но говорю же тебе, такое ощущение, что в вашем проклятом городе сдают либо то, что больше напоминает хлев для свиней,

либо просят столько, что проще и дальше жить в отеле. Я уже третью неделю в поисках и ничего. Если поговоришь со своей родственницей, буду признателен.

Дружески хлопнув меня по плечу, Харрис изобразил на смуглом лице подбадривающую ухмылку, выудил из рабочего комбинезона мобильник и тут же набрал ее номер. Отойдя на несколько метров, он о чем-то эмоционально говорил в трубку, но до меня доносились лишь короткие обрывки его фраз. Спустя минут пять он вернулся и, довольно потирая руки, сказал:

– Ничего не обещаю, но вроде я ее почти убедил. Обычно Лора предпочитает иметь дело с квартирантками, так что вам нужно встретиться и все обсудить. Мне пришлось немного рассказать о тебе и соврать, что ты отличный парень.

Последние слова он произнес с откровенной издевкой, на что я пихнул его в бок. За прошедшие дни мы неплохо поладили. Харрис оказался одним из тех немногих людей, с кем мне запросто удавалось найти общий язык.

Записав адрес на обрывке старого счета, он протянул его мне со словами:

– Ее зовут Лора Прайс. В шесть вечера она будет вас ждать. Если договоритесь и ты ей понравиться, она сдаст вам комнату. – Внезапно он с лукавством мне подмигнул и добавил: – Кстати, у нее никого нет.

– Спасибо, дружище, – выдавив из себя кислую улыбку,

поблагодарил я, – но я ищу квартиру, а не женщину.

Без десяти шесть мы с Терри стояли у подъезда старого трехэтажного дома. Подобные строили на юге еще в начале прошлого века, но некоторые из них до сих пор превосходно сохранились. Дом Лоры Прайс был как раз из таких. Кроме того, выяснилось, что расположен он всего в паре улиц от центральной площади и в трех минутах ходьбы от школы, где учится Терри. Обнаружив данный факт, я подумал, что если дело выгорит, он подойдет нам как нельзя лучше.

Свояченица Харриса жила на последнем этаже. Поднявшись по широкой бетонной лестнице, я нажал на кнопку звонка и спустя всего несколько секунд дверь открыла молодая девушка с серьезным взглядом светло-карих глаз на милостивом лице. Серьезности ей добавляли огромные очки и светлые волосы, собранные на голове в высокий пучок.

– Мисс Прайс, я Джон Уилсон, – с вежливой улыбкой представился я и указал на стоящую рядом Терри. – Это моя дочь.

Не меняя серьезного выражения лица, она ответила быстрым рукопожатием, затем опустила глаза вниз. При виде Терри, взгляд ее потеплел. Она слабо улыбнулась и предложила войти, а я тотчас понял, почему родственница Харриса искала именно квартиранток. С первых секунд общения становилось ясно, что мужчин она не только сторонится, но и чувствует себя в их компании неуютно.

Пригласив нас в просторную гостиную, которая совмеща-

лась с еще одной комнатой, она заметно нервничая попросила:

– Расскажите о себе, мистер Уилсон. Почему вы ищете жилье?

Как все неуверенные в себе люди, она приняла закрытую позу. Приобняв себя за плечи, она теребила рукава толстой шерстяной кофты и старалась натянуть их пониже, чтобы спрятать кисти рук. Было неясно – то ли она мерзнет от холода, то ли это способ укрыться от окружающего мира.

– Не знаю с чего начать... – проговорил я. – Возможно, Харрис упомянул, что когда началась эвакуация, нам пришлось оставить свой дом и перебраться на юг. Мы приехали сюда, потому что у моего друга и его жены тут живут родственники. Наверное, вы знаете небольшой фермерский поселок в семи километрах от города?

– Да, знаю, – подтвердила она.

Голос у нее был очень тихий, почти лишенный какой бы то ни было окраски и лишь отдаленно в нем угадывалась взволнованная, будто за что-то извиняющаяся интонация.

– Там мы и остановились...

Зависнув на этой фразе, я обдумывал, что еще должен ей рассказать. Я был несколько сбит с толку ее скованной манерой общения, помимо того, у меня вдруг возникло неприятное ощущение, будто я нахожусь на экзамене, и чтобы его сдать, должен понравиться экзаменатору. Я не привык на кого-то производить впечатление или тем более о чем-то про-

силь, а потому испытал резкое желание отказаться от участия в подобной затее, но, как назло, квартира у нее оказалась просто отличной.

В ней было чисто, очень тепло и так уютно, что в первую очередь я подумал о Терри. Здесь она наконец смогла бы почувствовать себя в относительном комфорте и не скучать так сильно по дому. Сказав себе, что должен засунуть подальше неприятные ощущения от выворачивания своей жизни наизнанку, я решил во что бы то ни стало понравиться этой Прайс.

– Моя дочь уже месяц учится в той школе, что у вас по соседству, а я как раз нашел работу в мастерской вашего зятя и потому мы решили перебраться поближе, – нарушив неловкое молчание, в итоге произнес я.

– Надо же! Я работаю в этой школе учительницей! – чуть оживившись, тихо воскликнула хозяйка квартиры. Обращаясь к Терри, она спросила: – Тебе нравится у нас?

– Вообще-то, не очень, – бойко ответила та. – Я привыкла к своей школе и скучаю по друзьям.

Я всегда учил дочь прямо выражать свои мысли и сейчас мог гордиться за этот честный ответ, но, пожалуй, он прозвучал чересчур прямолинейно.

– Нам непросто дался этот вынужденный переезд, мисс Прайс, – встрял я. – Пришлось оставить дом, друзей, работу и все остальное, так что мы оба пока привыкаем к новому месту.

– Понимаю, – с искренним, как мне показалось, сочувствием пробормотала она. – Мой зять сказал, что вы искали отдельную квартиру?

– Да, верно. До эвакуации нам не случалось жить с посторонними людьми, но теперь такое положение, что, похоже, всем нужно к этому готовиться. К тому же в вашем городе какая-то беда с арендой жилья.

– Это оттого, что здесь живут в основном коренные жители. И потом, город у нас маленький, приезжих очень мало... – Помолчав, она робко предложила: – Давайте я покажу вам комнату.

Покинув гостиную, мы следом за ней прошли в другой конец квартиры. По пути Лора Прайс показала ванную и довольно вместительную кухню, объяснив, что они общие и квартиранты могут пользоваться всем необходимым. Сама комната находилась в отдалении от остальных помещений.

Оказалась она не слишком просторной, но зато опрятной и светлой. Стены были выкрашены в теплые бежевые тона, пол покрывал гладкий узорчатый паркет, а высокий белый потолок визуально увеличивал ее небольшую, всего квадратных в десять-двенадцать площадь. Также здесь имелась вся необходимая мебель, большое окно с хорошим видом на центр города и даже выход на балкон.

– Вот комната, мистер Уилсон, – как-то нерешительно обводя ее взглядом, проговорила Лора Прайс. Она словно бы боялась, что та может нам не понравиться. – У меня никогда

не жили мужчины, а тем более с детьми, поэтому не уверена, подойдет ли вам такой вариант. И здесь всего одна кровать.

Кровать в комнате действительно имелась в единственном экземпляре. Она была узкой, так что и речи быть не могло, чтобы спать на ней вдвоем, но это показалось мне такой мелочью. Последний месяц нам приходилось существовать в столь жутких условиях, что эта крошечная каморка произвела на меня впечатление чуть ли не тихой обители посреди грязного мира трущоб.

Помимо кровати, возле окна стоял письменный стол, рядом стеллаж с открытыми полками, у противоположной стены располагался компактный платяной шкаф с зеркальной дверцей. Еще здесь был комод и неглубокое, но с виду вполне удобное кресло, обитое мягким, цвета спелой тыквы материалом. Ярким пятном оно выделялось среди спокойных, приглушенных тонов, присущих остальной обстановке и придавало помещению несколько оживленный вид.

– Нам не требуется много места, мисс Прайс, – поспешил заверить я. – До вечера я на работе, Терри чаще всего со мной. А с кроватью мы что-нибудь придумаем. Думаю, я смог бы на первое время найти раскладушку и спать на ней.

Она была согласна. Мы еще обговаривали детали, но по застенчивой улыбке, которая слабым намеком заиграла на ее щеках, я догадался, что она уже согласилась.

Стараясь не показывать, какое облегчение испытал от осознания, что нам больше не придется искать, где жить, я вни-

мательно выслушивал ее условия. Неизвестно, насколько мы тут задержимся, но временная передышка в удобном и теплом пристанище нам с Терри обоим не повредит. Как знать, может, уже через неделю возникнет необходимость перебраться в лагерь для беженцев и ночевать в палатках.

– Нам это более чем подходит. У вас очень уютная квартира и комната чудесная, а самое главное, что школа буквально в двух шагах, – сказал я, когда она закончила. Выдавив из себя максимально дружелюбную улыбку, я предложил: – Назовите цену.

Страшно смущаясь, она озвучила стоимость за месяц, после чего я улыбнулся еще шире. Цена оказалась весьма приемлемой, если не сказать заниженной. Мне стало даже немного не по себе, поэтому я предложил платить чуть больше, чем она просила. Лора Прайс начала категорично отказываться, однако я настоял на своем, мотивируя тем, что нас с Терри двое. Обсудив еще кое-какие условия, мы окончательно договорились об оплате и решили, что следующим вечером переберемся к ней.

Когда мы вышли на улицу, Терри едва ли не запрыгала от восторга – ей понравилась как квартира, так и ее хозяйка. Вернувшись в отель, она незамедлительно принялась собирать вещи, беспрерывно болтая, как рада, что можно будет снова жить в нормальных условиях.

Я тоже был рад. Конечно, мне хотелось бы найти отдельное жилье – я убедился, что соседство с посторонними

людьми не самый лучший из вариантов, но квартира Лоры Прайс стоила того, чтобы рискнуть. Да и сама она производила хоть и двойственное, но во всех отношениях приятное впечатление, а потому я был почти уверен, что мы поладим.

Когда на следующее утро я появился в дверях гаража, Харрис, не дав мне опомниться, еще с порога спросил:

– Ну что? Как тебе моя родственница?

– Спасибо, Харрис. Квартира отличная, так что с меня причитается.

Намекая на поход в бар за мой счет, я подмигнул и прошел к полке с инструментами. Вопрос о Лоре Прайс я намеренно пропустил мимо ушей.

– Да, квартирка у нее неплохая. Она младшая сестра моей жены и та досталась им от родителей, но так как Монике вроде бы неплохо живется со мной, Лора осталась в ней одна. – Словно ожидая моих расспросов, он выдержал паузу, но поскольку я промолчал, подытожил: – Их мать умерла в позапрошлом году, а тесть еще раньше. Ну а как тебе она сама?

Судя по всему, униматься он не собирался и вознамерился любыми методами выпытать мое мнение о своей одинокой родственнице. Весь его вид говорил о том, что он жаждет пикантных подробностей и пока я их не предоставлю, не отвяжется. Иронически покачав головой, я выразительно посмотрел на него и так же выразительно произнес:

– Лора показалась мне хорошей девушкой, Харрис. Хо-

рошей, так что уймись. Она выглядит чересчур скромной, но настроена вполне дружелюбно, поэтому, думаю, мы поладим. Надеюсь только, что мы с Терри не будем сильно докучать ей своим присутствием. – Тут я снова покачал головой и не удержался от язвительного смеха. – Харрис, приятель, ты так печешься о ее личной жизни... Прости, но я слишком стар для нее.

– Да брось! Конечно, она моложе, но ей уже двадцать четыре и, насколько мне известно, у нее ни разу не было серьезного парня. А ведь она красотка!

– Согласен, но вряд ли у нас что-то выйдет.

Неожиданно понизив голос до таинственного шепота, он придвинулся ближе и многозначительно заявил:

– Моника не сознается, но, честно сказать, я подозреваю, что у нее вообще еще никого не было. Понимаешь о чем я?

– Понимаю, Харрис, но отвяжись.

Похлопав его по плечу, я дал понять, что разговор окончен и вновь вернулся к инструментам. Провозившись весь день с двигателем старого, потрепанного временем и нещадной эксплуатацией Доджа, я не заметил наступления вечера. К пяти часам мы с Терри заехали в отель, а уже спустя сорок минут стояли перед дверьми Лоры Прайс.

Тепло нас встретив, она зачем-то повторно показала всю квартиру, а затем пригласила Терри в кухню. Там они обе пили чай и о чем-то непринужденно болтали. Мне показалось, они неплохо поладили, потому что Терри долго не воз-

вращалась, а позже выяснилось, что они переместились в гостиную, чтобы вместе посмотреть какую-то увлекательную передачу.

Когда они ушли, я осмотрелся в комнате, распаковал вещи, после чего завалился на кровать и включил в ноутбуке один из своих любимых фильмов. Сегодня мне не хотелось портить настроение неутешительными сводками новостей. Впервые за долгое время я испытывал некое подобие спокойствия и расслабленности. Неяркий свет настольной лампы мягко освещал потолок и стены, даря моим измотанным нервам ощущение такого желанного покоя, а хорошо знакомые сцены из фильма позволили хотя бы ненадолго забыть о страшной реальности и проблемах.

Остаток недели прошел в таком же умиротворенном спокойствии. Я привыкал к новому месту и старался как можно реже попадаться на глаза хозяйке квартиры. Мне было непросто выработать линию поведения с ней. Заметив, что в моем присутствии она неизменно впадает в смущенный ступор, не зная куда при этом девать глаза и руки, я и сам испытывал странную неловкость.

Я не мог взять в толк, как держаться в ее присутствии и о чем говорить, так что по сути все наше общение сводилось к вежливому обмену общепринятыми фразами и обсуждению ситуации в стране. С Терри же она, напротив, мгновенно нашла общий язык. Как выяснилось, в школе она преподает литературу, что незамедлительно привело мою дочь в

бурный восторг. Литература всегда была ее любимым предметом и она просто обожала книги.

Со дня нашего переезда почти каждый вечер они проводили вместе и иногда из гостиной до меня доносились обрывки их разговоров или даже веселый смех. Большую часть времени я отсиживался в комнате, лишь изредка присоединяясь к ним, если они играли в настольную игру или смотрели что-то интересное по телевизору. В такие моменты Лора, как обычно, робела и замыкалась в себе, поэтому я предпочитал им не мешать.

Собственно говоря, я считал, что нам здорово повезло и был очень доволен тем, как все складывается. Рядом с Лорой Терри наконец-то стала чуть поживее, на губах ее все чаще мелькала улыбка, а лицо больше не выглядело таким удрученным и осунувшимся. Она даже перестала каждый вечер вспоминать родной город и своих навсегда утраченных друзей.

Я тоже немного пришел в себя. Дни в размеренном ритме сменяли друг друга и порой тянулись бесконечно медленно, но, в сущности, все шло неплохо. Единственное, что меня огорчало – работы становилось все меньше. Люди начинали постепенно уезжать и город пустел. За две следующие недели мне попалось всего три клиента и я подозревал, что вскоре их не останется совсем.

Редко когда к нам заезжали подкачать шины или поменять машинное масло, но чего-то серьезного не намечалось. От

нечего делать я каждое утро приезжал в гараж, однако все, чем там занимался – это зря просиживал штаны, трепался с Харрисом и остальными, а также бесконечно пил кофе и курил.

К концу ноября погода сильно испортилась. На улице стало совсем холодно, подул резкий ветер, зарядили дожди. Много дней подряд они нескончаемым потоком лились с небес, прекращаясь лишь на несколько часов, но затем возвращались с прежней необузданной силой. Затянутый, без единого просвета свинцово-серый небесный купол так низко нависал над промокшей землей, что казалось, будто он давит на плечи.

Что-либо делать в такую погоду желания не возникало. Меня охватила сонливая вялость, сознание погрузилось в состояние глубокой апатии и оцепенелой ко всему безучастности. В связи с этим последние дни ноября прошли для меня совсем уж тоскливо. Иногда я даже оставался дома и, практически не слезая со своей раскладушки, много спал, что-нибудь читал или смотрел фильмы.

Это было бестолковое, лишенное каких-либо значительных событий время, но тогда я и подумать не мог, что уже скоро буду вспоминать о нем с ностальгией и грустью.

Глава 30

После нашего переезда Роб с Айлин тоже предпринимали попытки подыскать жилье в городе, однако столкнулись с теми же трудностями, что и мы. По их рассказам, со вре-

мени моей с Тоддом потасовки, жизнь в доме Дэвисов стала невыносимой. Когда мы уехали, Роб серьезно с ним разругался и дело даже чуть не дошло до драки, поэтому теперь, помимо холода и отсутствия горячей воды, их донимало его поведение.

Вечерами он стал сильно пить и порой вел себя буйно. Накачавшись пивом, ночами напролет он смотрел телевизор на полную громкость, чему-то бурно возмущался, доставал всех разговорами и грозился расправиться со мной при первой же встрече. Наша стычка еще долго не давала ему покоя.

В один из тех скучных, дождливых дней я заехал к ним после работы, чтобы забрать оставшиеся вещи, но не застал его дома. Выпив кофе и недолго поболтав с Робом и Айлин, я довольно быстро вернулся в город. В тот же вечер Сэм Дэвис подхватил простуду, у него поднялась высокая температура, а уже на следующий день он слег в постель. Больше он не поднялся.

Старик Дэвис давно был болен. На протяжении нескольких лет он упорно, но безуспешно боролся с раком легких, а теперь эта, казалось бы, незначительная простуда окончательно доконала его расшатанное здоровье. Впоследствии он пролежал в постели десять дней и состояние его с каждым часом делалось все хуже.

После визита врача всякие надежды на то, что у него есть шанс выкарабкаться, улетучились, как в ночи улетучивается яркий проблеск падающего метеора. К началу декабря он

уже не приходил в сознание, беспрерывно метался в навязчивом бреду и заходился от жуткого лающего кашля. Пребывая в беспомощности, временами он вспоминал свое детство и молодость, временами звал усопшую жену и погибшего старшего сына, но удивительно, что ни разу за те дни не вспомнил о Тодде.

Айлин как могла ухаживала за умирающим стариком и старалась облегчить его последние мучительные часы, пока однажды утром не обнаружила того без признаков жизни. Это произошло второго декабря. Когда она вошла в его комнату, тело старшего Дэвиса уже успело остыть. Умер он глубокой ночью, находясь при этом полном одиночестве и забвении.

На похороны пришли только я, Роб с Айлин, Тодд и ближайшие соседи. Погода стояла мерзкая, по-прежнему моросил дождь и дул хлесткий, до дрожи пронизывающий ветер. За прошедшие пару недель земля напиталась влагой, дороги покрылись липкой грязью, а с деревьев облетела последняя жухлая листва.

Местное кладбище выглядело уныло, что, впрочем, было под стать всеобщему настроению. Присутствующие хранили скорбное молчание, один только Тодд заливался безутешными слезами. Он был мертвецки пьян и видеть его в таком состоянии оказалось довольно-таки жалким зрелищем.

Сжимаясь от холода, я стоял над разверстой могилой, задумчиво глядел на крышку дешевого деревянного гроба и

слушал мерный перестук дождевых капель, вонзающихся во влажную землю, в черную ткань зонтов, в лица собравшихся людей. В эти минуты я мог думать только о том, чтобы поскорее покончить со всеми церемониями и отправиться наконец в тепло.

Я не знал Сэма Дэвиса. За месяц, проведенный в его доме, я перекинулся с ним всего парой фраз, а потому не испытывал по поводу его кончины абсолютно никаких эмоций. Пожалуй, я чувствовал лишь раздражение, что приходится мерзнуть, стоя по щиколотку в грязи. Плюс ко всему, после смерти Анны я не очень-то любил похороны и все, что с ними связано.

Наблюдая за тем, как гроб засыпают землей, я с удушающей болью вспоминал, как чуть больше двух лет назад точно также стоял над ее могилой и не мог поверить в реалистичность происходящего. Все-таки хорошо, что я настоял, чтобы Терри осталась дома – наверняка на нее нахлынули бы схожие воспоминания.

Роб со старшим Дэвисом тоже не был близок. Он приходился ему двоюродным дядькой, но при жизни они мало общались. И все же последние дни перед его смертью, именно он и Айлин неотлучно находились подле него.

Тодд все чаще уходил днем и возвращался на ферму лишь поздней ночью, будучи при этом вдребезги пьян. По этой причине им пришлось на время отказаться от поисков квартиры. Какими бы не были их отношения, бросить умираю-

щего старика на произвол судьбы они не могли.

– Ты слышал последние новости? – спросил Роб, когда мы вернулись с похорон.

Сидя в кухне, я пил горячий кофе и понемногу отогревался от холода. В доме тоже было нежарко, но здесь хотя бы не лил дождь и не пронизывал до костей стылый ветер. Его доносящееся с улицы жалобное завывание невольно вызывало приступы знобкой дрожи. За окном уже начинало смеркаться.

– Ты про то, что пропало три человека?

– Не только. В ста километрах отсюда видели двоих. Они напали на парня на заправке, но, к счастью, тому удалось отбиться и сбежать.

Я с недоверием посмотрел на него, отпил глоток кофе и надолго задумался. Пару дней назад в округе пропали трое человек, но никто не был уверен, связано ли это с зараженными тварями. Пропала семья, поэтому пока считалось, что они могли куда-то уехать. Жили они всего в двухстах километрах от нас.

– Думаешь, началось?

– Практически уверен, – с самым мрачным видом проговорил Роб. – Они должны были добраться сюда рано или поздно. Думаю, в запасе у нас максимум неделя. Нужно готовиться.

– Вам нельзя здесь оставаться, – настойчиво сказал я.

– Знаю. Старик помер вовремя. Через пару дней двинемся

в путь.

– Хорошо. У тебя все готово?

– Вроде да. С пикапом я закончил. Сегодня подгоню его к порогу, расчет за работу возьму завтра.

– Держи ружье под рукой, Роб. Может уже сегодня уедете в отель?

– Я бы с радостью, но Тодд совсем расклеился. Ты же видел его на похоронах. Он еле на ногах стоял и плакал, точно годовалый ребенок.

– Да плевать! Ты же не будешь с ним нянчиться? – с раздражением выпалил я.

– Нянчиться не буду, но еще пару дней проживем тут. Пусть немного придет в себя.

– Как знаешь, – пожал я плечами, допил кофе и встал. – Мне пора ехать.

Ведя машину, я раздумывал, как бы помягче сообщить Терри новость о предстоящем отъезде. Это было нелегкой задачей. Мы жили в квартире Лоры Прайс уже больше четырех недель и она успела сильно к ней привязаться.

Лора не зря выбрала профессию учителя. Она действительно любила и понимала детей и, кажется, только в их компании в полной мере раскрывала свой, в общем-то, живой и веселый характер. Она прятала его за скромностью и задумчиво-серьезным выражением лица, однако узнав ее ближе, я понял, что по натуре она очень добра и сострадательна к людям.

И вот именно теперь, когда Терри вновь начала радоваться жизни, мне предстояло сообщить ей, что с этим придется расстаться. Еще одна проблема заключалась в том, что я до сих пор до конца не решил, куда ехать.

За прошедшие недели я успел основательно подготовиться – чего только стоило раздобыть новый самозарядный карабин и целый ящик патронов к нему. Оружейные магазины давно опустели и мне пришлось долго ждать своей очереди, чтобы потом забрать его в другом округе почти за двести километров от дома. Помимо того, я до отказа забил багажник всем необходимым и, как мне представлялось, готов был к самым непредвиденным обстоятельствам.

Я предусмотрел все, оставалось лишь выбрать направление. И этот выбор был самым сложным. Уже несколько дней мы горячо спорили с Робом, но никак не могли прийти к единому мнению. Он настаивал на укрепленном лагере, что недавно построили к юго-западу от нас, я же хотел ехать далеко на восток, к побережью.

Единственное, в чем наши мнения сходились – важно убраться до того, как начнется паника. Очень хорошо мы помнили, что творилось на дорогах, когда нам довелось пробираться сюда. Повторять пройденное ни мне, ни ему не хотелось, а сегодня мы однозначно поняли, что в запасе у нас совсем мало времени. Если двоих видели в ста километрах, значит вскоре здесь их будут насчитываться сотни.

Как только я вошел в квартиру, из гостиной выбежала

Терри. Выглядела она взбудораженной.

– Пап, почему ты так долго? Мы только что посмотрели новости! Там сказали, что Спинни уже близко от нас!

– Заговорился с Робом, детка, – снимая обувь и промокшую куртку, устало ответил я. – Он мне уже рассказал.

Лора стояла рядом и было заметно, что она взволнована не меньше Терри. Поприветствовав ее, я поблагодарил за то, что та побывала с ней. В ответ она, как всегда, слабо улыбнулась и смущенно опустила взгляд, но я успел разглядеть, что за тонкими стеклами очков глаза ее переполнены страхом.

– Что вы, мистер Уилсон, я только рада. Как вы считаете, они правда могут добраться и в наш город?

– Да, и уже очень скоро. Вам нужно подумать, что вы будете делать. Вы уже говорили со своей сестрой и с Харрисом?

Я больше не видел смысла скрывать очевидное и напрасно обнадеживать их. Будет лучше, если все мы будем готовы к предстоящим событиям.

– Она звонила недавно, – ответила Лора. – Сказала, Ник считает, будто это все чепуха. Он уверен, что до нас они не дойдут. Честно говоря, я в растерянности и не знаю чему верить.

– Странная у него позиция, – удивился я, но тотчас попытался ее успокоить. – Я завтра поговорю с ним, Лора, а сейчас пока не вижу повода паниковать. Думаю, в запасе есть еще несколько дней. Главное, не выходите из дома после захода солнца и подумайте насчет того, чтобы куда-нибудь

уехать.

Вслух я этого не произнес, но про себя добавил: «Хотя, куда бы мы не поехали, больше нигде не безопасно».

На следующий день мне позвонил Роб с сообщением, что Тодд пропал. Он ушел сразу после похорон и до сих пор не вернулся, а его мобильный телефон отключен.

– Думаешь, что-то стряслось или он просто где-то пьет? – спросил я.

– Черт его знает. В последнее время он постоянно где-то ошивается, но обычно приходит под утро. Думаю, напился из-за похорон.

Когда раздался его звонок, я был в гараже. Мы как раз обсуждали с Харрисом и Райтом, что нужно готовиться к худшему. С севера приходили все более тревожные вести и никто уже точно не знал, сколько всего зараженных.

По последним сводкам их количество давно перевалило за два с лишним миллиона, а сегодня утром поступили данные, что инфекция проникла за пределы страны. Несколько дней до этого циркулировали слухи, будто в приграничных городах на севере пропало около десятка человек, однако истинные причины не назывались. Таким образом всем наконец стало ясно, что заражение перестало быть только нашей неразрешимой проблемой.

– Мне кажется пора, Роб, – сказал я тихо. – Плевать на Тодда, рано или поздно явится. Меня больше беспокоит, что со дня на день на дорогах начнется апокалипсис.

– Да знаю я, – недовольным тоном бросил он. – А, черт с ним! Закончу все дела и завтра-послезавтра двинемся в тот лагерь на юге.

– Роб... – я хотел вновь начать с ним спор, но передумал. – Ладно. Давай обсудим это при встрече. Я приеду завтра.

Положив трубку, я вернулся к Харрису и Райту. Они продолжали дискутировать, как лучше обустроить убежище, когда зараженные доберутся в город. Все утро я убеждал их обоих, что нужно уезжать, вот только они не желали об этом и думать. Харрис настаивал, что пересидеть в городе безопасней всего и Райт был с ним согласен. Льюис сегодня куда-то запропастился, но он придерживался того же мнения.

– Я сегодня последний день, парни. Самое позднее послезавтра выдвигаемся в лагерь.

– Ты шутишь? Вот так, сходу? – спросил Харрис.

Он смотрел на меня с недоумением, а в его угольно-черных глазах сквозила недоверчивая растерянность. Несмотря на то, что я уже неоднократно заявлял ему о своем скором отъезде, он будто не мог до конца поверить в реальную возможность такого развития событий.

– В смысле, сходу? Харрис, я все утро твержу, что нужно уматывать отсюда.

– Да, но я не думал, что так быстро, – приглаживая усы, озадаченно пробормотал он.

– Мы не хотим дожидаться паники. Потом уехать будет сложнее, – проговорил я с напором.

– И куда вы поедете?

– Еще не решили, куда точно, но валить нужно как можно скорей. Я думаю, что лучше двигаться к восточному побережью.

– Вот дерьмо...

Выругавшись, Харрис опустил взгляд в заваленный рабочими инструментами пол и погрузился в задумчивое молчание. Райт, по своему обыкновению, тоже стоял молча. Сунув руки в карманы синего промасленного комбинезона, он со скучающим видом глазел в окно. Из него виднелась пыльная дорога с растущими у обочин рядами голого в это время года кустарника.

В гараже надолго повисло безмолвие, а через пару минут один за другим мы закурили. До этого каждый из нас словно ждал условного сигнала, но стоило Райту поднести сигарету ко рту, как остальные, будто под действием цепной реакции, последовали его примеру. Почесав затылок, я наконец произнес:

– Давайте с нами, а? Я серьезно, Харрис, здесь нельзя оставаться. Пойми же, когда объявят эвакуацию, тут начнется крошечный ад. Убежище – это хорошо, но рано или поздно отсюда в любом случае придется сваливать.

– Я никуда не поеду, – с непримиримой решимостью заявил он.

– Я тоже, – поддержал Райт.

– Да перестаньте вести себя как идиоты! – вспыхнул я, при

этом с силой раздавив в пепельнице недокуренную сигарету. За проведенное в гараже время я много курил и уже буквально чувствовал, что полон никотином под завязку, однако по инерции продолжал прикуривать одну сигарету за другой. – Харрис, черт тебя возьми, я ведь уже множество раз рассказывал, что они такое! Это, конечно, не мое дело, но если ты втемяшил себе в голову отсиживаться здесь, то подумай хотя бы о своей жене и детях!

У Харриса и его жены Моники было трое детей. Старшему сыну исполнилось двенадцать, средней дочери только пять, а младший ребенок родился совсем недавно. Это тоже был мальчишка и ему сравнялось всего лишь чуть больше года. Райт являлся единственным из всех нас, у кого не имелось семьи.

– Вот именно из-за них я никуда и не поеду. – На мою яростную вспышку он отреагировал невозмутимым спокойствием. – Младший еще слишком мал, чтобы тащить его в лагерь, да и Моника сказала, что не позволит везти детей в неизвестность, где, скорее всего, придется жить в палатках, мерзнуть от холода и голодать. Впереди зима, а тут мы у себя дома. – Внезапно губы его презрительно искривились, а сам он свистящим, полным ненависти голосом процедил: – Это мой дом и это моя земля, ясно? И я не дам каким-то зараженным мразям заставить меня бежать из собственного дома, ясно тебе?

– Успокойся, Харрис, – обессиленным голосом попросил

я, но он распался все сильнее.

– Успокоиться? Ты сам мне рассказывал, сколько раз пожалел о том, что уехал! Что если бы ты остался, твой дом, возможно, был бы сейчас цел, а теперь тебе даже вернуться некуда! Ты стал бездомным, Уилсон! Ты и твоя дочь! А я не позволю сделать такое с собой, даже если для этого мне придется перестрелять каждую мразь и каждого чертового военного, который посмеет сюда сунуться. Я родился в этом городе и вырос в нем, так что никому меня отсюда не согнать. Моя семья, мой дом и этот гараж, все, что у меня есть!

После этих слов плечи его угрюмо повисли, а разбушевавшийся в черных глазах огонь потух также резко, как разгорелся минуту назад. В следующую секунду за нашими спинами раздался звук продолжительных аплодисментов. Это был Льюис. Он появился в дверях гаража в тот самый момент, когда Харрис только начал свое пламенное выступление.

– Вот это речь! – закончив аплодировать, напыщенным тоном изрек он, а затем безудержно рассмеялся.

– Хватит, Ник, – не обращая внимания на поясничавшего Льюиса, сказал я. – Оставь эту высокопарную чушь про память предков и защиту родной земли. Когда эти твари придут, вам придется каждую ночь, словно зашуганным кроликам, сидеть по норам и не высовывать носа на улицу... – Я хотел много чего еще сказать, но вдруг понял всю бессмысленность этой затеи. Вместо того я махнул рукой и с досадой воскликнул: – Да черт с вами! Делайте что хотите, но я бы

посоветовал каждому из вас подготовить все, чтобы можно было в любой момент сесть в машину и уехать.

В ответ никто из них не проронил ни звука. Плечи Харриса по-прежнему были понуро опущены, Райт продолжал пялиться в окно и только Льюиса забавляла разыгрывающаяся перед ним сцена. Он прошел вглубь гаража, прислонился спиной к стойке пневматического подъемника и, сложив на груди руки, с ехидной, но в то же время озорной и простодушней улыбкой наблюдал за нами.

– Харрис, когда мы уедем, Лора останется в квартире совсем одна. Ты позаботишься о ней? – заполняя возникшую паузу, задал я вопрос.

Он стоял широко расставив свои мускулистые, немного кривоватые ноги в двух шагах от меня и разглаживал пальцами густую растительность под носом. На его угловатом смуглокожем лице застыло напряженное выражение, а глубокая складка между широких черных бровей выдавала крайнюю степень озабоченности. Харрис о чем-то тяжело размышлял.

– Конечно, – кивнул он.

Все то время, что я прожил у Лоры Прайс, он постоянно поддевал меня на ее счет и не уставал намекать, что неплохо бы мне куда-нибудь ее пригласить. Возможно, в других обстоятельствах я бы так и поступил. Если бы не излишняя скромность, огромные очки и гладко зачесанные на макушке волосы, Лору можно было назвать привлекательной, но я не испытывал к ней абсолютно никаких чувств, кроме бла-

годарности за Терри.

– Будет лучше, если она переберется к вам, – с настойчивостью проговорил я. Мне хотелось быть уверенным, что кто-то позаботится о ней.

– Я попрошу Монику поговорить с ней, но она та еще упрямая ослица. Если не захочет и на привязи не притащишь. – Тут он наконец оторвался от своих глубоких раздумий, хлопнул меня по спине и весело подмигнул. – Не переживай, Джон, спасем мы твою Лору. Или ты сам предложил бы ей поехать с тобой, а?

– Не будь я женат, я бы ее увез, – расхохотался Льюис. – Так что ты подумай как следует, Уилсон.

– Да идите вы! – Я тоже улыбнулся, но более серьезно прибавил: – Я не шучу, Харрис. Позаботься о ней.

Состроив страдальческую гримасу, он еще раз небрежно кивнул.

– Ладно, пожалуй, не буду прощаться, – быстро взглянув на часы, сказал я. – Думаю, перед отъездом еще успею к вам заскочить.

– Да уж, перед тем, как ты умотаешь, неплохо было бы где-нибудь посидеть, – с вполне прозрачным намеком заметил Харрис.

Отъехав от гаража, я направился в оружейный магазин в надежде, что по какой-нибудь счастливой случайности сумею пополнить свои и без того уже внушительные боевые припасы, но, как и ожидалось, обнаружил лишь пустые вит-

рины. Новый товар не поставляли уже несколько недель, а последние складские резервы были распроданы еще месяц назад. Я тоже приложил к этому руку.

Заезжал я сюда ежедневно, а потому толстый и уже немолодой продавец с гладкой, потно сверкающей под электрическими лампами лысиной давно знал меня в лицо. Еще с порога он поздоровался и отрицательно покачал головой. Сейчас в его арсенале оставалась только никому ненужная рухлядь вроде ножей, фонариков, охотничьей одежды и прочего, с помощью чего невозможно произвести выстрел.

Вечер я провел дома. Дальше тянуть не находилось возможности, поэтому пришлось объявить Терри, что послезавтра мы уезжаем. Я должен был сказать об этом еще вчера, но они с Лорой так переполошились от новостей, что мне не захотелось еще больше их расстраивать. Обе они и так понимали, что отъезд неминуем, неизвестной оставалась только дата.

К моему удивлению, Терри не сильно огорчилась. Ее глаза лишь слегка погрустнели, после чего она как-то отрешенно спросила:

– Куда на этот раз?

– Я хочу ехать на восток. Мне кажется, там безопасней. Там больше убежищ и больше военных, но с другой стороны, чем больше людей, тем больше потенциальных зараженных. – Немного помолчав, я добавил: – Ну а Роб хочет ехать в лагерь, который недавно построили здесь.

– Ясно, – пробормотала она.

– И все? Может, скажешь, что думаешь ты?

– Я думаю о Лоре, – тоскливым голосом протянула Терри. – Она останется тут совсем одна.

– Детка, о Лоре позаботится ее семья. Я сегодня говорил с Харрисом на этот счет. Когда мы уедем, она поживет у них, а потом они тоже поедут в лагерь.

Зачем-то я солгал. Сам не понимал для чего, но, видимо, мне не хотелось лишний раз тревожить дочь. Несколько минут она молчала, а потом повернулась ко мне и с обворожительной улыбкой произнесла:

– Я голосую за тебя. Никогда не была на восточном побережье. Говорят, там красиво.

Я посмеялся этой шутливой поддержке, но тут же серьезно сказал:

– Терри, мы едем туда не на красоты любоваться. Я правда считаю, что там безопасней.

– Я в курсе, пап, – снисходительно фыркнула она. – Просто, если выбирать между лагерем на юге и побережьем, я бы выбрала второе.

Позже я поговорил и с Лорой. Не обращая внимания на ее смущенный вид, с мягким напором я постарался донести, что ей не следует оставаться в квартире одной. Она заверяла, что с ней все будет в полном порядке, но вроде бы согласилась после нашего отъезда перебраться к сестре и Харрису.

Перед сном я долго размышлял, как переубедить Роба.

Это представлялось почти невозможным, однако сегодня я вдруг четко решил – даже если нам придется разъехаться в разные стороны, в южный лагерь я не поеду. Выискивая убедительные аргументы, я не заметил, как мысли в голове начали путаться, перескакивать с одного на другое, а совсем скоро окружающая меня действительность куда-то провалилась, вслед за чем я погрузился в беспробудный и продолжительный сон.

Глава 31

Я сидел за рулем большого внедорожника, очень похожего на мой собственный, а за окном мелькали скалистые горные вершины. Их покрывал обильный слой девственно-белого снега, в ясном, без единого облака небе ярко светило солнце. От заснеженных гор веяло прохладой, в машине же было нестерпимо жарко – воздух внутри раскалился так, что стало почти нечем дышать.

От жары во рту у меня пересохло, одежда прилипла к телу, а лоб покрылся горячей испариной. То и дело я смахивал ее, но это не помогало. Как только я убирал руку от лица, на лбу тотчас выступали новые крупные капли, отчего мне приходилось проделывать это снова и снова. Повернувшись вправо, я посмотрел на Роба и отчетливо выговорил: «Не знаю как ты, а я еду наверх. Нет больше сил терпеть это пекло».

Он ответил мне странным, отчужденным взглядом и, не проронив ни слова, отрицательно покачал головой. Обер-

нувшись, я увидел на заднем сиденье Анну, Айлин и Марту. Все трое разглядывали меня с неммым вопросом в глазах. Терри в машине не было, но почему-то из-за ее отсутствия я не испытывал никакого волнения.

Анна смотрела на меня с нежностью, Айлин выглядела несколько напуганной, а Марта, шевеля одними губами, еле слышно произнесла: «Не делай этого, Джон. Мы не можем».

Только я хотел спросить ее, чего я не должен делать и что мы не можем, как раздался какой-то посторонний звук. Он отвлек мое внимание и тут же я ощутил, как внутри у меня разрастается необъяснимый панический страх. Я пока не мог найти ему причины, но уже точно знал – сейчас произойдет нечто непоправимое.

В следующий миг до моего сознания дошло, что этот звук является вибрацией включенного на беззвучный режим телефона, а все увиденное – всего лишь кошмарным сном. С трудом разлепив глаза, я разглядел тускло мерцающий экран мобильного и убедился, что на него действительно кто-то звонит. Это был Роб.

За окном стояла крошечная темень. Схватив телефон в руки, первым делом я взглянул на время – расплываясь, цифры высвечивали шесть двадцать восемь утра. Нажав на зеленый значок приема вызова, я хрипло спросил:

– Роб? Чего так рано?

В трубке повисло долгое молчание и мне пришлось звать его еще дважды, прежде чем он наконец проговорил ка-

ким-то чужим, надтреснутым голосом:

– Джон. Приезжай.

Едва услышав этот голос, я рывком сел в постели. Остатки сна разлетелись в стороны, как осколки разбитого вдребезги стекла.

– Что случилось? – с трудом шевеля резко онемевшим ртом, задал я вопрос.

– Приезжай, – повторил он, а затем в трубке раздались короткие гудки.

«Черт! Черт! Черт! Что там стряслось?» – оглушительным огненным залпом прогрехотало в голове.

Отшвырнув одеяло, я вскочил с раскладушки и, стараясь не разбудить Терри, торопливо натянул на себя одежду. Мысли судорожно бились внутри черепной коробки, с каждой секундой изобретая все новые и новые варианты. Одно было несомненно – произошло что-то по-настоящему скверное, иначе бы Роб не позвонил мне в таком состоянии.

Спустя несколько минут я выбежал из подъезда, сел в машину и завел мотор. На улице уже начинало светать, на небе догорали последние звезды, а вокруг стояла глухая, непроницаемая тишина. В предрассветном сумраке эта тишина показалась мне зловещей.

До фермы Дэвисов было минут пятнадцать езды, я же домчался за восемь. Подъехав почти к самому порогу, в свете включенных фар я разглядел в одиночестве сидящего на ступеньках Роба. Он сидел, низко опустив голову и, казалось,

не замечал ничего вокруг.

Из одежды на нем были лишь мятые пижамные штаны, ботинки и распахнутая настежь потерянная куртка. Она обнажала его густо поросшую седой растительностью грудь, но несмотря на утренний холод, он не делал попыток ее запахнуть. В руках он сжимал ружье.

Заглушив двигатель, я выскочил из машины и бегом направился к нему.

– Роб, что стряслось?

Услышав вопрос, он поднял на меня пустой взгляд и посмотрел так, словно не узнает. Его взлохмаченные вихрастые волосы и сгорбленные плечи говорили сами за себя, поэтому внутренне я уже знал – сейчас он скажет что-то страшное. Что-то такое, после чего ничто уже не будет по-прежнему.

– Где Айлин? – внезапно севшим голосом спросил я.

Он вновь уронил голову на грудь и чуть слышно пробормотал:

– В кухне.

Стремительно взбежав по ступенькам, я почти толкнул входную дверь, как он тихо проговорил:

– Я запер ее там. Она в чулане.

– Запер? Что значит запер?

Я круто развернулся и в ужасе уставился на его лохматый затылок. Отметив про себя, что волосы у него мокрые, как будто он только что вышел из душа, я в нетерпении повторил:

– Что значит запер, Роб?

– Айлин больше нет, Джон.

Обернувшись, Роб посмотрел в мое лицо прямым обездвиженным взглядом, а я разглядел в его глазах столько неприкрытого страдания, что на секунду мне показалось – вот-вот он разрыдается, точно осиротевшее дитя. Но вместо того он опять уронил голову на грудь и сделал это так, словно она была до того тяжела, что шея его не могла выдержать ее неподъемного груза. Во всей его застывшей позе читалось беспредельное отчаяние. Отчаяние человека, потерявшего всякий смысл жить.

Отойдя от двери, я с грохотом рухнул возле него. Роб не шелохнулся, а мне потребовалось много времени, прежде чем вновь обрести голос. Положив ладонь ему на плечо, я с осторожностью спросил:

– Что произошло?

Он долго молчал. Роб молчал минуту, две, три, но я видел, что он собирается с силами, чтобы начать говорить, а потому не торопил его. Наконец хриплым, будто от долгого крика надорванным голосом он забормотал:

– Под утро вернулся Тодд. Он был не один... – Эти слова дались ему с огромным трудом, так что после них он надолго умолк и будто погрузился в полусонное состояние. Я уже собирался слегка потормошить его, но он продолжил сам: – Айлин всегда рано просыпается... Всегда... Я обычно слышу, как она встает, а вот сегодня... Надо же, сегодня я спал

так крепко, что даже не заметил, когда она ушла... Она, судя по всему, отправилась в кухню, а дальше я не знаю, что произошло... Она зачем-то открыла им дверь.

Роб снова затих в отрешенной позе, а я терпеливо ждал, когда он возобновит свой рассказ. Меня так и подмывало встряхнуть его за плечи, заорать, чтобы поскорее выложил все подробности и даже, не дожидаясь их, самому вбежать в дом, но я принуждал себя сидеть смиренно. Я видел, что его состояние близко к некой критической отметке и если сделать что-либо подобное, сложно предугадать, как он отреагирует. Возможно, это будет вспышка гнева или, напротив, он погрузится в еще более продолжительное молчание.

– Меня разбудил ее крик, – немного окрепшим голосом сказал он. – Я схватил ружье и побежал вниз, но как только слетел с лестницы, на меня набросился здоровенный ублюдок. Он был заражен.

– Ты убил его? – с усилием шевеля одеревеневшими языком спросил я.

Я уже догадывался о концовке рассказа, но во мне еще теплился слабый проблеск надежды. Я знал, что это невозможно – ведь он сказал, что Айлин больше нет и подобное могло означать только одно, но все же мне до отчаяния хотелось, чтобы Роб побыстрее завершил свое долгое повествование, а после улыбнулся и заверил меня, что все закончилось хорошо.

– Убил, – бесцветным голосом подтвердил он. – Он но-

ровил добраться до моей шеи, но я прострелил ему башку. Потом увидел как из кухни выходит Тодд, а Айлин лежит на полу и дергается в конвульсиях. Когда я покончил и с ним, бросился к ней, но было уже поздно... – Обхватив голову руками, он еле разборчиво зашептал: – Все произошло так быстро, что я ничего не успел сделать... Я пытался ей помочь, но ее корежило в таких страшных судорогах и она так страшно кричала...

– Роб... – не в силах найти слова, я сжал его плечо.

Чуда не случилось. Я не мог поверить в то, что услышал. Казалось, все это нереально... Казалось, я все еще сплю...

– Потом она накинута на меня, – тем же срывающимся шепотом продолжил он. – Поначалу она затихла и я подумал, что она мертва, но ее лицо... Заражение произошло всего за несколько минут, Джон. – Эту фразу он произнес, глядя мне прямо в глаза. – Она вцепилась мне в горло, а я не мог выстрелить. В ней было столько силы...

Роб в очередной раз смолк, а я только теперь обратил внимание, что на его шее проступают пунцовые кровоподтеки. Ночная темнота почти полностью рассеялась и при сером свете хмурого декабрьского утра я увидел, что мой друг выглядит как жалкий, одинокий старик. Вчерашнего Роба Холдера больше не существовало – за эту жуткую ночь он стал старше минимум на десять лет.

– Так ты выстрелил? – спросил я.

– Я не смог. – Он еще раз посмотрел на меня пристальным

взглядом и добавил: – Поэтому позвонил тебе.

Мы оба замолчали. Это было безумием, в которое я отказывался верить, но Айлин действительно больше нет. Ослабевшими руками я достал из кармана пачку сигарет и закурил. Роб сделал то же самое. Он бросил курить много лет назад, но сейчас я не стал ему об этом напоминать.

Пока мы сидели в молчании, мне вдруг до мельчайших подробностей вспомнился день, когда мы с Айлин познакомились. Я был тогда пятнадцатилетним юнцом и уже пару месяцев как работал у Дона Кларка. Роб посвящал меня в тонкости профессии автомеханика, а я слушал его с тем же благоговением, с каким неопытный неофит слушает мудрого гуру.

Я был глупым, задиристым и наглым, но Роба буквально боготворил. Он являлся для меня своего рода кумиром, недостижимым идеалом, образцом для подражания. Возможно, так было оттого, что мой собственный отец никогда не вызывал во мне подобных чувств. Более того, отца я презирал.

В ответ на мое восторженное преклонение Роб был со мной строг. Поначалу он воспринял возложенную на него Кларком миссию по моему обучению не лучшим образом. Я задавал сотни вопросов, беспрестанно болтал и с любопытством щенка совался в каждую дырку, из-за чего нередко он срывался на крик, швырялся инструментами или грозился надрать мне зад. Временами он буквально изводил меня,

подсовывая самую грязную работу, но я все терпеливо сносил. Злился, конечно, огрызался, но ни разу у меня не возникло желания все бросить и уйти.

Айлин я увидел в один из тех далеких дней. Это было летом. Я уже давно обо всем позабыл, но теперь мне отчетливо вспомнилось, какое впечатление она тогда на меня произвела.

Стройная и высокая, даже немного выше Роба, с вьющимися волосами цвета вызревшей ржи, безупречной матовой кожей и бездонными золотисто-карими глазами, она стояла в дверном проеме, высматривая мужа. На ней было легкое светлое платье, полуденные солнечные лучи светили ей в спину, отчего она походила на образ с одной из многочисленных религиозных картин, которыми моя мать щедро украшала стены нашего дома. На тот момент ей было всего тридцать два и она была безусловно красива.

Появление ее я заметил первым и, прежде чем привлечь внимание остальных, несколько секунд любовался ее красотой единолично. Я был подростком, мальчишкой, еще не знавшим женщин, но гормоны в моем теле бушевали уже с яростью полыхающего в доменной печи огня. Не отдавая себе отчета, я смотрел на нее, а воображение рисовало волнующие до неизведанных ранее глубин картины.

Тогда это стало для меня своего рода откровением и, наверное, некоторое время я даже был ей увлечен, но, к счастью, наваждение мое не продлилось долго. Познакомив-

шись ближе, мне хватило ума понять, что испытывать к ней нечто подобное сродни чудовищному кощунству или надругательству над святыней. Для Роба она и была святыней. Брак между ними длился тогда уже лет десять и отношения их также стали для меня откровением.

Может, так было оттого, что в своей собственной семье я ничего подобного не замечал. Никогда я не видел, чтобы мой отец с такой искренней любовью смотрел на мать, или чтобы мать отвечала отцу такой светлой, полной теплоты и нежности улыбкой. Они уважали друг друга, всецело во всем поддерживали и во всем понимали.

Именно с подачи Айлин Роб перестал быть со мной слишком суров и в определенный момент сам не заметил, как увлекся навязанным ему наставничеством. Впоследствии они нередко приглашали меня то на праздничный ужин, то на семейный пикник, то на рыбалку или охоту, а я смотрел на них и все больше очаровывался этой удивительной семьей. Они были не просто моими старшими товарищами.

Как бы напыщенно это ни звучало, но эти двое были для меня достойным примером, которому хотелось подражать и соответствовать. Мудрые советы и поддержка Роба, а также мягкое, ласковое покровительство Айлин во многом заменили мне воспитание родителей. По крайней мере, от них я научился гораздо большему, чем от своих собственных отца с матерью.

– Ты хочешь, чтобы это сделал я? – спустя несколько бес-

конечно долгих минут спросил я.

Он не отвечал мне еще целую вечность, но потом глядя куда-то в вдаль произнес:

– Может, пусть она живет? Какая теперь разница? Всего на одну больше...

– Роб... – я силился подобрать нужные слова, но не мог. Во рту пересохло, в горле застрял тяжелый ком, глаза сделались мокрыми. Пытаясь сглотнуть этот ком, я тихо проговорил: – Тебе решать, как поступить, но думаю, Айлин не хотела бы этого. К тому же ночью она заразит кого-нибудь еще.

Я напрасно произнес эти слова. До последней моей фразы он оставался в оцепенении, но лишь только звук моего голоса стих, неожиданно вскочил на ноги и в исступлении заорал:

– Да какая теперь разница? Еб твою мать, ты будто до сих пор не понимаешь, что все мы обречены! Не заразит она, так заразит кто-то другой! Они уже здесь! Они повсюду! Куда бы мы не поехали, они нас достанут!..

– Роб, послушай... Делай, как считаешь нужным. Это тебе решать, как поступить, – успокаивая его, настойчиво повторял я, – но Айлин уже мертва. Это уже не она, понимаешь? Хочешь, давай выпустим ее, но, поверь, она бы вряд ли этого хотела...

– Я не позволю тебе убить ее! Ясно? Ты понял? Пусть она теперь одна из них, но все же это моя Айлин! – выкрикивал он в неистовстве.

Он не слушал моих слов и, похоже, заводился от них лишь сильнее, но тут лицо его страшно искривилось, а из глаз хлынули обильные слезы. Со звериной злобой он растирал их по щекам и сквозь сдавленные рыдания кричал:

– Я хотел, чтобы она меня заразила! Хотел! Она душила меня и я уже почти сдался! Думал, что так мы хотя бы останемся вместе... Это все моя вина... Все моя вина... – уже тише повторял он. – Я не защитил мою Айлин... Я не спас ее...

Он затрясся сразу всем телом и, продолжая беззвучно рыдать, тяжело упал на ступеньки. Я стоял рядом с ним, не зная, чем могу помочь, поэтому просто молча ждал, когда вспышка его безудержного горя немного ослабнет, а за ней придет черед простратии и отупелого ступора. Кому, как не мне, было известно, что рано или поздно это произойдет.

Пока я так стоял, не переставал думать о произошедшем. Мне все было ясно, но одно оставалось загадкой – я не мог взять в толк, зачем Айлин открыла им дверь. Это выглядело таким странным, ведь даже если она увидела снаружи Тодда, не могла же она не заметить, что он заражен. Вряд ли он постучал в дверь, кроме того, она знала, что у него есть ключ.

Скорее всего, она услышала производимый ими шум и вышла проверить. Это было единственное объяснение, которое приходило на ум. По всей вероятности, Айлин сглупила и эта роковая ошибка стоила ей жизни.

На удивление Роб успокоился быстро. Уже через пару ми-

нут он оторвал голову от согнутых в локтях рук, распрямился и, поспешно вытерев лицо, сказал:

– Нужно уезжать. Сегодня.

– Я помогу тебе собраться, – проговорил я тихо, а затем как можно осторожнее спросил: – Имеет ли теперь смысл ехать на двух машинах? Ты сейчас не в том состоянии, чтобы сидеть за рулем.

– Я не брошу пикап, – ответил он со свойственным ему упрямством. Это был хороший знак. – С Айлин я тоже решу сам. Я должен это сделать. Думаю, она бы хотела, чтобы это был я, а не кто-то другой.

Я кивнул и больше ничего не стал говорить. Также я решил пока не упоминать, что не поеду дальше на юг. Мне было невдомек, как заставить его отправиться вместе со мной к побережью, но решение этого вопроса я перенес на потом. В данный момент перед нами обоими стояла задача посложнее.

Пройдя к машине, я достал из-под сиденья заряженный обрез и вернулся к Робу. Он уже встал на ноги и, поджидая меня, готовился войти в дом. Глаза его еще влажно блестели, но на лице проступала негибкая решимость.

Переступив порог, я увидел первую тварь у полутемной, уносящейся на второй этаж лестницы. Труп Тодда валялся недалеко от входа в кухню. Узнать его можно было только по одежде, потому как на месте лица виднелось лишь сплошное черное месиво. От них обоих кошмарно воняло. За два

прошедших месяца я успел забыть этот отвратительный, выворачивающий нутро запах, поэтому с трудом сдержал рвотный позыв.

– Она не могла выбраться? Ты хорошо ее запер? – прикрыв нос ладонью, обернулся я к стоящему за моей спиной Робу.

Ответом мне послужил глухой, донесшийся из кухни стук. Судорожно сглотнув наполнившую рот слюну, я посмотрел в том направлении. Руки предательски задрожали, желудок сдавила холодная волна страха. Стараясь не наступать в черную зловонную массу, сочащуюся из твари, которая когда-то была Годдом Дэвисом, я аккуратно подошел к дверному проему и заглянул внутрь.

Повсюду на полу и стенах виднелись пятна от пролитого кофе, валялись осколки битой посуды, а на кухонном столе в луже супа лежала перевернутая кастрюля. Все говорило о том, что недавно здесь произошла настоящая бойня. Чулан был заперт на металлический засов, но оттуда отчетливо доносились хрипы и такое знакомое горловое бульканье. Было почти невозможно поверить, что эти звуки издает Айлин.

Не отставая, Роб следовал за мной, но когда я прошел в кухню, остановился на пороге и уперся взглядом в закрытую дверь чулана. На короткое мгновение я испугался, что он опять впадет в буйство или, что еще хуже, не сможет выстрелить в нужный момент. Роб и Айлин три десятилетия были практически одним целым и я не мог представить, как

он справится с задуманным.

В голове промелькнуло, что я бы не желал оказаться на его месте, но если он подпустит ее слишком близко, у меня не останется выбора. Если Роб не справится, стрелять в Айлин придется мне.

Внимательно взглядевшись в его лицо, я спросил:

– Роб, ты уверен?

Он перевел взгляд на меня и кивнул, но теперь уже я не был уверен. Возможно, оставить ее запертой в чулане не такая уж плохая идея? Мне совсем не хотелось смотреть, как мой лучший друг выстрелом в лоб убьет единственную женщину, которую когда-либо любил. Даже если теперь эта женщина превратилась в жаждущее заразить всех вокруг чудовище.

Так как я медлил, он сказал:

– Открывай. Я смогу.

Он был поразительно спокоен. Сжимая в руках взведенное ружье, Роб сосредоточенно глядел на дверь и ждал. Мне оставалось лишь надеяться, что он до конца понимает, что именно ему предстоит сделать. Держа наготове обрез, я набрал полные легкие воздуха и уже протянул руку к засову, как он вдруг воскликнул:

– Постой!

Оглянувшись, я натолкнулся на пристальный взгляд его серых глаз. Они были покрасневшими от пролитых слез, но в то же время светящийся в них лихорадочный блеск прида-

вал им холодное выражение. На секунду я струсил. В мозгу кометой пронеслась мысль, что, помешавшись от горя, Роб может запросто пальнуть в меня.

– Ты бы выстрелил в Анну? – спросил он. – Выстрелил, если бы там была она?

На шее у меня выступил ледяной пот. Его вопрос поставил меня в тупик, но, казалось, он с такой щемящей тоской ждет моего ответа, словно от него зависит вся его дальнейшая жизнь. Набравшись мужества, я посмотрел на него в упор и с твердостью произнес:

– Да. Я бы не позволил ей стать одной из них.

Произнеся это, я нисколько не кривил душой – я бы действительно поступил так. Видимо, прочитав это в моем лице, Роб опустил голову, но тотчас вскинул ее вверх и дал мне знак, что на этот раз точно готов. Я потянул засов. Взвизгнув металлическим лязгом, он с легкостью поддался, после чего я резко дернул дверь и отошел на шаг назад.

В чулане было темно, поэтому Айлин не сразу сообразила, что наступил рассвет. Стоя между полок с припасами, она находилась в глубине узкого прямоугольника комнаты, но как только дверь распахнулась, стремглав направилась к выходу. Однако едва утренний свет достиг ее страшно почерневших глаз, она замерла.

Все произошло очень быстро. Я успел лишь подумать, что это уже не Айлин, а просто еще одна уродливая зараженная тварь, затем уловил ее полный ненависти взгляд и движение

в сторону Роба. В следующую секунду раздался оглушающий выстрел, после которого чудовище, бывшее когда-то женой моего друга, рухнуло на пол с дыркой вместо лица.

– Прости, милая, – едва слышно прошептал Роб. – Я должен был это сделать.

Он опустил еще дымящееся ружье и стоял, разглядывая то, что осталось от его жены.

– Роб? – неуверенно позвал я. – Ты как?

Сквозь плотно сжатые губы он выговорил:

– Нужно ее похоронить.

Глава 32

Нередко слова, что мы произносим поддавшись гневу, обиде или просто под действием мимолетной глупости, заставляют нас потом испытывать чувство глубокого раскаяния. Иногда такие слова слетают с наших губ прежде, чем мы успеваем их осмыслить. Стоя над свежерытой могилой Айлин, я сказал Робу фразу, о которой тут же горько пожалел. Едва договорив ее, я четко понял, что об этой случайно брошенной реплике буду сожалеть до конца своих дней.

– Я ведь предупреждал, что вам нельзя оставаться в этом доме, – сказал я ему. – Если бы ты меня послушал, Айлин была бы жива...

Роб поднял на меня блуждающий взгляд, в котором одновременно отражалось столько различных эмоций, что казалось невозможным вместить их все в одном человеке. В его глазах было чувство вины и смертельная тоска, жгучая нена-

висть и отвращение к самому себе, растерянность и злость, недоумение и страх, но довлекла над всеми этими чувствами такая невыразимая боль, что невольно я отшатнулся.

Мы похоронили обезображенное тело Айлин у холма за фермой Дэвисов. Роб выбрал место под высокой плакучей ивой, сам опустил ее в могилу, а затем засыпал землей. Сверху он водрузил импровизированный крест, изготовленный из двух толстых, накрепко связанных веревкой палок.

Молитв не читали. Никто из нас их не знает, поэтому молились мы молча. Даже представить не могу, о чем думал в эти мгновения Роб, но я прощался с Айлин, вспоминая разные случаи, успевшие произойти с нами за более чем двадцатилетнюю дружбу. Она была мне подругой, советчицей, старшей сестрой и отчасти даже матерью. Для Роба она была всем.

Как только с прощаниями было покончено, мы сели каждый в свою машину и поехали к дому Лоры Прайс. Дорога заняла всего пятнадцать минут, но для Роба она длилась словно целую жизнь. Когда он вышел из своего пикапа, я с трудом его узнал.

Выглядел он пугающе. Лицо походило на слепок серого, застывшего в окаменелой неподвижности гипса, глаза глубоко запали, а вся фигура будто уменьшилась в размерах. Сейчас ему пятьдесят четыре, но сколько я помню, всегда он был крепким, широкоплечим, с сильными руками мужчиной. Теперь же руки Роба безвольно висели вдоль тулови-

ща, а взгляд некогда умных, пронизательных глаз сделался потухшим и безжизненным.

Создавалось впечатление, что мозг его полностью перешел в автоматический режим, а движения тела производятся подчиняясь лишь простейшим рефлексам. Он напоминал тряпичную куклу, которую невидимый кукловод дергает за ниточки, чтобы добиться от нее того или иного действия.

– Джон, – шевеля бледными губами, слабо прошелестел он, – я не стану подниматься. Нужно сказать обо всем Терри, а я не хочу быть при этом.

Я понимающе кивнул. Я и сам не хотел быть *при этом* и если бы мог, ничего бы ей не сказал, но скрыть такую страшную весть не представлялось возможным. Передо мной стояла и другая нелегкая задача – уговорить Роба пересесть в мою машину, чтобы затем проследовать на восток. Хотя я не понимал, как мы тронемся в путь, пока он пребывает в таком состоянии.

– Роб, только не заводись, ладно? – решившись, осторожно начал я. – Прости, но ты не сможешь сидеть за рулем. И кое-что еще я должен сказать. Я не поеду в тот лагерь. Мы с Терри отправимся на восток и ты поедешь с нами.

Я ожидал от него гневного приступа или хотя бы слабого сопротивления, но он лишь безучастно пожевал губами и пробормотал:

– Я не хочу подниматься, Джон. Не хочу распускать сопли при Терри. Ты ей скажи, а я посижу в том баре.

Указав на бар, что располагался на углу соседнего здания, он немедленно направился к нему, в то время как я стоял с открытым от изумления ртом. Провожая взглядом его сгорбленную фигуру, я гадал, дошел ли до него смысл моего высказывания и услышал ли он из него хоть слово.

– Дай мне минут тридцать, – крикнул я ему вслед.

Он никак не отреагировал, лишь продолжил медленное движение к намеченной цели. Простояв на улице еще с полминуты, я вошел в подъезд. Внутри него стояла гулкая тишина. Задрав голову кверху, я заглянул в прореху межлестничного пролета, шумно вздохнул и принялся взбираться на последний этаж.

Преодолевая один лестничный марш за другим, я мысленно проигрывал в голове предстоящий разговор с дочерью и незаметно для себя замедлял шаг. Проснувшись и обнаружив, что меня нет дома, она звонила, но в той короткой беседе я ничем не выдал произошедшего. Лучше мне быть рядом, когда она узнает, что стало с Айлин.

Войдя в квартиру, я прислушался. Из гостиной раздавались раздражающе радостные голоса персонажей какого-то мультфильма. Терри вместе с Лорой смотрели телевизор и потому не слышали, как я вошел. Мне это было на руку – торопить неизбежное ничуть не хотелось. Напротив, этот роковой момент я предпочел бы отодвинуть на как можно больший срок.

Тайком пробравшись в кухню, я включил кофейную ма-

шину, рассчитывая, что чашка крепкого кофе поможет мне собраться с духом и выдержать предстоящее испытание. Но Терри все же заметила, что я вернулся.

– Папа? Ты уже дома? – услышал я за своей спиной.

Должно быть, мой вид чересчур красочно передавал мое внутреннее состояние, потому что когда я обернулся, лицо ее вытянулось от удивления. Обескураженно она спросила:

– Что-то случилось?

– Детка... – Подбирая подходящие слова, я застыл с дымящейся кружкой в руке. От моего молчания глаза ее все больше расширялись и наполнялись тревогой. – Терри, Айлин больше нет, – наконец выговорил я самое страшное.

Она пару раз моргнула и непонимающе уставилась на меня, а я догадался, что до нее не дошел смысл сказанного. В дверях появилась Лора и тоже замерла в замешательстве. Теперь они обе неотрывно смотрели на меня с выражением немого вопроса в глазах.

– Пап, ты что, копал землю? Ты весь грязный! У тебя даже волосы в грязи.

Терри как-то нервно рассмеялась. Опустив голову вниз, я увидел, что все джинсы у меня выпачканы в засохших грязевых разводах. Надо же, а ведь я этого даже не заметил.

– Мистер Уилсон, – несмело позвала Лора, – у вас что-то произошло?

Не обращая на нее внимания, я вновь обратился к дочери:

– Детка, ты слышала, что я сказал? – Отставив кружку, я

подошел ближе, опустил на уровень ее лица и взял за руки выше локтей. – Айлин... Она заразилась.

Глаза ее еще сильнее расширились, но в них по-прежнему светилось непонимание. Я услышал, как сверху Лора протяжно охнула и судорожно втянула ртом воздух. Терри перевела на нее взгляд, затем снова посмотрела на меня и, улыбувшись, весело прошептала:

– Что ты такое говоришь, пап? Как Айлин может заразиться?

– Терри, мы должны собираться. Нужно уезжать, – крепче сжав ее плечи, с напором произнес я.

– Уезжать? Сейчас? – Теперь она выглядела растерянной. Несколько мгновений она внимательно вглядывалась мне в глаза, как вдруг рот ее широко раскрылся, а по щекам покапались крупные слезы. – Папа, где Айлин?

Похоже, она наконец поняла. Встав, я притянул ее к себе и тотчас во весь голос она зарыдала. Лора все еще стояла в дверях, крепко прижимала ладонь к лицу и была белее хлопкового волокна.

– Это правда? Они уже добрались сюда? – приглушенным полусшепотом спросила она.

В ответ я рассеянно кивнул. Замерев с остановившимся взглядом, она что-то лихорадочно обдумывала.

– А где же мистер Холдер? С ним все в порядке?

– Он внизу, ждет нас в баре.

– Но вы ведь не можете так уехать! Как он? Почему вы не

позвали его сюда?

– Плохо. Я не уверен, что он в состоянии сесть за руль.

Терри в моих объятиях продолжала душераздирающе рыдать.

– Как это случилось? – Немного придя в себя, Лора быстро прошла к раковине, наполнила стакан водой и почти залпом выпила. Затем наполнила заново и подойдя к нам, мягко обратилась к Терри: – Попей, милая. Станет легче.

Но Терри ничего не слышала. Все так же рыдая, она цеплялась за мою одежду и вжималась мокрым от слез лицом в мой живот. Я гладил ее по волосам в надежде, что вскоре она успокоится и мы сможем начать собираться. Пока мы так стояли, я тихонько пересказал Лоре события прошедшей ночи, умолчав об особо жутких подробностях, а потом настойчиво добавил:

– Лора, вы должны уехать как можно скорее. Позвоните сестре. Поезжайте в лагерь сегодня или, на крайний случай, завтра. Когда начнется эвакуация, здесь будет хаос и беспорядки. Мы все это видели два месяца назад и, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Выслушав меня, она присела на корточки и тихим, успокаивающим голосом принялась приговаривать:

– Тише, тише, милая. Выпей воды. Вот, выпей... Тебе правда станет легче. Ну же, теперь уже ничего не поделаешь...

Как ни странно, это помогло. Терри постепенно начала за-

тихать. Отпустив меня, она сделала большой глоток воды, а после обняла Лору за шею. Рыдания ее почти прекратились, но из груди продолжали раздаваться сдавленные всхлипы.

Испытав огромное облегчение, я оставил их и прошел в ванную комнату. Там открыл на всю мощность кран и зачерпнул полные ладони ледяной воды. Умываясь, я с силой тер лицо и шею, зачерпывал воду вновь, и вновь плескал на себя, а в какой-то момент засунул голову под хлещущую из крана ледяную струю и простоял так до тех пор, пока желание разразиться диким криком во мне не ослабло.

Распрямившись, я посмотрел на себя в зеркало. Из его отражения на меня глядел незнакомый мужчина с короткой темной бородой и такими же темными волосами. От воды они намокли и повисли на лоб влажными спутанными прядями. В глазах мужчины притаилось холодное ожесточение, а сжатые губы придавали худому лицу суровое выражение, которого в нем не было прежде. Я не узнал себя.

Впившись взглядом в глаза этого чужого человека, я пытался убедить его, что он со всем справится. Справится. Нужно лишь еще немного переждать и все закончится. Нельзя раскисать, нельзя поддаваться слабости, нельзя позволять скорби взять над собой верх.

Схватив первое подвернувшееся полотенце, я с неистовством вытерся, еще раз взглянул на свое отражение и поспешно направился в нашу с Терри комнату. Стянув грязную одежду, быстро переоделся, после чего принялся собирать

вещи, как попало закидывая их в большой походный рюкзак. Я был готов к внезапному отъезду, поэтому в квартире оставался только необходимый минимум.

Позже я позвонил Робу, но тот не взял трубку. Беспорядочно кружа по комнате я с упорством звонил ему снова и снова, пока он не ответил на мой четвертый звонок. Услышав его неразборчивую речь, я сразу сообразил, что он мертвецки пьян.

Со времени нашего расставания прошло от силы минут тридцать и оставалось лишь гадать, когда он успел так надрасться. Впрочем, по собственному опыту я прекрасно знал – если задаться целью, хватит и нескольких минут. В прошлом я и сам не раз прибегал к подобному способу, так что даже не мог на него как следует разозлиться, но самое паршивое заключалось в том, что теперь об отъезде не стоило и думать.

Единственным выходом представлялось загрузить его в машину и увезти, пока он не опомнился, но очевидно, что протрезвев, Роб не простит мне этот поступок. Стараясь взять себя в руки, я подумал о плюсах. Возможно, всем нам требуется эта отсрочка и, наверное, даже к лучшему, если мы тронемся в путь завтра.

Терри вместе с Лорой по-прежнему была в кухне. Рыдать она перестала, но теперь сидела, вперив в окно неподвижный взгляд. И вся она не шевелилась, будто опасалась, что любое неосторожное движение разрушит то хрупкое равно-

весие, которого с большим трудом ей удалось достичь.

Войдя к ним, я рассказал Лоре, что Роб вдребезги пьян, а мне предстоит вытаскивать его из бара. Она сразу же предложила привести его в квартиру, на что я без промедления согласился. Взглянув напоследок на недвижно сидящую Терри, я попробовал отыскать в себе слова утешения, однако так и не отыскав их, направился к выходу.

Кубарем слетев с лестницы, я вышел на улицу, где обнаружил, что пикапа Роба нет на том месте, где меньше часа назад он его оставил. Думая, что это может означать, быстрым шагом я направился к бару, но там натолкнулся лишь на закрытую дверь. На ней висела вывеска с информацией, что бар работает с двенадцати дня. Сейчас было одиннадцать.

– Вот дерьмо! И где теперь его искать? – вырвалось у меня.

Опять набрав его номер, но так и не дождавшись ответа, я сел в машину с намерением обыскать все открытые заведения в городе. Я надеялся, что в каком-нибудь из них отыщу Роба, вот только бы он не надумал натворить глупостей. Состояние, испытываемое после смерти близкого человека, а также мысли, посещающие голову в самые первые дни, мне были также хорошо известны.

Я разыскал его спустя пятнадцать минут в нескольких кварталах от дома. Пикап был припаркован прямо у дверей пустого в это время дня бара, а сам он сидел, склонившись над столиком в углу. Стискивая в пальцах стакан, пьяным немигающим взглядом Роб смотрел на почти пустую бутыл-

ку водки.

Я молча сел напротив него. Долгое время мы просидели без движения, но потом он поднял голову и заплетающимся языком произнес:

– Д-джон... ты все п-правильно с-сказал... Это я в-виноват... Я д-должен был у-ув-везти ее...

Я не знал, что ответить. Было чертовски страшно видеть его в таком состоянии, но черт возьми, как же чудовищно глупо все вышло! Не останься они из-за гребаного ублюдка Тодда еще на два дня, Айлин действительно была бы жива. Конечно, я не сказал этого вслух.

Все же ужасно, что нельзя предугадать, как повернутся события и еще ужасней осознавать, что ты мог их предотвратить, но ничего для этого не сделал. И больше ничего не можешь сделать – все уже случилось. К сожалению, невозможно отмотать жизнь на пару кадров назад и исправить допущенную оплошность. Всего лишь маленькую оплошность.

Впервые за долгое время я почувствовал, что хочу выпить. Воображение мгновенно нарисовало картину, в которой я подношу стакан с виски к губам, делаю восхитительно-обжигающий глоток, ощущаю, как оно спускается по пищеводу, достигает желудка, медленно разгоняет по венам застывшую кровь и, наконец, теплой спасительной волной поднимается в голову. Я четко представил, насколько мне станет легче после этого маленького глотка, но тотчас отогнал от себя эту мысль.

На самом деле мне потребовалось куда большее усилие над собой, чем могло бы показаться со стороны. Судорожно сглотнув, я потянулся в карман за сигаретами.

– Роб, ты ни в чем не виноват. Я сглупил, сказав тебе ту чушь. Прости, сам не понимаю, что на меня нашло. А вот от того, что ты будешь корить себя, легче не станет. – Ища слова поддержки, я помолчал, но потом горько добавил: – По правде говоря, ни от чего легче не станет. Эта боль надолго и уйдет она только со временем. Время единственное, что сможет помочь.

Я мог бы солгать, что завтра, через неделю или через месяц ему полегчает, но не хотел врать, заранее зная, через что ему предстоит пройти. Ему не полегчает ни через месяц, ни через год и даже спустя десять лет эта боль будет очень сильной. Она притупится со временем, но останется с ним навсегда. С этим невозможно смириться.

– Допивай свою водку и пойдем, – мягко, как ребенку сказал я. – Тебе надо поспать.

– У м-меня ничего н-не осталось... Айлин б-больше нет... д-дома т-тоже н-нет... У м-меня отобрали в-все, а я с-слишком стар, ч-чтобы жить д-дальше...

– Я у тебя есть, Роб. И Терри. Мы есть друг у друга, – четко, с нажимом на каждый слог выговорил я. – Пойдем. Тебе нужно выспаться, завтра рано утром выдвигаемся в путь.

Он послушно поднес стакан ко рту, одним махом выпил содержимое, затем с силой опустил его на стол. Стакан гром-

ко звякнул о деревянную крышку стола, а Роб в ту же секунду пьяно икнул. Расплатившись с барменом, я взял его под руки и повел к выходу.

Спустя семь часов я, Терри и Лора сидели перед телевизором в гостиной, пока Роб спал в нашей комнате. С той минуты, как я с трудом втащил его в квартиру, он ни разу не просыпался.

По местному телеканалу шли новости. В них говорили, что за ночь в округе пропало четверо человек, вследствие чего все уже поняли – ужас, творившийся в сотнях километрах к северу, добрался и сюда. Эвакуацию еще не объявили, но жителей призвали после наступления темноты не выходить из домов и по возможности готовиться к отбытию в лагерь для беженцев. Мы не успели уехать до начала паники. Что ж, теперь придется опять двигаться с черепашьей скоростью и стоять в пробках на каждом блокпосту.

Периодически я выходил на балкон, чтобы выкурить сигарету и глядел на притихший в вечернем сумраке город. Его рассеивал только свет уличных фонарей и мерцающие неоновым рекламные вывески. Дом Лоры находится почти в самом центре и обычно улицы здесь наполнены жизнью, но сегодня под окнами не наблюдалось ни души.

Выезжать я задумал на рассвете. Было неизвестно, как поведет себя Роб, но я определенно решил, что запихну его в свою машину и если будет нужно, повезу на восток даже против воли. Южный лагерь является лишь временной отсроч-

кой – отсюда до него четыреста пятьдесят километров, что для зараженных тварей означает всего пару недель пути.

Днем заезжал Харрис. Его настроение по поводу происходящего было таким же воинственным и вместе с тем скептическим. Поговорив с ним, я пришел к выводу, что от растерянности он просто сдался и не знает, что предпринять. Намерения сидеть в городе до последнего он так и не изменил.

Вместе с Льюисом и Райтом он обустроил убежище в подвале своего дома и ночами планировал его охранять, а днем жить обычной жизнью. Я сделал еще пару попыток убедить его в необходимости отъезда, но так и не достиг результата.

Когда Терри уснула, Лора предложила перенести ее к ней в комнату. Я тоже намеревался отправиться в постель и был уже на пути в спальню, но внезапно она остановила меня вопросом:

– Мистер Уилсон, мы можем поговорить?

– Конечно, Лора. В чем дело?

– Можно я поеду с вами? – выпалила она и тотчас отчаянно смутилась от собственной смелости.

Судя по всему, прежде чем обратиться ко мне, она потратила немало времени, чтобы как следует ей запастись. На лице у нее проглядывало сильное волнение, щеки порозовели, а глаза смотрели куда угодно, только не на меня.

Прозвучавшая просьба меня удивила, поэтому с недоумением я переспросил:

– С нами? Но ваша сестра и племянники остаются здесь.

Вам следует убедить ее и Харриса уезжать.

– Вы же слышали его, – тихо пролепетала она. – И потом, даже если они решатся уехать, то в лагерь. Я не вижу в этом смысла, он слишком близко.

– Здесь вы правы, но на первое время можно уехать хотя бы туда. Там есть военные, они позаботятся о вас и если инфекция докатится в те края, вас эвакуируют дальше.

– Да, но ведь вы сразу едете дальше. – В волнении Лора заломила кисти рук и наконец взглянула мне в лицо. – Я не буду мешать вам, мистер Уилсон. У меня есть кое-какие сбережения, к тому же вам потребуется помощь с Терри и мистером Холдером. Вам ведь не справиться в одиночку, а я могу вести машину, когда нужно...

– Лора... – прервал я, – дело вовсе не в этом. Мне казалось, вам будет лучше с семьей, но раз вы считаете, что ехать с нами для вас правильнее, конечно, я не против. В машине найдется место, да и Терри вашей компании будет рада.

– Спасибо, мистер Уилсон. Я встану в шесть утра и быстро соберу свои вещи. Обещаю, я вас не задержу...

– Хватит, Лора. Оставьте. Доброй ночи.

Пресекая ее дальнейшие пылкие благодарности, я поспешил уйти к себе, лег на раскладушку и уставился в подсвеченный уличными огнями потолок. Роб до сих пор спал. Его дыхание было неровным, периодически он стонал и ворочался во сне, а я прислушивался к нему и думал обо всем, что сегодня случилось.

Вспоминая различные моменты из жизни, я думал об Айлин и не мог представить, что ее больше нет. Думал о Робе и о том, как он справится со свалившимся на него горем. И думал о Терри. За весь сегодняшний день она произнесла только несколько фраз и мне очень хотелось верить, что молчание ее не затянется слишком надолго.

Пожалуй, Лора права – я не представлял, как справлюсь со всем в одиночку и, наверное, хорошо, что она решила ехать с нами. Возможно, при ее участии и Терри, и Роб быстрее придут в себя.

Глава 33

Мы были в пути уже больше суток. Неожиданно для меня Роб сдался и полностью согласился на все мои предложения – оставив пикап под домом Лоры Прайс, он взял с собой лишь самое необходимое и безропотно пересел ко мне в машину. По поводу поездки на восток он тоже не сопротивлялся, только махнул рукой, предоставив мне самому решать, куда ехать.

Атмосфера в машине держалась гнетущая – большей частью мы молчали, а если и начинали вести вялый диалог, то сами не сознавая того, говорили полусшепотом. Собственно, всем нам было не до разговоров – Терри по-прежнему предпочитала безмолвствовать, а Роб не отрывал от окна мрачного взгляда. Не уверен, что он видел там хоть что-нибудь, но вид при этом имел крайне сосредоточенный. Одна только Лора время от времени делала тщетные попытки разрядить

тягостную обстановку, но выглядело это несколько наивно, если не сказать неуклюже.

Весь вчерашний день я провел за рулем и оставил позади около семисот километров пути. В эту пору световой день длится порядка десяти часов, так что с поправками на ночевки, остановки и блокпосты, в среднем ежедневно мы будем покрывать приблизительно такое же расстояние. По моим подсчетам, вся поездка должна занять у нас не больше пяти суток.

Эвакуация в южных округах еще не началась, однако некоторая часть населения уже потянулась в сторону военных убежищ. Машин на дорогах нам попадалось немало, но в целом движение было свободным. В настоящую пробку мы угодили пока лишь раз, когда вчера вечером покидали один округ и въезжали в другой.

На блокпосту полиция проверяла документы, досматривала людей и машины, но, к моей радости, вела себя вполне корректно. Того безумия, с каким мы столкнулись при бегстве из дома, больше не наблюдалось. Медиков в оранжевых костюмах тоже нигде не было видно.

Тем временем в городах, что вчера и сегодня утром мы оставляли за спиной, основная масса людей продолжала жить обычной жизнью. Все они не желали замечать происходящего и, подобно Харрису, отказывались признавать нависшую над ними смертельную угрозу. Они будто нарочно зарывали головы в песок, прячась за скепсисом и красивыми

лозунгами о защите своей земли, но, несомненно, каждый из них испытывал растерянность и страх.

Проезжая по улицам таких городов, я разглядывал случайных прохожих и не мог отделаться от мысли, что большая их часть обречена. Конечно, кто-то сможет спастись, но уцелеть удастся далеко не всем. Многие из этих людей вскоре превратятся в инфицированных тварей, а затем будут бродить в потемках, выискивая для себя следующих жертв.

До полудня мы продвигались вдоль государственной границы в восточном направлении, а после дорога повела нас на север. Нам предстояло ненадолго заехать вглубь страны, чтобы потом повернуть к побережью. Эта местность пролегает далеко от нашего с Робом и Терри родного округа, но в соседнем с ним эпидемия господствовала уже в полную силу, а потому и здесь было беспокойно. Как только мы въехали на его территорию, сразу это ощутили.

Если в южных регионах жизнь еще хоть как-то продолжалась, то с продвижением вверх картина сильно изменилась. Крупные города пока слабо шумели, в маленьких же поселках было пустынно. Многие дома стояли с заколоченными окнами или вовсе казались покинутыми. На улицах скопился мусор, малочисленные люди ходили, как безликие серые тени, магазины и заправки не работали, либо были подчистую разграблены.

Грязными бетонными коробками они громоздились над землей, зияя темными провалами выбитых окон и выдран-

ных с корнем дверей. Всюду валялись обломки искореженного металла, битое стекло, обгоревшие до черноты остовы машин. Всплеск мародерства прокатился и по этим краям.

К пяти часам вечера мы миновали очередной, практически полностью покинутый жителями городок. В нем мне повстречалось всего два отеля, но оба они оказались закрыты. На протяжении последних двухсот километров так было везде и это немало меня беспокоило. Я понимал, что совсем скоро холодный дневной свет окончательно угаснет и тогда все вокруг нас погрузится во тьму.

Ехать сквозь нее я не желал. Неизвестно, как в здешних местах обстоят дела с зараженными, а идти на риск мне не хотелось.

– Роб, похоже, сегодня придется искать другой ночлег, – привлекая его внимание, сказал я. – За последние три часа я не встретил ни одного открытого отеля.

Прошедшую ночь мы провели в придорожной гостинице, в целях безопасности сняв один большой номер на четверых. Я отсыпался, а Роб до утра просидел в кресле перед телевизором. Скорее всего, он не придавал значения тому, что смотрит, потому как открыв глаза, я увидел его плящимся в экран, где идет глупый мультфильм для совсем маленьких детей. Подобное не смотрит уже даже Терри.

– Что? – посмотрев на меня так, будто видит впервые, безучастно переспросил он.

– Я говорю, все отели закрыты. Не знаю, где будем ноче-

вать.

Повернув голову вправо, он принялся разглядывать, что происходит за окнами машины, однако по его виду я догадался – происходящее там его мало интересует.

– Можно найти пустой дом, – ответил он наконец.

– Предлагаешь вломиться в чье-нибудь жилище? – со слабой улыбкой сострил я, но едва натолкнувшись на его пустой взгляд, понял, что плевать он хотел на мое остроумие. Стерев улыбку с лица, уже серьезно я добавил: – Тогда постарайся поспать, потому что ночью тебе снова придется дежурить.

– Хорошо, – с той же безучастностью проронил он.

С момента отъезда Роб почти не спал и со всем соглашался. Проснувшись вчера на рассвете, он долго сидел, обхватив руками голову и, не шевелясь, смотрел в одну точку. Мне пришлось звать его трижды, прежде чем он встал, чтобы начать одеваться. Это коматозное состояние сохранялось у него и сегодня – казалось, он настолько ушел в себя, что не замечает ничего вокруг.

Подобное поведение было так не похоже на Роба, которого я знал, что тревога за его состояние одолевала меня все сильнее. Иногда я пробовал отвлечь его от горестных мыслей, но все мои попытки завязать беседу разбивались об его односложные ответы или вовсе нежелание говорить. Со смертью Айлин он утратил какой-либо смысл двигаться вперед, бороться, сопротивляться и даже просто жить.

Понимая, что он испытывает, я готов был отдать что угод-

но, лишь бы облегчить его горе. Если бы я только мог вернуть ему Айлин, я бы не задумываясь это сделал, но все, что мне оставалось – ждать. В надежде, что время поможет, я оставил его в покое, но начинал опасаться, что он может так и не прийти в себя. Сильнее всего я боялся проснуться однажды от звука выстрела и найти его мертвым.

Ночлег мы отыскивали в крохотном поселении неподалеку от главной дороги. Заехав в него за полчаса до наступления темноты, мы обнаружили, что вокруг нет ни души, а двери всех домов заперты на замок. Вламываться мы не решились, а потому обосновались в небольшой баптистской церкви. Это высокое, вытянутое в длину здание из красного кирпича оказалось единственным, что беспрепятственно пропустило нас внутрь. Подперев дверь тяжелой дубовой скамьей, мы побросали на пол спальные мешки, зажгли фонарь и поужинали мясными консервами.

В церкви было пустынно и холодно – кроме широкого помоста с трибуной и лавок для прихожан, другой мебели здесь не нашлось. Под потолком гуляло гулкое эхо. Отражаясь от высоких стен, оно многократно усиливало любой звук, будь то шарканье ног, стук ложки о консервную банку или редкое перешептывание Лоры и Терри.

Когда с ужином было покончено, мы вчетвером сбились в тесный кружок и долгое время просидели в гробовом молчании. Спать было слишком рано, поэтому каждый из нас погрузился в свои безрадостные размышления. Я выстраивал

в голове предстоящий на завтра маршрут и гадал, что ждет нас в конце этого длинного путешествия, а изредка уходил в другой конец здания, чтобы выкурить сигарету.

Вины я не испытывал. Я отдавал себе отчет, что для кого-то этот дом является храмом божьим, но, откровенно говоря, мне было до лампочки. Бог, если он и существовал, давно покинул людей и теперь, точно безумный маньяк, забавляется, наблюдая за тем, как они барахтаются в срежиссированным им же самим кошмарном сценарии.

Когда в девять вечера сон все-таки начал валить меня с ног, я стянул с себя куртку и забрался в спальный мешок. Терри и Лора, как казалось, уже спали, а Роб сидел в скрюченной позе с подтянутыми к торсу коленями. Не производя никаких движений, он провел в этой позе последние два часа.

– Роб, ты справишься? – укладываясь поудобнее, тихо спросил я. – Если начнешь засыпать, разбуди. Я сменю.

Он не проронил ни слова и даже не пошевелился. Не дождавшись ответа, я лег, но тотчас услышал его шипящий от злобы шепот:

– Хватит разговаривать со мной, как со слабоумным. Я лишился жены, а не рассудка.

– Роб, ты чего? – опешил я.

– Ничего! Ты думаешь, я ни на что не годен, раз позволил ей умереть, так? Думаешь, раз не смог ее защитить, значит теперь мне нельзя доверять?

Его шепот эхом разносился по зданию, придавая зловещую окраску каждой произносимой фразе. От удивления я сел и разглядел, что Терри и Лора тоже приподнялись со своих мест и теперь с опаской вслушиваются в наш разговор. Сдержанным, как можно более убедительным и мягким тоном я проговорил:

– Перестань, Роб. Ты знаешь, что я не думаю ни о чем подобном. Я беспокоюсь за тебя, это правда и прекрасно понимаю, что ты чувствуешь...

– Ни хера ты не понимаешь! – повысил он голос.

– Роб, я тоже потерял жену. Я знаю, что это такое...

Ответом мне стал его издевательский хохот, усиленный все тем же пресловутым эхом. Уносясь к высокому потолку, оно билось о стены, кружилось над нашими головами, мучительно резало слух. Роб уже замолчал, а оно все продолжало разноситься под церковными сводами.

– Ты понятия не имеешь, что значит потерять жену, – произнес он под его отзвуки. – Я любил Айлин, а тебе хватило каких-то двух жалких лет, чтобы забыть про Анну и побежать за первой же сучкой...

– Хватит! – резко, будто наотмашь ударив, вскричал я. – Замолчи, мать твою!

– Уже замолчал.

Он с презрением усмехнулся и действительно смолк. Не двигаясь с места, я несколько минут просидел в оцепенении, а потом откинулся на спину и устремил глаза в неразличи-

мый в темноте потолок.

Внутри все клокотало от обиды и гнева. Раскаленными прутьями они впивались мне в ребра, сдавливали горло удушьем, пронзали мозг лютой злобой. Хотелось подняться и долго, со всех ног куда-то бежать. В эту ночь я почти не спал.

К утру в церкви стало совсем холодно, отчего все мы проснулись еще до рассвета. Из-за бессонной ночи я чувствовал себя таким разбитым, словно меня вышвырнули с пятидесятого этажа, а потом отодрали от асфальта и заставили вновь куда-то идти. Злость на Роба прошла. Да и не имела она смысла – глупо злиться на человека, испытывающего скорбь от потери жены.

Думаю, Роб и сам понимал, что наговорил лишнего, поскольку вид у него сделался еще хуже. Его будто придавило тяжелой гранитной плитой, настолько он стал ссутулен и молчалив. Никому из нас он не сказал ни слова.

Третий день нашего путешествия прошел без происшествий. Мы передвигались практически в полной тишине, зато проделали длинный путь и заночевали в одном из отелей крупного города. Там было тепло, безопасно и многолюдно, так что эта передышка позволила всем нам немного расслабиться и восстановить силы. Едва прикончив свой ужин, я завалился в кровать и крепко проспал до самого утра.

К концу следующего вечера мы добрались почти к самому пункту назначения. До него оставалось каких-то триста семьдесят километров, но наступление темноты вынуди-

ло нас сделать передышку. Снова мы остановились в маленьком, подчистую покинутом жителями городке, однако помня о ледяном холоде, стоящем в баптистской церкви, на этот раз не постеснялись вломиться в чей-то брошенный дом.

Близилась середина декабря и дни становились короче, а ночи, напротив, все продолжительнее и все темнее. Помимо того, в этих краях было ощутимо холодней. В ночное время воздух охлаждался до минусовых температур, а выпавшие за день осадки по утрам покрывались тонким слоем прозрачного льда.

За время отсутствия хозяев приютивший нас дом успел потерять тепло обитаемого жилища и буквально дышал промозглой пустотой. Чтобы согреться, мы по максимуму натянули на себя теплую одежду, а в какой-то момент даже с сожалением вспомнили церковь. Теперь она не представлялась нам такой уж скверной.

Укрывшись одеялом, Терри спала, а я неподвижно стоял в центре комнаты и обдумывал завтрашний день. Если повезет, уже до полудня мы доберемся к лагерю. Я был рад окончанию этого долгого и трудного пути, но одно меня беспокоило – чем ближе мы подъезжали, тем больше машин с нервными, перепуганными людьми встречалось нам на дорогах. Мы ни с кем не вступали в контакт, потому как не все одинаково мирно реагировали на происходящее. Кругом возникали стычки, потасовки, кражи, а иногда и убийства.

– Мистер Уилсон, – протягивая кружку с горячим чаем,

шепотом позвала меня Лора, – вы считаете, нам удастся попасть в лагерь? На дорогах столько людей, что мне начинает казаться, будто сюда съехались жители со всей страны.

Рассеянно поморгав, я вышел из задумчивости и взял кружку из ее рук.

– Очень на это надеюсь, Лора. Вы же слышали, как вчера по радио объявили, что построили еще одно убежище на несколько тысяч мест. Там их уже пять, так что уверен, где-то нам точно удастся пристроиться.

– А там будет интернет? – сонным голосом поинтересовалась Терри.

Я думал она давно спит, но, вероятно, она прислушивалась к нашей беседе. Вопрос об интернете ее волновал особенно остро – за прошедшие четыре дня он постоянно работал с перебоями. Как сообщили в новостях, что-то случилось с вышками сотовой связи и пока было неясно, когда поломки устранят.

Терри ужасно психовала, потому что лишилась возможности вести переписку с подругой, играть в игры и смотреть видеоролики. Во время дороги это было ее единственным развлечением.

– Не знаю, детка. Думаю, скоро должны починить, – кое-как выдавив улыбку, пообещал я. – Не могут же нас оставить без связи.

За минувшие дни Терри немного отошла и стала более разговорчивой. На ее щеки вернулся слабый румянец, голос

завучал чуть звонче, а в синих глазах зажегся потухший было свет. Большую часть дня она проводила на заднем сиденье, уткнувшись в телефон или тихо переговариваясь с Лорой. По ночам они спали рядом или в одной постели.

Я был благодарен Лоре за помощь. Она держалась с поразительной выдержкой, как могла подбадривала Терри, садилась за руль, когда мне требовался отдых и заботилась о Робе. Сам он после нашей стычки сделался как потерянный ребенок и часто забывал о таких естественных потребностях организма, как сон или еда. С того времени он ни разу не сказал, что голоден или хочет пить и если бы Лора периодически не напоминала ему об этом, наверное, сам бы даже не вспоминал.

Когда она вставляла тарелку с едой ему в руки, поначалу он непонимающе смотрел на ее содержимое и только потом принимался послушно есть. Глядя на него в такие минуты, я подозревал, что он не осознает своих действий и наверняка не ощущает вкуса еды. Одним словом, присутствие и поддержка Лоры были неоценимо значимы для всех нас, но кое-что меня все же заботило. Уже несколько раз я поймал на себе ее странный взгляд.

Впервые это случилось на второй день. Тогда я случайно посмотрел в зеркало заднего вида и неожиданно встретился с ней глазами. Лора свои быстро опустила, но по ее смущенному лицу я понял, что она наблюдала за мной. Успев уловить в ее взгляде то, что интуитивно считываешь как прояв-

ление симпатии и влечения, тут же я догадался – вызван он не праздным интересом.

В тот раз я отмахнулся от этой мысли, решив, что мне могло показаться, но позже уловил ее взгляд снова. Внезапно для меня стала ясна ее робость в моем присутствии, а также желание ехать с нами. Прежде я воспринимал его как элементарную потребность спастись, однако теперь понял – была еще и скрытая причина. Лора явно испытывала ко мне некие чувства и открытием этим я тяготился.

Пожалуй, где-то в глубине души мне польстило ее внимание, но я отлично сознавал, что не смогу ответить ей тем же. Лора милая девушка и достаточно привлекательна внешне, вот только как бы я не старался, ничего кроме благодарности в себе отыскать не сумел. По этой причине я продолжал делать вид, будто ничего не заметил.

Увидев, что она до сих пор стоит рядом, с вежливой улыбкой я проронил:

– Ложитесь в постель, Лора. Утром опять ранний подъем, но обещаю, уже завтра мы будем в каком-нибудь безопасном и, хотелось бы верить, теплом месте.

Получив в ответ благодарно-застенчивую улыбку, я вышел на улицу. Ночь была тихой и звездной. От легкого мороза изо рта шел пар, кругом не раздавалось ни звука. Запахнув по сильнее куртку, я закурил и надолго задумался о том, что ждет нас впереди.

Глава 34

Утром я пил чужой кофе в чужом доме. Перед этим я спал в чужой постели и мылся в чужом душе. В этом новоявленном мире больше не существовало собственности – все, что я имел, умещалось во вместительном багажнике моего автомобиля.

Я собирался отправиться к нему, как только рассветет. Пока что он ни разу меня не подвел, но не хотелось, чтобы в пути нас застигла врасплох какая-нибудь неожиданная поломка, а потому каждое утро я заглядывал под капот, внимательно всматривался во внутренности металлических механизмов, слушал работу двигателя, исследовал ремни и шланги на наличие трещин, проверял количество масла и так по кругу. Это стало своего рода ритуалом и сейчас я лишь дожидался восхода солнца, сидя в тишине чьей-то маленькой кухни.

За истекшие часы дом успел прогреться, поэтому здесь было тепло. Прислонив голову к дверце небольшого холодильника, я курил свою первую утреннюю сигарету, когда из комнаты, где спали Терри и Лора, появился Роб. Он провел очередную бессонную ночь у телевизора и теперь выглядел еще более растрепанным и осунувшимся.

Со дня гибели Айлин Роб перестал бриться, отчего лицо его густо покрыла седая щетина, над потускневшими глазами нависли тяжелые веки, кожа приобрела землисто-серый оттенок, а крупный нос как будто сделался еще внушительнее и странным образом подогнулся книзу. Я почти привык

к его новому облику, но сегодня он был странно оживлен. Вопросительно взглянув ему в глаза, я предложил кофе.

Неопределенно мотнув головой, он отказался, но затем помявшись в дверях, спросил:

– Ты считаешь, в лагере мы будем в безопасности?

Я снова бросил на него взгляд, но на этот раз уже с удивлением. За минувшие дни он редко задавал вопросы, а кроме того, я бы не подумал, что в данную минуту его заботит безопасность. Вдобавок, с момента нашего спора он заговорил со мной впервые.

– Разве теперь можно на это рассчитывать? – криво усмехнулся я. – Всего лишь вопрос времени, когда они доберутся и сюда. Если никто не найдет способа их обезвредить или уничтожить, думаю, через месяц-другой нам снова придется бежать.

– Тогда какой в этом смысл?

Он разочарованно вздохнул и устремил взгляд за окно.

– Чтобы выжить, Роб. Я не теряю надежды, что рано или поздно их всех сотрут в порошок.

Отставив пустую кружку, я поднялся из-за стола. Снаружи наконец занялся рассвет и я намеревался прогуляться к машине, а после будить Терри с Лорой.

– А почему ты спрашиваешь? – проходя мимо него, поинтересовался я.

– Я ночью новости смотрел. Кое-что произошло.

Роб все так же безучастно глядел в окно, а в моем моз-

гу вдруг отчетливо щелкнула мысль, что сейчас он скажет нечто очень скверное. Я буквально почувствовал, как кишки внутри у меня сжались от дурного предчувствия, а по затылку пробежал холодный озноб.

– Не тяни, Роб. Что стряслось?

– Один из лагерей на севере.

– Ну? – поторопил я, так как он замолчал.

– На него напали. Тех тварей была целая толпа. Была паника и давка. Много погибло и много заразилось.

С каждой его отрывистой, будто нехотя проговариваемой фразой я ощущал, как все больше погружаюсь в оцепенение. Мысли лихорадочно крутились в голове и, наталкиваясь одна на другую, звонко бились о стенки черепной полости. По глазам Роба я видел, что он еще не обо всем мне сказал, но уже догадался в чем дело.

– Марта?

Я сам не понял, как выдохнул ее имя и почему оно было первым, что пришло мне на ум.

– Точно не знаю, – вяло протянул он, – но позавчера вечером она была там. Я как раз смотрел выпуск новостей с ней. Она рассказывала про...

Я уже не слушал. Не говоря больше ни слова, тяжело развернулся и вышел за порог дома. Очутившись на улице, в состоянии полной прострации добрался до машины, завел мотор и выехал на дорогу.

Сжимая в руке телефон, я гнал по безлюдным улицам, ко-

лесил вдоль осиротевших домов, сворачивал в кривые переулки, петлял вокруг городского парка, заезжал на парковки магазинов... В поисках сигнала связи, я изъездил этот чертов городишко вдоль и поперек. Мне хотелось узнать все самому.

Несмотря на то, что порой меня раздирало от желания увидеть ее лицо и услышать ее голос, за прошедшие два с половиной месяца лишь однажды я смотрел ее репортаж. Это было в тот день, когда я влез на холм у дома Дэвисов. Тот самый холм, где теперь похоронена Айлин.

Тогда я хотел убедиться, что с ней все в порядке, в остальное же время успешно боролся с желанием набрать в строке поиска ее имя. Особенно сильно это желание накатывало по ночам, когда я просыпался от своих кошмарных снов, но даже в те моменты мне удавалось его перебороть. Наверное, я чувствовал, что если позволю себе это сделать, меня окончательно снесет волной неутолимой, загнанной вглубь подсознания тоски.

Разглядев, что на экране высветился значок соединения с сетью, я резко затормозил, вцепился непослушными пальцами в телефон и начал искать. Открывая страницу за страницей, жадно вглядываясь в расплывающиеся буквы, набирая в поисковике запросы с ее именем, я смотрел каждое всплывающее видео, а меня тем временем все сильнее охватывало чувство нервного напряжения. Сигнал был слишком слаб и требовалось нечеловеческое терпение, чтобы дождаться, ко-

гда откроется каждая следующая вкладка. Ежесекундно мне хотелось ударить телефоном об руль, как будто это могло увеличить скорость загрузки и лишь усилием воли я удерживался от того, чтобы не вышвырнуть его в окно.

Спустя полчаса я сидел и будучи не в силах пошевелиться, тупо пялился в пустоту. Где-то в районе солнечного сплетения нарастал болезненный ком, в голове стояла звенящая пустота. Со вчерашнего вечера Марты нигде не было. Последний репортаж она действительно вела из лагеря, на который ночью обрушилась толпа инфицированных, но даже если предположить, что она покинула его до того, как все произошло, ни от нее самой, ни от ее коллег вестей я не обнаружил.

По съемкам, выложенным в сеть теми, кому удалось выбраться, там произошла настоящая мясорубка. Твари пришли с разных сторон. Их было не меньше двух тысяч и, несмотря на выстрелы и высокие заграждения, все они шли напролом. Ублюдки бросались на живых, заражая всякого, кто встречался у них на пути. Военные до последнего вели по ним огонь на поражение, но поняв, что не справляются – уехали, прикрывая лишь тех, кому посчастливилось спастись.

На руку им сыграла и мгновенно охватившая толпу паника – обезумевшие от ужаса люди беспорядочно бежали в разные стороны, сбивались с ног, падали, давили друг друга. В попытке найти спасение многие из них не разбирались, кто

стоит у них на пути и сносили любого, будь то такой же человек или зараженный. В том лагере находилось около пяти тысяч поселенцев, среди которых было множество женщин и детей. Самые слабые погибли в первую очередь, скольким удалось выжить оставалось неизвестным до сих пор.

Еще очень долго я сидел, уронив голову на руль. Я не думал ни о чем конкретном и в то же время в мозгу копошились сотни различных мыслей. Среди них были мысли о погибших людях и этой внезапной, четко скоординированной атаке инфицированных, однако основная их доля приходилась, конечно, на Марту.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем сквозь шум в ушах до меня донесся звук звонящего телефона, но только спустя минуту я нашел в себе силы поднять голову и посмотреть на экран. Звонок исходил от Терри.

– Детка, я скоро приеду, – севшим голосом пробормотал я, после чего сразу нажал отбой.

Бесцельно пялясь в пространство, еще какое-то время я просидел на одном месте, а затем завел двигатель и поехал назад.

Оказалось, что Терри и Лора давно проснулись и теперь с волнением ждали меня. Связи ни у кого из них не было, поэтому чтобы дозвониться, им тоже пришлось блуждать по переулкам вокруг дома. Там я их и встретил. Обе выглядели обескураженными и напуганными. О нападении на лагерь они уже знали.

К конечной цели нашего утомительного путешествия мы добрались далеко за полдень. На дорогах происходило настоящее столпотворение, приходилось подолгу стоять в пробках. Помимо того, на бесчисленных блокпостах нас ждали проверки, досмотры и гора идиотских вопросов. Все было как и два с лишним месяца назад.

От происходящего во мне зрело чувство слепой ярости. Не в силах сдерживать себя, я стучал кулаком по рулю и раздражался матами на подрезающих меня других водителей. После того, как я чуть не взорвался, споря с очередным парнем в военном обмундировании, Лора мягко убедила меня пересесть на заднее сиденье.

Теперь в машине стояла еще более гнетущая атмосфера. Разглядывая хаос на улицах многомиллионного города, я со злобой смотрел в окно и то, что я там видел, повергало меня глубочайший шок. Он очень переменялся с тех пор, как я впервые побывал здесь несколько лет назад.

Тогда город напоминал гигантский организм с четко отлаженной работой органов, по артериям которого в строгом порядке движутся потоки людей и машин. Он ошеломлял высотой небоскребов, красотой и величием архитектурных объектов, буйством звуков и запахов, а также особым, только ему присущим темпераментом. Создавалось впечатление, будто он никогда не затихает, а на его наполненных неисчерпаемой энергией улицах в любую секунду происходит какое-то новое событие. Сейчас все изменилось.

Город был такой же огромный и шумный, но теперь это был другой шум. Панический. Оглушающий. С примесью надвигающейся опасности и страха.

Все здесь гудело, словно в клокочущем жерле ядерного реактора, а сам он походил на клубок свившихся в безудержной брачной вакханалии змей. Улицы были охвачены беспорядками, баррикады из бетонных блоков и военная техника перекрывали движение, горы мусора и отходов источали жутчайшую вонь, а разношерстное, большей частью озлобленное и воинственно настроенное население добавляло его облику сюрреалистичности.

Внутри его рубежей все боролось за место под солнцем, был занят каждый свободный клочок земли. И люди, и животные спали где придется – на тротуарах, на лавочках, на остановках, даже возле мусорных баков... Приехав сюда, мы угодили в подлинную клоаку.

Наблюдая за творящимся снаружи безумием, я сжимал в руках телефон и ежеминутно проверял сигнал связи. Он отсутствовал с тех пор, как мы проехали последний блокпост. О Марте по-прежнему не было вестей.

К середине дня стало известно, что из пяти тысяч человек спастись удалось примерно одной трети, а ряды зараженных всего за какую-то ночь пополнились тысячами свежих, готовых на все новобранцев. Их уже никто не считал, поскольку эпидемия достигла беспрецедентных масштабов, но по самым скромным оценкам эта цифра приближалась к трем

миллионам. Я не хотел думать о том, что Марта, возможно, стала одной из них.

Давно уже я со всем смирился и даже не рассчитывал когда-нибудь еще увидеться с ней, однако предположение, что она мертва или превратилась в свирепую тварь, было невыносимым. Два месяца назад я запретил себе вспоминать о ней и, как мне казалось, неплохо справлялся, теперь же во мне словно прорвало плотину. Мысли хлынули в голову сносящим все на своем пути потоком и это приводило в отчаяние.

С трудом я боролся с желанием развернуть машину и мчаться на север, чтобы попытаться ее отыскать. Мне хотелось отыскать ее, чтобы просто убедиться, что она жива и я буквально сходил с ума от того, что не могу этого сделать. Также как не смог остаться с ней два месяца назад. «Не смог или не захотел из-за своего гребаного упрямства, Джон?» – чувствуя как горечь и сожаление подступают куда-то к самому горлу, в который раз за прошедшие часы спросил я себя.

– Папа, – тихо позвала меня Терри. – Ты думаешь, она не смогла убежать?

Она сидела рядом и, открыв от изумления рот, смотрела в окно, но, по всей видимости, выражение моего лица чересчур живописно отображало мысли, копошащиеся у меня в голове. Терри снова меня удивила. По старой привычке я считал ее всего лишь ребенком, однако сейчас вдруг понял – она знала о Марте. Она ничего не говорила и ни о чем не

спрашивала, но оказывается все понимала.

– Не знаю, Терри. Хотелось бы верить, что смогла. Может, позже появится связь...

Не успел я закончить фразы, как в ту же секунду на нашу машину налетел грязный, оборванного вида бродяга. Ожидая зеленого сигнала светофора, Лора стояла на перекрестке, но едва она тронулась с места, как он выпрыгнул откуда-то сбоку, стукнулся об лобовое стекло, затем отлетел в сторону и тотчас подбежал вновь. Положив на капот руки, оборванец впился в Лору горящими безумием глазами.

Его голова была чудовищно заросшей, лицо с нездоровым, бледно-желтым оттенком кожи кривилось в гримасах сумасшедшего, а гнилой, слюнявый рот бессвязно выкрикивал:

– Они близко! Близко! Спасайтесь!

– Чертов придурок! Проваливай! – приоткрыв окно, крикнул я.

– Они придут! Придут! Скоро на землю опустится тьма и все вы вступите в царство Сатаны! Скоро вам всем настанет конец! – продолжал истерически выкрикивать он. – Их приход уже близок! Вы должны узреть истину! Только истинные Его последователи получают спасение!

Выйдя на дорогу, я направился к нему. От бродяги исходил нестерпимо едкий запах мочи и дерьма, а покрытые коркой грязи руки сжимали пачку листовок. По-прежнему неся бессвязный бред, он протягивал мне одну из них.

Я попытался его отогнать, но поняв, что слова не действуют, с отвращением схватился за его замызганную куртку и отшвырнул к обочине. Свалившись в кучу мусора, он продолжал вопить про конец света и спасение только для избранных, а я открыл дверь со стороны водителя и грубо выпалил:

– Будет лучше, если я поведу!

Взглянув на меня так, словно я залепил ей пощечину, Лора торопливо выскочила из машины и пересела на заднее сиденье. Сев за руль, я с ревом рванул с места.

– Папа, кто он? – спросила Терри, круглыми глазами глядя на то, как чокнутый оборванец опять поднялся на ноги и прыгнул уже на другую машину.

– Какой-то свихнувшийся религиозный фанатик, детка, – все еще находясь на взводе, ответил я. – Держись от таких подальше.

Спустя минут пять я немного остыл и сразу осознал, что повел себя с Лорой неоправданно грубо. Посмотрев в зеркало заднего вида, я уловил на ее лице несчастное выражение. С пунцовыми от стыда щеками она сидела, забившись в угол сиденья и неподвижно смотрела в пол.

– Простите, Лора, – негромко произнес я. – Я не хотел вас обидеть.

Скорбно поджав губы, она ответила:

– Все в порядке, мистер Уилсон. Наверное, все мы просто очень устали.

Еще через полчаса мы подъехали к лагерю.

Глава 35

– Приятель, мест нет, понимаешь? Все забито под завязку, – услышал я, продравшись сквозь толпу к воротам лагеря. – Я бы рад помочь, но народу тут уже как сельдей в бочке. Шагу не ступить, чтобы не натолкнуться на чью-нибудь недовольную рожу.

Я разговаривал с темнокожим военным, тщетно убеждая его впустить нас на территорию убежища. Вокруг бурлило скопище людей, которые так же, как и мы, стремились попасть внутрь. Некоторые из них жили прямо тут, разбив палатки под высокими стенами ныне не действующего металлургического завода.

Его, как и многие другие промышленные объекты, в срочном порядке переоборудовали в укрытие от зараженных. Из-за монолитного, непрístupного на вид забора выглядывали гигантские дымовые трубы и плоские крыши заводских цехов. По периметру была натянута цепь колючей проволоки, а через каждые пару сотен метров располагались свежеоснащенные, щетинившиеся автоматами охранников караульные вышки.

– Вот же дерьмо!

Прикурив сигарету, я разглядел вдалеке Роба, сидящего в машине с уже привычным отрешенным видом и Лору, стоящую возле. На ее лице по-прежнему сохранялось скорбное от обиды выражение. «Не стоило грубить ей», – с запозда-

лым сожалением подумал я и задумался о словах, что скажу им, когда вернусь ни с чем.

– Только прибыли? – поинтересовался у меня военный и тоже потянулся к карману за пачкой сигарет.

Он вместе с еще пятью своими товарищами стоял у проходной, охраняя подступы к воротам от беженцев, но был единственным, кто делал это без снисходительной надменности. Парень был молод и, по всей вероятности, совсем недавно поступил на военную службу. По его сочувственному взгляду было видно, что он еще не успел приобрести присущую этому классу общества циничность и закостенелость, не утратил отзывчивости и сострадательности, свойственных обычным людям.

– Да, час назад, – угрюмо ответил я, но заметив, что слушает он меня с внимательным участием, добавил: – Пять дней сюда с юга тащились. Не думал, что здесь такое творится. Там пока потише.

– Ну, это пока. Я слышал, туда уже тоже добрались. – Я кивнул, а он поправил сползающий на лоб защитный шлем и выудил из кармана сложенную в несколько раз карту города. – В пяти километрах отсюда есть еще один лагерь. Его недавно построили, попробуй узнать там. Ничего не обещаю, говорят, у них тоже все забито, но попытаться можно.

Он указал на карте направление, куда ехать и, словно оправдываясь, произнес:

– Сейчас многие ночуют, где придется. Сам видишь, го-

род переполнен, того и гляди, лопнет как чертов мыльный пузырь, а люди все прибывают. Скоро даже дышать станет нечем.

– Выходит, когда те твари доберутся сюда, живущие на улицах заразятся в первую очередь? – спросил я с усмешкой. – И как думаешь, куда они нацелятся потом?

– Кто знает... – пожал он плечами. – Стены у нас высокие. Выстоят. Сейчас вроде оборудуют еще пару убежищ, но ты же понимаешь, на всех мест все равно не хватит, так что советую постараться куда-нибудь втиснуться. – Немного помолчав, он прибавил: – Вы вовремя приехали. Подозреваю, в ближайшее время город полностью закроют на въезд.

– Вот как?

– Ага. Черт-те что творится! – Презрительно сплюнув на землю, он глубоко втянул в себя сигаретный дым и выпустил обратно через широкие ноздри. – Если не удастся устроиться в лагере, рекомендую поискать другое укрытие или на крайний случай спуститься в метро.

– Я рассчитываю, что до этого не дойдет, – безрадостно посмеялся я, – но за совет спасибо.

– Да без проблем, приятель. Желаю удачи.

На улице тем временем быстро темнело. На часах было всего лишь без четверти пять, а дневные краски уже начали меркнуть, уступая место дымным, быстро наползающим сумеркам. Небо приобрело густой темно-синий оттенок и лишь над горизонтом, виднеющимся в зазоры между высотными

зданиями, алела размытая закатная полоса. С океанского залива дул несильный соленый ветер. Смешиваясь с дымом костров, что жгли живущие поблизости люди, он разносил по округе дразнящий ноздри запах.

Если бы не обстоятельства, что привели меня сюда, я бы назвал его запахом беспечности и свободы. Он напоминал мне о прошлом. О юности, о тех простых вечерах, когда мы с друзьями вот так же собирались у костра, пили пиво, болтали на самые разные темы, смеялись, шутили, слушали музыку, обнимали девушек. Напоминал о наших с Робом поездках к реке, когда ночами напролет мы сидели над удочками и вели неспешные задушевные разговоры. Еще он почему-то напоминал мне об Анне.

Теперь казалось, что все это происходило в чьей-то другой жизни – будто я подсматривал за кем-то в замочную скважину, а потом вдруг решил, что эти воспоминания принадлежат мне. Странное чувство. Горько усмехнувшись, я распрощался с разговорчивым охранником и направился к машине.

– Что будем делать? – спросил я Роба, пересказав перед тем все, что смог выяснить.

– Откуда я знаю? Это ведь была твоя идея притащить нас сюда.

Приняв свою равнодушно-отрешенную позу, он отвернулся к окну, давая тем самым понять, что его мало заботят мои проблемы. Это привело меня в гнев. Стукнув ладонью по приборной панели, я вне себя заорал:

– Роб, черт тебя возьми! Я же не могу в одиночку думать за всех! Приди наконец в себя!

Не дожидаясь его реакции, я завел мотор и так резко нажал на педаль газа, что шины издали протяжный жалобный визг. Роб молчал и продолжал таращиться в окно. Он вообще никак не отреагировал ни на мой окрик, ни на выходку с резким стартом.

– Черт! Прости, Роб! Прости! Я на взводе, – глядя прямо перед собой, проронил я. – Лора, и вы простите. Я не хотел на вас орать. Сейчас попытаемся прорваться в другой лагерь, а если не выйдет, придется или искать что-то другое, или ночевать в машине.

– Ничего, Джон, – не поворачивая головы, обронил Роб, затем вдруг усмехнулся и желчным тоном добавил: – Надеюсь, она сумела выбраться.

Я с удивлением посмотрел на него, но не получив ответного взгляда, промолчал. Мне была непонятна эта усмешка и тем более непонятен его тон, но я решил не задавать вопросов. Потом. Все потом. Для начала нужно отыскать ночлег, а заодно и чертову связь.

В семь вечера, когда над землей уже нависла холодная безлунная ночь, мы спустились в одну из старых станций метро на северной окраине города и обнаружили там около сотни человек. Зрелище, представившееся нашим глазам, было жалким. Здесь находились женщины, совсем маленькие дети, старики и даже один мужчина в инвалидном кресле. Кто-

то сидел на одеялах, у некоторых имелись спальные мешки, но большинство расположились прямо на полу или станционных путях. Все эти люди приехали из разных уголков страны и подобно нам, не смогли пробиться ни в один из укрепленных лагерей.

Здоровые мужчины тут тоже были. Небольшой группой из примерно двадцати человек они стояли у самого входа и что-то шумно обсуждали. Почти все были вооружены. Когда, растерянно озираясь по сторонам, мы появились внизу, некоторые из них проводили нас любопытствующим взглядом, но вопросов задавать не стали.

Спустились мы как раз вовремя. Сразу после нашего прихода они закрыли на замок железные решетчатые ворота и завалили вход старыми покрывками и мешками с песком. Я обратил внимание, что туннели, по которым некогда ходили поезда, уже завалены ими наглухо.

Помещение станции было просторным, но обшарпанным и грязным. Стены покрывала белая, местами отвалившаяся кафельная плитка, с выщербленного от сырости потолка брезжил блеклый желтоватый свет. Он обнажал всю неприглядность нашего случайного пристанища, будто намеренно напоминая о безысходности ситуации, в которой мы по моей вине оказались.

Платформ на станции было две и сюда с легкостью вместились бы еще человек пятьдесят, но все лучшие места, конечно, оказались заняты. Кое-как устроившись на неболь-

шом пятачке у входа в дальний туннель, мы скинули в кучу принесенные спальные мешки и теплые одеяла.

– Пап, я хочу есть, – подала голос молчавшая до сих пор Терри.

С опасливой подозрительностью она смотрела на происходящее вокруг и не верила, что мы действительно проведем сегодняшнюю ночь в этом сыром подземелье. Я и сам до конца не верил, но попытка найти пристанище в лагере не увенчалась успехом. Так же безрезультатно завершились все усилия по поиску свободного отеля.

Достав из рюкзака банку консервированного тунца, я быстро ее вскрыл и передал дочери. Консервы за последние пять дней стали нашей обыденной пищей. У меня их имелся внушительный запас, к которому прибавились припасы из оставленного на юге пикапа Роба, но я не хотел даже думать о том, что будет, когда они подойдут к концу.

– Мы правда будем спать здесь? – с набитым ртом поинтересовалась Терри.

Орудя вилкой, она с аппетитом поглощала содержимое консервной банки и закусывала хрустящим пшеничным хлебцом. Как и она, все мы были ужасно вымотаны и голодны. От усталости у меня ломило спину, затылок казался тяжелее пудовой гири, а желудок сводило от желания как можно скорее проглотить кусок чего-нибудь съестного.

– Да, Терри. К сожалению, у нас нет другого выбора. Ты же видела, на сегодня мы испробовали все варианты, так что эту

ночь придется потерпеть, а завтра что-нибудь придумаем.

Вскрыв вторую банку, я отдал ее Лоре. Обессиленно закрыв глаза, та привалилась спиной к грязной стене и, казалось, спала. Роб тоже выглядел измотанным. Хотя теперь таким он выглядел всегда.

Произнесенными словами я хотел подбодрить дочь, однако понятия не имел, что делать дальше. Когда я задумал ехать к восточному побережью и предположить не мог, что тут творится на самом деле. Я знал, что город переполнен и никто не станет встречать нас с распростертыми объятиями, но тем не менее рассчитывал пробиться под защиту одного из укрепленных лагерей. Сегодня стало ясно – мой план с треском провалился. Каждый, кто приезжал сюда, выживал как умел и был в ответе только за себя самого.

Наспех проглотив свою порцию тунца, я оставил Терри с Лорой и Робом, а сам направился к воротам, чтобы побольше разузнать об обстановке в городе. Там до сих пор проходило что-то вроде собрания жильцов. Один из них взгромоздился на огромную крышку от грузовика и, возвышаясь над остальными, с убедительным видом толкал какую-то речь.

Широко расставив длинные ноги и скрестив руки на груди, он стоял в позе человека, который абсолютно уверен в себе. По тому, как присутствующие окружили его тесным кольцом, можно было сделать вывод, что он у них за главного. И действительно, пока он говорил, все глаза и уши были обра-

щены в его сторону.

На вид ему было всего лет тридцать, однако он производил впечатление толкового и смышленного парня. Голубые глаза из-под высокого гладкого лба смотрели на окружающих с пытливым спокойствием, а движения тела казались твердыми и решительными. Оценив его прямую осанку и крепкое сложение, я пришел к мнению, что когда-то ему довелось служить в армии.

Подойдя ближе, я стал вслушиваться в разговоры. Парень, которого про себя я окрестил Сержантом (манерой держаться, короткой колючей стрижкой и даже одеждой тот и впрямь походил на военного), уже закончил говорить и теперь вокруг него стоял невообразимый галдеж. Из него я разобрал, что собравшиеся ошеломлены ночным нападением на севере и в данный момент обсуждают дальнейшие планы.

Все они говорили нестройным разноголосым хором, но из общего гама можно было выделить три основные идеи. Кто-то предлагал штурмом пробиваться в ближайшее укрытие, кто-то выкрикивал предложение подыскать более надежное место, но находились и те, кто считал, что оставаться в подземной станции метро будет безопаснее всего.

– Тише!

Призывая всех к спокойствию, Сержант, стоящий на своем возвышении, как судья на трибуне, поднял правую руку вверх. «Ему только судейского молотка и мантии не хватает», – подумал я, но все же мне было интересно услышать,

о чем он скажет.

– В запасе у нас от силы месяц, потом те зараженные уроды доберутся сюда. Надежды на то, что наши задницы будут спасать военные нет, поэтому мы должны позаботиться о себе сами.

– Верно! Правильно говоришь, Митчелл! В жопу военных! – раздались отовсюду одобрительные возгласы.

– Итак, вот что я предлагаю, – обедев присутствующих неторопливым взглядом, продолжил он. – К черту попытки попасть в лагерь. Мы должны объединиться и держаться вместе, но проблема в том, что нас тут слишком много. При этом с нами одинокие женщины и дети, о которых тоже кто-то должен позаботиться, а потому я считаю, что пора оставить эту станцию и поискать другое, более надежное укрытие.

Он замолчал и снова обвел всех по очереди испытывающим взглядом. Многие согласно ему кивали и выкрикивали слова поддержки, однако были и те, кто стоял в угрюмом молчании.

– Завтра я, Чарли и ты, Эдвардс, будем шерстить город в поисках укрытия, которое сгодится для такого количества людей, – вновь заговорил он. – Нет возможности попасть в лагерь, защищенный военными, значит создадим его сами!

– Это все замечательно, но где мы найдем укрытие, Митч? То, что могло бы сгодиться, давно занято. Мы должны остаться здесь, – выкрикнул кто-то из сторонников жизни в метро.

– Тут полно лазеек, которые мы не в состоянии контролировать и охранять, Моррис. Туннели мы завалили, но этого недостаточно. К тому же отсутствие водопроводной воды делает невозможным прятаться здесь долгое время, – спокойно возразил Сержант. – Как я уже сказал, мы трое ищем подходящее укрытие, а ты и еще шестеро добровольцев перетряхивают все закоулки в поисках припасов и оружия. Тащите сюда все, что может сгодиться в качестве еды, топлива, стройматериалов и защиты. Остальные охраняют эту станцию от чужаков и, если потребуется, дают отпор. Мародеров сейчас везде полно. Все ясно? Вопросы?

– Какие тут вопросы? – смерив остальных тяжелым взглядом, спросил грузный мужчина в возрасте за сорок. На его грубом лице с сильно выделяющимся мясистым носом отражалось выражение флегматичного спокойствия. – Митчелл дело говорит. А если кто не согласен – проваливайте. Мы никого держать не будем.

– Спасибо, Эдвардс, – кивнул ему Сержант. Похоже тот приходился ему кем-то вроде правой руки. – Эй, приятель, откуда к нам пожаловал?

Поняв, что он обращается ко мне, я поглубже засунул руки в карманы джинсов и спокойно ответил:

– С краев, откуда вылезли те твари. Жил в паре сотен километров от чертовой лаборатории. Я Джон Уилсон, со мной моя дочь и друг. Его зовут Роб Холдер. – Я кивком головы указал на сидящих вдалеке Роба, Терри и Лору. – Та девуш-

ка тоже с нами.

– Что ж, привет, Джон Уилсон, и добро пожаловать, – вполне приветливо поприветствовал меня Сержант. – Я Брайан Митчелл. Выходит, ты видел эту заваруху с самого начала?

– Пришлось.

– Зараженных уродов встречал? – внимательно глядя мне в лицо, любопытствовал он.

– Довелось повстречать, – усмехнулся я. – И немало. Прежде чем уехать из дома, прикончил троих. Моему другу тоже пришлось несладко. Шесть дней назад он пристрелил двоих ублюдков, что пробрались в дом и заразили его жену. Ее ему тоже пришлось... – вспомнив, как это было, я загнулся, но все-таки выговорил: – убить.

Когда я договорил, Митчелл многозначительно присвистнул, а остальные уставились на меня так, точно я являлся инопланетным существом с тремя головами. Таким образом я догадался, что никто из них еще ни разу не сталкивался живую с уже так хорошо знакомыми мне тварями, а значит понятия не имеют, что они из себя представляют.

– Понятно. Стало быть, вы оба знаете, что нужно делать при столкновении с ними, верно?

– Держать ствол наготове, а при случае не раздумывая стрелять в лоб, – снова усмехнувшись, ответил я.

– Хороший совет остальным. Слышали, ребята? – Сержант широко улыбнулся и слез наконец со своей трибуны. –

А теперь расходимся по позициям.

Шумно переговариваясь друг с другом, все тут же принялись расходиться, а Митчелл подошел ко мне. Встав напротив, он протянул мне руку и приятельским тоном осведомился:

– Когда приехал?

– Несколько часов назад. – Ответив ему крепким пожатием, я задал интересовавший меня вопрос: – Давно вы тут живете?

– Я уже месяц, остальные примерно так же. Кто-то больше, кто-то меньше. Ночью по очереди охраняем ворота и туннели. Сейчас моя смена, присоединяйся. Расскажешь побольше об этих уродах.

Придвинувшись к бочке с горящими углями, я протянул руки к огню и выложил ему обстоятельства своих почти трехмесячных скитаний. Сержанта интересовала каждая мелочь, поэтому он задавал массу подробных вопросов, а здоровяк с мясистым носом по фамилии Эдвардс слушал молча. Я изложил им все, что мне было известно о зараженных, Митчелл же посвятил меня в происходящее в городе.

По его словам, метро на окраинах остановило работу около двух недель назад и теперь поезда ходили только в центральных районах. Почти все станции заняли приезжие и те, кому больше некуда было податься. Так же было занято все, что имело стены, крышу и надежную дверь. Магазины, аптеки и рестораны давно разграбили, продовольствия не хва-

тало. Периодически поступала гуманитарная помощь, но за ней выстраивалось такое огромное количество желающих, что зачастую эти мероприятия заканчивались ожесточенными боями и давкой.

На сегодняшний день в черте города проживало по меньшей мере пятнадцать миллионов человек, к которым ежедневно добавлялись все новые переселенцы. Из-за этого на улицах происходило много стрельбы и насилия. Особенно отчаянные сбивались в банды, грабили людей и машины, устраивали налеты на ночные пристанища тех, кто был не способен оказать сопротивление. Полиция еще пыталась следить за порядком, но с каждым новым днем делалось ясно, что все движется ко всеобщему социальному коллапсу.

Пока он это рассказывал, мне вдруг вспомнился наш с Терри разговор, который случился незадолго до отъезда из дома. Вспомнилось, как сидя за завтраком, я философствовал на тему анархии, деградации и скатывания общества к первобытному укладу жизни. И подумать я тогда не мог, что совсем скоро те сказанные ради забавы слова окажутся пророческими и надолго, если не навсегда, станут нашей новой реальностью.

– Присоединяйся, Уилсон, – предложил Сержант, закончив рассказ о правилах выживания в охваченном беспорядками городе. – Нам пригодятся такие крепкие парни, как ты. Могу тебе сразу сказать – на лагерь можешь не рассчитывать. Ну, если, конечно, у тебя нет каких-то влиятельных друзей,

которые смогут тебя туда протащить. Люди живут в палатках неделями, болеют, мерзнут и голодают, но если лагерь полон, самостоятельно пролезть внутрь нет шансов.

Сам он тоже был из центральной части страны, но, в отличие от нас, эвакуация застала его месяцем позже. Он сразу же поехал на восток, рассчитывая найти здесь убежище, однако пробиться в него оказалось непосильной задачей. Ежедневно он и другие обитатели метро отправлялись на поиски припасов и ездили от лагеря к лагерю в надежде протиснуться за высокие стены, но пока безуспешно. Они делали это уже несколько недель.

– Я успел насмотреться сегодня, – мрачно заметил я. – Прежде, чем спуститься сюда, мы побывали в двух. Спасибо за предложение, Митчелл, но я все-таки планирую отыскать возможность попасть в какой-нибудь лагерь.

– Ну как знаешь. – Он насмешливо прищурился и добавил: – Но если передумаешь, а ты передумаешь, место для тебя найдется.

Стоя в клубах табачного дыма, на какое-то время мы замолчали. Каждый из нас размышлял о чем-то своем, но спустя несколько минут я спросил:

– Ты думал о том, что будет, когда они придут? Границы перекрыты, а дальше бежать некуда.

С недавнего времени я начал осознавать, что наша попытка убежать не более, чем продление агонии. Если всего полтора месяца назад я питал иллюзии относительно скорого

возвращения домой, то сейчас они превратились в груды серого пепла. А после утренних известий о Марте мой настрой и вовсе стал упадническим. Я больше не верил в счастливое избавление от постигшей всех нас катастрофы.

Уставившись отсутствующим взглядом на пляшущий в бочке рыжий огонь, Митчелл ответил:

– Думал. Я считаю, границы не устоят. Когда людей загонят в угол, они полезут даже под пули.

Я знал, что он прав. Когда ситуация станет критической, обезумевшая толпа снесет любые преграды, что встанут у нее на пути – будь то государственные границы, военные базы или высокие заграждения переполненных лагерей. После его слов я представил, что нам придется либо бежать вместе со всеми, либо неизвестное количество времени прятаться в каком-нибудь убежище. Возможно, это придется делать всю оставшуюся жизнь.

Кто знает, удастся ли вообще найти способ их уничтожить? Может быть, это они уничтожат нас. Может быть, это и есть конец света. Конец всего, к чему привыкло человечество, а мир отныне останется таким навсегда.

Глава 36

На следующее утро выпал первый в этом году снег. Когда мы разобрали баррикады из мешков и покрышек, а потом выбрались на поверхность, я с изумлением обнаружил, что все вокруг преобразилось. Огромные снежные хлопья меланхолично кружились в воздухе и оседали затем на зем-

лю, крыши домов, брошенные у обочин автомобили. Укрытый безукоризненно белым покровом город, еще вчера безликий и серый, сегодня изменился до неузнаваемости.

Задрав лицо кверху, я разглядывал хаотичный танец снежинок и бледную, низко висящую над головой завесу облаков. Казалось, будто землю накрыло плотным колпаком. Не замечая, что снегопад слепит мне глаза, я стоял так до тех пор, пока на мою спину не налетел пьяный, отталкивающего вида прохожий.

– Уйди с дороги, придурок! – столкнувшись со мной, пробубнил он в кудлатую рыжую бороду. – Стоит тут как идиот, рот разинув, будто снега никогда не видел.

Обойдя меня стороной, он пошел дальше что-то еще бормоча себе под нос. Проводив его безразличным взглядом, я поежился от холода, выдохнул изо рта пар и, закурив, направился к машине. Роб уже сидел на пассажирском сиденье, а Лора с Терри лепили снежки.

Было в их действиях нечто бессознательное, почти механическое. Вроде бы они совершали привычный ритуал, который повторяется из года в год, когда человек видит выпавший после долгого перерыва снег, но радости или восторга от своего занятия не испытывали. С унылым видом они швыряли снежки в ближайшее дерево, не издавая при этом ни единого звука.

В десятый раз за утро проверив сигнал связи на телефоне, я тихо выругался и выбросил недокуренную сигарету. Связь

по-прежнему отсутствовала. Это не давало покоя – неизвестность вызывала во мне бессильную злобу. Нервы накалились до аномальной величины и словно бы превратились в бомбу замедленного действия. В это утро что угодно могло послужить катализатором, прежде чем она не выдержит и сдетонирует яростной вспышкой.

– Лора, Терри, садитесь в машину, – бросил я.

Все так же молча они оставили свое бесцельное занятие и забрались на заднее сиденье. За день я планировал объехать все существующие в городе убежища, твердо решив, что любой ценой прорвусь в какое-нибудь из них. Предложение Митчелла было отличным и будь я один, принял бы его не раздумывая, но теперь помимо Терри, на мне висели Лора и Роб.

Я чувствовал за них обоих ответственность. Чувствовал, что должен защитить их, что бы это не значило и чего бы мне не стоило. Лора слаба и беззащитна – этот город сожрет ее с той же жадностью, с какой мифическое чудовище сжирает брошенную ему в пасть жертву, а Роб теперь просто не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно.

От приютившей нас на ночь станции метро мы отъехали в восемь утра и за день избороздили все районы этого исполинского, обреченного на скорое вымирание города, но ответ, который слышали, стоило подъехать к воротам очередного лагеря, был – «мест нет». И всюду толкалась масса народа, которую в первобытном порыве объединяло единое же-

вание спастись. Людей гнали отчаяние и ужас.

Смотреть на это было страшно – сегодня я впервые увидел, на что способны два этих чувства.

– Пустая затея, – севшим голосом произнес я, садясь в машину около шести часов вечера. – Здесь тоже под завязку.

Позади остались все охраняемые военными убежища и к этой минуте я был выжат до предела. Каждый мускул в теле испытывал неимоверное напряжение. Состояние было таким, будто меня засунули в барабан мощной центрифуги и много часов подряд прокручивали на максимальной скорости, а после безвольной тряпкой вывесили сушиться на мороз. За этот сумасшедший день я уговаривал, просил, злился, ругался, орал и даже влип в драку, но все без толку.

– Что будем делать? – с надеждой в голосе обратился я к Робу. – Опять ночевать в метро не лучшая идея.

Он долго не реагировал, а потом вдруг раздраженно выдал:

– А что лучшая идея? Давай возьмем свои спальные мешки и поселимся прямо тут! Ты ведь за этим нас сюда призываешь? Думаешь, военные станут нас защищать, когда они придут? Думаешь, кому-то есть до нас дело? А впрочем, мне без разницы. Что здесь, что в метро, все равно ни в чем нет смысла.

Я молчал. Мне была очень хорошо понятна и близка его озлобленность, но с каждым днем терпение мое истончалось. В общении с ним я чувствовал себя так, словно наблюдал

за тем, как кто-то выводит на толстом пергаменте текст, затем стирает его, выводит вновь и так до бесконечности, пока бумага не станет настолько тонка, что любое неосторожное действие прорвет ее насквозь. Мои истерзанные нервы были подобны этой готовой вот-вот разорваться бумаге.

– Может, мы могли бы поискать какой-нибудь брошенный дом или квартиру? – внезапно подала голос Лора. – Это безопасней и теплей, чем в метро.

– Мысль хорошая, Лора, но где вы планируете отыскать брошенный дом или квартиру? – стараясь, чтобы в моем тоне не слишком явственно звучал сарказм, поинтересовался я.

– Но ведь вовсе не обязательно искать здесь. Мы могли бы посмотреть в пригородах. Многие оттуда уехали и наверняка там нам удастся обнаружить пустующее жилье.

– Для этого не стоило тащиться за три тысячи километров. Жить в квартире мы могли и у вас на юге, но поверьте, когда все начнется, такой маленькой компанией мы не справимся. Запасы еды скоро закончатся, да и отсиживаться в квартире, когда сюда хлынут тысячи зараженных, так себе затея. Они напали на вооруженный лагерь, что уж говорить о нас четверых.

Я не стал произносить вслух, что попросту не справлюсь один. От самой Лоры, как и от Терри, толку ноль, на Роба теперь нельзя положиться, а если мы останемся вчетвером, все ляжет на мои плечи. Я буду вынужден в одиночку искать

нам пропитание и одновременно с тем отбивать атаки как зараженных, так и желающих поживиться за наш счет.

И потом, я помнил, о чем сказал мне вчера тот темнокожий военный. По его словам, город вскоре могут закрыть и если мы из него уедем, есть риск, что не сможем вернуться обратно. Может, это было глупостью и Лора права, но отчего-то мне представлялось, что сейчас оставаться внутри него безопаснее, чем за его пределами.

Приняв решение, я рассказал им о своем разговоре с Митчеллом, а также о поступившем от него предложении. По сути выбора у нас не было, да и на данный момент оно являлось единственным оптимальным вариантом. Никто из них со мной не спорил, не задавал вопросов и так с их молчаливого согласия я снова привез нас на станцию метро.

Заняв вчерашнее место у туннеля, мы быстро перекусили, а затем я отправился на поиски Митчелла. По пути я рассматривал своих новоиспеченных соседей. Их на станции сегодня стало еще больше.

Среди прочих рядом с нами появилась семейная пара с тремя маленькими детьми. Отец семейства и его жена выглядели истощенными и перепуганными, а дети, которым на вид было от четырех до шести лет, будто производили на свет их одного за другим, имели затравленные, сверкающие от голода глаза. Помимо них, я заметил еще несколько таких же семей, совсем юную, почти подростка, девушку с огромными печальными глазами, двух молодых, похожих друг на

друга парней, вероятно, являвшихся братьями и одинокую сморщенную старуху. По тому, как каждый из них озирался по сторонам, напрашивался вывод, что все они только спустились и еще не успели свыкнуться с окружающей нас обстановкой.

Куда бы я не посмотрел, взгляд всюду натыкался на бесформенную человеческую массу. Сбиваясь небольшими кучками, они возбужденно о чем-то шептались, приглушенно спорили, жаловались, плакали, стонали, ели, пили, чесались, кашляли и делали множество других неприглядных вещей. Их голоса раздавались из каждого угла, сливались в неясный, монотонный гул и будто бы концентрировались под покрытым глубокими трещинами потолком. Гул этот казался мне нескончаемым.

– Ну что, как успехи с лагерем? – с беззлобной усмешкой спросил Митчелл, когда я отыскал его возле самого дальнего туннеля. Спросил и тут же сам ответил: – Вижу, что не очень, раз ты снова здесь.

– Ты прав, хреново. Кругом толпы и все хотят попасть внутрь.

– А я предупреждал и пытался тебя вчера отговорить, но ты решил сам все проверить, – со смехом напомнил он. – Что ж, мое предложение в силе. По рукам? Или ты хочешь еще разок попытать счастья?

– По рукам, – угрюмо ответил я. – Что я должен делать?

– Веселее, Уилсон, – все еще улыбаясь, подмигнул он.

Глядя на него, я не понимал, чему он так радуется и как, находясь в таком аду, вообще можно испытывать подобное чувство. В настоящий момент я был уверен, что больше никогда не смогу ощутить беззаботного веселья или искренней радости от чего бы то ни было.

– И чему тут веселиться? Посмотри вокруг. Тебя это забавляет?

– Да брось! Еще не конец света и те уроды пока не добрались сюда, так что ни к чему такой унылый вид. Я жив и уже одно это заслуживает благодарности Господу!

– Господу! Вот уж кого стоит благодарить! – не скрывая злобы, воскликнул я.

– Конечно стоит, – спокойно заметил Митчелл. – Кроме того, только что я набил живот отличным ужином из свиной тушенки, выкурил сигарету, а теперь вот пью кофе, так почему бы мне не веселиться? – Он вновь непринужденно рассмеялся, но потом сменил тон на более серьезный: – От тебя требуется то же, что и от всех остальных. Мы команда и держимся вместе. Здесь мы все равны, а потому действуем на общее благо.

– Коммунизм, значит? – ухмыльнулся я.

– Выходит так, – делая глоток кофе, благодушно согласился Митчелл.

Он пил его из жестяной кружки, сидя у горящего костра на мешке с песком. Рядом с ним полукругом расположились еще трое парней. Среди них был Эдвардс, долговязый маль-

чишка с вихрастой и рыжей как у клоуна шевелюрой, а также тот, кого вчера я запомнил как Морриса.

Мальчишке было лет восемнадцать, а Моррис выглядел немногим старше меня. Он носил гладко зализанные назад черные волосы, имел темно-карие, слегка выпученные глаза и привычку ежеминутно облизывать тонкие губы. Пока мы с Митчеллом говорили, все трое молчали, но явно посмеивались с того, как он потешается над моим мрачным настроением.

– Оставь его, Митч, – бросив на меня приветственный взгляд, вмешался Моррис. – Не видишь, он только приехал? Парню нужно время, чтобы пообтереться и привыкнуть к нашей грязи, крысам и запаху дерьма. Дружище, – обратился он ко мне, – я здесь уже больше трех недель, но поверь мне на слово, когда впервые спустился сюда на ночь, был еще злее, чем ты. Я приехал с севера, да не просто приехал, а на своей тачке и даже имел в кармане кое-какие деньжата, но во вторую же ночь меня избила толпа черномазых. Тогда-то я и попрощался и с тачкой, и со всеми своими деньгами. Если бы не эта станция, не Митч, и не остальные, уже, наверное, подох бы с голоду. Так что коммунизм, не коммунизм, а все мы тут стараемся помогать друг другу и действовать заодно.

Устроившись рядом с ними на свободном мешке, я закурил, а Моррис между тем продолжил:

– Да что я? Вон, возьми Чарли хотя бы, – он кивнул на рыжего пацана, сидящего с опущенной головой по правую

руку от него. – Он почти местный, из пригорода. Прожил под лагерем две недели, пока его не кинул один сукин сын в военной форме. Чарли, расскажи!

– Что рассказать? – встрепенулся тот, когда Моррис толкнул его локтем в бок. Остальные тут же громко засмеялись.

– Вечно ты в облаках витаешь! Расскажи, как сперва тебя твой брательник кинул, а потом охранник из лагеря на деньги нагрел.

– Он меня не кинул! – сверкнув на него желтыми, как янтарь, радужками глаз, с горячностью воскликнул Чарли, но тотчас залился краской до самой шеи. – Он уехал за границу еще в самом начале, но обещал, что как только устроится, вернется за мной или вышлет денег на билет. Видно, с ним что-то случилось, раз он не вернулся.

– Ну конечно, наивная душа, – сокрушенно покачал головой Моррис. Повернувшись ко мне, он принялся рассказывать вместо Чарли: – Брательник его снял все те жалкие сбережения, что остались им от предков и умотал за кордон. Обещал уладить там кое-какие вопросы и сразу выслать нашему бедолаге денег на билет, да только с тех пор и пропал. А там и границы закрыли. Этот простодушный болван ждал его два месяца, пока в его поселке не осталось ни одного живого существа, а потом приперся сюда. Денег у него немного при себе было от продажи отцовской тачки, так он сговорился с одним охранником, что тот ему местечко за вознаграждение выбьет. Ну и дальше понятно. Охран-

ник деньги-то взял, а про Чарли забыл. Вот уже дней десять, как к нам приبلудился, да все верит, что братец будет его разыскивать.

Чарли в ходе его рассказа напряженно смотрел в огонь, но едва только Моррис закончил, резко встал и пошел прочь. Проводив его взглядом выпуклых глаз, Моррис сочувственно проронил:

– Эх, жалко пацана. Молодой еще совсем, наивный.

– Ну и чего ты достаешь его все время своими рассуждениями? – задал вопрос Митчелл. – Пусть бы верил, что брат просто не может за ним вернуться. Человек живет, пока у него сохраняется вера в лучшее, а ты душу ему рвешь этими пустыми сомнениями.

– А что, пусть лучше он и дальше будет наивным дураком? Брательник его паскуда последняя, это же ясно! Облапошить младшего брата, бросить одного, а самому спасти свою жопу, это, по-твоему, как? Нет, пусть уж лучше знает правду, так, гляди, в следующий раз поумнее будет. Каждый рано или поздно получает от жизни щелчок по носу, вопрос только в том, как он с ним справится. Пацан немного поубивается, конечно, зато в будущем только сильнее станет.

– Не факт, – возразил Митчелл. – Некоторых предательство ломает. Люди теряют надежду и опускают руки, а нам их сейчас никому нельзя опускать.

– Вам удалось найти что-нибудь подходящее? – спросил я, чтобы сменить наконец тему. – В метро действительно нель-

зя оставаться. Все эти мешки и покрывки не спасут, когда те твари объявятся здесь.

– Еще нет, – ответил Митчелл, при этом его брови сурово насупились, а лицо заметно помрачнело.

– Дерьмовая новость, – запустив пальцы в отросшую бороду, проронил я.

– Есть несколько отличных мест, но они уже заняты, – с тем же насупленным видом сказал Митчелл. – Мы пробовали договориться кое с кем, чтобы примкнуть к ним и объединить усилия, только у них там собрался такой отъявленный сброд, что я бы не доверил им в случае чего прикрывать свою спину. Так что ищем дальше.

– В этом чертовом городе столько зданий! Неужели нельзя найти какую-нибудь нору, куда можно забиться? А если поискать квартиру в одной из высоток? Не могут же быть все они заняты.

– Оглядишься вокруг, Уилсон, – предложил он. – Видишь этих людей? Этим женщин, детей, больных стариков? Вместе с вами нас здесь ровно девяносто шесть человек. Ну и в какую квартиру ты втиснешь такое количество народа?

– Да, действительно, – согласился я, бросив взгляд на переполненные людьми платформы. – А вы спросили всех? Возможно, не каждый захочет уйти и нам не придется искать огромное помещение.

– Предлагаешь оставить их тут и спастись самим? – Сощурился глаза, Митчелл взглянул на меня с подозрением. –

Так не пойдет, Уилсон. Либо ты с нами и все мы плывем в одной лодке, либо думаешь о спасении только своей задницы.

Еще раз обведя взглядом собравшихся в подzemелье людей, я не нашелся с ответом. В чем-то Митчелл был прав, но в то же время я знал, что всех не спасти. Однако как бы я не желал жертвовать безопасностью Терри ради спасения остального человечества, другого выбора у меня сейчас не было.

Передо мной лежало только два пути – либо уходить вчетвером, либо выживать коллективным, коммунистическим строем. В этот вечер я выбрал второй.

Глава 37

Несколько последующих дней я провел в обществе Сержанта Митчелла и Мрачного Эдвардса. Я дал им эти прозвища, потому что те как нельзя лучше им подходили. В обиде они не были, лишь в ответ иногда называли меня Хмурый Уилсон. Втроем мы неплохо сработались и между нами даже установилось нечто вроде приятельских отношений.

Время от времени к нам присоединялся Чарли, который при ближайшем знакомстве оказался шустрым и сообразительным малым. Ему было всего девятнадцать, по любому поводу он заливался краской, кроме того, часто отрывался от реальности и уносился в свои воображаемые миры, но зато его ярко-рыжая, вечно растрепанная шевелюра виднелась за километр. В толпе она служила нам своего рода маяком.

Он был проворнее каждого из нас, а в невообразимой сутолоке городских улиц, где многое зависело от быстроты ног, это качество являлось незаменимым. Плюс ко всему у этого парня обнаружился отличный нюх на все, чем можно было поживиться. Нередко Чарли срывался с места и опрометью куда-то бежал, пока мы ничего не понимая, растерянно главели по сторонам.

Ориентируясь на его высокую, нескладную фигуру, точно огненным факелом увенчанную кудлатой головой, мы в такие моменты следовали за ним по пятам и выясняли, что тот увидел грузовик с гуманитарной помощью, заколоченную витрину продуктового, никем еще нетронутого магазина, фармацевтический склад и тому подобное. Однажды таким образом он вывел нас к оружейному хранилищу, где мы нашли целый ворох теплой одежды, пару ящиков боеприпасов, несколько мощных фонарей и коллекцию перочинных ножей.

Чарли был словно настроенный на поиски необходимых вещей мощный сонар и оказался просто незаменим. Единственное, чего не следовало допускать в общении с ним, так это темы о его брате. Всякий раз она приводила его в подавленное настроение, а потому мы обходили ее стороной.

Таким разношерстным отрядом каждое утро мы отправлялись в гудящий, точно растревоженное осиное гнездо город. В поисках укрытия мы заглядывали во все его закоулки, находили лазейки и потайные ходы, исследовали промыш-

ленные и спальные районы, осматривали административные и жилые здания – все зря. Точнее, за восемь дней нам удалось натолкнуться на пару неплохих мест, но оба их отмел Митчелл. По его мнению, они являлись недостаточно просторными для почти сотни человек, так что матерясь и временами ругаясь между собой, мы продолжали поиски.

Иной раз в этих спорах я и Эдвардс занимали единую позицию. Мы оба пытались убедить Митчелла сбавить обороты и утверждали, что невозможно нести ответственность за всех, не имея для того нужных ресурсов. Из постоянно проживающих на станции девяносто шести человек, лишь около двадцати пяти парней в случае чего могли оказать сопротивление, остальные были либо ни на что не годными тьюфяками, либо стариками, либо женщинами и детьми. Митчелл хотел взвалить на себя обузу в семьдесят ртов, которые необходимо будет не только кормить, но и обеспечивать защитой, а мы с Эдвардсом внушали ему, что это неосуществимо.

Субботним утром мы вчетвером шли по грязной узкой улице в восточной части города. С двух сторон ее обступали высокие, закрывающие и без того блеклый дневной свет небоскребы, из щелей воняло мочой, сыростью и гнилыми отходами, но зато сюда не добирался холодный, пробирающий до озноба ветер. Выпавший неделю назад снег почти полностью растаял и превратился в чавкающую под ногами жидкую слякоть.

Ступая по ней, я в очередной раз спорил с Митчеллом и

страшно кипятился. Мы переругивались уже несколько минут, как вдруг он развернулся и резко бросил мне в лицо:

– Ты сам имеешь три ни к чему неприспособленных рта, Уилсон! От твоего друга никакой пользы! Он целыми днями только сидит, пялится в стену и иногда бормочет что-то себе под нос. Девушка ходит тише полевой мыши и возится с детьми. А твоя дочь и вовсе бесполезный ребенок!

Эти слова Митчелл произнес с презрительной желчностью, но придя поначалу в бешенство, позже я разглядел в его глазах, что он преследовал определенную цель. Ими он хотел отрезвить меня, а заодно заставить устыдиться собственных слов.

– Так что, Уилсон? – спросил он, так как я все еще молчал. – Их тоже оставим в метро? И Чарли, на хрен, оставим? Ты только взгляни на него! Какой с него боец? Соберем отряд из двадцати крепких ребят с ружьями и превратимся в банду, мать их, мародеров? Это ты предлагаешь?

– Полегче, Митчелл, – спокойно произнес я, но при этом многозначительно глянул ему в глаза, дав тем самым понять, что не стоит переходить границ. – О своих я способен позаботиться и делаю для этого все необходимое.

– Так чего же ты не уходишь? Ведь найти укрытие для четверых куда проще, – сейчас он тоже стал говорить спокойно, без слышимой минуту назад злости и презрения. – Хочешь, я скажу тебе почему? Вам не выжить вчетвером и ты это знаешь. Ты не сможешь выстоять один. Для того, что-

бы защитить и прокормить своих близких, тебе нужно быть в команде, Джон.

Он как-то грустно усмехнулся, опустил голову вниз и после небольшой паузы добавил:

– У меня никого нет. Совсем никого. Я один, так почему не могу позаботиться еще о трех-четырех жизнях, кроме собственной? И вот ты, Эдвардс, – вскинув голову, обратился он к молчаливо курившему до сих пор Эдвардсу. – Ты ведь тоже один. И Моррис, к примеру. И Вуд, и Ричардсон, и Паркер! Все вы! Если каждый из вас хоть немного подумает не только о себе, мир станет лучше, а инфицированных уродов в нем меньше.

Закончив эту многословную тираду, он похлопал меня по плечу и улыбнулся своей широченной, жизнерадостной улыбкой. Митчелл всегда так улыбался людям. Искренне и тепло – будто верил, что с помощью одной этой улыбки можно уладить любую проблему.

Он был отличным парнем. Идеалистом, но добрым и хорошим человеком. Такие мне редко встречались.

Я не ошибся, когда в день знакомства принял его за военного. Митчелл действительно пять лет отслужил в сухопутных войсках и поучаствовал в военных операциях в двух странах на Ближнем Востоке, только служил он не в качестве солдата, а как военный медик. Будучи там, он успел повидать тяжелые ранения, смерть и другие жестокости войны, но несмотря ни на что, к миру и людям остался открытым,

милосердным и чутким.

По его словам, выстоять и справиться со всем ему помогала вера. И это удивляло меня в нем больше всего. Невзирая на выпавшие ему испытания, он оставался глубоко религиозным человеком.

Являясь сыном лютеранского пастора, Митчелл и сам планировал когда-нибудь связать свою жизнь со служением Богу, однако что-то у него не заладилось с колледжем, после чего он сразу призвался в армию. Вернувшись, быстро женился, пошел на работу в службу скорой помощи, похоронил отца, развелся и к тому моменту, как началась вся эта заваруха, уже несколько лет жил совсем один. В этом году ему исполнилось тридцать два.

О своем желании проповедовать Евангелие он уже успел позабыть, но, как и его отец, старался жить по канонам христианства, следовал заветам лютеранской веры и продолжал верить во спасение, дарованное человечеству Богом. Во всех его словах и поступках прослеживалась четкая грань между добром и злом, великодушием и алчностью, стойкостью и порочными инстинктами. Митчелл всегда придерживался правильной стороны и стремился перетянуть туда любого, кто встречался ему на пути.

Возможно, именно по этой причине те, кто был с ним знаком, испытывали к нему уважение и прислушивались ко всему, что он говорит. За эти дни я не раз наблюдал, как он по очереди обходит обитателей станции, спрашивая об их про-

блемах, интересуясь их бедами, вникая в мельчайшие детали их нелегкого существования. Он и сам ничего не имел, однако с людьми вел себя так, словно у него было все. И еще я видел, что после его ухода лица этих людей разглаживались, а в глазах их загоралась надежда.

В это холодное декабрьское утро, когда мы четверо стояли в тесном проулке между копыями царапающих небо высоток, а свет просачивался лишь в небольшую брешь между крыш, я раз и навсегда полюбил этого парня. Без каких-либо подтекстов. Я полюбил его так, как брат любит брата, как родитель любит своего ребенка и как, должно быть, его несуществующий Бог любит своих приверженцев.

Осознав, что напрасно вспылил, а в его логике есть редкий, недоступный мне самому смысл, я искренне сказал:

– Ладно, прости, Сержант. Кажется, я зря завелся. Даю слово больше не поднимать этой темы.

В то утро подходящего убежища мы опять не нашли, а потому остаток дня провели в поисках еды. Исколесив полгорода, нам удалось раздобыть только немного консервов и полмешка гнилого картофеля. Я уже успел уяснить, что здесь это надолго станет нашим основным рационом и на что-то другое рассчитывать не стоит.

Продовольственных запасов в городе становилось все меньше, гуманитарная помощь до людей на улицах почти не доходила, многие голодали. Мои запасы тоже практически подошли к концу. Видя, как другие обитатели станции недо-

едают, я, посоветовавшись с Лорой, раздал половину провизии, которой нам четверым хватило бы на месяц.

В любом случае невозможно было спокойно есть самим, зная, что за этим наблюдают десятки голодных глаз. Зачастую детских глаз. Так я понял, что нужно привыкать к голоду.

В метро мы вернулись около шести часов вечера. Я замерз, устал, испытывал ставшее привычным отчаяние и старался не обращать внимания на настойчивые призывы пустого желудка. А еще мне до жути хотелось в душ.

Человек привыкает ко всему – это я тоже успел уяснить. Я почти смирился со скудным рационом, соседством малознакомых людей, отсутствием нормальной постели и личного пространства, с холодным, просачивающимся из туннелей сквозняком и даже со снующими под ногами здоровенными крысами, но с запахом собственного невымытого тела свикнуться у меня никак не получалось. Как бы я не игнорировал его, он преследовал меня повсюду. За проведенные в подземелье десять дней я мылся лишь раз и, казалось, что тяжелый дух застарелого пота навечно впечатался в самые мельчайшие поры моей плоти.

Так здесь пахли все мы. Сотня скученных в замкнутом пространстве человеческих организмов, источающих одуряюще-убийственное амбре, вызывала отвращение и была способна довести до потери разума. Антисанитария метро убивала во мне всякое желание общаться с кем бы то ни было

ближе, чем на расстоянии метра.

Единственным доступным способом поддержания гигиены нам служил сорокалитровый медный чан, который на станцию еще месяц назад приволокла какая-то женщина. Его емкости хватало, чтобы нагреть воду для пятерых, но так как вода была в дефиците, да и на пользование чаном всегда выстраивалась очередь, сделать это было не так просто. К нам с Терри, Лорой и Робом она подошла только вчера.

Используя доставшиеся мне жалкие литры теплой воды, я так и не смог вымыться как следует. У меня сохранялось стойкое ощущение, что я лишь размазал по телу грязь, но все-таки это было лучше, чем вообще ничего. Успокаивая себя, что не одинок в своих мучениях, я пробовал переключать внимание на что-то другое, однако это мало помогало.

Сейчас я сидел на спальном мешке и, упершись затылком в стену, невольно представлял себя стоящим под горячими струями воды, смывающей с моего тела грязь, пот и бесчисленные проблемы последних дней. Я испытывал от этого почти реальное наслаждение, но открыв глаза, увидел вокруг себя только несчастную многоликую толпу. Впереди ждала очередная холодная ночь, насквозь пропитанная звуками и запахами грязных человеческих тел.

– Мистер Уилсон? – тихо позвала меня Лора. – Вы нашли что-нибудь?

Остановившись в шаге от меня, она замерла в выжидательной позе. Ее светло-карие глаза из-под стекол очков

смотрели с тревогой, а на похудевшем миловидном лице отражалась затаенная печаль. Лору и раньше нельзя было назвать чересчур веселой девушкой, но за последние дни выражение этой безграничной печали словно бы навсегда поселилось в ее взгляде.

Поймав его, в который уже раз я испытал чувство вины за то, что мое настойчивое стремление ехать на восток привело нас к жизни в холодном подземелье. В моем представлении Лора давно уже пожалела, что поехала с нами, да и сам я порой сомневался в правильности принятого решения. Все чаще в мою голову закрадывалась предательская мысль, что Роб, возможно, был прав, когда твердил о необходимости оставаться на юге. Возможно, там всем нам было бы лучше.

– Нет, Лора, ничего. Как и вчера, все забито до отказа. – Не в силах вынести промелькнувшего в ее лице скорбного выражения, я опустил взгляд под ноги. – Довольно сложно найти что-то подходящее для такого количества людей. Нам удалось выяснить, что через неделю откроют еще один лагерь, но возле него уже живут тысячи. Так что туда тоже не пробиться.

– Мы останемся тут? – еще тише спросила она.

– Пока да. – Через силу улыбнувшись, я сделал попытку ее подбодрить: – Лора, нужно немного потерпеть. Уверен, скоро отыщется что-нибудь стоящее.

– Мистер Уилсон, – по ее тону и по тому, как она стояла,

потупив взгляд, я догадался, что она вновь начнет набившую оскомину тему, – здесь нельзя оставаться. Почему вы никак не хотите отсюда уйти? Я уже слышала, что вчетвером будет трудно, но разве сейчас нам легко?

– Лора, мы уже не раз говорили об этом, – обреченно вздохнул я. – Вы же видите, на Роба теперь нельзя положиться, а один я не смогу добывать пропитание и в случае чего охранять и защищать нас. Пожалуйста, поймите это. – Я выразительно посмотрел на нее, намекая, что не стоит опять начинать спор, а затем отвлек ее вопросом: – Кстати, как он?

Она перевела взгляд на Роба. Тот сидел на одеяле немного поодаль от нас и, прислонившись спиной к замызганной кафельной стене, глядел в пространство. Его не волновало ничего из происходящего вокруг.

– Без изменений. Он не выходил на улицу и почти все время спал. Я за него переживаю, мистер Уилсон.

– Я тоже, Лора, – проследив за ее взглядом произнес я, а потом раздраженно добавил: – Прошу вас, хватит звать меня мистер Уилсон. Не понимаю, почему вы так упрямо не хотите называть меня по имени?

– Мне так удобней, – смутившись, пробормотала она. – Простите, если вам не нравится.

– Да нет, все в порядке. Зовите мистер Уилсон, раз вам так больше по душе, просто это режет слух.

Лора отделалась молчанием, а потом и вовсе куда-то ушла. Наблюдая за суетливой возней населяющих станцию

людей, я просидел на своем мешке еще несколько минут, а потом нехотя поднялся и пошел к Робу.

– Как дела, Роб? – приземляясь на одеяло рядом с ним, спросил я.

Смерив меня безучастным взглядом, он изрек нечто вроде: – «порядок», но прозвучало это неразборчиво. Только по движению его губ я смог определить, что означает произведенное им мычание. Он снова уставился прямо перед собой, а я еще долго смотрел на его неподвижный профиль.

Роб сильно переменялся. Со смерти Айлин прошло две недели, а он так и не пришел в себя. Более того, с каждым днем ситуация усугублялась и я начинал подозревать, что этого не произойдет никогда.

Он очень исхудал, черты некогда сильного, выразительно-го лица заострились и в то же время странным образом будто стали размытыми. Провисшую кожу избороздили сотни глубоких морщин, отчего оно напоминало бесформенную резиновую маску, а несколько дней назад я с ошеломлением разглядел, что в его голове не осталось ни одного русого волоса. Роб сделался полностью седым.

Безусловно, его внешний вид меня беспокоил, но куда большие опасения вызывало его психическое состояние. В первые дни он питал слепую озлобленность ко всем, кто к нему приближался, теперь же она сменилась тупым безразличием. На потерянного ребенка он больше не походил, скорее напоминал блаженного, выжившего из ума старца.

Днями напролет он сидел на своем одеяле и отсутствующе смотрел в пустоту. При взгляде на него создавалось стойкое ощущение, что разум его погрузился в состояние глубокой фрустрации и теперь блуждает где-то далеко отсюда. Правда, случалось, на короткий миг он вдруг оживлялся, но при этом начинал заговариваться и нести полную бессмыслицу, а уже пару раз я поймал его на том, как он что-то шепчет себе под нос.

Наблюдая за ним, я все больше утверждался в мысли, что в тот момент, когда он выстрелил в Айлин, какой-то части его мозга был нанесен непоправимый урон. Я не переставал корить себя за слова, что наговорил ему в тот страшный день – отчего-то я испытывал уверенность, что они способствовали ухудшению его состояния. Уверенность эта ничем не была подкреплена – сам Роб ни разу меня не упрекнул, но отделаться от нее у меня не выходило.

– Мы не можем попасть в лагерь и не можем найти подходящее укрытие, – пытаюсь привлечь его внимание, спустя несколько минут проговорил я. – Везде народу битком.

Он не откликнулся. Тронув его за руку, я настойчиво повторил сказанное. От этого прикосновения веки его вздрогнули, а голова еле заметно дернулась, но ко мне так и не повернулась.

– И что? – спросил он. – Скоро они доберутся сюда и необходимость что-то предпринимать отпадет.

– Роб... – Сжав челюсти, я отвернулся от него и уставил-

ся на толпу галдящих людей, но после недолгой паузы с настойчивостью сказал: – Я не настроен сдаваться. Мне тоже очень не хватает Айлин и я знаю, как тебе тяжело, но нужно бороться, понимаешь? Думаю, она бы хотела, чтобы ты жил дальше.

– Откуда тебе знать, чего она хотела? – отрывистым шепотом прошипел он. – Я точно знаю, что она хотела быть рядом со мной, а я вместо этого ее убил.

Роб замолчал, а я понял, что больше он ничего не скажет. Проведя возле него еще какое-то время, я ушел к собравшимся у ворот парням. В этот вечер у меня мелькнула страшная по своей правдивости мысль, что тем утром он убил не только Айлин, но и себя. А еще я наконец окончательно признал, что больше никогда не увижу его прежним.

Глава 38

Однажды Митчелл у меня спросил:

– Тебе не кажется, что ты слишком много на себя берешь?
– Это ты к чему? – не понял я.

То был канун Рождества. Стрелки на часах отмеряли третий час ночи, почти все на станции уже спали. Гремясь возле костра, мы вдвоем дежурили перед забаррикадированным входом в один из туннелей. Тишину нарушало лишь потрескивание раскаленных углей, неясное бормотание и храп спящих людей, а также тихие отголоски разговоров, что происходили между другими дежурившими группами.

Каждые два часа мы менялись и до окончания нашей сме-

ны оставалось еще около сорока минут. Первую половину дежурства Митчелл рассказывал о том, каким замечательным человеком был его отец, а после разговор плавно перетек в мой рассказ о себе. Я уже и раньше делился с ним подробностями своей жизни, но делал это скупо, можно сказать, в двух словах. Сегодня я не заметил, как увлекся настолько, что перешел к пространной исповеди.

Митчелл оказался идеальным слушателем: терпеливым, внимательным, понимающим. Он не перебивал меня пустыми вопросами и неожиданно для себя я выложил ему все о своей слабОВОЛЬНОЙ и всеПРОЩАЮЩЕЙ матери, о никчемном отце, об Анне, алкогольной зависимости, о Терри и испытываемом перед ней стыде. Я рассказал ему даже о Марте.

Прозвучавший вопрос был задан после того, как я поделился с ним переживаниями насчет Роба. Ситуация с его психическим здоровьем все больше усугублялась и это меня сильно беспокоило. Мне казалось, ему мог бы помочь какой-нибудь специалист в области психиатрии, но где теперь его было взять?

На нашей станции имелся военный медик, медсестра, водитель фуры, строитель, фермер, бармен, несколько продавцов, рабочий цементного завода, программист и даже адвокат, но не было ни одного мозгоправа. Как-то с ним попробовал побеседовать сам Митчелл, но Роба это только взбесило. Единственным человеком, с кем он еще более-менее поддерживал общение, оставалась Терри.

– Я говорю о твоём гипертрофированном чувстве вины, – прикуривая сигарету, сказал он. – Не понимаю, как ты всю жизнь с ним уживаешься.

– Поясни-ка подробнее, – попросил я и последовав его примеру, тоже закурил. – О каком чувстве вины идет речь?

– Ну смотри, – выпуская щедрую струю табачного дыма, начал он. – Ты не поступил в колледж и в армию тоже не записался из-за того, что не хотел оставлять мать одну. То есть, испытывал перед ней чувство вины. Так? Следом твоя жена. Зачем-то ты винишь в ее смерти себя, хотя ты не Господь, чтобы решать, когда ей суждено было отправиться на тот свет. Я понятия не имею, что значит похоронить жену, но насколько понимаю, ты сделал все возможное, чтобы она жила. Потом для чего-то ты грызешь себя из-за дочери. Ну да, твой алкогольный забег в целый год не лучший способ справиться с потерей, но опять-таки, его можно оправдать. Главное, что ты вовремя одумался.

– Ну и к чему ты клонишь? Разве я не должен испытывать вину за то, что моя дочь чуть не отправилась жить в чужую семью? И все это лишь потому, что я оказался жалким бесхребетным слизняком?

– Ты прав, должен. Но дослушай. Сейчас ты винишь себя из-за своего друга и этой девушки, что навязалась ехать с вами. Пойми, поехала с вами она по собственному выбору и не будь тебя, еще неизвестно, как сложилось бы все на юге. Думаешь, у них там жизнь сейчас лучше? А что касается Ро-

ба, ты не виноват, что его жену заразил его же родственник, а потом ему пришлось пристрелить их обоих. И то, что ты ему сказал, стоя над ее могилой, нисколько не делает тебя виноватым. Я хочу сказать, что человек должен нести ответ за совершенные поступки, но не нужно мнить себя Богом и брать ответственность за все, что происходит вокруг. Особенно, если от тебя ничего не зависит. Так еще немного и ты начнешь корить себя, что медики из той лаборатории выпустили наружу всю эту дрянь, на том лишь основании, что жил неподалеку.

Договорив, он тихо рассмеялся и затушил окурок о бетонный пол. Какое-то время я молча размышлял над его словами, но так и не найдясь с ответом, воскликнул:

– Черт возьми, и когда это ты успел стать моим исповедником?

– Только что, – криво усмехнулся Митчелл. – И говорю я тебе это потому, что мне знакомо подобное чувство. После армии меня от него сильно корежило. Видишь ли, когда твои друзья и просто сослуживцы умирают у тебя на руках, это тоже нелегко пережить. – Вероятно, углубившись в воспоминания, Митчелл ненадолго замолчал. – Был у нас один парень, новобранец. Молодой совсем, ему девятнадцать тогда только исполнилось. Прослужил всего месяц, а потом подорвался на mine. Прямо у меня на глазах. Там сразу ясно было, что больше он не жилец, да и далеко мы в тот день от лагеря уехали, так что умирал он в прямом смысле слова у

меня на руках. Умирал страшно. И медленно. Ему весь живот разворотило. Я делал, что мог, чтобы ему полегче было, но что там сделаешь, когда все кишки наружу. А он все мать свою звал, пока в сознании находился. В общем, глаза его я потом очень долго вспоминал. Голубые, ясные такие, будто небо в солнечный день и совсем еще детские. Мне и самому тогда только двадцать три исполнилось. И до него, и после я повидал умирающих, но этого никак забыть не выходило. И вот так же, как ты, все себя винил. Что не сделал всего, что не довез до госпиталя, что оказался бессилен перед его смертью...

Оборвав рассказ, Митчелл опять замолчал. Посидев немного в тишине, он отхлебнул из фляги воды, а затем принялся как-то подозрительно разглядывать мою голову.

– Ты чего? – спросил я.

– Тебя обстричь надо.

– Обстричь? За каким хером меня стричь?

– Ты чешешься, как бездомный пес. Не замечаешь что ли?

– Так я и есть бездомный, – не сдержав ироничного смешка, заметил я. – Как и ты, и все остальные здесь. Но голова и правда жутко чешется уже несколько дней. Я не мылся с четверга, а сегодня вторник, сечешь?

– Секу, – насмешливо улыбнулся он, как вдруг поднялся с места и потянулся руками к моей голове. – Дай-ка взгляну...

– Эй! Ты чего пристал к моей башке, Сержант? Отвали! – попытался отмахнуться я.

– Дай взгляну, говорю тебе. – Не обращая внимания на протесты, он запустил пальцы в мои порядком отросшие волосы и с полминуты что-то внимательно там высматривал. Наконец отстранившись, он произнес: – Так я и думал. Ты теперь не только бездомный, но и блохастый.

– Да иди ты к черту! – вскричал я, но разглядев выражение его лица, недоверчиво прошептал: – Ты серьезно?

– Ну а как ты хотел? Здесь у каждого третьего вши, Уилсон. Сам видишь, в каких условиях мы живем. – Проведя ладонью по короткому ежику своих светлых волос, он усмехнулся: – Так что придется состричь твои патлы.

Я с отвращением запустил пальцы обеих рук в волосы и принялся судорожно их ощупывать, будто надеялся таким образом обнаружить поселившихся там микроскопических тварей. А ведь голова у меня чесалась уже дней пять, но принимая этот зуд за отсутствие нормальной гигиены, я даже не придавал ему значения. Взглянув исподлобья на ухмыляющегося Митчелла, я прохрипел:

– Кончай ржать! Тащи лучше свою машинку для стрижки!

– Остынь, Уилсон. Сейчас ночь, всю станцию перебудим. Жди до утра.

– Да плевать я хотел на всех! Если проснутся, значит и их обреем! Вши, мать твою!

На мои вопли прибежали дежурившие у соседнего туннеля Моррис и парень по фамилии Вуд. Узнав в чем дело, они присоединились к уже не скрываясь хохотавшему надо мной

Митчеллу. Так же как он, эти двое принялись убеждать меня дожидаться утра, но обоих я послал к дьяволу и заставил-таки Митчелла принести машинку для стрижки волос.

В ту же ночь он остриг меня под ноль. Бороду я сбрил сам.

На следующий день все мужчины на станции лишились волос. Находились те, кто отваживался сопротивляться, но с зажатой в кулаке жужжащей машинкой, я, точно маньяк с топором, преследовал их до тех пор, пока череп каждого не засверкал гладко выбритой лысиной. С женщинами было сложнее. Их я не мог заставить полностью состричь волосы, однако некоторые из них самостоятельно пошли на радикальный шаг.

С Робом только вышла накладка. Когда я подобрался к нему, стричься он отказался наотрез. Я уговаривал его, убеждал, даже пробовал остричь насильно и остановился лишь после того, как он заявил:

– Айлин не понравится, если я останусь без волос. Она очень расстроится, когда увидит меня лысым.

Услышав эти слова, я застыл на месте, точно контуженный мощной звуковой волной. До меня не сразу дошло, что он говорит всерьез. Безвольно опустив руки, я стоял перед ним и как тупоголовый болван все просил повторить сказанное. Роб не шутил.

Так я узнал, что в его воспаленном сознании Айлин жива и находится где-то рядом. Как поставленный на повтор автоответчик, он твердил, что она ненадолго ушла, но совсем

скоро вернется и увидев его, будет не на шутку огорчена, а я слушал и не верил ушам. Все прояснила Терри.

– Я думала ты знаешь, – подойдя к нам, сказала она. – Он уже несколько дней о ней говорит. Постоянно мне рассказывает, что она пошла по делам и вернется через пару часов. – Выдавив на лице улыбку, она попросила: – Не нужно говорить ему правду, пап. Наверное, так для него лучше. Давай я попробую его убедить.

Не знаю, какие доводы использовала Терри, но ей удалось уговорить его сдаться. Остриженный наголо, Роб еще сильнее стал походить на отринувшего все земное безумца. Хотя теперь он и был безумцем.

Когда три месяца назад я уезжал на юг, мне казалось, что хуже быть уже не может. Теперь я знал – оставить свой дом, привычную жизнь и двинуться в неизвестность не самое страшное, что могло со мной произойти. За прошедшие пару недель я осознал, что может быть жизнь в кишасщем паразитами подземелье, голод, отсутствие элементарных удобств, стылый холод ночей и умственное помешательство лучшего друга.

Каждый мой день стал суровым испытанием на прочность, а жизнь, словно в насмешку, ежеминутно спрашивала: «Интересно, что еще ты сможешь выдержать, Джон Уилсон?» И порой я начинал думать, будто приблизился к пределу своих возможностей, но всякий раз, как у меня опускались руки, обнаруживал, что во мне еще есть силы сопро-

тивляться неизбежному.

Между тем, пока мы всеми способами пытались выжить, перерывая город в поисках убежища и пропитания, обстановка в мире становилась все критичнее. События развивались с такой быстротой, что мы не успевали переварить одну страшную новость, как за ней следовала другая.

Так, на днях стало достоверно известно, что инфицированные твари проникли не только на территории прилегающих стран. По дошедшим к нам сведениям, ублюдки заполнили почти весь материк, перебрались на соседний и теперь неуклонно продвигались к его центру. Более того, несколько случаев заражения зафиксировали и за океаном. Случаи эти исчислялись пока единицами, но их хватило, чтобы паника обуяла весь мир.

Правительственные верхушки большинства государств наконец признали, что угроза крайне серьезна и всему человечеству необходимо либо объединиться, либо погибнуть. Проводились широкомасштабные переговоры, саммиты, брифинги, пресс-конференции, но по большому счету все, что эти кретины делали – впустую трепали языками, несли вздор и оспаривали многочисленные инициативы друга друга. Сообразив, что от властей никакого толку, люди по всему миру принялись самостоятельно сбиваться в организованные группы и, готовясь дать отпор, строили оборонительные сооружения, рыли подвалы и бункеры.

Из-за того, что связь по-прежнему отсутствовала, ново-

сти к нам доходили обрывочно и с большим опозданием. Мы уже не надеялись, что когда-либо она восстановится, а потому интернет и телевидение нам заменил радиоприемник. В рождественскую ночь из него мы узнали, что те места, где мы пересидели два относительно спокойных месяца, твари опустошили всего за десять дней.

Сразу после нашего отъезда на юге начались массовые случаи заражения, что погнало жителей в разные стороны. Большая их часть двинулась к восточному побережью, остальная территория страны была разрублена на куски. С севера и центральных регионов вестей не доносилось совсем, лишь из последних сил держался запад, но и там уже почти все опустело.

Так же стало известно, что зараженные совершили массивные и как будто четко спланированные нападения еще на несколько слабо укрепленных лагерей. Те, кому удалось оттуда спастись, тоже бежали в нашем направлении. Неделю назад военные попытались было перекрыть город, однако очень скоро перестали справляться с наплывом спасающихся беспорядочным бегством людей.

Таким образом кольцо паники смыкалось все крепче и теперь даже безопасность в лагере стояла под вопросом. Отныне угрозу представляли не только зараженные – в любой момент разъяренные, обезумевшие от страха и голода люди могли предпринять штурм и все догадывались, что в этом случае прольется немало крови. До недавнего времени я счи-

тал, что жизнь в подземелье – это крайняя точка, но к концу декабря у меня не осталось сомнений, что худшее ждет впереди.

Помимо всех этих трагических событий, была еще одна вещь, что не давала мне покоя. Я по-прежнему ничего не знал о Марте и предполагал, что вряд ли когда-нибудь узнаю. Возможно, позже, когда все закончится, можно будет сделать попытку ее разыскать, но уже сейчас я знал – это лишь иллюзия. Я еще говорил себе, что когда-то все прекратится просто для того, чтобы оставались причины двигаться вперед.

Терри была единственной, кто не вызывал моего беспокойства. В первые дни на станции она, как и каждый, кто сюда попадал, чувствовала себя обескураженной и подавленной, но затем быстро освоилась. Вокруг нее находилось множество других детей, поэтому скучать ей не приходилось. Влившись в общую компанию, она в целом неплохо проводила время. По крайней мере, так мне виделось со стороны.

Прежде чем отыскать подходящее убежище, мы провели в метро девятнадцать дней. Отчаявшись найти что-либо в пределах города, мы решили попытаться счастья в опустевших пригородах и спустя два дня поисков набрали на заброшенный дом. Когда Митчелл, Эдвардс и я обнаружили его за северными рубежами города, поначалу не могли поверить в наконец-то улыбнувшуюся нам удачу. Дважды обойдя его кругом, но так и не встретив никого из живых, мы несмело прошли внутрь.

– Черт бы меня побрал, если это не то, что нам нужно, Митч! – стоя посреди заваленного стройматериалами холла, воскликнул Эдвардс. – Ты только взгляни! Тут можно разместить весь наш гребаный цыганский табор.

– Не торопись, Эдвардс, – охладил его пыл Митчелл. – Давай для начала как следует осмотримся, а там решим. Странно, что его до сих пор никто не занял.

Втроем мы исследовали каждый закоулок дома и убедившись, что он действительно пуст, долго не могли усмирить охватившего нас ликования. Это было небольшое, в три этажа кирпичное здание, построенное в конце позапрошлого века как частная школа для мальчиков, а позже переделанное в общежитие для студентов медицинского колледжа. Вокруг него простирался небольшой парк с зарослями колючего кустарника, рядами смолистых сосен и стройных лип. В данный момент здание пребывало на реконструкции.

Несмотря на преклонный возраст и неприметный вид, выглядело оно довольно крепким. Кирпичные стены подпирали строительные леса, внутри царила разруха, но водопровод и электричество оказались исправны. Располагалось оно в прибрежном, некогда шумном городке всего лишь в двадцати километрах на северо-восток от нашей станции и стояло в самом дальнем углу студенческого кампуса.

Быть может, именно по причине его удаленности, а также естественной маскировки в виде заросшего парка и кажущейся жилой непригодности из-за ремонта никто до сих пор

не обратил на него внимания. Впрочем, и сам городок оказался покинут жителями. За полтора часа, что мы бродили по его улицам, лишь однажды разглядели вдалеке тощую фигуру какого-то немолодого, сильно обтрепанного и на вид явно голодного человека.

– Ты прав, Эдвардс, оно идеально подходит для всех нас, – закончив с осмотром, торжествующе улыбнулся Митчелл. – Кое-что потребует доработки, но в целом, лучшего нам не найти. Предлагаю кому-то ехать на станцию и везти сюда остальных, а двое остаются здесь. Его нельзя упустить.

В этот же вечер большая часть людей со станции перебрались на новое место. Впрочем, уйти захотели не все. За последнюю неделю город заполнился вновь прибывшими и, точно надутая через соломинку жаба, распух до астрономических величин. Приезжих никто уже не считал, но по самым скромным оценкам их собралось не меньше двадцати миллионов.

К нам на станцию тоже заявлялись новички. Как запущенная лента заводского конвейера, они шли непрерывным ежедневным потоком и, хотя мы пускали не всех, к моменту переезда количество жителей увеличилось до ста двадцати двух человек. В обнаруженное нами студенческое общежитие согласились уйти девяносто восемь.

Глава 39

Я вместе с Терри, Робом и еще небольшой горсткой людей остался на станции. Здесь скопилось такое количество

вещей, что увезти их за один вечер не представлялось возможным. Из неполной сотни человек машина имелась только у меня и еще пятерых парней, так что перебираться нам пришлось в несколько этапов. Но уже завтра мы планировали навсегда покинуть осточертевшее всем метро и переселиться на новое место окончательно.

– Ну что, Уилсон, прощальная ночь в этой дыре? – весело подмигнул Митчелл.

Оставив в найденном доме вооруженный отряд во главе с Эдвардсом и Моррисом, он тоже вернулся на станцию. Сейчас он сидел у горящего в бочке костра и за обе щеки уплетал консервированные бобы. Их достали наши ребята, с боем отбив несколько упаковок на одном из продовольственных складов.

Каким-то чудом они уцелели после многочисленных мародерских рейдов и предыдущие три дня мы только их и ели. Чувство голода сопровождало меня теперь постоянно, однако от калорийных, чуть сладковатых на вкус бобов уже тошнило. Живот от них раздувался и становился тяжелым, точно наполненный булыжниками жбан, но так как другой еды у нас не было, приходилось довольствоваться хотя бы ими.

С неприязнью наблюдая за трапезой Митчелла, я молча кивнул и придвинулся ближе к огню. Привалившись спиной к сваленным в кучу мешкам с песком, вытянул уставшие за день ноги, прикрыл глаза и попытался отрешиться от всего происходящего. Терри и Роб уже спали, а мне пока не хоте-

лось.

В полночь начиналось мое дежурство, поэтому спать все равно не имело смысла. На часах было уже одиннадцать. До наступления нового года оставалось ровно двое суток.

У ворот, помимо меня и Митчелла, находилось еще шестеро парней. Расположившись чуть поодаль, они тихо переговаривались, курили, слушали радиоэфирные или как я, сидели с безучастными лицами. Я думал о Робе.

Услышав о переезде, тот забился в угол одной из платформ и с категоричностью выносящего обвинение прокурора заявил, что никуда не поедет. В его искаженном болезнью восприятии Айлин должна была вернуться с минуты на минуту, а в случае нашего отъезда, она не будет знать, где нас искать. Как бы я не убеждал его в необходимости покинуть метро, он и слышать ничего не желал.

Не помогали ни уговоры, ни логические доводы, ни даже долгая беседа с Терри. На сегодняшнюю ночь я оставил его в покое, но не представлял, каким образом завтра усажу этого большого, не совсем вменяемого человека в машину, а затем увезу в неизвестном для него направлении. Я боялся, что если сделаю это силой, последствия могут быть непредсказуемыми.

С того дня, как он впервые заговорил об Айлин, как о живой, от него постоянно слышалась фраза: «Когда Айлин вернется...» Слышать ее было невыносимо, но с другой стороны, Роб несколько оживился. Людей к себе по-прежнему

не подпускал, однако больше не сидел на своем одеяле, безучастно пялясь в пространство. Преимущественно он был занят терпеливым ожиданием жены или подготовкой к ее возвращению, а иногда даже стал подниматься на воздух.

– А знаешь, Уилсон, мне кажется, я буду скучать по проведенным здесь дням, – стуча ложкой по жестяной банке, задумчиво проговорил Митчелл.

Он ел с таким аппетитом, будто на него не распространялось всеобщее недовольство однообразной пищей и он единственный не испытывал проблем с пищеварением. За минувшие пару недель мы сблизились с Брайаном Митчеллом. Несмотря на то, что во многом мы расходились и часто спорили, в то же время каждый из нас отлично понимал другого и, наверное, наше общение уже можно было назвать дружбой.

– Иди к черту, Сержант, – открыв глаза, проворчал я. – По чему ты будешь скучать? По сырости, холоду и отсутствию душа? Или по крысам, которые шастают по твоим вещам, стоит на минуту отвернуться?

Митчелл хотел что-то возразить, но в этот момент к нам подошел Патрик Ричардсон. Вид у него при этом был взвинченный и немного ошарашенный. Нависнув над нами, он воскликнул:

– Слышали новость? – Было заметно, насколько сильно ему не терпится выложить то, зачем пришел, но он упорно выдерживал многозначительную паузу. Наконец насла-

дившись произведенным эффектом, с гневом он выпалил: – Наш президент сбежал из страны!

– Да ладно? – прекратил жевать Митчелл. – И куда?

– Да кто ж его знает, – зло выплюнул он. – Но дело дрянь, раз эта старая свинья убежала, сверкая пятками.

– То, что дело дрянь, ясно давно, – проронил я. – Говорят, их уже шесть миллионов, а когда они доберутся сюда, станет двадцать шесть. Вот тогда-то и начнется веселье.

– Сука! – отставив банку с бобами в сторону, выругался Митчелл. Он делал это настолько редко, что когда с его языка слетало подобное выражение, все понимали – зол он не на шутку. – Нужно еще раз как следует осмотреть в том доме все углы и законопатить все щели, чтобы эти уроды не добрались до нас.

– Да, похоже, они уже совсем близко, раз крысы побежали с корабля, – согласился я.

– Вот уж кому стопроцентно гарантированно спасение! – все сильнее распалялся Ричардсон. Его буквально распирало от злости. – Нет, вы только подумайте! Этот старый хряк перекрыл нам кислород, а сам со своими прихвостнями сел в вертолет и умотал куда подальше. Они же бросили нас тут подыхать, как последних собак!

– А ты думал, он пойдет вместе со всеми в лагерь? Или, может, в метро к нам спустится и будет жить по колено в дерьме? – усмехнулся Митчелл. – Остынь, Ричардсон. Другое дело, что после его отъезда не избежать массовой пани-

ки. Вот увидишь, со дня на день люди ринутся штурмовать лагерные стены. Как удачно, а главное, вовремя мы нашли укрытие.

В остальном последняя ночь на станции прошла спокойно. Уходя рано утром, я, в отличие от Митчелла, и не подумал оглядываться, чтобы бросить на нее прощального взгляда и уж тем более не испытывал никаких сожалений. Проведенное здесь время хотелось забыть как дурной сон.

К половине девятого утра мы стояли перед заброшенным общежитием, которому на неопределенный срок предстояло стать нашей защитой как от живых, так и от зараженных. Когда мы подъехали к порогу, работа вокруг него уже кипела. Прежде всего было решено наглухо заколотить окна на первом этаже, затем укрепить входные двери и проверить подвальное помещение. Словом, хлопот нам предстояло немало.

Судя по всему, ремонт в здании начался незадолго до развития эпидемии и последовавшего вслед за ней хаоса, а потому строители успели провести лишь кое-какие работы по восстановлению фасада, внутри же этот процесс так и остался на подготовительной стадии. Весь нижний этаж был завален строительным мусором, стены кое-где лишились старой отделки, а меблировка была либо упакована в полиэтиленовую пленку, либо снесена в подвал. Помимо мебели, в нем оказалось много полезных стройматериалов и старых вещей, что могли бы сгодиться для наших нужд.

Внизу располагался просторный холл, кухня, вместительная столовая, прачечная, библиотека и еще два небольших помещения неясного назначения. Оба были пусты, но в одном из них стоял бильярдный стол, из чего мы сделали вывод, что комнаты эти когда-то служили местом для проведения досуга.

На двух верхних этажах находились душевые и спальни, в которых раньше жили студенты. На каждый этаж их приходилось по десять. Почти все они вмещали троих человек, только некоторые были рассчитаны на двоих и всего пару комнат на четверых постояльцев. Обстановка целиком сохранилась.

Перед расселением мы устроили что-то вроде переключки и выяснили, что в нашу компанию набилось двадцать восемь здоровых мужчин, четырнадцать стариков, тридцать две женщины и двадцать четыре ребенка от двух до пятнадцати лет. Кроватей на всех не хватало, но по единодушному решению женщины и дети поселились на третьем этаже. Второй и первый заняли старики, некоторая часть семейных пар и мужчины.

В их числе был и я с Робом. Нам досталась двухместная комната на втором этаже. Лора вместе с Терри и еще одной девушкой устроились прямо над нами.

– Я решила, что эта комната подойдет вам больше всего, мистер Уилсон. Мистеру Холдеру будет лучше без посторонних, как вам кажется? – спросила Лора.

Она говорила шепотом, потому что Роб спал. Мы стояли в центре небольшой светлой спальни с двумя узкими кроватями, письменным столом и шкафом и это было лучшее, что случилось со мной за прошедший месяц.

– Да, Лора, спасибо, что все подготовили. Комната просто отличная. – Желая ее подбодрить, я улыбнулся, но так как щеки у нее от смущения тут же порозовели, перевел взгляд на Роба. Глядя на то, как он спит беспробудным сном, унылым голосом я произнес: – Главное, чтобы все прошло гладко, когда он проснется.

Роба я привез сюда практически силой. С шести утра мы с Терри и Митчеллом делали тщетные попытки уговорить его выйти из метро, но он затравленным зверем озирался вокруг и яростно крутил головой. Когда дошло до того, что я намеренно хочу разлучить их с Айлин, а вдобавок к тому, не желаю, чтобы она ехала с нами, стало ясно – дело плохо. Пришлось идти на радикальные меры.

Обхватив сзади, я крепко держал его за плечи, пока Митчелл вкалывал ему успокоительное. Оно имело сильнодействующий эффект, так что Роб мгновенно обмяк и нам не составило большого труда дотащить его до машины. Однако теперь я боялся представить, что меня ждет, когда он придет в себя.

– Все будет хорошо, мистер Уилсон. Думаю, он справится. Иного выхода все равно не было.

Лора еле заметно улыбнулась, а я только сейчас разглядел,

что на ней нет ее огромных очков. Но не столько эта деталь привлекла мое внимание – в ее глазах я вдруг уловил что-то новое.

Мы стояли друг от друга на расстоянии вытянутой ладони и в эту секунду она впервые смотрела мне прямо лицо. Взгляд ее был несмелым, да и вид все таким же смущенным, но глаз Лора не отводила. В них читался невысказанный вопрос.

Я отвернулся первым. Этот ее немой вопрос приоткрывал то, что она так долго и тщательно скрывала. За время жизни в метро она не давала мне повода вспоминать о тех случайных, мимолетных взглядах, что несколько раз я ловил на себе, когда мы ехали с юга. С тех пор она ничем не выдавала своего интереса и я уже успел обо всем позабыть, а потому происходящее в данную минуту стало для меня полной неожиданностью.

– Единственное, что плохо – здесь ужасно холодно, – заполняя неловкую паузу, едва слышно проговорила она. – Этой ночью мы мерзли не меньше, чем на станции, так что наши спальные мешки еще пригодятся.

Это было странное мгновение. Разгадав скрытый сигнал, который Лора невольно или намерено мне посылала, я испытал неловкость, а вместе с ней и досаду. Не зная, как реагировать, я сделал вид, будто ничего не заметил. Мне не хватило духу сказать прямо, что ее лирические настроения напрасны, поэтому я лишь тепло ей улыбнулся, закинул свой

рюкзак на свободную кровать и произнес:

– Не переживайте, отопление скоро наладят. Уоттс с Моррисом уже отыскали в подвале котел и сейчас его чинят. Там какая-то ерунда с насосом. Извините, Лора, но я отправляюсь в душ. Не терпится смыть с себя всю грязь и запах метро.

Вновь улыбнувшись, я полез в рюкзак за последним оставшимся у меня комплектом чистых вещей.

– Конечно, мистер Уилсон, – все больше робея, пробормотала она. – После душа всем нам стало гораздо лучше. Я вчера вечером просто поверить не могла, что снова могу мыться как нормальный человек. Даже выходить не хотелось...

Отыскав джинсы, футболку и теплый свитер, я, стараясь не обращать внимания на ее ставшее пунцовым лицо, направился к выходу. Но в дверях остановился и с дружеским подмигиванием проронил:

– Что ж, тогда последую вашему примеру.

Стоя под обжигающе-горячими струями воды, я невольно раздумывал о Лоре Прайс. Как бы я не стремился отделаться от этих размышлений, они так и норовили влезть в мою голову. Как и прежде, я убеждал себя, что мне все показалось, но воспоминание о ее пылающих щеках и выжидающе-вопросительном выражении глаз было красноречивее любых слов, что она могла бы произнести.

У меня не выходило придумать, как мягко ей намекнуть, что все это не больше, чем глупость. Лора славная и до самоотверженности добрая девушка, но я не тот, кто мог бы

оценить эти качества по достоинству. Кроме того, я старше ее на целых одиннадцать лет и вряд ли гожусь на роль принца из девичьих грез, а Лора, по всей вероятности, всего лишь что-то себе нафантазировала. Рассудив, что начинать прямой разговор абсурдно, я решил и дальше притворяться, будто ничего не произошло.

А вообще, в нашей разношерстной группе между мужчинами и женщинами постоянно происходили взаимные тесные контакты. Даже живя в грязном, холодном подzemелье, люди умудрялись испытывать друг к другу симпатию, завязывать отношения, заниматься сексом. Видимо, такова сущность человека, что и нахождение на грани вымирания не способно заглушить один из сильнейших, навязанных нам природой инстинктов.

Так, например, скромняга Чарли все последние вечера проводил в обществе той молоденькой девушки с печальными зелеными глазами, которую я заприметил на второй день нашего пребывания в метро. Ее звали Элис, ей было всего семнадцать и к нам она попала после того, как в жуткой давке, устроенной на одной из центральной улиц города, насмерть задавили ее бабуку. Она приходилась ей единственным близким родственником.

Девчонка из давки выбралась, но с тех пор осталась совсем одна. Чарли, не менее одинокая и неприкаянная душа, поначалу ее утешал, а потом все догадались, что между ними зарождается нечто большее, чем простое дружеское об-

щение и взаимоподдержка. Со стороны их юношеские отношения выглядели наивно и в чем-то даже трогательно, но все парни, и я в том числе, взялись над ними подшучивать.

Нас забавляло, как Чарли отпирается и робеет при одном упоминании ее имени. В этом подтрунивании не было ни капли злорадства, скорее, все мы просто ему завидовали. Думаю, каждый из собиравшихся по вечерам у костра был одинок и каждый тосковал по женщине. Кто-то по определенной женщине, кто-то по размытому образу из далекого прошлого, а кто-то по тому особенному ощущению тепла и застенчивой нежности, что хоть раз возникает в жизни любого мужчины.

Я тосковал по Марте. Она давно перестала мне сниться и я уже почти не помнил деталей ее лица, но все же тосковал. Тоска эта была сильнее разума, хотя в глубине души я догадывался, что в большей степени она даже не по ней самой, а по чему-то навсегда и безвозвратно утерянному.

Когда она так внезапно появилась в моей однообразной, до отвращения пресной жизни, я воспринял ее как свой шанс на спасение – шанс на то, что могу жить дальше – но все это продлилось так недолго и так скоро закончилось. Иными словами, я отдавал себе отчет, что вполне возможно испытываю чувства уже не к Марте, а к воспоминаниям о проведенных рядом с ней часах.

Эти воспоминания больше не приносили мне боли, лишь сожаление. Иногда, сам не знаю, для чего это делал, ведь в

том не было никакого смысла, но иногда я представлял, как бы все сложилось, задержись я тогда по ее просьбе. Что было бы, не скажи я ей тех грубых слов или поедь вместе с ней на север. Давно уже меня мучило раскаяние, что из-за охватившего меня в тот день упрямства мы даже не сумели как следует попрощаться.

И еще одна вещь одно время сильно меня донимала. Всего месяц назад, когда долгими ночам я ворочался без сна, или когда просыпался от того, что она опять мне приснилась, меня порой прожигало чувством вины из-за Анны. Из-за того, что так скоро забыл ее. Я ведь действительно ее забыл.

Конечно, я все еще любил Анну, но любил прошлое, нас связывавшее, а от самих чувств почти ничего не осталось. После слов Роба, которыми он со злости швырнул в меня под темными сводами баптистской церкви, угрызения совести за это ненадолго усилились, но затем и они прошли. Какое теперь до всего этого дело, раз они обе мертвы.

Как и другие, остаток дня я провел в заботах по приведению нашего нового жилища в порядок. Котел удалось починить и к вечеру дом отлично прогрелся, подарив так не хватавшего нам в метро тепла. В кухне нашлось все необходимое для приготовления еды, вот только проблемой было ее отсутствие. Того, что мы смогли отыскать за предшествующие дни, при условии экономного расходования должно было хватить максимум на неделю, но даже этот факт не испортил всеобщую радость.

Все мы находились в приподнятом настроении и охотно хватались за любое подворачивающееся под руку дело. Женщины готовили похлебку из бобов, лука и остатков гнилого картофеля, наводили уют, а также старались разместить всех с максимальным комфортом. Мужчины строительными лесами забаррикадировали подходы к дому, заколотили досками окна и запасной выход, поставили крепкие засовы на входную дверь и дверь черного хода из подвала.

В этот день нам казалось, что мы предусмотрели все и обязательно выстоим, когда зараженные твари доберутся в наши края.

Глава 40

Провизии нам хватило лишь на несколько дней. Как и прежде, каждое утро я вместе с Митчеллом и Эдвардсом отправлялся в город или колесил по округе в надежде отыскать что-нибудь из съестного и иногда наши поиски увенчивались успехом, но день ото дня это происходило все реже. Помимо нас троих, тем же занимались еще два отряда, но, как и нам, им тоже редко удавалось привезти хоть что-нибудь стоящее.

В радиусе досягаемости почти не сохранилось нетронутых продуктовых лавок или складов, не говоря уже о крупных супермаркетах. Их разграбили подчистую еще пару месяцев назад. На гуманитарную помощь никто теперь не рассчитывал – ее просто не стало.

Вдобавок ко всему, находиться на городских улицах сделалось чрезвычайно опасно. По ним стремительным пото-

ком неслась нескончаемая людская река, ежедневно вбирающая в себя все новые и новые притоки спасающихся бегством беженцев. Десятками тысяч они растекались по артериям города, сбивались в ожесточенные толпы и представляли собой реальную смертоносную угрозу. Убийства из-за скудного пайка или крыши над головой превратились в обыденность.

Сталкиваясь с людской агрессией, нередко нам случалось вступать в схватки, орудовать руками и ногами, а временами даже отвечать огнестрельными выстрелами. Словом, выбраться живьем из той зловонной клоаки, что олицетворял собой некогда один из самых удивительных мегаполисов земного шара, бывало крайне непросто. Он был словно засасывающая в свои недра огромная сточная яма и для того, чтобы невредимым добраться к спасительному берегу, угодившему в ее мутные воды требовалось проявлять чудеса смекалки, силы и ловкости.

Из-за опасности, которую представлял теперь город, пару раз мы выбирались в лес, где рассчитывали подстрелить пернатую дичь или какое-нибудь более крупное животное, однако и это не принесло плодов. Мы лишь вымотались от бесполезного кружения по запутанным лесным тропам, до костей промерзли от холода, зря израсходовали топливо и едва не застряли в глубоком снегу. После второй неудачи подобных попыток нами больше не предпринималось.

К счастью, нас сильно выручали Вуд, Ричардсон и Ли. Эти

трое оказались отличными рыбаками. По утрам они отправлялись к замерзшей реке или океанскому заливу и зачастую возвращались только перед наступлением вечерних сумерек.

Обычно они приносили с собой неплохой улов и женщины из пойманных ими судака, морского окуня или камбалы варили ароматную, но довольно пустую и жидкую похлебку. Без картофеля, моркови, лука и других овощей она выходила водянистой и малопитательной. От такого обеда уже спустя час у всех нас вновь просыпался зверский аппетит.

Чувство голода преследовало меня теперь постоянно. Я просыпался с ним утром, мирился на протяжении всего дня и с ним же проваливался в беспокойный, прерываемый малейшим шорохом сон. Голод не оставлял меня даже по ночам – всякий раз снилась свежая, обильная, а главное разнообразная еда.

Однажды, когда в доме, кроме пойманной рыбы, вообще ничего не осталось, Чарли внезапно пропал. Не сказав никому ни слова он ушел в неизвестном направлении пока все еще спали. К середине дня за него начали переживать, а потому снарядили отряд, чтобы прочесывать окрестные улицы, но перед самым наступлением темноты он также внезапно появился сам.

Слегка согнувшись под тяжестью чем-то доверху набитой брезентовой сумки, он понуро брел через сквер с неподвижно стоящими в нем голыми деревьями. И хотя вид его длинной фигуры говорил об усталости, на бледном веснушчатом

лице светилась торжественная радость. Как оказалось, сумка, которую он нес за спиной, была полна мертвых голубей.

Используя рыболовную леску и раздобытое где-то ячменное зерно, он с утра до вечера терпеливо охотился на этих крылатых городских обитателей. Тот вечер для каждого из нас ознаменовался праздничным пиршеством, а уже на следующий день к Чарли присоединилась почти вся детвора в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Разбившись на слаженные команды, они обшаривали близлежащие чердаки, крыши и парки, а затем, сияя от осознания собственной значимости, возвращались с сумками, набитыми пернатой добычей.

Так в нашем рационе появилось голубиное мясо, из которого варили все ту же похлебку или жарили на открытом огне. С этого дня с едой стало полегче, но ближе к двадцатым числам января нас начали сильно донимать морозы. Будто в отместку за человеческие прегрешения, зима в этом году выдалась особенно жестокой.

Все вокруг сковало толстым слоем льда, дороги покрылись завалами отвердевшего снега, с океана задули злые, шквалистые ветра. Они приносили с собой метель, высокую влажность и лютый холод. Наружу было не выйти, а если кем-то и предпринимались такие вылазки, то уже максимум через двадцать минут его стойкость сходила на нет.

Из-за непогоды наши рыболовецкая и охотничья артели не могли больше полноценно заниматься промыслом и сот-

ня прожорливых глоток очень быстро уничтожила все имеющиеся припасы. В довершение к этим несчастьям, топливо для машин подходило к концу, а нового раздобыть было негде. Так мы снова очутились у голода в плену.

Дни напролет мы проводили в запертом доме, развлекая себя игрой в бильярд, карточным покером или чтением книг из студенческой библиотеки. Многие часто спали. Во сне голод ощущался не так мучительно, но пробуждаясь, каждый испытывал его жадные когтистые щупальца, тянущиеся от внутренностей к самому мозгу. Казалось, стискивая в своих объятиях беспомощную жертву, они оплетают все тело и лишь ждут момента, когда та ослабнет настолько, чтобы можно было заглотить ее целиком.

И люди действительно начинали слабеть, стремительно терять в весе, подвергаться апатии и замкнутости. Экономя драгоценную энергию, все мы еле передвигались по дому, переговаривались полусшепотом и постоянно мерзли. Труднее всего приходилось детям – их растущие организмы требовали регулярной подпитки, а в отсутствие таковой, они становились капризными и плаксивыми.

Ежедневная борьба с непогодой и голодом давалась трудно, но все мы понимали, что самое страшное ждет впереди. Инфицированные твари шли по следу бегущих в город людей и их приход приближался с неотвратимостью надвигающейся снежной бури. Цели они достигли к двадцать пятому января.

Разрозненными колоннами они пришли с юга и принесли с собой смерть, всепоглощающий страх, панику и тысячи новых случаев заражения. Вконец обезумев, люди бросались друг на друга, стреляли в любого, кто вставал у них на пути, штурмовали неприступные стены убежищ. Подобных попыток случилось несколько, но каждого, кто рисковал обратиться за высокие ограждения, обстреливали такие же люди, но в камуфляже.

Они не разбирали – были нападавшие здоровы или заражены. Автоматные очереди сыпались сверху на гонимую отчаянием толпу, выкашивали целые снопы человеческих жизней, усеивали территорию вокруг изуродованными телами и успокаивались только после того, как уцелевшие отступали. Через время штурм возобновлялся, но вновь оканчивался пролитой кровью.

По радиоволнам неслись призывы еще оставшихся в стране правительственных войск не штурмовать укрытия и предупреждения, что в противном случае они будут вынуждены и дальше вести огонь на поражение. Военные пытались донести, что последующие нападения не спасут положения наступающих, лишь приведут к увеличению числа жертв. Один из высокопоставленных генералов призывал всех искать любое место, способное послужить укрытием и приложить усилия для самостоятельного выживания. Он уверял, что скоро будет найден способ обезвредить зараженных, но ему уже никто не верил.

Круг замкнулся. Люди поняли, что обречены.

С ужасом слушая сводки редких радионовостей, мы не могли до конца осознать реальность сложившейся ситуации. Это не укладывалось в наших головах. Всякий раз натыкаясь взглядами на лица друг друга, мы встречали застывшее в них недоверие, смешанное с шоком и в то же время понимание неотвратимости скорой развязки.

Стоит добавить, что твари пришли не все сразу. Накатывая смертоносными волнами, они подходили также с севера и запада и с каждым днем все ближе подбирались к нашему убежищу. Теперь с наступлением сумерек мы собирались в холле, баррикадировали двери и не зажигая света, в полнейшей тишине дожидались нового дня. Только с рассветом обитатели дома постепенно оживали и начинали разговаривать.

Не зная, чего ждать, все мы боялись. Я тоже боялся. А еще меня терзало множество вопросов.

Что будет, если они нас обнаружат? Удастся ли выжить, если сидеть всю ночь не шелохнувшись? Сколько времени придется провести в этом гнетущем, окутывающем сознание страхе? Есть ли этому конец? Должен ли я взять Терри, Роба, Лору и вместе с ними попробовать перебраться через границу? И, наконец, где раздобыть еды?

Мы не знали толком, что происходит севернее. По радио доносились предположения, будто там их пока меньше, но вполне возможно, что они являлись просто слухами. А са-

мое чудовищное заключалось в том, что инфицированные стали еще более агрессивны, научились передвигаться быстрее, чем раньше и каким-то образом коммуницировали друг с другом.

Они уже практически не нападали поодиночке. Объединенные общим стремлением пополнить свою жуткую армию свежими рекрутами, они передвигались единым, организованным строем. Наблюдая такую скоординированность, люди впадали в животный ужас, а некоторых охватывала такая растерянность, что они без сопротивления позволяли поглотить себя движущейся на них убийственной массе.

О том, что зараженные обладают определенным сознанием я догадывался давно. Слишком хорошо я помнил, как старушка Роуз Паркер после заражения первым делом отправилась к своей подруге или как Тодд Дэвис пришел к себе в дом, зная наверняка, что найдет там живых. Похоже, человечество столкнулось с особо опасными и не очень-то глупыми существами, преследующими некую только им известную цель.

В таком мутном ожидании подошел к концу январь, а за ним пожаловал не менее тягостный февраль. Каждую ночь мы по-прежнему разбивались на группы и по очереди несли дежурство, но большинству из нас так и не удавалось сомкнуть глаз. Жадно вслушиваясь в раздающиеся за окном шорохи, мы ежеминутно ожидали прихода зараженных. Нервы были накалены до предела, но со временем я почти при-

вык к этому состоянию.

В одну из таких ночей я просидел до двух часов в компании дежуривших вместе со мной мужчин и тех, кому от нервного напряжения просто не спалось, а затем сдал свою смену и решился немного вздремнуть. Отправившись в пустую комнату с бильярдным столом, я завалился на сваленные в углу матрасы и закрыл глаза. Сегодняшняя ночь была первой из десяти, когда я на это отважился.

Едва я лег, как мой изможденный бессонницей мозг провалился в глубокую отключку. Мне снилось что-то бессвязное, обволакивающее подсознание липким страхом и ощущением опасности. Эти чувства так основательно прилепились ко мне, что теперь, как и чувство голода, даже во сне не покидали разум.

Тот факт, что рядом со мной что-то изменилось, я почувствовал буквально кожей, но прежде чем эта информация просочилась в мозг, потребовалось несколько долгих секунд. Несмотря на то, что рассудок по-прежнему блуждал в лабиринтах сна, мышцы в теле инстинктивно напряглись, а уже в следующее мгновение подле меня кто-то приземлился на матрас. Тотчас я уловил едва слышное дыхание, но проснулся окончательно лишь после того, как на мое плечо легла чья-то рука.

Резко открыв глаза, я попытался сесть. Вокруг стояла чернильная мгла, однако я различил склоненное надо мной лицо. Тихим, успокаивающим шепотом оно произнесло:

– Тшшш... Джон, все хорошо. Это Лора. Простите, что напугала, я не думала, что вы так быстро уснете.

Продолжая мягко упираться ладонью в мое плечо, она удерживала меня в лежачем положении. От удивления я впал в замешательство, но подчиняясь нажиму ее руки, остался лежать на месте.

– Лора? Что вы здесь делаете? Что-то случилось?

Не отвечая, она склонилась ниже, а я наконец сообразил, чего от меня ждут. Приблизившись к моим губам, Лора нерешительно меня поцеловала. Непроизвольно я открыл рот и ответил на этот поцелуй. Я сгруппировался.

Губы Лоры оказались мягкими, податливо-влажными и... неумелыми. Поцелуй наш продлился меньше минуты, однако как бы я не старался, мне так и не удалось подстроиться под ритм и хаотичные движения ее языка. В определенное мгновение у меня возникла ассоциация, будто я целуюсь с маленьким ребенком, но наряду с тем отрицать, что неожиданно для себя испытал прилив тяжести в паху я тоже не мог.

Слишком долго я обходился без женщины, вот только с каждой секундой, пока длилось это странное действие, в моей голове набирала силу мысль, что происходящее является плохой затеей. Я не мог трахнуть Лору, а на следующее утро делать вид, будто ничего не произошло.

Я буду обязан к чему-то. К некоему подобию отношений, которых вовсе не хочу, к проявлению эмоций, которых во мне нет и в помине, к принятию чужих чувств, на которые

не в состоянии ответить и, в конце концов, к пресловутому чувству вины. Приняв решение, что лучше остановить все сейчас, я обхватил ее за плечи и мягко, но настойчиво отстранил от себя.

– Лора, остановитесь... Не нужно этого делать.

– Почему? – прошептала она. – Вы не хотите?

– Дело не в том. Просто мы не должны, вот и все.

– Джон, я все понимаю, – так же низко склоняясь над моим лицом, с горькой усмешкой сказала она. – Можете считать меня душой, но я прекрасно знаю, что не нравлюсь вам.

В непроницаемой темноте я не видел ее лица, но был уверен, что сейчас оно полыхает от стыда. Правильные слова нашлись у меня не сразу. После затяжной паузы я с чуть ли не по-отечески ласковой интонацией проговорил:

– Нет, это не так. Вы нравитесь мне, но я не хотел бы привязываться. И вам не стоит, Лора. В любой момент кто-то из нас может превратиться в зараженную тварь, так что сейчас не время для любовных историй.

– А когда же время? Может быть, это последняя ночь, когда мы живы и я хотела бы провести ее именно так.

В ее голосе сквозила такая безутешная тоска, что на короткий миг мне захотелось уступить этому несвойственному ей натиску, но уже в следующую секунду я понял, что уступка моя будет не от желания к ней самой, а всего-навсего проявлением жалости. Как следует осознав это, я твердо решил придерживаться принятого решения. В возникших обстоя-

тельстввах оно казалось мне единственно верным.

С моей стороны будет нечестно воспользоваться ее телом, не испытывая при том к ней ничего. Я не был ханжой и будь на ее месте любая другая, пошел бы на это не задумываясь, но с Лорой я так не мог. Только не с ней. Она не заслуживает подобного.

– Простите, Лора... Я не могу. – Я покачал головой, давая понять, что это мое окончательное решение. – Постарайтесь понять, но так будет лучше для нас двоих. Вы слишком молоды и, думаю, вам нужен кто-то, кто ближе к вам по возрасту.

Порывисто отстранившись, она села на матрасе, подтянула ноги к груди и надолго замерла в молчании. Я представить не мог, что она ощущает в данный момент. Должно быть, сторает со стыда, чувствуя себя отвергнутой, но я не знал, как исправить положение. Я действительно не знал, что делать и что еще говорить – казалось, слова излишни, а любая некстати оброненная фраза может только усугубить ситуацию.

– Нет, Джон, это вы простите, – наконец произнесла она. – Сама не понимаю, как мне это взбрело в голову. Такого больше не повторится.

Рывком поднявшись на ноги, Лора почти бегом направилась к выходу, а я остался лежать на матрасе, таращась в черный потолок. Сон ко мне так больше и не пришел. А еще почему-то вспомнилась ночь, проведенная с Мартой. Сего-

дняшний случай напомнил мне о ней – тогда все произошло почти так же, с той лишь разницей, что Марту я до одурения хотел.

Глава 41

Морозы не отступали. Они держались уже почти три недели, лишь ненадолго ослабляя ледяные тиски, но сразу же сдавливали их с новой, удвоенной силой. Короткие интервалы передышек мы использовали, чтобы выбраться на улицу в поисках еды и топлива. Расходуя его остатки, Вуд, Ричардсон и Ли в такие дни отправлялись к заливу за рыбой, а Чарли со сворой мальчишек ловил голубей.

Однако проблема заключалась в том, что на улицах голубей не осталось. Замерзшие птицы где-то прятались, а входить в дома, чтобы обследовать чердаки, стало небезопасно. В любом из них можно было напороться на притаившихся тварей.

Каждый раз, как дети отправлялись на охоту, их матери настрого запрещали им входить внутрь зданий, но все равно, пока те не возвращались обратно, сходили от волнения с ума. Тогда к ним присоединились вооруженные мужчины. Я тоже несколько раз участвовал в этих экспедициях.

С опаской мы переступали пороги пустых домов и крадучись забирались под самые крыши, вот только потратив на поиски немало изнурительных часов, как правило, приходили домой ни с чем. Редко когда нам удавалось обнаружить хотя бы с десяток сонных, по виду не совсем здоровых птиц

– остальные либо улетели в другие края, либо были выловлены раньше.

А шестого февраля случилось страшное. Рыбача, Тим Ли свалился под лед и больше не выплыл. Когда к проруби подбежали Ричардсон и Вуд, он еще слабо колотил в ледяную стену, отделяющую его от спасительного глотка воздуха, но затем быстро скрылся в глубине могучей реки.

Я не очень хорошо его знал. Мы почти не общались и все, что мне было о нем известно – при жизни он работал экономистом, в свободное время увлекался рыбной ловлей и боевыми искусствами, имел жену и пятилетнего сына. На момент гибели ему было всего тридцать четыре года.

По словам парней, которые стали очевидцами его гибели, скорее всего, он не справился с течением. После падения оно мгновенно повлекло его в противоположном от проруби направлении, а так как он был ослаблен многодневным голодом, сопротивляться ему оказался не в силах. Возможно, его также дезориентировал обжигающий холод воды, но в любом случае Тим Ли покинул нас навсегда.

Узнав о случившемся, его жена целый день просидела в углу кухни, прижимая к груди оставшегося сиротой сына, но к вечеру с мужественным видом вышла к остальным и продолжила бороться за свое спасение. Утрату мужа она оплакивала молча и такое стоическое поведение не могло не вызвать всеобщего восхищения. К несчастью, его смерть стала лишь первой в череде последующих.

Вторая наступила уже спустя двое суток – внезапно и тихо ушла из жизни одна из старух. Наутро соседки по комнате обнаружили ее окоченевшее тело и нам оставалось лишь констатировать смерть. А вот третья привела всех нас в глубокое эмоциональное потрясение. Умерла трехлетняя девочка.

Обычная простуда, которую она подхватила в самом начале февраля, постепенно переросла в пневмонию, так что последние свои дни малышка мучилась от удушающего кашля и высокой температуры. Ее мать, Митчелл и Луиза Санчес, раньше работавшая медсестрой, не отходили от нее ни на шаг, но на пятый день она буквально сгорела от жара. Похоронили ее недалеко от дома.

Я был одним из тех, кто рыл могилу и пока вонзал лопату в промерзшую до состояния каменной плиты землю, не переставая думать о смерти. Последние годы она окружала меня со всех сторон. Сначала один за другим умерли мои родители, затем мать Анны, после сама Анна, Айлин и, наконец, Марта.

Чью-то кончину я принимал с покорным признанием неизбежного, чью-то даже с облегчением, смерть Анны за малым не свела меня с ума, но когда на твоих глазах умирает ребенок, в душе поднимается горячая волна протеста. Есть в этом нечто противоестественное. Казалось странным, ведь я почти не знал умершую, но принять ее смерть мне было в некотором смысле тяжелее, чем смерть собственной матери.

После ее похорон я заперся в библиотеке и долго просидел в одиночестве. Будучи не в состоянии выносить криков отчаяния убитой горем матери, я затыкал руками уши, скрипел зубами и пытался убедить самого себя, что когда-нибудь все завершится. Я повторял себе эту фразу вновь и вновь, но на самом деле уже давно в нее не верил.

Гибель девочки не только на меня произвела подобное впечатление. Рыдания женщин и детей являлись ожидаемой реакцией на произошедшее, но я заметил, что даже взрослые, закаленные многочисленными испытаниями мужчины и те не все смогли сдержать слез. В тот день многие из нас подверглись некоему внутреннему надлому и в последующие недели в стенах дома стояла пугающе-пронзительная, скорбная тишина.

Казалось, мы дошли до хрупкой грани, за которой наступит абсолютная капитуляция перед неминуемым поражением, как в довершение к существующим бедам у нас окончательно истощились припасы. К середине февраля морозы наконец-то немного отступили, но прикончив имевшиеся в закромах скудные крохи, уже несколько дней мы в полном смысле слова голодали. Голуби пропали во всей округе, выловленной рыбы не хватало и вот настал момент, когда второй раз за зиму закончилось абсолютно все.

Понимая, что рано или поздно придется выбираться в заполненный зараженными тварями город, мы как могли оттягивали этот момент. Тогда-то мы и съели первую собаку.

Ее притащили Моррис и Эдвардс. Готовили ее тоже они, поскольку женщины отказались в этом участвовать.

Несмотря на голод, не каждый сумел переступить через себя и отведать в пищу животное, которое в прошлой жизни приходилось человеку питомцем, другом, а зачастую и членом семьи. Терри и Лора узнав о происхождении мяса, есть его наотрез отказались, я же, переборов отвращение, быстро проглотил свою порцию. Если отмахнуться от ощущения, что совершаешь нечто гнусное и постыдное, то на вкус приготовленное блюдо мало отличалось от обычной говядины.

В ночь на пятнадцатое февраля я тихо переговаривался с Митчеллом, Эдвардсом и Моррисом. Мы обсуждали дальнейший план действий. Собака к тому времени давно была съедена и мы спорили – охотиться на следующую или стоит все-таки наведаться в город.

– Вы можете убить еще одну, но сами же видели, что не все стали ее есть, – шептал Митчелл. – Черт возьми, я тоже с трудом проглотил кусок. Он у меня поперек горла застрял, что уж говорить о женщинах и детях.

– И что теперь, лезть в город к этим уродам? – отвечал Эдвардс. – Ниче, жрать захотят, сожрут и собаку, и крысу, а когда припрет и кору с деревьев грызть начнут.

– Да уж, если дальше так пойдет, то и до этого не далеко, – горько согласился Митчелл. – Но послушай, черт с ней, с собакой. У нас вообще ничего не осталось. Ни масла, ни круп, ни чая, я уж не говорю про кофе...

– Нормально ты разошелся! Кофе тебе подавай, – издал издевательский смешок Моррис, но потом мечтательно протянул: – Тут бы сигарету. Хотя бы пару затяжек...

– Да заткнись ты! – шикнул я. – Не напоминай... Сержант, ты, похоже, рехнулся. Ты на полном серьезе предлагаешь обшаривать квартиры? Ты понимаешь, что там сейчас все кишит этими тварями? А даже если повезет и не напоремся на них, нас встретят не менее безумные выжившие. Ты как хочешь, а я пока не планирую подыхать.

– Так и скажите, что трусите! – взвился Митчелл. – Бензина у нас совсем немного, но на две машины хватит. Можем разделить на две группы по пять человек и рискнуть. Со всеми предосторожностями, конечно. Народ схлынул, многие квартиры пустуют, там наверняка можно найти, чем поживиться.

– Да иди ты к дьяволу! – не менее разгорячено ответил ему Моррис. – Ты знаешь, Митч, я всегда за тебя, но подставлять зад под такую авантюру, это уже слишком.

– Да не продержимся мы на одной собачатине, как вы не поймете? К тому же совсем скоро они, как и голуби, отсюда сбегут. Собаки поумнее будут, быстро сообразят что к чему.

Так мы проспорили до самого рассвета. Я был согласен с Митчеллом, что нам необходимы продукты, но его идея с прочесыванием квартир представлялась слишком рискованной. Твари, притаившиеся от дневного света были опасны, однако не меньшую опасность сулили столкновения с обезу-

мевшими жителями.

С другой стороны, помимо провизии, мы остро нуждались в топливе. Последний бензин из брошенных в пригороде машин мы уже слили, так что поездка в город оставалась единственным шансом его раздобыть. Как бы то ни было, но к утру каждый из нас поддался на его уговоры.

– Итак, еще раз, – проговорил он, стоя в девять утра перед собравшимся на пороге десятком мужчин. – Делимся по пять человек. Двое сидят в машине, внутрь заходим по трое.

– И зачем двоим сидеть в машине? Что за тупость? – спросил Вуд.

– Не тупость, Вуд. Живые тоже представляют угрозу, так что двое в машине для страховки. Уилсон, повтори еще разок, как себя вести в случае встречи с ними.

– Да сколько можно? – с раздраженным вздохом взвыл я, но все же нехотя произнес: – Днем они будто в спячке и не так опасны, но ровно до того момента, пока тебя не заметят. Важно не привлекать их внимания, но если увидели убудка, лучше стрелять не мешкая. Главное, целиться прямым в лоб.

– Все запомнили? – обведя каждого пристальным взглядом, спросил Митчелл. Дождавшись согласных кивков, он нервно откашлялся, вслед за чем проронил: – Ну, тогда в добрый путь.

После этого краткого напутствия все наконец вышли из дома, расселись по машинам и тронулись навстречу неиз-

вестному. Выпавший за зиму снег немного подтаял и все равно двигаться нам приходилось медленно. На случай, если нас угораздит застрять в сугробе, в багажнике лежали две широкие лопаты, но мы рассчитывали добраться без происшествий.

Я сидел на пассажирском сиденье рядом с Моррисом. Он был первоклассным водителем, поэтому миссия по доставке нас в город досталась именно ему. В прошлом он пятнадцать лет проработал дальнобойщиком на большегрузе, за эти годы исколесил всю страну вдоль и поперек и, пожалуй, в ней не осталось закоулка, где бы он не успел побывать.

Парнем Моррис был в меру общительным, спокойным и в какой-то степени даже хладнокровным, но иногда на него что-то находило и тогда он становился чересчур назойливым. За плечами у него имелось три брака и четверо детей, отчего он считал себя умудренным жизнью и опытом человеком. Словом, Моррис любил раздавать всем советы. Он по-прежнему часто доставал Чарли, но теперь уже по поводу его отношений с Элис, однако в любом ответственном деле на него можно было без сомнений положиться.

А еще он был одним из тех, кого в декабре я чуть ли не силой обрил налысо. Он никак не хотел расставаться со своими зачесанными назад длинными волосами, а когда все-таки их лишился, сделалось понятно почему. И раньше он чем-то смахивал на большую ящерицу, а после стрижки, из-за своей привычки часто облизывать губы и коричневых, навывкате

глаз, еще сильнее стал напоминать некую земноводную рептилию.

Остальными тремя, кто ехал с нами в машине, были Патрик Ричардсон, Алан Вуд и Крис Дэниелс. Вуд сам вызвался идти вместе со мной по квартирам, остальные трое не горели желанием лезть во вражеское логовище, а потому пришлось бросать жребий. Он указал на Дэниелса.

С момента прихода зараженных, в город мы не выбирались ни разу и теперь, подъезжая к окраинам, будто видели его впервые. И чем дальше мы углублялись в его нутро, тем отчетливее на наших лицах проступало изумление от масштабов произошедшей здесь катастрофы. Наиболее точным определением, приходящим на ум при взгляде на его разгромленные улицы, было: «Мир рухнул, а человеческой цивилизации пришел конец».

Эта мысль без устали вертелась в моей голове, точно ротор в винтовом блоке мощного компрессора, выдающего вместо сжатого воздуха беспомощную, опустошающую растерянность. Увиденное ошеломяло и одновременно сбивало с ног. От картины, предстающей глазам, по коже шел мороз, а в мозгах просто не складывалось, как такое могло произойти.

Кругом валялись трупы. Ночью здесь мела легкая метель и некоторые лежали припорошенными, другие же покоились сверху и были еще нетронуты снегом. Глядя на них напрашивался вывод, что убили их совсем недавно. Убийства, по

всей вероятности, происходили здесь круглосуточно.

На эту ужасающую картину сверху равнодушно взирало неприветливое, белесо-серое небо. С залива дул пронизывающий ветер. Он отрывал от земли мелкий мусор, газеты, пустые сигаретные пачки и пластиковые пакеты, а затем те, словно призраки рухнувшей цивилизации, носились в воздухе, выписывая круги и замысловатые пируэты.

Пробираясь по заметенным улицам, до чистки которых больше никому не было дела, лишь изредка мы натыкались на живых людей. Они тоже походили на призраков. Одетые в лохмотья, грязные, с изможденными, землисто-серыми или изжелта-зелеными лицами, они брели по обочинам, иногда останавливались, провожали нас звериными взглядами и что-то кричали вслед, а другие апатично рылись в грудах мусора.

К центру мы ехать не решились. Добравшись до спального района на окраине, Моррис свернул во двор и заглушил двигатель. С виду двор казался безлюдным, но мы знали, что это впечатление может быть обманчивым. Из окон многоэтажных домов за нами могли наблюдать десятки враждебных глаз.

– Готовы? – обернувшись на Вуда и Дэниелса, спросил я.

– Да плевое дело, – с залихватским весельем подмигнул Вуд. – Не дрейфь, Уилсон, а то вон какой бледный! Сейчас в два счета наберем мешок жратвы, да домой поедем.

– Ты бы поменьше веселился, Вуд. Мы не на карнавал при-

ехали, – осадил я. – Значит так, держимся вместе, идем максимально осторожно и тихо, а при малейшей угрозе стреляем без промедления. Ясно?

– Да ясно, ясно... – с кряхтением выходя из машины, огрызнулся Вуд. – Умник херов. Все только и могут, что командовать.

Последняя фраза донеслась уже с улицы, а следом за ней последовал смачный харчок на землю. Сидящие в салоне чуть насмешливо переглянулись.

– Не обращай внимания, Уилсон, – ободряюще хлопнул меня по спине Ричардсон. – Он всегда такой. А представь, что мне с ним приходится на рыбалку ездить чуть ли не каждый день.

Характер у Вуда и в самом деле был вздорным, раздражительным и изменчивым, но человеком при этом он являлся общительным и подвижным. Он много жестикулировал, часто улыбался, был не прочь поострить или рассказать занятную историю, а когда нужно, мог вставить в речь крепкое слово или отпустить грубую шутку. Рост он имел невысокий, а из-за заметной сутулости его и без того сухощавая, жилистая фигура напоминала искривленное шквальными ветрами дерево. Ему уже исполнилось сорок два, в прошлом он работал прорабом на стройке и всю жизнь оставался холост.

– Будьте начеку, – выходя вслед за ним, сказал я. – И сигнальте, в случае чего.

Снаружи было тихо. Кроме заунывного завывания ветра,

ничто не отвлекало слух. Еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, но так и не заметив ничего подозрительного, я перехватил поудобнее карабин, а после вместе с Дэниелсом пошел к подъезду. Вуд уже ждал нас у входа.

Глава 42

Дверь подъезда оказалась раскрыта настежь, внутри же будто прошелся мощнейший циклон. Повсюду царил невыносимый беспорядок. Электрический свет не горел (его не стало еще в январе), но чтобы оценить обстановку, хватало и дневного – он поступал сквозь зияющие пустотой оконные рамы и дверной проем.

На полу валялись обломки мебели, битое стекло, стреляные гильзы, какое-то грязное, вонючее тряпье и прочий мусор. На стенах четко проступали следы засохшей крови. Лифт, само собой, не работал, но в любом случае производить лишний шум я бы не рискнул.

– Идем друг за другом, – указав на лестницу, шепотом сказал я. – Вуд, ты прикрываешь.

На этот раз возражений у него не возникло. Ступая настолько тихо, насколько позволял разбросанный под ногами мусор, мы добрались до второго этажа и заглянули в длинный, узкий коридор. Выглядел он устрашающе.

Пол и стены залило чем-то липким, в нескольких метрах от входа валялся полуразложившийся мужской труп. Видимость была почти нулевой. Свет падал только из двух открытых квартир и небольшого окна в самом конце коридора. Как

три беззвучные тени, крадучись мы подобралась к первой распахнутой двери и с осторожностью прошли внутрь.

Здесь тоже кругом виднелись следы разрушений, но с виду квартира казалась пустой. Обшарив каждый угол и убедившись, что она действительно необитаема, мы прикрыли за собой дверь и лишь после этого смогли перевести дух. В попытке унять бешеное сердцебиение, я упал на первый подвернувшийся стул и прижал локти к исхудавшим ребрам. От напряжения руки мелко тряслись, а где-то в районе груди разрастался вязкий ком страха.

– Здесь нет ни хрена. Если когда-нибудь тут что-то и было, все вынесли до нас, – выходя из кухни, недовольно сообщил Вуд. Замерев посреди комнаты, он ощупывал взглядом пространство в надежде наткнуться на что-нибудь съестное. – Как же жрать хочется...

– Значит идем дальше, – проронил я. Решив, что нельзя поддаваться страху и тратить драгоценное время на пустое рассиживание на стуле, я справился с рябью в глазах, поднялся на ноги и прошел к выходу мимо него. – Впереди еще много квартир. Возможно, в другой повезет больше.

И я оказался прав. Уже в следующей мы набрали на начатую пачку засохшего овсяного печенья. Оно было припрятано в глубине стенного шкафа за нагромождением тарелок и суповых кастрюль.

– Черт бы меня побрал! Это же настоящий клад! – воскликнул Вуд, когда я извлек его на свет. – Я такое раньше

всегда на завтрак покупал! Ну и ну! Дай-ка мне одно...

– Тут мало, Вуд, – ответил я, заглянув внутрь пачки, где обнаружил всего шесть ссохшихся от старости печений. Я собирался уже убрать пачку в рюкзак, но задержался на ней голодным взглядом, сглотнул наполнившую рот жадную слюну и не в силах противиться накотившей слабости, капитулировал. – А, черт с ним, давайте съедим по одному. У меня желудок уже прилип к позвоночнику.

Мысль о том, что дома нас ждут десятки голодных ртов бледной вспышкой промелькнула в мозгу, но сразу погасла. Двое суток в желудке у меня не было ни крошки и, казалось, если сейчас я не съем хоть крупицу найденной снеди, организм откажется и дальше мне подчиняться.

С трудом откусив осколок сухого, твердого, как облицовочный кирпич печенья, я с наслаждением задержал его на языке. Желудок, почуяв пищу, в ту же секунду хищно сократился и издал свирепое утробное рычание. К горлу подкатила легкая тошнота.

Не обращая на нее внимания, я растягивал удовольствие, неспешно растирая печенье языком об небо. Тая, оно распалось на множество мелких частиц, заполняло рот восхижительным, чуть солоноватым вкусом. В данный момент мне казалось, что ничего вкуснее я в жизни не ел.

– Дай еще одно, – раздалось над ухом.

Интенсивно работая челюстями, Вуд тянул к пачке руку. Каким-то чудом ему удалось всего за полминуты полностью

уничтожить черствое печенье и еще не успев до конца его проглотить, он нацелился на следующее. Дэниелс с закрытыми глазами стоял рядом и, как и я, медленно рассасывал доставшийся ему овсяный брикет.

– Ты что, целиком его заглотил? – озадаченно спросил я. – Приятель, да у тебя пасть как у акулы.

– Я жрать хочу! Давай еще по одному. Там как раз три.

– Эй, а Моррис и Ричардсон?

– А кто им скажет? – ухмыльнулся он. – Да брось, Уилсон. Дай мне это чертово печенье! Мы еще найдем!

Не дожидаясь моей реакции, он вцепился в пачку и потянул на себя. Я попытался ее удержать, тогда Вуд резко дернул рукой, отчего печенье с дробным стуком упало на грязный пол и покатилось в разные стороны. Не мешкая он схватил ближайшее к себе, быстро сунул в рот и так, с зажатым в зубах куском, принялся подбирать остальное.

Дэниелс рядом со мной давился от смеха.

– Вуд, да ты просто псих! – отрывисто выговорил он.

– Идите к черту, ясно? – с зажатым между челюстями печеньем прошепелявил тот. – Я, мать вашу, двое суток не ел!

Встав на ноги, он протянул мне собранное с пола печенье, но вместо того, чтобы взять его, я стукнул ему по руке, а следом отпихнул в грудь. Отлетев, он натолкнулся задом на кухонный стол, издал невнятный шипящий звук и тотчас с натугой выпрямился. В первую секунду, осознавая, видимо, что произошло, он растерянно поводил глазами, а затем

злобно ощерился:

– Ты че, сука?

– Еще раз так сделаешь, я тебе в челюсть съезжу, ты понял? – процедил я с отвращением. Подойдя к нему вплотную, я воткнулся взглядом в его зрачки и четко, с разделением каждого слога повторил: – Еще раз и я съезжу тебе в рожу. Усек? Хочешь быть крысой? А? Хочешь в одну харю все оприходовать?

Я был выше его на полторы головы и знал, что сильнее. Мне ничего не стоило уложить его единственным ударом, но в какое бы бешенство меня не привела его выходка, я старался держать себя в руках. И я уже собирался отойти от него, когда он рывком сдернул с плеча ружье и, наставив на меня двустольное дуло, остервенело прошипел:

– Да я тебя пристрелю, паскуда!

– Эй, эй, парни, уймитесь оба! – вклинился между нами Дэниелс.

– Пристрелишь? – Обхватив ладонью ствол, я дернул его вверх, так что два темных дульных отверстия уставились в потолок. – Не шути со мной, Вуд. Мы приехали сюда, чтобы раздобыть жратвы для всех, а не только твое брюхо набить. Жрать все хотят.

– Все, все, уймитесь, идиоты! – по-прежнему растаскивал нас Дэниелс. – Еще не хватало устроить здесь пальбу.

Не замечая его, мы с Вудом смотрели друг другу в глаза. Меня переполняла ярость. Хотелось двинуть по его нахаль-

но перекошенной роже, сбить с нее самодовольное, откровенно ехидное выражение и теперь я уже едва удерживал себя от применения физической силы. Вероятно, прочитав это в моих глазах, Вуд первым пошел на попятную.

Скривив в усмешке обветренные губы, он холодно пророчил:

– Остынь, Уилсон. Не будем же мы из-за жалких крошек печенья убивать друг друга?

– Ты прав, не будем, – не отводя от его глаз тяжелого взгляда, так же холодно согласился я. – Сейчас ты дочавкаешь то, что подобрал с пола, уберешь свое ружье и мы пойдем дальше. Но учти, если вздумаешь выкинуть что-нибудь подобное снова, я пристрелю тебя на месте.

Еще сколько-то секунд я сверлил его взглядом, а затем отпустил дуло и отошел в другой угол. Вуд притих, однако некоторое время продолжал неясно бормотать что-то себе под нос и кривить рот в вызывающей ухмылке. В этой квартире мы больше ничего не нашли, зато обойдя оставшиеся, смогли кое-чем разжиться.

Выломав ломом замок соседней, мы отыскали несколько грамм кукурузной муки и пяток чайных пакетиков. А в следующей нам повезло еще больше – там обнаружилось немного пшеничной крупы, кое-какие приправы и полбутылки масла для жарки. Негусто, но это было уже хоть что-то.

На третьем этаже удача улыбнулась нам шире. Порывшись

по шкафам, мы насобирали грамм триста разносортных макарон, соль, чуть-чуть сушеного гороха, целый пакет грецких орехов и запечатанную, никем до сих пор нетронутую упаковку хлопьев. Однако забравшись выше, нам стало очевидно, что дом все-таки обитаем.

Позади осталось уже шесть этажей и мы начали было думать, будто людей здесь нет вовсе, но оказалось, что они просто забрались наверх. Когда до нашего слуха донеслись тихие обрывки разговоров, мы переглянулись и решили не рисковать. Поблизости имелось множество других домов, а потому каждый из нас счел за лучшее убраться отсюда подальше.

К половине третьего дня мы обошли четыре дома и набрали неплохой запас провизии. Неплохой для троих-четверых человек, но учитывая, что по возвращении нас ждала почти сотня некормленных ртов, даже при максимально экономном использовании, его в лучшем случае хватит дня на два.

Все четыре дома нам удалось пройти без происшествий. Двигались мы медленно и очень тихо, а как только распознавали малейшие признаки жизни, сразу же поворачивали назад. Выяснить, кто их подает, желания ни у кого из нас не возникало.

Пока мы перетряхивали содержимое шкафов, Моррис и Ричардсон обследовали бензобаки всех стоящих поблизости машин. Им тоже повезло – добыча хоть и вышла небогатой, но тем не менее ценной. Стоя впятером возле машины, мы обсуждали, стоит ли заглянуть в очередной дом. До зака-

та оставалось около трех часов, но все мы понимали, что к укрытию еще предстоит добраться.

– Пошли Уилсон, обойдем пару этажей в том доме и двинем обратно, – предложил Вуд, указывая на самое дальнее от нас десятиэтажное здание. – Вдруг там нам повезет и мы наткнемся на целую гору жратвы.

Посмеявшись собственной шутке, он сплюнул на землю и почесал покрасневший на морозе нос. От произошедшей между нами стычки мы оба давно отошли. В общем-то, такие мелкие конфликты и даже потасовки возникали у нас постоянно.

Когда живешь в окружении сотни несхожих по своим взглядам, привычкам и мыслям людей, грызня по пустякам становится неизбежной, но, к счастью, обычно она заканчивалась без серьезных последствий. И обычно никто не хватался за оружие – Алан Вуд сегодня стал первым.

– Ладно, пошли, – согласился я. – Крис, ты как?

От прямого ответа Дэниелс уклонился. Он равнодушно пожал плечами, что можно было воспринять и как молчаливое согласие, и как неуверенный отказ. Поразмыслив, я решил все же прислушаться к Вуду.

Первые два этажа мы прошли быстро, но все, что там обнаружили – это банку заплесневелого джема, просроченную рыбную консерву, пару щепоток кофе и по горстке риса и красной фасоли. Выйдя из последней квартиры, я объявил, что на сегодня хватит.

– Давай еще один, – настойчиво потребовал Вуд. – Время пока есть.

– Хватит, Вуд. На сегодня достаточно, пора возвращаться.

– Да будет тебе, Уилсон! Кончай выпендриваться. Последний этаж и пойдем. Обещаю. Я нутром чую, там мы точно что-нибудь найдем. Интуиция меня еще никогда не подводила.

Мы снова было заспорили. Вуд точно обезумел от желания отыскать скрытое в утробе дома сокровище и в конце концов сдавшись перед его настойчивыми уговорами, я уступил. Я не верил в рисуемый его воображением триумфальный успех и даже испытывал убежденность в напрасно потраченном времени, но взглянув на часы, вынужден был признать, что мы можем позволить себе потратить лишние тридцать минут.

– Я тоже не против, – подперев плечом стену, ответил на мой молчаливый вопрос Дэниелс. – Чем черт не шутит? Вдруг у нашего приятеля действительно проснулось волшебное чутье?

Поднявшись на этаж выше, мы обошли три первые попавшиеся незапертые квартиры. Особо ничего интересного не нашли, лишь еще немного растительного масла, сахар и опять макароны. Выйдя в коридор, я бросил взгляд на часы и на этот раз решительно произнес:

– Все, Вуд, назад. Время поджидает, уже почти четыре.

– Давай еще вон в ту заглянем и все, – указывая на рас-

пахнутую дверь самой дальней квартиры, не унимался он.

– Да что с тобой такое, черт возьми? Идем назад, Вуд!

Его странная одержимость уже начинала меня раздражать. Демонстративно проигнорировав мои слова, он сам пошел к открытой двери и, не обращая внимания на призывы вернуться, переступил порог.

– Сука! Что будем делать с этим придурком? – обратился я к Дэниелсу.

– Не знаю, – снисходительно усмехнулся тот. – Пусть посмотрит, давай подождем.

Мы простояли в тишине пару минут, а потом он переброшил рюкзак на другое плечо и с энтузиазмом в голосе сказал:

– А прикинь, Уилсон, он сейчас выйдет с мешком припасов, как Санта Клаус под Рождество! Вот будет зрелище!

Я тоже усмехнулся, представив Вуда в образе сказочного деда с белой бородой, у которого из мешка выглядывает копченая баранья нога, свежий хрустящий хлеб и целая гора овощей и фруктов. Действительно, было бы здорово. Снова взглянув на часы, я успел подумать, что он слишком долго копается, как до моего слуха добрался еле различимый хрип.

– Ты слышишь? – насторожившись, спросил я.

– Да, – бледнея на глазах, отозвался Дэниелс.

Хрип раздавался из открытой двери квартиры, куда минуты три назад вошел Вуд. В один момент в горле у меня пересохло. Тело прошибло от лихорадочного озноба, ладони и лоб покрылись холодным потом. Несколько мгновений я

медлил, но после первого замешательства справился с желанием сорваться с места и дать деру.

– Если он так стебется над нами, я его точно пристрелю, – сдавленным шепотом пообещал я.

Затем поднял карабин к плечу и двинулся в самый конец длинного коридора. Путь этот мерещился мне нескончаемо долгим, а когда я наконец подобрался ближе, ясно услышал позабытое за прошедшие месяцы бульканье и тихое взвизгивание. Сомнений не осталось – Вуд заперся в квартиру, служащую логовом для зараженной твари.

Дэниелс все это время шел следом за мной. За спиной я слышал его громкое учащенное дыхание и шаги, которые в эти страшные секунды казались мне оглушительными. Повернувшись к нему, я приложил указательный палец к губам, после чего осторожно заглянул внутрь.

Взгляду предстала прихожая. В ней беспорядочно валялись вещи, мебель и различные предметы обстановки, но ни Вуда, ни твари, звуки которой мы оба теперь отчетливо слышали, нигде не было видно. Они шли из глубины квартиры. Повернув голову, я взглянул Дэниелсу в глаза, дал знак, что заходим и, дождавшись его согласного кивка, перешагнул порог.

Было ли мне страшно в этот момент? Да, и еще как. Страх накатывал волнами, но перемежался со злостью и решимостью. Отчего-то я был уверен, что без раздумий вышибу гнусные мозги зараженной твари, заберу чертова Вуда, если

он до сих пор жив, и выберусь отсюда, чего бы мне это не стоило.

Они стояли в большой комнате, являвшейся, по всей видимости, когда-то гостиной. Не касаясь ногами пола, Вуд висел в руках твари безвольным мешком. Она оказалась особью мужского пола и, судя по внешности, раньше была совсем еще молодым парнем. Я видел только его профиль – лицо с почерневшей, частично сгнившей кожей рассекал безобразный оскал, а угловатой формы череп был практически лишен волос и весь покрыт наслоением гнойных волдырей и уродливых язв.

Мы вошли как раз в ту секунду, когда Вуд перестал хрипеть, а ублюдок наклонился к его посиневшим губам. С ошеломлением я разглядел, как из пасти его высунулся распухший, фиолетово-черный язык. На самом его кончике виднелось нечто вроде утолщения или нароста, которым и он воткнулся в разверзнутый рот Вуда.

Позади меня Дэниелс как-то странно икнул и попятился, а я только теперь разглядел, что в глубине комнаты, покачиваясь, стоит еще одна инфицированная тварь. Она не отрываясь наблюдала за происходящим с Вудом, но едва лишь Дэниелс начал отступать, повернулась к нам. Молниеносно ее почерневшие глаза наполнились яростной ненавистью, а сама она не теряя ни секунды ринулась вперед.

В это же время я слышал, как позади меня Дэниелс натывается на углы мебели, явно намереваясь бежать. Мозг вы-

стрелил пугающей мыслью, что отбиваться мне придется самостоятельно. Обернуться, чтобы убедиться в этом, шанса у меня не было.

Тварь проявила невиданное проворство – она буквально неслась на меня со всех ног. Они и в самом деле стали гораздо быстрее, чем я помнил. Дальше я действовал на автомате и потом, сколько бы не старался, не смог в точности воспроизвести, как все случилось.

Выпустив заряд ей в лоб, краем глаза я успел уловить, как резко она опрокинулась на спину и тут же прицелился во вторую. Бросив Вуда на пол, она была уже совсем рядом. Заряд достал ее всего в полушаге от меня. Она рухнула мне под ноги, а клочья ее сгнившей плоти, разлетаясь в разных направлениях, заляпали мои лицо и одежду.

От подобравшегося к носу смрадного запаха меня бешено затрясло. Тошнота острой болью свела пустой желудок, подкатила к горлу, да так, что помутнело в глазах. Корчась от рвотных позывов, я стоял и смотрел на три распростертые у моих ног тела.

Двое были мертвы, но Вуд вдруг начал мелко трястись, а затем и вовсе биться в диких конвульсиях. Из его рта пошла пена, в глазницах и ушных раковинах появились мелкие капли крови. Когда он нечеловечески заорал, за моей спиной проскользнуло движение.

Я почувствовал его инстинктивно. Это было необъяснимо – будто кто-то ударил меня по затылку, вслед за чем вдоль

позвоночника прошлась крупная дрожь, а колени сделались как рыхлое, студенистое желе. Полностью развернуться я не успел.

Я только слегка повернул голову, как всего в нескольких сантиметрах от лица увидел обезображенную процессом гниения рожу. Делая шаг назад, я запутался в собственных ногах и потерял равновесие. С невероятным усилием я пробовал удержаться в вертикальном положении и одновременно прицелиться, но уже в следующий миг рухнул на убитую ранее тварь.

Провалившись затылком во что-то рыхлое и омерзительно смердящее, я принялся истерично палить из карабина и одновременно вонзять пятки в залитый черной жижей пол. Таким образом я стремился отползти на безопасное расстояние, но зловонный труп, точно гигантский питон, сжал меня в душных объятиях и не желал сместиться хотя бы на миллиметр. Выпущенные заряды несколько раз прошибли туловище надвигающейся на меня твари, но в голову не угодил ни один из них, а мне тем временем все никак не удавалось сдвинуться с места.

Когда жаждущая отнять мою жизнь тварь склонилась над моим лицом, а посиневшие пальцы уже почти обхватили мою шею, я решил, что это конец. В следующее мгновение все изменилось. Сознание перестало улавливать цепочку событий, а весь я словно бы превратился в сгусток нервных окончаний, способных различать только события на поверх-

ности.

Я чувствовал лишь, как живот и ноги придавило чем-то тяжелым, а лицо залило тягучей и скользкой, как речная глина массой. Она невыносимо воняла и все вокруг меня превратилось в этот неистребимый запах и душераздирающий крик. Крик был такой громкости, что у меня заложило в ушах. Тогда я не понимал, что издаю его сам.

Закончилось все, когда кто-то схватил меня за руку и потянул вверх. Это был Дэниелс. Не сразу я разобрал, что он как заведенный твердит одно и то же:

– Уходим, уходим, уходим! Дерьмо, уходим!

Наполовину ослепший, оглушенный я побежал за ним. Где-то впереди меня прозвучал выстрел, я натолкнулся на спину Дэниелса, споткнулся обо что-то на полу и побежал снова. Мы добрались к лестничной клетке и, перепрыгивая через три, четыре, а то и пять ступенек, меньше, чем за минуту проскочили вниз три этажа.

По пути трижды я падал, но тотчас поднимался и не чуя под собой ног бежал дальше. Все время мне казалось, будто за нами кто-то гонится, в ушах сквозь плотный ком пульсирующей крови слышалось бульканье и жуткий смех. Я не понимал – слуховые галлюцинации это или реальность, но оглянуться не решился ни разу.

И лишь когда мы вывалились на улицу, а сквозь липкую пелену на глазах показался бледный дневной свет, я смог перевести дыхание. Вслед за тем меня скрючило в позу эмбри-

она, я повалился на колени и исторг из себя съеденное ранее печенье. Приступ рвоты был настолько жесток, что после него я долго не мог вдохнуть и как огромная, выброшенная на берег рыба все открывал и закрывал рот.

Вдохнул я только после того, как Дэниелс с силой саданул ладонью по моей спине. Грохнувшись на живот, я отдышался, а потом принялся нагребать полные ладони мерзлого снега и яростно тереть им лицо, голову, руки. Рот был наполнен горечью, в голове стоял невообразимый шум. Весь я был залит буро-черным, липким веществом.

– Долбаный, мать его, придурок Вуд! – согнувшись пополам, с чувством заорал Дэниелс. Лицо у него тоже было в буро-черных разводах, а глаза демонстрировали не менее безумное выражение, какое должно быть, светилось и в моих. – Давай к машине, Уилсон. Нужно уматывать отсюда.

Дважды просить меня не пришлось.

Глава 43

Этой же ночью оставшиеся девяносто четыре человека сидели в холле темного дома и изредка переговаривались между собой. Те из нас, кто сегодня побывал в городе и успел насмотреться на происходящее в нем безумие, поделились впечатлениями с остальными. Наш с Дэниелсом рассказ о встрече с тварями и о том, что случилось с Вудом, поверг людей в глубочайшее шоковое состояние. Теперь страх плотно пробрался в сознание всех здесь живущих.

Он давно стал нашим попутчиком, но отныне сделался

еще более осязаемым и ощущался буквально каждой клеткой мозга. Погрузившись в немое оцепенение, все мы сидели притихшие, с поникшими, точно придавленными неподъемным грузом головами. Всех нас объединяла общая мысль – спасения ждать неоткуда.

Никто не придет за нами, чтобы оказать помощь, вытащить из трясины вязкого страха, защитить от ежеминутно грозящей опасности. До нас больше никому нет дела – каждый в этом обезумевшем мире предоставлен самому себе. Люди почти стали зверьми и от того, чтобы одичать окончательно, потерять остатки человеческого облика и превратиться в перепуганный жертвенный скот, нас отделяет лишь зыбкая грань.

Припасов, что сегодня набрали две поисковые группы, хватит максимум на неделю, а что будет потом – неизвестно. Либо мы передохнем с голоду, либо опять поедem в город. Но и там уже почти ничего не осталось.

После случившегося, на несколько часов мой разум будто утратил способность ясно соображать и пребывал в странном отупелом помутнении. Кроме того, у меня поднялась температура, в горле свербило и отдавало горьким привкусом железа, а глаза жгло так, будто в них насыпали горсть раскаленного песка. Проведя в глубокой апатии остаток вечера, я немного пришел в себя лишь к ночи, когда Лора настойчиво всунула мне в руки тарелку со скудной горсткой вареных макарон вперемешку с непонятного рода тончайши-

ми волокнами, отдаленно по запаху напоминающими мясо.

Механически работая челюстями я ел, глядя в пространство остановившимся, невидящим взглядом и отказывался отвечать на ее встревоженные расспросы, однако с каждой проглоченной ложкой горячей пищи энергия понемногу возвращалась к моим одеревеневшим конечностям. Она запускала в мозгу химические реакции и заставляла организм бороться со стрессом. Когда же мной до конца были осмыслены все эпизоды прошедшего дня, я подошел к Дэниелсу, чтобы поблагодарить за спасение и услышать, что там произошло.

По его словам, он действительно убежал. Увидев впервые, что представляют из себя инфицированные, Дэниелс поддался панике и не помня себя помчал прочь. Он бы так и удрал, оставив меня подыхать, но, на мое везение, в полете между первым и вторым этажом его словно кто-то дернул за руку и заставил вернуться. Если бы не его чудесное возвращение, скорее всего, я был бы уже мертв.

Помимо двух убитых мной тварей и той, что так бесшумно подкралась сзади, там скрывалось еще двое зараженных. Первого Дэниелс убил, вбегая в квартиру, второго – когда я ослепленный бежал за ним по коридору. Того, что тянулся к моему горлу и был уже так близок к цели, он застрелил выстрелом в висок. После этого меня и ослепило.

Хлынувшая из него черная гнилостная субстанция залила мне все лицо, а сам он, как подкошенная ударом топора ель, рухнул на меня сверху. Дэниелс сказал, что я орал как сума-

сшедший, из-за чего он подумал, будто меня успели заразить и едва не убежал снова. К счастью, он этого не сделал.

Вуд тоже орал, но по нему было видно, что с ним все кончено. Дэниелс подробно описал, как из его ушей, глаз, носа и рта хлестала кровь, как пальцы судорожно царапали пол, как вены по всему телу наливались черным, а само тело выгибалось под неестественным, опровергающим все законы анатомии углом. Вуд умер мучительной смертью, а затем переродился в одно из тех таинственных существ, что последние полгода для чего-то преследуют все человечество.

– Ну и денек, – подсаживаясь ко мне, прошептал Митчелл. – Как ты, Уилсон? Отошел немного?

– Да, порядок.

Митчелл со своей группой тоже столкнулся с двумя зараженными, но по счастливой случайности обошлось без серьезных последствий. Одного из них убил Эдвардс, второго сам Митчелл.

– Знаешь, Уилсон, я когда видел их по телеку, все думал, до чего же омерзительные уроды, но после того, как столкнулся с ними в реальности... Я и предположить не мог, что они настолько безобразны. И эта вонь, что от них исходит, черт... – Испутив протяжный вздох, он замолчал, но потом тихо заговорил вновь: – Когда я вошел в ту квартиру и урод посмотрел на меня в упор, я, честно признаться, малость струхнул. Так и застыл на месте, будто впервые оказавшийся на полигоне салага. Растерялся прямо. Мне многое далось

повидать, ты знаешь, но сегодня я подумал, что это конец. – Еще помолчав, он прибавил: – Эдвардс молоток. Он первый из нас опомнился.

– Это только начало, Сержант, – цинично усмехнулся я. – Пока им хватает добычи в городе и они, похоже, неплохо там пируют, так что сейчас мы еще в относительной безопасности, а вот когда там все живое иссякнет, они неминуемо попрут прямо на нас. И что будет тогда, не хочу даже думать.

– Мы должны пересидеть здесь, – ответил он. – Если будем тихо себя вести и не рыпаться, они обойдут стороной.

– Ты так считаешь? Что-то я сомневаюсь. Они стали очень быстрыми, Митчелл. В два, а то и в три раза быстрее, чем раньше.

Мы оба надолго умолкли, но минут пять спустя я с надеждой в голосе проговорил:

– Слушай, я и раньше размышлял об этом, но после сегодняшних событий мысль, что нужно уходить дальше, просто въелась мне в голову.

– Куда дальше?

– Думаю, может стоит попробовать пересечь границу?

Повернувшись к нему, я ждал, что он скажет на этот счет. В задумчивости Митчелл медлил с ответом, однако затем издал сдавленный смешок и спросил:

– И что потом? Брось, Уилсон. Так и будем убегать? Они ведь придут и туда, если уже не пришли. Здесь у нас хотя бы есть надежное укрытие, а что ждет там?

– Не знаю.

– Вот именно. И никто не знает. А потом, как тащить с собой по морозу такую толпу народа?

– Ну конечно, – презрительно ухмыльнулся я, – с нами же женщины, старики и дети.

– Ты опять за старое? – шепот Митчелла приобрел недобрый оттенок.

– Нет. Просто бесит, что приходится подставлять свою задницу и отдуваться за всех. У меня дочь, Митчелл! Если меня грохнет какой-нибудь поехавший крышей оборванец или, что хуже, заразит инфицированный ублюдок, что станет с ней?

– Кончай о таком думать, ничего с тобой не случится, – твердо произнес он. – Но на всякий случай – пока я жив, она не пропадет. Даю тебе слово.

На несколько следующих минут мы оба вновь замолчали и углубились каждый в собственные мысли.

– У тебя есть какой-то план действий? – пошевелившись, задал я вопрос. – Мы не сможем пересидеть без припасов, а того, что нашли сегодня, хватит дней на пять-шесть максимум.

– Знаю, – угрюмо проронил он. – Послушай, идти в новое место, значит искать новое укрытие. Потом они нас догонят и нужно будет опять убегать. К тому же я уверен, за границей сейчас то же самое. Если нет, то будет через неделю-другую.

– Да понял я, к чему повторять? – с раздражением бросил

я. – Твои варианты? Что ты предлагаешь делать? Есть собак, пока не кончатся?

– Тебе это не понравится, – устало прошептал Митчелл, – но я предлагаю снова ехать в город и искать провизию. Это единственный выход.

– Я не поеду. Не хочу, ясно? – жестко процедил я.

– А есть другие идеи? Куда бы мы не направились, везде придется рисковать. И везде придется добывать еду. Так что это неизбежно, Уилсон.

Я сознавал, что он прав, а потому промолчал. Митчелл тоже выдерживал паузу, но наконец тихо вздохнул и принялся доверительным, почти заискивающим шепотом меня уговаривать:

– Слушай, сейчас многие удрали из города. От страха люди побежали дальше, а те, кто не сбежал, почти все заражены. Значит, живых там уже меньше, чем инфицированных. Разве ты не заметил, что улицы практически пусты?

– Чего ты обрабатываешь меня, точно я смазливая бабенка, которую тебе вздумалось поиметь? – огрызнулся я. – Да, заметил. Народу совсем не осталось. А еще я заметил горы трупов.

– Вот! Трупы – это понятно, но я хочу сказать, что те твари постепенно пойдут за сбежавшими. Да, они пройдут через нас и тут их, конечно, тоже останется достаточно, но не в таком количестве. Мы пересидим, Джон. Главное, запастись провизией и выждать время. А бежать вслед за остальными

равносильно самоубийству.

– Возможно, в этом есть здравый смысл, Митчелл, но, черт возьми, я сегодня чуть не сдох! Меня до сих пор передергивает от запаха тухлятины, хотя я чуть ли не сорок минут скреб себя в душе. Всю кожу, на хрен, содрал.

– Меня тоже передергивает, а что поделаться?

– Ладно, ни к чему это нытье, – обессиленно прошептал я. – Я знаю, что ты прав и другого выбора у нас все равно нет.

– Тогда решено? – воодушевился он. – Решено! Значит снова разбиваемся на группы и едем на поиски. Пару дней передохнем, придем в себя, а потом доходчиво растолкуем каждому, что действовать нужно сообща. Все должны держаться строго вместе. Вуд сглупил, но это послужит для других уроком. Какого черта он вообще поперся туда один?

– Да я без понятия, что на него нашло! Он как с цепи сорвался и будто целенаправленно шел к ним навстречу. Все твердил, что его ведет предчувствие. Придурок! Жаль его, конечно, но он был законченным идиотом.

– Согласен. А как твой друг? Ему вроде получше, а?

– Роб? Смотря, что ты называешь получше, – процедил я сквозь зубы. – Он успокоился, но только потому, что к нему вернулась жена.

С Робом последние полтора месяца происходили быстрые и такие же внезапные метаморфозы. В первый вечер, когда его мозг отошел от успокоительного, он, как и раньше, сидел без движения с устремленным в пустоту взглядом. В подоб-

ном анабиозе он провел пару суток, а позже состояние это сменилось глухой, молчаливой враждебностью ко мне.

После того, как сообща мы убедили его, что в метро специально оставили людей, которые расскажут Айлин, где нас искать, оно вновь переросло в томительное ожидание. Роб немного оживился, но как будто еще больше впал в детство. Порой его изумляли или приводили в совершенный восторг вполне обыденные вещи, слова, либо события.

Иногда он словно сомнамбула расхаживал по дому, брал в руки предметы и подолгу их разглядывал. Иногда спрашивал, какой сегодня день, месяц и год. А временами слышал привычную, всем понятную фразу, уточнял, что она означает, а услышав ответ, приходил в возбужденное, приподнятое настроение и затем повторял ее помногу часов подряд.

Голод он переносил на удивление стойко и, казалось, вообще его не замечал. Как и все мы, он еще сильнее отоштал и сгорбился, так что от его когда-то широких, сильных плеч сохранились одни воспоминания. Глаза его приобрели несколько мутный оттенок, но при этом лихорадочно блестели и, не задерживаясь надолго на чем-то конкретном, часто бегали с места на место.

Однажды будучи в городе, в одном из разграбленных магазинов мне под руку подвернулся столярный рубанок. Едва взглянув на него, я сразу подумал о нем. Не особо надеясь, что его заинтересует инструмент, за которым в прошлом он мог проводить часы напролет, я все же привез его в дом. По-

дарок Роб оценил не сразу.

Несколько дней он притворялся, будто вовсе его не замечает, а потом начал искоса присматриваться. Он ходил возле него кругами, брал в руки и клал обратно, пока как-то я не застал его в подвале за обработкой деревянной доски. Там их имелось в избытке, так что очень скоро он втянулся в процесс и практически перестал оттуда выходить.

С тех пор я везде выискивал столярные инструменты и как только мне где-нибудь попадался лобзик, стамеска или еще нечто подобное, без раздумий бросал в рюкзак и вез ему. Со временем в подвале образовалось что-то вроде небольшой столярной мастерской. Плюсом также было то, что его увлеченность работой с деревом привлекла к себе детей и некоторых подростков. Не сразу, но они нашли к нему подход, а уже через неделю Роб напропалую с ними общался и даже чему-то учил.

Все шло довольно неплохо и у меня появилась слабая надежда на его выздоровление, пока пару недель назад он не сообщил мне о возвращении Айлин. С того дня в его воображении она неотлучно находилась рядом с ним. Нередко я заставал его за беседой с самим собой, смехом в пространство или упоминанием ее в разговоре так, словно она присутствует где-то поблизости. Так стало ясно, что он окончательно и бесповоротно лишился ума.

В общем-то, в таком его искаженном восприятии реальности не было ничего плохого. Он никому не доставлял хлопот.

пот, возился с инструментами и всего лишь разговаривал с невидимым никому человеком, поэтому я не особо вмешивался в его дела. А по сути мы давно отделились друг от друга и несмотря на то, что делили на двоих комнату, почти не общались.

Отделились мы еще в метро, сразу после приезда. С Терри тоже. У каждого из нас появился круг общения и собственные интересы, а кроме того, прошедшие два месяца я был занят ежедневной борьбой за выживание. Эта гонка не прекращалась ни днем, ни ночью, так что на долгие доверительные беседы у меня не доставало ни ресурсов, ни времени.

Поиски провизии сменялись поисками убежища, ночными дежурствами, попытками продержаться на плаву, мыслями о бесчисленных проблемах и трудностях и... снова поисками провизии. Казалось, я не отдыхал ни минуты, но, если бы был выбор – жить так или сидеть без дела, я бы выбрал то, что имел. Словом, проведенные здесь дни пролетели для меня незаметно — удивительным образом они слились в один короткий промежуток времени.

Жизнь неслась мимо меня со спринтерской скоростью и была до того насыщена событиями, что изредка я останавливался, пытался вспомнить вчерашний или позавчерашний день и не мог. Теперь мне представлялось странным, что когда мы жили на юге, время тянулось бесконечно медленно. Тогда все вокруг меня словно омертвело и замерло. И сам я был тогда точно мертв...

– Может, он мог бы быть нам полезен? – отвлек меня Митчелл. – Ты говорил, раньше вы часто ездили на рыбалку, так что он должен в этом смыслить.

Я не сразу понял, что речь все еще идет о Робе.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что Вуд и Ли погибли, остался только Ричардсон. Ему будет непросто в одиночку добывать рыбу, да это и небезопасно.

– Это плохая идея, Сержант. Он болен. Поищи кого-нибудь другого.

– Как знаешь, но, возможно, это пошло бы ему на пользу. Мне кажется, ему станет лучше, если он будет в чем-то задействован. Подумай на этот счет.

Я не ответил. Через минуту Митчелл ушел, а я еще долго сидел в темном углу холла, предаваясь безотрадным мыслям и прислушиваясь к звукам за стенами дома. В эту ночь меня не покидало ощущение, что мира за его пределами больше не существует.

Мнилось, будто я и окружающая меня горстка людей являемся единственными выжившими в той мясорубке, что устроила человеческая раса в погоне за научными экспериментами и открытиями. Заигрывая с самой природой, они вторглись в некую запретную область и выпустили наружу таящееся в ее чреве древнее зло. Из-за ничтожной ошибки, допущенной никому неизвестным лаборантом, все живое подверглось тотальному уничтожению, а теперь и наша жал-

кая горстка стоит на пороге окончательного истребления.

Последующие пару недель периодически мы совершали такие же отчаянные вылазки в город. Не всегда они проходили удачно, но это давало возможность и дальше хоть как-то держаться на плаву. Добываемая провизия была крайне скудна, ее не хватало, а потому нам опять приходилось есть собак. Без их мяса выжить всем нам оказалось бы не под силу.

Вернуться к обшариванию квартир поначалу для меня было непросто. Зная, что в любой из них можно напороться на пристанище кровожадных тварей, всякий раз мне приходилось себя перебарывать, но впоследствии я привык и к этому. После смерти Вуда в совершаемых набегах все мы стали осмотрительнее, держались сплоченным строем и надежно прикрывали спины друг друга.

Тварей нам встречалось немало. Почти каждая поездка сопровождалась столкновениями с ними, но пока нам везло. За следующие четыре раза больше никто не погиб. А вот живых в городе действительно почти не осталось – либо они прятались по норам и постепенно вымирали от голода, либо уходили дальше.

Из очередной такой вылазки Митчелл привез с собой троих человек. Это была женщина лет тридцати, а с ней двое детей девяти и шести лет. Все трое оказались смертельно напуганы, голодны и истощены до такой степени, что их тонкая кожа, больше напоминающая пожелтевшую от старости

газетную бумагу, туго обтягивала кости черепа, а на лицах проглядывали лишь затравленно бегающие глаза.

В первые дни они вздрагивали от каждого шороха, боялись людей и постоянно озирались по сторонам, но понемногу начали отходить от пережитых ужасов. Спустя какое-то время женщина заговорила и смогла рассказать, как с ноября она с мужем и детьми прорывалась в лагерь, но все их попытки не достигли цели. Когда приход зараженных стал неминуем, все четверо заперлись в своей квартире. Поедая мизерные запасы провизии, они сумели продержаться почти месяц не высовывая наружу даже носа.

Она рассказывала, как из окон они наблюдали за зверствами, что там происходили, слышали крики о помощи, непрерывную стрельбу, стоны, хрипы и жуткие звуки, издаваемые зараженными. По ее словам, их были толпы. Ночами они многотысячным полчищем передвигались по темным улицам, входили в дома, убивали все живое. К ним в квартиру твари тоже ломались, но ее муж предусмотрительно позаботился о надежности двери и крепости замков.

Когда последние крохи еды были съедены, они голодали почти неделю, прежде чем он ушел на поиски. В тот день он не вернулся и еще последующие двое суток женщина провела в мучительной неизвестности о его судьбе. Он пришел только на третью ночь.

Услышав первый стук в дверь, она подобралась к дверному глазку и узнала в обезображенной заражением твари от-

ца своих детей. Тогда она поняла, что он вернулся за ними. Вздрагивая, женщина вспоминала, как неистово он дергал дверную ручку, как скреб ногтями по дереву, как издавал пронзительные взвизги, хрипы и дикий хохот. Он неистовствовал под их дверью всю ночь и ушел лишь перед наступлением рассвета.

К следующей ночи тварь, бывшая когда-то ей мужем, вернулась снова. И снова все повторилось. В таком кошмаре они провели еще двое суток, а потом она взяла детей и при свете дня выбралась из их ставшей ловушкой квартиры. Весь день они скитались по скованным ледяным холодом улицам, рылись в мусорных баках и ежеминутно готовились к смерти от рук обезумевших людей.

К наступлению темноты она привела детей в случайно подвернувшуюся пустую квартиру. Заперевшись на все замки, они прожили в ней несколько недель, выбираясь наружу, только когда голод становился настолько силен, что казалось, проще умереть, чем выносить его дальше. В день, когда Митчелл их нашел, они по сути от него уже умирали.

Впоследствии младший ее ребенок все-таки не выжил. Мальчик был настолько слаб, что даже наличие горячего питания и медицинской помощи оказались не в состоянии помешать неизбежному процессу, запущенному многодневным дефицитом пищи. На шестой день он тихо угас и был похоронен рядом с умершей ранее девочкой.

Глава 44

Все случилось внезапно. Они добрались к нам глубокой ночью двадцать восьмого февраля, когда на темной материи неба проглядывали миллиарды неподвижных звезд и там же тускло мерцал узкий огрызок убывающей луны. До их появления вокруг было очень тихо – неугомонный ветер и тот в дремотном бездействии присмирел меж голых ветвей окружающего дом сквера.

За прошедшие недели мы настолько привыкли к постоянному ощущению опасности, что эта морозная ночь всем нам казалась обыденной и абсолютно спокойной. Никто из нас не был готов к их приходу. Терри вместе с другими детьми и женщинами спала в просторном помещении столовой, а я, как обычно, дежурил в холле. В свои комнаты на ночь давно уже никто не поднимался – их использовали только днем, в темное же время суток все жались поближе друг к другу.

Между несущими дежурство мужчинами шел тихий, неторопливый разговор, когда около часу ночи что-то с силой стукнуло во входную дверь. Этот стук вмиг оборвал все недосказанные фразы, прекратил шорохи, издаваемые движениями скученных тел и, казалось, даже остановил дыхание.

– Что это? – произвольно сорвалось с моих помертвевших губ.

Словно под действием криогенной заморозки, все мои внутренние органы в один миг застыли и превратились в лед. Вопрос был адресован сидящему рядом со мной Митчеллу

и произнесен настолько тихим шепотом, что я и сам его еле расслышал.

– Не знаю, – так же едва разборчиво прошептал он, но тотчас немного прибавил громкости, чтобы его могли расслышать остальные: – Чтобы ни звука, все поняли?

В ту же секунду стук повторился с новой силой, но теперь к нему прибавился еще и удар в окно. Потом еще один. И еще.

Сквозь гулкие толчки в стиснутой страхом груди я различил мерный, шаркающий звук, а следом за ним до боли знакомое бульканье и взвизги. Это зараженные твари терлись о кирпичные стены дома. Теперь я уже ясно слышал, как натываясь на заграждения из строительных лесов, они подходят все ближе к двери, и как бестолково сталкиваясь друг с другом, топчутся на пороге. Судя по звукам, их было много.

– Они здесь, – прошептал я. – Если будем сидеть тихо, возможно, они уйдут.

Неожиданно раздался одинокий надсадный крик, от которого в венах у меня застыла кровь. Он резко перешел в пронзительный звенящий визг и словно призывал тварей к какому-то действию. Следом грянул новый удар в дверь. На этот раз он был столь мощным, что на мгновение мне почудилось, будто сейчас она распахнет и в дом хлынет нескончаемый поток зараженных.

– Чарли, Дэниелс, идите в столовую, – распорядился Митчелл. – Проследите, чтобы никто из детей и женщин не под-

нял шума. И пусть будут наготове. Все должны быть одеты, если придется бежать.

Получив задание, они поднялись на ноги и в полной темноте направились к столовой. О том, чтобы подсветить путь фонарем не могло быть и речи, поэтому двигаться им приходилось на ощупь. Их шатающиеся фигуры почти скрылись из виду, когда Митчелл бросил вдогонку:

– Только без суеты. Ни один ребенок не должен заплакать.

Я понял, что его приказ невыполним, когда уже через пару секунд раздался первый жалобный плач. Сразу за ним подтянулся второй испуганный детский голос. Поднявшись со своего места, я пошел вслед за ними, чтобы отыскать Терри, пока не началась всеобщая паника.

Я нашел ее в углу комнаты. Она сидела на спальном мешке в обнимку с Лорой. Обе уже были одеты, не хватало только верхней одежды и обуви. Лиц их я не видел, но как только приблизился, они панически вцепились в мою руку и наперебой зашептали:

– Это зараженные? Их много? Они нас заметили?

– Да, это они. Нужно вести себя тихо, – попытался успокоить я.

– Они уйдут? Папа, они ведь уйдут? – незнакомым, срывающимся полусшепотом спрашивала Терри.

– Что нам делать? Где нам спрятаться? – встревоженно перебивала ее Лора.

Эти и другие вопросы раздавались отовсюду. Все уже

проснулись, повскакивали со своих мест и спешно натягивали одежду, но как бы они не старались, без шума не вышло. В столовой стоял неумолчный, свистящий многоголосый гул.

Он концентрировался в темноте и, будто набухая, окутывал меня сплошным шипящим туманом, царапал слух, вызывая все большую тревогу. Сквозь микроскопические щели между прибитых к оконным рамам досок я различал мечущиеся тени Чарли и Дэниелса. Они перебежали от одной испуганной женщины к другой и каждую пытались утихомирить, но тут же чей-нибудь торопливый шепот, причитания или тонкий писк раздавался из противоположного угла и им приходилось вновь срывать с места. Паника стремительно набирала обороты.

Казалось, если сейчас их не заткнуть, то еще пару мгновений и окружающий нас мрак наполнится визгами и истерическим плачем. С трудом подавив желание громко заорать, я, точно ужаленный ядовитым насекомым, вскочил на ноги, быстро проделал путь в центр комнаты и, подняв вверх правую руку, резко скомандовал:

– Тихо! – Гул сразу прервался. – Все сюда!

Со всех сторон ко мне потянулись притихшие женщины и дети. Дождавшись, когда они соберутся в круг, я как можно более ровным голосом произнес:

– Дверь выдержит, так что не стоит поднимать панику. Сейчас все тихо и не торопясь одеваются, а затем выходят в

холл. Детей заставьте молчать. Если поднимут крик, они не уйдут до утра. Еще раз, никто не паникует, все ясно?

Вокруг меня согласно закивали и вроде бы наконец-то успокоились, но хватило этого лишь на полминуты. Твари уже догадались, что дом обитаем. Как раз, когда я договорил и все начали расходиться, снаружи опять раздался тот пронзительный лязгающий крик.

Стук во входную дверь не прекращался ни на минуту, но теперь он зазвучал с еще более сокрушительной силой. Кроме того, к нему прибавился такой же стук в заколоченные окна. Когда в окно комнаты, где мы находились, послышался первый мощный удар, какой-то ребенок не выдержал и зарыдал в голос.

Наверное, именно в этот момент я впервые подумал, что нам не выстоять. Отсидеться в тишине, надеясь, что они уйдут уже не получится. Придется или отбиваться, или бежать. Только бежать нам было некуда.

– Терри, где твоя куртка? Одевайся, – вновь подойдя к дочери, велел я. – Лора, вы тоже. Идите за мной.

Ежесекундно поторапливая, я заставил обоих надеть верхнюю одежду, затем схватил Терри за руку и, продираясь сквозь толпу, выбрался в холл. Там уже зажгли тусклый фонарь и теперь он освещал помещение с собравшимися людьми. Преимущественно здесь находились мужчины.

Большинство из них были вооружены, но выражения лиц сильно разнились. У одних они были бледными, но реши-

тельными, у других застывшими от осознания приближающейся гибели, у третьих в глазах плескались смятение и ужас, у четвертых проступало рвущееся наружу отчаяние. Лиц было множество – молодых, старых и совсем юных, небритых и безбородых, грубых и выразительных, отрешенных и перекошенных злобой. Словно участники безумного карнавала, они сливались в бесконечный хоровод и кружились вокруг зажженного фонаря.

Все молчали. Несмотря на гнетущую обстановку, это стойко хранимое молчание объединяло перепуганных людей, и кроме как выражением лиц, больше они никак не проявляли эмоций. Пройдя мимо, я отыскал на полу рюкзак с вещами, запасом патронов и небольшой заначкой провизии, забросил его на плечи, а после на всякий случай проверил готовность оружия к бою.

Свой старый обрез и с таким трудом добытый еще на юге карабин я всегда держал наготове, но сейчас хотел убедиться, что они не подведут меня в нужный момент. Заглянув в магазины и удостоверившись, что они полны, я хотел было идти к остальным, как откуда-то из полумрака на меня вылетел запыхавшийся Митчелл. Он тоже выглядел растерянным.

– Джон, их там сотни, – зашептал он мне в самое ухо. – Я поднимался наверх и видел в окно. Они все идут и идут и, похоже, им нет конца.

– Значит придется отстреливать ублюдков, – глядя ему

прямо в глаза, ответил я. – Будем отбиваться до последнего, Сержант.

Я действительно собирался бороться, пока хватит сил. Страх уже отступил, оставив вместо себя решимость любой ценой спасти Терри и выжить самому. Если потребуется, я готов был зубами вырывать из лап тварей свою жизнь и жизнь дочери, но когда пойму, что проиграл – пущу пулю в висок. Сначала ей, а потом себе.

Обойдя Митчелла, я приблизился к собравшимся у фонаря мужчинам, обвел всех взглядом и неожиданно для самого себя твердо произнес:

– Снаружи их много и они уже поняли, что мы внутри. На помощь никто не придет. Бежать некуда. Этот дом – все, что у нас есть. Соберитесь, парни, мы обязаны его отстоять. Я иду наверх и буду отстреливать ублюдков в окно. Кто со мной?

Все тотчас пришли в оживление, будто только и ждали, когда кто-нибудь скажет им, как нужно действовать. Десятки ртов заговорили разом, но пресекая шум и поднявшуюся суматоху, я продолжил:

– Несколько человек должны остаться внизу. Если уроды все-таки выбьют дверь, необходимо не дать им ворваться внутрь. Патроны беречь, стрелять прицельно и только в голову. – Снова осмотрев каждого по очереди, я с мрачной убежденностью добавил: – Мы выстоим. Ну, кто со мной? Включаем прожектор над входом и отстреливаемся до победного.

Повернув голову, я встретился взглядом с Митчеллом. От растерянности в его лице не осталось и следа.

– Нам понадобится свет, Сержант. Пошли кого-нибудь в подвал.

Сжав мое плечо, он с благодарностью кивнул, отослал Эдвардса в подвал, чтобы тот включил электрогенератор, а затем принялся распоряжаться, кто из мужчин остается внизу, а кто идет наверх. Не дожидаясь остальных, я схватил Терри за руку и направился к лестнице. Лора неотступно следовала за нами.

Вихрем взбежав на второй этаж, мы втроем прошли в чью-то спальню и в то же мгновение на улице зажегся прожектор. В незашторенное окно ярким снопом ударил холодный голубоватый свет. Его сияние больно резануло по зрачкам, лишив на время способности четко различать предметы.

Прожектор был огромным и очень мощным. Его еще в декабре где-то раздобыл один из наших парней и поначалу, когда он притащил его в метро, все только посмеялись, но потом мы перевезли его в дом и установили над входом. Сегодня он наконец пригодился.

Жмурясь от его слепящих лучей, я приложил ладонь ко лбу и осторожно подобрался к оконному проему, но стоило мне выглянуть наружу, как я обомлел. Несколько секунд я стоял и сокрушенный, придавленный, одурманенный все повторял про себя фразу: «Нам ни за что не отбиться! Нам ни

за что не отбиться! Ни за что не отбиться...»

Яркий поток света озарял толпу зараженных, которые так же, как и я, на время замерли, закрываясь от бьющих в черные глазницы лучей. Их действительно было не меньше сотни. Нет, больше, гораздо больше. Твари окружали дом со всех сторон и, казалось, их числу нет предела.

На секунду я ощутил непреодолимое желание зажмуриться и что есть мочи тряхнуть головой, чтобы отогнать это пугающее видение, но вместо того стоял и ошалело наблюдал за тем, как одни бродят по скверу вокруг дома, а другие толпятся у окон и входной двери. Периодически они отходили назад, а затем с разбега наталкивались на деревянные засьлонки, стремились их проломить, с неистовством рвались внутрь. Гулкий, однообразный стук от их попыток пробиться неся по всем закоулкам притихшего в ужасе дома.

– Нам не отбиться, Джон... – вторя моим мыслям, прошептал Митчелл у меня за спиной.

– У нас нет другого выбора, – придя наконец в себя, ответил я, после чего повернул ручку и распахнул окно. – Расставь людей по кругу, Сержант. Они, похоже, повсюду.

Когда он ушел, я оглянулся в поисках Терри и Лоры. Сжавшись в один трепещущий комок, они обнявшись сидели на кровати и утешали друг друга. Из соседних окон уже зазвучали первые выстрелы.

– Лора, вы с Терри не должны никуда уходить. Будьте все время здесь, понятно? – бросил я через плечо.

– Да, мистер Уилсон, – дрожащим голосом подтвердила она.

– Но прежде, пожалуйста, разыщите Роба и приведите его сюда. Это нужно сделать, Лора. Вы справитесь? – Она кое-как кивнула. – Хорошо. Вы молодец. Только возвращайтесь как можно скорее.

Дернув затвор, я выстрелил в первую тварь. Затем прицелился и тут же выстрелил в следующую. Громкие ружейные залпы звучали теперь отовсюду. Морозный воздух постепенно наполнялся запахом пороха и едкого дыма, но складывалось впечатление, что чем больше мы отстреливаем наступающих, тем больше их становится. Их количество несколько не уменьшалось – напротив, ублюдки буквально лезли изо всех щелей, подходили к окнам, облепляли дом с разных сторон и уже сплошной неудержимой лавиной ломались в дверь.

Задачу по их отстрелу нам усложнял узкий, сильно выступающий вперед портик над входом. Его увенчивал треугольный фронтон, поддерживаемый двумя гранитными колоннами, а островерхая двускатная крыша загораживала весь обзор. Стрелки пробовали достать тварей сверху, но из-за этого чертового портика, который почему-то мы не догадались снести раньше, все попытки терпели провал. Пули доставали лишь тех, кто находился на открытом пространстве и твари на удивление быстро это просекли. Все они стремились попасть под защиту крыши, так что у самого входа concentra-

ция их достигала уже критической массы.

Обстреливая их, я потерял счет времени, поэтому когда взмыленный Митчелл опять появился у меня за спиной, не с первого раза услышал, как он кричит:

– Дверь не выдержит, их там слишком много!

– Что? – перестав стрелять, переспросил я.

– Я говорю, дверь продержится еще максимум минут десять! – перекрикивая звуки залпов, проорал он. – Их там целая орава! Мы подперли, чем смогли, но нужно как-то их отогнать.

– Да ладно? – не без иронии спросил я. – И как это сделать? У тебя есть идеи?

Высунувшись по пояс в окно, он торопливо оглядел крышу, а затем влез обратно и в самое мое ухо прокричал:

– Единственный способ, что я вижу – это открыть дверь и перестрелять их залповым огнем из винтовок.

Я уже вновь начал вести обстрел, но как только услышал его безумную идею, тотчас прекратил и уставился на него, открыв рот.

– Ты свихнулся?

– А есть другие предложения? Они выбьют эту чертову дверь, Уилсон.

Несколько секунд я неподвижно смотрел на него, силясь представить, как он собирается осуществить задуманное. Если открыть дверь, то даже залповый огонь не удержит рвущихся к нам тварей. Они вмиг ломанутся в открытый проем

и тогда нам всем настанет конец.

– Выбейте доски на каком-нибудь окне и перестреляйте их оттуда, – предложил я.

– Уже пробовали, но так их не достать. Мешают колонны и стена. Нужно рискнуть, Уилсон. Вы будете прикрывать сверху, а я спущусь вниз и вместе с остальными отгоню их от входа.

– Это же самоубийство, ты понимаешь?

– Вариантов нет, Джон. Или мы их отгоним или они войдут сами. Я спустил вниз почти всех с противоположной стороны, так что дело за вами. У входа их штук двадцать-тридцать, справимся.

Осознав, что решение им уже принято и пришел он вовсе не за советом, а лишь для того, чтобы предупредить о возможной скорой гибели, я коротко кивнул.

– Хорошо, Митчелл. Удачи. Мы прикроем.

Сдержанно кивнув в ответ, он ушел. Провожая его взглядом, я разглядел, что Лора успела вернуться и теперь стоит у стены, трясущимися руками прижимая к себе Терри. Роб тоже был здесь. Как только Митчелл выбежал из комнаты, он приблизился ко мне и хрипло произнес:

– Дай-ка мне свой обрез, Джон. Я тоже хочу поучаствовать в их истреблении.

К моему изумлению, говорил он вполне осознанно и выглядел как совершенно здоровый человек. Не веря глазам, я переспросил:

– Уверен? – Нетерпеливо протянув руку к обрезу, Роб решительно кивнул головой. – Ладно. Займи удобную позицию. Нам важно не давать им приближаться к дверям.

– Да понял я, – встав рядом со мной, проворчал он.

– Лора, запирайтесь на замок, – попросил я и снова повернулся к окну.

Продолжая вести прицельный огонь, через пару минут я услышал, как внизу распахнулась дверь, а следом раздался шквал выстрелов. С моей позиции были хорошо видны яркие огненные вспышки и то, как твари падают одна за другой, но мы не справлялись. Наверху нас было не больше десяти человек, а их внизу целое полчище. Как бы мы не напрягали усилий, у нас не выходило прикончить каждого зараженного, мчащегося к открывшемуся входу в дом.

Я понятия не имел, сколько это продолжалось. Время словно бы подвисло в воздухе и перестало существовать, да я о нем и не думал. С момента, как открылась дверь, могла пройти как минута, так и все тридцать, настолько оно потеряло значение. Я отмерял его лишь по количеству сраженных мной тварей.

Несмотря на мороз, пот застилал мне глаза, указательный палец правой руки одеревенел от постоянного нажатия на спусковой крючок, а они все прибывали и прибывали. Как приливные океанские волны, твари выкатывались из темноты сквера и по одиночке или же целыми ватагами вбегали под лучи прожектора. Часть из них находили там свою окон-

чательную смерть, но большинство рассеивалось по территории вокруг дома.

Когда в спальню раздался громкий настойчивый стук, по всему моему телу прошла холодная зыбь. Она успокоилась, только после того, как я услышал голос Митчелла. Лора мигом открыла, но едва увидев его лицо, чуть было не захлопнула дверь снова.

Он был насквозь мокрым от пота, с трудом мог дышать, а по его лицу растекалась грязная зловонная жижа. Сквозь нее проглядывали блестящие каким-то безумным возбуждением глаза, а открытый от нехватки воздуха рот обнажал белоснежные зубы. Из-за этого казалось, будто он улыбается беспечной улыбкой олигофрена.

– Нам кое-как удалось закрыть дверь, – растирая по лицу смердящую массу, свистящим от одышки шепотом выговорил он. – Стоило этой нечисти увидеть лазейку, как они все ломанулись в холл. Их привел Вуд. Он был одним из первых, кого я уложил. Узнал его с трудом, так сильно изменилась его рожа, но сомнений нет.

– Чертов сукин сын! – воскликнул я, только теперь сообщив, какую допустил ошибку.

Я должен был пристрелить его еще там, когда понял, что он уже заражен, но кто бы мог подумать о такой их находчивости. Было почти немислимо представить, что Вуд умудрился выбраться из того дома, примкнуть к остальным и привести сюда целую армию. Пока я осмысливал услышанное,

Роб продолжал стрелять. Опомнившись, я поторопился присоединиться к нему.

– Мы не выстоим, Уилсон, – немного отдышавшись, проговорил Митчелл. – Их чересчур много. Дверь уже еле держится и они почти выломали некоторые окна. Внизу творится безумие.

– Ты это серьезно? – Бросив на него беглый взгляд, я прочел в его глазах беспощадный вердикт, но невзирая на это, спокойно вернулся к отстреливанию все подходящих зараженных. – Хочешь сказать, это наши последние минуты?

– Думаю да, Джон, – ответил Митчелл тихо. – Я спустил женщин и детей в подвал, но если они прорвутся в дом, дверь туда тоже не выдержит. Со временем они снесут и ее. На улицу тоже не выйти. Потеряем очень много людей.

– А что со входом в подвал со стороны улицы? Его они тоже штурмуют? – вновь прекратив стрелять, спросил я.

– Как ни странно, его не трогают. Видимо, еще не обнаружили. Бродят возле, но пока лезут через окна и в главный вход.

– Тогда это наш единственный шанс протянуть до утра. Сколько сейчас времени?

– Почти два. Что ты предлагаешь?

– Предлагаю спуститься в подвал и тихо ждать. Если повезет, у них не хватит ума подумать о нем, когда они войдут в дом и никого не обнаружат. К тому же дверь там достаточно крепкая, может, выдержит до рассвета. Если все получится,

утром уйдем.

– Ты действительно в это веришь? – расхохотался вдруг Митчелл. – У них хватило ума скооперироваться вокруг Вуда и притащиться сюда, значит они каким-то образом общаются между собой. Ладно, других вариантов у нас в любом случае нет. Я соберу оставшихся, а ты кончай стрелять и спускайся вниз.

В следующие несколько минут мы прекратили огонь и спустились в подвал. Заперев за собой дверь, люди сбились в тесную испуганную кучку, напоминающую стадо безмозглых, подготовленных к закланию овец. Всем нам было страшно и все мы ждали. Кто-то молился, кто-то беззвучно плакал, на лицах некоторых проступало принятие неизбежного. Каждый из нас сознавал, что шансы выжить минимальны.

Когда все расселись по местам и наконец затихли, Митчелл встал и толкнул пылкую речь:

– До рассвета осталось около четырех часов и этот подвал наша последняя надежда на спасение. Совсем скоро зараженные выбьют дверь и войдут в дом. Каждый из вас должен понять, что один единственный звук привлечет их внимание и тогда мы окажемся в ловушке. Отсюда уже будет не выбраться. – Переведя дыхание, он прошелся многозначительным взглядом по лицам женщин и детей, а затем продолжил: – Что бы не происходило наверху, никто, еще раз повторяю – НИКТО не должен издавать ни звука! Это ясно?

Хотите, можете завязать рты себе и детям, но я не должен слышать ни единого писка. Все. Ждем рассвет и молимся Богу, чтобы он наступил как можно скорее.

Закончив, он повалился на пол, подтянул к груди длинные, согнутые в коленях ноги и устало ссутулился. Выражая согласие, люди безмолвно ему кивали, но ужас, застывший в глазах большинства из них, выдавал отчаяние и обреченность.

Дом сотрясался от ударов еще минут десять, а потом мы услышали, как почти одновременно дверь и одно из окон не выдержали, впустив внутрь несметное количество жаждущих отнять наши жизни тварей.

Глава 45

Стискивая в руках взведенный карабин, я стоял внизу каменной лестницы, что вела из подвала в кухню и ждал. Нас было тридцать восемь человек. Тридцать восемь тех, кто взял в руки оружие и заявил, что пристрелит всякую тварь, прежде чем та доберется до его шеи.

Среди нас были все способные на вооруженный отпор мужчины, несколько еще бодрых стариков, пара умеющих обращаться с огнестрельным оружием женщин и пятеро подростков. За нашими спинами остались только беспомощные взрослые, дети и инвалид-колясочник. Все хранили гробовое молчание.

Как оказалось, мы потеряли двоих. В ожесточенной схватке, завязавшейся в первые секунды после того, как откры-

лась дверь, погибли парень по имени Стив Паркер, а также старик в возрасте шестидесяти девяти лет. По рассказам тех, кому довелось принять на себя штурмовой удар, в холле происходила настоящая бойня.

Первого зараженные вытянули на улицу и в прямом смысле слова растерзали на части. Каждый из них хотел опередить своих собратьев, чтобы провести жуткий обряд по его перевоплощению, а потому твари алчно тянули к нему кроважные глотки и посиневшие пальцы. Они набросились на него, словно свора голодных псов и настолько сильно тащили его тело в разные стороны, что уже через считанные секунды от Стива Паркера остались лишь бесформенные куски мяса.

Второго задушил один из ворвавшихся внутрь ублюдков. В компании еще двоих зараженных, он сумел прорвать цепь обороняющихся и как бесчинствующее злобное животное, принялся нападать на все живое. В том переполохе старик и погиб. Ублюдков в итоге перестреляли, но его спасти не удалось.

Сейчас наверху происходил грандиозный погром. Из подвала мы отчетливо слышали, как твари передвигаются по дому, ища куда-то запропастившихся жертв. Пока что они не догадались о нашем местонахождении и нам оставалось лишь лихорадочно ждать. Ждать и надеяться на исключительное везение, на мизерный шанс, что никого не найдя, они уберутся туда, откуда пришли.

Но проходила минута за минутой, а они даже не думали

признавать поражение. До нас доносился топот сотен шаркающих ног, гнусное горловое бульканье, хрипы, визги, грохот летящих на пол предметов, хлопанье дверьми и периодически раздающийся скрипучий крик. Казалось, минула целая вечность, а твари по-прежнему толпились в доме, заглядывали во все углы, обходили все комнаты. Прежде чем они догадались, где мы, прошло полтора часа.

Обнаружил нас какой-то зараженный. Он с силой толкнул дверь, издал возмущенное сопение, нетерпеливо похрипел, толкнул сильнее и сообразив наконец, что она заперта, начал уже безостановочно рваться внутрь. После ряда безрезультатных попыток прозвучал уже известный нам крик, который, судя по всему, и был их способом коммуникации. Им он явно призывал на помощь остальных.

– Все-таки нашли, мрази, – злобно прошептал рядом со мной Эдвардс.

Мы стояли плечом к плечу и смотрели на тонкий луч света, пробивающийся из под двери, которую дергали и толкали уже несколько пар рук. У нас было два месяца, чтобы подготовиться к их приходу, поэтому дверь была прочной, а замок надежным, но так же мы думали и о той, что не так давно они снесли на главном входе.

Свет в доме мы оставили намеренно. В отличие от зараженных, никто из нас не обладал ночным зрением, а если они пробьют и эту последнюю оборону, стрелять по ним в темноте будет куда сложнее.

– Черт бы меня побрал, – шепотом выругался Моррис, – и почему эта мысль пришла мне в голову только сейчас? Мы должны были приварить сюда заградительную решетку, наподобие той, что стояла в метро и тогда бы без проблем перестреляли этих сучьих выроdkов.

– Да уж, отличная идея, Моррис, – усмехнулся Митчелл. – Жаль только, что так поздно.

– Может, она продержится до утра? – с надеждой проговорил Чарли.

– Шутишь? Максимум час, – возразил кто-то в ответ.

Пробравшись сквозь толкущийся у лестницы народ, Митчелл отвел меня в дальний угол и тихо спросил:

– Что будем делать? Дверь явно не выдержит.

– Стрелять до последнего патрона, что же еще? – ответил я.

– А как насчет того, чтобы выбраться наружу и попробовать добежать до машин? Я думаю, они все сейчас в доме. Может, у нас есть шанс?

– Отличное предложение, Митчелл! Вот только машин у нас пять, а людей... – я попытался вспомнить, сколько нас осталось, но так и не смог сосчитать.

– А людей девяносто четыре, – подсказал он. Обведя взглядом скучившуюся в противоположном углу толпу, он задержался им на мужчине в инвалидном кресле, а затем с задумчивым видом уставился на ведущую к улице дверь. – Да, ты прав, всем не выбраться. В машины уместится макси-

мум половина.

– Знаешь, я не удивлюсь, если в поисках запасного входа часть из них рыщет вокруг дома. И если они его найдут, тогда мы и впрямь окажемся в ловушке. Готов умереть, Сержант? – с сарказмом поинтересовался я, впрочем, не удержал при этом горькой усмешки.

– Я готов. А ты?

– Нет. Я буду отбиваться до последнего, а когда пойму, что все бесполезно, сам пушу себе пулю в лоб. К этим ублюдкам я ни за что не присоединюсь.

Я был убежден в сказанном. Для меня действительно будет проще самостоятельно попрощаться с жизнью, нежели продолжить существование омерзительным, уродливым, вызывающим отвращение существом. И я не допущу, чтобы хоть одна тварь добралась до Терри.

Впервые я подумал об этом в ту ночь, когда вечером двадцать пятого января услышал по радио, что они достигли города и теперь хозяйничают в нем, отлавливая живых, но окончательное решение принял две недели назад, после того, как чуть не умер от рук зараженного. Тогда я принял решение, что лучше убью и себя, и дочь, но эти ублюдки обломятся и не заполучат нас в свои ряды.

– Мы не выберемся все, Брайан, – прервал я возникшее молчание. – Если организуем эвакуацию, вспыхнет паника, начнется давка, вопли и крики. Это сразу привлечет их внимание. И ты же понимаешь, что у нас с тобой, у Морриса,

Эдвардса и других есть шанс убежать, а вот большая часть тех, кто сидит в том углу – обречены. Нужно решать, либо мы остаемся вместе с ними и вместе с ними умираем, либо идем на жертвы.

– Заткнись, Уилсон! Я не брошу этих людей на верную смерть! – взвинчено вскричал он.

– А я и не предлагаю. Но ты определись, чего хочешь – стать жертвенным козлом вместе со всеми или попытаться спасти хотя бы несколько жизней.

Он мне не ответил. Застывшим взглядом Митчелл смотрел на людей. В глазах его отчетливо читалась хаотичная работа мысли, а на лице происходила безжалостная борьба.

Я знал, о чем он думал. Я думал о том же. Каждый из нас стоял перед выбором – сохранить в себе человека и с мужеством умереть или выжить, но поступить при этом, как безжалостный хищник.

Можно стать зверем и побежать, спасая лишь свои жизни, а дальше будь что будет, но мы оба понимали – означать это будет окончательную капитуляцию перед самим собой. После подобного поступка жить, как прежде, уже не получится. Груз вины за смерть невинных детей так или иначе ляжет на наши плечи и нам останется либо примириться с ним и признать, что стали ничем не лучше зараженных ублюдков, либо вконец оскотиниться и превратиться в готовых на все сволочей.

Как бы то ни было, я знал, что не сумею поступить так, как

только что предложил Митчеллу. Эти слова я произнес от злости перед приближающимся неотвратимым концом, но в реальности не был готов к последствиям подобного поступка. Помимо того, кроме Терри, на моем попечении находились также Лора и Роб, а бросить их у меня не хватит духу ни при каких обстоятельствах.

Митчелл куда-то отошел, а я продолжил стоять в глубоких раздумьях. Все эти месяцы я стремился выкарабкаться, заботясь лишь о том, чтобы Терри не голодала и была в относительной безопасности. С горем пополам мне это удавалось, но теперь я облажался. Скорее всего, это и в самом деле был конец.

Не зная, о чем принято думать в такие моменты, я попробовал отыскать в закоулках сознания верные мысли, но все, что приходило на ум – это воспоминания и сожаления. Я вспоминал детские годы, друзей, родителей и вдруг понял, что больше не держу зла на отца. Если бы в данную минуту он очутился передо мной, я бы сделал немыслимое – подошел к нему и обнял. Ни разу за все детство не делал этого, а сейчас поступил бы именно так.

Впервые за долгое время я вспомнил также Анну и мысленно попросил у нее прощения. За все наши мелкие ссоры, за свое порой слепое упрямство, за бессилие перед ее болезнью, а плюс ко всему за то, что так скоро ее забыл. А еще неожиданно подумал – хорошо, что она не дожила до этого дня. Анна была очень ранимой и, наверное, к лучшему, что

ей не довелось застать всех ужасов, с которыми мы столкнулись за последние полгода. Не довелось бросать так горячо любимый ею дом, жить в метро, испытывать муки голода, переносить смерть Айлин и помешательство Роба.

Что-то еще мне вспоминалось – какие-то ненужные обрывки событий, лица встреченных когда-то людей, услышанные от кого-то или сказанные кому-то фразы, но больше всего меня терзали сожаления. Почему-то именно теперь мне до ужаса хотелось жить.

Хотелось еще что-то сделать, увидеть, попробовать, испытать... Что-то, чего никогда не делал прежде. Внезапно я понял, что мне нет еще и тридцати шести, а подобных вещей осталось так много. Если бы только у меня была возможность, я бы использовал остаток жизни на их воплощение.

Размышляя об этом, я не заметил, как меня переполнило жалостью к себе. Все прошедшие месяцы я не позволял ей взять над собой верх, зная, что не имею на то права, но теперь она поднялась откуда-то из глубин подсознания и до краев захлестнула мой разум. Столько времени я не разрешал себе проявлять слабость, а в эти мгновения оказался не в силах бороться с нежданно нахлынувшей едкой печалью. Вероятно, еще чуть-чуть и я бы даже пустил слезу, но, к счастью, меня отвлекла Терри.

Она тихо подошла, обняла меня за пояс и, уткнувшись лицом в мой живот, надолго замерла без движения. Я гладил ее по спутанным волосам и боролся с желанием предупре-

дить о задуманном. С одной стороны, я хотел оставаться с ней честным и рассказать, что в последний момент пушу ей пулю в висок, а с другой, может лучше, если она ничего не будет знать и умрет внезапно.

– Это ведь конец, пап? – слабо пошевелившись, спросила она.

– Да, детка, думаю, это конец, – крепче прижав ее к себе, ответил я.

Вздохнув, она зарылась лицом в складки моего свитера и еще с минуту мы простояли обнявшись, но потом я все-таки не выдержал. Настойчиво отодвинув ее от себя, я присел и тихо произнес:

– Я должен кое-что сказать тебе, Терри. Когда они ворвутся сюда, у нас будет выбор. Либо мы позволим себя зарезать и станем такими, как они, либо умрем сами. Ты понимаешь? – Она молча кивнула. – Понимаешь? Хорошо. Я свой выбор сделал. Я выстрелю в себя прежде, чем это произойдет, а тебе нужно решить, чего хочешь ты.

Кто-то из людей уже зажег фонари, поэтому я четко различал ее бескровное, исхудалое от голода и лишений лицо. На нем появилось сосредоточенное выражение, а взгляд сделался кричащим, почти умоляющим. Я уже успел пожалеть, что поставил ее перед таким жестоким выбором, но выражение немой мольбы вдруг пропало из ее глаз.

– Я не хочу становиться, как они, – заявила она с решимостью, свойственной скорее взрослому, умудренному опы-

том человеку. – Лучше пусть будет так, как ты решил, пап. Я не боюсь.

Мы понимающе друг другу кивнули и вновь обнялись. Удары в дверь не прекращались. С чудовищной силой и оглушающей, томительной монотонностью они отмеряли время, оставшееся нам до последнего вдоха. Слушая их, я ощущал себя так, будто кто-то вбивает гвозди в крышку моего гроба, а я лежу в нем еще живой и ничего не могу предпринять.

Женщины и дети вокруг уже не скрываясь плакали, молились и прощались друг с другом, мужчины с окаменевшими лицами стояли перед лестницей и все крепче прижимали к себе оружие, будто холод металла мог придать им недостающего мужества, и лишь Митчелл перебегал от одного человека к другому. С каждым он о чем-то разговаривал. Я не слышал его слов, но решил, что он вздумал напоследок взять на себя роль проповедника и теперь всем желающим читает молитвы и отпускает грехи.

Спустя еще минут десять дверь начала сильно скрипеть и угрожающе пошатываться. Изнутри ее подпирали несколько человек, но было ясно, что это всего лишь продление агонии, борьба с неизбежным, временная отсрочка перед неминуемой гибелью. Отстранив Терри, я подтолкнул ее за спину и приготовился.

– Уилсон, она не выдержит! – подбегая ко мне, на ходу прокричал Митчелл. – Собирай женщин, детей и идите к выходу. С тобой Чарли, Дэниелс, Уотсон и Ричардсон. Берете

всех, кого можете и пытаетесь уехать. Места в машинах не жалейте, хоть в багажниках, хоть на крышах, но каждый из вас должен вывезти столько, сколько получится.

– А ты и остальные? – ошарашенно спросил я.

– Мы пока будем здесь. Если они выломают эту чертову дверь, мы вас прикроем. Не тyani, времени нет. Снаружи пока никого, но будьте осторожны.

– Черт, Сержант, не глупи! Если уж решил отступить, так отступаем все вместе!

– Уилсон, мать твою, у нас нет времени на споры! – вдруг резко заорал он. – Дверь вот-вот рухнет! Все уже решено. Бери дочь, остальных и уматывай отсюда! Как только вы уйдете, мы отправимся за вами. Укроемся где-нибудь до рассвета, а утром вы вернетесь, чтобы забрать нас. Дальше решим. Все, вперед! И постарайтесь не шуметь.

– Как скажешь, Митчелл, – сдаваясь, ответил я. – А ты постарайся выжить, понял? Я вернусь за тобой на рассвете.

– Будет сделано. – Подмигнув, он выдавил свою фирменную улыбку, которая на этот раз вышла совсем слабой, а затем напряженно уставился на шатающуюся дверь. Я уже почти ушел, когда он окликнул меня: – Уилсон!

– Да?

– Вытащи их отсюда. И позаботься о них.

Он посмотрел на меня долгим выразительным взглядом, после чего вновь отвернулся к двери, а я пошел к собравшимся за моей спиной людям. На то короткое мгновение,

когда наши глаза встретились, я вдруг ощутил, как что-то неприятно потянуло внутри, но лишь гораздо позднее понял, что это было предчувствие. Предчувствие, что больше мы никогда не встретимся. По крайней мере, живыми.

Вместе с остальными отобранными Митчеллом парнями я наскоро организовал пять групп из женщин с детьми и направился к ведущей на улицу лестнице. Оказалось, что замок с дверей уже снят. По всей видимости, то время, что я потратил на самокопание и слезливую жалость к себе, Митчелл использовал для подготовки к отступлению. Это открытие вызвало у меня прилив запоздалого раскаяния – как и всегда, в критический момент он думал прежде всего о других, я же исключительно о самом себе.

Отгоняя стыд за собственный эгоизм и безволие, я взбежал вверх и прислушался, однако в доме стоял такой оглушительный грохот, что невозможно было различить звуки даже на расстоянии пары шагов. Рассчитывая уловить, есть ли зараженные поблизости, я приложил ухо к дверной створке, но и это оказалось бессмысленно. Обернувшись к стоящим внизу Дэниелсу, Чарли, Уотсону и Ричардсону, я кивнул им, а затем обратился сразу ко всем:

– Выходим по очереди. Двигаемся без промедления и не шумим. Женщины и дети идут в центре, те, кто с оружием – по краям. Если встречаем зараженного, сразу стреляем в лоб. В машины набиваемся по максимуму.

– Куда едем? – спросил Дэниелс.

– Без понятия. Едем, пока не найдем, где остановиться. –
Отыскав глазами Терри и Лору с Робом, я подозвал их к себе. – От меня ни шагу, понятно? Терри, ты моя тень, усекла?

– Да, пап, – без колебаний отозвалась она.

– Отлично. Тогда выходим.

Снаружи вход в подвал был почти неразличим, потому как равнялся с землей и закрывался на две металлические створки, которые еще в начале января мы предусмотрительно забросали сухими листьями. Сейчас на них лежал еще и небольшой слой снега. Мне предстояло сделать последний решительный шаг – распахнув их, возможности сдать назад уже не будет. За ними мы найдем либо спасение, либо смерть, но поскольку смерть и без того окружала нас отовсюду, я отбросил сомнения, набрал в легкие побольше воздуха и приоткрыл левую створку.

Через образовавшуюся щель несколько секунд я вглядывался в темноту. Выход из подвала располагался сзади дома и луч прожектора сюда не доставал, но я сумел различить, что снаружи действительно никого. Аккуратно, стараясь не производить вообще никаких звуков, я откинул створку на снег и вышел на поверхность.

На улице стоял довольно крепкий мороз. Несмотря на теплую куртку, он вмиг пробрал меня до костей. Уши и череп с коротко стриженными волосами обожгло холодом, кисти рук покрылись колючим ознобом. Озираясь вокруг, я повертел головой – зараженных в зоне видимости не наблюдалось.

Следующие минуты три ушли на то, чтобы помочь подняться детям и женщинам. В подвале их находилось еще человек десять, а кругом по-прежнему было тихо. Твари как будто и вправду в полном составе переместились в дом и я уже подумывал послать Чарли за оставшимися внизу парнями, когда раздался оглушительный треск. Следом послышался стук упавшей двери, выстрелы и отчаянные вопли людей.

Дальше медлить было нельзя. Схватив Терри в охапку, я заорал, чтобы все бежали к машинам и сам бросился вперед. О том, чтобы держать строй больше никто не думал. Не отставая, женщины вместе с детьми мчались за мной и до машин оставалось уже совсем немного, когда я увидел, как от дома наперерез нам бежит целая свора зараженных.

Они бежали не так быстро, как я, но все же достаточно, чтобы зацепить хвост нашей группы. Не останавливаясь, на ходу я выстрелил в первого, увидел, как он упал, немедля пальнул по второму, а еще через пару мгновений добежал наконец к своей машине. Распахнув заднюю дверь, я впихнул Терри внутрь и обернулся в поисках Роба.

Лора уже тоже запрыгнула на сиденье, а следом за ней еще одна женщина с ребенком на руках. Потом еще одна сразу с двумя детьми и, может быть, другие, но я уже не смотрел. Со всех сторон раздавались выстрелы. В толпе беспорядочно бегущих людей и происходящем вокруг хаосе сложно было что-либо различить, но я разглядел, как завелась стоя-

щая неподалеку машина и тут же с громким визгом поехала прочь.

– Роб! – заорал я. – Где ты, черт побери?

К машине подбежала очередная женщина. Не обращая на нее внимания, я продолжал звать Роба в надежде, что он отзовется. В каком-то безумии я вертелся вокруг своей оси и надрывая глотку орал, пока не обернулся на дом, после чего изумленно охнул.

Из лаза, в который мы выбрались, как мне казалось, всего минуту назад, выскочило около пяти человек. Я не видел, кто был среди них, но в ту же минуту всех их настигла, а потом проглотила толпа выбежавших вслед зараженных. Это могло означать только одно – с парнями, что остались в подвале, уже покончено. Митчелл, Эдвардс, Моррис и все другие – их больше нет.

Не успев до конца осмыслить весь ужас произошедшего, я разглядел наконец Роба. Он всю боролся с зараженной тварью, но как только я собрался ринуться на выручку, ему удалось высвободиться и выстрелить той в лицо. Повернувшись ко мне, он крикнул:

– Уезжай, Джон! Увези Терри! Я их задержу!

Тотчас он развернулся и не переставая палить из обреза, побежал навстречу несущимся прямо на нас ублюдкам. После каждых двух выстрелов ему требовалась перезарядка, но как заправский охотник, каким он, собственно, и являлся в прошлом, Роб лихо справлялся с данной задачей.

– Нет! Роб! Не-е-ет! Вернись, сукин сын! Роб! – орал я вдогонку, а потом рванул за ним, но тут чьи-то руки крепко обхватили меня за пояс.

Это была Лора. С невиданной силой она тащила меня в машину и, заливаясь слезами, умоляла:

– Мистер Уилсон, пожалуйста!.. Джон!.. Садитесь в машину! Джон, мы должны ехать! Прошу вас!..

Я пытался ее отпихнуть, но в этот миг до моего слуха донесли крики Терри. Заходясь от надрывного плача, она билась в истерике, громко звала меня и порывалась выскочить из машины. Ее удерживали две сидящие рядом женщины, но визжа, кусаясь и извиваясь, точно маленькая злобная фурия, она почти вырвалась из их рук.

В то же время боковым зрением я уловил, что к нам с Лорой на всех парах несется не меньше десятка беснующихся тварей. На то, чтобы принять верное решение, у меня имелась лишь доля секунды. Выстрелив наугад и даже не убедившись, достиг ли заряд цели, я подтолкнул Лору к открытой двери машины, оббежал ее сам, проворно прыгнул за руль и тут же завел двигатель.

Последнее, что я видел, когда отъезжал от дома, ставшего могилой для стольких близких мне людей – была жутчайшая сцена. На ней Роб, сжимаемый за шею одной из тварей, перестал биться в предсмертных конвульсиях, после чего она наклонилась к его открытому рту.

Часть 3

Глава 46

На предельной скорости я мчал по заметенной снегом трассе. В машине, кроме меня, находилось пять женщин и шестеро детей. Все они кое-как сидели друг на друге и вопили от ужаса, однако никто из них даже не думал просить меня сбавить обороты.

Из подвала нас вышло шестьдесят два человека, но скольким из этого количества удалось спастись, я не знал. Пока звал Роба, видел, как от дома отъехали еще две машины, но та группа, что вел Чарли, подверглась нападению. На них налетела толпа свирепых тварей, а значит сам Чарли, Элис, с которой за прошедшие недели тот стал неразлучен, а вместе с ними и все остальные примкнули к их рядам.

О случившемся я решил пока не думать, потому что мысли о гибели Роба и Митчелла доводили меня до отчаяния. Все внимание я сосредотачивал на дороге, но справлялся с задачей плохо. Руки и подбородок мелко тряслись, на глаза то и дело набегали жгучие слезы, а в висках билась единственная мысль – я мог попытаться их спасти, но не сделал этого.

Отъезжая от развороченного тварями студенческого общежития, в зеркало заднего вида я наблюдал, что какое-то время они преследовали нас, но потом отстали. Зато по пути сплошь и рядом попадались другие. Несколько раз мне приходилось стрелять, чтобы отогнать их, но, невзирая на высокую скорость, они так и норовили запрыгнуть на капот или

крышу.

Ежесекундно рискуя перевернуться или вылететь в кювет, я отчаянно вилял по покрытой снежной наледью трассе. Если что-либо подобное произойдет – мы трупы. Я хорошо это осознавал, а потому, преодолевая шоковое состояние, в котором пребывал мой мозг и, казалось, весь мой организм, что есть силы сжимал руль и давил на педали.

Я словно мчался наперегонки с темнотой. Мчался, рассекая ночной мрак в надежде дотянуть до рассвета, но понятия не имел, где нам искать спасения. Те, кто уехал раньше, скрылись из виду и отыскать их теперь не представлялось возможным. Быть может, кому-то из них удастся дожить до утра и тогда мы встретимся вновь, а может, эту ночь не переживет никто из нас. Сейчас об этом я тоже старался не думать.

Сам не сознавая того, я ехал в сторону города. Когда до меня дошло, что выбрал не самое удачное направление, поворачивать уже было поздно. Впрочем, я и не знал, куда еще везти сидящих рядом со мной людей. Поневоле я сделался ответственен за одиннадцать хрупких жизней и эта ответственность вовсе не придавала мне сил.

Я не сумел вытащить лучшего друга и Митчелла, успешного за прошедшие три месяца также стать мне другом, а теперь на меня свалилось непосильное бремя, обуза, которую я вынужден буду тащить на себе, пока они или я сам не содохнем либо от голода, либо от рук кровожадных тварей.

Возможно, мы продержимся до рассвета, но что потом? Спустя всего несколько часов на мир вновь опустится темнота и начнется новая гонка на выживание.

Казалось, теперь она не закончится никогда. Я остался один на один с целой оравой беспомощных детей и женщин, а из запасов провизии в моем рюкзаке имелась лишь горстка риса и банка просроченной тушенки. Патронов для карабина тоже осталось в обрез. Возможно, утром мы найдем чью-нибудь брошенную квартиру и попытаемся продержаться еще немного, но уже сейчас я понимал, что в далекой перспективе это неосуществимо.

Проворачивая все это в голове, я кружил по городским улицам в поисках тихого пристанища, где можно было дождаться восхода солнца. До него оставалось чуть больше часа. Дети наконец-то притихли и некоторые даже смогли уснуть, женщины тоже молчали. Минут за сорок до наступления рассвета я выехал к заливу, свернул в какой-то проулок и заглушил двигатель.

Вокруг стояла невозмутимая тишина. В ясном небе меркли последние звезды, морозный воздух был прозрачен и чист. Впереди, насколько хватало глаз, расстилались чернеющие воды залива. Вдалеке они сливались с антрацитовым небом, из-за чего создавалось ощущение, будто мы находимся внутри огромной темной сферы, в которой нет больше никаких других цветов, нет жизни, нет движения.

Ощущение это было обманчивым – стоило повернуть го-

лову назад, как глазам представало хитроумное сплетение грязных улиц. Они выглядели пустынными, но периодически в отдалении я замечал бредущие впотьмах неясные силуэты. Выяснить живы они или давно мертвы, желания у меня не возникало.

Слева и справа от нас высились громады обшарпанных зданий. Впечатления безопасной гавани, где мы могли бы бросить якорь, они тоже не производили, а потому я безостановочно озирался по сторонам, подпрыгивал от каждого шороха и не убирал ногу с педали газа. Когда на горизонте обозначилась первая светлая полоса, я разглядел, что заехал в район морского порта на юго-западной окраине города.

В шесть двадцать утра стало совсем светло. Зараженные с улиц исчезли – в этот рассветный час они искали для себя логово, чтобы переждать день, а ночью снова выйти на охоту. Теперь настал черед для живых – можно было свободно вздохнуть и, пользуясь недолгой передышкой, хоть немного расслабиться.

Уронив голову на руль, я долго просидел без движения, а потом завел двигатель и проехал на несколько метров вперед. Возвращаться к месту ночной бойни сил пока не было. Остановив машину у одной из пристаней, я вывалился наружу и направился к старому полузатонувшему пирсу.

С рассветом с залива задул сильный ветер. Он поднимал лежащий у меня под ногами снег, ледяными пригоршнями швырял в лицо, уши и затылок покалывало от холода, а пар

изо рта ледяными каплями оседал на отросшей бороде, но всего этого я не замечал. Все, что я чувствовал – это абсолютную опустошенность.

Она была не только физической, но и внутренней. Меня будто от паха до горла вспороли острым мясницким ножом, а затем дочиста выпотрошили изнутри. Тупо уставившись на воду, я стоял как безмолвный истукан, как символ потерявшего все свои достижения человечества, а в моем черепе звенела стерильная пустота. Мыслей не осталось, только ветер, снег и оловянно-серая, местами покрытая коркой льда гладь воды.

– Мне очень жаль, Джон, – откуда-то сбоку в слуховой центр мозга добрался тихий голос Лоры. – Мистер Холдер был вам близким другом, я знаю. Простите, что заставила вас сесть в машину, но если бы вы побежали за ним, то неминуемо погибли...

Я и не заметил, как она подошла, а потому ее дрожащий голос вызвал у меня недоумение. Повернувшись, я увидел, как сильно она съежилась от холода. Пытаясь согреться, Лора обхватывала себя руками, а ее посиневшие губы резким пятном выделялись на мертвенно-бледном лице. Почему-то она была без куртки.

– Где ваша одежда, Лора? – безучастным голосом спросил я.

– Я отдала ее Джоди. – Уловив, что я не понимаю о ком речь, она пояснила: – Это та темнокожая женщина с двумя

детьми, что ехала с нами. Они все выбежали без верхней одежды.

– Понятно.

Опять отвернувшись к заливу, я почти забыл о ее присутствии, однако потом спохватился, стащил с себя куртку и накинул ей на плечи. Лора слабо запротестовала, но я настойчиво стянул полы куртки спереди.

– Поверьте, сейчас мне плевать на холод. Есть более неприятные вещи, о которых приходится думать.

С благодарностью мне кивнув, она поглубже укуталась в теплый, непродуваемый ветром материал. Какое-то время мы молчали. Лора не уходила, но и не начинала со мной разговор, за что я был ей признателен. Говорить с кем-либо в данную минуту мне совсем не хотелось.

– Что мы теперь будем делать, Джон? – все же минуты три спустя спросила она.

– Не имею ни малейшего представления, – не поворачивая головы, бросил я.

– Но вы ведь что-нибудь придумаете?

От прозвучавшего вопроса мои легкие резко наполнились воздухом. Возникло непреодолимое желание во всю их мощь заорать. Я уже чувствовал, как надрывный крик поднимается откуда-то из груди, растет и ширится в горле, рвется наружу, но в кульминационный момент мне удалось его задержать. Я заглушил его в себе так же, как глушил все эмоции на протяжении уже долгого времени.

С того дня как бросил пить, я только и делал, что гасил внутри себя все чувства и переживания, но, похоже, дошел наконец до некой черты, за которой наступает тяжелый психический перелом. Мозг просто разрывался от свалившегося на меня беспросветного отчаяния, а я искал ему выход, но не находил. Задавая вопросы, ответов на которые я не знал или их попросту не существовало, Лора лишь сильнее подливала масла в огонь.

По тому, как на миг она отшатнулась, я понял, что от нее не укрылось мое состояние. Это немного меня остудило. На вопрос я ей так и не ответил, но теперь снова застыл на месте, с безразличием уставившись прямо перед собой.

Лора так и не ушла. Стоя бок о бок, мы молча наблюдали, как из-за горизонта медленно выкатывается багряное солнце. Его косые лучи разгоняли ночную мглу, раскрашивали небосклон во все оттенки сиреневого, насквозь пронзали безлюдные улицы и едва ощутимо согревали нам лица. На фоне разрушенного людьми города невероятная красота утреннего неба составляла болезненный для восприятия контраст.

Человек мог уничтожить все живое на планете, но эта огромная пылающая звезда будет появляться на горизонте утром и исчезать вечером еще, возможно, миллиарды лет. Ей нипочем наша мышиная возня в виде мелких проблем, войн, эпидемий, борьба за власть, прогресс и сырьевые ресурсы. Может, и к лучшему, если всех нас истребит постигшая мир

катастрофа. Без нас, никчемных и жалких существ, являющихся всего-навсего паразитами на теле земной поверхности, он станет только прекрасней и чище.

От этих размышлений меня отвлек рев приближающегося мотора. Я только успел подумать, что, судя по звуку, это что-то большое, как из-за поворота дороги выехал бронированный внедорожник. Когда поравнявшись с нашей машиной он остановился, мои мысли стремительно поменяли направление.

Едва в сознании пронеслось, что я допустил оплошность, выйдя на улицу без карабина, как с пассажирского сиденья на землю прыгнул вооруженный до зубов плечистый военный. На нем был тяжелый бронежилет и армейский шлем, на шее болтался мощный бинокль, а к штанам цвета хаки крепилась рация. Подозрительно нас осмотрев, он крикнул:

– Эй, у вас там все в порядке?

Это непринужденное обращение настолько меня удивило, что на мгновение я потерял дар речи. Следом за ним из внедорожника выпрыгнули еще двое крепких парней. Как и тот, что вышел первым, они были полностью экипированы и хорошо вооружены.

Закрываясь от солнечных лучей, я приложил ладонь ко лбу, чтобы оценить их намерения. С виду они не представляли угрозы и вроде бы не собирались в нас стрелять, но уже в следующую секунду поведение их изменилось. Наставив на машину штурмовые винтовки, через темную тонировку

стекло двое старались рассмотреть, кто скрывается внутри, а первый задал мне вопрос:

– Ну чего молчишь, приятель? Все в порядке, спрашиваю? Машина твоя?

Придя в себя, я прочистил горло и хрипло ответил:

– Да, моя. А в чем дело?

Я видел, что в джипе осталось еще как минимум трое человек. Водитель сидел за рулем и пристально разглядывал меня через открытую пассажирскую дверь, пара других находилась сзади. Медленным шагом я направился к ним, а когда подошел чуть ближе, один из тех, кто направлял винтовку на машину, поинтересовался:

– И кто там у тебя?

– Женщины и дети. Вместе со мной нас двенадцать.

Все трое с ухмылкой переглянулись и многозначительно присвистнули, а у меня укрепилась мысль, что я поторопился с выводами о безобидности их замыслов. В этот момент задняя дверь машины распахнулась, военные молниеносно отскочили на шаг назад, заняли оборонительную стойку и, тыча стволами, заорали:

– Руки! Не с места! Руки! Покажите руки!

– Пожалуйста, не стреляйте, – раздался умоляющий женский голос. Вслед ему послышался громкий детский плач, который приглушила чья-то ладонь, а после торопливый шепот насмерть перепуганной матери призвал орущего ребенка к спокойствию. – Пожалуйста! Не трогайте нас! С нами

дети...

– Оружие есть? – рывкнул один из вооруженных парней и, не дожидаясь ответа, снова: – Оружие есть, я спрашиваю?

Я уже двинулся к ним, чтобы встрять в нарастающий конфликт, но меня опередил властный окрик:

– Эй, эй, парни, остыньте! Не видите, там одна малышня и женщины?

Это произнес тот, кто первым выпрыгнул из внедорожника. По возрасту он был старше остальных и, насколько можно было судить, являлся у них командиром. Его подчиненные послушно заткнулись, но дула винтовок от дверей убирать и не подумали.

Ближе всех стоящий к машине военный осторожно заглянул в салон, затем открыл переднюю пассажирскую дверь, скользнул взглядом по женщине с двумя детьми и, по-видимому, заметив мой карабин, бросил:

– Здесь оружие, сэр!

– Это твое оружие, приятель? – подчеркнуто спокойным тоном обратился ко мне старший.

Соображая, как буду выпутываться, я молча кивнул. Несомненно, настроены эти ребята не так дружелюбно, как мне показалось вначале, а значит придется как-то с ними договариваться. Они не походили на простых мародеров, каждый был отлично снаряжен, а кроме того, не выглядел истощенным от голода или многодневной битвы за выживание. То, что они из какого-то лагеря, было вполне очевидным, но

я не мог взять в толк, чего им нужно от нас.

Единственное я осознавал четко – их минимум шестеро, а я один и безоружен, следовательно, против них у меня нет никаких шансов. Между тем тот, кто обнаружил мой карабин, обошел машину и открыв водительскую дверь, полез внутрь. Догадавшись, что полез он за карабином, я сделал движение в его сторону.

– Не трожь!

– А ну стой на месте! – порывисто обернувшись, гаркнул он. Дуло его винтовки нацелилось мне в грудь, а карабин с сиденья быстро переключался к нему в руки. – Остынь-ка, дружок, и лучше не делай резких движений.

Через мгновение из машины выскочила Терри. Домчавшись ко мне за ничтожную долю секунды, она двумя руками вцепилась в мой свитер и вперила в военного разъяренный взгляд. С усилием отодрав от себя пальцы дочери, я задвинул ее к себе за спину и, глядя на старшего, спросил:

– Чего вам нужно?

Он вдруг во весь голос расхохотался, но затем, обращаясь к наставившему на меня винтовку солдату, зычным, чуть хрипловатым голосом воскликнул:

– Ну ты и идиот, Фостер! Ты же до смерти напугал этих людей. Опустит-ка свою пушку! Не видишь, они не представляют угрозы? – Тот, кого назвали Фостером, подчинился, а старший со смехом обратился ко мне: – О боже, прости, приятель! У нас выдалась веселая ночка, так что мои ребята

слегка на взводе. Вы откуда?

Пока говорил, он неспешно приближался ко мне и остановился, только когда подошел вплотную. Военный ждал ответа, при этом с интересом разглядывая мое лицо.

Сам он был уже немолод – по внешнему виду ему можно было дать около сорока пяти лет, а крупные черты кое-где перерезанного морщинами лица и пронизывающий взгляд бледно-голубых глаз производили впечатление человека с принципиальным и решительным характером.

– С конца декабря мы скрывались в пригороде, – подчиняясь странному магнетизму его взгляда, проговорил я. – Примерно в пятидесяти километрах отсюда. Нас было около ста, после сегодняшней ночи осталось двенадцать. Возможно, кому-то еще удалось выжить, но я пока точно не знаю.

– И что случилось с остальными? – полюбопытствовал он.

– Напали зараженные. Их было много, две-три сотни, может больше. Мы отстреливались сколько могли, а потом они ворвались в дом.

– Ясно, – как мне показалось, с сочувствием обронил он. – Да уж, ночка у тебя тоже выдалась несладкой. Как зовут?

– Уилсон. Джон Уилсон.

В ответ он не представился. Кивком головы военный по очереди указал на жмущуюся к моей спине Терри и стоящую чуть поодаль Лору.

– Жена и дочь?

– Да, дочь, – подтвердил я. Про Лору смолчал.

– Ладно, приятель, езжай за нами. В пяти километрах отсюда есть старый армейский порт. Там большой военный лагерь, доставим вас туда.

– Вы это серьезно? – не веря ушам, спросил я.

– А похоже, что шучу? – Он кривовато улыбнулся и с силой хлопнул меня по плечу. – Тут все кишит этой нечистью, так что, если не хочешь в лагерь, можешь составить им компанию. Мы уже неделю как выезжаем на рейды, отстреливаем сколько получится и попутно собираем выживших. Ну так что? Двигаешь с нами?

– Стойте! – опомнился я. – Я должен вернуться к нашему убежищу! Там, возможно, тоже есть выжившие! Вы должны поехать со мной!

– Ну это уже не сегодня. Мы всю ночь мотались по городу, теперь наша смена окончена.

– Вы не понимаете! – настаивал я. – Там же дети, женщины... Если их не забрать, они не переживут следующую ночь!

– Слушай, приятель, остынь, – с ленивой снисходительностью протянул он. – Ты говоришь, что зараженных было две, а то и три сотни. Поверь, там никого не осталось. Давай, садись в свою машину и двигай за нами.

Он развернулся, чтобы отойти к внедорожнику, но я схватил его за рукав армейской куртки и со злостью крикнул:

– Да стойте же, черт возьми!

– Эй, полегче! – Резко крутанувшись, военный ощерил в угрожающем оскале крупные, чуть желтоватые зубы и устре-

мил на меня сверлящий, полный предостережения взгляд. Всю его приветливость как ветром сдуло. – Либо едешь с нами, либо дальше выбираешься сам. Карабин мы тебе, так и быть, отдадим.

Поняв, что пристрелить меня такому, как он, ничего не стоит, я убрал руку и застыл в нерешительности. Меня одолевали сомнения. С одной стороны, сложно поверить, что нас вот так запросто зовут в лагерь, когда еще месяц назад расстреливали всех желающих туда попасть, с другой, я испытывал убежденность, что обязан вернуться за остальными.

В то, что там не обнаружится выживших, верить я отказывался, но в то же время отдавал себе отчет в невероятности поступившего нам предложения. Попасть под защиту военных будет поистине фантастическим везением. Пока я это обдумывал, из машины с детьми на руках вышли все женщины.

Робко обращаясь к военному, они в один голос принялись просить:

– Возьмите нас с собой. Наши дети погибнут, если мы останемся здесь. У нас совсем нет еды и нам больше негде укрыться...

– Вот видишь? – оглянувшись на меня, усмехнулся военный. Сурово осмотрев нашу жалкую, оборванную компанию, он устало вздохнул и немного умерил тон: – Женщины дело говорят, а ты бы подумал о дочери, приятель. Да и себя ты

видел? Ты когда в последний раз спал или ел?

После его слов я почувствовал, насколько сильно в действительности замерз и устал. Голод ощущался слабее, поскольку с ним я уже практически свыкся, но и он давал о себе знать. Предпринимая последнюю настойчивую попытку, я с напором произнес:

– Я уверен, что там есть живые люди и они погибнут, если вы их не заберете. Это ведь всего пятьдесят километров! Чего вам стоит...

– Послушай, Джон Уилсон, туда мы точно не поедem, – раздраженно перебил он. – Это вообще даже не наш сектор! Но так и быть, дам тебе слово, что когда доберемся до лагеря, передам другим отрядам координаты вашего убежища. Думаю, кто-нибудь из ребят, выезжающих на дневные смены, туда смотается и если там отыщется кто живой, их заберут. Идет?

Сил спорить дальше у меня не осталось. Уронив голову на грудь, я простоял так секунд десять, пока не услышал, что военные садятся обратно в свой внедорожник. Последовав их примеру, я сел в машину и, стараясь не отставать, поехал следом за ними.

Глава 47

Лагерь был оборудован на огромной территории некогда заброшенного армейского склада и со всех сторон обнесен пятиметровой бетонной стеной. Хватало мимолетного взгляда, чтобы понять – место это неприступно. Одолеть

такую стену было не под силу не только зараженным, но и живым.

Когда мы проехали за высоченные въездные ворота, а затем преодолели еще несколько контрольно-пропускных пунктов, оказались внутри гигантского, закатанного в асфальт прямоугольника с разбросанными по всему периметру строениями. Их было немало, но главной доминантой над всем вокруг господствовали два восьмиэтажных, вытянутых в длину здания. Они соединялись между собой тремя крытыми переходами, имели простой, без излишеств внешний вид, а над каждой крышей поднимались по две массивные сторожевые башни.

Все это исполинское сооружение производило ошеломляющее впечатление. Оно являлось настоящим архитектурным монстром, да и весь лагерь представлял собой несокрушимую крепость, способную при случае выдержать как многолетнюю осаду, так и отразить любой вражеский штурм. По сути это был полностью автономный город с выходом к океанскому заливу, обширной парковочной территорией, вертолетной площадкой, электростанцией, дорогами, госпиталем, продовольственным складом и даже проложенными железнодорожными путями. В настоящее время они не функционировали и давно уже поросли сорняком, но в прошлом напрямую сообщались с городским железнодорожным узлом.

Прежде чем нас впустили в эту могучую цитадель, все мы, включая детей, прошли целый ряд строгих проверок. Кара-

бин вместе с оставшимися патронами был изъят у меня еще в самом начале, а позже, через каждые сто-двести метров, мне приходилось выворачивать содержимое рюкзака и карманов, а также терпеть унижительную процедуру личного досмотра. Без конца по моему телу шарили чьи-то руки и лишь за малым мне не заглядывали в рот и другие физиологические отверстия.

Машина тоже подверглась тщательному досмотру. Сотрудники лагеря скрупулезно обследовали багажник, заглянули под капот и едва ли не до миллиметра проверили обшивку салона. При этом они были неразговорчивы, на наши вопросы отвечали неохотно, поэтому сделав пару попыток что-нибудь выяснить, я заткнулся и решил дальше просто плыть по течению.

Напоследок нас опрыскали из распылителя каким-то антисептическим раствором, после чего передали на попечение работника в сером комбинезоне. Как и его коллеги, он был до крайности угрюм и немногословен, но в то же время кого-то отдаленно мне напоминал. Минут десять мы следовали за ним по пятам, понукаемые скупыми, отрывистыми фразами: – «вперед», «направо», «налево» или «поторапливайтесь», – и лишь перед самым прощанием я уперся взглядом в его густые черные усы и вспомнил вдруг Харриса.

Он привел нас в отдельно стоящее четырехэтажное здание и бросив короткое: – «ждите тут», – оставил в шумном продолговатом помещении. Мы провели в нем следующие четы-

ре часа. Большую их часть я просидел на бетонном полу, обхватив руками голову и раскачиваясь из стороны в сторону.

Я почувствовал себя скверно еще во время проверок, теперь же расклеился окончательно. Было похоже, что я здорово простудился, стоя в одном свитере на ледяном ветру. То и дело меня пробирал озноб, по спине и ногам струился обильный пот, а головная боль с каждой проведенной в ожидании минутой превращалась в настоящую изощренную пытку.

Внутри моего черепа раздавался тупой равномерный стук, будто бы там кто-то чересчур усердный не переставая молотил по огромному медному гонгу. Кроме прочего, от голода сводило живот, а перед глазами все плыло и кружилось. Так скверно я себя не чувствовал с тех самых пор, когда просыпался с жуткого похмелья после своих многодневных пьянок.

А еще меня с прежней настойчивостью начали терзать мысли о Робе, Митчелле и остальных. Теперь смерть действительно обступила меня плотным кольцом – к Анне, Роуз, Марте и Айлин добавились также Митчелл с Робом. Последний был единственным человеком в моей никчемной жизни, кого я по-настоящему мог назвать другом. Единственным, кому мог полностью доверять.

Зачем-то сейчас я принялся корить себя за то, что после смерти Айлин отдалился от него, оставил наедине с собой, позволил тихо сходить с ума, не сделал для него всего, что

должен был сделать, но потом, после череды таких запоздалых и уже никому ненужных упреков, убеждал самого себя, что не сумел бы ничем ему помочь. Находясь в каком-то полубреду, я сидел и тихо раскачивался, а эти мысли стремительным, вызывающим головокружение вихрем все вертелись и вертелись в моей голове.

Удивительная штука совесть. Будучи не в состоянии выносить ее ядовитых укусов, я прикрывался отговорками, пытался обелить себя в собственных глазах, искал лазейки, в которые можно было проскользнуть в поисках оправдания собственной никчемности. Я знал, что должен был вытащить Роба любой ценой, но чтобы не сойти с ума, уверял себя в обратном.

Все это время вокруг нас сновали люди. Сотни людей. Они ходили из угла в угол, о чем-то говорили, спорили, ели, спали, а я все сидел и не понимал, как жить дальше. От злости, от бессилия и отчаяния по-прежнему хотелось громко кричать.

Я потерял всех значимых для меня людей и теперь со мной осталась одна лишь Терри. С трудом верилось, что всего полгода назад у меня был дом, работа, друзья и какие-никакие планы на будущее. Сейчас они выглядели смешными и нереалистичными. Вся моя прежняя жизнь была стерта, как под подошвой прохожего с асфальта стирается нарисованный мелом рисунок, а сам я словно дочиста выгорел.

– Представьте! – как внезапный разрыв снаряда прозву-

чал надо мной грубый металлический голос. – Имя, возраст, профессия, откуда прибыли.

Слегка приподняв голову, я уткнулся взглядом в идеально отглаженные форменные брюки, потом в такой же идеально подогнанный по фигуре китель и, наконец, совсем уж задрал лицо кверху, увидел натянутую к самым бровям офицерскую фуражку. Из-под нее выглядывало темнокожее лицо с толстыми, свирепо вывернутыми наружу губами, большой приплюснутый нос и сверкающие презрительным высокомерием белки глаз.

Передо мной стоял офицер Э. Купер. Это имя я прочел на нашивке, что среди других цветных побрякушек красовалась на груди его кителя.

– Встать! – рявкнул он, а затем цедя каждое слово повторил: – Имя, возраст, профессия, откуда прибыл.

Я встал. Пошатываясь, оперся ладонью о стену, посмотрел в его темные, с красными прожилками глаза и, кое-как ворочая языком, сквозь зубы выплюнул:

– Джон Уилсон. Тридцать пять. Автомеханик. Меня с дочерью и этими женщинами подобрали в пяти километрах отсюда.

– Меня не интересует, где тебя подобрали. Я спрашиваю, откуда ты прибыл. – Я назвал место, где когда-то находился мой дом, а вслед за тем услышал от него фразу, в которой сквозило столько неприкрытого презрения, что меня передернуло. Он произнес ее не глядя на меня, словно прогова-

ривая мысли вслух, но так, чтобы я точно расслышал: – И чего всех этих голодранцев сюда несет? Там лагерей что ли мало? Ну хоть не очередной маклер или менеджер. Значит так!..

– А я уже успел позабыть, что вы принимаете обычных людей за кого-то вроде безмозглого скота, – не дав ему закончить, усмехнулся я. – Ну простите, офицер, что не сдох под лабораторией, где вы и такие как вы вывели эту дрянь, а потом распустили ее по всей стране. И кстати, мой дом спалили к херам ваши сослуживцы. Не подскажите, куда мне теперь идти и где жить?

Поджав свои уродливо вывернутые губы, Купер шагнул ко мне и разве что не уперся козырьком фуражки в мой лоб. Брызгая слюной, он пролаял:

– Остричь вздумал, щенок? Еще слово и мигом отправишься назад за ворота!

Его черная лоснящаяся физиономия расплывалась перед глазами, а сами глаза беспощадно жгло от охватившей меня лихорадки, но не двигаясь с места, я молча выдерживал его взгляд.

– Капитан Купер, думаю, этот человек болен, – легко тронув его за рукав кителя, вмешалась невысокая седоволосая женщина. – Похоже, он еле стоит на ногах.

Я и не заметил ее присутствия. Только когда женщина заговорила, я понял, что все это время она находилась по левую руку от Купера. У нее было строгое миловидное лицо,

серые, несколько холодные глаза, надменный рот и сдержанные манеры. По тому, что одета она была в белый медицинский халат, я догадался, что она врач.

А еще в шаге от них обоих стоял совсем еще молодой и розовощекий, всего лет двадцати от роду, мальчишка-военный. В одной руке он держал картонный планшет с белыми листами бумаги, в другой карандаш. Судя по всему, он был помощником Купера.

– Позвольте, дальше я сама, капитан. – Не дожидаясь согласия, женщина в белом халате повернулась ко мне. – Как зовут вашу дочь, мистер... э-э-э...

– Я Терри Уилсон, – звонко ответила Терри.

До прихода этой троицы она сидела подле меня, но как только наш бурный диалог с Купером начал входить в острую фазу, резво встала. Щеки и нос ее были перепачканы, волосы свалились в грязный нечесанный ком и приобрели темный оттенок, зато синие глаза пламенели от гнева.

– Что ж, хорошо, Терри, – растянув губы в сухую улыбку, сказала женщина. – Сколько тебе лет?

– Десять, мэм.

– Замечательно. Где твоя мать?

– Она умерла, мэм. Два с половиной года назад.

– Понятно. – Она бесстрастно кивнула и вновь обратилась ко мне: – Значит, вас двое, мистер Уилсон?

Пока она говорила с Терри, Купер не сводил с меня уничтожающего взгляда, а я между тем все глубже погружался в

пучину жестокой лихорадки. Озноб перерос уже в крупную дрожь, тело будто поджаривали на открытом огне, а едкий пот заливался в глаза. Я вытирал его рукавом, но тотчас он набегал снова. Мне было до того паршиво, что казалось, стоит убрать ладонь от стены и я моментально свалюсь прямо под ноги стоящему передо мной подонку в офицерской форме.

– Нет, с нами эти женщины и дети. – Кивком головы я указал на Лору и остальных.

– Хорошо. Сейчас вас вместе с дочерью проводят на второй этаж, где вы получите необходимую медицинскую помощь. Вам придется сдать анализы и пройти кое-какие тесты, а затем, прежде чем присоединиться к другим жителям лагеря, несколько дней вы проведете на карантине. Вам все понятно, мистер Уилсон?

Меня мутило все сильнее, но я с вопросом указал на стоящих рядом женщин:

– А что с ними?

– За них не волнуйтесь. Их пока тоже разместят в госпитале. – Она быстро отвернулась, а я сквозь шум в ушах услышал ее сдержанный, обращаясь к кому-то сбоку голос: – Ваше имя, мисс, а также возраст, профессия и прежнее место жительства?

– Я Лора Прайс, мэм...

Дальнейшее я понимал плохо. Туман в глазах стремительно нарастал, так что уже с трудом я различил, как ко мне по-

дошли двое человек. Поддерживая под руки, они долго вели меня по коридорам и лестницам, а я путался в ногах, спотыкался, выравнивался, спотыкался снова и изо всех сил старался не перейти за границу сознания. Я пытался удержаться на поверхности, но постепенно сползал во что-то крошечно-черное, вязкое, беспроглядное.

Последнее, что я увидел, прежде чем нырнуть в это с головой – было испуганное лицо Терри. Я увидел ее на уровне своих глаз и успел подумать, что должно быть все-таки упал, а потом чернота обступила меня со всех сторон. Она плескалась вокруг, словно воды бескрайнего древнего океана, затопляла меня всего до краев, убивала даже намеки на связные мысли.

Иногда мне удавалось ненадолго прорваться сквозь нее и тогда вокруг начинали мельтешить чьи-то лица или отдельные части чьих-то тел. Я видел множество рук, выписывающих странные, несуразные пируэты или говорящие головы, монотонным голосом читающие объявления, из которых у меня не получалось вычленить ни единого слова. Затем их сменяли какие-то газетные заголовки и страницы с мелким машинописным текстом, который воображался мне крайне важным, но опять же, прочесть из него хотя бы букву я не мог. Кроме того, меня мучил то нестерпимый жар, то лютый холод, а также слышались обрывки чьих-то цитат и свистящий, вкрадчивый шепот.

Шепот я слышал почти постоянно и это сводило меня с

ума. Из-за него я все время испытывал навязчивый страх. Он когтями вцеплялся мне в грудь и подолгу не отпускал, а когда наступал просвет, я понимал, что должен бежать. Следом снова наступала крошечная тьма.

Будучи заперт в клетке собственного воспаленного сознания, я нескончаемо долго боролся с подсовываемыми им образами и, казалось, угодил на самое дно преисподней, а потом внезапно наступил покой. Я хорошо запомнил то ощущение невыразимого облегчения и четкое понимание, что все осталось позади. Вынырнул я из этого состояния с сильным чувством жажды и голода.

– Джон, вы очнулись, – донесся до моего слуха тихий шепот, а следом сверху возникло заспанное лицо Лоры. – Ну наконец-то! Вы так нас напугали! Как вы себя чувствуете?

Мутным взглядом я обводил незнакомое помещение, отмечая про себя различные детали обстановки. Я лежал на кровати с воткнутой в вену иглой, а надо мной простирался высокий, во многих местах потрескавшийся потолок. Вместо стен пространство ограничивали перегородки с натянутым темно-зеленым брезентом, откуда-то сбоку лился слабый, чуть желтоватый свет.

Сперва мне казалось, что кругом очень тихо, но позже я стал различать негромкий храп и сопение спящих где-то поблизости людей. Иногда к этим звукам примешивался чей-то одинокий стон, но он довольно быстро смолкал. По тускло горящему свету я догадался, что сейчас ночь и в этот момент

наконец вспомнил, где нахожусь.

Кое-как сфокусировавшись на Лоре, я с усилием разлепил растрескавшиеся губы и задал вопрос:

– Где... где Терри?

Голос, задавший этот вопрос, был чужим и слабым. Я даже не сразу сообразил, что принадлежит он мне.

– Не волнуйтесь, с ней все хорошо. Она спит. Здесь, недалеко, – Лора указала куда-то назад, но так как я предпринял попытку сесть, поспешно наклонилась и мягким, ловким движением уложила меня обратно. – Лежите, не вставайте. Думаю, вам пока нельзя подниматься. Хотите воды?

– Да... пожалуйста.

Она отвернулась, чтобы налить воды, а я заглянул под одеяло. Одежды на мне не было. Пошарив глазами в поисках своих вещей и обнаружив лишь деревянный стул, на котором, по всей вероятности, ранее сидела Лора, стойку капельницы, соединенную со мной прозрачной трубкой и заваленный медикаментами металлический стол, тем же чужим слабым голосом я спросил:

– Лора, где моя одежда?

Правой рукой она уже поднесла к моим губам жестяную, до краев наполненную водой кружку, а левую просунула под голову и, придерживая затылок, помогла напиться. Пил я жадно. Стукаясь зубами об металл, я делал большие, торопливые глотки, отчего вода не умещалась во рту и холодными каплями стекала по подбородку на шею.

– Тише, не торопитесь так, – ласково прошептала Лора. – У вас была сильная лихорадка, Джон. Вы целых двое суток провели в бреду, а температура поднималась выше сорока одного градуса. Врачам только сегодня к вечеру удалось ее сбить. Терри почти не отходила от вас, но когда стало ясно, что все позади, я отправила ее спать. Она не хотела уходить, но я настояла.

– Какое сегодня число?

– Уже три часа утра, так что сегодня четвертое марта. – Убрав от моего рта пустую кружку, она поставила ее на стол с медикаментами. – Я попробую разбудить медсестру, чтобы она вас осмотрела.

– Нет, постойте! – Я схватил ее за руку. – Тот военный, что нашел нас... Он обещал, что пошлет кого-нибудь туда...

– О! – садясь ко мне на кровать, воскликнула Лора, но тут же прикрыла рот ладонью. Она просияла улыбкой, правда уже через секунду та погасла и сползла с ее лица. – Да, он сдержал обещание и туда действительно ездил поисковый отряд...

Опустив голову, она замолчала, а я судорожно сглотнул и, заранее зная ответ, все же спросил:

– Они никого там не нашли?

– Нет, нашли! – оживилась она. – Это чудо, но Чарли вместе с Элис, миссис Мартин и ее сыном Хью удалось убежать. Они спрятались в пустом доме неподалеку, но, думаю, Чарли утром сам вам обо всем расскажет. Он приходил сегодня

трижды, но вы спали. Все они сейчас тоже здесь...

– Это все? Только четыре человека?

– Да, только четверо.

Голова Лоры вновь понуро опустилась вниз. Помолчав, она еще немного посидела рядом, а потом поднялась и пошла за медсестрой. Они вернулись через несколько минут.

Пока медсестра проводила манипуляции по извлечению из меня капельницы, а также измерению пульса, давления и температуры, я пробовал восстановить в памяти прошедшие события, однако сознание мое находилось в странном пограничном состоянии. Разум был затуманен и вспомнить случившееся той ночью и после нее мне удавалось с трудом, зато очень живо в мозгу всплывали недавние бредовые видения и преследовавший меня навязчивый страх. Находясь под влиянием этой своеобразной дихотомии, я так и не сумел воссоздать всех эпизодов произошедшего.

В голове роилась масса вопросов, помимо того, во всем теле ощущалась болезненная слабость, а чувство голода было настолько острым, что вызывало тошноту и головокружение. Когда медсестра вынула у меня из подмышки градусник, а затем удовлетворенно кивнула, я спросил:

– Можно мне чего-нибудь съесть?

– Как же не вовремя вы проснулись, больной! – Она цокнула языком, но тут же весело улыбнулась, давая понять, что шутит. Она была милой. Чуть полноватой, низкорослой и не очень привлекательной внешне, но чуткой и обходительной

в обращении. – Чего-то феноменального я вам предложить не смогу, но с вечера у меня осталось немного мясного бульона. Принести?

– Если можно, – неуверенно улыбнувшись в ответ, попросил я.

Медсестра ушла, но уже спустя пару минут вернулась с термосом и ложкой в руках. Усадив меня на кровати, она решительно отослала Лору спать, а сама заняла освободившийся стул и принялась кормить меня, как беспомощного ребенка. Я пробовал возражать, но та осталась непреклонна. В общем-то, в данный момент я и ощущал себя полностью беспомощным, однако уже после первой ложки крепкого, наваристого, еще теплого бульона почувствовал значительное улучшение в самочувствии.

– Бог мой, сколько же вы не ели? – проговорила медсестра, наблюдая за тем, с какой поспешной жадностью я глотаю бульон.

С непривычки горло отказывалось мне подчиняться, поэтому я давился, откашливался и снова тянул рот к ложке. Понимая, насколько жалко выгляжу, я пытался сдерживаться, но ничего не мог с собой поделать. Желудок яростно требовал пищи.

– Не помню, – второпях проглотив очередную порцию, выговорил я. – Долго...

– Да, похоже, не сладко вам пришлось. Но не спешите так, больной, а то я за вами едва поспеваю. А вообще, я рада,

что вы пришли в себя именно в мою смену. Доставили вас сюда тоже как раз в мое дежурство и я сама вас принимала. – Она весело мне улыбнулась и, многозначительно приподняв темную изогнутую бровь, поинтересовалась: – Та девушка ваша подруга?

– Лора? – Я не сразу понял, что она имеет в виду, но догадавшись, сделал отрицательный жест головой. – Нет. А почему вы спрашиваете?

– Да так... – Поднеся к моему рту ложку, она с интересом посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц и насмешливо произнесла: – Она такая молоденькая, почти ребенок... Знаете, больной, очень она за вас переживала и не отходила ни на шаг. Ни доктор, ни медсестры не могли ее отсюда выгнать, вот я и подумала...

– Лора сильно привязана к моей дочери, вот и все, – нахмурился я. – К тому же она осталась совсем одна и мы для нее единственные близко знакомые люди.

– Хм, понятно. Ваша дочь тоже не на шутку переживала. Когда вы тут метались по кровати и все собирались куда-то бежать, она так страшно плакала. – Ее глаза на миг сделались сочувствующими, но в них быстро вернулось былое веселье. – Ну да ладно, главное, что теперь вы пошли на поправку. Но я должна сказать, что дочурка у вас славная. Такаямышленная и общительная девочка, но ни капли на вас не похожа. Ой, простите...

– Ничего, – я усмехнулся и обессиленно откинулся на по-

душку. Бульон уже закончился. – Терри похожа на мою жену. Она умерла больше двух лет назад.

– Да, она мне рассказала. Искренне вам соболезную.

– Спасибо. И за бульон тоже огромное спасибо. А вы не скажете, где моя одежда? Мне бы в туалет...

– Конечно скажу, – с притворной важностью кивнула она. – Ее забрали в прачечную, так что про свою одежду можете забыть до самой выписки. А провалиться тут вам придется еще минимум неделю.

Теперь я получше ее рассмотрел. Съеденная пища немного вернула мне сил, головокружение почти ушло, а взгляд прояснился. На стуле передо мной сидела молодая женщина, но определить точный ее возраст было сложно. Ей могло быть как около тридцати лет, так и больше.

Волосы у нее были темные и вьющиеся. Они выглядывали из-под сдвинутой на бок медицинской шапочки и едва достигали полных, округлых плеч. Черты лица выглядели слегка грубыми и резковатыми, но их скрашивало выражение насмешливого веселья в ярко-карих глазах и мягкий, чувственный изгиб губ.

Эта зовущая женская мягкость и чувственность прослеживалась во всей ее фигуре – в пышной, стесненной белым халатом груди, в крутых, объемных бедрах, в приятной полноте скрещенных ног и даже в маленьких, пухлых руках с быстрыми, чуткими пальцами. Их чуткость и легкость я успел ощутить еще во время осмотра и только что, когда она

так заботливо меня кормила. Она была одной из тех женщин, в ком легко сочетается почти материнская нежность, легкий, веселый нрав и простота, а вместе с ними и сексуальная притягательность.

Осознав, что неприкрыто разглядываю ее уже больше минуты, а она, нисколько не смущаясь, позволяет мне это делать, я повторно усмехнулся и отвел глаза.

– И как мне быть? Разгуливать в одеяле?

– Ну зачем же в одеяле? – Насмешливо выгнув бровь, она тихо посмеялась, отчего ее пышная грудь слегка заколыхалась под тонким халатом и вновь приковала мой взгляд. – Так и быть, принесу вам пижаму, а то чего доброго обмочите постель.

Она ушла, а я остался лежать на кровати, ошеломленный собственными мыслями. Таким странным представлялось это неожиданно вспыхнувшее во мне желание, ведь еще совсем недавно я прощался с жизнью и даже не помышлял ни о чем подобном, а теперь чувствовал, как внутри растет что-то древнее, ненасытное, животное. Казалось, если не дать этому выход, не накормить, оно разорвет меня на молекулы.

В эту минуту впервые за прошедшие месяцы я задался вопросом, почему так долго воздерживался от близости с женщинами.

Глава 48

Медсестра вернулась довольно скоро. Войдя, она вручила

мне старую, явно кем-то до меня ношенную пижаму, а сама осталась стоять возле кровати. Заметив, что я придиричиво ее рассматриваю, она насмешливо изогнула губы.

– Не привередничайте, пациент, пижама чистая, а другой одежды у вас все равно нет. Впрочем, можете прогуляться до туалета голышом, я не возражаю.

– Может, выйдете или хотя бы отвернетесь? – спросил я.

– Вот еще! Чтобы вы грохнулись на пол? Я вас потом не подниму, вы вон какой здоровый, хоть и худой. – Договорив, она хмыкнула и с иронией прибавила: – И потом, чего я там не видела? Во-первых, вас тут таких сотни и тысячи, а во-вторых, кто, по-вашему, обтирал вас водой, пока вы лежали в бреду? Кстати, вашу бороду и голову тоже мне пришлось стричь. Не благодарите.

Подняв руку к лицу, я нащупал гладко выбритый подбородок, а потом и колючий ежик на голове вместо немного отросших с декабря волос.

– А это зачем? – удивился я.

– Как зачем? Мы всех обриваем подчистую, чтобы заразу не распространять. К нам откуда только не прибывают и каких только паразитов с собой не приносят. Так что это правило. Ну а брить, стричь и мыть приходится медсестрам и санитарам. Но санитары обычно не церемонятся и бреют как попало, так что вам, считайте, повезло.

– А женщин тоже бреете? – поинтересовался я, вспомнив, что Лора вроде бы сохранила волосы.

Я уже натянул на себя пижамную рубашку и готовился взяться за штаны. Она и не думала отворачиваться, продолжая выжидающе стоять прямо у изголовья моей кровати. Наплевав на условности и ненужное стеснение, я откинул одеяло и свесил ноги вниз.

Перед глазами тотчас поплыли круги. Пол под ногами плавно закачался, то отдаляясь, то почти вплотную приближаясь к лицу. Слабость накатила с прежней силой. Вцепившись пальцами в края матраса, я зажмурился и, в попытке восстановить сбой в работе вестибулярного аппарата, несколько раз глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул воздух.

– Ну вот, что я говорила? – тихо воскликнула медсестра. Придерживая за плечо, она поднесла к моим губам кружку с водой. – Сделайте глоток и не торопитесь вставать. Нет, женщин мы не бреем, только в каких-то очень запущенных случаях. А так обычно хватает простой обработки. Может, сделаете свои дела в утку?

Я отрицательно мотнул головой. Слабость постепенно отступала, а после глотка воды мне с ее помощью удалось натянуть на себя и штаны. Встал на ноги я тоже при ее содействии. Медсестра доставала лишь до моей груди, но для такого маленького роста оказалась довольно сильна.

Когда я резко качнулся в сторону, она ловко подхватила меня под локоть и удержала на месте. Раньше я весил около девяносто трех килограммов при росте без малого метр де-

вяносто, но теперь мой вес вряд ли достигал и восьмидесяти и все же, для ее комплекции он был отнюдь немалым. После того, как ко мне окончательно вернулось равновесие, а ноги обрели относительную устойчивость, она, по-прежнему при-держивая под локоть, повела меня к туалету.

Помещение, в котором мы очутились, покинув мою импровизированную палату, имело внушительные размеры. В душном, разреженном тусклым светом ночных ламп полумраке, рядами стояли койки со спящими людьми, но только некоторые из них были отделены брезентовыми перегородками. Я догадался, что за ними лежат тяжелые пациенты.

Отовсюду пахло лекарствами, хлоркой и людским потом. Храп, невнятное бормотание и тихое посапывание слышались тут отчетливее. В самом дальнем углу этой сонной юдоли располагался выход на лестничную клетку, душевые и, собственно, сами туалеты. Медсестра довела меня до дверей одного из них, сняла с плеча мою руку и предложила:

– Идите, я подожду здесь. Или вам потребуется помощь?

На губах ее снова мелькнула веселая усмешка.

– Нет, как-нибудь справлюсь сам, – найдя в себе силы, ухмыльнулся я.

Справился я действительно без проблем, однако когда подошел к раковине и наткнулся на свое отражение в зеркале, на несколько секунд растерянно замер. Из него на меня смотрело худое, бескровное лицо со впалыми щеками и резко выпирающими вперед скулам. Брови на этом болезнен-

но-бледном лице казались темнее и шире обычного, а глаза, оттененные синими кругами, сверкали лихорадочным блеском.

Я походил на человека, пережившего кораблекрушение или же скорее на узника концлагеря, что, впрочем, было недалеко от истины. Обветренные бесцветные губы и обритый налысо череп лишь усиливали это сходство. Задрав пижаму, я осмотрел также свои торчащие ребра и глубоко ввалившийся живот. Ну точно – ни дать ни взять узник лагеря смерти.

Живя в окружении таких же изможденных людей, а кроме того, будучи непрерывно занят вопросом выживания, я не придавал значения собственной внешности. Пожалуй, в данный момент я впервые задумался о понесенном ущербе. Все мое тело находилось на грани крайнего физического истощения и на то, чтобы прийти в прежнюю форму, могут потребоваться недели, а то и месяцы.

– Я бы хотела по-быстрому выкурить сигарету, – указав на дверь лестничной клетки, сказала медсестра, когда я вышел, – а то вы меня совсем загоняли. То поесть вам принеси, то пижаму, то по нужде проводи. С вами не соскучишься, больной. Отвести вас обратно или составите мне компанию?

– Составлю компанию, если и меня угостите.

– Пациентам у нас запрещено курить! Тем более в вашем-то состоянии!

В притворном испуге она широко раскрыла свои насмеш-

ливые карие глаза, но тут же беззвучно рассмеялась. Ее замечание я оставил без ответа. Собственное состояние я сам только что прекрасно видел, но искушение сделать хотя бы пару затяжек пересиливало здравый смысл. Я уже и не помнил, когда курил в последний раз. Должно быть, это было в начале января, а может, с тех пор прошло гораздо больше времени.

Дверь на лестницу была заперта. Медсестра открыла ее выуженным из кармана ключом, между делом пояснив, что это запасной выход и доступ к нему есть исключительно у персонала. Переступив порог, мы очутились на полутемной лестничной площадке со стоящим в углу пошарпанным креслом и такой же деревянной тумбой. Кроме слабого эха, вторящего любому нашему движению, других звуков здесь не было.

Вытряхнув из пачки две сигареты, одну она отдала мне, а вторую, щелкнув зажигалкой, прикурила. Я свою закуривать не торопился. Вместо того поднес к носу, с удовольствием втянул терпкий, чуть горьковатый аромат, затем помял сигарету в пальцах и понюхал еще раз. Уже одного этого было достаточно, чтобы в голову ударило давно забытое опьянение.

Заметив, что медсестра со снисходительным любопытством наблюдает за моими действиями, я глуповато улыбнулся и, словно оправдываясь, проронил:

– Я не курил два месяца.

– Как медик, я бы не рекомендовала вам делать этого еще

столько же.

– Почему бы вам, как медику, не посоветовать то же самое себе? – парировал я, после чего забрал из ее рук зажженную сигарету и прикурил от нее свою.

Рот наполнился пахучим дымом, но едва я вдохнул его в легкие, как тотчас зашелся в приступе удушливого кашля. Эхо мгновенно подхватило и разнесло его по всем этажам, а я, в попытке усмирить бурную реакцию отвыкшего от табака организма, согнулся пополам и зажал рот ладонью. Помогло мало – на глазах выступили слезы, в горле запершило еще сильнее, но в голове уже с первой затяжки появилась приятно дурманящая легкость.

– Тихо, тихо, – похлопывая по спине, призывала медсестра. – Вы сейчас все отделение перебудите! Давайте-ка, садитесь в кресло. Вот так...

Мешком свалившись в кресло, я еще пару раз кашлянул, после чего распрямился и шумно выдохнул. Почему-то меня разбирал смех. Вся ситуация напоминала странный сон, в котором я, наголо обритый и в чьей-то старой пижаме, как школьник прокрадываюсь в темный закуток для того, чтобы выкурить сигарету в компании едва знакомой женщины. Сидя передо мной на корточках, она тоже смеялась.

От этого меня разбирало еще больше и постепенно перерастало в настоящую смеховую истерику. Она была обоюдной. Давясь и захлебываясь от беспричинного смеха, мы оба ненадолго утихали, но стоило кому-то из нас взглянуть

на другого, как смех вновь поднимался из груди и, придушенный поднесенными ко рту ладонями, прорывался наружу. Так продолжалось несколько минут.

– Все, хватит, – обессиленно прошептала медсестра, зажав мне рот своей рукой. – Я больше не могу... Останьтесь... Если нас тут застукают, мне влетит...

Ее фраза вызвала во мне новый приступ неудержимого хохота. При этом я совсем не испытывал веселья, скорее наоборот, причиной моего истеричного смеха являлась реакция на боль и долго сдерживаемое нервное напряжение. Видимо, поняв, что я уже не в состоянии остановиться, она резко встала и прижала мое лицо к своей груди.

Оказавшись зажат между двумя горячими полушариями ее плоти, еще секунд тридцать мои плечи сотрясал смех, но потом он внезапно стих. В ноздри ударил дразнящий запах ее пота. Он был приятным, чуть терпким, смешанным с ароматом каких-то экзотических цветочных духов. Будучи не в силах противиться зову, который пробудил во мне этот волнующий запах, я положил в пепельницу давно истлевший окурок и, обхватив ее бедра, притянул к себе.

Она прерывисто выдохнула, но отстраняться не стала. Напротив, медсестра податливо прильнула ко мне всем телом, а я, встретив такую уступчивость, потянулся к пуговицам ее халата. Пальцы слушались плохо, поэтому она помогла мне справиться с ними, а затем распахнула халат, приспустила вниз тонкий лифчик и застыла передо мной с обнаженной

грудью.

Ее большие темно-коричневые соски вызывающе уставились мне прямо лицо. С алчностью изнуренного кочевника, что в знойной пустыне набрел на спасительный оазис, я устремился к ним ртом и одновременно обеими руками. На ощупь ее грудь оказалась тяжелой и упругой, но вместе с тем удивительно мягкой. Мы оба учащенно и шумно задышали.

– Надо же, какой ты прыткий! – с добродушной насмешливостью прошептала она. – Еще вчера умирал, а уже сегодня женщину подавай...

Отстранив мою голову, она села сверху. Ощувив тяжесть ее тела, а затем и жар, исходящий от ее бедер, меня затрясло от мелкой нетерпеливой дрожи. Дальше она все сделала сама. Ритмично поднимаясь и опускаясь вниз, пару минут она двигалась во все нарастающем темпе, а я хаотично шарил руками по ее оголенной груди и ягодицам.

Моих губ она не касалась и с поцелуями не лезла, лишь в момент кульминации, когда изо рта у меня потянулся непроизвольный сдавленный стон, снова зажала его ладонью. Через пару секунд этажом выше открылась дверь. Мы услышали легкие шаги, а после щелчок зажигалки и как кто-то выдыхает дым. По-прежнему закрывая мне рот, медсестра наклонилась к самому моему уху и шепнула:

– Не шуми, это Дэби. Она покурит и уйдет.

Я кивнул, убрал от лица ее ладонь, после чего бесшумно выдохнул и уперся затылком в стену. Прикрыв глаза, я си-

лился утихомирить учащенный стук сердца и сбившееся дыхание. Какие-либо мысли в голове отсутствовали. На мозг накатывала сонливость.

– А ты не только прыткий, но и быстрый, – с легкой издевкой прошептала она, после того, как наверху захлопнулась дверь.

– Женщины у меня тоже давно не было, – усмехнулся я. – Как тебя зовут?

– Мэри.

– Сестра Мэри, значит, – улыбаясь, я сквозь полуопущенные веки разглядывал ее мягко расплывающееся от охватившей меня дремоты лицо. – Тебе идет это имя...

– Кажется, ты сейчас уснешь. Пойдем-ка, я отведу тебя обратно в постель, – предложила она.

Возражать я не стал. Встав с моих коленей, медсестра поправила одежду и проводила меня до койки, где я действительно сразу же провалился в глубокий целительный сон.

Впоследствии в госпитале я провел пять дней и еще трижды выходил покурить с сестрой Мэри. Особо мы с ней не разговаривали, лишь дымили сигаретами и делили на двоих жалобно поскрипывающее, местами истертое до дыр кресло. Все, что я о ней знал – ей исполнилось тридцать три, она была дважды в разводе и находилась в этом лагере с момента его открытия.

На следующее утро ко мне пришли Чарли и Элис. Я был несказанно рад, что им обоим удалось выжить в кровавой

бойне, учиненной в ту ночь зараженными, а также тому, что их нашли. Они рассказали мне обо всем, что происходило после нашего отъезда.

Чарли и Дениелс были последними, кто выходил из подвала, а потому вместе со своими группами бежали в хвосте. Первым уехал Ричардсон, он же и забрал с собой большую часть людей. Вторым был Уотсон, вслед за ним отбыл я, а вот Дэниелсу не повезло – Чарли собственными глазами видел, как одновременно на него набросилось не меньше десятка тварей. Кто уехал в его машине оставалось загадкой.

В неразберихе и суматошном бегстве, что возникли после того, как твари хлынули на нас с обеих сторон, Чарли и сам едва унес ноги. Схватив Элис за руку, он неистово отстреливался и долго плутал по темным улицам, пока не понял, что сумел оторваться. Вдвоем они укрылись в чьем-то заброшенном доме и там, трясясь от страха, дождались рассвета. Перед тем, как убежать, он видел, что какой-то женщине удалось вырваться, сесть в последнюю стоящую у дома машину и тронуться с места.

Имелась у нас и еще одна машина, но так как нам хватало пяти, мы ею не пользовались. Она была самой старой, поэтому с конца декабря стояла без топлива. Собственно говоря, это чудо, что в ту ночь топливо оказалось сразу в пяти машинах, но теперь к нам пришло понимание – шестая могла бы спасти еще несколько жизней.

Наутро Чарли и Элис вышли из своего укрытия, чтобы

с опаской подобраться к дому. По их словам, там все было завалено трупами убитых нами зараженных, а вокруг звенела оглушающая тишина. Они долго стояли на расстоянии в надежде, что покажется кто-нибудь живой или возвратится одна из уехавших машин, но ни одна не вернулась. Зато они встретили Гленн Мартин и ее четырнадцатилетнего сына Хью. Им тоже удалось дожить до утра.

Когда всем четверым стало понятно, что за ними никто не придет, а совсем скоро опять наступит ночь, они решили самостоятельно искать пути к спасению. Элис вместе с Мартин оставались возле дома, а Чарли и Хью обходили окрестности. Они искали машину, в которой могло сохраниться топливо, но все бесполезно. Весь бензин в округе мы слили еще в январе.

Проблуждав три часа, они так и вернулись ни с чем, однако собираясь уже покинуть двор бывшего студенческого общежития, столкнулись с въезжающим туда отрядом военных. Завершилось все тем, что дом выжгли дотла, а их четверых доставили в лагерь. И Чарли, и Элис почему-то выражали мне пылкую благодарность, будто спас их лично я. Как бы я не убеждал их, что моя заслуга лишь в том, что сумел выжить и по счастливой случайности встретить нужных людей, они упрямо стояли на своем.

Оставшиеся дни в госпитале тянулись чертовски медленно. Валяться целыми днями в постели, принимать пилюли и терпеть разного рода процедуры казалось мне до жути скуч-

ным. Я не привык болеть и даже не мог вспомнить, когда мне вот так же приходилось соблюдать постельный режим. Скорее всего, в последний раз подобное происходило со мной в далеком детстве.

За эти дни кое с кем из больных я успел познакомиться, кое-что разузнал о правилах проживания в лагере, но все основное время проводил с Терри. От пережитого она отошла на удивление быстро. Уже к следующей неделе ее лицо перестало быть таким изможденным, а на щеки вернулся пока еще слабый румянец.

Лора также все время была с нами. Втроем мы составляли довольно странную компанию. Окружающие нередко принимали нас за семейную пару или спрашивали о характере наших отношений, поэтому устав однажды от разъяснений, я принялся всем говорить, что она приходится нам дальней родственницей.

В конце концов, совместно пройденные суровые испытания и вправду сблизили нас настолько, что я начал воспринимать ее за кого-то вроде младшей сестры и хотя ясно понимал, что отношение самой Лоры ко мне носит несколько иную форму, внешне она почти ничем не выдавала своих чувств. После ночи, когда она пришла ко мне с тем наивным поцелуем, подобных ситуаций между нами больше не возникало. Произошедшее я стремился забыть и рассчитывал, что со временем Лора тоже поймет всю глупость и пустячность своих по сути детских переживаний.

На поправку я шел быстро. Уже через пару дней я почувствовал себя значительно лучше, поэтому меня перевели в общую палату. Питание в госпитале было регулярным, а для меня после почти трех месяцев полуголодного существования казалось еще и весьма обильным, но тем не менее я съел все подчистую.

Вообще, чем больше я восстанавливался, тем более сильное чувство голода испытывал. Иногда доходило до того, что мой желудок уже через час после приема пищи начинал требовать следующей трапезы. Я старался подавлять растущее внутри себя прожорливое существо, но от этого оно становилось лишь ненасытнее. В совокупности я провел в госпитале восемь дней и к моменту выписки набрал три килограмма, но до прежней физической формы мне все еще было очень далеко.

В вечер накануне переезда в жилой корпус ко мне наведлся человек из военного ведомства. Он был немногим старше меня, имел смуглое удлиненное лицо и деловой вид. Держался он подчеркнуто вежливо, но за вежливостью этой проступало плохо скрываемое пренебрежение.

К тому времени я уже успел уяснить, что всем в лагере заправляют военные. Фактически здесь царил военная диктатура, а все было подчинено строгой внутренней дисциплине и четкой иерархии. Я не строил иллюзий и отлично понимал, что для тех, кто носит армейскую форму, обычные люди, вроде меня, являются всего лишь бесполезной биомас-

сой, расходным материалом и оттого отношение к нам соответствующее.

Так, от воли какого-нибудь ублюдка в погонах зависело, в каких условиях ты будешь жить, какой тебе полагается паек, а также чем ты будешь занят. Они давали живущим в лагере защиту и продовольственное обеспечение, а взамен требовали тотального послушания и обслуживания их интересов. Пожалуй, только к высшим категориям медицинского персонала у них было более-менее уважительное отношение. Как и сами военные, те жили в отдельном, специально отведенном для них корпусе при госпитале.

– Джон Уилсон, верно? – появившись у изножья моей кровати с толстым блокнотом в руках, спросил военный. Поднявшись, я кивнул, а он перелистнул страницу блокнота и представился: – Сержант Говард Кей. Так, у меня тут написано, что с вами десятилетняя дочь. Где она?

Я показал на Терри, которая вместе с Лорой на соседней кровати просматривала где-то раздобытую старую газету. Придирчиво осмотрев их обеих, он произнес:

– Хорошо. Завтра вас разместят в одном из жилых отсеков. Утром придет рядовой по фамилии Трэвис и проводит вас обоих туда. Обо всех правилах размещения и проживания расскажет он же. Вам все ясно?

– Да, но есть нюанс. – Указав на Лору, я с напором сказал: – Эта девушка тоже с нами. Она наша родственница.

– Об этом у меня нет никакой информации, – отчеканил

он. – Как ваше имя, мисс?

– Я Лора Прайс, сэр, – в смущенной растерянности про-
бормотала Лора.

– Так... Лора Прайс... Лора Прайс... – Перекатываясь с
пяток на носки, он водил длинным пальцем по листу в блок-
ноте. – Завтра вы также отправляетесь в жилой корпус. Вы
прибыли вместе?

– Да.

– Почему при поступлении не заявили, что являетесь род-
ственниками?

– Я... – Лора растерялась еще больше.

– Мы были не в том состоянии, сержант Кей, – вмешал-
ся я. – Все происходило очень сумбурно, так что, похоже,
вышла неразбериха, но мы бы хотели, чтобы нас разместили
рядом.

– Мало ли, чего бы вы хотели! – продолжая листать блок-
нот, сквозь зубы проронил он. – Ничего не обещаю, но по-
метку сделаю. Так! Вот еще что! Вы автомеханик, верно?

– Верно. Раньше у меня была своя мастерская, – ответил я,
но тут же усмехнулся, подумав о том, что это было в прошлой
жизни и вряд ли теперь кого-то интересует.

– Отлично. Значит, вы будете нам полезны. Здесь имеет-
ся несколько гаражей и, соответственно, техника требует ре-
монта. Вы же хорошо разбираетесь в машинах? – Кей пыт-
ливо посмотрел на меня исподлобья.

– Более чем.

– Очень хорошо. Тогда я передам о вас информацию начальнику гаража, но завтра, как устроитесь, попробуйте сами разыскать его. У нас на счету каждая пара рук.

– Спасибо, попробую.

– С вами на этом все. Теперь вы, мисс, – обратился он к Лоре, при этом глаза его приобрели более мягкое выражение. – Школ у нас тут, сами понимаете, нет, но есть группы для детей школьного и дошкольного возраста. В одну из младших групп требуется помощник. И еще могу предложить место в прачечной или на кухне. Там тоже нужны работники.

– Если можно, я бы очень хотела работать с детьми, сэр, – слабо улыбнувшись, попросила Лора.

– Договорились. Значит, определяю вас в младшую группу...

Закончив с ней, Кей пошел со своим блокнотом дальше, а я еще минут пятнадцать наблюдал за тем, как он подходит к людям и приказным, безапелляционным тоном раздает назначения. Наблюдал, как люди заискивающе ему улыбаются, просительно заглядывают в глаза, суетятся при его приближении. Когда наблюдать мне надоело, я повернулся к Лоре со словами:

– Не заискивайте перед ними, Лора, и перестаньте так робеть, иначе вас здесь сожрут. Мы, как видно, угодили в самый настоящий террариум.

В ту же ночь сестра Мэри с присущей ей веселой усмеш-

кой мне сказала:

– Ну вот и подлечили тебя, пациент. Слышала, завтра ты переселяешься в большой мир. Станет скучно, заглядывай ко мне. Буду рада.

– Станет скучно, загляну, – в тон ей ответил я.

Глава 49

Как и обещал сержант Кей, утром еще до завтрака пришел рядовой Трэвис. Собрав группу из тех, кто отсидел на карантине положенный срок, он повел нас в одно из тех огромных восьмиэтажных зданий, что я разглядывал по приезду. Как теперь выяснилось, первое полностью занимали военные, во втором жили такие же как мы, несчастные и обездоленные беженцы.

По площади второй корпус был больше, а в центре него имелся открытый атриум, так что все строение, если смотреть на него сверху, представляло собой прямоугольник с дыркой посередине. Первый этаж и подвал использовался под гаражные, технические и складские помещения, на втором находились кухни, два громадных обеденных зала, прачечные и территория общего пользования, а начиная с третьего – жилые отсеки. На каждом этаже их было по шесть и являли они собой вместительные бетонные квадраты с окнами во всю стену.

Меня вместе с Терри поселили в одном из таких квадратов на пятом этаже. Лору разместили там же, но в другом его конце. Он был переполнен людьми. Навскидку здесь на-

ходилось не меньше двухсот человек.

Почти все пространство занимали двух и даже трехъярусные кровати, а также высокие металлические коробки с отдельными, запирающимися на ключ ящиками. В центре стоял длинный дощатый стол и несколько стульев, на потолке в три ряда висели лампы. Это была и вся обстановка.

Толком рассмотреть я ничего не успел, потому как сразу по приходу нам указали на наши места, вручили один на двоих ключ от ящика и сообщили, что мы должны спуститься в столовую для получения завтрака. Приемы пищи в лагере были строго регламентированы.

Об этом я узнал позже, но у каждого этажа для этой цели имелось определенное время. Так, например, третьему и четвертому выдавали завтрак ровно в семь двадцать утра, а уже к восьми они обязаны были освободить место для пятого и шестого. Те, в свою очередь, в восемь сорок сдавали столы седьмому и восьмому этажам.

Это же касалось обедов и ужинов, различалось только время, отведенное на трапезу. Обед длился час, ужин сорок пять минут. Кормили тут три раза в день, но на общей территории второго яруса располагались автоматы, в которых при наличии специальных карточек можно было получить перекус, напитки или сигареты.

В восемь двадцать утра я сидел за общим обеденным столом напротив дочери и флегматично наблюдал за тем, с каким аппетитом она уплетает свой завтрак. По нашим мер-

кам, он был невиданно роскошным. Полная тарелка дымящейся овсяной каши с крохотным куском сливочного масла, яблоко – чуть подгнившее, мелкое и кислое, но все-таки яблоко – и чай или растворимый кофе на выбор.

Свою порцию я уже прикончил и теперь с наслаждением пил кофе. Лора сидела рядом с Терри, молча кусала яблоко, разглядывала окружающую нас толпу и прислушивалась к разговорам. Как карканье налетевшей вороньей стаи, отовсюду неслись обрывки фраз, споры, детский плач и иногда даже смех. Разобрать что-либо из общего гомона было почти невозможно.

Трэвис, пока вел нас от госпиталя к зданию жилого корпуса, успел немного рассказать о внутреннем распорядке и местных правилах. Отбой в лагере наступал в одиннадцать вечера, подъем не позже семи утра. Помимо того, каждый живущий в его стенах должен был приносить общественную пользу и выполнять различную работу.

Так, хорошо, если ты являлся, к примеру, рыбаком, механиком, электромонтером, слесарем, поваром или врачом – эти профессии были востребованы. Но куда хуже дела обстояли у продавцов, менеджеров, риелторов, бухгалтеров, банкиров и всех прочих офисных работников. Им было сложнее найти применение, поэтому зачастую они занимались уборкой территорий, отправлялись помощниками на кухню и в другие подсобные помещения или, что хуже всего, на звероферму, где держали свиней и птиц.

Сразу после завтрака я планировал спуститься вниз, чтобы отыскать начальника гаража и поинтересоваться, какую работу он сможет мне поручить. Мне до одури хотелось взяться за какое-нибудь дело. Руки давно уже соскучились по инструменту, а голова по порой сложным, но увлекательным задачам выявления и устранения поломок, да и в целом я тосковал по особому запаху гаражной мастерской.

Лора тоже собиралась разыскать сектор, в котором находились детские группы. Терри она пообещала взять с собой, а той, конечно, не терпелось поскорее завязать новые знакомства и все кругом осмотреть. Щурясь от наслаждения или скорее от кислого вкуса, она как раз доедала яблоко и между делом разглядывала соседей по столу.

Я уже допил кофе и терпеливо ждал, когда она с ним расправится. До конца завтрака у нас оставался запас времени, поэтому я ее не торопил. Терри все еще с интересом крутила головой, как вдруг прекратила жевать и со странно вытянувшимся лицом пролепетала:

– Папа, там Марта...

– Что?.. – произнесенная ею фраза меня оглушила. Ощувив, как по телу волной прошла судорога, я принялся лихорадочно озираться вокруг себя. – Где? Терри, я не вижу! Где?

– Да нет же, – привлекая мое внимание, она вытянула вперед правую руку, – ты не туда смотришь! У входа! У самого входа!

Посмотрев в том направлении, я увидел четырех мужчин

в военной форме и рядом с ними девушку с короткими темными волосами. Она стояла к нам спиной. На ней были свободные штаны защитного, болотно-зеленого цвета, простая черная футболка и... она совсем не походила на Марту.

Та девушка показалась мне выше, а волосы ее были слишком коротки. Закручиваясь в крупные кольца, они в диком беспорядке обрамляли голову и заканчивались у основания шеи, так, что та полностью оставалась открытой. Я хорошо помнил длинные, опускавшиеся ниже груди волосы Марты, а потому это никак не могла быть она.

– Терри, это не Марта, – поникшим голосом пробормотал я.

На ничтожное мгновение мне показалось, будто меня подняло куда-то вверх, на самую недостижимую высоту и там вот-вот разорвет от прилива противоречивых эмоций, как уже в следующую секунду я кубарем скатился вниз и шмякнулся о плоскую поверхность действительности. Каким же абсурдом было поверить в возможность, что Марта может находиться здесь. Живая, невредимая...

Подумав о том, что жизнь вряд ли бы преподнесла мне подобный подарок, я горестно усмехнулся.

– Пап, говорю тебе, это она, – настойчиво сказала Терри. – Я видела, как она повернулась и сразу же узнала ее лицо. Ну вот, кажется, она уходит.

Несколько мгновений я смотрел ей в глаза, боясь вновь поверить услышанным словам и в то же время отчаянно же-

лая, чтобы они оказались правдой, а потом перевел взгляд к дверям. Стоя вполоборота, девушка прощалась с тучным мужчиной лет пятидесяти. Лицо ее закрывали волосы, но в повороте головы и в самом деле угадывалось что-то знакомое.

Она протянула мужчине руку, а я каким-то образом догадался, что она улыбнулась. Да, теперь я узнал ее. Даже не видя лица, я вдруг понял – это она.

Острый спазм снова прошелся где-то в области грудной клетки, сжал ее в плотный клубок и заставил сердце биться с утроенной силой. В мозгу одновременно пронеслось столько различных мыслей, что голова у меня пошла кругом. Резко встав, я уронил стул, попытался его поднять, но уронил вновь и только с третьей попытки поставил на место.

Я отвлекся всего секунд на пять, а когда посмотрел туда, где Марта – а я был почти уверен, что это именно она – стояла всего мгновение назад, увидел, как множество людей входит и выходит в двери, но ее уже и след простыл. Не теряя больше времени, я быстрым шагом направился к выходу. Расталкивая всех вокруг и ежесекундно извиняясь, я старался разглядеть ее, но безрезультатно. Чертов выход был слишком далеко.

Не отрывая от него сосредоточенного взгляда, я побежал. В данную минуту мне было плевать на все и на всех, я хотел лишь одного – убедиться, что это точно она. Хотел увидеть ее лицо. Знать, наконец, что она сумела выбраться из того

лагеря. Сумела выжить. Больше в этот момент меня ничто не волновало.

– Эй, придурок долбанный! Совсем охренел? – заорал на меня здоровенный, под два метра ростом парень. – Куда ты так несешься?

Мчась к выходу, я со всего маху напоролся на его необъятную спину и тот выронил из рук поднос с едой. Грохнувшись на пол, и поднос, и стоящая на нем посуда покатались в разные стороны, а серый комбинезон парня заляпало овсянкой и кофе. Подняв в извиняющемся жесте обе руки, я торопливо сказал:

– Прости, приятель, я не специально!

– Прости? Какого хрена? Я отстоял огромную очередь, а ты говоришь прости? – На мирное разрешение проблемы он явно не был настроен. Сделав шаг, бугай с силой пихнул меня в грудь. – Собирай, что уронил и дуй в очередь за новой порцией, идиот! Объясняй сам, как это вышло.

– Знаешь что? Иди-ка ты к черту! Сам собирай, что уронил.

Я развернулся, чтобы опять бежать к выходу, но здоровяк ухватил меня за шиворот и рванул к себе.

– Куда ты собрался? Я что-то не так объяснил? Может, по-другому будет понятней?

Взявшись за ворот рубашки, он притянул меня вплотную к себе и поднес к моему лицу внушительный кулак. Вокруг нас уже собиралась любопытная публика. Едва сдерживая

ослепившую меня ярость, я резко оттолкнул кулак и рывком высвободился из его толстых пальцев.

– Убери руки, жирный ублюдок! Я извинился, но если этого мало, с удовольствием съезжу тебе по роже.

От моих слов его физиономию растянула широкая ухмылка, бугай хрустнул шеей и поднял оба кулака к носу.

– Ну, давай, свинья. Посмотрим, чего ты стоишь.

Стоящий передо мной в боевой стойке парень был настоящим верзилой. Прикидывая, куда лучше всего нанести удар, я сделал то же самое, но оценив его габариты, понял – сбить такого с ног хуком в челюсть будет довольно сложной задачей. И прямым в нос мне не попасть – его руки длиннее моих, так что врежет он мне явно быстрее.

Я уже согнулся в корпусе и изготовился двинуть ему в солнечное сплетение, а потом в печень, как откуда-то сбоку услышал изумленный возглас:

– Джон?! Джон Уилсон?

Резко повернув голову, я увидел ее. Стоя в обступившей нас толпе, она глядела на меня широко открытыми глазами. В них разом застыли недоверчивость, удивление и искренняя радость. Сомнений не осталось – это была Марта.

В следующий миг, сразу после того, как едва увидел ее и тут же узнал, в мою челюсть прилетел сильный удар. В глазах стремительно потемнело, а затем сознание куда-то уплыло.

Первым, что я разглядел придя в себя, был потолок и целое скопище склонившихся надо мной незнакомых лиц, в ко-

торых я с трудом все же узнал одно – лицо Марты. В нем угадывалась тревога и озабоченность. Сидя рядом со мной, она слегка похлопывала меня по щеке, но как только я открыл глаза, перестала.

Похоже, бугай отправил меня прямиком в нокаут, после чего я рухнул на пол и ненадолго отключился. Собственно, не знаю, на что я рассчитывал, когда вздумал вступать с ним в драку, ведь было очевидно, что он без особых усилий меня уложит. Я мог бы потягаться с ним раньше, но сейчас мое физическое состояние меньше всего подходило для подобного рода подвигов – он превосходил меня и ростом, и весом, и силой. И все же, такому здоровяку подло было наносить мне удар в тот самый момент, когда я отвлекся.

– Марта... Это и в самом деле ты? – До сих пор не веря глазам, я улыбнулся улыбкой идиота и тотчас боль свела всю правую сторону лица. Парень оказался левшой. – Ты отвлекла меня, а я уже разработал отличный план, как вырубить того урода!

Кривясь от боли, я хотел шуткой сгладить свое жалкое перед ней появление. Улыбнувшись в ответ, она покачала головой и тихо сказала:

– Теперь сомнений не осталось, что это точно ты, Джон Уилсон. Когда я увидела, что собралась толпа, а потом и тебя, намеревающегося навалить тому увальню, сначала подумала, будто у меня галлюцинации. Как ты? Порядок?

– Вроде да...

– Ты встанешь или так и будешь лежать на полу?

– Знаешь, здесь удобно. Почему бы и не полежать? – Я снова попытался улыбнуться, но потом сел, потер подбородок, пару раз открыл и закрыл рот. – Больно, черт возьми!

Парень здорово приложился к моей челюсти, но зубы, к счастью, остались целы. Его самого уже нигде не было видно, а окружавшие нас люди начали вдруг поспешно расходиться.

– Вставай, Джон, – рассмеялась Марта, но затем, словно что-то заметив, резко посерьезнела. – Так, ты должен поторопиться, если не хочешь проблем! Ну же, вставай! Терри, помоги мне.

Только теперь я увидел, что Терри сидит за моей спиной. Лора тоже была здесь. С застывшим видом она стояла в нескольких шагах от нас троих.

Поднявшись на ноги, блуждающим, все еще неверящим взглядом я уставился на Марту с высоты своего роста. Я уже успел забыть детали ее лица, но, черт возьми, это действительно была она! Поверить в это было практически невозможно – казалось, я сплю и вижу дивный сон. Поймав себя на мысли, что мне нестерпимо хочется дотронуться до нее, чтобы убедиться в реальности всего происходящего, я уже почти поднял руку, но в последнюю секунду удержался.

– Пошли! Пошли скорее!

Она потянула меня в людскую толчею, а я наконец сообщил, что происходит. В тот самый миг, когда она затащила меня в толпу, к месту, где я только что лежал, подошел пол-

новатый военный. Угрожающе щурясь, он бросал на людей тяжелые взгляды и спрашивал о случившемся.

Ему никто не отвечал. Все только пожимали плечами, качали головой или говорили, что ничего не видели. Так я впервые узнал о действующей в лагере круговой поруке между обычными людьми против носящих форму.

– Тут нельзя устраивать драки, Джон, – переведя дыхание, усмехнулась Марта, – но тебя это, конечно, мало волнует.

– Я об этом не знал. Мы меньше часа назад сюда прибыли. – Потирая ноющую челюсть, я тоже усмехнулся. – И что было бы, если бы меня поймали на месте преступления?

– Зависит от ситуации, но тебя могли на несколько дней лишить пайка, отправить на грязную работу или заморозить счет на карточке. Ты ее уже получил?

– Да, дали какой-то кусок пластика, но сказали, что он одноразовый. Я вроде должен обменять его на другой, но пока слабо понимаю, что он дает.

– Это теперь наш документ и одновременно кошелек, так что потерять его равносильно смерти, – с иронией произнесла она, переводя взгляд на Терри, которая вместе с Лорой как раз подошли к нам. – Как вы здесь очутились?

Она изменилась. Лицо стало худым, отчего ее прозрачные серо-голубые глаза казались огромными, а рот над сужающимся, немного заостренным подбородком сделался ярче и еще соблазнительней. Волосы она действительно обрезала и теперь они крупными волнами вились вокруг головы, доходя

лишь до длинной, точеной шеи. С такой короткой стрижкой она выглядела как будто еще моложе и беззащитнее.

Под спадающими на гладкий лоб прядями я разглядел ко-сой шрам. Отчетливо выделяясь на ее бледно-матовой коже, он располагался чуть выше левой брови и судя по виду, появился давно. Задумавшись над тем, откуда он взялся, я продолжал молча ее разглядывать.

– Мы тут уже три месяца, – ответила вместо меня Терри, по-видимому, поняв, что я впал в ступор и в ближайшее время не собираюсь говорить. – Девять дней назад нас подобрали военные и привезли в госпиталь, но, думаю, папа сам все расскажет, когда очнется и перестанет на вас глазеть.

Даже не заботясь о том, чтобы скрыть сквозящее в тоне ехидство, Терри задорно посмеялась.

– Спасибо, Терри. Ты как всегда очень любезна. – Я прощающе ей подмигнул и заметив, что Лора стоит в отдалении, произнес: – Марта, это Лора Прайс. Она... наша дальняя родственница.

Соображая, как лучше ее представить, на короткий миг я замешкался, а в итоге зачем-то солгал. Я и сам не мог понять, почему это сделал, а уловив в глазах Марты заинтригованность, быстро сменившуюся понимающим выражением, мысленно обозвал себя кретином. Я догадался, что в мою ложь она не поверила и собирался ляпнуть что-то еще, но, опережая меня, она с широкой улыбкой воскликнула:

– Рада знакомству, Лора! Мы с Джоном давние знакомые

и почти соседи. Раньше мы жили в одном округе.

Лора улыбнулась в ответ, но улыбка эта вышла рассеянной и несколько принужденной.

– Я знаю, мисс Дилл. Терри рассказывала о вас. Я тоже рада знакомству.

Ее заявление привело меня в замешательство, но подробности их с Терри разговоров я решил выяснить позже. Сейчас меня беспокоило другое. Услышанному Марта удивилась не меньше меня, а в глазах ее опять загорелось любопытство, но при этом радость от встречи заметно померкла. Очевидно, что как и многие, она сделала неверные выводы насчет Лоры и приняла ее не просто за нашу спутницу.

– А где же Роб и Айлин? Они тоже здесь? – с преувеличенно веселой интонацией задала она вопрос.

От него мой рот сжался в узкую полоску, а в горле предательски заскребло. Все это время мы стояли в центре громадного помещения столовой, а вокруг нас гудел невообразимый шум. Отовсюду поглядывали недовольные, раздраженные лица людей, но мы словно бы не замечали этого толкающегося человеческого потока.

Он обтекал нас и теснил, то отдаляя, то вновь приближая друг к другу, а мы были точно два больших валуна, встретившихся в грозном штормовом океане. И так же, как холодные валуны, стучались друг о друга, говорили о чем-то, задавали друг другу вопросы, но по-настоящему точек соприкосновения нащупать не могли.

Набрав в грудь побольше воздуха, вместо ответа я спросил:

– Мы можем где-то выпить кофе и спокойно поговорить? У меня масса вопросов. Думаю, у тебя тоже.

Она пристально посмотрела мне в глаза, потом бросила торопливый взгляд на Лору, будто ждала от нее какой-то реакции и наконец, едва заметно улыбнувшись, ответила:

– Да, конечно. Тут недалеко есть курилка и автоматы с кофе. Пойдем, я угощу тебя.

Глава 50

Выбравшись вчетвером из столовой, мы разошлись в разных направлениях. Марта подсказала Лоре, где искать нужный им с Терри отсек, а меня повела за собой. Обходя препятствия в виде спящих во все стороны людей, мы долго протискивались по широкому коридору, пока не вышли к небольшому изолированному помещению. Народу там оказалось на удивление мало.

Окон в помещении не было, поэтому источником света служили лишь длинные лампы на потолке. У стен располагались металлические столы и лавки, а возле входа в ряд выстраивались автоматы с водой, кофе, сэндвичами и шоколадными батончиками. Раньше такие стояли повсюду – в аэропортах, на вокзалах и просто на улицах, но за последние месяцы все они опустели. Здесь же царил невиданный изобилие – нашелся даже автомат с сигаретами.

Я не курил с прошлой ночи, а потому увидев его, в первую

очередь направился к нему. Марта помогла мне справиться с выданной Трэвисом пластиковой картой, которой я и оплатил пачку сигарет. Пока я тыкал пальцами в кнопки, она взяла нам обоим кофе, после чего мы устроились за одним из столов в самом дальнем углу комнаты. Сидя друг напротив друга, мы провели в ней следующие полтора часа.

– Так и думала, что ты не бросил курить, – пододвигая ко мне переполненную пепельницу, с лукавой улыбкой произнесла Марта. Она отпила глоток кофе, обвела взглядом комнату с облупившимися темно-серыми стенами и прибавила: – Здесь что-то вроде места для отдыха и курилки одновременно. Таких на этаже еще три, но ты со временем освоишься и сам их найдешь. Эта самая дальняя и потому самая тихая, так что рекомендую. Людей тут обычно меньше всего.

– Спасибо. – Усмехнувшись ее словам, я достал из пачки сигарету и прикурив, с удовольствием затянулся. Почти все это время я не сводил с нее глаз. – Вообще-то до того, как попасть сюда, я не курил два месяца. Сигареты, так же как и еду, достать стало сложно, но если с отсутствием еды я еще хоть как-то мирился, то сигареты... Знаешь, сложно не курить, когда вокруг тебя весь мир катится к чертям.

– Да уж, прекрасно понимаю, о чем ты. Я и сама чуть было не закурила после всех этих событий. – Вдруг она тихо рассмеялась и, глядя в меня сияющим взглядом, воскликнула: – Черт, я так рада тебя видеть, Джон! Это единственное хорошее событие со времен начала эпидемии.

Я был благодарен ей за этот всплеск. Мне так много хотелось ей сказать, но с той минуты, как я познакомил их с Лорой, между нами установилась необъяснимая и как будто даже неловкая сдержанность.

Безусловно, мы оба испытывали от встречи радость, вот только после первых восторгов она постепенно перерастала в растерянность, эмоциональную скованность и отчуждение. Мы все больше говорили друг с другом общими, словно искусственными фразами и, очевидно, оба не понимали, как себя вести. Своим восклицанием она немного разрядила эту принужденную атмосферу.

– Я тоже безумно рад, Марта. Правда. Даже не могу выразить, насколько я рад тебя видеть. Честно говоря, я считал, что уже разучился улыбаться и совсем забыл, как это делается.

– Да уж, улыбка и смех теперь стали роскошью и расходовать их нужно предельно экономно, – пошутила она.

– Давно ты здесь?

– С середины января.

Тихо присвистнув, я отпил кофе.

– Давно. Подумать только, ты все это время была тут... Я... Черт, я считал, что ты погибла. В начале декабря на севере случилось нападение на лагерь. Ты ведь была там?

В ожидании ответа я впился глазами в ее лицо и, увидев, как оно передернулось, а потом застыло в мученической гримасе, понял, что была. И понял, что ей через многое при-

шлось пройти, чтобы выбраться. Опустив голову, она немного помолчала, а затем приглушенным голосом ответила:

– Да, была. Там творился сущий ад. Погибли почти все.

– Но ты выбралась, – с напором сказал я.

Я чуть не добавил, что плевать я хотел на всех, но остановился. Сам не знаю, почему меня вдруг начала разбирать злость на окружающих, но сейчас я хотел бы остаться с ней наедине. Оказаться вдвоем подальше от посторонних глаз и сотни громких голосов... Вероятно, если бы в данную минуту начался апокалипсис, мне и на это было бы плевать.

– С трудом, – с ее губ сорвался горький смешок. – Тот лагерь тогда только открылся и таких стен, как тут, в нем и в помине не было. Простые заграждения из колючей проволоки, деревянные заборы, несколько каменных зданий, но в основном там стояли шатры и палатки. То есть, ты понимаешь, что для них пройти туда было проще простого. Все эти игрушечные баррикады и заграждения они попросту смели. Почти на пять тысяч беженцев приходилось всего чуть больше сотни вооруженных солдат, так что когда они заявили туда целой армией, никто не был готов. Тогда ведь никто еще не знал, что они вообще способны на что-то подобное...

Устремив остановившийся взгляд в пространство, она умолкла, а я безотчетно протянул к ней руку и взял ее ладонь. Действие мое было неосознанным, но жадным, изгодавшимся, ищущим. Сколько раз, закрывая глаза, я представлял себе, что смогу когда-нибудь еще вот так ее коснуть-

ся.

Вздрогнув от неожиданности, Марта отвлеклась от своих воспоминаний и заговорила вновь:

– Там все очень быстро произошло. Люди были расслаблены, ведь повсюду ограждения, военная техника и сами военные. Все себя чувствовали в безопасности. Я приехала туда со своей группой на три дня, чтобы снять серию репортажей, а на вторую ночь все и случилось.

– Я видел твой репортаж и видео с места событий. Их выкладывали те, кто смог выжить. Мы в то утро как раз подъезжали к городу и связь уже начинала барахлить, а с того дня пропала совсем. Я тогда чуть не свихнулся и чуть телефон не разбил, все искал хоть что-нибудь от тебя.

– Значит, ты знал, что я была там?

– Случайно узнал. Вернее, Роб рассказал. За день до этого он видел твой выпуск из того лагеря, так что я мог только предполагать, но был уверен, что если бы ты выбралась или тебя там вообще не было, то однозначно где-то всплыла твоя заметка, репортаж, выпуск новостей, хоть что-нибудь... В общем... да... Я хотел думать, что ты смогла каким-то чудом спастись, но как-то все меньше в это верилось со временем. Теперь понимаешь мой шок, когда я тебя сегодня увидел?

Договорив, я сдержанно посмеялся, в стремлении скрыть в очередной раз накатившую на меня лавину противоречивых чувств.

– Понимаю, – улыбнулась она. – Я ведь тоже считала, что ты погиб.

Она снова умолкла, но глаза ее говорили. Говорили о многом. При всем желании я не смог бы в точности описать, что именно выражал ее взгляд, но от него горло у меня стянуло обручем, а во рту пересохло.

– Как ты выбралась оттуда? – хрипло спросил я.

– Бежала, как и все. Там была страшная паника, люди падали и их давили другие люди... Вспоминать не хочется... – Коснувшись лица, она на секунду прикрыла глаза, но тут же, снизив голос до полусшепота, продолжила: – Я видела, как они нападали на бегущих, как убивали детей, как заражали каждого, кто попадал к ним в руки и как потом людей корчило в страшных муках. Слышала, как дико они кричат... Я до сих пор часто слышу эти крики во снах. Один из моих коллег прямо на моих глазах превратился в чудовище. Он был моим другом...

Раздавив окуроч в пепельнице, я поднял руку, осторожным движением отодвинул прядь волос с ее лба и дотронулся до кривого розоватого шрама. Она вздрогнула, но не отстранилась. Руку из моей ладони она тоже так и не отняла.

– Это оттуда?

– Да. Когда все побежали, кто-то в толпе сбил меня с ног. Я помню, как упала, потом удар по голове, а дальше темнота. Очнулась в военном грузовике. Меня вытащил один из солдат и мне просто повезло, что он оказался рядом и все

видел. Не знаю, почему он меня вытащил, когда все вокруг падали, но я ему очень благодарна. Точнее, была благодарна. В начале января он погиб.

Марта странно съежилась, будто испытала приступ острой боли, но уже через мгновение встряхнулась и сделала большой глоток кофе. При этом она забрала у меня ладонь, обеими руками обхватила бумажный стаканчик, словно хотела таким образом согреться, и увела взгляд в сторону. Вся ее поза кричала о какой-то внутренней скорби, что натолкнуло меня на мысль об ее тесных взаимоотношениях с тем военным.

– А что потом? – спросил я, стараясь не выдать, как сильно меня царапнуло ревностью.

– Потом один лагерь, второй, третий и вот я здесь. Я потеряла всех друзей, всех, с кем работала и даже не знаю, что с моей матерью. Она была в одном из лагерей на севере, но когда там начался хаос и все рванулись к восточному побережью, связь с ней потерялась. Боюсь, ее уже тоже нет в живых. А сюда меня привезли те же военные, что вытащили из той мясорубки. Они здорово мне помогли. Ну а ты? Расскажи, как вы здесь очутились. Вы ведь вчетвером уехали на юг?

– Да, и прожили там два месяца, надеясь, что они все-таки не доберутся к нам. Какое-то время я даже питал иллюзии, что их скоро истребят и мы сможем вернуться домой. Теперь это кажется чертовски глупым, не так ли?

– Сейчас на месте наших домов пепелище, ты ведь зна-

ешь?

– Знаю.

– Вы успели уехать с юга до того, как они...

– Нет, они добрались раньше. Мы уже собирались выдвигаться сюда, но задержались из-за родственника Роба. Впоследствии этот ублюдок, он и при жизни был ублюдком, но напоследок где-то заразился, а потом заразил Айлин...

– Нет! Боже, какой кошмар! – ошеломленно прошептала Марта.

– Да. Робу пришлось ее... – я запнулся, но все же выговорил: – Робу пришлось в нее стрелять. Он настоял, что сделает это сам. Потом мы ее похоронили. Все произошло за считанные часы до нашего отъезда.

– И как он теперь? Как он пережил это?

Опустив глаза в стол, я сжал челюсти. Все эти дни я старался не думать о Робе, но теперь, рассказывая о нем Марте, воспоминания и чувство вины вновь окатили меня волной сокрушительной боли. В попытке взять себя в руки, я прикурил новую сигарету и жестко выговорил:

– Он погиб девять дней назад. Тоже заразился. Последнее, что я видел, прежде чем отъехать от дома, где мы скрывались два прошедших месяца, это как одна из тварей напала на него. Он сам к ним побежал. После смерти Айлин Роб был немного не в себе. Немного не в себе... – отрешенно повторил я и, подняв наконец голову, воскликнул: – Что я говорю? Он свихнулся, Марта! Съехал с катушек, понимаешь? Пона-

чалу был обозлен на всех, потом то становился как пятилетний ребенок, то впадал в полное безразличие, а к концу декабря огорошил меня тем, что Айлин жива и вот-вот вернется. Мы тогда жили в метро... Черт, мы почти месяц прожили в метро с крысами и... – Я говорил все быстрее, будто хотел рассказать ей обо всем сразу, но не знал, как облечь целое полчище мыслей в несколько слов. Замолчав, я снова опустил голову, сделал пару затяжек и тихо проговорил: – Ладно, не важно... Я хотел сказать, что в его восприятии Айлин каждый день уходила по каким-то делам пока он еще спал и потом целыми днями он ждал ее возвращения. На следующий день все повторялось по новой и так до бесконечности. Ну а через месяц где-то он заявил, что она к нему вернулась и там уже стала очевидна вся необратимость процесса.

– Мне очень жаль, Джон, – упавшим голосом пробормотала она. В нем было столько сочувствия и неприкрытого страдания, что я поднял на нее взгляд. – Я видела его всего пару раз, но этого хватило понять, что вы были друг другу больше, чем просто друзья. Прости, что заставила тебя заново все это вспоминать.

– Не извиняйся. – Кивнув на сидящих в комнате людей, я мрачно усмехнулся. – Готов спорить, даже в этом небольшом помещении каждый кого-то или что-то потерял. Такова наша новая реальность. Но ты права, Роб и Айлин были для меня семьей. Они оба дали мне гораздо больше, чем дали родители.

После обмена историями пережитого мы надолго погрузились в неловкое молчание. Прерывалось оно лишь редкими малозначащими фразами и за это время я докурил вторую сигарету, а также выпил весь кофе. В голове у меня по-прежнему роилась масса вопросов, но я не знал, как их задать и с чего следует начать. Я просто смотрел на ее задумчивое, склоненное над стаканом с кофе лицо и думал о том, какое чудо, что нашел ее здесь.

Марта первая нарушила молчание. Посмотрев на меня, она с грустной полуулыбкой произнесла:

– Мне часто вспоминалась наша поездка к лаборатории, Джон. И еще тот старик. Какое-то время он даже снился мне в кошмарах.

– Я тоже много раз вспоминал тот день, – сказал я. – И особенно следующий.

О том, что про старика не вспоминал ни разу, я говорить не стал. Так же, как не стал говорить и о том, что после него стрелять в людей мне приходилось неоднократно. Наши вылазки в город нередко оборачивались столкновениями и, становясь перед выбором умереть самому или выжить ценой чьей-то жизни – я всегда выбирал первое.

– Лора, это сестра твоей жены? – осторожным тоном задала она вопрос. – Я помню, ты думал о том, чтобы поехать к ней, но почему-то мне казалось, будто ее звали по другому. Джен... или Джун... как то так?

Марта старательно придавала лицу невозмутимый вид,

будто этот вопрос был всего лишь праздным интересом о погоде или замечанием об окружающей нас убогой обстановке, но я видел, что ответ для нее важен. Понимая, что нужно исправлять допущенную ранее оплошность, я нахмурился, поскреб бритый затылок и подсказал:

– Джесс. Ее звали Джесс. Я не знаю, что с ней. Мы не общались с начала эпидемии. А насчет Лоры... Нет, она нам не родственница. Я солгал. Сам не знаю зачем.

– О... ясно... – рассеянно проронила она.

Покачав головой, я слабо улыбнулся этому восклицанию.

– За последние месяцы, а особенно за последние дни я столько раз слышал вопрос о том, кем мне приходится Лора, что устал всем объяснять. Начал говорить, что она родственница и тебе так сказал то ли по инерции, то ли по привычке. На самом деле мы с Терри снимали у нее комнату после того, как...

– Джон, это не важно, – оборвала она и хотела добавить что-то еще, но я не дал.

– Нет, важно. – Я сказал это резко и усилил эффект произнесенных слов прямым взглядом ей в глаза. – Не перебивай. Сама ведь спросила.

Наверное, я произнес это жестче, чем следовало. Наблюдая, как нижняя губа Марты упрямо поджалась, а подбородок выехал вперед, я выдержал паузу и ее скептический взгляд, а затем с подчеркнутым спокойствием продолжил:

– На юге первое время мы жили в ужасной глуши, в ста-

ром, продуваемом всеми ветрами доме. Там не было даже горячей воды. Тогда мне думалось, что худших условий быть не может, но после жизни в метро, тот дом выглядит пятизвездочным отелем. Я месяц искал квартиру в городишке по соседству, только с квартирами там оказалась полная задница. Лора свояченица парня, у которого я нашел работу, он же и устроил нас у нее. Мы прожили у нее немногим больше месяца, а когда уезжали, она попросилась с нами. Ее семья не захотела покидать город. Они все собирались прятаться в подвале, несмотря на то, что зараженные уже добрались туда. Так она и очутилась в нашей компании и, пожалуй, за эти месяцы стала мне кем-то вроде младшей сестры или еще одного ребенка. Как бы смешно и тупо это не звучало, но это так.

По Марте было видно, что на языке у нее вертится еще какой-то вопрос, но она не желает его задавать. Выражение несгибаемого упрямства так и не ушло с ее лица, но взгляд сделался менее воинствующим. Выждав минуту, я решился спросить о том, что занимало меня.

– Почему ты не ответила?

– Не ответила на что?

В ее серо-голубых глазах мелькнуло непонимание, которое сразу натолкнуло меня на целый круговорот мыслей. Теряясь в догадках, что оно означает – притворство, забывчивость или она действительно не знает, о чем речь – я неотрывно глядел ей в лицо. За прошедшие месяцы я не раз ду-

мал о том, что она могла не получить моего сообщения и порой называл себя идиотом за то, что в тот день удалил ее номер и больше не сделал попытки с ней связаться.

– Марта, я написал тебе. Спустя несколько дней после приезда я написал тебе, где мы остановились, но ты даже не стала читать то сообщение. Поначалу я переживал, что с тобой что-то случилось, но затем нашел твой свежий репортаж и понял, что ты просто решила не отвечать.

– Джон...

Ее темные брови взметнулись вверх, отчего на лбу образовались две слабые складки, а лицо исказилось от смешанных, непонятных мне эмоций. Выпустив стакан из рук, она нервно сцепила их в замок, но тотчас опять схватилась за этот пресловутый, уже изрядно измятый бумажный стакан и выпалила:

– Я не получала от тебя никакого сообщения! Черт бы тебя побрал... Ты помнишь нашу последнюю встречу? Помнишь, как попрощался со мной?

– Да. – Судорожно сглотнув вконец пересохшим горлом, я задрал голову к потолку, но тут же вернул взгляд к ней и серьезно произнес: – Да, конечно, помню и потом множество раз об этом жалел. Я повел себя глупо в тот день, но ты не оставила мне выбора. Это упрямое желание раскопать все дерьмо, связанное с лабораторией, желание ехать на север, чтобы жить в палатках... Марта, ты уехала и даже не попрощалась. Сообщение написала так, что...

– О чем ты говоришь? Ты помнишь, что не хотел даже разговаривать со мной, когда я уходила? Ты ясно дал понять, что не станешь обсуждать никакие другие варианты и в любом случае поедешь на юг! А я не могла тогда все бросить и поехать с тобой. Не могла! Журналистика – это все, что у меня есть. Точнее было, – горько добавила она. – Я ждала от тебя звонка или сообщения. Действительно ждала. А потом поняла, что ты не напишешь.

– Если ждала, почему не ответила?

– Потому что потеряла свой чертов телефон вместе со всеми номерами! Потеряла, спустя неделю после отъезда!

– Потеряла телефон? Вот так глупо? – криво усмехнулся я.

– Да, вот так глупо! Я потом искала тебя повсюду, но бесполезно. Ни тебя, ни Терри нет ни в одной соцсети. Не понимаю, как вообще можно было жить в цифровом вакууме!

Мы оба почти кричали. Отовсюду на нас уже поглядывали люди, но мне было плевать. Градус долго сдерживаемых эмоций достиг во мне предельной шкалы и, казалось, вышел из-под контроля. Судя по всему, с ней происходило нечто похожее.

С шумом выдохнув воздух, я наклонился над столом и сгрел ее руки в свои. Она не шелохнулась, а ее покрасневшее лицо полыхало гневом. Несколько долгих секунд мы не отрываясь глядели друг другу в глаза, пока не наступил переломный момент, когда до нас обоих дошла вся абсурд-

ность и бросаемых друг другу упреков, и самой ситуации в целом.

Марта вдруг отвернулась и часто заморгала, а когда снова повернула ко мне голову, глаза ее были наполнены влагой. По тому, как упрямо сжимались ее губы, как быстро пульсировала вена у ее виска и как изо всех сил она стремилась сохранить самоуверенный вид, я понял, что лишь усилием воли ей удастся подавить в себе желание расплакаться. Как реагировать, я не знал. Хотелось утешить ее, но слов не находилось.

Все, что мне пришло в голову, это покрепче сжать ее руки. На этот раз наши пальцы сами собой переплелись. Глядя на них сосредоточенным и вместе с тем затуманенным взглядом, я услышал, как она перевела дыхание и уже спокойнее продолжила:

– Месяц спустя после вашего отъезда я была на юге. Ездила по работе в строящийся лагерь. Там уже были люди и я надеялась, что каким-то чудом встречу вас. Даже спрашивала каждого, не встречались ли ему Джон и Терри Уилсон, а также Роб и Айлин Холдер, – голос ее был пропитан самоиронией. – Я не знаю, зачем искала тебя, ведь ты не писал. Не ответил на сообщение, когда уезжал, не написал и позднее. Дальше, когда юг они тоже смели, я решила, что вы, скорее всего, там погибли. Так или иначе я была уверена, что больше мы не увидимся и представь мое удивление, когда я сегодня вошла в столовую и обнаружила Джона Уилсона,

пытающегося надрать зад здоровенному парню.

Пока она все это говорила, я как замороженный смотрел на нее и обзывал себя последним болваном. Она искала меня. Искала меня! Меня!

До сегодняшнего дня я считал, что для нее ничего не значило наше короткое знакомство и та единственная ночь. Считал, что это меня накрыло с головой после первой же с ней встречи, а для нее все прошло лишь как забавное приключение. Я оказался настолько трусливым придурком, что просто не осмелился принять ее искренность. И я ведь еще тогда видел в ее глазах эту искренность и прямоту, но за чем-то убеждал себя, будто все выдумал.

– Марта, я идиот. Черт возьми, какой я идиот...

Наклонившись ниже, я поднес ее руки к своему лицу. Она долго ничего не говорила и не делала никаких движений, а у меня не хватало духу поднять голову и посмотреть ей в лицо. Я понимал, что должен ей что-то сказать, но все слова, приходящие в голову, выглядели убогими, глупыми, наивными. Я отметал их одно за другим, а секунды между тем растягивались в немую бесконечность.

Наконец она пошевелилась и с усмешкой произнесла:

– Похоже, мы оба идиоты, Джон.

Затем она перегнулась через стол и поцеловала меня. В этот момент, впервые за прошедшие полгода, я почувствовал, что дальше все будет хорошо. И даже если нам всю оставшуюся жизнь придется скрываться от зараженных тва-

рей, теперь это не представлялось таким уж страшным.

Глава 51

Жизнь в стенах лагеря вовсе не была безоблачной и легкой – жесткая дисциплина и распорядок, многочисленные, зачастую нелепые правила, ежедневная рутинная работа, скученность и отсутствие личного пространства делали ее порой несносной, но на все это я почти не обращал внимания. По большому счету, я был счастлив. Днем работал в одной из гаражных мастерских, вечера проводил в обществе других обитателей лагеря, а по ночам крепко прижимал к себе Марту.

Посреди творящегося вокруг нас безумства и хаоса, счастливы мы были до неприличия. Внутри лагеря нас окружали тысячи уставших, обозленных, измученных своим положением людей, снаружи бушевала страшная, опустошительная эпидемия, но оставаясь вдвоем, мы практически не замечали враждебности и уродства остального искалеченного мира. С начала эпидемии он изменился до неузнаваемости.

За зиму, проведенную в полной информационной изоляции, когда обрывочные сведения доходили к нам лишь посредством редких радиоэфиров, я оказался не в курсе множества значительных факторов и только попав сюда, увидел всю картину целиком. Она была захватывающе ужасна и в такой же степени сюрреалистична.

Так, я узнал, что на планете практически не осталось спокойных, нетронутых инфекцией уголков, земной шар во

многих местах представляет собой разрушенный, изуродованный очагами поражения полигон, а количество зараженных подобралось к отметке в миллиард особей. Подобно ядовитым, опутывающим организм метастазам, зараза пробиралась все дальше, оставляя после себя лишь безлюдные, омертвелые руины. Из шести существующих континентов полностью свободными от нее оставались пока только два самых удаленных, находящихся в южном полушарии участка суши и еще отдельно лежащие океанские острова.

На руку эпидемии сыграла суровая, небывало холодная зима. Перейдя скованный льдом пролив между Тихим и Северным Ледовитым океаном, зараженные сначала заволокли малолюдные территории севера, а затем, расколовшись на два фронта, двинулись к густонаселенной Восточной Азии и Западу. К концу весны они достигли берегов Средиземного и Красного морей.

Еще одним открытием для меня стало, что инфицированные вовсе не были мертвы. Все эти месяцы я считал, будто они убивают жертву и лишь после передают инфекцию, но, как выяснилось – сжимая тисками шею, те всего-навсего обездвиживают ее и лишают способности к сопротивлению. Но в любом случае от нормального человека в них оставалось слишком мало, чтобы воспринимать их как живых.

По всей вероятности, они являлись отдельным, совершенно новым видом органической жизни. Видом особо опасным, представляющим угрозу всему, чего достиг человек за

миллионы лет эволюции, а потому ни у кого не возникало сомнений в этичности их истребления. В праве на параллельное существование с остальными им было отказано априори.

Однако вакцины, противоядия или какого-либо действенного метода уничтожить их так и не было изобретено. За прошедшее время ни одно из многочисленных исследований над отловленными и запертыми в лабораториях по всему миру тварями не дало обнадеживающего результата. Все они разбивались об их удивительную живучесть.

Их не брали ни жара, ни холод, им не требовались ни вода, ни пища, а все известные человечеству препараты были бессильны против коварного, поселяющегося в их мозгу вируса. Управляя всеми действиями зараженного, который по сути являлся для него лишь носителем, вирус преследовал одну цель – найти следующего, еще не инфицированного хозяина, чтобы затем размножиться уже в его теле.

Боялись они только солнечного света. С попаданием в организм этого загадочного паразитирующего патогена, у зараженных развивалась светобоязнь, а глаза теряли устойчивость к ультрафиолетовому излучению. От него они получали радиационные повреждения роговицы, слепли и теряли способность ориентироваться в пространстве и нам всем крупно повезло, что их мозгам не хватало мощностей додуматься до ношения солнцезащитных очков.

Помимо того, у них наблюдалась неразвитая мелкая моторика, атрофия речевых связей, они были не приспособле-

ны к решению простых и очевидных для здорового человека задач, но в то же время достаточно изобретательны, чтобы объединяться в большие группы, а затем нападать целыми армиями.

Единственным несомненным плюсом, который ученым удалось с точностью установить – продолжительность жизни носящих вирус существ была ограничена временем. Делать окончательные выводы пока было рано, однако уже стало ясно, что они предрасположены к ускоренному клеточному старению. Их внутренние органы и кожа очень быстро подвергались гниению и распаду, чем они, собственно, и напоминали ходячих мертвецов.

С начала эпидемии прошло слишком мало времени, поэтому никто достоверно не знал, сколько может длиться этот процесс. Пока все основывалось на предположениях, но по мнению ученых, дойдя до определенной стадии разложения, тело их должно полностью истлеть, что и повлечет за собой окончательный летальный исход. Цифры разнились – по одним данным это могло занять от трех до пяти лет, по другим до пятнадцати.

К настоящему моменту самым эффективным способом остановить их по-прежнему оставалась пуля в лоб, либо огонь. Огню подвергалось все, что вызывало подозрение на возможную дислокацию тварей. В связи с этим целые города и страны превращались в выжженные, покрытые золой и пеплом зоны отчуждения.

Город, который за прошедшие месяцы стал для меня новым домом, во многих местах тоже был разрушен огнем. Затихший и опустевший, как громадное лавовое плато, покрытое уродливыми коррозионными язвами, он стоял на берегу океана, а в воздухе над ним кружились клубы черного дыма и пепла. Однако жизнь в двенадцати существующих на его останках убежищах кипела и пополнялась вновь прибывшими.

Каждый день вооруженные патрули выезжали за ворота нашего и других лагерей, чтобы отыскать оставшихся в живых, вот только чем больше проходило времени, тем меньше их находилось. Те, кто смог пережить эту кошмарную зиму, боялись покидать свои укрытия, а потому прятались, но большинство давно уже погибло. Будучи обессилены бессмысленным поиском еды, эти люди умирали чудовищной и мучительной смертью.

Иногда до моего слуха доносились обрывки разговоров, что вели между собой военные и их вполне хватало, чтобы составить представление о происходящем за высокими лагерными стенами. Впрочем, достаточно было и мимолетного взгляда на внешний облик тех редких спасенных, что еще привозили в марте и апреле. К маю и их не осталось.

Эти странные, практически бесплотные существа, все как один находились в плачевном состоянии и уже мало походили на людей. Зачастую среди них оказывались полностью утратившие связь с реальностью сумасшедшие, одержимые

психопаты, каннибалы и просто озверевшие от голода создания. Многие из них потом умирали.

Медики самоотверженно пытались спасти каждого из них, но если становилось очевидно, что человек не способен социализироваться, вернуться к полноценной общественной деятельности и адаптироваться к новым реалиям, его умерщвляли. На излишнюю жалость и гуманизм ресурсов ни у кого не осталось. Они сделались такой же роскошью, как и все остальное, что было присущее прошлой беззаботной жизни. Сейчас все, кто мог еще бороться за свое выживание, сосредоточили силы на том, чтобы продержаться как можно дольше, выстоять, восстановить утраченный мир, победить в ожесточенной, непримиримой борьбе с зараженными.

Ввиду этого всю весну шла непрерывная работа по обустройству оборонительных сооружений и мест, где можно было разместить уцелевших. Для таких целей использовались бывшие продовольственные заводы и фабрики, на которых люди могли жить и работать не отрываясь от производства. Но из-за того, что работать можно было только днем, из-за нехватки стройматериалов и по ряду других причин, дело продвигалось медленно.

Одной из таких причин был дефицит продовольствия. Товарообмен и связь между лагерями постепенно налаживались, но это все равно не помогало. Пайки становились все скуднее и день ото дня это делалось все заметнее. Угроза голода вновь вплотную подобралась к измученным людям.

Наступившая весна обнажила катастрофические масштабы разрушений, произведенных за последние месяцы по всей стране. Все отрасли пищевой промышленности замерли в неподвижности, поля и фермы стояли заброшенными, а сделанные ранее запасы быстро истощались. Поставки из других стран тоже прекратились. Те, кого эпидемия еще не коснулась, берегли резервы для своих граждан и придерживали имеющееся в наличии продовольствие до наступления тяжелых времен.

И все-таки люди не теряли надежды, что в один прекрасный день им удастся полностью истребить заразу, а затем привычная жизнь в мире восстановится. Каждый мечтал об этом моменте, строил планы и думал о том, что сделает в первую очередь. Такие разговоры неслись отовсюду, передавались из уст в уста, шептались в ночи, возносились в молитвах, объединяли умы...

Они немного подбадривали людей, но я не разделял всеобщего утопического настроения по поводу грядущего беззаботного будущего. Я считал, что не стоит питать напрасных иллюзий, а потом, сознавал, насколько сильно мы откатились назад всего за каких-то несколько месяцев. Возвести все заново невозможно будет и за десятилетие – слишком много погибло, слишком многое было разрушено.

Человек чересчур долго считал себя владыкой природы и теперь, словно в отместку за это, она ополчилась на нас. Все, чего мы достигли, на поверку оказалось настолько хлип-

ким и недолговечным, что хватило лишь микроскопического микроба, чтобы указать на всю эфемерность этих заблуждений. Наши войны за власть, территории и энергоресурсы были детской забавой по сравнению с мощью первостихии и та ясно указывала всем нам, что именно она является самым изощренным и кровожадным убийцей.

Однажды Марта меня спросила:

– Ты думал о том, какой будет наша жизнь, когда все закончится?

– Я бы хотел отдельную комнату с огромной кроватью и толстыми стенами, – наклонив голову к ее уху, прошептал я. – Ты же знаешь, как я хочу избавить тебя от этих невыносимых тряпок.

Уткнувшись лицом мне в подмышку, она сдавленно расмеялась. В тот вечер она лежала рядом, положив голову мне на грудь и бездумно водила указательным пальцем по надписи на моей футболке. Время было поздним, многие уже спали, поэтому переговариваться нам приходилось шепотом.

Огромной нашей проблемой было отсутствие права на уединение. Часто мне до одури хотелось забраться с ней в отдельную комнату, стянуть с нее наконец всю одежду и быть при этом уверенным, что нам никто не помешает, однако, живя в скученных условиях по соседству со множеством других людей, о таком приходилось только мечтать. Чтобы остаться вдвоем, мы использовали все укромные закоулки, какие только смогли отыскать и там, принимая неудобные,

самые немислимые позы, сдерживая эмоции, а также будучи лишены возможности полностью раздеться, предавались то-ропливой страсти.

Подобные моменты случались нечасто, но это было все, на что мы могли здесь рассчитывать. Спали мы на ее узкой одноместной койке, что временами доставляло массу неудобств, но ни я сам, ни она не жаловались.

Жила она в одном из отсеков на шестом этаже и по вечерам я поднимался к ней, а потом там же и засыпал. Лишь в периоды разногласий, которые периодически между нами случались, мы оставались каждый на своем месте.

– Это само собой! О такой комнате я тоже мечтаю, – сказала она. Сжав руку в кулак, Марта подперла им подбородок и вопросительно всмотрелась в мое лицо. – Ну, а если серьезно? О чем ты мечтаешь, Джон Уилсон?

– О, нет! – в притворном негодовании простонал я. – И ты туда же! Сейчас от каждого только и слышишь разговоры на тему, что будет когда... А когда это *когда* наступит? Ты знаешь?

– Нет, но оно точно наступит.

– Вот как наступит, тогда и поговорим.

– А что плохого в том, что люди строят планы и мечтают о будущем? – возмутилась она. – Человеку вообще свойственно задумываться о завтрашнем дне. К тому же это помогает справляться с тем кошмаром, что нас окружает.

– Ну и как это помогает? – усмехнулся я. – Пустые фан-

тазии, которым, возможно, не суждено сбыться. Марта, я не хочу витать в облаках. Сейчас у нас есть только этот лагерь и эта гребаная узкая кровать с сотней храпящих глоток по соседству и мы оба прекрасно знаем, что не можем рассчитывать на что-либо другое. Да, мне это тоже не нравится, но если я начну рефлексировать и предаваться иллюзиям о каком-то эфемерном счастливом будущем, то что останется сейчас? Сойти с ума от невозможности это получить?

– Какой же ты зануда, черт возьми! – пихнув меня в бок, тихо воскликнула она. – Неужели сложно хотя бы на время перестать быть таким скептиком? Я лишь спросила, чего бы ты хотел, если бы завтра все закончилось и мы были вольны распоряжаться своими жизнями по собственному усмотрению!

– Не заводись. – Я улыбнулся и, опустив руку на ее голову, погрузил пальцы в копну густых коротких волос. – По мне лучше быть скептиком и реально смотреть на вещи, чем тупоголовым наивным фантазером.

– Ясно. Ты просто не знаешь, чего хочешь, вот и все.

– Ну чего ты от меня ждешь? Мы живем в такое время, когда нельзя придумывать себе идеальный мир. В любой момент все может круто измениться и тогда будет очень больно падать с высоты своих грез.

– Ну и пусть!

– Хорошо, – со скорбным вздохом сдался я. – Допустим, завтра все резко прекратится и мы будем уверены, что во-

круг безопасно. Будем знать, что можем выйти за ворота и отправиться куда глаза глядят. Если говорить об идеальном мире, я хочу дом в каком-нибудь уединенном месте. Да, небольшой дом на берегу озера или реки. Хочу тебя и Терри рядом. Хочу завести собаку. Хочу заниматься охотой и ловить рыбу. Хочу делать что-то своими руками. Я мечтаю о простых вещах, Марта.

Наблюдая за тем, как от моих слов ее брови хмуро сходятся на переносице, я улыбнулся и, притянув за подбородок, поцеловал в губы.

– Тебе такое не по душе, я знаю. Ведь ты захочешь строить новый мир, быть в гуще событий, исполнять какую-то важную миссию... Черт... Мы мечтаем о разном и иногда я удивляюсь, как вообще нам удалось найти общий язык. Признайся, дело ведь только в сексе, так?

Последнюю фразу я произнес шутливым тоном и лишь для того, чтобы ее поддеть, но на самом деле испытывал горечь от осознания, насколько она приближена к истине. Состроив комичную гримасу, Марта перевернулась на спину и вытянулась на кровати. О чем-то думая, она долго молчала, а я не стремился прерывать возникшую паузу. Я тоже думал.

– Откуда ты знаешь, чего я захочу? – минут пять спустя спросила она. – А вдруг меня устроит тихая размеренная жизнь с тобой, Терри и собакой. Только я люблю кошек. Обещай, что мы непременно заведем кошку!

Повернув к ней голову, я снова усмехнулся.

– Если найдем хоть одну живую. Их же наверняка всех давно сожрали.

– Скорее всего, – согласилась она. – Кстати, знаешь о чем мы недавно говорили с Терри?

– Понятия не имею, но надеюсь, не обо мне.

Хитро прищурившись, Марта презрительно фыркнула:

– Делать нам больше нечего! Нет, мы говорили о ней. Она сказала, что когда вырастет, хочет стать либо журналисткой, либо врачом.

– Ни при каких обстоятельствах! Этого не будет. Врачом еще куда ни шло, но журналисткой!.. Мне и тебя достаточно в этой безумной профессии.

– И как же ты сможешь ей помешать? – издевательски ухмыляясь, поинтересовалась она.

– Я найду способ, – с уверенностью ответил я.

Терри довольно быстро освоилась в лагере. Она обрела новых друзей и все свободное время проводила в их компании. С того момента, как мы покинули дом, она здорово подросла и, как и все мы, изменилась. Это был очень подвижный, не по годам умный, временами иронично-язвительный ребенок. В середине апреля ей исполнилось одиннадцать.

С Мартой она быстро нашла общий язык и в целом их общение не вызывало у меня беспокойства. Иногда они о чем-то секретничали, но я не сильно вникал в суть этих бесед. Еще она по-прежнему оставалась близка с Лорой. За прошедшие месяцы та стала ей кем-то вроде старшей подруги и,

как и раньше, они большую часть времени держались вместе.

Лора тоже нашла себе занятие, которое полностью соответствовало ее характеру. Днями напролет она возилась с детьми, посвящая их развитию и обучению всю себя. Через месяц ее перевели в старшую группу, где находились дети младшего и среднего школьного возраста и вместе с ними она затевала различные подвижные игры, разгадывала головоломки, много читала или просто обсуждала всевозможные интересные темы.

Дети ее любили и всецело тянулись к ее заботливой, чуткой натуре. Она отвечала им тем же и, пожалуй, выглядела полностью удовлетворенной и своей новой миссией, и сложившимся укладом жизни, но несмотря на это, я видел, что на самом деле она не очень-то счастлива. По-настоящему счастлив здесь не был никто, но она испытывала какую-то внутреннюю печаль и это невольно бросалось в глаза.

Лора казалась очень одинокой и всякий раз, как я наткнулся на взгляд ее задумчивых светло-карих глаз, мне хотелось что-то для нее сделать, но что именно я не знал. Отчего-то я испытывал перед ней чувство, похожее на комплекс вины и оттого непроизвольно старался меньше улыбаться в ее присутствии. Может быть, Марта тоже это чувствовала, потому что, не сговариваясь со мной, проявляла при ней меньше эмоций.

– А Лора? – вдруг спросила она.

– Что Лора?

– Ну, где будет она?

– Откуда я знаю? – Ее внезапный вопрос меня несколько огородил. – Послушай, Лора взрослый человек и должна будет сама решить, чем ей заниматься, а также где и как ей жить.

Мы снова надолго умолкли, но когда я уже почти уснул, Марта перевернулась на бок и, обняв меня, заявила:

– Она будет жить с нами. Одной ей не справиться.

– Как скажешь, – сонно ответил я, после чего уже окончательно провалился в сон.

Этот бестолковый разговор произошел между нами в середине мая. До той ночи о нас в будущем времени мы не говорили ни разу.

Глава 52

Непрерывная работа по уничтожению зараженных и поиску выживших велась не только днем. Ночами из каждого лагеря на вертолетах и бронетранспортерах в город отправлялись вооруженные отряды, которые отстреливали бродящих в темноте инфицированных, выжигали дома, улицы и целые кварталы. Количество их неуклонно сокращалось, но спустя и три месяца с начала этой спасательно-карательной операции оставалось еще достаточно велико.

Работы было так много, что военные подчас не справлялись. На борьбу с ними не хватало рук и еще в апреле зазвучали первые призывы для гражданского населения пройти короткий обучающий курс, взять в руки оружие и присоеди-

ниться к ним. В начале мая такое предложение поступило и мне. Тогда я отказался, но уже в первых числах июня все же записался в их ряды.

Произошло это после очередной ссоры с Мартой. Собственно говоря, наши с ней отношения нельзя было назвать ровными. Больше они напоминали изломанную зигзагообразную линию или цветной калейдоскоп с круговертью хаотично сменяющих друг друга картинок. Мы могли отлично проводить время вместе, спать в одной кровати, мыться в одной душе и говорить на сотню разных тем, но потом наступал момент, когда кто-то из нас произносил слово или фразу, которые служили триггером для конфликта, перерастающего в бурную ссору.

Случалось это нечасто, но временами такие ссоры превращались в затяжное молчаливое противостояние. Тогда я уходил к себе и несколько ночей проводил в одиночестве, отчаянно при этом тоскуя, грызя себя за вспыльчивость и проклиная ее упрямство. Упряма она была до крайности и этой чертой характера намного превосходила меня.

Приходил я всегда первый – не мог долго обходиться без ее тела, голоса, улыбки. И без разговоров с ней. Порой серьезных, порой ироничных, а подчас дурашливых и беспечных. Я до безумия, до полнейшего иступления ее любил. И ревновал.

Именно сидящая во мне ревность, острым зазубренным шипом впивающаяся куда-то в подреберье, чаще всего при-

водила к нашим столкновениям. Вызвана она была разными причинами. Одной из них являлась моя подтвердившаяся догадка о близких отношениях с тем военным, что вытащил ее из массовой бойни, учиненной зараженными в начале декабря. Она никогда о нем не рассказывала, да и я напрямую не спрашивал, но со временем это стало очевидным.

Близость их не продлилась долго – парень уже через месяц погиб, но мысль о том, как бы все сложилось, будь он жив, не давала мне покоя. Меня мучила сотня неразрешенных, до нелепого глупых вопросов и хотя я прекрасно осознавал всю их абсурдность, избавиться от них не выходило. Зачем-то я спрашивал себя о том, что их связывало и что она к нему чувствовала. Любила его или просто проводила с ним время? А может, до сих пор вспоминает и любит? А также – выбрала бы она меня или осталась с ним?

Помимо воли все эти вопросы всплывали в моей голове, иной раз приводя в бешенство, в другой вызывая глухое раздражение и досаду, но всегда причиняя острую, затаенную боль. Я терзал ими себя, а заодно и ее. Будучи слишком уперт, чтобы спросить обо всем напрямую, я держал их в себе, но периодически происходящее со мной безумие прорывалось наружу в виде резких слов и язвительных насмешек.

Вторая причина была куда сложнее. Марта прибыла в этот лагерь не как обычная голодающая, лишенная кровя беженка. Ее не подобрали на улице, она не стояла под воротами, умоляя впустить ее внутрь, не прорывалась сюда силой – на-

против, вместе с группой военных она приехала с севера и с самого начала занимала положение несколько иное, чем другие живущие здесь люди. Ей покровительствовали, ее знали, с ней были на короткой ноге и это тоже злило.

Поначалу она выполняла для военных какую-то административно-бумажную работу, но уже к концу марта сумела втереться в доверие к местной элите и убедить ее в том, что все происходящее и в городе, и в стенах лагеря необходимо фиксировать для истории. Какие методы она при этом использовала, я точно не знал, но прекрасно был знаком с ее уловками, которые мне посчастливилось наблюдать еще в тот далекий день, когда мы ездили к лаборатории. И в этом ей стоило отдать должное – втереться в доверие, располагать к себе, очаровывать, находить общий язык практически с любым человеком было ее прирожденной способностью.

По сути, теперь она занималась тем же, к чему привыкла в прошлой жизни. Ведя корреспондентскую деятельность, почти ежедневно она вместе с отрядом солдат выезжала за пределы безопасного периметра и снимала на камеру разрушенный город, а также все, что в нем происходит. Ее нежелание успокоиться и перестать рисковать тоже выводило меня из себя. Возможно, кто-то действительно должен был это делать, но меня приводило в ярость, что она сама туда рвется.

Всякий раз, как я пытался ее вразумить или отговорить от подобных опасных экспедиций, она взрывалась. По ее мнению, своими словами я посягал на ее право заниматься лю-

бимым делом и единственным, что она по-настоящему умеет. В такие моменты очень эмоционально она говорила:

– И что ты мне предлагаешь? По-твоему, я должна отправиться на кухню драить кастрюли? Или в прачечную, чтобы стирать белье? Я больше ничего не умею! Будь я, как ты, автомехаником, с удовольствием пошла бы крутить болты и гайки в машинах, но я, черт возьми, журналист! И я не могу сидеть в стороне, зная, что происходят такие события. Это нужно делать, как ты не поймешь? Ведь это история, которую будут смотреть потомки!

Такого рода разговор и привел нас однажды к безобразной, отвратительно мелочной ссоре. Не выдержав ее дежурных объяснений, представлявшихся мне лишь отговорками, я с сарказмом спросил:

– Дело в истории для потомков или в том, что тебе нравится мотаться по развалинам в компании крепких ребят в камуфляже?

– Что? – с пораженным видом прошипела она. – То есть, ты считаешь, меня забавляет все, что там происходит? Считаешь, мне нравится видеть, во что превратилось все вокруг? Если бы ты хоть раз за эти три месяца выехал за ворота, то понял, насколько глупую чушь сейчас несешь!

– Выходит, я трус, который сидит за высокими стенами лагеря, в то время как твои замечательные и охренительно отважные приятели разгребают то, что сами же и устроили?

– Ты что, ревнуешь?

Задавая этот вопрос, она прищурила глаза и одновременно ошарашенно открыла рот.

– Нет! Мне плевать!

– Нет, ты ревнуешь! В этом все дело! Поэтому ты себя так ведешь? Поэтому постоянно цепляешься ко мне?

– Я не цепляюсь к тебе, – холодно произнес я. – Но я хочу знать, если ты решишь с кем-то из них провести время.

– Я сообщу тебе, если до этого дойдет! – яростно сверкая глазами, закричала она.

Мы вдвоем стояли на самом краю врезающегося в залив пирса. Огромное оранжевое солнце медленно закатывалось за горизонт, вычерчивая в вечернем небе яркие разноцветные всполохи. Людей поблизости не было и шум производил только теплый, пахнувший солью ветер, ленивые всплески бьющихся о бетонные сваи волн, пронзительно-жалобные крики чаек, да звуки наших собственных голосов.

В тот вечер она приехала из своей очередной экспедиции и делилась со мной подробностями прошедшего дня, оживленно болтая о проведенных в городе часах. Вспылил я после упоминания какого-то сержанта, который шутил и выпендривался перед остальными, пока его не осадил другой такой же военный. Ее рассказ я слушал вполуха и не подавал виду, насколько он меня злит, но в конце концов все же не выдержал.

– Если до этого дойдет, – презрительно скривив рот, повторил за ней я. – Скажи откровенно, тот парень, что выта-

щил тебя... Ты ведь была с ним? Не обязательно отвечать, я знаю, что была. И как? Если бы он сейчас был жив, ты бы все еще оставалась с ним или бросила его ради меня?

Побледнев то ли от злости, то ли от чего-то еще, она с ненавистью глядела мне в глаза и молчала.

– Ясно. Больше нет вопросов, Марта.

– Я была благодарна ему! Понятно тебе? Он вытащил меня, спас мне жизнь...

Я уже собирался уйти, но услышав ее слова, круто развернулся.

– Ты спишь со всеми, к кому испытываешь благодарность? Или, может, со всеми, от кого тебе что-то нужно?

Отвращение, прозвучавшее в моем голосе, было настолько сильно, что обожгло не только ее, но и меня самого. Где-то в глубине сознания звучали отчетливые сигналы, что я играю с огнем и вряд ли она простит мне и это отвращение, и сами вопросы, но остановиться я уже не мог. Ярость хлопотала в каждой клетке мозга. Она же до боли сжимала мои челюсти и кулаки, порождала желание врезать каждому камуфлированному подонку, что встретится мне на пути, но вызвана была ни чем иным, как обидой.

Я задал ей вопрос, который не стоило задавать и, как и следовало ожидать, получил унижительный щелчок по носу.

– А как насчет тебя самого? – вдруг цинично процедила она. – Ты думаешь, я ничего не знаю о твоей медсестричке по имени... как там ее? Мэри? Думаешь, не заметила, каким

взглядом вы обменялись тогда? Ты ведь трахнул ее, так? Не отрицай, это ясно как день. А как насчет твоей жены, Джон? Что, если бы она была жива? Нет!.. Черт!.. Это слишком жестоко, не отвечай!

Она отвернулась и застыла, устремив взгляд в глубину пляшущего под действием волн залива. Вся ее надменная поза говорила о едва сдерживаемом гневе и в то же время я видел, как от тщетно скрываемой обиды у нее дрожит подбородок. По своей манере она упрямо выставляла его вперед, но ни эта высокомерная стойка, ни нарочитое равнодушие во взгляде не оставляли сомнений, что все сказанное нами сильно задело ее за живое.

Между тем ее вопрос об Анне поставил меня в тупик, а прямое высказывание о той медсестре вызвало недоумение. Я и не предполагал, что ее могут беспокоить такого рода мысли. Никогда прежде Марта не спрашивала меня ни о чем подобном и никак не выражала своих размышлений на этот счет.

Впрочем, все, что касалось нашего прошлого, испытываемых друг к другу чувств или совместных планов на будущее по какому-то негласному обоюдному соглашению нами замалчивалось. Мне казалось, она сознательно обходит эти обсуждения стороной, а потому я и сам не начинал их. В прошедшие три месяца подспудно я ждал от нее более глубоких проявлений чувств, но пока напрасно и, возможно, это ревностно хранимое молчание тоже сопутствовало то и дело

вспыхивающим между нами ссорам.

Что касалось сестры Мэри – мы встретили ее в один из теплых апрельских дней, когда вот так же стояли на пирсе. К моменту нашего прихода та уже находилась здесь и я не сразу ее узнал, а после ретироваться было поздно. Увидев меня, она улыбнулась своей веселой, чуть насмешливой улыбкой и заметила, что выгляжу я куда лучше с тех пор, как проходил у нее лечение. На прощание она добавила, что мне, похоже, совсем не скучно, раз я не заглядываю к ней.

Она бросила это невзначай и как бы между делом, а я ответил ей ровным тоном, хотя внутри себя заметно нервничал. Однако взглянув на Марту, которая во время этой короткой сцены даже бровью не повела, быстро успокоился. Она тогда лишь спросила, откуда я ее знаю и на этом вопрос был исчерпан.

– Я понятия не имел, что ты здесь, – поняв, что отрицать что-либо глупо, да и попросту не имеет смысла, сказал я. – Более того, я уже несколько месяцев считал, что ты погибла. И ты прекрасно знаешь, что для меня это ничего не значило.

– Не знаю! Так же, как не знаю, сколько раз ты с ней спал и что мешает тебе продолжать это делать! – она снова кричала.

– Ты вконец рехнулась? Я каждую чертову ночь с тобой!

– При желании время можно найти и днем!

– Ну, знаешь...

Я уже хотел сказать, насколько безумны выкрикиваемые ею подозрения, как вдруг она успокоилась и ровным голосом

произнесла:

– А Лора? Станешь рассказывать, что между вами ничего не было?

– Не было! И не могло быть! – теперь кричал уже я.

– Брось, Джон! Я же вижу, как она на тебя смотрит! С первого взгляда поняла, что она к тебе чувствует и ты это тоже видишь, иначе не был бы с ней так подчеркнуто вежлив.

– А ты предлагаешь ей грубить?

Я все больше не понимал, чего она добивается этими нелепыми обвинениями.

– Ты ведешь себя с ней так, что мне иногда ее жаль!

– Жаль? Тебе ее жаль? Так что ты мне предлагаешь? Может мне утешить ее, а? Может сходить ее пожалеть? Этого хочешь?

Она не ответила, только все так же стояла, высоко задрав голову и с вызовом смотрела мне в лицо. Вконец обозлившись, я развернулся, пнул мелкий, попавшийся под ноги камень и пошел прочь, а на следующее утро отправился в здание, где располагался призывной пункт. Тогда-то я и записался в ряды добровольцев.

В мае я отказался из-за Терри. Слишком хорошо я отдавал себе отчет, что соглашаясь на подобную работу, ставлю под угрозу не только свою жизнь, но и ее. Если за пределами лагеря со мной что-то случится, она останется совершенно одна. Рисковать так я не мог.

И еще я не мог вообразить, какотреагирую, если где-то

между развалин этого огромного, опаленного пожарами города напорюсь на Роба или Митчелла. Я не был уверен, что найду в себе силы выстрелить в них. За истекшие месяцы я смирился с потерей обоих, но иногда задумывался о том, где они и что с ними. Пытался представить, какими они стали, сохранились ли у них хоть какие-то воспоминания о прежней жизни, чувствуют ли они хоть что-то из того, что чувствует обычный человек.

Однако имелась у этой медали и другая сторона – мне было любопытно увидеть, что стало с местами, в которых я не появлялся с конца февраля, а также побывать в других укрепленных лагерях. Марта часто рассказывала истории о живущих там людях. Помимо съемок, она помогала многим из них в поисках пропавших родственников, которых те потеряли в панике, что творилась несколько месяцев назад. Теперь, когда все немного улеглось, люди стремились отыскать друг друга и иногда это даже удавалось.

Как бы то ни было, но в начале лета я вступил в добровольческую армию и уже к середине июня прошел двухнедельный курс по владению стрелковым оружием. Кроме стрельб по мишеням и отработки всевозможных экстремальных ситуаций, с какими новобранцы могли столкнуться за периметром, нам провели короткий инструктаж, где рассказали, что представляют из себя зараженные и чего от них ожидать. Все это я считал напрасной тратой времени, так как ничего нового из обучения не вынес, однако правила были

Одни для всех.

По окончании базового курса мне выдали стандартное армейское снаряжение, снабдили штурмовой винтовкой с оптическим прицелом и прикрепили к отряду из шести уже закаленных бойцов. Новобранцем у них был только я и еще один парень по фамилии Шелтон. Мы неплохо поладили еще на стрельбах, а потому, оказавшись в одном отряде, оба испытали бурную радость.

Следом настали тяжелые дни. Каждое утро с рассветом наш отряд, наряду с остальными, выезжал за ворота и отправлялся на поиски уцелевших. Редкими, разрозненными группами они вдруг начали подходить из разоренных эпидемией пригородов. Это были те люди, кто, спасаясь от нашествия зараженных, бежал из города в январе. Теперь же, полуживые, истерзанные многочисленными лишениями и голодом, они возвращались назад в надежде найти приют в своих домах, вот только дома их по большей части были сожжены.

Таких людей нам попадалось не много, а потому с ними мы почти не сталкивались, зато на зараженных напарывались с регулярностью восходящей на севере Полярной звезды. Между нами происходила непрекращающаяся кровопролитная война и бывали моменты, когда чаша весов склонялась на нашу сторону, но затем триумфы сменялись оглушительными поражениями. Так, в конце июня нам удалось обнаружить несколько их тайных убежищ и каждое из них

сравнять с землей, но с тех пор твари научились прятаться лучше. Их территорией стало метро.

Воодушевленные одержанной победой, мы уверовали, будто загнали их в угол и даже на время возомнили себя хозяевами положения, однако уже очень скоро, когда в попытке накрыть их в подземном логове погибло два боевых отряда, поняли всю преждевременность своих заливчатских восторгов. Ликование наше быстро поутихло, а победная эйфория сменилась горечью унижительного фиаско. Впредь соваться к ним никто не рисковал.

В дальнейшем зараженных выкуривали на поверхность напалмом или подкарауливали у станций метро после захода солнца, но и это зачастую приводило к плачевным последствиям. В прямых столкновениях с бесчисленными полчищами осатаневших, готовых на все тварей люди нередко гибли или будучи заражены, оказывались по ту линию фронта. Последнее деморализовало многих – одно дело палить по злобному безымянному существу и совсем другое стрелять в идущего на тебя бывшего товарища.

Одним словом, первый месяц армейской службы дался мне нелегко. К лету я почти полностью восстановил прежнюю физическую форму и чувствовал себя абсолютно здоровым, но помимо усталости телесной, испытывал еще и моральную. Насмотревшись на ужасы, происходящие за границами лагерных стен, часто у меня хватало сил лишь на то, чтобы быстро прикончить свой ужин, а затем пыльным меш-

ком свалиться в постель.

С Мартой после той ссоры мы не говорили больше недели. Изредка сталкиваясь в шумных, переполненных людьми коридорах, в здании военного корпуса или в столовой, мы оба делали вид, что не знакомы, но, как обычно, я не выдержал первым. Не знаю, почему я всегда пасовал перед ней.

Возможно, осознание, что жизни любого из нас ежеминутно подвергаются смертельной опасности побуждало меня раз за разом посылать к черту гордость и переступить через себя. А может, дело было в воспоминаниях о тех днях, когда я считал, что она погибла или в том, что я сильнее ее любил. В любом случае наше чудесное воскрешение друг для друга казалось мне чем-то невероятным и потерять ее снова я не мог.

В тот вечер мы оба сказали друг другу кое-что важное. Когда я пришел, Марта не стала изображать холодную неприступность. Вместо того она посмотрела мне прямо в глаза и с твердостью произнесла:

– Если бы Гарри был жив, когда ты так внезапно здесь объявился, я бы оказалась в затруднительном положении, Джон. Да, я была бы растеряна и это было бы непросто, но я бы не задумываясь ушла от него.

– Я бы тоже ушел от Анны, – опустив взгляд в пол, ответил я.

Ответ был честным, но дался он мне нелегко. Произнесенной фразой я окончательно предал даже самую память об

Анне, но она являлась правдой. Правдой, которую я с трудом мог принять сам и, прежде чем сказать ее вслух, долго о ней размышлял.

Итогом этих размышлений стал однозначный, бесспорный, но неутешительный для меня самого вывод – встретив Марту, я действительно поступил бы так. Я бы оставил Анну ради нее.

Глава 53

Я ехал в составе вооруженного отряда, разглядывая привычную картину пустого, развороченного трагическими событиями города. На улице стояла изнуряющая полуденная жара. Смешиваясь с запахом гари и морской соли, воздух дрожал в знойном мареве, слух улавливал далекий шум прибоя, воронье карканье и грохот ведущейся где-то стройки. Сегодня было двадцать шестое июля. С начала эпидемии прошел почти год.

Мы проезжали по залитому солнечными лучами центру города. Точнее, когда-то этот участок земли являлся центром – шумным, сверкающим, пульсирующим миллиардами звуков, сейчас же он был изрешечен разрывами гранат и крупнокалиберных пуль, выжжен огнеметами, завален обломками рухнувших зданий. Неоновые слоганы на рекламных щитах давно погасли, сквозь разбитый асфальт кое-где пробивалась чахлая трава, гигантские, некогда затянутые в стекло небоскребы зияли темными впадинами выбитых окон. Повсюду виднелись воронки и трещины. Это был

наш новый постапокалиптический мир.

Я смотрел на него, но почти не видел. За полтора прошедших месяца его однообразный гротескный пейзаж успел мне порядком надоесть, к тому же солнце, отражающееся от уцелевших оконных стекол, слепило глаза. Изнывая от жары, я рассеянно обмахивался потрепанной навигационной картой и думал о событиях сегодняшнего утра.

Уже несколько часов меня преследовало воспоминание о том, как на короткий, почти неуловимый миг я вдруг почувствовал себя безгранично счастливым. В тот момент мы с Мартой обнаженные лежали в маленькой душной комнате и оба тяжело дышали. В шесть утра уже было жарко, но это не остановило меня от ежеутреннего ритуала, когда проснувшись, я на несколько минут прижимал ее к себе, прежде чем окончательно вынырнуть из глубин ночного сна. Зачастую ритуал этот не ограничивался объятиями и сегодня был один из таких случаев.

Восстанавливая сбившееся дыхание, я лежал на кровати, как внезапно меня накрыло этим ощущением всеобъемлющего, беспредельного счастья. Я не сразу нашелся с определением своего состояния, но поразмыслив немного, пришел к выводу, что чувство бескрайнего наслаждения, удовлетворенности и любви к лучшей из существующих на земле женщин можно охарактеризовать только этим громким словом.

– Я сейчас унесусь прямиком в космос, – издав тихий смешок, прошептал я.

– Что, было прям настолько хорошо? – с иронией поинтересовалась Марта.

Перекатившись на живот, она оперлась на согнутые в локтях руки и насмешливо уставилась мне в лицо. Ее глаза лукаво блестели, а растрепанные волосы беспорядочно опускались на вспотевший лоб. Меня каждый раз сводил с ума такой ее вид, но сегодня она была какой-то особенной.

«Все в сегодняшнем утре было особенным», – просквозила в голове мысль.

– О, да! – тихо посмеялся я. – Серьезно, у меня полное ощущение, что я сейчас оторвусь от этой чертовой кровати и улечу в невесомость.

– Ну тогда не забудь и меня прихватить с собой. Я бы с радостью убралась подальше с этой планеты.

– А как же спасение остального человечества? – проведя пальцем по ее раскрасневшейся щеке, спросил я.

Вместо ответа она несколько секунд пристально вглядывалась мне в глаза, а затем, словно констатируя какую-то прописную, заурядную истину, произнесла:

– Я люблю тебя, Джон Уилсон.

– Ого! Сегодня определенно особенное утро! – Улыбаясь, я резко перевернул ее на спину и, склонившись над ее лицом, сказал то, что давно знал внутри себя, но еще никогда не произносил вслух: – И я люблю тебя. Я всегда буду тебя любить.

Воспоминания оборвались, когда мы подъехали для про-

верки к запланированному на сегодня городскому району. Казалось, что уже найдены все уцелевшие люди и лишь изредка какой-нибудь отряд обнаруживал одинокого, голодного ребенка, немощного старика или целую семью, трясущуюся от страха в забаррикадированной в квартире. Они приходили сюда из разных уголков страны и в большинстве случаев шли напрямик к одному из убежищ, однако встречались и те, кто боязливо забивался в углы и трещины еще сохранившихся зданий.

В наши задачи входил поиск этих людей. Он был практически лишен смысла, но помимо поисковой миссии, мы отстреливали затаившихся в сумраке брошенных жилищ тварей, а также брали все, что могло согдиться для нужд обитателей лагеря. Мы брали рабочие инструменты, стрелковое оружие, детали для починки самой разнообразной техники, медикаменты, топливо, а если повезет, то и остатки провизии.

Одним словом, мы мародерствовали. Это было узаконено предписанием сверху, но все же мы входили в чужие дома и квартиры, чтобы вынести оттуда все, что представляет ценность. Хотя все ценные в прошлом вещи давно утратили свою значимость. Еда и оружие – единственное, что имело теперь вес. Они стали нашей новой валютой и лишь обладая ими, человек мог испытывать уверенность, что проживет еще день.

Остановившись у первого из очереди стоящих на пустынь-

ной улице домов, один за другим мы выпрыгнули из машины. В отряде нас было восемь человек. Проверив готовность оружия к бою, командующий разделил отряд надвое, раздал и так всем известные инструкции и указал на два больших двухэтажных дома. Получив задание, все рассредоточились и направились к вышеуказанным целям.

Докуривая сигарету, я шел следом за остальными. Мысли о раннем утре не покидали голову. Почему-то сейчас при воспоминаниях о нем на меня накатывала необъяснимая грусть, как будто я испытывал приступ ностальгии по чему-то навсегда утраченному, хотя поводов для подобного чувства не наблюдалось. Пытаясь его отогнать, я переключил внимание на дом.

Он скрывался в зарослях сорной травы, молодых кедровых деревьев, высоких каштанов и пихт. Судя по всему, раньше вокруг дома был разбит живописный сад, однако теперь тот пришел в упадок и запустение. В прошлом это был тихий респектабельный район и жившие здесь люди принадлежали к состоятельному классу общества, а потому и сам дом, и территория возле него, несмотря на колоссальные разрушения, до сих пор выглядели впечатляюще.

Сложив большой и указательный пальцы, я щелчком отправил окурок на обочину дороги и проследил взглядом за его бесшумным полетом. Вспыхнув множеством искр, он описал крутую дугу, после чего приземлился на раскаленный асфальт, а я вдруг вспомнил, как перед самым моим

отъездом в нашу с Мартой комнату вошла Терри.

С поступлением в гражданские вспомогательные войска я получил кое-какие привилегии. К концу весны были отстроены еще четыре оборонительных лагеря и большинство из тех, кто не состоял на воинской службе, перебрались в другие убежища, вследствие чего в нашем стало значительно просторнее. На сегодняшний день в жилом корпусе размещалось около четырех с половиной тысяч человек против десяти ютящихся там парой месяцев ранее. Всего же в лагере теперь обитало порядка восьми тысяч жильцов.

Десять дней назад меня переселили на третий этаж, где нам с Мартой удалось занять пусть и крохотную, зато отдельную комнату. Она отгораживалась от остальных тонкими фанерными перегородками и такой же дверью, не имела окон, а в ее сжатом пространстве умещалась лишь узкая панцирная кровать и маленький металлический шкаф. Комнатушка эта была до того тесна, что напоминала коробку из-под телевизора, а на единственном свободном пятачке мог стоять только один из нас, но после пребывания на глазах у сотен посторонних людей, нам обоим она казалась невероятно роскошной.

Терри жила поблизости, но, как и большинство детей ее возраста, основную часть времени проводила на седьмом этаже. Там у них образовалось что-то вроде собственного замкнутого сообщества, где они учились, посещали различные секции, играли в свои, только им известные игры, а зачастую

и ночевали. За проведенные в лагере месяцы она здорово подросла и не нуждалась больше в моем постоянном при-смотре или опеке. К тому же каждый взрослый в лагере был занят каким-либо важным делом и теперь подле родителей оставались лишь совсем маленькие дети.

Когда она появилась на пороге, я был один. Марта к той минуте уже ушла, а я как раз закончил одеваться и сидел на кровати, зашнуровывая ботинки. Бросив сдержанное приветствие, Терри плюхнулась рядом со мной на матрас.

– Привет, детка. Как дела? – мельком взглянув на нее, поинтересовался я.

– Нормально. – Устроившись поудобнее, она подложила под спину подушку и с минуту молча наблюдала за моими действиями, а потом вдруг с тоской в голосе сообщила: – Мне сегодня мама приснилась. Я уже так давно не видела ее во снах, что почти забыла ее лицо, а сегодня вдруг так ясно его увидела, будто она и впрямь была рядом.

– Вот как? И что же это был за сон? Вы говорили о чем-нибудь?

Оставив свое занятие, я внимательно посмотрел на дочь и только тогда заметил, что помимо сквозящей в ее голосе тоски, на лице у нее также отражается грусть.

– Мне приснилось, что мы приехали домой и там все было как прежде. Мама стояла возле дверей и как будто ждала нас, а когда увидела, так радостно улыбнулась. Она спросила, где мы пропадали столько времени и сказала, что уже уста-

ла нас ждать. Я подбежала к ней, обняла, а она засмеялась и говорит: «Посмотрите, как здесь хорошо! Кажется, теперь тут стало еще лучше, чем было». Странный сон, правда?

– Не вижу ничего странного. Ты скучаешь и по ней, и по дому, а потому вполне нормально, что они тебе снятся. Разве нет? – Я дотронулся пальцем до кончика ее вздернутого носа и слегка надавил. – Думаю, ты можешь воспринимать этот сон как приветствие от нее.

Отмахнувшись, она улыбнулась слабой, выражающей сомнение улыбкой.

– Мне казалось ты не веришь в подобные выдумки. В жизнь после смерти, в рай и ад, и в то, что душа умершего общается с живыми... Я бы хотела, чтобы так и было, но знаю, что это неправда. Люди придумали эту историю, чтобы легче переносить боль, а на самом деле человек либо просто умирает, либо превращается в Спинни.

– Хм, так и есть, но в любом случае, почему бы время от времени не поверить в выдумку? – подмигнул я с улыбкой. – Давай будем считать, будто мама хотела напомнить, что тоже любит тебя и тоже скучает. А вообще, память странная штука. Иногда она стирает важные для нас вещи или лица людей и кажется, что мы уже не помним их в деталях, как вдруг она посылает их во снах или другим каким-то способом...

– Нам удастся когда-нибудь вернуться домой, пап? – перебивая мои пространные разглагольствования, серьезно спросила Терри. – Я бы очень хотела увидеть, что теперь на месте

нашего дома и еще хотела бы сходить к маме.

– Непременно, детка. Однажды все это закончится и мы обязательно вернемся домой. Обещаю. – Снова ободряюще ей подмигнув, я быстро покончил со шнуровкой ботинок, затем поднялся и извиняющимся тоном проговорил: – Прости, но я должен идти. Не грусти, хорошо?

– Ладно... – Она выдавила ответную улыбку и о чем-то задумалась, но когда я уже почти вышел в дверь, неожиданно произнесла: – Люблю тебя, пап.

Удивленно обернувшись, я состроил гримасу, которой постарался передать всю полноту охватившего меня изумления, но тут же серьезно сказал:

– Я тоже тебя люблю, детка.

Почему-то сейчас воспоминание об этом, наряду с разговором, что ранее произошел между мной и Мартой, вызвало ту же необъяснимую грусть.

– Эй, Уилсон! Ты идешь? – окликнул меня Шелтон. – Чего замечтался? Весь день в облаках витаешь!

– Иду, – отозвался я.

Когда я поравнялся с ним, он с любопытством заглянул под козырек моей низко надвинутой на глаза форменной кепки и спросил:

– Все в порядке?

– Да, порядок.

Встряхнувшись, я выбросил все лишнее из головы, догнал остальных и вслед за ними вошел в дом. Внутри он выглядел

абсолютно безжизненным, точно застывший в вечной окаменелости древний реликт. На всем здесь лежал толстый слой серой пыли, мебель, когда-то красивая и изысканная, валялась вверх дном или была разломана, на стенах с дорогой обшивкой виднелись следы беспорядочной пальбы. Под потолком, скрипя и покачиваясь от слабого сквозняка, на единственном проводе болталась массивная зеркальная люстра.

Таких домов я повидал уже сотни. Царящим внутри беспорядком каждый из них неуловимо походил на другой, различались лишь незначительные детали, такие как планировка, количество комнат, а также сумма вложенных бывшими владельцами денег.

– Живых вроде нет, – тихо сказал Эрик Мартинес.

В нашей группе он являлся старшим. Оглядываясь вокруг, Мартинес держал наготове свою автоматическую винтовку, а его настороженно-пристальный взгляд обшаривал все доступные для беглого обзора углы. Когда с первичным осмотром было покончено, он отдал приказ:

– Осматриваемся и приступаем к работе. Уилсон, Шелтон, вы наверх.

– Есть, сержант, – в один голос откликнулись мы и с осторожностью направились к уходящей на второй этаж каменной лестнице.

Наверху разрушений оказалось поменьше, хотя всюду так же валялось мелкое барахло, разбитая мебель, вынутая из шкафов дорогая одежда. На пару с Шелтоном мы медлен-

но обходили комнату за комнатой, заглядывали в укромные уголки, обследовали темные ниши, но везде видимые признаки жизни отсутствовали. Дом был пуст.

Перетряхивая содержимое массивного канцелярского шкафа, Шелтон задержался в одной из спален, а я пошел дальше по коридору. Добравшись до комнаты с веселыми голубыми обоями, на которых изображался повторяющийся рисунок героя некогда популярного у детей мультфильма, я замер. Это была детская и каким-то чудом все в ней осталось нетронутым.

Зрительно комната выглядела так, словно хозяева отлучились всего на пару часов. Так и мерещилось, будто сейчас они подъедут к дому, затем переступят порог и придут в искреннее недоумение, застав здесь шайку вооруженных, роющихся в их вещах людей. Отбросив это иллюзорное впечатление, я шагнул внутрь.

Зной с улицы в комнату не добирался. В ней держалась приятно освежающая прохлада, на двух небольших окнах с невредимыми стеклами висели полузакрытые жалюзи, с потолка в форме космического корабля спускалась огромная, величиной с метр люстра. На полу в изобилии валялись игрушки. Их оказалось так много, что в первые секунды глаза у меня разбежались в разные стороны.

В моем убогом детстве подобное обилие ярких конструкторов, роботов, машин и других побрякушек отсутствовало, а у жившего здесь ребенка с ними явно был перебор. Под-

няв голову, прямо перед собой я увидел висящий на стене портрет. На нем в полный рост был запечатлен светловолосый мальчуган примерно пяти-шести лет.

У него было смешное, по-детски щекастое лицо, тронутые весельем щелочки глаз и крошечный приподнятый нос. В руках он держал плюшевого медведя. Мог ли этот некогда беззаботно резвящийся в своей комнате ребенок предположить, что однажды его дом будет разрушен, а незнакомый мужчина станет с завистливой грустью глазеть на его фотографии, игрушки и рисунки на стенах? Усмехнувшись этой мысли, я переместил взгляд на стоящую в правом углу высокую этажерку. Мое внимание тотчас привлек деревянный макет парусного корабля.

Выполнен он был до того искусно и точно, что от восторга у меня отвисла челюсть. Не в силах противиться желанию рассмотреть его ближе, я шагнул вперед, бросил винтовку на стоящее рядом кресло и сгреб парусник в руки. Разглядывая мельчайшие подробности сборки, на неопределенное время я словно бы перенесся куда-то далеко отсюда и очнулся, лишь когда услышал позади себя шаги.

– Шелтон, ты только взгляни на эту штуковину! Черт! Никогда не видел ничего подобного! Знаешь, возьму-ка я его с собой. Думаю, Терри понрав...

Меня прервал звук внезапно раздавшегося выстрела. За ним последовал еще один. Оба они прозвучали на первом этаже.

Обернуться я не успел. Уже сознавая, что за спиной у меня вовсе не Шелтон, я сделал резкое движение к так легкомысленно оставленной в кресле винтовке и в ту же секунду на моей шее сомкнулись чьи-то заскорузлые пальцы. Горло стянуло, точно колючей проволокой, по позвоночнику забегали сразу сотни мелких мурашек, а кисти рук похолодели, будто погруженные в бочку с колотым льдом. Парусник с грохотом упал на пол.

Хрипя и задыхаясь, я что есть сил вырывался из цепких объятий, но в руках, сжимающих мою шею, была сосредоточена такая нечеловеческая мощь, что все попытки освободиться приводили только к бесполезному трепыханию. Я дергался всем телом, хватался за эти руки, силился спиной оттолкнуть от себя гнусную тварь, пнуть ее, сделать хоть что-нибудь, но все зря... Воздух больше не поступал в легкие.

Сквозь нескончаемый шум в ушах откуда-то снизу доносились звуки выстрелов. Я пробовал издать крик, чтобы привлечь к себе внимание, однако из моего рта раздавались лишь сиплые хрипы. Отчаянно борясь за жизнь, я извивался ужом, скрипел зубами, как выброшенная из воды рыба открывал и закрывал рот, пока не понял, что мне не справиться.

Оказываемое мной сопротивление слабело с неумолимой, пугающей скоростью, все вокруг плыло и кружилось. Руки уже почти не слушались. От нехватки кислорода я все еще хрипел, но отбиваться сил не осталось. Последним неимо-

верным усилием я потянулся к винтовке, но прилепившаяся к моей спине тварь не дала ступить и шагу.

Секунды растянулись в какую-то нескончаемую астральную плоскость и казалось, это не закончится никогда. На помощь никто не шел и, похоже, уже не придет. Все глубже меня засасывало в холодную яму забвения и тут, в одно мгновение, до меня дошло, что это конец.

По дурости я позволил мимолетному интересу отвлечь себя, потерял бдительность и как глупое, угодившее в капкан животное, попался в хищные лапы смерти. Мозг взорвался от множества бессвязных мыслей. Как вспышки прощального салюта, они распарывали мое сознание на миллиарды раздробленных осколков.

«Нет! Нет, я не могу! Я не должен умирать так! Терри! Марта! Я должен жить! Нельзя оставлять их... нельзя умирать... помогите... кто-нибудь... помогите... Шелтон... Мартинес... как же больно, черт возьми... я не хочу... не хочу... Терри... Терри...»

В жалкой попытке бороться с неизбежным, я слабо дернулся еще раз, затем ощутил, как мое тело куда-то повернулось, а после сознание погасло и наступила бездонная тьма. За ней пришла боль. Непереносимая, адская, ослепляющая все вокруг боль. Она была последним связующим звеном, что слабой нитью соединяла меня с внешним миром. Следом все оборвалось...

***

Несколько секунд на полу неподвижно лежал человек. На его некогда красивом, мужественном лице запечатлелось выражение бесконечного отчаяния и жестокой безмолвной муки. Темные, чуть заметно вьющиеся волосы растрепались и небрежно спадали на лоб, посиневший рот застыл в немом крике. С виду казалось, будто человек мертв, однако вскоре он открыл глаза и сделал глубокий судорожный вдох. Еще через мгновение изо рта у него пошла густая кровавая пена.

Когда кровь хлынула также из его носа и ушей, он издал протяжный душераздирающий вопль. На секунду тот сменился сдавленными всхлипами, но тут же снова перешел в этот жуткий вопящий крик. Все его тело билось в страшной агонии – конвульсии сменялись судорогами, конечности, спина и грудь изгибались под невыносимыми углами, отчего представлялось, будто вот-вот те не выдержат и с громким хрустом переломятся сразу в нескольких местах.

Корчась от боли, человек испытывал дикие страдания и кричал еще очень долго. Так долго, что казалось этому не будет конца. Но конец наступил.

Спустя время с пола поднялось существо с обезображенным, искаженным от злобы лицом. От прилива крови глаза его были черны, из разверзнутой пасти хлопьями свисала красная пена. Встав на обе ноги, оно издало булькающий звук, затем резко взвизгнуло и осмотрелось вокруг.

Разглядывая окружающее пространство сквозь мутно-красную пелену, существо пыталось приноровиться к

незнакомым ранее ощущениям в теле. До его слуха доносились отдаленные крики и хрипы людей, но откуда-то оно знало, что его соратники справятся с ними.

Пока, пошатываясь, оно стояло в центре залитой кровью комнаты, в его примитивном мозгу билась одна отчетливая мысль – совсем скоро, когда яркий, опаляющий зрачки свет погаснет, а затем придет крошечная тьма, он присоединится к армии своих новых братьев. А еще перед его внутренним взором стояли два лица. Одно принадлежало белокурой девочке с синими глазами, второе темноволосой молодой женщине с кривым шрамом на лбу.

Существо не знало их имен, но испытывало несокрушимую уверенность в том, что ему необходимо отыскать их обеих. Они должны быть с ним. Должны присоединиться к нему.

Эпилог

Огромный ярко-алый солнечный шар медленно опускался вниз. Направляясь за линию горизонта, он озарял красноватым сиянием затерянный среди тихоокеанских вод небольшой вулканический остров, раскрашивал в розовый низко плывущие по небу громады косматых облаков, вычерчивал рельефные контуры двух горных хребтов. Как силуэт бредущего по пустыне верблюда, двумя горбатыми глыбами они вздымались над землей и караулили с юга широкую, дугой изогнутую лагуну.

Кружащие над волнами черноголовые крачки оглаша-

ли небесный простор резкими воплями. Заметив добычу, стремглав они бросались в воды Тасманова моря, затем с той же стремительностью выныривали на поверхность и опять взмывали ввысь. Сжимая в клюве пойманную рыбешку, быстрокрылые птицы кружились над опоясывающим остров коралловым рифом, а за их маневрами наблюдала совсем еще юная девушка.

Зарыв босые ступни в прибрежный песок, в задумчивой позе она сидела у самой кромки безлюдного пляжа. Ее длинными волосами играл вечерний бриз и временами девушка нетерпеливым жестом убирала их от лица. За спиной у нее тихо шумела сосновая роща, на раскинувшихся слева холмах в такт шальному южному ветру кивали макушки высоких пальм. Исходящий от рощи смолисто-хвойный аромат смешивался с крупинками морской соли, наполнял ноздри волнующим запахом, вызывал у девушки смутную тоску.

Она часто приходила сюда. Задирая голову кверху, подставляла закатным лучам загоревшее, с россыпью мелких веснушек лицо и бездумно следила за полетом крикливых птиц. При взгляде на нее, стороннему наблюдателю могло показаться, будто на всем земном шаре нет никого безмятежнее, однако притаившееся в синих глазах выражение выдавало навсегда поселившуюся в ее душе грусть.

Сегодня для нее был особенный день. Ровно три года назад в этот день пропал ее отец. После смерти матери он остался ей единственным родным человеком, но, как и четыре

миллиарда других людей, его забрала разразившаяся на планете смертоносная эпидемия. Что в действительности с ним произошло, она не знала – возможно, он давно уже мертв, а может, зараженным существом скитается по улицам лежащего у берегов Атлантики огромного, некогда густонаселенного города.

Весь мир лежал теперь в руинах, а она, вместе с горсткой других чудом выживших, оказалась занесена на отделенный от большой земли остров. Без шанса когда-либо вновь попасть в родные края, она провела на нем уже почти два года. Сюда не добрались липкие щупальца страшной заразы и этот небольшой клочок суши, как и несколько подобных ему, являлся одним из последних оплотов цивилизации. Оплотов, где человек еще мог спокойно жить и предаваться воспоминаниям о навсегда утраченном безопасном и комфортном существовании.

– Так и думала, что найду тебя здесь, – раздался у нее за спиной тихий, чуть хрипловатый женский голос. – Опять ты сидишь с босыми ногами? Холодно ведь...

На песок подле нее села молодая женщина с доходящими до середины спины темными локонами. На ее плечи был накинут теплый шерстяной плед, в который, едва примостившись рядом, она укутала девушку, а еще через мгновение на берег с громким лаем выскочил большой лохматый пес. Потешно размахивая хвостом, он принялся гоняться за сидящими у воды птицами, с грозным рычанием рыть песок и

шумно отряхиваться, пока наконец не уgomонился и не лег у ног своей хозяйки.

Наблюдая за его проделками, девушка со слабой улыбкой произнесла:

– Разве это холодно?

– Ну не забывай, что сейчас здесь зима, – потрепав по холке успокоившегося пса, ответила женщина.

На календаре значилось двадцать шестое июля. Обычно в эти летние месяцы на острове льют затяжные дожди, а температура воздуха опускается до пятнадцати градусов, однако уходящий день выдался на редкость ясным и теплым. Провожая его, две женские фигуры долго сидели в убаюкивающем молчании, но когда огненный шар почти скрылся из виду, старшая восхищенно протянула:

– Как же красиво... Кажется, я никогда не привыкну к этим сумасшедшим закатам...

– Там закаты тоже были красивыми.

– Да, но не такими как здесь, – возразила женщина. После того, как солнце окончательно уплыло за морской горизонт, она с настойчивостью произнесла: – Пойдем-ка в дом, Терри. Пора ужинать, а потом Лора почитает нам одну интересную книгу. Это история про...

– Марта, ты думаешь, он умер? – неожиданно спросила девушка.

Сосредоточенно разглядывая проступившие в небе огни далеких созвездий, женщина долго не отвечала. Сегодняш-

ний день для нее тоже являлся датой скорби, да и вопрос, заданный ее младшей собеседницей, был не из легких. Для себя она уже давно нашла на него ответ, но вот произнести его вслух никак не решалась. Наконец тяжело вздохнув, она сказала:

– Не знаю, милая, но ты ведь помнишь, что в том доме никого не нашли. Выходит, и он, и все остальные из его отряда оттуда ушли. А означать это может только одно...

– Да... – опустив голову вниз, с тоской согласилась девушка. – Но в таком случае он заражен и есть шанс...

– Терри, прошло слишком много времени, ты же знаешь. Я бы тоже хотела на это надеяться, но нет никаких шансов. Всего два удачных случая и в обоих заражение длилось не больше месяца, а твой папа пропал три года назад, так что... Не стоит питать напрасных иллюзий. – Эту фразу она проронила с затаенной, только ей одной понятной горечью. – Пойдем в дом, Лора нас уже заждалась. Йорк, мы уходим, – обращаясь к псу, прибавила она.

Все трое поднялись с песка и по убегающей вглубь острова тропинке направились к нависающему над океаном утесу. Там, на самом его краю, особняком от других стоял крошечный, на низких деревянных сваях дом. Они долго шли к нему, встречая по пути возвращающихся с вечерней мессы соседей, петляли между сосен и пальм, проходили мимо уютных сквериков и разного рода строений, а когда приблизились к светящемуся теплым уютным светом порогу, девушка

остановилась и твердым голосом обратилась к своей спутнице:

– Я хочу вернуться туда, Марта. И я обязательно когда-нибудь туда вернусь.

– Непременно. Однажды мы обе туда вернемся, – грустно улыбнувшись, отозвалась та.